

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН

Я. М. Бергер

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ

Москва
ИД "ФОРУМ"
2009

УДК 338.2(510)
ББК 65(5Кит)
Б48

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

*д.э.н. Л. В. Новоселова;
к.э.н. З. А. Муромцева*

Ответственный редактор

д.э.н. В. И. Шабалин

Бергер Я. М.
Б48 Экономическая стратегия Китая / Я. М. Бергер. — М. :
ИД «ФОРУМ», 2009. — 560 с.

ISBN 978-5-8199-0413-8

Экономическая стратегия — маршрутная карта, пролагающая древней китайской цивилизации путь к высотам современного мира. Главным локомотивом движения служит государственная власть, соединяющая свою политическую волю, мобилизационные и идеологические ресурсы с могучими механизмами рыночной конкуренции. Об эффективности такого соединения свидетельствует многократно возросшая национальная мощь страны, сохраняющаяся в КНР на протяжении более трех десятилетий социально-политическая стабильность и поступательно возрастающая зажиточность населения.

О том, как складывалась китайская экономическая стратегия, как она функционирует, каким образом встречает вызовы современного финансово-экономического кризиса, каковы ее перспективы, рассказывается в этой книге, предназначенной для широкого круга специалистов, преподавателей, студентов, а также для читателей, интересующихся современным Китаем.

**УДК 338.2(510)
ББК 65(5Кит)**

ISBN 978-5-8199-0413-8

© ИДВ РАН, 2009
© Бергер Я. М., 2009
© ИД «ФОРУМ», 2009

Введение

Грандиозность китайских долгосрочных целей адекватна великой истории и культуре Китая, трудолюбию, энергии, динамичности китайской нации, ее современному геополитическому положению в мире.

Мечта о возрождении Китая после того, как в новое время вследствие опережающего развития европейцев и последующей иностранной колонизации он был низведен до положения третьеразрядной нации, никогда не исчезала, приобретая лишь новые формы. В какие бы идеологические одеяния ни облачались перспективы долгосрочного развития Китая: коммунистические, социалистические, модернизационные, реформистские, глобалистские — все они сводятся по существу к традиционной китайской максиме: «сильное государство, богатый народ». Обе части максимы неразрывно связаны между собой, одна без другой существовать не может. Без сильного государства народу не стать богатым, без богатого народа у государства нет силы. Тем не менее, акценты на разных исторических этапах могут перемещаться.

В конце 70-х годов прошлого века в глобальной стратегии Пекина наступил крутой поворот. Вызов, который Китай ранее предъявлял человечеству, прежде всего, непосредственно в геополитической и идеологической сфере, уступил место вызову по преимуществу экономическому. Отчего он, однако, не теряет, по большому счету, ни своей геополитической, ни идеологической значимости, обретая, тем не менее, принципиально иную, неизмеримо более мощную материальную основу.

Сегодня путь к реализации этих целей на ближайшую перспективу пролегает через *«всестороннее строительство общества сяокан»*. Эта формула была впервые выдвинута в документах XVI съезда КПК осенью 2002 г. Она заменяла собой прежнюю формулу: *«строительство общества сяокан»*, выдвинутую еще Дэн Сяопином и предусматривавшую увеличение производства ВВП на душу населения до 800—1000 долл. к концу прошлого

века. Этот уровень означал для Китая решение важнейшей задачи начального этапа реформ — обеспечения «тепла и сытости» для подавляющего большинства населения страны.

«Всестороннее строительство общества *сяокан*» предполагает не только существенное повышение жизненного уровня населения — до показателей стран со средними доходами или несколько более высоких, но и увеличение образовательного ценза, ожидаемой продолжительности жизни, ликвидацию абсолютного обнищания, короче, все то, что связывается со «среднезажиточным обществом», или «*сяоканом*».

Вместе с тем значительно упрочивается и «сила государства». Китай из державы региональной, постепенно наращивающей свое влияние на мир, становится державой глобальной, способной «еще более активно и конструктивно» вести за собой мировое сообщество, как пишут некоторые китайские аналитики.

Китай ставит своей целью создать на своей территории, где в перспективе нынешнего столетия будут обитать более 1,5 млрд человек, общество, которое ни в чем не станет проигрывать нынешнему «золотому миллиарду». Ни по масштабам экономики, ни по уровню благосостояния народа, ни по роли в научно-техническом прогрессе, ни по влиянию на глобальные процессы. Но то, чего достигли страны с высокими доходами за три столетия, КНР собирается обрести за один текущий век.

Нынешний «золотой миллиард» обрел свое могущество и обеспечил высокий уровень жизни для подавляющего большинства населения, создав политические, экономические, нравственные и социо-культурные нормы и институты, мобилизующие все потенции человека на умножение личного и общественного богатства. На этом пути он прошел через многие разрушительные кризисы и войны, через лишения и страдания менее удачливого большинства человечества. Китай хочет воспользоваться достижениями более развитых стран, обойдя при этом западни и ловушки, не допуская внутренней или внешней дестабилизации своего курса.

Развитые страны проходили этап индустриализации, имея в своем распоряжении практически неограниченные энергетические и сырьевые ресурсы всего мира. Собственные ресурсы Китая невелики, а доступ к глобальным ресурсам лимитирован жесткой конкуренцией.

Выстраивая свою долговременную стратегию выхода на мировые рубежи развития человечества, Китай укладывает ее в русло

современных общемировых процессов и тенденций, но старается, по возможности, спрямить их трассу. Ради этого «классическая» модернизация, определяющая переход от аграрного общества к индустриальному, совмещается со второй модернизацией, знаменующей дальнейшее движение к «обществу знаний». Задачи индустриализации стремятся решать на новой основе, создаваемой инновациями и научно-технологическим прогрессом.

Выдвижение на передний план экономики означало не столько изменение существа стратегических целей, сколько иное их толкование. Но подобная трансформация, тем не менее, повлекла за собой коренной пересмотр используемых средств. В свою очередь, это ведет к качественному преобразованию самой китайской элиты, ее интересов, а стало быть, и способа ее формирования.

Набор путей и методов, используемых для достижения стратегических целей, по мере усложнения экономики тоже становится все более отточенным и многообразным. Он поэтапно обновляется: по мере того, как достигаются одни рубежи и на горизонте появляются новые.

Первоначально приоритетная ставка на ускорение экономического роста означала, прежде всего, максимальное использование единственного сравнительного преимущества, которым располагал Китай в стремлении к глобальному лидерству: огромного потенциала дешевой рабочей силы. Плюс безотчетное расходование ограниченных естественных ресурсов, которыми природа достаточно скудно наделила страну. Привлечение инвестиций этими двумя стимулами было главным двигателем роста промышленного производства, нацеленного в значительной мере на удовлетворение потребностей нынешнего «золотого миллиарда». Теперь на повестку дня в большей мере становятся интересы комплексного и более интенсивного развития китайского социума и человека, предполагающие в том числе преодоление тех проблем и диспропорций, которые возникли и обострились на предыдущем, экстенсивном этапе.

Выдвижение именно экономических, а не политических преобразований в качестве приоритетной сферы приложения усилий правящей партии и государства в Китае при переходе к курсу реформ имеет свой особый социо-культурный смысл. Отход от тысячелетней конфуцианской традиции пренебрежения коммерцией как низкой сферой человеческой деятельности и все более тесная уния государства с бизнесом, с рынком означают и расши-

рение возможностей вертикальной мобильности для талантливых людей из нижних слоев общества. Формирование «человека экономического», развитие его предпринимательских и организационных способностей открывает существенно более разнообразные шансы, нежели только продвижение по бюрократической лестнице властных структур в рамках nepoтизма и протекции.

Более того, одновременно идет и процесс постепенного формирования принципиально иной системы социальных связей. В жестко структурированном иерархическом обществе сигналы для его членов, как поощрительные, так и запретительные, шли исключительно сверху вниз. Обратного движения почти не было. Крайне слабыми были и сигналы, распространяемые по горизонтали. Не случайно Сунь Ятсен называл такое общество «кучей песка», в которой отдельные частицы были очень слабо связаны друг с другом. Формирование общегосударственного рынка и соответствующие преобразования в других сферах общественной жизни рожают принципиально иные отношения, цементирующие общество и создающие иные, более благоприятные условия для оптимизации общественного управления. Правда, лишь в том случае, если дезинтегрирующий эффект развития рыночных отношений в патриархальном обществе, который также не следует сбрасывать со счетов, не станет преобладать над интегрирующим. Но именно здесь важные импульсы должны исходить от государства.

Утверждение столь значимых перемен в ценностных ориентациях и поведении людей, конечно, требует времени, исчисляемого поколениями, но движение в новом направлении началось. Без этого были бы невозможны те успехи, которых добился Китай в реформировании своей экономики.

Лозунг «экономика — прежде всего» первоначально означал установку на стимулирование экономического роста всеми доступными средствами и способами. Для обеспечения высоких темпов роста на длительное время было необходимо, чтобы сильная и видимая рука государства дополнялась все более мощной «невидимой рукой» рынка. Отсюда проистекали отказ от плановой экономики, в которой государство оставалось «одноруким», проведение структурных реформ и открытие китайской экономики внешнему миру.

Поэтому перенесение центра внимания на экономику, а затем и последовательное включение рыночных механизмов означали серьезный пересмотр принципиального предназначения и

функций авторитарной власти. Затем в ходе перестройки экономики понадобились дальнейший пересмотр ее полномочий, сокращение компетенции в одних областях одновременно с усилением — в других.

Идея развития рыночных отношений, а затем и гражданского общества под покровительством сильной государственной власти в корне противостоит концепциям неолиберализма. Один из его основоположников Ф. Хайек был убежден в том, что рынок, как и любой социальный порядок, формируется естественным путем, без какого-либо вмешательства извне¹. Возможно, это отчасти справедливо в отношении тех стран, где на такой процесс историей были отпущены столетия. Однако даже и в данном случае вряд ли можно утверждать, что принятие, к примеру, кодекса Наполеона во Франции или введение земского судопроизводства и отмена крепостничества в России, или антимонопольное законодательство в США не способствовали утверждению рыночных отношений. Отчего же странам, которые отстали в своем развитии и стремятся в короткие сроки устранить отставание, не употребить для утверждения рыночных норм и институтов законодательную, исполнительную и судебную силу государства?

История доказала, что становление либеральной рыночной экономики может происходить достаточно успешно и без немедленной политической демократизации режима, по крайней мере, на ранних стадиях этих процессов. Об этом свидетельствует, в частности, опыт Китая, который почти с самого начала реформ куда более решительно двинулся в сторону рынка, чем Индия, крупнейшая демократия мира. Не стоит забывать и наш собственный, российский опыт, приведший страну к одному из последних мест в мире по степени либерализации экономики вследствие попыток сперва радикализовать демократизацию режима.

Практика реализации китайских реформ подтвердила, что в государстве с переходным типом экономики и политического строя эффективная и устойчивая либерализация экономики может быть достигнута лишь при сильной власти. Решающее значение здесь имеет то обстоятельство, что только сильная власть может ставить долгосрочные цели и обладает достаточной политической волей и средствами мобилизации для того, чтобы эффективно добиваться их осуществления. Такая власть способна обеспечить конкурентоспособность государства на мировой арене, прежде всего, путем проведения рациональной промыш-

ленной политики, учитывающей сравнительные преимущества своей экономики. Путем обеспечения законных прав субъектов отечественного рынка и их взаимной честной конкуренции. Путем материального и морального стимулирования предпринимательской и трудовой активности населения. Путем поддержки фундаментальной науки, повышения качества человеческого капитала и защиты среды обитания. Попытки либерального преобразования экономики при слабой власти в лучшем случае имеют лишь краткосрочный позитивный эффект, который сопровождается дальнейшим ослаблением власти или даже ее полным развалом, что может вести либо к полной утрате всякой социальной ориентации рыночных трансформаций, либо, в качестве реакции, к возврату большего или меньшего дирижизма в экономике.

По мере становления рыночной экономики роль авторитарной власти не убывает, но ее функции и формы реализации меняются. Вопреки убеждениям радикальных либералов (повторяющих в этом отношении, как ни парадоксально, взгляды некоторых последователей утопического социализма) значение государства в переходном обществе не должно минимизироваться². Оно может лишь видоизменяться, что одновременно ведет к трансформации правительственных функций и структур. Применительно к экономике это проявляется в замене прямых методов управления косвенными, директивного планирования — индикативным планированием и прогнозированием, в переносе центра тяжести государственного присутствия с микроэкономического уровня на уровень макроэкономического регулирования, в возрастающей замене административных средств регулирования экономических процессов рыночными.

Как отмечает один из видных китайских экономистов Гао Шанцюань, «для Китая не существует вопроса, должно ли правительство вмешиваться в экономику, поскольку не только неизменно существует «вмешательство» правительства в экономическую деятельность в процессе перехода к рыночной экономике, но и по-прежнему сравнительно широко распространено прямое вторжение в рынок. Для экономики, находящейся в процессе перехода, более насущной является дискуссия о том, какое вмешательство на данном этапе является необходимым, но в дальней перспективе из него следует «выходить», из какого вмешательства нужно «выходить» как на настоящем этапе, так и в дальней перспективе, какое вмешательство на настоящем этапе слишком «слабо» и его в дальней перспективе необходимо уси-

лить и в каком вмешательстве мы нуждаемся как на настоящем этапе, так и в дальней перспективе. Только ответив на эти вопросы, можно правильно уяснить и отладить отношения между правительством и рынком в переходной экономике»³.

Собственный опыт рыночных преобразований в Китае, равно, как и опыт других стран с переходной экономикой, убедил китайское общество в недопустимости абсолютизации назначения рынка, в тщетности надежд на то, что рынок сам по себе способен все исправить и все поставить на свое место. Стало ясно, что рынок несет с собой не только позитивные следствия, но и немало негативных, для предотвращения и устранения которых, в частности, также требуется вмешательство сильного государства, гибко и выборочно использующего широкий арсенал имеющихся у него средств соответственно меняющейся обстановке. Запаздывание такого вмешательства или неадекватная реакция могут способствовать усугублению негативных явлений.

Государство, отказываясь от непосредственного участия в микроэкономике, сосредоточивает свои усилия на макроэкономическом уровне, где оно призвано, прежде всего, поддерживать стабильность, которую не способен автоматически обеспечивать рынок. С помощью финансовой, монетарной, фискальной политики и иных средств оно осуществляет макрорегулирование, нацеленное на выправление и недопущение особенно опасных дисбалансов. Государство осуществляет также контроль и надзор за функционированием рынка, с тем, чтобы оно находилось в установленных законом рамках. Любое ослабление контроля оставляет поле для злоупотреблений. Эти простые истины в полной мере подтвердил глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2007—2008 гг.

Роль чисто административных методов, применяемых государством для стимулирования экономического роста, сказывалась в КНР наиболее позитивно на начальной стадии осуществления рыночного курса — в первой половине 90-х годов прошлого века. После этого их негативный эффект стал преобладать над позитивным. Сохранение за государством почти безграничных возможностей распоряжаться земельными и финансовыми ресурсами и роли ведущего инвестора способствовало упрочению экстенсивной модели роста. Ситуация, при которой включение факторов производства в рыночные отношения запаздывает по сравнению с другими секторами экономики, объективно создает условия для чрезмерного обогащения меньшинства об-

щества за счет большинства. Огромные капиталы и состояния формируются путем принудительных изъятий земли у крестьян и бедных горожан с последующей ее перепродажей, застройкой и спекулятивной торговлей недвижимостью.

Иными словами, экономике переходного типа, какой является сегодня и будет оставаться на достаточно длительную перспективу китайская экономика, макрорегулирование и управление в возрастающей степени опираются на рычаги и возможности рынка.

Правительство из экономического демиурга превращается в орган, исполняющий преимущественно сервисные функции, что, однако, нисколько не умаляет его роль. Такие функции чрезвычайно важны для нормальной жизнедеятельности рыночной экономики, поскольку включают такие необходимые для нее области, как создание благоприятной среды для развития путем эффективного макрорегулирования и управления, как среднесрочное и долгосрочное планирование и прогнозирование, как информационное и инфраструктурное обеспечение. Неизменной остается задача поддержания и укрепления экономической безопасности страны, включая такие ее составные части, как безопасность энергетическая, продовольственная, финансовая. Наряду с этим все более актуальной становится такая относительно новая область, как предотвращение кризисов и кризисное управление. Необходимость повышенного внимания к этой сфере в полной мере доказали Азиатский кризис 1997—1998 гг., эпидемия атипичной пневмонии 2003 г. и глобальный финансовый кризис последних лет.

Предоставление правительственных услуг не может ограничиваться только экономикой. В не меньшей, если не в большей, мере нуждается в них социальная сфера. Первостепенное значение имеет обязанность государства обеспечить каждому гражданину минимальные условия для существования и развития и предоставить ему те необходимые для этого общественные услуги, которые рынок не способен или не желает предложить, или же предлагает за непосильную цену. Китайскому государству предстоит значительно усилить свою роль в регулировании распределительных отношений с помощью фискальной и иной политики с тем, чтобы сократить неоправданную поляризацию общества. Оно не может снять с себя заботу о постоянном расширении трудовой занятости, о создании всеобъемлющей системы социального страхования, поддержке слабых социальных групп

населения и депрессивных регионов, о развитии здравоохранения и базового образования. Главным во всей этой деятельности для государства остается действенное утверждение в обществе равенства шансов и справедливости. Реализация функций государства в социальной сфере, как и в экономике, включает в себя рациональное использование рыночных механизмов и частного капитала и всемерное развертывание роли неправительственных институтов, включая различные фонды и ассоциации, что также способствует развитию демократических начал в обществе и государстве.

Таким образом, задачи, стоящие перед государством в экономике и социальной сфере, с течением времени и восхождением на новые ступени развития не становятся проще. Напротив, можно сказать, что они усложняются, прежде всего, потому, что повышается цена ошибок, для предотвращения которых необходимы всесторонне взвешенные и тщательно просчитанные шаги и более сложные методы их реализации. Все это требует совершенствования как механизма и процесса принятия решений, так и контроля за ними со стороны общества, включая создание для этого необходимых условий: большей гласности и открытости, детальной кодификации деятельности правительственных органов на всех уровнях и их ответственности перед обществом.

Предстоит долгий и нелегкий путь по преодолению не только тоталитарного наследия нескольких десятилетий, но и вековых традиций самоценности и самодостаточности чиновничества, его неподотчетности обществу, с одной стороны, и бесправия, безучастия и отстраненности от власти подавляющего большинства населения — с другой. Китайское общество все более убеждается в том, что демократию нельзя ввести сверху легко и быстро, путем указов и распоряжений. Реализация тезиса о народовласти (*чжу цюань цзай минь*) требует немалых усилий, направленных как на формирование соответствующего общественного сознания, так и на выработку средств и каналов по его воплощению.

Последовательный переход ведущей роли в распределении ресурсов от государства к рынку, провозглашенный в ноябре 1993 г. 3-м пленумом ЦК КПК 14-го созыва, означает поступательное самоограничение ряда собственно авторитарных способов отправления властных полномочий и сокращение сферы их применения, что, в конечном счете, должно привести к сущностному демократическому преобразованию авторитаризма. Этот

эволюционный процесс, начавшись с экономики, постепенно включает в себя и другие сферы общественной жизни. Тем самым демонстрируется переходный характер авторитаризма как политической системы.

Поскольку рынок нуждается в законодательном установлении правил игры, постольку на повестку дня встала задача создания правового государства, сокращения пространства для принятия произвольных решений, повышения и укрепления реальной самостоятельности и независимости субъектов рынка, субъектов гражданского права, корпоративных и индивидуальных, юридических и физических. Все это составляет необходимые, хотя, разумеется, пока и недостаточные, предпосылки для возможной последующей демократизации политических отношений.

В дореформенном Китае, как и в Советском Союзе и иных государствах с тем же строем, экономика не менее, чем политика и идеология, служила опорой тоталитарной власти. Государство было не только основным инструментом для повышения материального благосостояния преобладающей массы, но и подчас единственным источником жизненных средств для выживания.

Становление рыночных отношений и негосударственного сектора экономики разрывает эту связь, создает иную и для растущей части общества более выгодную альтернативу. Государство перестает непосредственно ведать всей экономической деятельностью общества, что и кладет начало перехода от тоталитаризма к авторитаризму.

В собственно государственном секторе китайской экономики такой разрыв начался с разделения административных и предпринимательских функций предприятий. Повышение самостоятельности предприятий способствовало встраиванию их в механизмы рынка. Тем самым государство, правительство стали постепенно отстраняться от непосредственного распоряжения экономикой, переставали быть субъектами микроэкономической деятельности, оставаясь таковыми в макроэкономике.

Дальнейший шаг — трансформация отношений собственности, затрагивающая уже не только экономику, но и социальную сферу. Утверждение прав собственности способствует становлению социальной инфраструктуры демократии. Важнейшее значение имеет в этом отношении закрепление прав негосударственной, в первую очередь, частной собственности. Разумеется,

разгосударствление собственности, как и многие иные реформы, проводимые административными методами, при отсутствии в полной мере демократических механизмов и процедур, не может не служить интересам осуществляющей его бюрократии. Но одновременно этот процесс способствует и эволюции общественных отношений.

Последовательное уравнивание в правах различных форм собственности способствует тому, что ранее дискриминировавшиеся представители частного капитала, как связанные с государственной и партийной номенклатурой, так и, в меньшей степени, относительно независимые от нее, начинают принимать участие как в экономической, так и в политической власти. В лице среднего класса создается новая социальная база правящей элиты. Но демократизация, разумеется, не может ограничиться участием во власти только привилегированных слоев. Она будет крайне ограниченной и непрочной без достаточно широкого включения в этот процесс городских и сельских низов общества, которые получили пока относительно меньший выигрыш от реформ и модернизации.

Признавая важнейшей целью политической реформы построение правового государства, китайское руководство стремится к тому, чтобы изменения политической системы происходили плавно и безболезненно. Наиболее осторожно оно относится к введению представительной демократии и, особенно, к всеобщим выборам.

Таким образом, речь идет о поступательном процессе, ведущем в перспективе к формированию гражданского общества, которое будет способно стать партнером и оппонентом авторитарной власти. Важной составной частью этого процесса является постепенное перераспределение властных ресурсов между элитой и обществом, в пользу последнего, более справедливое наделение этими ресурсами различных социальных групп, что дало бы возможность действенного учета и согласования их интересов.

Поступательной эволюции не только экономики, но и других сфер общественной жизни способствует активное включение Китая в процессы глобализации. Китайское руководство с самого начала провозгласило неразрывную связь рыночных реформ с открытостью страны внешнему миру. Стремление повысить конкурентоспособность своей экономики в мировом масштабе и тем самым утвердить Китай в качестве одной из ведущих держав становится важным фактором внутренних преобразований. Не-

обходимость постоянно совершенствовать инвестиционную среду для привлечения иностранного капитала и обеспечивать наибольшее благоприятствование для экспансии собственных товаров и капиталов служат дополнительным, а иногда и основным стимулом для приведения многих внутренних норм и институтов в соответствие с международными стандартами. Это движение особенно ускорилося в связи со вступлением Китая в ВТО.

Глобальная конкуренция, с одной стороны, и постепенное исчерпание тех ресурсов, которые дали старт китайскому «экономическому чуду» — с другой, требуют настоящего поиска новых источников развития и новых институциональных реформ. Особые надежды связываются с преобразованиями социальной сферы и инновациями.

Нельзя не упомянуть еще об одном важном факторе китайской модернизации под эгидой постепенно реформируемого авторитаризма. Это — конструктивная роль элиты, причем не только политической и экономической, но и интеллектуальной, творческой. Большая часть ее, поддерживая и внося свою лепту в преобразования, проводимые авторитарным режимом, стремится к его дальнейшей трансформации и демократизации в тесном контакте с политической элитой, с властью. Важно подчеркнуть, что при всей открытости Китая Западу, при том, что в китайской экономике утверждаются международные рыночные нормы и институты, китайская элита в своем большинстве четко ориентирована на национальные ценности, на национальные интересы и национальные цели. Здесь сказывается в очень большой мере китайская традиция, как очень давняя, так и современная. При этом, разумеется, нельзя упускать из виду, что наряду с позитивным, конструктивным наследием патриотического национализма, становящегося важным, если не важнейшим, фундаментом возрождения китайской нации, могут наследоваться и далеко не лучшие традиции, связанные, в частности, и с великодержавным шовинизмом, в том числе и из сравнительно недавнего прошлого.

Подавляющая часть элиты разделяет приверженность главной цели — мирному возвышению Китая, обретению им как минимум тех высот, которых он достигал в лучшие периоды своей истории. А это требует поддержания социальной и политической стабильности, гармонизации внутренних и внешних конфликтов. Отсюда — стремление обеспечить, с одной стороны, необходимую преемственность власти, ее основополагающих структур

и установок, а с другой — периодическое и предсказуемое обновление ее состава, одновременно с постепенной эволюционной трансформацией задач и механизмов их реализации. В условиях нестабильности можно ожидать чего угодно только не эволюции режима. Демократия из хаоса родиться не может. Она может взреть лишь в результате постепенного ограничения простора для произвола и кодификации отношений между государством, человеком и обществом.

Установление оптимального соотношения современных институтов и норм с традиционными ценностями, другими словами, соотношения модернизации и стабильности есть также одна из важных задач развития. Преобладавшая до последнего времени модель экономического роста, опиравшаяся на экстенсивное использование дешевой рабочей силы и почти что бесплатных природных ресурсов и ориентировавшая общество на увеличивающееся по экспоненте поглощение все больших объемов товаров и услуг, по примеру потребительских обществ Запада, явно входит во все большее противоречие с привычными для Китая этическими установками на скромность и бережливость. Корректировка этой модели в сторону большей увязки экономических задач с ресурсным потенциалом и потребностями развития человека в значительно большей мере соответствует китайским традициям и в этом смысле может способствовать совершенствованию модели общественного развития.

Отношения между государством и рынком, между властью и бизнесом, имеющие решающее значение для реализации китайской экономической стратегии, составляют основное содержание данной книги. Эти отношения раскрываются в разных ракурсах, непосредственно и опосредованно, во внутреннем и внешнем преломлении. Каждая институциональная реформа, осуществляемая в той или иной сфере экономики, не может не затрагивать так или иначе функции как государства, так и бизнеса, не стремиться к их рациональному балансу и оптимизации. Удачное или неудачное решение этих задач в очень большой степени определяет успех или неуспех долговременного развития.

Именно с этих позиций рассматриваются этапы становления китайской экономической стратегии, стратегические цели и пути их достижения, механизмы, движущие силы и ограничители экономического роста. К сожалению, в таком ракурсе представляется возможным рассмотреть не все важные проблемы экономики. В эту схему не вполне укладываются, в частности,

процессы, происходящие в эволюции китайской деревни. При всем том колоссальном значении, которое деревня, крестьянин, сельское хозяйство до сих пор сохраняют для китайского общества, развитие рынка в агросфере — как в отраслевом, так и в территориальном разрезе — сильно ограничено. Поэтому говорить о сколько-нибудь продвинутом взаимодействии государства и бизнеса и о его перспективах в этой области достаточно сложно.

На первом этапе реформистского курса, как известно, именно деревня стала локомотивом рыночных преобразований, и автор настоящей работы посвятил этим процессам свою докторскую диссертацию и специальную монографию. В последующие годы все происходящее в агросфере достаточно детально изучалось другими российскими исследователями (Л. Д. Бони, Л. А. Волковой, И. Н. Коркуновым). За это время в деревне, несомненно, произошли немалые позитивные изменения, но принципиальные параметры сельской экономики, такие, как аграрная перенаселенность, малоземелье, мелкокрестьянское хозяйство, отсутствие крестьянской собственности на землю, остались прежними. Поэтому говорить о реальном стратегическом выходе китайской деревни из отсталости пока преждевременно. Соответственно аграрной сфере в книге уделено меньше внимания, чем она, безусловно, того заслуживает.

То же самое можно сказать и о некоторых других важных проблемных областях: демографии, экологии, энергетике и т. д. Единственным утешением для автора служит здесь нетленная мысль К. Пруtkова о невозможности объять необъятное, да еще то обстоятельство, что все эти области достаточно основательно анализировались в отдельных работах, которые использованы и в настоящей публикации.

Экономическая стратегия Китая за три десятилетия рыночных реформ и открытости кардинально преобразовала страну. Создан огромный потенциал дальнейшего долговременного развития. Превращение Китая в одну из самых мощных экономик мира существенно меняет всю архитектуру мировых экономических и политических отношений. Эти тенденции привлекают самый живой интерес к дальнейшим перспективам Китая, в том числе и в первую очередь в России, которая является его ближайшим соседом и стратегическим партнером. Автор выражает надежду на то, что настоящая книга в какой-то мере может содействовать удовлетворению такого интереса.

Примечания

¹ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 15 и далее.

² Один из основоположников современного либерализма Людвиг фон Мизес сводил функции государства исключительно к защите жизни, здоровья, свободы и частной собственности граждан. «Все, что выходит за эти рамки, представляет собой зло». — *Mises L. Liberalism in the classical tradition*. N.-Y., 1985. P. 52.

³ Гао Шанцюань. Шэньхуа чжэнфу гайгэ ши гуаньчэ кэсюэ фачжань гуань ды гуаньдянь [Углубление реформы правительства — основное звено в научной концепции развития] // Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 23 декабря.

Глава 1

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПУТИ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

За три десятилетия, минувшие с момента 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, от которого ведется отсчет нынешнего курса на реформы и внешнюю открытость Китая, в стране произошли гигантские перемены, имеющие огромное историческое значение не только для китайской нации, но для мира в целом. Заложен прочный фундамент дальнейшего поступательного развития страны и укрепления ее международного веса на многие годы вперед. Китай сегодня не только с уверенностью смотрит в свое будущее, но и вносит важный вклад в мировое развитие, в решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством в XXI веке.

1.1. Ближние и дальние ориентиры

Экономические достижения Китая за время реформ и открытости можно кратко суммировать следующим образом:

- достигнуты очень высокие темпы экономического развития на протяжении длительного исторического периода. С 1978 по 2007 г. среднегодовые темпы роста составили 9,8 %, что более чем втрое превышает темпы роста мировой экономики. В результате китайская экономика переместилась с 10-го места в мире на 4-е, после США, Японии и ФРГ (рис. 1). В долларовом выражении объем ВВП в Китае составляет 23 % от объема ВВП США, 74,9 % от ВВП Японии и 99,5 % от ВВП ФРГ. ВВП в расчете на душу населения за вычетом ценового фактора увеличился почти в 11 раз. Доля Китая в мировом ВВП повысилась с 1,8 до 6,0 %. По мно-

Рис. 1. Источник: Составлено по Чжунго тунцзи няныцзянь. Пекин, 2008. С. 1019.

гим показателям производства Китай вышел на 1-е место в мире (табл. 1);

- объем товарного экспорта и импорта возрос с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 2173 млрд долл. в 2007 г., или в 105 раз, что позволило Китаю выйти на третью позицию в мировой торговле, а по объему золотовалютных ресурсов, достигших в 2008 г. почти 2 трлн долл., — на 1-е место в мире;
- Китай стал мировой фабрикой. Быстро развиваются многие высокотехнологичные, наукоемкие отрасли производства: электроника, биотехнология, производство новых материалов, фармацевтика, ядерная энергетика, вычислительная техника. Наряду с США и Россией Китай стал третьей космической державой мира;
- на основе экономических достижений намного повысился материальный уровень жизни народа. Среднедушевые располагаемые доходы городских домохозяйств за период с 1978 по 2007 г. увеличивались в среднем за год на 7,2 %, а чистый среднедушевой доход сельского населения — на 7,1 %. Численность населения, живущего в условиях абсолютной нищеты, сократилась более чем десятикратно: с 250 млн человек до 20 млн;
- коэффициент Энгеля (доля затрат на питание в общих потребительских расходах населения) в 1978 г. в Китае составлял 57,5 % в городе и 67,75 % в деревне. Сельское население находилось в состоянии абсолютной нищеты, а городское — едва сводило концы с концами. В 1995 г. коэффициент Энгеля в деревне все еще был равен 58,6 %, что свиде-

Таблица 1. Место Китая в мире по некоторым экономическим показателям

	1978 г.	2007 г.
ВВП	10	4
ВВП на душу населения	175 (188)	132 (209)
Стоимость экспорта и импорта	27	3
Сталь	5	1
Уголь	3	1
Нефть	8	5
Электроэнергия	7	2
Цемент	4	1
Минеральные удобрения	3	1
Хлопчатобумажные ткани	1	1
Зерно	2	1
Мясо	3	1
Хлопок	2	1
Соя	3	4
Арахис	2	1
Рапс	2	1
Сахарный тростник	7	2
Чай	2	1
Фрукты	9	1

Источник: База данных ООН и FAO; Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 1022. Цифры в скобках означают число стран, учитываемых в рейтинге.

тельствовало о крайне затруднительном положении сельского населения. Но у жителей городов и поселков этот показатель опустился ниже 50 %, и, по китайской классификации, они тем самым достигли уровня «сяокан», или «малого достатка». В 2001 г. на этот уровень поднялись и жители деревни с коэффициентом Энгеля в 47,7 %, а горожане, у которых этот показатель сократился до 37,9 %, на-

чали переходить на стадию зажиточности. К 2007 г. произошло дальнейшее снижение коэффициента Энгеля: у горожан — до 36,3 %, у деревенских жителей — до 43,1 %. При этом, конечно, остаются сельские районы, где положение существенно хуже, чем в среднем по стране. Существуют бедные группы населения и в городах;

- созданы микроэкономические основы рынка. Роспуск народных коммун и замена их семейным подрядом высвободили хозяйственную инициативу крестьян и дали толчок развитию волостно-поселковых предприятий, позволивших включить в производственный процесс более 100 млн крестьян и насытить рынок товарами. Реформирование государственных предприятий повысило их самостоятельность и эффективность как субъектов рыночной экономики. Становление негосударственных секторов способствовало развитию внутренней конкурентной среды и расширению эффективной занятости. Привлечение в страну иностранного капитала укрепило позиции КНР на мировых рынках, стимулировало технологический прогресс;
- намного повысилась роль рыночного механизма ценообразования. В сфере государственного контроля остаются лишь процентные ставки, тарифы на электроэнергию и воду, цены на нефтепродукты и коммунальные услуги, тогда как на подавляющее большинство товаров и услуг цены определяет рынок. Государственный контроль допускается лишь в случае возникновения серьезной инфляции и только как временная мера;
- частично сформирован рынок факторов производства, включая рынки труда, капитала, технологий, информации. В меньшей степени сфера его действия распространяется на землю и финансовые ресурсы;
- макроэкономическое регулирование государство осуществляет, опираясь, главным образом, на бюджетную и монетарную политику. Директивное планирование сменилось планированием индикативным и программированием;
- коренным преобразованиям подверглась система распределения. Наряду с распределением по труду действует распределение по другим факторам производства: капиталу, обладанию технологиями, управлению.

Все эти достижения, равно как и неизбежно сопутствующие им проблемы и недочеты, явились следствием целенаправленно-

го осуществления государственной стратегии развития и соответствующей модели экономического роста, определяемых правящей партией.

Формулирование сущности стратегических целей Китая восходит своими истоками, если иметь в виду только период существования КНР, к призыву Мао Цзэдуна построить к началу XXI века «мощную социалистическую промышленную державу». Эту идею Мао высказал в 1956 г. в статье, посвященной памяти Сунь Ятсена, устанавливая тем самым преемственность с Промышленным планом своего великого предшественника. Та же мысль была воплощена и в тезисе Чжоу Эньлая о двухэтапной («двухшаговой») стратегии созидания сильного социалистического государства с современным сельским хозяйством, современной промышленностью и современной наукой и техникой. Этот тезис высказывался им неоднократно в 50-е, 60-е и 70-е годы прошлого века.

Важное отличие нынешнего целеполагания китайской стратегии от прежнего состоит в том, что сегодня, в эпоху глобализации, расширились возможности опираться не только на внутренние, но и на внешние факторы. Разумеется и раньше внешние факторы принимались в расчет. Но тогда, их использование жестко лимитировалось идеологическими догматами и военно-политическим противостоянием двух миров. Сегодня, когда эти барьеры преодолены, в подходах к исследованию Большой стратегии Китая (*Grand Strategy*), ее целей и средств их реализации китайские ученые, как правило, исходят из интегрального **единства внутренних и внешних задач**, стоящих перед страной¹. В этом отношении они отличаются не только от тех своих предшественников, которые в большей мере призывали к опоре на внутренние силы, но также и от большинства западных экспертов, для которых, напротив, на первый план, как правило, выступают едва ли не самодовлеющие, по их мнению, геополитические и внешнеполитические аспекты китайской стратегии².

В глобальном плане китайская стратегия не только может использовать для достижения своих целей благоприятные возможности международного сотрудничества, но и должна отвечать на серьезные вызовы, преодолевать трудности и опасности, связанные с включением в мировую экономику. По мере увеличения своего экономического потенциала Китай все больше втягивается в глобальную конкуренцию за доступ к мировым источникам сырья и энергии и к мировым рынкам сбыта.

Один из ведущих исследователей и разработчиков Большой стратегии Китая Ху Аньган определяет ее двуединую цель формулой «сильное государство, богатый народ» (*цянь го фу минь*)³. В соответствии с этой формулой на ближайшие два десятилетия нашего века перед Китаем стоят следующие задачи:

- стать экономически крупнейшим государством в мире, существенно сократив относительное отставание от США по размерам совокупной национальной мощи (с трехкратного до двукратного), и войти по конкурентоспособности в первую десятку стран мира;
- поднять на новый уровень благосостояние народа, построить «общество среднего достатка» (*сяокан*);
- на основе непрерывного укрепления совокупной национальной мощи превратиться из региональной державы с глобальным влиянием в державу глобальную.

С самого начала стратегические цели имели достаточно узкое вещественное и численное выражение. Исходно это было связано с известным догматическим редукционизмом, с недостаточной широтой концептуальных горизонтов дореформенного времени, но распространилось и на начальный этап реформистского курса. Развитие понималось исключительно или по большей части как экономический рост, а последний сводился в лучшем случае к увеличению ВВП, а в худшем — к наращиванию производства определенных видов продукции. Для Мао Цзэдуна, как известно, это выражалось в магии объемов выплавки чугуна и стали. С началом курса на реформы и открытость на первый план выступила кратность удвоения ВВП. В 1982 г. на XII съезде КПК была поставлена задача увеличить объем промышленной и сельскохозяйственной продукции за 20 лет в 4 раза. В 2000 г. эта задача была выполнена, а к 2006 г. ВВП был снова увеличен более чем в 2 раза.

Но одновременно приобретали все большую значимость качественные, прежде всего, социальные аспекты развития. В функции промежуточного рубежа на пути к осуществлению «четырех модернизаций» было названо построение «общества малого достатка» (*сяокан*). Тем самым идея «сильного государства» впервые вербально дополнилась идеей «богатого народа»,

Задача построения в Китае общества «сяокан» была впервые поставлена Дэн Сяопином в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. Первоначально «сяокан» определялся лишь показателем ВВП на душу населения в 1000 долл. а несколько позже

он был понижен до 800 долл. с задачей достижения этого рубежа к 2000 г.

В 1991 г. ГСУ КНР и еще 12 ведомств: плановых, финансовых, здравоохранительных, образовательных и др. приступили к разработке системы из 16 индикаторов, характеризующих уровень и качество жизни общества «сяокан». Они включали размеры и структуру доходов, жилую площадь, рацион питания, благоустройство города и деревни, грамотность взрослого населения, ожидаемую продолжительность жизни, детскую смертность и иные аспекты. В 1995 г. создание системы было завершено.

К 2000 г. большинство показателей были достигнуты. Исключение, однако, составили три, связанные с положением в деревне. Чистый доход на душу сельского населения составил только 1066 юаней, или 85 % от запланированного уровня. Доля белка в среднесуточном рационе не превысила 75 г, или 90 % от намеченного показателя (главным образом, вследствие худшего питания жителей деревни). Доля уездов, в основном оснащенных санитарными сооружениями, достигла только 80 % от запланированного уровня.

В территориальном плане реализация критериев «сяокана» оказалась неравномерной: на востоке страны задача в основном была решена, но в центре и особенно на западе ее выполнить не удалось. Если в восточных районах валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения достиг в 2000 г. 1400 долл., то в центральных он составил лишь 78 % от запланированного уровня, а в западных — 56 %⁴. Максимальный показатель (в Шанхае) достиг 4000 долл., минимальный (в Гуйчжоу) — всего немногим более 300 долл., т. е. ниже уровня бедности по стандартам ООН (1 долл. в день)⁵. Даже в наиболее благополучных восточных провинциях оставались немалые территории, слабо затронутые движением к общей зажиточности.

XVI съезд КПК в 2002 г. поставил цель «всестороннего построения общества сяокан» к 2020 г. и очередного учетверения ВВП в течение двух десятилетий. Эта установка подразумевала переход от «сяокана в целом» (*цзунти сяокан*), «сяокана» частично и несбалансированного к «сяокану» всестороннему (*цюаньмянь сяокан*), сбалансированному. От «сяокана» низкого уровня к «сяокану» более высокого уровня. От «сяокана», понимаемого преимущественно как количественное воплощение экономического роста в материальной жизни людей, к обществу, разные сферы жизни которого развиваются синхронно и во взаимодополняющем

режиме. Тем самым предусматривается не просто продолжение экономического роста по экспоненте, но также смягчение или устранение возникших на предшествующем этапе социальных и иных противоречий. Такая направленность курса требует не только сохранения высоких темпов экономического роста, но, прежде всего его качественного, содержательного совершенствования.

XVII съезд КПК, состоявшийся в октябре 2007 г., модифицировал задачу таким образом, что к 2020 г. требуется по сравнению с 2000 г. увеличить в четыре раза не просто объем ВВП, но ВВП в расчете на душу населения.

В 2000 г. ВВП на душу населения в Китае был равен 7 тыс. юаней. Учитывая рост населения, он должен возрасти не до 26 тыс., как предполагалось прежде, а до 28 тыс. юаней. А общий объем ВВП — с 8,9 трлн юаней не до 36 трлн юаней, а до 38 трлн юаней. Таким образом, новая постановка задачи в чисто количественном отношении лишь немногим сложнее, чем прежняя. При этом нужно принять во внимание, что за последние докризисные годы темпы роста ВВП значительно ускорились: до 10—11 % в год. Поэтому, чтобы обеспечить выполнение задачи за остававшиеся после съезда до 2020 г. 13 лет в исходном варианте достаточно было среднегодового прироста ВВП на 5 %, а в новейшем — примерно на 6 %. Однако в качественном плане, когда одновременно ставится цель изменить модель роста, проблема значительно усложнялась.

Выдвигая на первый план качественные аспекты экономического роста, XVII съезд КПК, таким образом, переориентировал внимание с прежних, относительно менее сложных целей на новые, труднее достижимые. В прошлом проекте учетверение ВВП чисто теоретически можно было обеспечить посредством простого дополнительного использования факторов производства: рабочей силы, капитала, в меньшей степени — земли. Ныне нельзя обойтись без глубоких институциональных реформ, которые позволят повысить эффективность этих факторов и, главное, значительно полнее использовать потенциал инноваций.

Трансформация ориентиров имеет значение и в чисто психологическом плане. Если по объему ВВП Китай уверенно выдвигается на лидирующие позиции в мире, то по показателю ВВП на душу населения он не входит даже в первую сотню стран. Предпочтительное обращение к этому критерию может сослужить определенную отрезвляющую роль для тех, кто склонен преувеличивать успехи Китая, не замечая стоящих перед ним проблем.

Тем не менее, как показывает предшествующий китайский опыт, в том числе и опыт преодоления неблагоприятных ситуаций, и новый ориентир представляется достаточно реальным. Скорее всего, к 2020 г. китайская экономика по объему выйдет на 2-е место в мире, после экономики США, обогнав японскую экономику. Учитывая практически неизбежную ревальвацию юаня по отношению к доллару, показатель ВВП на душу населения в долларовом исчислении, скорее всего за двадцатилетие увеличится не вчетверо, а в существенно больших масштабах. Это позволит Китаю, по классификации Мирового банка, войти в группу стран со средними доходами значительно ранее 2020 г.⁶ В Японии такой уровень был достигнут в 1973 г., в Корею — в 1987 г.

В связи с новой постановкой задач усиливаются и еще более далеко идущие призывы не измерять экономические и, тем более, социально-экономические достижения регионов и страны в целом одним лишь показателем ВВП, не мистифицировать этот показатель. Выдвигаются предложения учитывать ущерб, наносимый экономическим ростом экологии («зеленый ВВП») и даже использовать «индекс счастья», базирующийся на субъективном чувстве удовлетворенности своим бытием. Показатель ВВП считается недостаточным и для сопоставления геополитического веса и влияния Китая в мире, его воспринимают лишь в качестве одного из компонентов более общего понятия «совокупной национальной мощи» (*цзунхэ голи*).

В оценке достигнутых в этом отношении результатов можно отметить две достаточно различающиеся между собой тенденции. При том, что в обеих присутствует законное чувство гордости за свершения, за тот беспримерный рывок, который осуществил Китай в своем развитии в конце прошлого и начале нынешнего века: в одной из них доминирует известное преувеличение достигнутого, тогда как в другой — превалирует более сдержанный взгляд.

Сторонники первого подхода, соизмеряя позиции КНР в мировой экономической табели о рангах по сравнению с другими державами, пользуются, как правило, показателем паритета покупательной способности валют (ППС). Этот показатель, как известно, в Китае и во многих других развивающихся странах (не исключая и Россию) существенно отличается в большую сторону от официального курса обмена валют, который также применяется в компаративистике. Оставляя в стороне подробное

рассмотрение преимуществ и недостатков обоих методов, отметим только, что существуют весомые доводы в пользу каждого из них, равно как и не менее весомые возражения. Экономисты, использующие официальный обменный курс валют для сравнения экономической мощи разных стран, настаивают на том, что он ближе к реальности, поскольку отражает их покупательную способность на международных рынках. Противники этого метода обычно упирают на то, что официальный обменный курс не всегда формируется рыночным путем и может быть искусственно завышен или занижен либо же строится на относительно небольшом наборе товаров и услуг. При использовании паритета покупательной способности валют внутренние цены на товары и услуги в той или иной стране пересчитываются в ценах, действующих на рынке США. Применение этого метода более или менее оправдано, например, при сопоставлении относительного благосостояния людей в разных странах. Более проблематично опираться на него для оценки ВВП, поскольку многие товары и услуги, производимые и оказываемые в некоторых развивающихся странах ни по ассортименту, ни особенно по качеству просто не имеют аналогов на американских рынках и рынках иных развитых стран.

Для нас, однако, особенно важно подчеркнуть, что результаты сопоставления экономической мощи при использовании разной методики получаются для развитых стран достаточно близкими, а для развивающихся стран, и в частности, для Китая, весьма далекими друг от друга. Если исходить из оценки по ППС, то Китай по объему ВВП уже далеко превзошел Японию и вплотную приблизился к США (табл. 2).

Сторонники более осторожных оценок указывают, что даже сравнение ВВП Китая и развитых стран по официальному обменному курсу валют не вполне верно отражает соотношение реальной экономической мощи, поскольку при этом не учитываются зарубежные капиталовложения. Известно, что такие капиталовложения у развитых стран достигают весьма внушительных размеров, тогда как у развивающихся — они малы или вообще отсутствуют. Если их учесть, то окажется, что Китай в 2005 г. уступал по масштабам экономики не только США, Японии и ФРГ, но также и Великобритании, и Франции (табл. 3)⁷.

Менее оптимистично выглядит картина при расчете национального дохода на душу населения. Если считать по обменному курсу валют, этот показатель для Китая составляет лишь 4—5 %

Таблица 2. Оценки ВВП КНР и некоторых других стран и районов (2006 г.)

Страны	По официальному обменному курсу		По паритету покупательной способности	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%
КНР	2518	5,3	10 170	15,4
США	13 210	28,2	13 130	19,9
Япония	4883	10,4	4218	6,3
ФРГ	2872	6,1	2630	4,0
Великобритания	2346	5,0	1930	2,9
Франция	2149	4,5	1891	2,8
Италия	1785	3,8	1756	2,6
Испания	1084	2,3	1109	1,7
Республика Корея	897	1,9	1196	1,8
Индия	804	1,7	4156	6,3
Россия	733	1,5	1746	2,6
Тайвань	346	0,8	680	0,1
Сянган	189	0,4	259	0,04
Мир в целом	46 760	100,0	65 950	100,0

Источник: Рассчитано по данным The CIA world fact book 2007.

от соответствующих показателей в США, Японии, ФРГ, Великобритании и Франции. Но ниже него располагаются более 70 стран, куда входят и бывшие советские республики, как Украина, Армения, Грузия, Азербайджан, Молдова, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, и такие крупные страны Азии, как Индия, Индонезия и Пакистан, а также многие страны Африки и Латинской Америки. Не следует также забывать, что за период с 1978 г. по 2004 г. Китай поднялся с 175-го места в мире (из 188) до 129-го (из 208). Правда, за последующие два года выше продвинуться не удалось.

Несколько лучше выглядит положение, если рассчитывать на душу населения ВВП по паритету покупательной способности, что в данном случае, как указывалось выше, представляется более справедливым. Здесь отставание Китая — в разы, а не в десятки раз (табл. 4).

Таблица 3. ВВП и накопленные зарубежные инвестиции Китая и развитых стран в 2005 г. (млрд долл.)

Страны	ВВП	Накопленные зарубежные инвестиции	Итого
Китай	2235	51,7	2287
США	12 486	2018	14 504
Япония	4572	370	4942
ФРГ	2797	834	3631
Великобритания	2202	1378	3580
Франция	2106	685	2791

Источник: Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 15 июня.

Таблица 4. ВВП на душу населения (по ППС) в Китае и некоторых развитых и развивающихся странах и районах (долл., оценка на 2006 г.)

Страны и районы	ВВП на душу населения (долл.)
Китай	7700
США	44 000
Сянган	37 300
Япония	33 100
Великобритания	31 800
Тайвань	29 500
Республика Корея	24 500
Россия	12 200
Таиланд	9200
Иран	8700
Индонезия	3900
Индия	3800
Пакистан	2600
Мир в целом	10 200

Источник: CIA The world fact book 2007.

В конце 2007 г. Мировой банк в рамках Программы международных сопоставлений (International comparison program) опубликовал предварительный глобальный доклад, в котором приведены оценки сопоставимых уровней цен и относительной покупательной способности валют 146 стран мира. Новый ППС рассчитан на базе ценовой информации по более чем 1000 товаров и услуг, полученной в ходе обследований в 2005 г. По всем регионам определялись наиболее характерные товары и услуги. В репрезентативной для каждого отдельного региона группе стран собиралась ценовая информация по общему глобальному набору товаров и услуг. Для проверки достоверности данных использовались новые инструменты.

Китай впервые принял участие в программе обследований. Согласно новой методике, оценка его ВВП по ППС оказалась на 40 % ниже предыдущей. На долю Китая, по новым данным, приходится 10 % мирового ВВП. Ему по-прежнему отводится 2-е место после США, доля которых по ППС определена в 23 % (табл. 5).

Таблица 5. Доля 12 стран в мировом ВВП (%)

Страны	По ППС	По рыночному обменному курсу валют
США	23	28
Китай	10	5
Япония	7	10
ФРГ	5	6
Индия	4	2
Великобритания	3	5
Франция	3	5
Россия	3	2
Италия	3	4
Бразилия	3	2
Испания	2	3
Мексика	2	2

Источник: Finfacts. Dec 19. 2007.

По структуре ВВП Китай находится пока ближе к тем странам, которые не завершили индустриализацию, где еще относительно велик удельный вес сельского хозяйства, а сектор услуг либо существенно уступает промышленности, либо же ненамного его превосходит (рис. 2). В Азии к таким немногим странам в наибольшей степени относятся, например, Индонезия, Иран, Египет.

Рис. 2. Составлено по: CIA The World Fact Book 2007

Реформистский курс последних десятилетий привел к глубоким переменам в структуре экономики, социальной структуре, институциональной сфере. Вместе с тем потенциал дальнейших, не менее радикальных перемен в этих и других областях общественной жизни страны, как и в ее взаимоотношениях с внешним миром далеко не исчерпан. С началом XXI века Китай вступил в новый этап своего развития, для которого характерны и новые, возросшие возможности, и новые вызовы и риски. Все они требуют неординарных, инновационных решений и новых реформ. Их конкретное содержание будет определяться в пошаговом режиме, с учетом многих привходящих обстоятельств. Загодя можно лишь назвать пока основные реперные точки, от которых станет непременно отправляться будущий курс, и некоторые жизненно важные для страны балансы, которые он ни при каких условиях не может нарушить. Вот некоторые из них.

• **Занятость.** Одна из важнейших, если не самая важная, проблема экономической стратегии Китая — обеспечение работой многомиллионного населения страны. Без ее удовлетворительного регулирования нельзя даже подступиться ни к какой другой проблеме. По самым оптимистичным прогнозам, при сохранении нынешнего показателя эластичности занятости (отношение темпов роста рабочих мест к темпам роста ВВП) на уровне 0,1 дефицит рабочих мест в 2010—2020 гг. будет не меньше 40 млн.⁸ Огромный трудовой потенциал, с одной стороны, может восприниматься как сравнительное преимущество страны, а с другой — создает постоянное давление на всю ее политику. Это давление в не столь отдаленном и даже в совсем не отдаленном прошлом побуждало использовать порой самые примитивные формы применения дешевого человеческого труда для экономического роста. Избыток рабочей силы тормозит научно-технический прогресс, заставляет мириться с существованием низкой производительности в больших сегментах китайской экономики. Вместе с тем он вызывает к жизни поиск нетривиальных подходов. Таким стал поворот от коллективистских форм организации труда в деревне к семейной, повсеместный расцвет местного, полкустарного-полумануфактурного промышленного производства в деревне, перелив многомиллионной массы лишних работников из государственного сектора экономики в негосударственные. В наши дни избыток рабочей силы становится мощным дополнительным стимулом для перестройки отраслевой структуры экономики в пользу развития сектора услуг.

• **Темпы роста.** Высочайшие среднегодовые темпы экономического роста в Китае, обеспечившие китайское «экономическое чудо», достигнуты в значительной степени ценой очень больших материальных и нематериальных затрат. В дальнейшем эти темпы неизбежно придется понизить как минимум в полтора раза. С другой стороны, Китай не может позволить себе опустить темпы ниже 7—7,5 %. В противном случае обострятся проблемы занятости для постоянно прирастающей рабочей силы и будут поставлены под угрозу программа урбанизации, программа роста благосостояния населения и ряд других важных для развития страны программ.

• **Потребление.** Главными двигателями экономического роста до последнего времени служили массированные инвестиции и экспорт. Пекин не собирается в дальнейшем от них отказывать-

ся, но наряду с ними все большее значение приобретают внутренний спрос и научно-технический прогресс. Вместе с тем перспектива значительного расширения внутреннего спроса остро ставит вопрос о модели потребления. Для многих очевидно, что Китаю вряд ли целесообразно копировать у себя западное общество потребления, с его безоглядным расходом ресурсов. Между тем, пока что ситуация разворачивается именно в этом направлении. Главным потребителем товаров и услуг все больше становится крепнущий городской средний класс, во многом копирующий Запад. Этот класс нередко рассматривается не только как экономическая, но и как политическая опора режима. Вряд ли можно сомневаться в том, что в некотором, достаточно отдаленном будущем он может в идеале составить большинство китайского общества. Но пока это не состоялось, его интересы и потребности могут существенно не совпадать с интересами нынешнего большинства.

• **Инфляция.** Важнейшей задачей экономической политики Пекина является сдерживание инфляции на уровне, не угрожающем экономической и социально-политической стабильности. В течение долгого времени Китаю удавалось обеспечивать высокие темпы экономического роста, сохраняя одновременно низкую инфляцию. Однако в 2007 г. произошел самый большой ценовой скачок после кризисного 1997 г. Важнейшим источником инфляции стал мировой рост цен на энергию и зерно. Кроме того, инфляцию стимулировал рост затрат на осуществление инфраструктурных проектов, социальные программы, подготовку к Олимпийским играм, ликвидацию последствий тяжелейших стихийных бедствий. Особенно чувствительным для бедных групп населения в стране оказался рост потребительских цен. Инфляция фактически съедала у них весь рост доходов, увеличивая еще более пропасть между бедными и богатыми. Главная трудность состоит в том, что Китай должен одновременно решать две трудно совместимые задачи: поддерживать высокий экономический рост и не допускать высокой инфляции. Такие антиинфляционные меры, как повышение учетной ставки и увеличение для банков норм обязательного резервирования, которые использовались при перегреве экономики, не применимы в условиях снижения темпов экономического роста.

• **Социальные программы.** Стремясь обеспечить мощный стартовый рывок в экономическом развитии, Китай довольно долго концентрировал все важнейшие ресурсы на форсировании

экономики, уделяя сравнительно небольшую толику финансовых ресурсов социальной защищенности населения: от безработицы, болезней, старческой немощи. Сегодня наступило время, когда Китай не только обязан, но и способен сделать существенные шаги, чтобы выправить ситуацию. Ему нужно не на словах, а на деле стать социальным государством. Массы тружеников города и деревни, простые граждане, вынесшие на своих плечах немалую часть тягот, связанных с осуществлением экономических реформ, имеют полное право воспользоваться и их плодами. Перед Китаем стоит задача сбалансировать беспримерное углубление социальной дифференциации, обязанной своим появлением установкой на максимизацию экономической эффективности в ущерб социальной справедливости. Отсюда перенос акцентов с беспрепятственного обогащения отдельных социальных групп, регионов и индивидов на достижение совместной зажиточности, на «гармоничное общество», ставшее главным девизом XVII съезда КПК.

• **Деревня.** Центральным звеном в строительстве «общества среднего достатка» и «гармоничного общества» является развитие деревни. Долгое отставание деревни от города по темпам экономического роста и повышения благосостояния все больше увеличивало разрыв между ними. Чтобы остановить эту тенденцию и тем более чтобы обернуть ее вспять, недостаточно только прекратить практиковавшееся многие годы изъятие из деревни ресурсов на нужды индустриализации или даже возврата городом части своего долга деревне. Для этого нужно, во-первых, резко сократить численность населения, занятого в сельском хозяйстве, переместив преобладающую часть в отрасли с более высокой производительностью труда, и, во-вторых, принципиально изменить условия труда и производства для остающейся части сельскохозяйственного населения таким образом, чтобы его производительность не уступала городскому. На выполнение этой задачи понадобится, скорее всего, не менее полувека. Лишь к середине столетия в сельском хозяйстве можно сохранить занятость не больше 15 % трудоспособного населения. До тех же пор государство должно отдавать приоритет деревне при распределении средств на инфраструктурное строительство и «вложения в человека». Это позволит не только поднять жизненный уровень сельского населения, но и значительно увеличить емкость сельского рынка и создать тем самым необходимые внутренние стимулы для устойчивого экономического развития.

• **Бедность.** В 2002 г. ВВП в расчете на душу населения в Китае достиг 1100 долл., в 2006 г. — 2010 долл. Предполагается, что за первую половину первого десятилетия нового века среднедушевой доход в Китае составит $\frac{3}{4}$ от среднемирового, а во второй половине они сравняются. За последующие 20—30 лет Китай должен войти в верхнюю группу стран со средними доходами. Вместе с тем несколько сот миллионов человек, прежде всего в деревне, относятся к категории бедного или получающего низкие доходы населения. Поэтому преодоление бедности в Китае, несмотря на очень большие успехи, достигнутые на этом пути, никак нельзя еще считать завершенным. Оно потребует еще немало усилий и материальных средств, особенно в отсталых и отдаленных районах.

• **Ресурсы и экология.** Одна из важнейших задач экономической стратегии на значительную перспективу — существенное сокращение потребления энергии в расчете на единицу ВВП. На решении этой задачи будет задействована значительная часть научно-технического потенциала страны, поскольку оно должно способствовать ослаблению растущей зависимости Китая от внешних источников энергии и уменьшить загрязнение окружающей среды. Еще одним важным ограничителем экономического роста является нехватка водных ресурсов. Китаю предстоит значительно сократить потребление воды на единицу ВВП, как в городах, так и особенно для целей ирригации в сельском хозяйстве, осуществить масштабные проекты по переброске рек, предпринять существенные усилия для улучшения качества воды. Немалые затраты и более жесткие законодательные меры потребуются для усиления защиты окружающей среды, включая и ликвидацию того урона, который был причинен экологии на предшествующих этапах.

• **Земля.** Поступательная урбанизация и связанное с ней расширение площади городской и дорожной застройки несут серьезную угрозу существующему пахотному фонду, особенно в городских предместьях, где земля дорога и быстро растет в цене. Этот процесс, с одной стороны, ведет к обезземеливанию части крестьян, лишая их основного источника существования и превращая в пауперов, а с другой — может подорвать продовольственную безопасность⁹. Спекуляция землей стала за последние годы одним из главных источников легального или нелегального обогащения и коррупции. Поэтому сохранение пахотного фонда

в условиях рынка и интенсивной урбанизации представляет собой непростую задачу.

- **Образование.** За последние десятилетия в Китае быстро повышается коэффициент человеческого развития. Предполагается, что такие темпы сохранятся и на перспективу ближайших полутора-двух десятилетий и страна достигнет по этому показателю уровня лидеров. В этом направлении очень многое предстоит сделать, прежде всего в развитии образования и здравоохранения. Среднее число лет обучения населения старше 25 лет составляет в Китае всего 5,48 (на Филиппинах — 7,33, в Иордании — 6,42)¹⁰. Низкий образовательный ценз служит серьезным препятствием для дальнейшего совершенствования производственной и отраслевой структуры экономики. В связи с этим намного возрастает роль государства и правительства, которые становятся ведущими поставщиками публичных услуг, существенно трансформируя тем самым свое прежнее предназначение.

- **Регионы.** Экономическая стратегия Китая имеет не только общенациональное, но и очень важное региональное измерение. Она неизбежно должна сильно модифицироваться применительно к уровню развития и социо-культурным особенностям регионов. Причем такая модификация может повлечь за собой определенные вариации и в политико-административном ключе. Понятно, что мощные городские агломерации на востоке страны, где население по экономическому и человеческому развитию уже сегодня приблизилось к уровню Запада, не могут управляться точно таким же образом, как отсталые регионы, сравнительно недалеко еще ушедшие от своих собратьев в отсталых странах Азии и даже Африки. Проблема выравнивания условий развития в территориальном разрезе сохранит свое значение на достаточно долгий срок.

- **Геополитика.** Дальнейшее развертывание экономической стратегии Китая все больше усиливает ее геополитическое значение. Оно проявляется во многих аспектах. Речь может идти, в частности, о так называемом расширении территориальной базы для развития китайской экономики вне ее государственных и национальных пределов, путем экспансии китайского капитала, создания зон свободной торговли или каким-либо иным образом. Об обострении конкуренции на мировых рынках энергии и сырья, товаров и услуг, капитала и рабочей силы. В целом — о сотрудничестве и соперничестве Китая как державы, выдвигающей-

ся на позиции одного из лидеров мировой экономики и политики, с действующими центрами силы, прежде всего, с США. Причем их взаимоотношения отнюдь не ограничиваются одной лишь сферой «жесткой силы». Они все больше затрагивают сферу «мягкой силы»: институтов и ценностей, стандартов поведения и образа жизни, моды и вкусов. До тех пор пока США остаются главным мировым законодателем по всем этим направлениям, особенно среди молодого поколения, Китаю трудно будет с ними тягаться. Но главный исход соперничества определит все же стратегический выбор пути развития, способного обеспечить наивысшую динамичность и гуманистическую привлекательность социально-экономического устройства в условиях углубляющегося мирового кризиса. Обе мировые державы, нынешняя и перспективная, всемерно стремятся сгладить существующие между ними противоречия, но объективно они непременно будут обостряться по мере китайского возвышения, что накладывает отпечаток на всю действующую систему международных экономических и политических отношений.

Нынешнее официальное понимание развития отражено в «новом научном взгляде», зафиксированном в 11-м пятилетнем плане (2006—2010 гг.), а затем и в программной части Устава КПК, принятого в новой редакции XVII съездом КПК. Оно включает четыре составные части: развитие экономики, социальное развитие, гармоничное развитие отношений между человеком и природой и всестороннее развитие самого человека. При этом первый компонент охватывает не только экономический рост, но и совершенствование экономической структуры, оптимизацию размещения ресурсов, технические инновации и т. п. Социальное развитие распространяется на образование, здравоохранение, культуру, физкультуру и спорт, научные исследования, а также на социальную организацию и строительство гармоничного общества. В гармонизацию отношений человека с природой входят демография, ресурсы, окружающая среда. Наконец, развитие человека имеет материальные, духовные, личностные аспекты, предполагает участие в общественной и политической жизни общества¹¹.

Таким образом, мы видим, что собственно экономическая стратегия с течением времени, по мере преодоления Китаем все более высоких планок роста, постепенно утрачивает свою самоценность и самодостаточность и в возрастающей мере становится составной частью более общей «большой стратегии». Основ-

ные черты последней не совсем еще определились, но понятно, что они призваны охватить самое существенное в прошлом, нынешнем и будущем бытии китайской нации, причем во всех его внутренних и внешних аспектах.

Известное представление о том, в каком направлении движется формулирование такой стратегии, дают работы ряда видных китайских исследователей, комплексно толкующих проблемы развития в ракурсе китайской специфики. Так, Ху Аньган, характеризуя процесс, ведущий к построению общества, которое Китай стремится создать к 2020 г., выделяет три момента. Вместе взятые, они образуют своеобразную комбинацию, которая, по-видимому, в определенной мере воплощает нынешние умонастроения китайской элиты, включая разные ее сегменты.

Первый из этих моментов — постоянное усиление модернизационных факторов, второй — непрерывное усиление факторов социализма, а третий — столь же перманентное «извлечение и использование китайских факторов». При этом, если факторы модернизации понимаются в достаточно привычном ключе, то уже при трактовке социализма подчеркивается, что сутью его является «гармоничное общество», «исток которого лежат не в западном марксизме и советском социализме, не в западном капитализме и социал-демократизме, а в классической традиционной китайской культуре, модернизированной китайскими коммунистами»¹². Что добавляют к этому «китайские факторы» (или «факторы Китая»), можно лишь догадываться, ибо обозначены они лишь в самом общем виде. Признается необходимость еще большей открытости Китая для восприятия «достижений человечества», к которым причисляются современная рыночная экономика, демократия и верховенство закона, права человека и свободы, однако такое признание сочетается с призывом подвергнуть все эти ценности китаизации или «укоренению».

Иными словами, определение цели исходит, скорее, от противного: отталкиваясь от того, каким *не должно быть* желаемое общество. В итоге получается что-то похожее на мифического зверя из китайских легенд «сыбусян», который, заимствуя отдельные черты четырех других животных, в целом не похож ни на одно из них. Между тем, при некоторой расплывчатости конечного результата, основные вехи продвижения к нему можно проследить с большей или меньшей определенностью, что и позволяет исследователям строить те или иные конкретные прогнозы.

Примечания

¹ Под «большой стратегией» в широком смысле понимается стратегия, предусматривающая использование всех ресурсов нации и государства для достижения главных национальных целей. Вместе с тем это понятие нередко трактуется и более узко — как военная стратегия, направленная на выбор основных и второстепенных театров военных действий, предпочтений в производстве вооружений, а также возможных союзников в случае войны.

² Более подробно об этом см.: *Бергер Я. М.* Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 34—51.

³ Чжунго да чжаньлюе / Ху Аньган. чжу бянь [Большая стратегия Китая / Отв. ред. Ху Аньган]. Ханчжоу. 2003. С. 9. В более поздней своей работе Ху Аньган расширяет и уточняет спектр стратегических задач (см. ниже) и выражает твердую уверенность в том, что к 2020 г. Китай станет «подлинной мировой державой». — *Ху Аньган.* 2020 Чжунго цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй [Китай 2020: всестороннее строительство общества среднего достатка]. Пекин, 2007. С. 103.

⁴ Жэньминь жибао. 2002. 18 ноября; Гуанмин жибао. 2002. 25 ноября.

⁵ Жэньминь жибао. 2002. 25 ноября.

⁶ Согласно этой классификации, средним уровнем доходов считается показатель ВВП от 755 до 9265 долл. на душу населения, в том числе нижнесредним — до 2999 долл.

⁷ *И Чэндэ.* Чжэнцюе жэньши Чжунго ды цзинцзи шили [Правильно воспринимать реальную экономическую силу Китая] // Чжунго цзинцзи шибao. 2007. 15 июня.

⁸ *Линь Ифу.* Цзеду Чжунго цзинцзи мэй ю сянчэн моши [Для интерпретации китайской экономики нет готовой модели]. Пекин, 2007. С. 81.

⁹ В 2020 г. дефицит пахотных земель для производства зерна, по оптимистическому прогнозу (при импорте 10 %), составит 4,7 млн га, а по консервативному прогнозу (при импорте 5 %), — 21 млн га. (Там же. С. 74).

¹⁰ Там же.

¹¹ *Чан Сюцзэ.* Синь фачжань моши ся ды цзинцзи цзэнчжан фанши чжаньбянь. [Смена способа экономического роста при новой модели развития] // Цяньсянь. 2007. 10 июля.

¹² *Ху Аньган.* 2020 Чжунго цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй... С. 19—20.

1.2. Китайская модель

Выдающиеся экономические достижения Китая за последние три десятилетия, по праву именуемые «китайским чудом», вызывают огромный интерес в мире, стимулируют стремление объяснить их, найти те позитивные черты китайского опыта, которые могли бы быть с успехом использованы в других развивающихся странах. Отсюда — многочисленные попытки определить существо китайской модели развития.

В целом несомненные успехи Китая, по всеобщему признанию, стали возможны благодаря целенаправленному использованию внутренних и внешних факторов и условий, способствующих экономическому росту, т. е. благодаря осуществлению специфической экономической стратегии, значение которой трудно переоценить. В самом генерализованном виде итоги тридцатилетнего развития являются, с одной стороны, следствием активного включения Китая в процессы глобализации и оптимального использования ее преимуществ, а с другой — результатом последовательной и поступательной институциональной и структурной перестройки национальной экономики.

«Китайское экономическое чудо» нередко сравнивают со схожим по темпам и продолжительности более ранним экономическим ростом в Японии и «четырех малых драконах» Азии. В определенной мере такие сопоставления оправданы, поскольку эти страны близки к Китаю по стартовым материальным условиям и культурно-цивилизационным характеристикам. Однако нельзя забывать об огромных различиях в масштабах населения и территории, что не может не сказываться на существовании стратегии и на значимости ее применения.

При всей, казалось бы, очевидной важности целенаправленной экономической стратегии приходится констатировать, что в условиях переходной экономики, когда многие функции по распределению ресурсов переходят от государства к рынку, необходимость ее не является общепризнанной. Более того, она вызывает у некоторых наиболее бескомпромиссных рыночников не только сомнения, но и решительные возражения. С их точки зрения, нельзя даже пользоваться самими понятиями экономической стратегии или стратегии экономического развития, поскольку это порождает неоправданные надежды на то, что некая группа людей обладает знанием, в какие русла нужно направлять

ресурсы, чтобы оптимизировать развитие. Сторонники подобных взглядов уверены, что «оптимизация», в конечном счете, всегда определяется корыстными интересами тех или иных групп во власти и элитах и что любая промышленная политика правительства и правительственных ведомств способна лишь искажать сигналы рынка. Поэтому главное, что необходимо для правильного движения экономики в объективно обусловленном направлении, — это ограничить правительственные полномочия и дать полную свободу рынку. Тогда не понадобятся никакие дискуссии о стратегии, и правительство не сможет навязывать экономике свои представления о развитии. Утверждается также, что обсуждение экономической стратегии, возможно, и имеет какое-то отношение к практике, но лишено обоснований в экономической теории, особенно — западной¹.

Признавая наличие известных резонансов для такого подхода, большинство китайских специалистов все же придерживаются иной точки зрения. Они убеждены в том, что хорошо взвешенная и выверенная экономическая стратегия, базирующаяся, в частности, на использовании сравнительных преимуществ собственной страны, не только важна и нужна сама по себе, как с полной очевидностью доказывают результаты экономического курса последних десятилетий, но и должна составлять неотъемлемую интегральную часть *большой стратегии всестороннего развития*.

Другое дело, что практическое осуществление стратегии не может руководствоваться априорным знанием некой единственно верной и правильной теории, которая бы позволяла на всех этапах и на всех поворотах реализации стратегического курса подсказывать верные решения и выправлять курс. Просто потому, что подобной теории не существует. Китай идет по своему собственному пути, не имеющему адекватных прецедентов в истории. И именно поэтому на вооружение был взят подход, предписывающий «переходить реку вброд, нащупывая под ногой камни». Такой подход на начальном этапе реформ подвергался критике в кругах китайских интеллектуалов как проявление неуверенности правительства в правильности выбранных им ориентиров. Тем не менее, он устоял и доказал свою инструментальную и операциональную ценность.

На Западе широко распространены концепции, не только полностью вписывающие развитие Китая в контекст мировой истории, но и подчиняющие его неким общим закономерностям. При всей разнородности таких концепций, они описывают об-

щее движение всех стран, на всех материках и континентах, от досовременной, архаичной и дифференцированной множественности к некой единой, по своей сути, модели общества. Данная модель предполагает непереносимое наличие таких ее неотъемлемых составных частей, как рыночная экономика, политическая демократия, гарантированные права человека, развитая система социального обеспечения и нацеленность на массовое потребление. При догматическом восприятии подобной предопределенности самостоятельная стратегия становится как бы вовсе ненужной, уступая место некритичному воспроизводству шаблонов.

На деле, разумеется, Китаю, его экономике, социуму, политическому строю присущи как специфичность, связанная с цивилизационными, культурно-историческими, географическими, демографическими, геополитическими особенностями, так и черты типические. Последние — двоякого порядка. Одна из них связана с тем, что Китай — страна развивающаяся, и потому ему, как и другим странам этой категории, приходится преодолевать отсталость, догонять развитые страны. Вторая — обусловлена недавней принадлежностью Китая к странам с централизованным планированием и соответствующей политической надстройкой или, если угодно, с тоталитарным политическим режимом и соответствующим огосударствлением экономики и социальной жизни. А потому Китаю нужно почти что с нуля создавать рыночную экономику и адекватные ей правовые, политические, культурные институты. Все это порождает множество очень сложных проблем, переплетающихся и усугубляющих друг друга, и потому нуждается в особой стратегии развития, сочетающей в себе типологические и специфические подходы. Поскольку проблемы в своем большинстве носят долгосрочный характер, постольку и стратегия не может не быть рассчитана на многие десятилетия.

В официальных документах и работах подавляющего большинства китайских исследователей нынешняя китайская рыночная экономика определяется, подобно прежней, плановой, еще и как социалистическая. Один из ведущих китайских экономистов Чжан Чжоюань связывает такое определение с двумя атрибутами. Прежде всего, с тем, что здесь создан основной экономический строй, в котором развивается многоукладная экономика при ведущей роли общественного сектора. При этом, как утверждается, соединения общественной собственности с рыночной экономикой удалось добиться благодаря тому, что была

найденa такая форма их сочетания, как акционирование, а также потому, что правительство (политика, администрирование) были отделены от предпринимательства и капитала. Выражается это, по словам Чжан Чжоюаня, в равноправной конкуренции на рынке обобществленных (главным образом, государственного) и необобществленных секторов и в том, что первые контролируют важнейшие отрасли и ключевые области народного хозяйства.

Второй аргумент в пользу социалистического характера рыночной экономики в Китае состоит в том, что целью является общая зажиточность членов общества. Институциональной основой движения к общей зажиточности считаются основополагающая роль общественной собственности и приоритетное значение распределения по труду².

Оба этих довода не представляются достаточно убедительными. Известно, что многоукладная экономика, как и акционирование, успешно функционируют в тех обществах с рыночной экономикой, которые отнюдь не претендуют называться социалистическими. Другое дело, что там тоже нередко присутствуют определенные атрибуты, ограничивающих бесконтрольность рынка, в виде, например, провозглашения его социальной ориентированности. Скорее всего, в Китае утверждения о социалистическом характере рыночной экономики имеют, по меньшей мере — на данном этапе, то же назначение. Что же касается отделения власти от предпринимательской деятельности или равноправности государственного и негосударственных секторов в рыночной экономике, то все это присутствует, скорее, в виде некоего благого пожелания, нежели как констатация практики, о чем будет сказано более подробно ниже.

Вместе с тем, если не ограничиваться только определением нынешней ситуации, а иметь в виду и возможную перспективу, то увязывание рынка с социализмом, если эта связка окажется действительно долговременной и жизнеспособной, в отличие от советского НЭПа, она способна принести результаты очень большой значимости. Не только для Китая, но и для всего мира. В условиях, когда катастрофически рушится чисто рыночная модель современного капиталистического мира, нельзя исключать возможности, что именно Китаю удастся соединить в своих институтах и массовой общественной практике экономическую эффективность с социальной справедливостью, благо нации и государства — с достоинством, свободой, полноценной жизнью человека.

Точно так же в значительной степени идеализированным представляется пока и стремление к всеобщей зажиточности. Как известно, аналогичный тезис провозглашался и во всех странах с плановой экономикой, где делался еще больший акцент на обобществлении и распределении по труду. Однако продвижение к всеобщему благоденствию оказывалось куда меньшим, чем в странах, не абсолютизовавших этот приоритет и лимитировавших свои амбиции сокращением социального и имущественного неравенства. Если понимать данный тезис в таком ограниченном смысле, то его, вероятно, можно было бы считать частью китайской стратегии. Но в этом случае Пекину пришлось бы в какой-то мере свести свои искания к созданию такой политической и социальной системы, которая была бы близка к современной западной социал-демократии. В данный момент такая возможность как будто полностью исключается. Чисто гипотетически, мыслимы, вероятно, и иные способы реализации подобной идеи, например, связанные с собственно китайскими традиционными проектами и социальными утопиями. Но подобный путь требует очень серьезной экспериментальной проверки. Не исключено, что он может оказаться иллюзорным.

Поэтому считать стремление к всеобщему благосостоянию и даже какие-то практические шаги по его воплощению в жизнь уже сегодня сущностной спецификой китайской стратегии как минимум преждевременно. Общеизвестно, что по мере роста национального богатства почти любой страны растет благосостояние общества и граждан, хотя и в неодинаковой мере. Понятно также, что социальное государство или считающее себя таковым стремится к тому, чтобы результаты роста распределялись если не равномерно, то более или менее справедливо. Отсюда полагать стремление к повышению благосостояния народа национальной спецификой Китая, как и какой-либо иной страны, нет оснований. Иное дело, что Китай способен и, скорее всего, не преминет внести в эту общую тенденцию свои, возможно, весьма существенные черты, отвечающие его национальным особенностям.

На деле, однако, на чем бы ни делался акцент — на специфике Китая или на преимущественной подчиненности общим закономерностям, стратегия его развития не может не учитывать как особенностей экономической политической, культурной ситуации в стране, так и ее глобальных и региональных связей и интересов, а также многообразной заинтересованности

мира в Китае. Ввиду колоссальных размеров этой страны ее проблемы, как правило, приобретают глобальный характер. В равной мере это справедливо и в отношении достижений.

Одним из первых западных аналитиков, заявивших о становлении специфической китайской модели глобализации, кардинально отличной от всех иных, но пригодной вместе с тем, при определенном приспособлении к местным условиям, и для других стран, был Дж. Рамо, консультант крупнейшей американской инвестиционной компании Голдман Сакс и профессор престижного китайского университета Цинхуа³. Свой подход он сформулировал практически в первые годы прихода к власти нового руководства КПК, когда другие эксперты той же компании дали свой парадоксальный и привлечший широкое внимание в мире прогноз о блестящих перспективах развивающейся четверки стран: Бразилии, России, Индии и Китая.

Рамо назвал новую китайскую модель *«Пекинским консенсусом»*, призванным заместить дискредитировавший себя в 90-х годах неолиберальный *«Вашингтонский консенсус»*. «Вашингтонский консенсус» включал в себя меры, которые были предложены экономистом Дж. Вильямсоном и направлены, прежде всего, на то, чтобы сделать экономику латиноамериканских стран привлекательной для американского капитала. Либерализация внешней торговли, приватизация государственных предприятий, дерегулирование, сокращение государственных ассигнований на социальные нужды и т. п. меры поначалу дали краткосрочный положительный эффект, однако вскоре он сменился чередой финансово-экономических кризисов. Модель оказалась непригодной для большинства испробовавших ее стран.

«Пекинский консенсус» ориентирован, по словам Рамо, во-первых, на инновации, во-вторых, на устойчивое, сбалансированное и качественное развитие и на равенство и, в-третьих, на самоопределение. Эта модель придает социальным переменам столь же важное значение, как и экономическим. Экономика и управление в «Пекинском консенсусе» имеют своей целью совершенствование общества, что полностью игнорируется «Вашингтонским консенсусом». В отличие от последнего, он порождает много принципиально новых идей и подходов. Их извлекают из уроков, преподанных поражением культуры вследствие глобализации в других местах.

По убеждению Рамо, новая китайская модель предоставляет больше власти индивидам. Индивидуализм, полагает он, ускоре-

нен в китайском сознании и многое объясняет относительно того, как современная китайская элита, состоящая из самодостаточных мужчин и женщин, опирающихся на индивидуальную мораль, интеллектуальную и физическую силу, сумела выдержать испытания последнего полувека и ныне наблюдает развитие страны.

Китай, утверждает Рамо, находится в процессе создания самой крупной «асимметричной» державы в мировой истории. Ее становление базируется на привлекательности своей модели, на укреплении экономических позиций и на жесткой защите вестфальской системы национального суверенитета.

В отличие от эпохи Дэна, когда внешняя политика руководствовалась идеей «сокрытия своих возможностей», политика Ху Цзиньтао определяется пониманием места Китая в мире⁴. В области безопасности Китай исходит из завета Сунь-цзы о том, что «битву выигрывают или проигрывают до ее начала», и стремится избежать конфликтов. Именно с этой целью он наращивает свою мощь и укрепляет отношения с другими державами.

Китай стремится создать мирную и процветающую периферию вдоль своих границ, которая бы обеспечила благоприятные условия для его развития. Отсюда — готовность активно участвовать в урегулировании ядерной проблемы Северной Кореи и разногласий между Камбоджей и Таиландом. Отсюда стремление к укреплению ШОС.

Как полагают многие американские военные аналитики, будучи не в состоянии осуществить полную модернизацию вооруженных сил, Китай, однако, может, по меньшей мере, попытаться создать тактически крепкий контингент для использования в ограниченном региональном конфликте. Это сочетается с использованием асимметричных технологий, вроде «кистеня убийцы» или «акупунктурной войны», которые способны точно поражать наиболее чувствительные места. Например, разрабатываются технологии, симулирующие подачу одновременно сотен сигналов на радары, что позволяет вывести из строя противоракетную оборону, которая составляет существенную часть американской доктрины превосходства в воздухе. Технологии асимметричного оружия намного дешевле тех систем вооружения, на которые они нацелены.

В случае же расширения военных действий Китай может прибегнуть к современной версии маоистской «народной войны». Она отличается от прежней тем, что в ней будут участвовать

не крестьяне, а профессионалы: от компьютерных программистов и журналистов до финансовых спекулянтов. И тем, что она будет вестись на территории противника. Асимметричную тактику Китая в условиях глобализации могут перенять многие другие страны.

Рамо утверждает, что Китай прокладывает дорогу для других народов, стремящихся не только развиваться, но также «вписаться в мировой порядок таким образом, который позволил бы им быть подлинно независимыми, защитить свой образ жизни и политический выбор в мире с единственным массивным и мощным центром притяжения».

Работа Дж. Рамо вызвала немало откликов в Китае, содержание которых частично проанализировано в статьях О. Борох и А. Ломанова, А. Н. Карнеева и др.⁵ Ниже мы коснемся некоторых китайских и западных публикаций, рассматривающих проблемы китайской модели развития в ключе, более близком к задачам настоящего дискурса.

В августе 2005 г. в Китае состоялся научный симпозиум, специально посвященный «Пекинскому консенсусу» и китайской модели развития. Практически одновременно на свет появился ряд книг и множество статей, в которых отражались разные взгляды западных и китайских ученых по данной проблеме⁶. Среди них были и те, кто воспринимает китайскую модель исключительно с позитивной стороны, и те, кто видит в ней наряду с преимуществами также и недостатки, и те, кто усматривает почти исключительно или по преимуществу негативные моменты (эксплуатацию, поляризацию общества, экологические катастрофы и т. п.). Последние зачастую противопоставляют современной китайской действительности эпоху Мао Цзэдуна, которая изображается обычно в розовом свете, как воплощение подлинного социализма⁷.

Анализ позиций китайских исследователей, в основном положительно оценивающих китайскую пореформенную модель, показывает, что их можно условно разделить на три основные группы, в зависимости от отношения к степени уникальности или, напротив, общеупотребимости китайской модели, ее специфичности или, наоборот, прочной связи с глобальными тенденциями.

В *первой группе* национальная модель прочно сплетена с глобальными процессами. Для сторонников такой трактовки это, по сути, две стороны одной медали. Некоторые из них идут еще

далее, заявляя, что китайская модель не только впитала в себя весь передовой опыт, но и сама является блестящим завоеванием мировой цивилизации и принадлежит всему человечеству, сохраняя при этом, разумеется, свои национальные черты. Ради признания вселенской значимости китайского опыта они готовы даже потеснить на второй план декларирование его социалистической принадлежности⁸. Другие более скромны. Они следуют традиционной дэновской линии: не высовываться, не выпячивать китайские достижения, не противопоставлять китайский опыт мировому. Национальная модель — да, претензия на универсальность — нет. Поэтому само понятие «Пекинского консенсуса» вызывает у них жесткое отторжение, ибо имманентно оно предполагает конфронтацию со сторонниками «Вашингтонским консенсуса».

Недаром ведь за «Пекинский консенсус» ухватились многие левые радикалы, извечные противники как западных или отечественных либералов, так и тех, кто настроен по отношению к ним более или менее примирительно. Для радикалов «Вашингтонский консенсус» — синоним мирового империализма, а «Пекинский консенсус» — либо знамя, под которым они надеются собрать всех, кто по тем или иным причинам способен, с их точки зрения, ему противостоять: от Западной Европы до России, Китая, Индии, Японии, либо же, напротив, символ капитуляции Китая перед империализмом и превращения Азии в главный оплот капитализма⁹.

Такая крайняя позиция совершенно неприемлема для тех, кто в Китае принципиально стоит за синтез западной и китайской культуры, современных и традиционных институтов. Но противопоставление «Вашингтонского консенсуса» и «Пекинского консенсуса» не совсем верно и по существу. Нельзя отрицать, что китайская модель, как бы ее ни именовать, действительно, усвоила и воплотила в жизнь, по меньшей мере, некоторые либеральные идеи Запада, в том числе и те, что связывают с «Вашингтонским консенсусом», хотя и привнесла в них свою немалую специфику. Отличия порой заключались в темпах и сроках, формах и методах реализации таких идей, что в немалой степени способствовало успеху китайских реформ, особенно на фоне неуспеха реформ российских или латиноамериканских. При этом, конечно, главный, принципиальный водораздел между китайским и либеральным подходами к реформам заключается в том, что последний стремится минимизировать роль госу-

дарства и правительства, а первый — придает ей решающее значение.

Во *второй группе* китайская модель развития больше ориентирована на особенности страны, хотя также не противоречит западному опыту. Собственная модель не претендует на всеобщую значимость, но считается весьма полезной и даже максимально пригодной для многих развивающихся стран и, с этой точки, может представлять собой для Китая «мягкую политическую силу».

Наконец, *третья*, наиболее близкая к охарактеризованным выше идеям Дж. Рамо: она полностью отрицает значимость западного опыта для Китая. С известным допущением можно суммарно отождествить эти основные позиции с подходами ряда известных китайских ученых: первую — со взглядами *Юй Кэпина*, вторую — с представлениями *Ли Пэйлиня* и *Чжан Вэйвэя*, а третью — с точкой зрения *Хуан Пина*.

По определению видного китайского политолога, руководителя Центра сравнительной политологии и экономики при Управлении переводов ЦК КПК *Юй Кэпина*, стратегия модернизации Китая в условиях глобализации формирует «китайскую модель», которая может быть использована и другими развивающимися странами. Понятие «Пекинского консенсуса» как альтернативу «Вашингтонскому консенсусу» он не приемлет. «Китайская модель» еще полностью не сформировалась. Главный ее смысл состоит в том, чтобы активно и инициативно участвовать в процессах глобализации, одновременно сохраняя собственную специфику и суверенность. Поскольку глобализация несет для национального государства не только выгоды, но и утраты, то их соотношение зависит исключительно от стратегического выбора. В оптимальном варианте модель соединяет собственные сравнительные преимущества страны с преимуществами глобализации. В противном же случае минусы последней многократно усугубляют собственные недостатки. Опасность негативных сценариев убедительно показали в конце прошлого века экономический кризис в Латинской Америке, финансовый кризис в Восточной Азии и «шоковая терапия» в России. Поэтому Китай рассматривает глобализацию не как путь, ведущий к размыванию исторической специфики, но, напротив, как средство для возрождения китайской нации, упрочения ее влияния в мире.

Для *Юй Кэпина* открытость страны внешнему миру означает необходимое условие для проведения внутренних реформ. От-

крытость и реформы — две стороны одной медали. Он убежден, что развивающимся странам нужны не только капиталы и передовые технологии транснациональных компаний, но в еще большей степени — передовые управленческие институты и идеи. Внутренние политические и экономические реформы — это, с его точки зрения, в очень большой степени следствие изучения передовых идей, технологий, культуры и управленческих институтов развитых стран¹⁰.

Юй Кэпин выступает за сочетание реформ, развития и стабильности, рыночных реформ с государственным регулированием, экономического роста с социальным развитием и политической реформой, экономической эффективности с социальной справедливостью, постепенности с прорывными преобразованиями. Экономические реформы должны укреплять ведущую роль рынка. Но рынок не всемогущ, нередко он терпит провалы. Поэтому развивающейся стране, особенно в Восточной Азии, нужно сильное правительство. Вместе с тем модернизацию, осуществляемую на фоне глобализации, *Юй Кэпин* рассматривает как процесс демократизации. Демократия, по его мнению, такая же ценность, как и благосостояние, не средство развития, а его цель. Правительство несет ответственность не только за руководство развитием экономики, но и за управление политическим развитием, углубляющим демократию. Оно призвано продвигать демократическое правление, нацеленное на обеспечение законности, участия широких слоев населения во власти, прав человека, транспарентности, стабильности в обществе. Такое правление ориентировано на разделение властей, на эффективность, ответственность и служение людям. Правительство должно и само представлять пример демократии и инноваций и служить гарантом прав граждан, укреплять взаимодействие с гражданским обществом, выращивать и поддерживать организации гражданского общества, способствовать тому, чтобы они становились субъектами управления, самоуправления и международного сотрудничества. Особенность стран Восточной Азии, и прежде всего Китая, состоит в том, что здесь процессом модернизации и даже гражданским обществом руководит правительство. Важнейшую роль оно играет и в определении путей включения страны в процессы глобализации.

Статья известного китайского социолога *Ли Пэйлина*, опубликованная в конце 2005 г. в печатном органе Академии общественных наук Китая, предлагает несколько иную трактовку спе-

цифических черт китайского развития¹¹. *Ли Пэйлинь* отделяет понятие «китайского опыта» от понятий «китайской модели» и «китайского чуда». «Китайский опыт» включает в себя как успехи, так и уроки и особенно подчеркивает новые специфические нормы. Этот опыт не замкнут в себе, не завершен, но, напротив, постоянно изменяется и развивается.

Ли Пэйлинь выделяет шесть главных черт китайского опыта.

1. *Поступательность реформ*. Эта черта включает в себя продвижение от более легких реформ к более сложным. Для совершенствования структур и постепенного перехода используются предварительные эксперименты, «двухколейная система» и микрорегулирование. Стратегические меры по проведению реформ сверху вниз сочетаются с творческой активностью, идущей снизу вверх. Продвижение реформ корректируется по результатам экспериментов и на основе периодического обобщения опыта, что обеспечивает непрерывное углубление реформирования при одновременном обеспечении социальной стабильности. За годы реформ в стране накоплен большой опыт, начиная с систем подрядной ответственности в деревне, развития волостно-поселковых предприятий, строительства малых городов и поселков и вплоть до всестороннего развертывания реформы государственных предприятий. Другая особенность поступательности реформ — распространение реформирования из сферы экономики на сферы политики, социума и культуры, на системы занятости, социального обеспечения, распределения доходов, прописки, строительство низовой и внутрипартийной демократии. Поступательность реформ имеет и свои недостатки. Сравнительно велики трения при их осуществлении. Замена старых институтов новыми составляет довольно долгий процесс, в ходе которого возникают лакуны и неупорядоченность. На начальной стадии развития рынка распространены поддельные и низкокачественные товары, возникает коррупция. Тем не менее, поступательность была и остается важной особенностью китайских реформ. В условиях приоритета стабильности она позволяет избежать риски, рассредоточить плату за реформы и риски по времени. Создание новых институтов намного труднее, чем разрушение старых, но и намного важнее.

2. *Сочетание структурного преобразования экономики с преобразованием социальной структуры*. В отличие от Советского Союза и стран Восточной Европы, где до начала реформ были в основном осуществлены индустриализация и техническая реконструкция сельского хозяйства и образовалась малоподвижная социальная структура, в Китае оставалось большое пространство для изменения социальной структуры. Поэтому когда реформы пробудили активность и творче-

скую энергию людей, все общество исполнилось жизненной силой. Совершенствование агротехники, быстрый переход сельской рабочей силы в неаграрные отрасли, концентрация сельского населения в городах принесли обществу огромные выгоды. В отличие от новых индустриальных стран Восточной Азии, реформы в Китае оказали глубокое влияние на социальную структуру. Была ликвидирована уравниловка, возросла дифференциация доходов, во всех областях заработал механизм конкуренции. Это, с одной стороны, способствовало скачкообразному развитию и быстрому, долговременному росту, а с другой — породило такие проблемы, как большие различия в доходах и сравнительно высокая безработица, которых не знали другие страны и районы Восточной Азии в период быстрого роста.

3. *Приоритет социальной стабильности и поступательный посыл путей демократизации.* Эта черта определяется не теоретическими постулатами и не идеологией Запада, связывающими демократию с многопартийностью, выборами, разделением властей, свободой слова и в последнее время также с «легальным протестом на улицах и площадях», а исключительно практикой и опытом самого Китая. Оценка преимуществ «политического строя» исходит из того, насколько он благоприятствует развитию экономики, общественному прогрессу и повышению уровня жизни народа. КНР уделяет особое внимание внутренней связи демократии и законности. Отстаивая приоритет стабильности в проведении политической реформы, Китай одновременно продвигает систему демократических выборов на базовом уровне и ищет пути развития внутрипартийной демократии.

4. *Долговременная поддержка курса на низкую рождаемость и политики сокращения бедности.* В 50-х годах прошлого века Китай по ВВП на душу населения отставал от Индии, в 90-х годах они сравнялись, а в последнее время Китай по этому показателю вдвое превосходит Индию. За период с 1978 по 2004 г. численность сельской бедноты сократилась с 250 млн до 26 млн человек, а ее доля в общей численности сельского населения уменьшилась с 30,7 до 3 %.

5. *Превращение многонаселенной страны в страну с большими ресурсами людской силы.* После 2000 г. в структуре расходов городского населения Китая образование вышло на 2-е место после питания, а у сельского населения — на 3-е место после питания и жилья. Как показывают социологические опросы последних лет, сбережения городского населения имеют своей целью, прежде всего, образование детей. Численность студентов высших учебных заведений с 1989 г. увеличилась в 10 раз — с 2 млн до 29 млн человек. Средняя продолжительность обучения приблизилась к 8 годам. Потенциал повышения качества рабочей силы восполняет нехватку технологий и капитала.

б. Открытость внешнему миру, расширение дипломатического пространства. Открытость не только способствует быстрому сокращению отставания Китая от развитых стран в обычных технологиях, но и превратила Китай в одну из наиболее притягательных стран для мировых инвестиций. Стратегия внеидеологической международной кооперации открыла обширное пространство для китайской дипломатии.

Чжан Вэйвэй, ведущий сотрудник женевого Центра азиатских исследований и по совместительству приглашенный профессор университета Цинхуа и Фуданьского университета, отмечает, что при использовании западного опыта важен избирательный подход. Прямо же противопоставлять «Пекинский консенсус» «Вашингтонскому консенсусу», с точки зрения *Чжан Вэйвэй*, не совсем правильно. Пекин, утверждает он, извлек из неолиберальной американской модели немало полезного, особенно — акцент на значении рынка, духа предпринимательства, глобализации, международной торговли. Но Пекин отстаивает свое право самому определять когда, где и в какой форме использовать чужеземные идеи.

Нельзя утверждать, что китайская модель не имеет недостатков, но она гораздо эффективнее американской в преодолении нищеты, в поддержке бедных и слабых. Американская модель включает в себя проводившийся в Черной Африке в 80-х и 90-х годах прошлого века под эгидой МВФ «проект структурного регулирования» и «шоковую терапию» в России. Идеологически мотивированная американская модель ориентирует на проведение радикальной и широкомасштабной демократизации и уделяет очень мало внимания конкретной местной ситуации. Ее сторонники полагают, что западные институты могут укорениться в неразвитых районах Черной Африки, что либерализация возможна прежде создания систем социальных гарантий, приватизация — до возникновения управляющих систем, демократизация — до формирования политической культуры и правового общества. Все это ведет к серьезным утратам.

Главной задачей большинства развивающихся стран *Чжан Вэйвэй* считает искоренение нищеты, которая порождает конфликты и экстремизм. Поэтому им часто нужно не либеральное демократическое правительство, а такое, которое бы обеспечило основные услуги и безопасность для решения этой задачи. В большинстве бедных стран нет необходимых предварительных условий для либерального демократического правительства: гла-

венства закона, значительного среднего класса, получившего хорошее образование народа, широкой политической культуры. Поскольку американская модель не приносит ожидаемых результатов, постольку «притягательность китайской модели для бедных стран мира возрастает»¹².

В своих более поздних публикациях *Чжан Вэйвэй* высказывается еще более негативно по поводу попыток использовать западную модель в развивающемся мире и ее непригодности для решения главных вопросов современности: бедности и развития, мира и войны. Одновременно он еще более определенно подчеркивает преимущества китайской модели развития и ее способность решать эти проблемы. С его точки зрения, китайская модель отвечает на главные вызовы нашего времени, и поэтому ее значение и влияние по мере возвышения Китая будут еще более увеличиваться.

В духе известного высказывания У. Черчилля о демократии *Чжан Вэйвэй* говорит, что к китайской модели можно предъявить немало претензий, но остальные модели — много хуже¹³. В своем генезисе китайская модель, по *Чжан Вэйвэй*, является специфическим продолжением модели «четырех восточноазиатских драконов». Эти страны и районы в сходных культурно-исторических условиях использовали государственное вмешательство и стратегию догоняющего развития для осуществления модернизации. Они не обошлись без возникновения серьезных проблем и даже кризисов, но справились с задачей повышения уровня жизни народа и модернизации лучше, чем при иных моделях.

В китайской модели *Чжан Вэйвэй* выделяет следующие основные моменты. Во-первых, выстраивая соотношение между реформами, развитием и стабильностью, Китай на первое место выдвигает стабильность. Во-вторых, в качестве главной задачи модернизации ставится ликвидация нищеты. В-третьих, смелое и одновременно осторожное обновление институтов строится на основе эксперимента, на основе непрерывного учета и использования своего и чужого опыта. В-четвертых, реформы осуществляются поступательно. Несовершенные институты не разрушаются, а постепенно реформируются. В-пятых, устанавливается четкая очередность приоритетов: сначала более легкие реформы, потом более трудные, сначала в деревне, потом в городе, сначала в приморье, потом внутри страны, сначала в экономике, потом в политике. В-шестых, избирательно используются преимущества чужого опыта, но без слепого подражания.

Среди недостатков китайской модели он называет избыточное вмешательство государства в экономику, способствующее некоторой недоразвитости рынка, относительное запаздывание политической реформы, вызывающее отраслевую монополизацию и коррупцию, разрыв между богатыми и бедными, проблемы защиты окружающей среды, образования, здравоохранения и т. д. Кое-кто полагает, отмечает *Чжан Вэйвэй*, что эти проблемы Китай может решить, лишь опираясь на западные демократические институты. Но это, на его взгляд, поверхностное суждение. Так, во многих сопоставимых с Китаем развивающихся странах и странах с переходной экономикой, использующих западные демократические институты, таких, как Индия, Филиппины, Аргентина, Украина, коррупция больше, чем в Китае, не говоря уже о так называемых демократических странах в Африке, разъеденных коррупцией до костей. В этих странах коррупционеры обретаю реальную власть и легальный защитный зонтик под знаменем демократии, используя подкуп избирателей и популизм. А в такой стране с переходной экономикой, как Россия, резкая политическая трансформация привела одно время к полному параличу правительства, что и породило неуправляемый разгул коррупции. Возросла коррупция также в Южной Корее и на Тайване, применявших модели западной демократии, тогда как Сингапур и Гонконг, где они не использовались, стали примерами самой успешной в Азии борьбы с коррупцией. Здесь были созданы правовое общество и эффективные антикоррупционные механизмы.

Некоторые китайские исследователи, обращая внимание на специфичность китайского опыта, китайской модели развития, идут, однако, еще дальше и вообще отказываются уподоблять происходящие сегодня в Китае процессы тем, которые имели место в экономической истории Запада, таким, например, как индустриализация и модернизация. Среди них находятся и ученые, которых никак нельзя заподозрить в незнании западных реалий. В этом ряду находится и *Хуан Пин*, получивший докторскую степень в Лондонской школе политических и экономических наук и занимающий важные руководящие посты в международных научных ассоциациях¹⁴.

С точки зрения *Хуан Пина*, индустриализация Западной Европы, особенно Англии, это отнюдь не только технологический процесс. Она тесно связана с целым рядом феноменов — от институтов до идейных концептов, возникавших одновременно с

капитализмом, с формированием нации-государства, например, с понятием «современности». Это не только урбанизация, но еще и создание системы эксплуатации наемного труда внутри страны, и внешняя экспансия, агрессия, колонизация плюс легитимизация этих процессов в культуре и общественном сознании. Китай стремился осуществить индустриализацию посредством коллективизации, кооперации, государственно-частного хозяйствования. Западноевропейская индустриализация противостоит природе, уничтожает ее. Китай не может повторить путь Англии не только в силу того, что он упустил свой исторический шанс, и вследствие ограниченности ресурсов. Но и еще потому, что он является не только национальным государством, хотя и очень молодым и во многих отношениях еще не совершенным, но также и целым континентом, сопоставимым по масштабам с европейским. Здесь долгое время сосуществуют разные формы хозяйства, включая семейное хозяйство, которые статистика не включает в национальную экономику. Именно поэтому, хотя Китаю не раз предрекали экономический крах, предсказания эти не сбываются. Континентальную экономику нельзя сравнивать с «национальной экономикой» относительно небольшого нации-государства.

Еще более важно, по мнению *Хуан Пина*, то, что Китай — древняя цивилизация, сохранившаяся до наших дней. Она включает в себя не только ханьскую культуру, образуемую конфуцианством, легизмом, даосизмом и буддизмом, но также и многочисленные «малые культуры», «малые традиции». Под натиском «модернизации» многие традиционные феномены исчезают, люди в той или иной мере «вестернизировались». Но если иметь в виду не внешность, а способ мышления, общения, коммуникации, то нельзя не признать, что традиции предков сохраняются. И в этом состоит один из секретов «китайского пути развития». Он отчасти объясняет, почему так много зарубежных китайцев сохраняют весьма тесные эмоциональные и хозяйственные связи со своими земляками на родине, почему так много работающих в городе крестьян, получая столь низкую зарплату, ежегодно переводят домой десятки миллиардов юаней.

В связи с этим *Хуан Пин* ставит вопрос: не может ли понятие «сяокан» служить альтернативой понятию «модернизации»? Не лучше ли вести всестороннее, согласованное, устойчивое строительство такого общества, чем следовать западной модели развития и осуществлять «модернизацию», разрушая природу и жертвуя чужими интересами? А после достижения «малого достатка»

опять-таки не заниматься «модернизацией», а вернуться к завету предков, согласно которому в конечном счете должен наступить «*датун*» («великое единение»).

Если без предвзятости (политической или культурной) посмотреть на путь, которым следовал Китай с начала реформ, то нельзя не признать, констатирует *Хуан Пин*, что это — свой собственный путь. Как бы его ни называть — «китайской спецификой» или «начальным этапом социализма», путь не повторял никакую другую известную модель. Данный основополагающий факт и можно считать «консенсусом». Другое дело, что общественные науки пока по-настоящему не осознали этот факт, эту практику, не выдвинули собственных понятий, чтобы их объяснить. Понятия «общества малого достатка» и «гармоничного общества» появились не в научных кругах. Тем не менее, их нельзя воспринимать как чисто политические лозунги. Ими можно пользоваться как инструментами для анализа. С точки зрения *Хуан Пина*, понимание Китая может также лучше служить пониманию Азии и мира, нежели попытки трактовать их с европоцентристских позиций.

Некоторые китайские экономисты и политологи доводят такую точку зрения до своей логической кульминации. Исходя из неопровержимого факта, что западная общественная наука до сих пор не выдвинула концепций, удовлетворительно объясняющих успешное развитие Китая и обосновывающих его перспективы, они предлагают свои своеобразные теоретические конструкции.

Утверждается, например, что нынешняя экономическая система КНР, не является ни переходной, ни временной. «Это — смешанная экономика, возникшая на основе взаимодействия специфического политического строя Китая, его культурных традиций и экономического капитала»¹⁵. Подобный феномен не имеет ничего общего с переходом от аграрного общества к обществу индустриальному и от плановой экономики советского типа к экономике рыночной. Это — новая, самостоятельная экономическая формация, возникшая при взаимодействии видимой руки (власти) с рукой невидимой (рынком) и испытывающая влияние китайской культуры Конфуция и Мэн-цзы, культуры политических партий и товарной культуры. При такой посылке экономическая стратегия для Китая тоже должна носить уникальный, неповторимый характер, принципиально отличающийся от тех рекомендаций, которыми оперируют исследователи, считающие себя адептами транзитологии.

В какой-то мере разделяет такой подход и известный китайский экономист *Линь Ифу*. По его мнению, именно вследствие пробелов в существующей экономической науке многие выдающиеся экономисты мира пришли к неправильным заключениям по поводу ряда явлений, появившихся в процессе осуществления политики реформ и открытости в Китае¹⁶.

За несколько лет, прошедших после первой широкой дискуссии о китайской модели, произошли довольно существенные подвижки как в представлениях исследователей, так и, что еще более примечательно, в массовом сознании. Мы можем наблюдать определенную коррекцию и сближение представленных выше взглядов.

Так, например, *Юй Кэпин* еще более определенно отмежевывается от неолиберализма, составляющего основу «Вашингтонского консенсуса», равно как и от ограниченности возникших на базе последнего и утративших за последнее время свою эффективность «латиноамериканской» и «восточноазиатской» моделей¹⁷. Он делает значительно больший, чем прежде, акцент на специфичности «китайской модели» (которая, кстати сказать, для него синонимична «китайскому пути», «китайскому опыту», «специфически китайскому пути социализма»), на ее отличиях от западных моделей общественного развития.

Эти отличия он усматривает, прежде всего, в четырех областях. Во-первых, в системе собственности. Китай не проводит тотальной приватизации, но стоит за многоукладность при ведущей роли общественного сектора. Во-вторых, в способе размещения ресурсов. Хотя Китай избрал рыночную экономику, тем не менее, регулирующая роль и вмешательство государства в экономику здесь значительно сильнее, чем на Западе. В-третьих, еще более очевидны различия в политике. Китай не приемлет многопартийность, парламентаризм, разделение властей. В-четвертых, в политической идеологии, где ведущее место по-прежнему принадлежит марксизму, но уже допускается существование иных идейных течений.

Специфичность современного строя в Китае настолько важна для *Юй Кэпина*, что он включает в нее не только пореформенный, но и дореформенный опыт. По его словам, уже Мао Цзэдун начал нащупывать собственный китайский путь к социализму. А проложенный Дэн Сяопином курс на реформы и открытость базировался на исканиях Мао Цзэдуна. Все социальное развитие КНР после 1949 г. рассматривается как процесс китаи-

зации социализма, как процесс формирования китайского социализма, который включает в себя как дореформенный традиционный социализм, так и пореформенный социализм с китайскими особенностями¹⁸.

Констатация отличий не означает отсутствия у Китая и других стран общих моментов в стратегии социального развития. Больше того, успех «китайской модели» объясняется как раз тем, что, базируясь на специфике Китая, она полностью использует достижения человеческой цивилизации. Соответственно ценность «китайской модели» *Юй Кэпин* усматривает в том, что она открывает путь к модернизации национального государства, обогащает знание человечества о законах и путях социального развития, способствует многообразному развитию человеческой цивилизации в эпоху глобализации. Но «китайский путь» нельзя рекомендовать другим развивающимся странами. Простое повторение «китайской модели» или «китайского пути» *Юй Кэпин* считает маловероятным именно в силу их специфичности.

В этом духе рассматривается и вопрос об общечеловеческих ценностях. *Юй Кэпин* отвергает как отождествление западных ценностей с общечеловеческими, так и утверждение о несовместимости последних с китайской спецификой. Особенно наглядно это проявляется в отношении к демократии, вызывающем наибольшие споры. Демократия не может служить исключительной прерогативой развитых капиталистических стран Запада. Китай также стремится к демократии, но к специфически китайской социалистической демократии. Она имеет как общие черты с западной демократией, так качественные отличия. Любая демократия предполагает наличие законности, выборов, контроля, участия населения во власти. В этом состоит общее. Но все эти компоненты имеют и китайскую специфику, которая коренным образом отличается от западной.

Китайский путь предполагает движение от внутрипартийной демократии к демократии для всех, но первая вовсе не подменяет собой последнюю. Особое значение придается развитию базовой демократии, которая постепенно должна продвигаться снизу вверх с тем, чтобы, сохраняя социальную стабильность, накапливать опыт политической демократии.

Особый акцент делается на незавершенности «китайской модели». Поскольку задачи модернизации до конца не выполнены, постольку «китайская модель» находится еще в процессе поиска, причем достаточного долгого. Поэтому она также не может пре-

тендовать ни на наличие у нее подходов к решению всех внутренних проблем, ни, тем более, на копирование их другими странами.

Необходимо подчеркнуть, что такая позиция полностью совпадает с официальной линией китайских властей. Выступая 18 декабря 2008 г. на торжественном собрании, посвященном тридцатилетию 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, провозгласившего курс на реформы и открытость, Ху Цзиньтао подчеркнул, что в мире нет равно пригодных для всех, готовых и неизменных путей и моделей развития. Мы не можем, отметил он, превращать те или иные книжные суждения в догмы, связывающие наше мышление и наши действия, равно как не можем и считать то, что доказало свою эффективность на практике, совершенной и непогрешимой моделью. Необходимо постоянно совершенствовать наш путь и модель развития в соответствии с новыми изменениями внутренней и внешней обстановки.

В конце 2008 г. журнал «Жэньминь луньтань» провел среди своих читателей и пользователей Интернета анкетный опрос, отразивший восприятие «китайской модели» массовым сознанием. Признали существование «китайской модели» $\frac{3}{4}$ респондентов. Из них подавляющее большинство отметило, что она еще только «нащупывается». Представление о «китайской модели» ассоциируется у опрошенных с такими понятиями, как «реформа», «развитие», «эволюция», «открытость», «эксперимент», «стабильность». Среди главных особенностей на первое место респонденты ставят «мощную руководящую роль правительства», «стратегию развития, основанную в первую очередь на поступательных реформах», и «сочетание внутренних реформ с внешней открытостью». Становление «китайской модели» больше всего увязывается со спецификой формирования рынка, демократии и индустриализации. Важнейшими направлениями дальнейшего совершенствования «китайской модели» признают «совершенствование системы общественного распределения и сокращение социальных различий между богатыми и бедными» (81,3 %), «ускорение реформ в здравоохранении, образовании и жилищной сфере» (78,7 %), «совершенствование системы общественного финансирования, укрепление сферы оказания публичных услуг» (61,7 %), «отказ от двойственного подхода, согласованное развитие города и деревни» (58,5 %).

Признание специфичности и неповторимости «китайской модели» в глазах подавляющего большинства китайских иссле-

дователей ни в коей мере не умаляет ее всемирно исторического значения. Такое значение усматривается в нескольких отношениях. Прежде всего, «китайская модель» привлекает всеобщее внимание в силу того, что она доказала свою состоятельность, обеспечивая в течение трех десятилетий высокие темпы экономического роста и длительную социальную стабильность. Эта модель показала эффективность в решении главной для развивающихся стран проблемы — борьбы с бедностью. Она реально продемонстрировала успешный путь крупной развивающейся страны к национальному возрождению и значительному повышению ее роли и влияния в мировой экономике и политике.

Все это достигнуто благодаря тому, что «китайская модель» не просто наилучшим образом отвечает насущным потребностям и особенностям Китая, но способна к саморазвитию и самосовершенствованию, т. е. пригодна для решения не только текущих, но и перспективных задач развития. Практическая инновационная трансформация модели применительно к меняющейся обстановке неизменно предшествовала ее теоретическому обоснованию и законодательному закреплению. Так, в процессе перехода от плановой экономики к рыночной происходил естественный и искусственный отбор наиболее эффективных на каждом данном этапе норм и институтов. Именно поэтому, по убеждению Пекина, «китайская модель» призвана стимулировать не столько ее имитацию, сколько поиск своих собственных, специфических путей.

Большинство китайских исследователей сходятся в определении основных путей и средств, практикуемых и намечаемых Китаем для достижения своих стратегических целей. Практически все согласны с тем, что принципиальное значение имел в конце 70-х годов прошлого века выбор **рыночных механизмов, рыночных реформ, рыночных институтов** как главного двигателя развития. При этом основная функция рынка усматривалась не в изменении отношений собственности (как, например, при «шоковой терапии»), а в повсеместном утверждении принципов равноправной и честной **конкуренции**. И в этом отношении важная роль практически единодушно отводится **государству**.

Время от времени в Китае возобновляются споры по поводу того, в какой мере можно и нужно доверять рынку распоряжение экономическими процессами и социальной сферой. Но сегодня в большинстве случаев речь идет не об отказе от рынка и возврате к старой планово-распределительной системе, а лишь о необходи-

мых и назревших коррективах рыночного курса. Среди них важнейшее место принадлежит, во-первых, оптимизации отношений между государством и рынком в макрорегулировании экономического развития и, во-вторых, требованию более равномерного и справедливого распределения плодов реформы между различными группами населения, между элитой и обществом.

Первый мотив стал звучать особенно настойчиво в 2005—2006 гг. в связи с окончанием 10-й и началом 11-й пятилетки. Выдвинутые руководством страны задачи на очередное пятилетие были сформулированы не в форме привычного «плана» (*цзихуа*), а в менее обязывающем виде «проекта» или «программы» (*гуйхуа*), что было расценено некоторыми специалистами как отступление государства, как уступка тем, кто желал бы сохранить за государством лишь роль «ночного сторожа», отдавая на откуп рынку те функции, которые оно исполнять не может и не должно. Соглашаясь с тем, что основополагающую роль в дислокации ресурсов призван играть рынок, а не план («по меньшей мере, на начальной стадии социализма»), они, тем не менее, настаивали на необходимости сохранять за правительством функции направляющего стратегического планирования и регулирования.

Рынок, утверждает один из наиболее видных и уважаемых представителей старшего поколения китайских экономистов Лю Гогуан, не в состоянии самостоятельно обеспечивать суммарный баланс между спросом и предложением. Если полностью полагаться на стихийную регулиющую роль закона стоимости, то это может привести лишь к циклическим потрясениям и частым экономическим кризисам.

Полагаясь на рынок, считает Лю Гогуан, трудно решить проблему урегулирования макроструктуры, включая соотношение между первичной, вторичной и третичной сферами экономики, между потреблением и накоплением, между обрабатывающими и базовыми отраслями промышленности. Предстоит в течение десяти, двадцати, тридцати лет относительно безболезненно добиться рационализации, модернизации, возвышения отраслевой структуры. В принципе этого можно достичь и посредством стихийного рыночного перераспределения людских, материальных, финансовых ресурсов. Но это — процесс чрезвычайно медленный, он пролегает через многочисленные и крупные откаты и кризисы, за него придется заплатить немалую цену. Такой путь Китай не может себе позволить. Некоторые соотношения следует выправлять путем государственного планирования важных

объектов и крупных государственных инвестиций, призванных воспрепятствовать цикличности.

Рынок, по Лю Гоуану, не может также обеспечить справедливую конкуренцию, поскольку он непременно ведет к монополизации, отчего некоторые капиталистические государства вводят у себя антимонопольное законодательство. Рынок не предохраняет природную среду от загрязнения, ибо то, что выгодно для отдельного предприятия, может быть смертельно опасно для общества и всего человечества. Наконец, рынок не гарантирует социальной справедливости. Во всех этих случаях государство должно восполнять недостатки рынка¹⁹.

Споры по поводу справедливости распределения «шишек и пышек» рыночного курса в очередной раз вспыхнули в августе 2005 г., когда был опубликован доклад Отдела социальных исследований Центра по изучению развития при Госсовете КНР, где было сказано, что реформа в здравоохранении в основном потерпела неудачу. Серьезное недовольство вызывали также другие социально значимые реформы — в сфере образования и жилья. Все они вели к углублению расслоения и обострению противоречий в обществе. Под ударом критики слева оказались китайские экономисты-рыночники, представители неолиберального «мейнстрима» в экономической науке. Их обвиняли в том, что они фактически защищают интересы чиновников и предпринимателей, больше всех выигравших в результате реформ, не заботясь о необходимой защите интересов слабых социальных групп.

Иную позицию отстаивают те, кто доказывает, что главная беда заключается не в идее самих реформ, не в их сущности, а в их системном искажении. Известный китайский социолог Сунь Липин анализирует действие «искажающего механизма», возникновение которого, с его точки зрения, восходит к формированию союза элит начиная с середины 90-х годов прошлого века. Искращения происходят как на стадии принятия решений и подготовки проектов реформ, так и на стадии их осуществления. И в том, и в другом случае действуют они в одном направлении: быстро продвигается все, что сокращает социальные блага, преобразования же, не выгодные привилегированным группам, в основном тормозятся. Ни на одну из названных стадий рядовые граждане не могут оказать эффективное воздействие. В некоторых случаях центральное правительство оказывается более озабоченным политическими и социальными проблемами, особенно социальной стабильностью, чем местные власти. В реальной

жизни сигналы о требованиях низов доходят до высших органов, принимающих решения, только вследствие обострения противоречий, умножения социальных проблем и иных чрезвычайных обстоятельств. Но такие каналы передачи информации не только малоэффективны, но и обходятся дорого. Невозможность эффективного выражения массами своих требований и мнений в процессе реформ еще более усиливает действие механизма, искажающего реформы²⁰.

Не меньшее значение, чем осуществление рыночных институциональных реформ, придается включенности китайской экономики в процессы *глобализации*. Открытость Китая внешнему миру используется в том числе и как инструмент для углубления рыночного курса в собственной стране, для адаптации ее к мировым нормам и стандартам, причем не только в экономике. Продвижение внутренних реформ, со своей стороны, открывает новые шансы и возможности не только для сближения Китая с остальным миром, но и для создания собственных каналов и инструментов воздействия на мир, для постепенной корректировки вектора самой глобализации, для активного участия Китая в выработке общих правил игры. Одним из важных векторов китайской стратегии участия в экономической глобализации становится создание китайских транснациональных корпораций, сопоставимых по мощи с теми сотнями иностранных ТНК, которые уже успешно действуют на внутреннем китайском рынке.

Большинство китайских экспертов выступают за дальнейшее расширение открытости китайской экономики внешнему миру с тем, чтобы в ближайшее двадцатилетие Китай стал производственным, торговым, финансовым и инновационным центром мира. Они настаивают на дальнейшей либерализации режима внешней торговли и иностранных инвестиций, не опасаясь увеличения внешней зависимости страны. Одновременно ширится экспансия китайского капитала, распространяясь не только на близлежащие регионы Юго-Восточной Азии, но и на Африку, Ближний Восток, Латинскую Америку и даже на Европу и США.

Процессы модернизации, интеллектуализации и информатизации Китая рассматриваются чаще всего в единой связке и в контексте участия в глобализации. Подчеркивается, что развитие экономики знаний может быть обеспечено только путем увеличения инвестиций в человеческий капитал и повышения вклада в развитие главного сравнительного преимущества Китая — прак-

тически неограниченных ресурсов рабочей силы. Лишь модернизация, ведомая знаниями и информатизацией, может не только устранить отставание Китая от передовых держав, но и сократить разрывы («цифровые пропасти») между городом и деревней, между разными регионами и социальными стратами в самом Китае.

Примечания

¹ Таких взглядов, например, придерживаются Чжан Вэйин, Бо Чжуннэн, Ян Жуйлун и в какой-то мере такой маститый ученый, как У Цзинлянь. См. например, их выступления в дискуссии о стратегии экономического развития Китая. 21 шицзи цзинцзи баодао. 2005. 25 февраля.

² Чжан Чжоюань. Шичанхуа гайгэ ды тэсэ чжи лу [Особый путь рыночных реформ] // Жэньминь луньтань. 2007. 10 июля.

³ Rato J. The Beijing consensus. The Foreign policy centre. 2004. L. 79 P.

⁴ Идея «сокращения своих возможностей» восходит к времени «Борющихся царств». Гоу-цзянь, правитель царства Юэ (497—465 гг. до н. э.), и Фу-ча, правитель царства У (495—473 до н. э.), с переменным успехом воевали друг с другом и с правителями других царств. Вначале победу одержал Гоу-цзянь, разгромивший в 496 г. до н.э царство У. Но два года спустя Фу-ча захватил столицу царства Юэ и пленил его правителя. После того, как последний, пережив всевозможные унижения, был отпущен из плена и вернулся на родину, он поклялся отомстить обидчику. Долгие годы он готовился к реваншу, мало-помалу восстанавливая мощь царства Юэ. В 482 г. до н. э., воспользовавшись тем, что Фу-ча отбыл из своего царства с отборными войсками и оставил охранять свои земли лишь наследника с престарелыми родителями, Гоу-цзянь разгромил оставшееся войско и убил наследника. Фу-ча, заключив союз с царством Цзинь, попытался нанести ответный удар, но потерпел неудачу и вынужден был пойти на мир с Юэ. В 473 г до н. э. войска Юэ вновь напали на царство У. Фуча был окружен и в безвыходном положении покончил жизнь самоубийством. Вскоре все окрестные царства признали Гоу-цзяня своим гегемоном.

⁵ Борох О., Ломанов А. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et contra. 2005. Т 3. С. 20—39; Карнеев А. Н. Китай и глобализация через призму дискуссий китайских ученых. Подъем Китая: значение для глобальной и региональной безопасности. Сб. статей международной научной конференции. М., 2007. С. 47—65.

⁶ Чжунго моши юй «Бэйцзин гунши» чаоюе «Хуашэндунь гунши». [Китайская модель и Пекинский консенсус выходят за пределы «Ва-

шингтонского консенсуса] / Отв. ред. Юй Кэпин и др. Пекин, 2005; Чжунго юй цюаньцюхуа: Хуашэндунь гунши хайши Бэйцзин гунши. [Китай и глобализация: Вашингтонский консенсус или Пекинский консенсус] / Гл. ред. Хуан Пин и Цуй Чжюань. Пекин, 2005; и др.

⁷ См., например, выступление Линь Чуня на Международном научном симпозиуме «Пути развития Китая» в Тяньцзиньском педагогическом университете (август 2005 г.). Бэйцзин гунши» чаюе... С. 242—250.

⁸ См.: выступление Цай То. Там же. С. 319—327.

⁹ См.: выступления Самира Амина и Арифа Дирлика. Там же. С. 57—71 и 99—112.

¹⁰ Юй Кэпин. «Чжунго моши» — цзиньянь юй цзяньцзе. [Китайская модель] — опыт и точка зрения] // Вэньхуэйбао. 2006. 24 февраля.

¹¹ Ли Пэйлинь. «Чжунго цзиньянь» ды нэйхань хэ цзибэнь яодянь» [Содержание и основные черты «китайского опыта»] // Чжунго кэсюэюань юаньбао. 2005. 18 ноября.

¹² Чжан Вэйвэй. Чжунго моши ды мэили [Магия китайской модели] // Гоцзи сяцю луньтань бао. 2006. 2 ноября.

¹³ Чжан Вэйвэй. Чжунго моши хуэйин шицзе тяочжань [Китайская модель — ответ на мировой вызов] // Хуаньцю шибао. 2008. 8 января.

¹⁴ Хуан Пин. «Бэйцзин гунши» хай ши «Чжунго цзиньянь?».[«Пекинский консенсус» или «китайский опыт?»] // <http://theory.people.com.cn/GB/41038/3802633.ht>

¹⁵ Хун Чаохунь. «Чжунго тешу лунь» дьяньфу сифан цзиндянь [Концепция китайской специфики опрокидывает западную классику] // Хуаньцю шибао. 2006. 29 августа.

¹⁶ Линь Ифу. Сянью лилунь нань и цзеши Чжунго цзинцзи «цицзи». [Современной теории трудно объяснить китайское экономическое «чудо»] // Жэньминь жибао. 2007. 20 декабря.

¹⁷ Юй Кэпин. «Чжунго моши» юй сысян цзефан. [«Китайская модель» и освобождение сознания] // Бэйцзин жибао. 2008. 19 ноября.

¹⁸ Юй Кэпин. Чжунго тэсэ шэхуэйчжуй ды шицзе лиши ии [Всемирно-историческое значение социализма с китайскими характеристиками] // Жэньминь луньтань. 2008. 25 декабря.

¹⁹ Лю Гогуан. Шэхуэйчжуй шичан цзинцзи е сюйяо цзихуа. [Социалистической рыночной экономике также нужен план]. Чжунго цинняньбао. 2006. 20 марта Те же соображения он высказал ранее в интервью еженедельнику «Шаньгу чжоукань» 21 ноября 2005 г., опубликованном в сборнике «Лю Гогуан сюаньфэн ши лу» [Подлинные записи о вихре Лю Гогуана]. Пекин, 2006. С. 47.

²⁰ *Сунь Липин*. Цзай фаньсы гайгэ ды цзичу шан туйцзинь гайгэ [Продвигать реформы на основе их пересмотра]. Цзинцзи гуаньча бао. 2006. 6 февраля. Цит. по: Лю Гогун сюаньфэн... С. 319—324.

1.3. Мирное возвышение Китая

На рубеже веков результаты реализации экономической стратегии Китая стали обретать все более грандиозные контуры. Перспектива его неотвратимого дальнейшего возвышения в самом ближайшем будущем становилась все более очевидной и для него самого, и для мира в целом.

Показательно в этом плане социологическое исследование, осуществленное влиятельным германским фондом Бертельсмана в октябре—декабре 2005 г. Фонд провел опрос в 9 странах, включая Бразилию, Китай, Францию, ФРГ, Великобританию, Индию, Японию, Россию, и США, на тему «Кто будет править миром — будущие мировые державы XXI века» В каждой из стран было опрошено по 100—1500 человек. Результаты оказались следующими. 57 % респондентов уверены, что к 2020 г. США сохраняют статус мировой державы, и 55 % полагают, что к тому времени мировой державой станет и Китай. Интерпретируя эти данные, американская печать писала, что, таким образом, по мнению большинства населения Земли, господствующее положение США в современном мире продлится лишь до 2020 г., ибо к тому времени Китай превратится в их мощного конкурента и станет претендовать на руководящую роль в мире. При этом респонденты в Китае выказали еще большую уверенность в грядущем превращении своей страны в мировую державу. Таковых здесь оказался 71 %. В США только 66 % полагают, что их страна останется в 2020 г. ведущей мировой державой¹.

В связи с этим возникло стремление сопоставить путь возвышения Китая с теми маршрутами, которыми шли его предшественники, в разные исторические эпохи становившиеся великими мировыми державами. Важный повод для такого сопоставления дал приход на руководящие позиции в Пекине нового поколения лидеров, которые получили возможность и подвести предварительные итоги, и уточнить направление дальнейшего движения.

Ценным подспорьем для компаративистского анализа на Западе стала вышедшая несколько ранее книга известного английского историка Пола Кеннеди «Возвышение и упадок великих

держав»². Кеннеди использует разные показатели для оценки реальной, относительной и потенциальной мощи стран в различные периоды истории. Так, до XX века в качестве таких показателей используются удельный вес городского населения, выплавка стали, потребление энергии на основе современных видов топлива, объем промышленного производства. Для XX века вводятся параметры производства вооружений и потребления сырья и энергии на единицу ВВП.

В числе мировых держав прошлых столетий парадоксальным образом отсутствует Китай, который по экономической мощи в разное время опережал Европу, но во многих иных отношениях значительно ей уступал. В 1750 г. на долю Китая приходилось 32 % мирового ВВП. Второе после Китая место в мире по этому показателю занимала Индия — 24 % мирового ВВП. Таким образом, на двух азиатских гигантов приходилось свыше половины мирового ВВП. Пять европейских стран: Англия, Франция, Германия, Россия и Италия производили лишь 17 % ВВП, чуть больше половины китайского показателя. Однако численность населения Англии и Франции составляла всего 35 млн человек, поэтому в расчете на душу населения ВВП был больше, чем в Китае. Эти страны раньше вступили на путь модернизации, раньше стали развивать политические институты, современные науки и технологии, внешние связи. Китай же, изолированный от внешнего мира и скованный феодальными путями, был обречен на отставание.

К 1830 г., когда в Англии уже свершилась промышленная революция, во Франции — Великая буржуазная революция, а США, одержав победу в войне за независимость, обрели государственность, доля Китая в мировом ВВП сократилась, но он все еще сохранял первенство. Удельный вес колонизированной к тому времени Индии также уменьшился. А вклад пяти стран Европы в мировой ВВП поднялся на 12 процентных пунктов и достиг 29 %, сравнявшись с китайским. В том числе доля Англии составила 9,5 %. Однако ее население составляло всего 18 млн человек, тогда как в Китае проживало до 400 млн. Так что подушевой показатель ВВП в Китае был многократно ниже.

К 1900 г. удельный вес Китая в мировом ВВП упал до 6 %, а Индии — до 1,7 %. Самые населенные страны мира стали и самыми бедными. На долю 5 европейских стран приходилось более половины мирового ВВП (Англия — 18,5 %, Франция — 6,8, Германия — 17,9, Россия — 8,8, Италия — 2,5 %), на долю США — почти четверть (23,6 %). Удельный вес Японии через 30 с лишним лет после реформ Мэйдзи поднялся до 2,4 %.

В конце 2006 г. по экономическому каналу центрального китайского телевидения был показан документальный сериал «Возвышение великих держав». Сериал состоял из 12 частей продолжительностью по 50 минут каждая. В них была показана история девяти государств, которые, начиная с XV века, становились лидерами. В их числе были Португалия, Испания и Голландия, Англия, Франция и Германия, Япония, США и Россия. Фильм увидели многие миллионы телезрителей. На сетевых форумах завязывались горячие дискуссии. Живо обсуждались судьбы прошлых и нынешних ведущих держав, обстоятельства их взлета и причины упадка. Все это примерялось к собственной стране, ее прошлому и перспективам.

Собственно, в этом и состояла основная цель проекта. Как говорил в своих многочисленных интервью один из создателей фильма — историк и публицист Май Тяньшу: «Отправной точкой фильма был Китай». Главный урок, который предлагалось извлечь Китаю, состоял в том, что западная цивилизация коммерции, цивилизация сделок выработала способ существования, основанный на общественной рациональности. Со временем она привела к промышленной революции, к прогрессу науки и техники, росту материального благосостояния. Главный вывод состоял в том, что рыночная экономика, по своей сути, неотвратимо ведет к политической демократии. Этот путь, замечает Май Тяньшу, мы называем нейтральным словом «модернизация». С его точки зрения, модернизация не является внутренним императивом собственно китайской цивилизации. Ее требует от Китая внешний мир. Китайская цивилизация, скованная требованиями ригористичной морали, в отличие от западной, считается значительно менее склонной к уступкам и компромиссам, привычка к которым веками вырабатывалась в условиях рыночных отношений. Сегодня этот способ существования Китаю предстоит освоить, причем не только в экономике, но и в культуре, в политике, в социальных отношениях и на внешней арене. При этом внешнее возвышение всегда предваряется возвышением внутренним, в противном случае оно оказывается непрочным и непродолжительным.

Здесь важно подчеркнуть, что к подготовке фильма приступили тремя годами ранее, т. е. тогда, когда на историю возвышения великих держав было обращено внимание нового высшего партийного руководства страны. Эта тема была специально рассмотрена в конце 2003 г. на 9-й сессии так называемой коллек-

тивной учебы членов Политбюро ЦК КПК³. Сессию открыли лекциями двух маститых профессоров, специалистов по всемирной истории: Ци Шижуня из Пекинского педагогического университета и Цянь Чэнданя из Нанкинского университета. Среди уроков возвышения стран-предшественниц Китая лекторы выделили три главных момента. Во-первых, единство национального государства как предпосылку процветания. Во-вторых, использование государственной мощи для продвижения политики меркантилизма. И, в-третьих, многообразие путей модернизации. Англия, США, Франция использовали модель «свободной экономики», Германия — модель «контролируемой экономики», Россия — политику прямого государственного вмешательства.

Подытоживая учебу, председательствовавший на заседании Ху Цзиньтао обратил внимание на основной, с его точки зрения, вывод. Для страны чрезвычайно важно использовать предоставляемый историей шанс, чтобы ускорить развитие, обрести инициативу, воспользоваться своими преимуществами. Этот шанс нельзя упускать. В ключевые моменты исторического развития он позволяет отсталым странам и нациям возможность совершить прыжок в будущее, оседлать гребень приливной волны. Упустив шанс, прежде сильные и процветающие государства и нации перестают двигаться вперед и откатываются вспять, становятся отстающими.

Ху Цзиньтао был, разумеется, не первым китайским лидером, настаивавшим на необходимости пользоваться благоприятными ситуациями в интересах развития и продвижения страны на ведущие позиции в мире. Понятие шанса самым тесным образом связано с прагматическим походом к действительности, прокламируемым заветами Дэн Сяопина. Сам он призывал «ловить момент» (*чжуа чжу шицзи*) в ходе своей знаменитой поездки по южным районам Китая в 1992 г. Пришедший после него к власти в партии и государстве Цзян Цзэминь назвал первые десятилетия XXI века «важным периодом стратегических шансов для Китая»⁴. Это понятие вошло и в документы XVI съезда КПК.

Для Дэн Сяопина и его наследников в высшем китайском руководстве стратегическая выгодность исторической ситуации оценивается, главным образом, в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения процессов, происходящих на переднем крае мирового экономического развития и связанных с научно-техническим прогрессом, информатизацией и глобализацией. Эти процессы позволяют наиболее активно участвующим в них странам,

прежде всего Китаю, скачкообразно преодолевать свое отставание и настигать глобальных лидеров. Во-вторых, с точки зрения наличия в мире противоречий, которые можно было бы обернуть на пользу Китая.

Но рамки периода стратегических шансов Китая определяют и еще одним важным обстоятельством, связанным с демографической обстановкой в стране. Это — время, когда возрастная структура населения наиболее благоприятна для развития, а необходимость социальной поддержки младших и старших возрастных групп наименее обременительна. Его также называют «окном демографических дивидендов» или «демографическим бонусом».

Открытие «окна демографических дивидендов» подразумевает, прежде всего, что имеется необходимый прирост численности рабочей силы, что ее возрастная структура достаточно молода, а цена невысока. Все это при наличии высокой занятости может обеспечивать быстрое увеличение общественного богатства. Далее, сравнительно молодая структура рабочей силы благоприятствует высокой доле накопления, что при развитых рынках капитала способствует его превращению в инвестиции и тем самым ускоряет экономический рост. Наконец, поскольку пик старения населения еще не наступил, бремя социального обеспечения еще невелико, что также увеличивает темпы накопления общественного богатства⁵.

В принципе «окно демографических дивидендов» может оставаться открытым в течение 30—50 лет, что зависит от темпов сокращения рождаемости. При быстром падении рождаемости и высоком удельном весе трудовых ресурсов потенциал развития увеличивается, но «окно» закрывается быстрее. При медленном сокращении рождаемости, напротив, «окно» открыто дольше, но шансы для развития не столь очевидны. В Китае, как известно, происходило резкое сокращение рождаемости, поэтому высокий «демографический бонус» компенсируется относительной непродолжительностью его использования. Окно демографических дивидендов открылось для Китая в 1990 г. а закроется в 2030 г., при этом наиболее широко оно будет распахнуто в ближайшие полтора-два десятилетия.

Китайские историки полагают, что Китай в новой и новейшей мировой истории неоднократно упускал свои стратегические шансы. Первый раз это случилось на рубеже XV и XVI веков, в эпоху великих географических открытий, когда европейские державы наращивали свое могущество путем захвата

заморских территорий. Китай, обладавший огромным по тем временам морским флотом, не сумел использовать это преимущество. В конце XVIII — начале XIX века Китаю не удалось включиться в охватившую европейские страны промышленную революцию. В конце XIX века Китай и Япония были в схожих социально-экономических условиях. Обе страны стояли перед необходимостью модернизации своих институтов. Японии это сделать удалось, а Китаю нет. Япония за несколько десятилетий сумела перестроить свою экономику, а затем одержать военную победу сначала над Китаем, затем — над Россией и войти в число мировых держав. Китай же остался слабой страной, не способной защитить себя от колониальных захватов и внутренних междоусобиц, и в итоге остался в стороне от наступившей на Западе эры технического прогресса. В 50-е годы прошлого века, когда темпы экономического роста в 1-й пятилетке достигли 9,2 %, благоприятные перспективы были надолго перечеркнуты попыткой еще более форсировать темпы посредством «большого скачка», а затем и «культурной революцией». В годы холодной войны удалось вырваться вперед Японии и «малым драконам» Азии. Воспользовавшись обстановкой советско-американского противоборства, а также возможностями, предоставленными войнами в Корее и Вьетнаме, эти страны сумели вступить в третью волну научно-технической революции и совершить скачок в своем развитии. Благодаря этому Азиатско-Тихоокеанский регион встал вровень с регионами Западной Европы и Северной Америки. Китай же, как утверждают китайские аналитики, сумел воспользоваться своими шансами только наполовину. Он укрепил свою промышленность, создал ядерное оружие, вырвался в космос, но во многом время и ресурсы были потрачены впустую⁶.

Единство внутренних и внешних стратегических задач включает в себя в качестве важнейшего звена обеспечение внешнеполитической обстановки, благоприятствующей модернизации и экономическому развитию, гарантирующей их безопасность. Не случайно в толковом словаре китайского языка «Цыхай» понятие «национальной стратегии» (*гоцзя чжаньлюе*) разъясняется как «общий курс планирования и руководства государственной безопасностью и развитием».

Отсюда вытекает стремление избегать конфронтации и, тем более, холодной войны с Западом, особенно с США, не допускать окружения, создания вокруг Китая противостоящих ему союзов, а также выхода из-под контроля очагов напряженности

по периметру его границ: между Индией и Пакистаном, на Корейском полуострове, в Афганистане. Для этого КНР важно усиливать связи с соседними государствами, еще более укреплять отношения с Россией, Европой, поддерживать нормальные китайско-американские отношения. Добиваясь реализации своих внешнеэкономических и внешнеторговых интересов, Пекин стремится вести себя осторожно и сдержанно и в этой области. Он заявляет себя ответственным игроком во всех сферах международных отношений, чтобы избежать упреков в нарушении их стабильности.

Общий уровень военных угроз оценивается сегодня как неизмеримо более низкий, чем на начальном этапе существования КНР, вплоть до 80-х годов прошлого столетия. Считается, что опасность использования внешними враждебными силами вооруженных средств для полномасштабного военного вторжения, свержения политической власти в стране, изменения ее строя вообще может быть в основном исключена⁷. Это не означает, однако, что по мере нарастания совокупной национальной мощи Китая исчезают или даже уменьшаются иные угрозы политическим институтам, национальной культуре, системе ценностей, экономической самостоятельности.

Главным источником внешней опасности для Китая остаются США. «Это — единственная в мире страна, у которой есть и желание, и возможности полномасштабно угрожать интересам безопасности Китая. Почти все угрозы безопасности Китая прямо или косвенно связаны с фактором США»⁸. Несмотря на значительный рост американо-китайской торговли и экономической взаимозависимости, несмотря на стабилизацию и некоторое развитие политических взаимоотношений, из-за существования проблемы Тайваня сохраняется опасность вооруженного конфликта между США и Китаем, и обе стороны к такому возможному сценарию готовятся.

Пекин весьма настороженно воспринимает деятельность Запада, направленную на вестернизацию Китая и особенно решительно противится любым попыткам внести раскол в национальное единство, нарушить его территориальную целостность. В связи с этим он крайне негативно воспринял события, происходившие в ряде бывших республик Советского Союза под флагами «цветных революций». С точки зрения Пекина, эти «революции», сжимая стратегическое пространство России, одновременно в идеологическом и геополитическом плане изолируют Китай.

Большая китайская стратегия ни в коей мере не носит характер пассивной обороны. Она направлена также на активное отстаивание и постоянное расширение сферы национальных интересов Китая — в экономике, в области национальной безопасности, в политике и культуре. С этим тесно связана тенденция к расширению внешнего влияния Китая, повышению его международного статуса и авторитета, утверждению собственного имиджа как миролюбивого, открытого и ответственного государства, укреплению глобального воздействия внутренних реформ. Рост экономического потенциала, вне всякого сомнения, служит весомым аргументом, подкрепляющим голос Китая в деле решения важнейших международных проблем.

Немалое внимание уделяется курсу на регионализацию и, в частности, созданию зон свободной торговли, в том числе в качестве важного шага к региональной экономической интеграции государств Восточной и Юго-Восточной Азии и всего АТР.

Неотъемлемым компонентом экономической стратегии считается укрепление национальной безопасности. Углубление глобализации и региональной интеграции ведут к тому, что национальная экономика испытывает все большее внешнее влияние. В этих условиях экономическая безопасность становится важным фактором сохранения политической и социальной стабильности, поддержания устойчивого развития и составляет существенную часть национальной безопасности. Поэтому международное экономическое сотрудничество сопутствует наращиванию мощи собственной национальной экономики. Не последнее место в деле обеспечения экономической безопасности занимает гарантированное получение из-за рубежа новейших технологий, энергии и стратегических видов сырья⁹.

Примечания

¹ Хуаньцю шибао. 2006. 5 июня.

² Kennedy P. The rise and fall of the great powers. Random House. 1987. 677 p.

³ Чжунгун чжунъян чжэнчжицзюй цзити сюэси ди 1—33 цы чжути цзеду [Пояснения к основному содержанию с 1-й по 33-ю сессию коллективной учебы Политбюро ЦК КПК]. Пекин, 2006.

⁴ Жэньминь жибао. 2002. 1 июня.

⁵ Юй Сюецзюнь. Чжунго жэнькоу чжуаньбянь. юй «чжаньлюе цзюй ци» [Демографический переход в Китае и «период стратегических шансов»] // http://www.cpirc.org.cn/djfb/djfb_detail.asp?id=632

⁶ Линь Юе, Гоу Сяофэн. Чжунго мяньлин цзинь 500 нянь ди сы цы чжаньлюе цзюй ци [Китай в канун четвертого за последние 500 лет периода стратегических шансов] // Цзинцзи цанькао бао. 2003. 5 марта.

⁷ Ян И. Чжаньлюе цзюйци ды Чжунго гоцзя аньцюань [Национальная безопасность Китая в период стратегических возможностей] // Сюеси юй яньзю. 2006. № 4.

⁸ Там же.

⁹ Мэнь Хунхуа. Бянь бэйдун индуй вэй чжудун моухуа, вэйху хэ кочжан гоцзя чжаньлюе лии [Сменить пассивную реакцию на активное планирование, защищать и расширять стратегические интересы государства] // Чжунго да чжаньлюе... С.80—106.

Глава 2

ПРОЕЦИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ НА ПЕРСПЕКТИВУ

2.1. Российские и западные прогнозы

Высокие и достаточно устойчивые темпы экономического развития Китая, а также некоторых других стран закономерно ставят вопрос о перераспределении в ближайшие десятилетия глобальной экономической мощи между странами развитыми и быстро развивающимися. Авторы ряда прогнозов, исходя из собственных выкладок, рассчитывают сроки, в течение которых нынешние лидеры экономического роста, прежде всего Китай и Индия, настигнут и превзойдут государства, до последнего времени возглавлявшие список экономически наиболее сильных держав мира.

В русскоязычной китаеведческой литературе, анализирующей перспективы развития Китая, нужно выделить, в первую очередь, фундаментальную работу Б. Н. Кузика и М. Л. Титаренко «Китай—Россия 2050: стратегия соразвития»¹. В монографии использована комплексная, многоаспектная методология прогнозирования, разработанная в Институте экономических стратегий РАН. Главным в книге, как это явствует и из ее заглавия, является рассмотрение потенциала развертывания стратегического партнерства Китая и России на дальнюю перспективу, исходя из сопряженности их базовых национальных интересов. Авторы анализируют три возможных варианта развития российско-китайских отношений и предлагают свои рекомендации по созданию необходимых предпосылок для реализации наиболее оптимального, с их точки зрения, сценария. Основополагающие выводы монографии опираются на глу-

бокую проработку обширного первичного материала, осуществленную коллективами ведущих сотрудников возглавляемых ими академических институтов. На некоторые тезисы таких разработок опирается и ряд выводов, представленных в этой книге.

Весомый вклад в анализ перспективных тенденций развития китайской экономики внесла коллективная монография ученых из Института Дальнего Востока РАН «Экономика Китая вступает в XXI век» (общая редакция и предисловие М. Л. Титаренко, руководитель авторского коллектива И. Н. Наумов)². Важным достоинством монографии служит детальный анализ выполненного китайскими учеными под руководством проф. Ли Цзинвэня долгосрочного «Прогноза 2050». Этот прогноз предусматривал принципиальные количественные и качественные изменения в китайской экономике, направленные на осуществление индустриализации и информатизации страны. Согласно наметкам китайских разработчиков прогноза, Китай должен был обойти США по объему производства ВВП к 2030 г., а в середине столетия превзойти американскую экономику вдвое. Авторы монографии детально рассматривают необходимые предпосылки, проблемы и первые итоги реализации китайского прогноза, одновременно сопоставляя его с другими прогностическими разработками. Кроме того, книга содержит обстоятельный разбор состояния и перспектив реформирования госсектора, проблем развития важнейших составных частей народно-хозяйственного комплекса Китая.

В книгах В. Я. Портякова последовательно прослеживаются основные шаги реализации экономической стратегии³. Отдельного упоминания заслуживает его статья «О перспективах развития Китая», в которой оцениваются основные итоги модернизации КНР в их сопоставлении с прогнозными расчетами и в глобальном контексте, а также перспективы китайской модернизации до 2020 г. и вероятные сценарии развития Китая на долгосрочную перспективу⁴.

Отдельные аспекты китайской стратегии экономического развития Китая исследуются в трудах других российских китаеведов. Л. И. Кондрашова в монографии «Китай ищет свой путь» прослеживает исторический фон и теоретические основы формирования стратегии экономического развития, этапы осуществления реформистского курса и итоги реформ⁵. Теоретическим поискам китайских экономистов в процессе перехода к рыночным рефор-

мам посвящена монография О. Н. Борох «Современная китайская экономическая мысль» и многие другие ее работы⁶. Социальные проблемы, решение которых составляет важнейшую и неотъемлемую часть экономической стратегии, служат предметом анализа в коллективных работах, выполненных под руководством Э. П. Пивоваровой⁷. Одному из центральных звеньев китайской экономической стратегии — формированию рынка рабочей силы посвящена монография А. В. Островского⁸. В трудах Л. В. Новоселовой всесторонне исследуется инвестиционный процесс — главная движущая сила реализации китайской экономической стратегии⁹. В коллективной монографии, выпущенной при поддержке Фонда Карнеги под редакцией В. Михеева, коллектив сотрудников ИДВ РАН (Н. Андреева, Г. Белокурова, Я. Бергер, О. Борох, П. Каменнов, А. Ломанов, М. Потапов, О. Почагина, В. Якубовский) рассматривает разнообразные риски и угрозы, с которыми сталкивается страна на пути достижения своих стратегических целей¹⁰. Важные аспекты разработки и осуществления стратегического курса Китая в экономике обсуждаются также в работах Е. С. Баженовой, Л. Д. Бони, А. О. Виноградова, Л. А. Волковой, В. В. Жигулевой, В. В. Карлусова, Н. Н. Коледенковой, И. Н. Коркунова, Е. И. Краниной, З. А. Муромцевой, И. А. Петухова, Т. Г. Терентьевой, В. И. Шабалина, В. В. Чуванковой и других.

Один из самых известных и авторитетных западных прогнозов содержится в докладе, подготовленном транснациональной финансово-инвестиционной группой Goldman Sachs в 2003 г.¹¹ Доклад, посвященный перспективам экономического развития четырех стран — Бразилии, России, Индии и Китая, привлек значительное внимание экспертов и средств массовой информации во всем мире, а сама рассматриваемая четверка, названная по начальным буквам названий входящих в нее стран — БРИК, утвердилась как достаточно устойчивое понятие. И это вполне понятно. Четыре страны БРИК, на которые приходится более 40 % населения планеты и почти треть площади земной суши, являются магнитом для глобальных инвестиций. Они представляют собой крупнейший источник рабочей силы и важный двигатель мировой экономики. По мере того, как увеличивается их экономический вес, растет и роль этих стран в глобальной и региональной политике, повышается их геополитическое значение. С ними связаны одновременно и новые возможности и новые ожидания.

Авторы доклада предрекли четверке высокие темпы экономического роста вплоть до середины XXI века. По их расчетам, менее чем через 40 лет экономики стран БРИК по своему объему в долларовом исчислении (по рыночному обменному курсу валют) суммарно превзойдут экономики нынешней «Большой шестерки». К 2025 г. страны БРИК плюс США и Япония сформируют новую шестерку. Китай в 2015 г. обгонит Японию, в 2039 г. — США. Индия — в 2032 г. обойдет Японию, Россия — после 2015 г. превзойдет Италию, в 2025 г. — Францию и затем Германию. Бразилия до 2030 г. поднимется выше Италии, Франции и Германии.

Доход на душу населения в странах БРИК, кроме России, останется ниже, чем в сегодняшней шестерке. Ни в Китае, ни в других странах четверки, за исключением лишь России, выход на лидирующие позиции в мире по масштабам экономики не означает достижение адекватного развитым странам уровня благосостояния.

В России к 2050 г. доход на душу населения будет таким же, как в менее богатых странах шестерки. В Китае этот показатель достигнет к 2030 г. уровня сегодняшней Южной Кореи, а к 2050 г. — нынешнего уровня развитых стран (около 30 тыс. долл.). Экономика Китая, чем дальше, тем больше, будет превосходить по своим размерам экономику России (в 2005 г. — более чем в 3 раза, в 2050 г. — в 7,5 раз), но по показателю ВВП на душу населения Россия сохранит превосходство над Китаем, хотя оно и несколько уменьшится — с трехкратного до более чем полторакратного. По этому показателю (49 646 долл.) Россия превзойдет Италию (40 901 долл.) и Германию (48 952 долл.) и тем самым сделает огромный скачок в преодолении той колоссальной пропасти, которая отделяет ее сегодня от развитых стран мира. Индия, будучи единственной из стран БРИК, чье население будет расти в течение всего полувека, может увеличить доход на душу населения в долларовом эквиваленте в 35 раз, но, тем не менее, он будет ниже, чем в любой из четверки.

Около $\frac{1}{3}$ увеличения ВВП в странах БРИК будет достигнуто благодаря повышению стоимости валют и $\frac{2}{3}$ — из-за быстрого роста экономики. Стоимость китайской валюты за ближайшие 10 лет удвоится. Потенциал роста в Китае составляет увеличение инвестиций в расчете на одного работника в прогресс технологий до уровня развитых стран. По мере достижения этого уровня темпы роста замедляются. Но несмотря на падение тем-

пов с 8,1 % (2003) до 5 % в 2020 г. и до 3,5 % к середине 2040-х годов Китай выйдет в 2040 г. по объему экономики на 1-е место в мире благодаря высоким инвестициям и большой численности рабочей силы.

Прогнозируемые темпы экономического роста четверки близки к реально достигнутым некоторыми странами в прошлом. В Японии реальный ВВП за 1955—1985 гг. (30 лет) увеличился почти в 8 раз, а реальная промышленная продукция — в 10 раз. За период 1970—1995 гг. стоимость иены по отношению к доллару номинально увеличилась на 300 %. В Республике Корея за 1970—2000 гг. ВВП вырос почти в 9 раз. По сравнению с этими данными прогноз Голдман Сакс выглядит достаточно консервативным.

К более или менее схожим выводам относительно будущей динамики экономического развития Китая приходили до наступления глобального экономического кризиса и авторы других долгосрочных прогнозов. Число их постоянно множилось. Как в консалтинговых, банковских и иных бизнес-структурах Запада, обслуживающих и развивающих разнообразные деловые отношения с Китаем, все более важным партнером для мирового бизнеса, так и в академических кругах — отчасти по тем же причинам, а отчасти потому, что анализ будущего для них является естественным продолжением анализа прошлого и настоящего. Ниже мы вкратце рассмотрим оба типа, хотя в силу характера настоящей работы последний тип интересует нас, естественно, в большей мере.

Если говорить о прогнозах, ставящих перед собой сугубо прагматическую цель: сориентировать бизнес в отношении нынешнего и будущего климата для реализации более или менее долговременных проектов, то чаще всего они рассчитаны на пятилетний срок. И это вполне понятно, поскольку привязаны они обычно либо к китайским пятилеткам, либо к интервалам, разделяющим смены или существенные обновления высшей партийной и государственной власти в Китае на очередных съездах правящей партии. В таких случаях можно, во-первых, с большой долей надежности отправляться от анализа проблем и постановки целей и задач, содержащихся в партийных и государственных документах, и, во-вторых, с теми или иными коррективами экстраполировать достаточно очевидные тенденции движения основных параметров экономического развития.

Крутые переломы в тенденциях, которые несут с собой кризисы, прогнозы, разумеется, не могут предвидеть. Тем не менее,

они сохраняют свою известную значимость даже и в таких экстремальных ситуациях.

Достаточно типичным примером в этом отношении может служить пятилетний прогноз, составленный в начале июля 2008 г., практически в канун кризиса, одним из лидеров и ветеранов мировой аналитики в сфере бизнеса — Economist Intelligence Unit¹². Здесь также вначале фиксируются некоторые представлявшие незыблемыми тренды:

- стремление правительства сократить социальное неравенство сочетается с необходимостью отвечать на экономические вызовы. Усиливается контроль центральных властей над регионами. Недовольство этнических групп, особенно тибетцев и уйгур, не прекращается, но не угрожает стабильности режима;
- Си Цзиньпин наследует пост генерального секретаря ЦК КПК в 2012 г.;
- интеграция Китая в мировую политическую систему вызывает трения с США. Отношения с Японией остаются трудными. Китай проявляет растущую дипломатическую активность, особенно в Африке. Экономические и политические связи с Тайванем укрепляются;
- рост реального ВВП несколько замедляется: с 11,9 % в 2007 г. до 8,6 % в 2012. Внутреннее потребление растет благодаря росту зарплат, компенсируя уменьшающийся вклад чистого экспорта в рост ВВП;
- инвестиции в основной капитал сокращаются с 2007 г., отчасти благодаря более высоким кредитным ставкам. Инфляция потребительских цен сохранится, поскольку дефицит рабочей силы способствует росту зарплат, а быстрое увеличение спроса обгоняет предложение, особенно в сельском хозяйстве;
- юань продолжает удерживаться в жестко контролируемой системе обменного курса, допускающей, однако, постепенное повышение относительно доллара США. Растущая волатильность и устойчивая ревальвация характерны для начала рассматриваемого периода. Затем рынок постепенно будет оказывать большее влияние на обменный курс. Правительство будет медленно ослаблять ограничения по счетам движения капиталов;
- отношение положительного сальдо по текущим операциям к ВВП будет сокращаться по мере замедления роста товар-

ного экспорта. Конкурентоспособность экспорта товаров будет подрываться растущими издержками и повышением стоимости юаня. Доход от зарубежных инвестиций значительно возрастет, но операции по услугам останутся дефицитными.

Здесь почти ни один пункт, за единственным исключением, о котором скажем ниже, не был опровергнут резко изменившейся ситуацией, связанной с распространением на Китай воздействия глобального финансового кризиса. Единственное исключение — это тезис о сокращении инвестиций в основной капитал из-за повышения процентных ставок. Кризис, конечно же, поменял эту верную в долгосрочном плане тенденцию, поскольку Пекину пришлось резко изменить монетарную политику, чтобы затормозить падение темпов роста ВВП. Во всем остальном претензий к прогнозистам нет, а после окончания кризиса можно полагать, что и монетарная политика вернется к докризисному вектору и опора экономического роста на инвестиции будет сокращаться.

Затем в упомянутом выше прогнозе следует количественный расчет некоторых ключевых показателей роста на 2007—2012 гг.: темпов увеличения ВВП (сокращение с 11,9 до 8,6 %), инфляции потребительских цен (снижение до 4,1 %), баланса бюджета (до нулевого), баланса текущих счетов (сокращение с 11,5 до 4,9 %), прайм-рейта коммерческих банков (увеличение с 7,5 до 8,1 % на конец года), обменного курса юаня по отношению к доллару США (повышение с 7,61 до 5,93) и японской иены (небольшие колебания с возвратом к исходному курсу в 2012 г.). Понятно, что кризис внес в эту часть более существенные коррективы, хотя и не во всех случаях — кардинальные. Темпы годового прироста ВВП уменьшаются не столь плавно, как предполагалось. Но после резкого их падения в конце 2008 г., они, скорее всего, выйдут на прогнозируемый уровень. Инфляцию потребительских цен китайское правительство будет по мере сил стараться сдерживать на уровне, близком к прогнозируемому. Обменный курс юаня по отношению к доллару вряд ли будет быстро повышаться. И единственно опять-таки, чего не могли предвидеть авторы прогноза, это — увеличения бюджетного дефицита.

Примерно такой же матрице следуют и многие иные бизнес-прогнозы. Меняется лишь набор констатаций, и несколько по-иному расставляются акценты. Тем не менее, конечные выводы, несмотря на фиксацию ряда серьезных настораживающих

моментов, остаются в целом, как правило, достаточно взвешенными, ориентирующими на деловую активность. Таков, например, прогноз по Китаю на период 2008—2010 гг., представленный Институтом переходной экономики Банка Финляндии¹³. Его отличительная особенность — в том, что он очень точно выявил отрицательное воздействие на перспективы китайского экспорта процессов, происходящих в экономике США. Авторы прогноза выражали также беспокойство по поводу принимаемых китайским правительством жестких мер по борьбе с инфляцией, опасаясь их негативного влияния на рост инвестиций. Но такого рода опасения с началом кризиса были китайским правительством в полной мере учтены. Наконец, неблагоприятным моментом признавались и сильные колебания курса акций. Кризис, разумеется, эту тенденцию изменить не мог. Тем не менее, общее заключение авторов этого прогноза было позитивным, и оно остается справедливым: несмотря на кризис воздействие всех факторов риска в значительной мере перекрывается уверенным наращиванием внутреннего потребления.

Были и есть, однако, и оценки, носящие иной характер. Здесь также фиксируются вполне реальные тенденции, но лишь исключительно негативные. Они никак не корректируются трендами позитивными. На такой несбалансированной основе и выносился общий отрицательный вердикт о перспективах экономики КНР. Все как будто верно, но вольно или невольно возникает впечатление о некой политической заданности прогноза. Примером такого подхода может служить продукция находящейся в Аризоне группы Sovereign Advisers¹⁴. Среди факторов, обосновывающих такой вывод, фигурируют:

- зависимость от валютных доходов, которые китайскому правительству обеспечивает товарный экспорт, определяемый в большой степени потребительским спросом в США;
- масштабы сокращения потребительских расходов в США и высокая вероятность длительного спада в американской экономике;
- фундаментальный характер повышения зарплат и цен в Китае и растущий риск политической нестабильности, связанный с увеличивающейся стоимостью импорта, падающим спросом на экспортные товары и значительным ростом городской безработицы;
- темпы увеличения потребления нефти в Китае и зависимость производства товаров на экспорт от импорта нефти;

- неспособность Китая сохранять глобальную конкурентоспособность китайских промышленных товаров на фоне растущих транспортных издержек;
- правительственная статистика, свидетельствующая о чрезмерной склонности финансировать продолжительный экономический рост посредством займов, особенно краткосрочных;
- угроза пересмотра суверенного кредитного рейтинга китайского правительства и присвоения ему статуса «выборочный дефолт».

Прогнозы, содержащиеся в фундаментальных академических работах, носят, как правило, менее детализированный характер. Будучи основаны на изучении глубинных процессов, они обычно менее подвержены влиянию конъюнктуры, но вместе с тем и более вариативны. Как правило, рассматривается не один, а несколько сценариев возможного развития, которые учитывают воздействие факторов, нередко выходящих за рамки собственно экономики. При этом обычно оценивается и степень вероятности реализации того или иного сценария.

Среди работ западных ученых заметное место принадлежит труду известного специалиста по мировой экономической истории Ангуса Мэддисона, реконструировавшего данные по развитию китайской экономики в далеком прошлом и на отдаленную перспективу. Первое издание книги вышло под эгидой Центра развития Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в конце прошлого века, а второе издание, исправленное и дополненное, в 2007 г.¹⁵

Основной вывод автора состоит в том, что китайская экономика по ППС станет крупнейшей в мире к 2015 г., восстановив свой статус, который она утратила два столетия назад.

По расчетам А. Мэддисона, среднегодовые темпы роста китайского ВВП в 1978—2003 гг. составили 7,9 %, что ниже официальных данных на 1,7 %. При этом он не учитывает произведенный ГСУ КНР пересчет объема ВВП и реальных темпов роста в 1993—2004 гг. Если принять его во внимание, то оценка А. Мэддисона повысится до 8,4 %, а разница по сравнению с официальными данными сократится до 1,5 %¹⁶.

Завышенность официальных оценок, с точки зрения А. Мэддисона, связана с дореформенным статистическим наследием. А. Мэддисон решительно возражает против использования обменного курса в компаративистике. В своих изысканиях он поль-

зуются сведениями о покупательной способности юаня из опубликованной в 1997 г. также под патронажем ОЭСР книги известного китайского экономиста Жэнь Жоэня, работавшего много лет на Западе, в том числе и в ОЭСР¹⁷. Сведения эти относятся к 1986 г., но А. Мэддисон экстраполировал их до 1990 г., который является для него базовым.

Согласно его расчетам, ВВП Китая в 1990 г. составлял 37 % ВВП США, а в 2003 г. — уже 73 %. В расчете на душу населения соответствующий показатель вырос с 8 до 17 %. Япония по объему ВВП в 2003 г. уступала Китаю более чем вдвое, а по ВВП на душу населения превосходила его более чем в четыре раза.

А. Мэддисон прогнозирует рост душевого дохода в 2003—2030 гг. среднегодовыми темпами в 4,5 % при том, что до 2010 г. они будут составлять 5,6 %, в 2010—2020 гг. — 4,6 %, а в 2020—2030 гг. немногим более 3,6 %. Свой прогноз он считает достаточно близким к прогнозу Голдман Сакс (5 % в среднем за год для всего периода). Что же касается соображений другого выдающегося специалиста по экономической истории, лауреата Нобелевской премии Роберта Фогеля, прогнозировавшего темпы в 8,2 %, то А. Мэддисон назвал их «глупыми».

К 2030 г. Китай, по А. Мэддисону, достигнет того уровня производства ВВП на душу населения, на котором находились Западная Европа и Япония в 90-х годах прошлого века. И хотя этот показатель будет втрое меньше, чем к тому времени в США, совокупная экономическая мощь Китая намного превысит американскую. На его долю к этому моменту будет приходиться четверть глобального ВВП, что в корне изменит геополитическую ситуацию в мире.

Выкладки А. Мэддисона были инкорпорированы в известную базу данных Penn World Tables и тем самым оказали влияние на большое число сравнительных межстрановых исследований. Вместе с тем они встретили и немалые сомнения. Одним из наиболее придирчивых критиков стал Карстен Хольц из Гонконгского университета науки и техники. Статья К. Хольца с опровержением расчетов А. Мэддисона была опубликована¹⁸.

Полемика с другими оппонентами продолжилась на презентации второго издания книги в Институте Брукингса в Вашингтоне 28 мая 2008 г.¹⁹ Одним из самых сложных был вопрос о кардинальном пересмотре прежних оценок Мировым банком (о чем речь шла выше). В свете новых масштабных исследований, проведенных ГСУ КНР, Жэнь Жоэнь на чьи сведения опирался,

прежде всего, А. Мэддисон, признал необходимость коррекции старых оценок. Он заявил, что Мировой Банк работал в тесном контакте с китайскими статистическими органами, и согласился с тем, что масштабы китайской экономики на 40 % меньше, чем прежде предполагали²⁰. А. Мэддисон реагировал на это сообщение заявлением, что Мировой банк тем или иным способом подкупил Жэнь Жэня.

Одним из тех, кто больше всех своими вопросами досаждал А. Мэддисону во время презентации, был А. Кейдел, разрабатывающий собственные долгосрочные проекции развития китайской экономики в рамках Фонда Карнеги. Но он выступает в качестве оппонента. А. Мэддисона отнюдь не с позиций неверия в будущее глобальное первенство китайской экономики. Здесь у них расхождений нет. В отношении перспектив КНР Кейдел — еще больший оптимист, чем А. Мэддисон и, как ни парадоксально, чем многие его китайские коллеги. Он убежден, что экономическому прогрессу Китая не могут помешать ни экономическая нестабильность, ни инфляция, ни загрязнение окружающей среды, ни социальное неравенство, ни коррупция, ни промедление в проведении политической реформы²¹. Различия между прогнозами А. Мэддисона и А. Кейдела состоят лишь в используемой методике и в оценках факторов и темпов роста.

А. Кейдел убежден в том, что своими успехами за последние десятилетия Китай обязан не столько экспорту, сколько внутреннему спросу. Поэтому, с его точки зрения, для дальнейшего долгосрочного движения китайской экономике не опасны никакие сокращения внешнего рынка. Из этой констатации вытекают два важных умозаключения. Во-первых, что экономический упадок США не нанесет ущерб китайской экономике и, во-вторых, что обменный курс китайской валюты большой роли не играет.

Глобальный финансовый кризис со всей очевидностью продемонстрировал, что, по меньшей мере, в этих двух пунктах, а также в своей исходной позиции Кейдел серьезно заблуждался. Падение американского рынка тяжело отразилось на китайских экспортных отраслях, привело к закрытию многих предприятий и потере работы для миллионов занятых. Что же касается обменного курса, то Пекин, по вполне понятным причинам затормозил дальнейшее повышение стоимости юаня относительно доллара. Обо всем этом более подробно рассказывается в специальной главе, посвященной воздействию кризиса на китайскую экономику.

Методические позиции Кейдела отличаются от подхода Мэддисона. При измерении китайского ВВП по ППС (с коррекцией искажений, определяемых воздействием низкой стоимости трудозатрат на цены) он составляет примерно половину американского. По обменному курсу валют — в 2,4 раза меньше. Однако, замечает А. Кейдел, первый метод годится лишь для оценки жизненных стандартов в Китае, но он мало что говорит о коммерческой или военной значимости Китая.

Тем не менее, по мнению А. Кейдела, какую бы методику ни использовать, будь то ППС или обменный курс валют, конечный вывод о неизбежности глобального экономического лидерства Китая неизменен. Вопрос только в сроках. В первом случае Китай нагонит США в 2020 г., увеличив ВВП до 16 трлн долл., во втором — в 2035 г. Но отставание по ВВП на душу населения не будет преодолено и до середины века, когда китайская экономика вдвое превзойдет американскую.

Когда Япония, Южная Корея и Тайвань находились на той стадии развития, на которой сегодня находится Китай, т. е. между отметками в 2000 и 10000 долл. на душу населения, темпы роста их экономики составляли 8—10 % в год. А. Кейдел полагает, что темпы развития Китая будут выше. Поэтому приводимые ниже оценки перспектив для Китая он считает заниженными (табл. 6). Тем не менее, даже при достаточно консервативном, с его точки зрения, подходе, результаты поражают. К середине века китайская экономика по своему объему вдвое превзойдет американскую, а стандарты жизни будут адекватны сегодняшним в США.

Такая ситуация обеспечит Китаю, по Кейделу, глобальное коммерческое и институциональное лидерство. Первое означает, что он будет определять правила торговли и инвестиций. Колесания в его внутреннем потреблении будут отзываться во всем мире, включая США. Его кредитно-денежная политика будет влиять на ликвидность и процентные ставки повсеместно. Институциональное лидерство Пекина распространится и на такие организации, как ООН, Мировой Банк, МВФ, региональные банки развития и более специализированные органы. Многие штаб-квартиры переместятся в Пекин или Шанхай. США будут иметь важное, но вторичное влияние, как сегодня Европа. Им придется идти на компромиссы. Сфера их односторонних действий существенно сократится.

В этой своей части прогнозы Кейдела оправдываются в связи с глобальным финансовым кризисом даже намного раньше, чем

Таблица 6. Потенциал экономического роста США и Китая в XXI веке

Годы	Годовые темпы прироста		Объем ВВП (трлн долл. 2005 г. ^а)			ВВП на душу населения (тыс. долл 2005 г. ^а).		
	США	Китай	США	Китай (по обменному курсу доллара)	Китай (по ППС доллара)	США	Китай (по обменному курсу доллара)	Китай (по ППС доллара)
2005	3,0 ^б	9,6 ^б	12	2	5	41	1,7	4,1
2010	2,0	8,5	14	4	8	43	2,9	6,1
2020	3,0	7,5	18	10	18	52	6,9	12,7
2030	3,0	6,5	24	22	35	64	15	24
2040	3,0	5,5	33	45	63	78	30	42
2050	3,0	4,3	44	82	104	95	53	67
2060	3,0	3,0	59	131	152	116	83	96
2070	3,0	3,0	80	178	199	142	109	123
2080	3,0	3,0	107	244	262	174	146	159
2090	3,0	3,0	144	335	348	214	197	208
2100	3,0	3,0	194	466	466	262	271	271

^а Имеются в виду доллары или конвертированные юани, приведенные к 2005 г. по ППС или по обменному курсу, с учетом прогнозируемой инфляции.

^а То же.

^б Средние реальные темпы прироста за 1985—2005 гг.

^б То же.

Источники: Данные по темпам экономического роста за 1985—2005 гг. — IMF International Financial Statistics и Чжунго тунцзи чжай-яо 2008. Данные по ППС за 2005 г. — World Bank ICP Report 2007&2008. Прогнозные данные — Keidel A. China's economic rise — a technical note (draft. Carnegie endowment for international peace. July 9, 2008).

он это предполагал. Перестройка международной финансовой системы или, по меньшей мере, ее начальная фаза происходят при самом деятельном участии Пекина, а превращение Шанхая в один из важнейших финансовых центров мира предопределено не только объективно, но и специальными решениями правительства.

Если Китай пожелает, убежден Кейдел, то он сможет стать одной из главных, а, возможно, и ведущей военной державой. Хотя сегодня его военный потенциал, как считает автор прогноза, даже

меньше, чем полагает Пентагон, исходя из своих оценок китайского военного бюджета. Если учитывать стоимость арсенала сложных систем вооружений, то США превосходят в Китай в 13 раз. Не говоря уже о том, что США располагают многими военными базами по всему миру, в том числе и по периферии Китая.

Годом раньше Фонд Карнеги опубликовал другой прогноз, авторами которого были директор одного из проектов этого фонда Сандра Поласки и два сотрудника Центра исследований развития при Госсовете КНР: известная по многим аналитическим работам в этой области проф. Ли Шаньтун и Хэ Цзянь²². В докладе было проанализировано воздействие вступления Китая в ВТО на экономику страны и предложены три сценария развития на период до 2020 г.: оптимистический, базовый и пессимистический.

Базовый сценарий предполагает сохранение в ближайшие десятилетия существующих тенденций перераспределения ресурсов и технического развития. Он исходит из того, что удельный вес занятых в аграрном секторе будет сокращаться на 1,21 %, а урбанизация расти на 0,8 % в год, что увеличит долю городского населения к 2020 г. до 55 %. Будет повышаться значение отраслей с высокой добавленной стоимостью. Все это приведет к годовому росту TFP на 2—2,5 %, как и за предшествовавшие четверть века²³. Стремление домохозяйств к накоплению после 2010 г. немного сократится вследствие старения населения.

Оптимистический сценарий предусматривает сочетание благоприятной международной и внутренней обстановки, что обеспечит более быстрый, чем в последние годы, рост экспорта и импорта, более эффективное размещение ресурсов и быстрое технологическое развитие. Перемещение работников из сельского хозяйства ускорится до 1,36 % в год. Более быстрыми темпами будет увеличиваться вклад высоких технологий и сектора услуг. В результате рост TFP в 2006—2010 гг. увеличится дополнительно на 1 %, а в 2011—2020 гг. — на 0,5 % по сравнению с базовым сценарием. На 0,2—0,5 % возрастет эффективность использования энергии.

Третий сценарий исходит из предположений о возможности более протекционистской международной обстановки и неудачи внутренних реформ, направленных на улучшение размещения ресурсов, инфраструктуры и использования энергии. В этом случае переток рабочей силы из сельского хозяйства в более производительные отрасли уменьшится до 0,91 %, норма сбережений

домохозяйств сократится (к 2020 г. на 6,8 %), уменьшится накопление капитала, годовой рост TFP сократится до 1,5—2 %, ниже среднего за последние 25 лет.

В целом среднегодовые темпы прироста ВВП по пятилетиям с 2006 по 2020 г. согласно базовому сценарию сократятся с 8,9 до 8,1 %, согласно оптимистичному с 9,5 до 8,6 % и пессимистическому — с 8,4 до 5,8 %. Как видим, в данной работе перспективы китайской экономики выглядят менее однозначно, чем у А. Кейдела.

Важно также отметить, что основным источником роста во всех трех сценариях служит быстрое накопление капитала. Иными словами, предусматриваются по-прежнему сохранение высокой нормы внутренних сбережений (по базовому сценарию, с некоторым снижением примерно до 35 % к 2020 г. в связи с изменением возрастной структуры населения) и дальнейшее быстрое увеличение прямых иностранных инвестиций. В базовом сценарии доля накопления капитала в росте ВВП сокращается по пятилетиям за период 2006—2020 гг. незначительно: с 6,5 до 5 %, т. е. примерно в той же мере, в какой уменьшаются темпы роста ВВП, тогда как доля увеличения TFP остается неизменной — 2 %, а доля прироста рабочей силы сходит с 0,4 % на нет. Последняя тенденция также связана с изменением возрастной структуры населения. Примерно в тех же масштабах происходит в оптимистическом сценарии накопление капитала.

Примечания

¹ Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай—Россия 2050: стратегия со-развития. М.: ИДВ РАН, 2006.

² Экономика Китая вступает в XXI век / Общая редакция и предисловие М.Л. Титаренко, руководитель авторского коллектива И. Н. Наумов. М.: ИДВ РАН, 2004.

³ *Портяков В. Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: ИДВ РАН, 1998.; *Портяков В. Я.* Экономическая реформа в Китае (1979—1999 гг). М.: ИДВ РАН, 2002.; *Портяков В. Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2006.

⁴ *Портяков В. Я.* О перспективах развития Китая // Люди и идеи (к 50-летию ИДВ РАН). М., 2006. С. 251—275.

-
- ⁵ Кондрашова Л. И. Китай ищет свой путь. М., 2006.
- ⁶ Борох О. Н. Современная китайская экономическая мысль. М., 1998.
- ⁷ Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.) / Отв. ред. Э. П. Пивоварова. М., 2004.
- ⁸ Островский А. В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: ИДВ РАН, 2003.
- ⁹ Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / Отв. ред. Л. В. Новоселова. М., 2009.
- ¹⁰ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию М.: Моск. Центр Карнеги, 2005.
- ¹¹ Dreaming with BRICs: The Path to 2050// Global Economics Paper 2003 October 1st No: 99.
- ¹² Economist.com. Country briefings. China.
- ¹³ BOFIT Forecast for China 1/2008 www.bof.fi/bofit
- ¹⁴ [http://www.globalsecuritieswatch.org/PRC Sovereign Risk Review.pdf](http://www.globalsecuritieswatch.org/PRC%20Sovereign%20Risk%20Review.pdf)
- ¹⁵ Maddison A. Chinese economic performance in the long run. P. Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), 2007.
- ¹⁶ Wu H. The Chinese GDP Growth Rate Puzzle: How Fast Has the Chinese Economy Grown? // Asian Economic Papers, 2007. Vol. 6, No. 1.
- ¹⁷ Ren Ruoen. China's economic performance in an international perspective. Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), 1997.
- ¹⁸ Holz C. A. How reliable are Angus Maddison's estimates?. Review of income and wealth. 2006. № 1. P. 85—119.
- ¹⁹ Chinese economic performance in the long run. The Brookings Institution. Wash. May 28, 2008. 66 P.
- ²⁰ China Daily. 2008. March 27.
- ²¹ Keidel A. China's economic rise — fact and fiction. Summary. Carnegie endowment for international peace. Policy brief 61. July 2008.
- ²² He Jianwu, Li Shantong, Polaski S. China's economic prospects 2006—2020. Carnegie Papers. Trade, Equity and Development Program. # 83. April 2007. 56 p.
- ²³ Понятие TFP (Total Factor Productivity) на русский язык переводится по-разному: совокупная факторная производительность, общая производительность факторов экономического роста, общая производительность всех факторов производства и т.д.

2.2. Китайские прогнозы

В Китае работа по прогнозированию социально-экономического развития страны стала развертываться в начале 90-х годов прошлого века. До принятия курса на переход к рыночной экономике такая деятельность считалась исключительно уделом буржуазных экономистов, поскольку при социализме перспективы однозначно определялись в рамках государственного планирования. Появление многоукладной экономики и возрастание роли рынка потребовали и пересмотра подходов к выявлению вероятностных тенденций и разработке на этой основе сценариев будущего.

В 1990 г., в очень сложное для китайской экономики время, в рамках Академии общественных наук Китая была создана Рабочая группа по анализу и прогнозированию экономической ситуации в Китае. В мае 1991 г. она представила в ЦК КПК свои соображения об организации работы. В считанные дни предложения были рассмотрены, и было отдано распоряжение о финансировании исследовательской деятельности группы непосредственно из фонда премьера Госсовета КНР.

Годичные прогнозы, подготовленные рабочей группой, оказались достаточно точными. В 1991 г. экономика стала восстанавливаться после потрясений, которые она испытала в связи с социально-политическим кризисом 1989—1990 гг., в 1992 г. рост продолжился, в 1993 г. достиг пика, и в 1994—1995 гг. была осуществлена «мягкая посадка». Статья Лю Шучэна и Лю Гогуана о «мягкой посадке» была опубликована во всех ведущих китайских изданиях и получила одобрение Чжу Жунцзи, бывшего тогда вице-премьером правительства.

Тем временем группа ученых из ряда институтов Академии общественных наук Китая под руководством директора Института экономико-математических и технико-экономических исследований Ли Цзинвэня готовила коллективный труд «Экономика Китая вступает в XXI век». Главной задачей этого коллектива было выявление потенциалов китайской экономики на ближайшие полтора десятилетия, названного ими «золотым веком», который позволит стране вырваться на передовые позиции в мире.

На содержании прогноза останавливаться нет необходимости, поскольку он хорошо известен отечественным специали-

стам по упомянутой выше книге, вышедшей на русском языке под аналогичным названием. Отметим лишь, что, с нашей точки зрения, вряд ли есть основания считать этот прогноз «сверхоптимистическим»¹. Он не только не превосходит рассмотренные выше прогнозы западных экспертов, предрекающих экономике Китая выход на лидирующую позицию в мире по ППС уже к 2015 г., а по обменному курсу валют — примерно к 2030 г., но и серьезно уступает им. Даже спустя 12 лет после выхода в свет своего труда и после появления многих других упомянутых выше работ Ли Цзинвэнь, как и прежде, считает, что к 2050 г. Китай с ВВП, равным 150 трлн юаней, будет все еще отставать от США².

Если же посмотреть на то, как сбываются предположения Ли Цзинвэня за период, истекший с момента их публикации, то и здесь мы можем отметить скорее их консервативность, чем избыточный оптимизм. Ли Цзинвэнь полагал, что темпы роста ВВП в 2000—2010 гг. составят 8,1 %. Фактически в 2001—2007 г. они достигли 10,2 %. Объем ВВП в 2007 г. составил 25 трлн долл., в 2,5 раза превысив уровень 2002 г. Есть ли основания сомневаться, что он сможет за оставшиеся до 2020 г. 13 лет достичь намечавшегося Ли Цзинвэнем и его коллегами уровня в 36,7 трлн юаней, учитывая к тому же и возможное повышение стоимости юаня?

Ряд других видных китайских экономистов при сопоставлении будущих траекторий развития китайской и американской экономик приходят к еще более позитивным для Китая выводам. Так, Линь Ифу, в отличие от Ли Цзинвэня, исходившего из поступательного замедления среднегодовых темпов роста китайской экономики (в 2000—2010 гг. — 8 %, в 2010—2030 гг. — 6 %, в 2030—2050 гг. — 4—5 %), предполагал, что темпы в 8—10 % сохранятся в Китае на протяжении трех десятилетий, тогда как американская экономика будет расти в среднем на 3 % в год.³ Го Даоли, принимая в расчет такие же американские темпы, считал, что у Китая они в среднем будут равны 8 %⁴. И оба они убеждены, что середина века станет тем рубежом, когда Китай обойдет США.

Но есть и гораздо более скромные проекции. Известные экономисты из Пекинского университета Лю Вэй, Сюй Сяньчунь и Цай Чжичжоу в своих предположениях относительно будущего роста китайской экономики опираются на предшествующий опыт Японии и «четырех малых драконов» Азии⁵. Среднегодовые темпы их экономического роста на протяжении двух десятилетий

сохранялись на уровне 9 %, после чего стали сокращаться. Но процесс этот происходит неодинаково: чем крупнее страна, полагают авторы прогноза, тем сложнее ей долго удерживать высокие темпы роста. То же самое касается и Китая, где действуют те же факторы «восточноазиатского чуда»: ведущая роль правительства, экспортная ориентация экономики, банковское финансирование, конфуцианская культура, позднее развитие. Однако в Китае есть и свои особенности: постепенное сокращение роли правительства и банков, большие различия между регионами, низкий уровень урбанизации, большой технологический отрыв от Запада, многочисленное население, наличие природных ресурсов, что позволяет продлить период высоких темпов экономического роста и умерить их сокращение. Тем не менее, вероятность сохранения темпов роста на уровне 8 % на протяжении трех десятилетий или еще более долгого срока признается небольшой.

Авторы исходят из того, что годовые темпы роста американской экономики будут находиться в среднем на уровне 3 %, других ведущих держав — 2,5 %, а в Китае они в первое десятилетие XXI века будут равны 7,5 %, а затем начнут поступательно снижаться до 3 % к 2050 г. При неизменных ценах и неизменном обменном курсе это означало бы, что ВВП Китая в 2050 г. составит всего 36,1 % американского. Если стоимость китайской валюты до 2010 г. по отношению к доллару останется неизменной, а в 2020—2050 гг. увеличится на 100 %, то Китай сможет обойти в 2030 г. только Японию (при неизменном соотношении доллара и иены), но США в текущем столетии не догонит. И только если китайская валюта подорожает сравнительно с американской на 200 %, то Китай в 2026 г. настигнет Японию, а в 2048 г. — США. Но вторую посылку авторы считают весьма маловероятной. Что же касается показателя ВВП в расчете на душу населения, то при первом допущении Китай в 2050 г. достигнет уровня Италии, Австралии и Канады на 2000 г., а при втором — приблизится к уровню США на тот же год.

Примерно таких же достаточно сдержанных соображений по поводу перспектив завоевания Китаем первенства в состязании с США на протяжении нынешнего столетия придерживается и ряд других китайских исследователей. Лян Юцай исходит из среднегодовых темпов прироста ВВП на период 2001—2010 гг. в 7,5 %, 2010—2020 гг. — 7,3 %, 2020—2050 гг. — примерно 5 % при неизменном росте экономики США на 3 % в год. Получается, что Китаю к середине века удастся выйти лишь на тот уро-

вень, на котором США находились в начале нашего века, т. е. отставая на полстолетия. При этом, как и в прогнозах Ли Цзин-вэня, фактор изменений в соотношении стоимости валют во внимание не принимался. Примерно такие же темпы роста для Китая закладывал в свои расчеты Хай Вэнь и еще меньшие — И Ган⁶. Аналогичных взглядов придерживался один из ведущих специалистов по статистике из ГСУ КНР Сюй Сяньчунь, предусматривавший на 2001—2010 гг. годовые темпы прироста в 7,5 %, а на 2011—2020 гг. — в 6,5 %⁷.

Создается впечатление, что все эти прогнозы были так или иначе направлены на то, чтобы обосновать выполнимость поставленной на XVI съезде КПК (2002 г.) задачи учетверить объем ВВП Китая к 2020 г. и возможность некоторого ее досрочного решения. В целом они не расходились и с точкой зрения многих международных наблюдателей: ученых, политиков, бизнесменов, включая такие видные фигуры, как лауреат Нобелевской премии, «отец евро» Роберт Манделл, тогдашний канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, финансист Джордж Сорос.

Одновременно в КНР стали разрабатывать более сложные количественные и качественные прогнозы, касающиеся не только увеличения ВВП, но и перспектив модернизации и устойчивого роста экономики. Ежегодный доклад по проблемам модернизации Китая за 2005 г. был специально посвящен модернизации мировой и китайской экономики⁸. Авторы доклада исходят из той основополагающей установки, что к середине нынешнего века Китай должен достичь уровня среднеразвитых стран, осуществить «классическую» модернизацию экономики и в основном закончить комплексную модернизацию, а к концу века подняться на уровень стран высокоразвитых и полностью завершить экономическую модернизацию второго типа и комплексную модернизацию экономики. Каждый из этих процессов имеет свои показатели, среди которых — производство ВВП и ВНД на душу населения, производительность сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг, уровень индустриализации, интеллектуализации и глобализации, эффективность использования энергии, доля рабочей силы и добавленной стоимости в сельском хозяйстве, сфере услуг и материальном производстве.

Комплексная модернизация экономики включает в себя согласованное развитие новой индустриализации, интеллектуализации, глобализации, экологизации и переход от новой индустриализации к экономике знаний. Она включает в себя также ус-

стойчивый рост производительности труда и национального дохода, значительное повышение уровня материального благосостояния и социальной справедливости. Уровень среднеразвитых стран на 2050 г. — это уровень, достигнутый в среднем странами с высокими доходами в 2002 г.

В докладе рассматриваются три возможных сценария. Главными предпосылками для их реализации служат отсутствие на протяжении века новой мировой войны и поддержание темпов экономической модернизации на уровне не ниже, чем за два последних десятилетия предыдущего столетия. Они определяют разные сроки завершения «классической» и второй модернизации в зависимости от их темпов. «Классическая» модернизация завершается соответственно в 2030, 2050 или 2075 г. Что же касается второй модернизации, то в одном случае Китай примерно к середине столетия достигнет уровня стран с высокими доходами на 2002 г., в другом — это произойдет около 2080 г, а в третьем — за рамками нынешнего века. При сценарии, смелом в отношении Китая и консервативном в отношении развитых стран, основанном на темпах за 1990—2002 гг., Китай в первой половине столетия может опередить Индию и Бразилию, но будет отставать от США, Японии, ФРГ, Англии и Франции. Во второй половине XXI века Китай получит возможность превзойти ФРГ, Францию, Японию и США.

Большие территориальные различия в уровне развития предопределяют неодинаковую стратегию экономической модернизации регионов. В приморских районах упор делается на второй модернизации, на северо-востоке и в среднем течении Янцзы «классическая» и вторая модернизация осуществляются параллельно, на юго-западе, северо-западе и в среднем течении Хуанхэ преобладает «классическая» модернизация.

В целом авторы доклада приходят к заключению, что в первой половине XXI века Китай еще не может лидировать в мировой экономике. Это нужно трезво и рационально воспринимать. «Однако на пути комплексной модернизации мы можем быть первопроходцами, мы можем прокладывать путь и служить примером в изменении образа отсталости развивающихся стран. Итак, в первые 50 лет XXI века нам нужно учиться, но еще больше нам требуются инновации»⁹.

На пути экономической модернизации усматриваются три главных узких места. Первое из них — качество экономики. Пока что китайская экономика в качественном отношении дале-

ко отстает не только от передового, но и от среднемирового уровня. Чтобы достичь того уровня, на котором богатые страны находились в 2002 г., Китаю нужно увеличить валовой национальный доход в расчете на душу населения в 27 раз, на что при среднегодовом приросте в 7 % понадобится 49 лет. Необходимо также поднять производительность труда работников народного хозяйства в 33 раза, на что при годовом приросте в 8 % необходимо 46 лет, а производительность труда работников, занятых в сельском хозяйстве, при таком же приросте — в 47 раз, на что уйдет 50 лет. При этом понятно, что сохранять указанные темпы роста на протяжении полувека будет затруднительно.

Поэтому авторы доклада настаивают на неизбежности совершить в китайской экономической стратегии за полстолетия два крутых поворота, Первый — за 2005—2020 гг. от нынешнего количественного роста к качественному прогрессу. Количественный рост опирается на накопление и инвестиции. Качественный прогресс подразумевает рост на основе технологий, инвестиций и потребления (справедливого распределения). Он включает в себя рост ВВП и производительности труда, продвижение новой индустриализации и экологизации, совершенствование экономической структуры и систем распределения. Другой поворот поведет в 2020—2050 гг. от качественного прогресса к росту на основе инноваций и обеспеченности населения. В процессе экономической модернизации Китаю предстоит пройти три этапа: 2002—2010 гг. — новая индустриализация, 2011—2020 гг. — новая информатизация, 2021—2050 гг. — экономика услуг. Особое значение придается модернизации инфраструктуры.

Вторым узким местом для модернизации служит грандиозность задач по преодолению отсталости экономической структуры. За первую половину века Китаю предстоит сократить занятость в сельском хозяйстве с 50 до 4 %, понизить долю добавленной стоимости, создаваемой в этой отрасли, с 15 до 2 %, поднять удельный вес занятых в сфере услуг с 27 до 70 %, а долю добавленной стоимости в этой сфере — с 34 до 71 %. В случае неизменной общей численности населения и пропорции в ней рабочей силы Китаю нужно было бы переместить из сельского хозяйства в неаграрные отрасли 380 млн работников, но поскольку фактически общая численность будет расти, то масштабы перемещения еще более возрастут.

Не меньшие трудности связаны с совершенствованием отраслевой структуры экономики, структуры обращения, потреб-

ления и распределения. При среднегодовых темпах прироста в 6 % стоимость экспорта в расчете на душу населения должна увеличиться в 2,2 раза, относительные масштабы рынка акций — вдвое, удельный вес семейного потребления — на 10 %, а индекс Джини — сократиться на 10 процентных пунктов.

Третье узкое место экономической модернизации состоит в том, что для поддержания и повышения своей международной конкурентоспособности Китаю нужно в короткие сроки создать макроэкономическую и микроэкономическую базу, а также усовершенствовать условия участия своих предприятий в рыночной конкуренции.

В следующем ежегодном докладе по проблемам модернизации за 2006 г. рассматривались проблемы модернизации общества, по показателям которой Китай занимает сегодня в мировой таблице о рангах более высокие места, чем по показателям экономической модернизации. Тем не менее, и здесь предстоит долгий путь к мировому первенству. На 2003 г. в трех районах Китая — Сянгане, Аомэне и Тайване первая модернизация общества была осуществлена. Еще в трех районах: Пекине, Тяньцзине и Шанхае она была завершена на 90 %. По показателям второй модернизации Китай в 2003 г. занимал в списке 131 государства мира 75-е место. Ожидается, что к 2010 г. Китай поднимется примерно на 60-е место, в 2020 г. — на 50-е, в 2050 г. — на 40-е, в 2080 г. — на 30-е, в 2100 г. — на 20-е. К этому времени Китай станет модернизированным государством, а китайская нация осуществит свое великое возрождение.

В Китае активно обсуждаются перспективы соотношения экономического и социального развития. Один из ведущих сотрудников Центра изучения развития при Госсовете КНР полагает, что до 2020 г. будет происходить одновременно быстрое продвижение индустриализации и урбанизации, а с 2020 г. по 2030 г. урбанизация станет обгонять индустриализацию. Уровень урбанизации повысится с 58 до 65 %, а ВВП в расчете на душу населения возрастет до 10 тыс. долл. После 2030 г. продолжится рост урбанизации — до 75 %, а показателя ВВП на душу населения до 25 тыс. долл.¹⁰

В конце 2004 — начале 2005 гг. Центр изучения развития при Госсовете КНР развернул исследовательскую работу, связанную с подготовкой программы на 11-ю пятилетку и определением перспективных ориентиров на 2020 г. В работе и дискуссиях приняли участие ведущие сотрудники различных научных подразде-

лений Центра. Результаты исследований нашли отражение в специализированных докладах и в коллективной монографии¹¹.

Среднегодовые темпы экономического роста в 11-й пятилетке определялись примерно в 8 %, что обеспечивало увеличение ВВП к 2010 г. до 21,5 трлн юаней в неизменных ценах 2004 г., или до 2,6 трлн долл. С учетом роста численности населения ВВП в расчете на душу населения должен был возрасти до 1900 долл., что примерно соответствует современному показателю для стран со средними доходами (1920 долл.). При некотором замедлении темпов роста в последующем десятилетии ВВП, тем не менее, удвоится. В 2020 г. он должен составить в неизменных ценах 2004 г. 43 трлн юаней, или более 5 трлн долл., т. е. более 3500 долл. в расчете на душу населения.

Ху Аньган попытался соединить наметки, связанные с построением в Китае «общества среднего достатка» и «гармоничного общества» к 2020 г., с провозглашенной ООН «Тысячелетней программой развития» (*Millenium Development Goals*). В итоге он представил систему из 7 основных целевых установок, включающих в себя 22 приоритетные задачи первого порядка и 28 приоритетных задач второго порядка, измеряемых численными параметрами¹².

Прогнозируется к 2020 г. выход Китая на 2-е место в мире по **объему ВВП** при расчете по официальному обменному курсу валют и на 1-е — при расчете по ППС, на 2-е место в мире по **объему внешней торговли**, сокращение соотношения **совокупной национальной мощи** США и Китая с трехкратного примерно до полуторакратного.

Предусматривается значительное повышение **жизненного уровня населения и социального обеспечения**. Неаграрная занятость повысится до 70 %, доля городского населения — до 55 %. Валовой национальный доход в расчете на душу населения (по официальному обменному курсу) увеличится с 1700 долл. в 2005 г. до 4700—5000 долл., что переместит Китай по этому показателю с 110-го места (из 180) примерно на 80-е. Численность населения с расходами меньше 1 долл. на человека в день сократится со 149 млн в 2005 г. до менее 5 млн человек. Ожидаемая продолжительность жизни увеличится с 72 до 76 лет. Детская смертность сократится с 2,33 до 1,55 %, смертность рожениц — с 0,45 до 0,30 промилле. Охват деревни водопроводной сетью расширится с 61,7 до 90 %, канализаций — с 53,1 до 90 %. Безопасной питьевой водой будут обеспечены более 300 млн жителей деревни. Доля правительственных расходов на здравоохранение в ВВП повысится пример-

но до 7 %. Охват городского населения страхованием по безработице, болезни и старости расширится до 85 %, а сельского населения по болезни — до 100 %.

Доля бюджетных расходов на **образование** в ВВП повысится с 2,87 % в 2005 г. до 4 % в 2010 г. и до 6 % в 2020 г., в том числе на начальное образование — с 0,92 % в 2004 г. до 1,4 % в 2010 г. и до 2 % в 2020 г. В 2010 г. будет полностью введено обязательное 9-летнее среднее образование, устранена в основном неграмотность взрослого населения. Число лиц с высшим образованием увеличится с 68 млн до 150 млн человек (с 5,2 % до 12 % общей численности населения). Среднее число лет обучения населения в возрасте от 15 лет и старше увеличится с 8,5 до 10 лет, в том числе новой рабочей силы — с 10 до 13 лет и более. Численность **научно-технического** персонала возрастет с 60 млн до 120 млн человек, их доля в общей занятости — с 6 до 13 %, доля инвестиций в НИОКР в ВВП — к 2010 г. до 2 %, к 2020 г. до 2,5 %. Удельный вес высокотехнологичных отраслей в ВВП повысится с 4,3 % до 10 % и более. Ставится задача догнать и превзойти Японию и стать второй после США научно-технической державой, сократить общее отставание от США до двукратного и превзойти США по числу пользующихся Интернетом и компьютерами.

Существенно улучшатся **ресурсосбережение и охрана среды обитания**, включая двукратное сокращение удельного потребления энергии на единицу продукции, стабилизацию потребления и повышение эффективности использования воды. Доля общественных инвестиций на охрану окружающей среды в ВВП повысится с 1,3 % до 2,5 %, выбросы основных загрязняющих веществ уменьшатся на $\frac{1}{3}$, лесопокрытая площадь увеличится до 23—24 %, запасы древесины на 30 %.

В начале 2007 г. началась публикация фундаментального 20-томного труда «Общая программа устойчивого развития Китая», включающая как общую часть, так и подробную характеристику перспектив всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Над ней работали около двухсот специалистов во главе Ню Вэньюанем. Главный редактор — президент Академии наук Китая Лу Юнсян. Программа охватывает проблемы демографии, ресурсов, природной среды, экономики, общества, науки и техники, образования, культуры, стихийных бедствий, устранения бедности, регионов. Она нацелена на обеспечение безопасности в сферах демографии, питания, информации, энергетики, общественного здравоохранения, экологии. Предусматривается сохранение коэффициента Энгля ниже 0,15, коэффициента Джини — на уровне 0,35—0,40, коэффици-

ента человеческого развития — выше 0,900. Вклад научно-технического развития в экономический рост должен достичь 75 % и более, а стоимость, производимая на единицу затрат энергии и ресурсов в ВВП, должна увеличиться соответственно в 15—20 раз против уровня 2005 г.

Устойчивый рост в Китае должен пройти три основных точки: в 2030, 2040 и 2060 гг. Первая отмечает установление нулевого роста численности населения, т. е. баланса смертности и рождаемости. Далее на этой базе достигается нулевой рост энергопотребления. И, наконец, Китай выходит на нулевой рост деградации среды обитания. Срок обучения в образовательных учреждениях увеличится в среднем с 8,2 до 14 и более лет. Постепенно будет искоренена бедность: к 2020 г. не останется бедных уездов, к 2030 г. — бедных волостей, к 2040 г. — бедных деревень, к 2050 г. — бедных дворов.

Примечания

¹ *Портяков В. Я.* О перспективах развития Китая... С. 264.

² *Ли Цзинвэнь.* 2002 нянь чжи цзинь Чжунго цзинци фачжань цюй-ши баогао. [Доклад о тенденциях развития китайской экономики с 2002 г. до сего дня] // <http://zhidao.baidu.com/question/37243430.html>

³ *Линь Ифу.* Чжаньван синь цянньнянь Чжунго цзинци [Взгляд на китайскую экономику в новом тысячелетии] // Эршии шицзе Чжунго цзинци чжуаньцзя тань [Специалисты о проблемах китайской экономики в XXI веке.] / Гл. ред. Чжан Чжоюань. Чжэнчжоу. 1999.

⁴ *Го Даоли.* Ганьшан Мэйго яо доцзю [Сколько лет нужно, чтобы до-нать Америку] // Фусу. Чжунго цзинци няньбао 2001. [Возрождение. Китайский экономический ежегодник 2001] / Ред. Цао Цзыцзянь. Лань-чжоу. 2001.

⁵ *Лю Вэй, Сюй Сяньчэнь, Цай Чжичжэоу.* Цун чанци фачжань чжань-люе кань Чжунго цзинци цэнчжан. [Экономический рост Китая с точки зрения долгосрочной стратегии развития.] // <http://business.sohu.com/20040917/n222096638.shtml>

⁶ Чжунго цзинци шибао. 2004. 21 сентября.

⁷ *Сюй Сяньчунь.* Чжунго вэйлай цинци цэнчжан цзи ци гоцзи ди-вэй чжаньван. [Будущий экономический рост Китая и взгляд на его ме-ждународный экономический статус] // Цинци яньцзю. 2002. № 3.

⁸ Чжунго сяньдайхуа баогао. 2005. Цзинцзи сяньдайхуа яньцзю. Чжунго сяньдайхуа чжаньлюе яньцзю кэтицзу. Чжунго кэсюэюань Чжунго сяньдайхуа яньцзю чжунсинь Доклады по модернизации Китая. 2005. [Проблемная группа по изучению стратегии модернизации Китая. Центр изучения модернизации Китая Академии наук Китая]. Руководитель проблемной группы Хэ Чуаньци. Пекин, 2005.

⁹ Там же. С. 194.

¹⁰ Чжунго шибао. 2008. 24 января.

¹¹ Чжунго чжунчанци фачжань ды чжунъяо вэньти 2006—2020 [Важные проблемы среднесрочного и долгосрочного развития Китая 2006—2020] / Гл. ред. Ван Мэнкуй. Пекин, 2005.

¹² Ху Аньган. 2020 Чжунго цзяньшэ сяокан шэхуэй [Строительство общества сяокан в Китае к 2020 г.]. Пекин. Ун-т Цинхуа.

Глава 3

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ

Если цели экономической стратегии Китая, как видно из сказанного выше, за период существования КНР менялись сравнительно мало, то в отношении средств и методов их реализации за последние три десятилетия произошли радикальные перемены. В дореформенный период основной упор делался на массовую идеологическую индоктринацию и политическую мобилизацию народных масс и на прямое включение государства в экономическую деятельность. С началом реформистского курса массовые идеологические и политические кампании как средство достижения целей, в том числе и экономических, ушли в прошлое, а на первое место вышли создание рыночных институтов и включение китайской экономики в экономику глобальную.

С тех пор процесс институциональных реформ, как и глобализация экономики, развивались, скорее, не столько ровно и поступательно, сколько волнообразно, прорывами под воздействием мощных внутренних и внешних импульсов, исходивших из разных сфер общественной жизни, но больше всего из политической и идеологической. Но и политика, и идеология в период реформ носили уже принципиально иной характер, чем в дореформенный период. Они стали менее догматичными, более гибкими и разнообразными, гораздо лучше воспринимали сигналы, исходившие из общественной практики, сильнее ощущали вызовы и требования времени и, в конечном счете, намного точнее ориентировались на коренные национальные интересы. Процесс реформ испытал как минимум две стадии подъема, разделенных фазой спада. Первый подъем охватывает период с 1978 по 1989 г., второй — с 1992 г. по сию пору.

3.1. Из истории формирования стратегии

Начальная волна институциональных реформ, носивших только отчасти рыночный характер, на первом этапе была связана, прежде всего, с реорганизацией сельского хозяйства, с распространением в деревне различных форм подворного подряда и повышением цен на сельскохозяйственную продукцию. Эти меры привели к существенному росту продуктивности аграрной отрасли и улучшению экономического положения в стране. Возможно, еще важнее то, что они фактически положили начало возрождению частного капитала, частной собственности в стране, а затем и их легитимации, что, в конечном счете, и определило важную составляющую дальнейших реформ.

На старте нового курса, начало которого принято отсчитывать от 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося в конце 1978 г., институциональные реформы выступали лишь как составная, причем не главная, не определяющая часть экономической политики, формулируемой как «урегулирование, реформирование, упорядочение и повышение». Из четырех перечисленных компонентов нового курса первое место не случайно отводилось «урегулированию». Именно оно считалось центральным звеном новой экономической политики. Необходимо было безотлагательно выправить те глубочайшие диспропорции, от которых страдала экономика вследствие полной разбалансированности народнохозяйственного механизма и дефектного управления после окончания «культурной революции».

При осуществлении урегулирования речь в то время, разумеется, не могла идти о приоритетном обращении к рыночным рычагам и стимулам для нормализации общей экономической ситуации в стране, не говоря уже о приватизации. К этому не были готовы ни китайское общество в целом, ни тот тандем китайских руководителей: Чэнь Юнь — Ли Сяньнянь, который провозгласил и возглавил названный курс. Их позиция исходила из тезиса, выдвинутого Чэнь Юнем еще в 1956 г. о «трех главных и трех вспомогательных». Главное это — государственное и коллективное хозяйствование, а индивидуальное хозяйствование — вспомогательное или дополнительное. Главное — плановое производство, а вспомогательное — свободное производство в рамках, допускаемых государственными планами. Главное — госу-

дарственный рынок, а вспомогательное — свободный рынок под руководством государства. Эти взгляды Чэнь Юнь отстаивал до конца своих дней, независимо от тех процессов, которые происходили в реальной экономической жизни.

Примерно те же позиции занимал тогда и Дэн Сяопин. В беседе с одним из издателей энциклопедии «Британика» в ноябре 1979 г. он тоже поддержал первенство плановой экономики при сочетании ее с экономикой рыночной, которую именовал «социалистической». Выступая на рабочем совещании ЦК КПК в конце декабря 1980 г., Дэн Сяопин призывал основной упор в работе делать на урегулировании. Реформы, говорил он, должны быть подчинены урегулированию, должны быть ему полезны и ни в коем случае ему не мешать. Будущий инициатор реформаторского курса призывал даже с этой целью несколько притормозить ход реформ, хотя и не поворачивать их вспять.

Начало глубоким преобразованиям в аграрном секторе, было положено, как известно, снизу. Фактическая деколлективизация деревни началась по инициативе самих крестьян, которая лишь спустя некоторое время была поддержана властями, сначала на провинциальном, а затем после определенных сомнений и колебаний — и на центральном уровне. В 1979 г. система семейного подряда охватила лишь 1 % производственных бригад, в 1980 г. — 14, в 1981 г. 45, в 1982 г. 80, а в 1983 г. — 98 %.

К 1984 г. народные коммуны как система организации производства, социальной жизни и административно-политического управления в китайской деревне перестали существовать. В итоге существенно возросла степень личной свободы крестьянина. Он получил возможность не только принимать самостоятельные хозяйственные решения в рамках того небольшого земельного надела, который он получил в подрядное управление, но и шанс найти работу или даже основать свое небольшое дело за границами селения, в котором он родился, вырос и обречен был прежде существовать и трудиться до конца своих дней.

Это не означает, что вообще был положен конец зависимости крестьянина от так называемого «коллектива» или, точнее, от власти, выступающей от его имени, хотя и не по его поручению. Оставались в силе главные скрепы, сковывающие независимость крестьянина: коллективная собственность на землю, ограниченность подряда во времени и прописка. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением некоторых китайских исследователей, что крестьянин стал «свободным товаропроизводителем».

лем». И все же очень важный шаг на пути устранения полукрепостных отношений в деревне был сделан.

Эта принципиальная институциональная инновация незамедлительно обернулась и ростом сельскохозяйственного производства, и улучшением благосостояния крестьянской семьи во многих сельских районах, хотя и то, и другое, разумеется, имели свои пределы, поскольку оставались в силе главные факторы низкой производительности аграрного сектора: малоземелье и аграрная перенаселенность. Сельское хозяйство в основной своей массе оставалось натуральным или полунатуральным. Зачатки рыночных отношений появлялись только на ограниченных территориях вокруг крупных городов и в наиболее развитых регионах. Но именно здесь, где накопление капитала встречалось с предложением относительно свободной рабочей силы, и стали очень быстро формироваться очаги частнокапиталистической промышленности.

Успешная самореорганизация деревни поставила на повестку дня вопрос о распространении преобразований плановой экономики на город и придала уверенности реформаторским силам в китайском руководстве. Параллельно с аграрными преобразованиями начали осуществляться некоторые шаги по реформированию государственных предприятий. Первоначально их суть сводилась к предоставлению предприятиям права распоряжаться прибылью с тем, чтобы поощрить их хозяйственную активность. Необходимость в такого рода стимулах вызывалась не в последнюю очередь тем, что быстро растущие негосударственные предприятия, не имевшие легального доступа к планово распределяемым ресурсам, добивались подчас большей эффективности, чем предприятия, принадлежавшие государству и в силу этого таким доступом пользовавшиеся.

Важной областью реформ, носивших отчасти рыночный характер, стала сфера управления, особенно в тех случаях, когда принятие решений было излишне централизовано. Директивное планирование совмещалось с индикативным, расширялась система контрактации сельскохозяйственной продукции. Частичные реформы коснулись также внутренней и внешней торговли, финансов. Их целью было освобождение отраслей, местных властей, предприятий от избыточной опеки со стороны центрального правительства и развязывание их инициативы.

Реформы, таким образом, в определенной степени постепенно ослабляли старую планово-распределительную систему хозяй-

ства. Они ограничивали директивное навязывание предприятиям производственных показателей, допускали торговлю средствами производства, лишали государство монополии на закупки и сбыт товаров, на ведение внешней торговли. Во всех этих сферах вводились элементы рыночного регулирования при сохранении ведущей роли государственного планирования.

В целом, однако, считалось, что для проведения серьезных структурных преобразований в экономике нужна более основательная подготовка. Более того, в некоторых случаях реформа управления вступала в противоречие с задачами урегулирования, усиливая хаос в экономике. Частные интересы предприятий и мест при отсутствии рыночного механизма макрорегулирования и сильно ослабленном механизме планового регулирования нередко противостояли общенациональным интересам.

Улучшение экономической ситуации в стране поставило вопрос о перспективах курса на урегулирование, точнее, о том, какие элементы этого курса должны преобладать, а еще более конкретно, какое место должны занимать в нем рыночные реформы. Особенно обострилось противоборство между сторонниками рыночных реформ и адептами плановой экономики летом 1982 г. в связи с работой над 6-м пятилетним планом и подготовкой XII съезда КПК. В июле 1982 г. Дэн Сяопин в беседе с ответственными работниками Госплана заметил, что от того, как будут решены вопросы соотношения плана и рынка, зависит успешное или неуспешное развитие экономики².

Политический доклад ЦК КПК XII съезду КПК, состоявшийся в сентябре 1982 г., не внес ясность в эти вопросы. С одной стороны, он настаивал на том, что основой народного хозяйства является плановая экономика, базирующаяся на общественной собственности, которая позволяет лишь часть продукции производить и обращать вне плана, при рыночном регулировании. С другой стороны, здесь же говорилось о возможности не только директивного, но и индикативного планирования.

Не без воздействия данного документа в 1982 и 1983 гг. ведущие периодические издания страны опубликовали множество статей с критикой «ошибочных взглядов» на роль закона стоимости и рынка. Нападкам подверглась и политика открытости Китая внешнему миру. В феврале 1982 г. Секретариат ЦК КПК провел в Пекине совещание о ситуации в провинциях Гуандун и Фуцзянь, т. е. в тех провинциях, где были созданы специальные экономические зоны. На места были разосланы тезисы к этому

совещанию, проникнутые антирыночным и антизападным духом. Этот документ сопровождался знаменательным приложением «Происхождение концессий в старом Китае», порождавшим у читателя прямые и недвусмысленные аналогии. Выступая на совещании, Ху Цяому напомнил, что изначально создание иностранных концессий в Китае не опиралось ни на какие четкие договорные положения, но с течением времени страна все более оказывалась в западне у иностранцев, создавших в итоге здесь «свое государство в государстве». Чэнь Юнь в резолюции на приложении начертал: «Разослать документ во все города и провинции. Нужно проявлять бдительность в подобных вопросах по отношению к специальным экономическим зонам»³.

Давление противников рынка было столь велико, что выправлению подвергались даже высказывания Дэн Сяопина. По свидетельству У Цзиньляня, при издании в 1983 г. «Избранных сочинений Дэн Сяопина (1975—1982)» заголовок раздела «Плановое регулирование и рыночное регулирование» в работе «Современное положение и задачи» был изменен на «Развивать вспомогательную роль рыночного регулирования под руководством плановой экономики». Исходный заголовок с соответствующим пояснением был восстановлен только в издании 1994 г.⁴

Напряженность была в определенной степени смягчена после поездки Дэн Сяопина в Гуандун и Фуцзянь весной 1984 г., когда он не только одобрил опыт существовавших специальных экономических зон, но и предложил присоединить к их числу такие крупные портовые города, как Далянь и Циндао⁵. Однако до окончательной победы идей рыночной экономики было еще далеко.

Полемика вокруг судеб товарного (рыночного) хозяйства в Китае в руководстве КПК и ближнем к нему круге китайских теоретиков особенно обострилась в канун 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва. Перед пленумом Чжао Цзыян разослал всем членам Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК записку, озаглавленную «Мнение относительно проблем реформы экономической системы»⁶. В записке обсуждались проблемы планирования, реформы цен и функций государства по руководству экономикой. Чжао Цзыян подвергал критике тезис о том, что план должен стоять на первом месте, а закон стоимости — на втором, утверждая, что план должен реализоваться при посредстве зако-

на стоимости. Спустя два дня записка получила одобрение Дэн Сяопина и Чэнь Юня.

В результате принятое 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 г. «Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы» обозначило переход к новой фазе реформистского курса. Оно расчищало путь для дальнейших рыночных реформ и служило практическим руководством к действию для широкого круга партийных функционеров. Тем самым рыночная экономика в Китае получала мощный стимул для своего развития.

Позиции противников рынка были еще более ослаблены после известного высказывания Дэн Сяопина в феврале 1987 г. о том, что не следует говорить о приоритете плановой экономики и что неправомерно отождествлять рынок с капитализмом, а план — с социализмом⁷. Эта идея была развернута в докладе Чжао Цзяяна на XIII съезде КПК в октябре 1987 г. Здесь противопоставление плана рынку и разделение сфер их действия были сняты. И план, и рынок должны были функционировать в рамках всего общества. «Развитие социалистической товарной экономики, — говорилось в докладе, — неотделимо от развития и совершенствования рынка»⁸.

Во второй половине 80-х годов стали аккумулироваться различного рода противоречия в функционировании экономического механизма. Сосуществование двух противоположных начал — рыночного и планового («двухколейной системы») способствовало образованию множества лакун в управлении экономикой и ставило под угрозу ее стабильное развитие. В ситуации, когда старые — государственные институты были уже подорваны, а новые — рыночные еще не сформировались, не прекращалось активное административное вмешательство в экономику. Деятельности предприятий был присущ высокий уровень коррупции. Эффективность экономики оставалась низкой, а инфляционное давление на нее — высоким. Все это и обусловило экономические спады в 1985 и 1988 гг. Сбои в реализации реформистского курса тормозили формирование общенационального рынка, что позволяло региональным и местным властям преследовать свои особые интересы, усугубляло территориальную неравномерность экономического развития, увеличивало дифференциацию социальных групп.

Ослабление способности государства эффективно осуществлять управление макроэкономической обстановкой с середины

80-х годов вело к нарастанию хаотичности в производстве и капитальном строительстве и особенно в сфере обращения. Общая ситуация характеризовалась формулой «четыре слишком, один беспорядок» (*сы го и луань*): слишком большой общественный спрос, слишком быстрый рост промышленности, слишком большие кредиты и денежная эмиссия, слишком большой рост цен и беспорядок в экономике. Субъективно эти явления определялись неизбывной тягой к ускорению темпов экономического роста при недостаточном внимании к упорядочению обстановки. Многие руководящие деятели полагали, что благоприятная экономическая ситуация должна быть следствием реформ, а не их предпосылкой⁹. Объективно же главная причина состояла в переходном состоянии экономики, определяемом сменой слабеего планово-директивного, административного механизма управления механизмом рыночным, находившимся в то время еще в зачаточном состоянии. Сосуществование этих механизмов, их параллелизм и столкновения создавали удобную почву для нелегальной хозяйственной активности, подобно той, что была связана с существованием «двухколейной системы» цен и способствовала развитию масштабной коррупции.

Одним из важнейших проявлений ухудшающейся экономической ситуации стал рост инфляции. Главной его причиной было существенное преобладание суммарного спроса — инвестиционного и потребительского — над предложением. С 1984 г. начался перегрев экономического роста. Инвестиции из года в год возрастали и, соответственно, увеличивался разрыв между спросом и предложением. Эмиссия денег, подстегиваемая увеличивающимся спросом, росла намного быстрее, чем реальный сектор экономики. К 1987 г. денежная масса возросла в 1,7 раза по сравнению с уровнем 1983 г. Поэтому значительно выросли и цены. Золотовалютные резервы страны, составлявшие в 1978 г. 116,7 млрд долл. и затем сильно сокращавшиеся, снизились с 12,2 млрд долл. в сентябре 1984 г. до 2,2 млрд долл. в сентябре 1986 г.¹⁰

Вновь стали нарастать структурные дисбалансы в народном хозяйстве. Реальная зарплата рабочих и служащих и доходы крестьян увеличивались более быстрыми темпами, чем производительность труда. Легкая, текстильная, пищевая промышленность, не удовлетворяя растущий спрос, увеличивали производство все же скорее, чем машиностроение, но зато последнее значительно опережало по темпам роста энергетику, сырьевые отрасли,

транспорт. В 1984 г. сельское хозяйство благодаря реформам, осуществленным в деревне, росло теми же темпами, что и промышленность, но уже с 1986—1987 гг. оно опять стало отставать, особенно в производстве зерна. Эта отрасль вновь стала слабым звеном китайской экономики. Чистый экспорт зерна сменился чистым импортом.

В китайском руководстве по-разному оценивали ситуацию и пути ее изменения. В конечном итоге возобладал излишне оптимистический и недостаточно осмотрительный подход. Воспринимая ситуацию, сложившуюся к 1988 г., в весьма радужном свете, высшие китайские руководители отвергали доводы и подвергали критике тех, кто предлагал более взвешенные рекомендации. Выступая в марте 1988 г. на 2-м пленуме 13-го созыва, Чжао Цзянян заявил, что в 1987 г. отмечалось «важное продвижение строительства и реформ», что рост был сравнительно «быстрым, нормальным и здоровым» и что создалась «новая ситуация единства роста и стабильности». Утверждая в апреле 1988 г. один из материалов агентства Синьхуа для внутреннего распространения, он заметил, что нельзя односторонне заикливаться на стабильности цен, что необходимо одновременно обеспечивать рост¹¹.

По сути, тот же подход разделял и Дэн Сяопин. В мае 1988 г., выступая на приеме министра вооруженных сил КНДР, он заявил: «Лишь оптимизировав цены, можно ускорить движение реформ... Недавно мы сделали первый шаг, решили отпустить цены на четыре неосновных продукта питания: мясо, яйца, овощи, сахар... Без реформы цен обойтись нельзя, надо идти навстречу рискам, навстречу трудностям. Я всегда говорю своим товарищам, не надо бояться рисковать, надо быть смелее»¹². Эту позицию он воспроизвел и еще более усилил неделей спустя на встрече с делегацией американских банкиров, Дэн Сяопин прямо поддержал точку зрения Чжао Цзяняна о том, что «необходимо идти вперед» и что «только движение вперед принесет победу». Более того, он сказал, что следующий этап станет, главным образом, этапом реформы цен, поскольку «мы подготовили для реформы цен условия, и наша экономическая обстановка неплохая (*хай бу цо*)»¹³.

Премьер Госсовета КНР Ли Пэн в беседе с той же делегацией заявил, что «относительной необходимости проведения реформы цен главные китайские руководители пришли к сравнительно единому мнению, и поэтому темпы реформы цен начали возрастать и ускоряться»¹⁴.

30 мая 1988 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение ускорить реформу ценообразования. Решение признавало, что реформа сопряжена с риском, но оправдывало риск тем, что «кратковременная боль лучше долговременной» (*чан тун бу жу дуаньтун*). Трудно не усмотреть в этой идее прямую аналогию с «шоковой терапией».

В обстановке нарастающей нестабильности 15—17 августа 1988 г. в Бэйдайхэ состоялось пленарное заседание Политбюро ЦК КПК, которое обсудило и «в принципе» одобрило «Предварительный проект реформы цен и заработной платы». Китайское руководство заявляло в этом документе, что обстановка для начала радикальной реформы механизма ценообразования и системы цен благоприятна. Дальнейшие события показали всю ошибочность такой оценки, поскольку рост цен и инфляционные ожидания населения уже в июле достигли критической черты. Сообщение о начале реформы не могло не усилить еще более эти процессы.

Постановление августовского заседания Политбюро предусматривало, что подконтрольными государству останутся лишь цены на небольшое число товаров и услуг, тогда как все остальные цены «отпускались» и регулировались рынком. Одновременно должно было производиться регулирование заработной платы, увеличивались дотации с тем, чтобы не допустить снижения жизненного уровня абсолютного большинства рабочих и служащих и устранить некоторые наиболее существенные нерациональные моменты¹⁵.

18 августа газета «Жэньминь жибао» опубликовала отчет о приеме Чжао Цзяняном японской делегации, откуда страна впервые узнала об обсуждавшемся на Политбюро проекте реформы цен. На следующий день та же газета дала более подробную информацию о пленарном заседании Политбюро.

Эта информация, по выражению китайских исследователей, сработала как бикфордов шнур и имела неожиданный для китайского руководства эффект¹⁶. Она еще более подхлестнула ожидание дальнейшего взлета инфляции, поскольку население полагало, что с 1 сентября цены будут полностью отпущены. Паника охватила все слои и социальные группы общества. Рост цен, продолжавшийся уже в течение нескольких месяцев и достигший в июле исторического максимума, стал принимать еще более невиданные масштабы. Население не только тратило на массовые закупки товаров имевшуюся у них наличность, но

и досрочно закрывало и изымало банковские депозиты, обращая в товары все свои средства. Товар исчезал с полок магазинов не только в городах, но и в сельской местности. Скупали все, независимо от цены и качества: от соли до неисправных стиральных машин.

В этой ситуации китайское руководство не могло не пойти на попятный. Всего две недели спустя, 30 августа 1988 г. Постоянный комитет Госсовета КНР выступил с разъяснением, что переход к рыночному регулированию подавляющего большинства цен рассчитан на пятилетний или еще более долгий срок и что в следующем году движение в этом направлении будет весьма ограничено. Прозвучали также успокаивающие заверения, что проект реформы все еще не является окончательным, что он дорабатывается и уточняется.

В тот же день Госсовет КНР выпустил «Экстренное уведомление об улучшении текущей работы по ценам и стабилизации рынка», где правительство заверяло, что предпримет все необходимое и добьется того, чтобы рост розничных цен на социально значимые товары в следующем году был существенно ниже, чем в году текущем. От местных властей и предприятий требовали, чтобы они не допустили нового взлета цен во второй половине текущего года, им запрещалось произвольно повышать цены и сборы. Процентную ставку по банковским депозитам на срок более трех лет предлагалось не опускать ниже уровня инфляции. Предусматривалось принять эффективные меры для сокращения инвестиций в основные фонды, заморозить или прекратить строительство ряда объектов. Ограничивались кредиты и эмиссия¹⁷.

Формулировка нового курса экономической политики «выправление» и «упорядочение» впервые прозвучала из уст Чжао Цзяна на приеме американской делегации 6 сентября. Он заявил, что Китай не должен отказываться от реформы цен, но эту реформу нельзя проводить изолированно, в отрыве от «выправления обстановки» и «наведения порядка». Главными проблемами, по словам Чжао Цзяна, стали устранение явлений перегрева в экономике, сокращение объемов капитального строительства и темпов экономического развития¹⁸.

Формальное решение о смене акцентов в экономической политике было принято на рабочем совещании под эгидой Политбюро ЦК КПК 15—21 сентября. На первое место были поставлены «выправление экономической обстановки» и «наведение

экономического порядка». В заглавии постановления все еще присутствовал и тезис о «всестороннем углублении реформ», но его отодвинули на последнее место, и, более того, «выправление» и «упорядочение» рассматривались как неперемнное условие для углубления реформ и даже как его важный содержательный компонент¹⁹. Новый курс намечалось осуществить в 1989 и 1990 г.

На второй день работы совещания, принимая одного из ведущих деятелей Либерально-демократической партии Японии, Дэн Сяопин признал, что слишком быстрый экономический рост порождает свои проблемы, что необходимо ограничить суммарный спрос и темпы роста. Мы слишком расхрабрились, сказал он, а теперь пришла пора успокоиться²⁰.

Новый порядок приоритетов был включен в отчетный доклад Чжао Цзяна на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва, состоявшемся в конце сентября. Чжао Цзян призвал «полностью осознать» важность и экстренность проблемы решительного подавления инфляции. Если эту проблему не решить, то «не только будет очень трудно провести реформу цен и другие реформы, но может серьезно пострадать все развитие строительства и даже может быть нанесен урон успехам, полученным за десять лет реформ»²¹. Главными причинами неудачных попыток ограничить чрезмерное возрастание инвестиций и покупательной способности общественных организаций назывались слабость центра и местническое сопротивление регионов. В следующем году предлагалось с помощью «чрезвычайных мер» подавить это сопротивление, решительно пресечь непроизводственное и дублирующее строительство, «обрубить» расточительные расходы общественных организаций.

Пленум утвердил новый курс экономической политики на предстоящие два года. Устойчивое, поступательное и здоровое развитие экономического строительства предлагалось обеспечить, упорядочив экономическую обстановку, в первую очередь — путем сокращения совокупного общественного спроса и подавления инфляции. Для этого предлагалось лимитировать и реструктурировать инвестиции, сдерживать слишком быстрый рост фондов потребления, жестко ограничить эмиссию, устранить перегрев экономики и уменьшить темпы промышленного роста²².

С начала 1989 г. на экономическую ситуацию, серьезно осложнившуюся во второй половине 1988 г., стал оказывать допол-

нительное отягчающее воздействие социально-политический кризис, который сам в определенной мере был порожден неустойчивостью и неопределенностью экономического курса. Под влиянием событий, происходивших в то время в Советском Союзе и социалистических странах Восточной и Центральной Европы, в Китае вновь обострился вопрос о том, насколько правильно выбран путь рыночных реформ. У значительной части китайского руководства возникли небезосновательные опасения, что он способен привести к подрыву монополии компартии на власть. С другой стороны, в обществе, особенно в интеллектуальных кругах, укреплялась убежденность в том, что экономические реформы должны быть подкреплены расширением политических свобод и демократическими преобразованиями.

Вновь активизировались противники рыночных реформ. В печати появились статьи, авторы которых критиковали политику, проводившуюся после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. Вновь, как и в начале 80-х годов, стали звучать голоса тех, кто отождествлял рынок с капитализмом, а план с социализмом. Утверждалось, что придание реформам рыночной направленности означает смешение экономических категорий капиталистического способа производства с экономическими категориями социалистического способа производства. Стремление создать рынок объявлялось стремлением возродить капитализм. Рыночная экономика трактовалась как отрицание общественной собственности и, следовательно, как отрицание руководящей роли компартии и социалистического строя, как возврат к капитализму, вернее, как «мирное перерождение» социализма в капитализм.

В течение 1990 г. и первой половины 1991 г. в стране развевалось движение за социалистическое идейное воспитание. Оно проводилось на предприятиях, в высших учебных заведениях, научных учреждениях, органах культуры. В ряде случаев в массовых мероприятиях принимали участие высшие лица правящей партии. Особое внимание уделялось «чистоте идеологии» в средствах массовой информации.

Газеты и журналы были заполнены потоком статей, защищавших социализм от попыток подорвать его экономические основы. Многие авторы требовали жестко ограничить развитие частного и индивидуального секторов. Истоки «буржуазной либерализации» обнаруживали также в распределении не по труду и вообще в товарном хозяйстве. Привлечение иностранных инве-

стиций трактовалось как готовность стать придатком международной буржуазии. Специальные экономические зоны рассматривались как рассадники «мирного преобразования». Сторонники рыночных реформ именовались «реформистами, идущими по капиталистическому пути», что самым непосредственным образом напоминало левацкую лексику времен «культурной революции».

По сути дела, «защитники социализма» вновь, как и в период господства левацкого курса, стремились свести все трудности, возникшие в китайской экономике в период перехода к рынку, к противоборству между пролетариатом и буржуазией и сменить курс экономического развития, базирующийся на рыночных реформах, прежним курсом, в основе которого были классовая борьба и идейно-политические чистки.

В этой обстановке Дэн Сяопин вновь выступил против отождествления рынка с капитализмом, а плана — с социализмом. Такие заявления в прошлом делались им неоднократно. Впервые эта мысль прозвучала в конце ноября 1979 г. Затем она повторялась им в 1980, 1982, 1985, 1987 гг.²³ Но выступление в конце декабря 1990 г., учитывая переломный характер момента, было особенно важным для определения дальнейших путей развития страны. Дэн сказал, что планирование и рынок присущи как капитализму, так и социализму, что отказ от рынка обрекает страну на отсталость, отрывая ее от глобальной информации. Он призывал не бояться риска, хотя и предупреждал против опасностей поляризации общества, которая может породить противоречия внутри нации, противоречия между регионами, классовые противоречия, противоречия между центром и местами и привести к хаосу²⁴. Дэн Сяопин отнюдь не отвергал угрозу крушения социализма в Китае, подобно тому, как это произошло в Советском Союзе и Восточной Европе, но связывал эту угрозу, главным образом, не с идейным перерождением, а с возможной неготовностью или неспособностью использовать весь арсенал современной экономики, включая, естественно, прежде всего, рынок, для ее подъема, для развития производительных сил и для удовлетворения потребностей широких народных масс.

Эту позицию Дэн Сяопин закрепил и развил далее во время поездок в Шанхай в конце 1990 — начале 1991 г. Дэн еще раз опроверг утверждения тех, кто считал, что плановая экономика означает социализм, а рыночная — капитализм. Но он пошел

еще дальше, фактически призвав сторонников политики рыночных реформ и открытости, не опасаясь обвинений в отходе от социализма, выступить с решительной поддержкой его позиции. «Недостаточно, — говорил Дэн, — чтобы я один выступал. Вся наша партия должна сказать свое слово»²⁵.

Это его воззвание было обращено в первую очередь именно к шанхайским функционерам. Вновь, как и в начале «культурной революции», Шанхай должен был стать во главе нового движения, только на этот раз оно имело прямо противоположный знак. Именно с этой целью Дэн подчеркивал важную роль Шанхая как финансово-экономического центра страны для развития обширного района дельты Янцзы и всего бассейна этой великой реки. Шанхаю придавалось первостепенное значение в обретении Китаем лидирующих позиций в мировых финансах. Особо подчеркивалось, что без политики открытости китайская экономика не сможет достичь тех целей, которые перед ней стоят.

Содержание высказываний Дэн Сяопина во время различных встреч и бесед изложил тогдашний секретарь Шанхайского горкома КПК и мэр Шанхая Чжу Жунцзи на совещании кадровых работников города. Благодаря этому они были услышаны и, хотя и не сразу, восприняты как руководство к действию²⁶.

Опять, как во времена «культурной революции, первый отклик на слова лидера нации прозвучал со страниц шанхайской газеты. Этой газетой стала «Цзефан жибао», орган шанхайского горкома КПК, опубликовавшая в начале 1991 г. четыре статьи под псевдонимом Хуан Фупин²⁷. Основным автором и организатором публикаций был заместитель главного редактора газеты, секретарь парткома редакции и член Шанхайского горкома КПК Чжоу Жуйцзинь. К написанию статей он привлек еще двух авторов: заведующего одним из отделов газеты Лин Хэ и сотрудника отдела по исследованию политики при Шанхайском горкоме КПК Ши Чжихуна.

Первая статья коллектива авторов была опубликована с санкции главного редактора газеты 15 февраля 1991 г., сразу после праздника Весны, на первой полосе под заголовком «Быть «вожаками» реформ и открытости» (*Цзо гайгэ кайфан ды «дайтоу ян»*)²⁸). Статья призвала высоко поднять знамя реформ и открытости, создавать общественное мнение, благоприятствующее реформам и открытости. С этой целью авторы требовали еще более «освободить сознание», прорвать пути «застойных форм идеологии», утвердить «новую обстановку товарной

экономики, адекватную роли экономического центра международного масштаба»²⁹.

Согласно более поздним воспоминаниям Чжоу Жуйцзиня, статья поначалу не привлекла к себе большого внимания, однако в ней был стержень, который впоследствии стал основой ожесточенной идеологической полемики и политического противоборства. Авторы призывали к тому, чтобы 1991 год стал «годом реформ». Такой тезис открыто противостоял лозунгу, провозглашавшему наступивший год «годом качества»³⁰. Плюс к этому авторы использовали формулу из восьми иероглифов: «избавиться от печалей можно только с помощью реформ». Эта формула прямо передавала слова, сказанные Дэн Сяопином при его посещении Шанхая.

Именно данное обстоятельство более всего взбудоражило тех, кто не принимал провозглашенную 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва установку на то, чтобы в центре внимания правящей партии находилось экономическое строительство, и настаивал на том, что должен быть еще один «центр» — политический, который должен противостоять «мирной эволюции»³¹. Главным вопросом для этой категории партийных функционеров был вопрос о том, кто является «китайским Горбачевым»³². По словам Чжоу Жуйцзиня, в качестве наиболее очевидного претендента на эту роль рассматривался Чжу Жунцзи, только что перешедший на работу в Госсовет КНР.

Вторая статья коллективного автора с псевдонимом Хуан Фупин под заголовком «Реформы и открытость должны обладать новым путем мышления» (*Гайгэ кайфа ин ю синь сылу*) появилась через две недели после первой, 2 марта 1991 г. Под новым путем мышления подразумевалось развитие рыночной экономики. В статье передавался дух шанхайской речи Дэн Сяопина, основной смысл которой составляло утверждение, что план и рынок — это всего лишь два способа, две формы распределения ресурсов, присущие и социализму, и капитализму и не способные поэтому служить критерием для их различения. Авторы предостерегали против опасности впасть в новый идейный застой, связанный с догматическим противопоставлением этих категорий. Вместо понятия «товарная экономика», использованного в первой статье, здесь уже появился термин «социалистическая рыночная экономика»³³.

Третья статья «Еще более расширять осознание открытости» (*Кода кайфан ды иши яо гэн цян се*), опубликованная 22 марта 1991 г., носила более практический и прикладной характер. В ней говорилось о значении политики открытости для Шанхая, об освоении Пудуна с помощью специального курса, нацеленного на создание режима порто-франко, включая освобождение от экспортных пошлин, о создании здесь «социалистического Гонконга».

Четвертая и последняя статья за подписью Хуан Фупина «Реформам и открытости нужно большое число кадровых работников, обладающих добродетелью и талантом» (*Гайгэ кайфан сюйяо дапи дэ цай цзянь бэй ды ганьбу*) от 12 апреля 1991 г. была направлена против двуличных и нечестных чиновников, не пригодных для реализации реформистского курса.

Использование раскавыченных цитат из высказываний высокопоставленных лиц без указания источника за предыдущие десятилетия в Китае вошло в довольно широко распространенную практику идейно-политической борьбы с участием средств массовой информации. Для не посвященных в хитросплетения этой борьбы разгадывать загадки той или иной публикации, построенной по этому принципу, было, разумеется, довольно сложно, часто даже непосильно. Однако для тех, кто был ее активным участником, тем паче — организатором, секретов не существовало. Поэтому лица, ведавшие партийной пропагандой в Пекине, конечно же, тотчас поняли, кто стоит за шанхайскими публикациями, что их, однако, не остановило.

Статьи Хуан Фупина вызвали в стране большой и неоднозначный резонанс. Представительства ряда китайских городов и провинций в Шанхае обратились к местным властям с просьбой перепечатать подборку статей отдельным изданием. В Шанхай из разных регионов направлялись ходоки, стремившиеся поточнее выяснить подоплеку публикации. Редакция газеты «Цзефан жибао» получала немало одобрительных откликов от своих читателей. Однако из прочих органов печати страны напрямую одобрил публикацию лишь выпускаемый агентством Синьхуа бюллетень «Бань юе тань». Остальные либо предпочли отмолчаться, либо же пошли в контратаку, выступив с весьма резкой отповедью авторам и тем, кто их вдохновлял. В ряде случаев обличительный накал публикаций был не меньше, чем во времена «культурной революции».

Уже после появления второй статьи Хуан Фупина газета «Жэньминь жибао» откликнулась решительным отторжением пропагандировавшихся в ней идей Дэн Сяопина. «Некоторые люди, — говорилось в газете, — сознательно отрицают плановую экономику... Принципы рыночной экономики с трудом могут быть действительно использованы для эффективного распределения ресурсов»³⁴. Вскоре после последней публикации Хуан Фупина та же газета перепечатала из журнала «Дандай сычао» статью под заголовком «Почему необходимо неустанно бороться против буржуазной либерализации», в которой тезис за тезисом подвергались критике и осуждались идеи Дэн Сяопина и Чжу Жунцзи в изложении Хуан Фупина. На проходившей в апреле конференции по теории научного социализма, где присутствовали некоторые

высокопоставленные работники Отдела пропаганды ЦК КПК, в течение трех дней кряду критиковали взгляды Хуан Фупина.

Чжоу Жуйцзиню пришлось представить Шанхайскому горкому КПК специальный отчет, в котором подробно описывались процесс подготовки и публикации статей, а также реакция, которую они вызвали в Пекине и во всей стране. Особо пришлось объясняться в связи с утверждением тайваньской газеты «Ляньхэ бао», что его статьи имеют отношение к Чжу Жунцзи. Некоторые члены горкома, ознакомившиеся с докладом, не порицая само содержание статей, выразили недовольство процедурой утверждения их к публикации. При этом, разумеется, имелись в виду не сами публикации, а то обстоятельство, что с их помощью вождь обращался с важными установками непосредственно к партийным массам, ломая освященный традицией порядок прохождения этих установок по инстанциям — сверху вниз и снизу вверх, т. е., по сути, игнорируя иерархию партийных функционеров, подобно тому, как это проделывал Мао в период «культурной революции». Этого функционеры позволить снова не могли. Чжоу Жуйцзинь был вынужден выступить с самокритикой³⁵. Было отозвано сделанное ему ранее в ЦК КПК лестное предложение стать главным редактором и заместителем директора издательства гонконгской газеты «Дагун бао»³⁶. Запретили рассылку влиятельного журнала «Гайгэ», перепечатавшего по предложению У Цзинляня статьи Хуан Фупина.

Признаки грядущих перемен стали появляться с середины 1991 г. Более или менее определенно они впервые обозначились в речи Цзян Цзэминя по случаю 70-летия КПК. В эту речь был включен тезис Дэн Сяопина о том, что не следует план и рынок считать признаками социализма и капитализма. Однако до окончательного утверждения рыночной перспективы было еще далеко. Борьба между сторонниками рыночных реформ и защитниками чистоты социализма, в том числе на самом высоком уровне, продолжалась.

В конце августа заместитель главного редактора газеты «Жэньминь жибао» Ли Дэминь вместе с одним из ведущих сотрудников теоретического отдела газеты в соответствии с меняющейся обстановкой подготовил передовую статью под заголовком «Все для реформ и открытости» (*Ице възляо гайгэ кайфан*). Статья была просмотрена и одобрена отвечающим за идеологическую работу членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Жуйхуанем. Однако уже после этого главный редактор газеты Гао Ди включил в статью фразу о том, что при проведении политики реформ и открытости нужно обязательно выяс-

нять, чьим интересам она служит: социалистическим или капиталистическим. В таком виде статья и была 1 сентября передана по радио. Сразу после этой передачи Ли Жуйхуань по указанию Дэн Сяопина красную фразу вычеркнул, и в таком виде она и появилась в газете. О расхождении между текстом, переданным по радио, и текстом, опубликованным в печати, было доложено Дэн Сяопину, который воспринял это как попытку прямо критиковать его позицию. В середине октября Чжу Жунцзи, посетивший Шанхай, открыто одобрил статьи Хуан Фупина, а месяц спустя в том же Шанхае Ли Пэн осудил их вредное влияние³⁷.

Продолжалось и противостояние на страницах печати³⁸. Противники рыночных реформ выдвигали на передний план идейно-политической работы партии классовые противоречия, классовую борьбу, борьбу между «двумя путями» развития. Они настаивали на том, что целью реформ должно быть укрепление социалистического строя, что любые реформы нужно оценивать, прежде всего, исходя из их классового содержания и классовой направленности. Решительно отвергался защищаемый Дэн Сяопином тезис о том, что одним из основных (хотя и не единственным) критериев успешности реформ может служить развитие производительных сил. Столь же безоговорочно осуждалось и другое положение Дэн Сяопина (хотя, естественно, без указания на его авторство), гласящее, что реформы — это вторая революция в Китае³⁹.

Решительный перелом в ситуацию внесли поездка Дэн Сяопина в южные районы Китая в начале 1992 г. и его суждения по ключевым проблемам дальнейшего курса развития китайской экономики, сделанные в ходе этой поездки. Будучи сложены воедино, мысли восьмидесятивосьмилетнего Дэн Сяопина, высказанные в беседах с руководителями южных провинций и городов, представляют целостную программу. Эта программа на десятилетия вперед определила основную направленность китайских реформ и некоторые важные методы их реализации.

Главный смысл высказываний Дэна состоял в требовании реформировать все экономические институты, сдерживающие «освобождение» и «развитие» производительных сил (Дэн Сяопин разводил эти понятия: первое обеспечивается как революцией, так и реформами, второе — только реформами существующих и созданием новых экономических институтов). Курс, провозглашенный 3-м пленумом 11-го созыва, Дэн призвал считать

незыблемым в течение ста лет. Он убеждал не опасаться риска и даже некоторого «авантюризма», без чего невозможно создание нового. Появление же институтов, более четко фиксированных, станет возможным лишь по мере всестороннего созревания, на что понадобятся еще три десятилетия⁴⁰.

Дэн Сяопин положил конец утверждениям о том, что главная угроза для социализма исходит справа, заявив, что противостоять нужно в первую очередь «левым» тенденциям, сохраняя вместе с тем бдительность в отношении правой опасности. Он решительно осудил тех, кто вновь и вновь поднимает вопрос о социалистической или капиталистической природе реформ, кто утверждает, что китайские реформы идут по капиталистическому пути. Судить об их сущности, по убеждению Дэна, нужно исходя из одного единственного критерия: насколько они благоприятствуют социалистическим производительным силам, укреплению совокупной национальной мощи социалистического государства, повышению уровня жизни народа. Дэн призвал усваивать и перенимать все созданные в современном мире, в том числе в развитых капиталистических странах, передовые способы хозяйствования, методы управления, отражающие законы современного обобществления производства.

Самые первые слова, сказанные по прибытии Дэн Сяопина в Шэньчжэнь, одну из главных целей поездки, были направлены против тех, кто считал создание специальных экономических зон возрождением капитализма. Дэн категорически отверг такие предположения, заявив о социалистической природе этих зон. Он отметил, что предприятия, принадлежащие частному национальному и иностранному капиталу, являются полезным дополнением к социалистической экономике, которое ограничивается политическими и экономическими условиями Китая.

Дэн поставил перед руководством провинции Гуандун задачу за 20 лет догнать и перегнать «четыре малых дракона», причем не только в экономике, но также и в отношении социального порядка и социального духа, что, по его словам, и станет реализацией социализма с китайскими особенностями. Дэн подчеркнул, что путь к общей зажиточности должен пролегать через неравномерное развитие регионов: одни регионы развиваются быстрее и опережают другие, а затем подтягивают отстающих. Быстрее разбогатевшие регионы должны отчислять больше налогов от прибылей, которые пойдут на поддержку развития бед-

ных регионов. Дэн полагал, что к концу века, когда будет достигнут уровень «малого достатка» (*сяокан*), проблема разрыва между приморьем и внутренними территориями будет постепенно с успехом разрешена.

Там, где позволяют условия, развитие, по Дэну, должно быть быстрым и вместе с тем обеспечивающим повышение эффективности и качества. Поступательность и согласованность развития также необходимы, но не следует их абсолютизировать. Медленные темпы равносильны остановке и даже отступлению. Нужно максимально использовать благоприятные шансы и ни в коем случае не упускать их. Каждые несколько лет надо подниматься на новую ступень. За ускорением темпов в течение ряда лет могут появляться проблемы, которые необходимо урегулировать, после чего вновь возобновлять движение вперед.

Дэн подчеркивал необходимость опираться на законы и вести борьбу с коррупцией и иной преступностью. Укрепление и развитие социалистического строя, по Дэну, потребует неустанных усилий многих поколений и даже десятков поколений людей. Большое значение он придавал творческому развитию марксизма, воспитательной работе — в органах диктатуры, в партии, среди молодежи, а также «революционизации, омоложению, интеллектуализации и профессионализации» кадров.

Поездка Дэн Сяопина по югу страны продолжалась чуть больше месяца — с 18 января по 21 февраля 1992 г. Все это время информации о его высказываниях в Китае практически не было, хотя тон публикаций в центральной печати стал несколько меняться. Газета «Жэньминь жибао» больше не призывала к борьбе с «мирной эволюцией», прекратилась критика Хуан Фупина, появились призывы «лучше придерживаться экономического строительства в качестве центра», «смелее проводить реформы», но конечной целью этих призывов было «с помощью реформ и открытости еще более усовершенствовать наш социалистический строй», а не «освободить производительные силы»⁴¹.

Через неделю после возвращения Дэн Сяопина в Пекин содержание его бесед в виде документа № 2 ЦК КПК было распространено по партийным инстанциям. Но лишь месяц спустя, 26 марта газета «Шэньчжоу тецзюй бао» прорвала завесу публичного молчания, опубликовав статью заместителя главного редактора газеты Чэнь Ситяня с пространным описанием пребывания Дэн Сяопина в Шэньчжэне. В качестве заголовка автор использовал строку из стихотворения танского поэта Ли Хэ

«Прилетел ветер с востока, раскрыл глаза весне» (*дун фан фэн лай мань янь чунь*).

Чэнь Ситянь был единственным журналистом, прикомандированным к городским властям, которые принимали Дэн Сяопина в Шэньчжэне. Восемь лет спустя, раскрывая обстоятельства появления своей статьи в интервью корреспонденту газеты «Гун шан бао», он рассказал, что поездка Дэн Сяопина в Шэньчжэнь совершалась в обстановке абсолютной секретности. Существовало строжайшее предписание «соответствующих ведомств»: «не пропагандировать, не сообщать, не упоминать»⁴². Неясно, было ли это предписание санкционировано самим Дэн Сяопином. Первыми запрет нарушили органы печати специальной экономической зоны Чжухай, поместив краткое сообщение о пребывании там Дэн Сяопина, однако, не касаясь содержательной стороны бесед. Позже небольшую заметку о поездке Дэн Сяопина в южные районы страны напечатала газета «Наньфан жибао». Все это побудило Чэнь Ситяня, располагавшего значительно более полной и уникальной информацией, выступить со своей обстоятельной публикацией.

По словам Чэнь Ситяня, он не получал никаких указаний сверху, ни прямых, ни косвенных, касательно подготовки и публикации статьи. Он всего лишь показал рукопись главному редактору газеты, который ее одобрил, а затем они вдвоем направились в отдел пропаганды Шэньчжэньского горкома КПК, который и стал высшей инстанцией, санкционировавшей публикацию. Такую же позицию заняло и руководство Шэньчжэньского горкома. Когда секретаря горкома во время сессии ВСНП в Пекине некий высокопоставленный руководитель спросил об обстоятельствах появления статьи, тот ответил: «не знаю, дома решили»⁴³.

В статье было много ссылок на высказывания Дэн Сяопина. Но не все его изречения Чэнь решил предать гласности, о чем впоследствии выражал сожаление. Так, он убрал из рукописи упоминание о рекомендации Дэна не затевать политические кампании, поскольку именно в то время проводилась «кампания социалистического воспитания»⁴⁴.

В день появления шэньчжэньской публикации ее почти полностью перепечатала вечерняя гуанчжоуская газета «Янчэн ваньбао». Со следующего дня она стала появляться и в других органах региональной и гонконгской печати. Однако Чэнь Ситянь не без тревоги ожидал реакции центра, памятуя те нападки, которым подверглись статьи Хуан Фупина. Опасения развеялись только тогда, когда 30 марта центральное телевидение в вечерней программе новостей дало, наконец, подробную информацию о поездке Дэн Сяопина в Шэньчжэнь, а агентство Синьхуа официально начало распространять статью Чэнь Ситяня в стра-

не и за рубежом. На следующий день перепечатка статьи появилась почти во всех пекинских газетах, а центральное телевидение еще более детально показало пребывание Дэн Сяопина в Шэньчжэне. Сотни миллионов китайцев увидели престарелого лидера вынужденного при ходьбе опираться на поддержку дочери. Они не могли не заметить дрожание рук Дэна, но и стали очевидцами его все еще кристально ясных и энергичных суждений. Зарубежная печать стала писать о победе, одержанной Дэн Сяопином.

Информация о позиции Дэн Сяопина по важнейшим идеологическим, политическим и экономическим проблемам была обнародована в весьма ответственный момент. С февраля 1992 г. началась подготовка отчетного доклада ЦК КПК к XIV съезду КПК — важнейшего партийного документа на предстоящее пятилетие.

9—10 марта 1992 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПК, выступая на котором Цзян Цзэминь воспроизвел прежнюю установку Дэн Сяопина, гласящую, что рынок и план суть всего лишь экономические средства. Он призывал научиться как следует пользоваться этими средствами для ускорения развития социалистической товарной экономики⁴⁵. Однако новых идей Дэн Сяопина, касающихся приоритетной борьбы с «левой» опасностью, необходимости покончить с рассуждениями о капиталистической или социалистической природе реформ, о столетней незыблемости реформистского курса еще не было ни в этом выступлении, ни в первоначальном тексте доклада Ли Пэна на открывшейся 20 марта сессии ВСНП. Соответствующие поправки к тексту доклада пришлось вносить уже по ходу обсуждения доклада⁴⁶.

Вновь стал слышен голос молчавших два с лишним года либеральных экономистов. Освободившись от жесткого идеологического прессинга со стороны «левых», они стали выступать в Центральной партийной школе ЦК КПК, в других учебных и исследовательских учреждениях, на страницах органов печати. Возобновились научные дискуссии, уже с новых идеологических позиций, вокруг проблемы соотношения плана и рынка.

С марта по май 1992 г. одно за другим следовали заседания Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и самого Политбюро, посвященные обсуждению идей Дэн Сяопина, высказанных им во время поездки на юг, и проблемам их реализации. В мае 1992 г. был принят документ № 4 ЦК КПК, под назва-

нием «Мнения о том, как ускорить реформы, расширить открытость, добиться, чтобы экономика еще лучше, еще быстрее поднялась на новую ступень». В документе говорилось о смене механизма хозяйствования, о развитии рынка, об ускорении проведения различных реформ. Предусматривались распространение режима открытости на города в бассейне Янцзы и в восточном приморье, создание новых специальных экономических зон, введение новых форм привлечения и использования иностранного капитала.

Впервые позиция официального китайского руководства о направленности экономических реформ была выражена Цзян Цзэмином в начале июня 1992 г. в его выступлении в Центральной партшколе ЦК КПК на курсах усовершенствования руководителей министерского и провинциального уровня. Цзян отметил, что для плановой экономики, длительное время существовавшей в Китае, были характерны чрезмерная концентрация власти, пренебрежение или даже игнорирование товарного хозяйства. Чем дальше, тем больше она не отвечала требованиям развития современного производства, сдерживала развитие производительных сил и даже парализовала всю экономическую жизнь. Поэтому коренное реформирование высокоцентрализованной плановой экономики стало насущно необходимым. Цзян отметил, что выйти из тупика можно, создав одну из трех возможных экономических структур: социалистическую товарную экономику на основе сочетания плана и рынка, социалистическую рыночную экономику при наличии планирования и, наконец, социалистическую рыночную экономику. Окончательный выбор, по словам Цзян Цзэмина, предстояло сделать XIV съезду КПК. Но лично он склонялся к последнему варианту. Упоминание о наличии планирования, с его точки зрения, мало что меняло, поскольку, во-первых, люди привыкли к тому, что при социализме развитие экономики планируется, а, во-вторых, планирование осуществляется и при капитализме. Цзян подчеркнул, что обсуждал свою личную точку зрения с «некоторыми товарищами из ЦК КПК», и большинство из них поддержали эту точку зрения. Он выразил надежду на то, что такой подход будет принят большинством кадровых работников и народных масс⁴⁷.

Не дожидаясь съезда, параллельно с его подготовкой китайское руководство значительно активизировало проведение реформ. 1992 год стал годом их существенного ускорения.

В направлении новых требований и новых задач стала развираться вся партийно-государственная аппаратная машина, во всех основных аспектах ее функционирования: административном, правоохранительном, пропагандистском и прочих. В июле—сентябре 1992 г. ЦК КПК принял и обнародовал три документа, скромно, как и документ № 4, названных «мнениями».

Первое «мнение» касалось улучшения административно-правового обеспечения реформ, открытости и экономического строительства. Особое внимание обращалось на совершенствование правового климата реформ и открытости, на выполнение административными и правоохранительными органами своих функциональных обязанностей по защите законных прав инвесторов и тех, кто идет на риск проведения экспериментальных реформ. Одновременно напоминалась обязанность этих органов использовать меры диктатуры, охранять государственную безопасность, строго пресекать преступность, оберегать социальную стабильность.

Второе «мнение» требовало усилить и усовершенствовать пропагандистскую и идеологическую деятельность на основе требований, высказанных Дэн Сяопином в ходе его поездки на юг, подчинить эту деятельность интересам реформ, открытости и экономическому строительству.

Третье «мнение» ставило задачу обеспечить достижение тех же целей партийным строительством. Партию призывали встать в авангарде реформ и строительства, играть роль руководящего ядра в строительстве социализма с китайской спецификой.

Документы XIV съезда КПК, прошедшего в октябре 1992 г., пронизаны идеями Дэн Сяопина, высказанными во время поездки на юг. Они воспроизвели и их дух, и буквально все важнейшие формулировки. Основной акцент делался на освобождении и развитии производительных сил и на укреплении совокупной национальной мощи. Хотя прокламировались и такие задачи, как устранение эксплуатации и поляризации общества, повышение уровня жизни народа, достижение совместного обогащения, они ставились в зависимость от реализации главной цели — развития производительных сил. Путь к этой цели пролегал через реформы, которые по своему значению приравнивались к революции. Экономические реформы были призваны создать и усовершенствовать институты социалистической рыночной экономики на основе укрепления общественной собственности и распределения по труду, дополняемые прочими сек-

торами экономики (индивидуальным, частным национальным и частным иностранным) и иными способами распределения⁴⁸. Основным содержанием политических реформ объявлялось совершенствование системы собраний народных представителей и системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством компартии.

2-й пленум ЦК КПК 14-го созыва, состоявшийся в начале марта 1993 г., призвал, используя благоприятную внутреннюю и внешнюю обстановку, ускорить проведение реформ и модернизации. Соответственно были скорректированы некоторые показатели 8-й пятилетки. Среднегодовые темпы роста народного хозяйства повышались с 6 до 8—9 %.

Эти установки были подтверждены состоявшейся вслед за пленумом сессией ВСНП. Сессия приняла также поправки к Конституции КНР, в которую было включено понятие «начального этапа социализма». «Плановая экономика» была заменена «социалистической рыночной экономикой», а «сельские народные коммуны» уступили место «системе ответственности с преобладанием семейного производственного подряда в деревне». К числу основных задач государства была отнесена «концентрация усилий на осуществлении социалистической модернизации».

Особое значение имело постановление 3-го пленума ЦК КПК 14-го созыва «О некоторых вопросах создания структур социалистической рыночной экономики» от ноября 1993 г., известное также как «50 пунктов». Это постановление существенно конкретизировало и детализировало ориентиры, установленные XIV съездом КПК. Над составлением документа трудились 16 специализированных рабочих групп, в состав которых входили более 300 экспертов из ЦК КПК, Госсовета КНР и местных органов власти. Как обычно, представлению окончательной версии документа предшествовали многочисленные обсуждения и совещания, в том числе на уровне Политбюро ЦК КПК, которые сопровождались внесением большого числа поправок и дополнений в первоначальные проекты.

Главные идеи документа, принятого 3-м пленумом ЦК КПК 14-го созыва сводятся к следующему. Основой и центральным звеном создания социалистической рыночной экономики является формирование системы современных предприятий. Предпосылкой создания такой системы и одновременно итогом ее функционирования служит единый рынок, который включает

рынок финансов, рынок рабочей силы, рынок технологий и рынок недвижимости. Система макрорегулирования экономики должна использовать рыночные рычаги. Для этого требуются реформирование налоговой, финансовой, инвестиционной и планирующей систем, изменение правительственных функций и проведение организационной реформы. Движущей силой функционирования рыночной экономики служит рациональная система распределения доходов. Она является важным средством для мобилизации трудовой активности, повышения производительности труда и экономической эффективности. Основными принципами такой системы объявлялись приоритет распределения по труду при наличии многообразных способов распределения, приоритет эффективности при одновременном внимании к справедливости, курс на первоочередное обогащение части регионов и части людей при стремлении к общему обогащению. Безопасность и стабильность социалистической рыночной экономики обеспечиваются системой социальных гарантий.

В 1994 г. началась всеобъемлющая экономическая реформа, включавшая реформу налоговой и финансовой систем и государственных предприятий.

Проделанный выше небольшой экскурс в историю формирования современного стратегического курса правящей Коммунистической партии Китая на решающем этапе его становления демонстрирует, как нам представляется, сколь непростым был путь к утверждению идей, которые, в конечном счете, предопределили последующие радикальные перемены во всех основных сферах жизнедеятельности китайского общества и все его последующие достижения. Именно в это судьбоносное для страны время ей посчастливилось иметь своим лидером такого выдающегося политического деятеля и провидца, каким был Дэн Сяопин. Его историческая заслуга состоит прежде всего в том, что он не только понял необходимость соединения ресурсов авторитарной власти и рыночных механизмов для модернизации и развития страны, но и побудил руководствоваться этим пониманием правящую партию и, в конечном счете, подавляющую часть нации. Именно необычайно ясное стратегическое мышление Дэн Сяопина и его политическая воля и ответственность позволили решительно порвать с устаревшими догмами, принять принципиально новый курс и вместе с тем избежать разрушения основ государства и цивилизации, социальной дестабилизации и политического хаоса.

Примечания

¹ Дэн Сяопин сысян няньпу [Хроника идей Дэн Сяопина.] 1975—1997. Пекин, 1998.

² Дэн Сяопин сысян няньпу... С. 223.

³ Ян Цзишэн. Дэн Сяопин шидай. [Эпоха Дэн Сяопина]. Пекин, 1998. Т. 2. С. 254—255.

⁴ Се Чуньтао. Гуаньюй цзихуа цзинцзи юй шичан цзинцзи ды лунь-чжэн — У Цзинлянь фаньтань лу. [Дискуссия о плановой и рыночной экономике — запись беседы с У Цзинлянем] // Байнянь чао. 1998. № 2.

⁵ Там же.

⁶ Ши эр да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь [Избранные важнейшие документы после XII съезда КПК]. Пекин, 1986. С. 533.

⁷ Дэн Сяопин сысян няньпу... С. 375.

⁸ Ши и цзе сань чжун цюаньхуэй илай дан ды лица цюаньго дайбяо дахуэй, чжунъян цюаньхуэй чжунъяо вэньцзянь сюань бянь. [Сборник важнейших документов всекитайских съездов и пленумов ЦК КПК после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва]. Пекин, 1997. С. 462.

⁹ Чжу Ди. Ши и цзе сань чжун цюаньхуэй илай чжунда шицзянь хэ цзюэцэ дяо ча. [Исследование важных событий и решений после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.] http://www.cass.net.cn/zhuanti/y_party/yd/yd_m/yd_m_031h.htm

¹⁰ Чжунго цзиньжун. 1984. № 12; 1986. № 12.

¹¹ Чжу Ди. Указ. соч.

¹² Дэн Сяопин сысян няньпу... С. 402.

¹³ Чжу Ди. Указ соч.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Чжунго гунчаньдан 80 да шицзи. 1988 нянь [Хроника крупных событий за 80 лет КПК. 1988 год] // Жэньминь ван. 2001. 12 июня.

¹⁶ Чжунго гайгэ кайфан 20 нянь ши [История 20 лет реформ и открытости в Китае]. Шэньян. 1998. С. 299.

¹⁷ Чжунго гунчаньдан 80 да шицзи...

¹⁸ Чжунго гайгэ кайфан... С. 306—307.

¹⁹ Чжунго гунчаньдан 80 да шицзи...

²⁰ Дэн Сяопин сысян няньпу... С. 411.

²¹ Чжао Цзыян. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шисаньцзе чжунъян вэйюаньхуэй ди сань цы цюаньти хуэйи шан ды баогао. [Доклад на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва] // http://www.cass.net.cn/zhuanti/y/yd/yd_j_106.htm

²² Ши и цзе сань чжун... С. 507—509.

²³ Дэн Сяопин сысян няньпу... С. 139, 144, 223, 342, 375.

²⁴ Там же. С. 453.

²⁵ Там же. С. 455.

²⁶ Китайский диссидентский журнал «Миньчжу Чжунго», издающийся в США, утверждает, что последующие газетные публикации в Шанхае были предприняты по прямому указанию Чжу Жунцзи, который требовал, чтобы они были «острыми, ясными, достаточно целенаправленными и в ряде случаев использовали исходные высказывания товарища Сяопина». Чжу Жунцзи определил также сроки начала и периодичность публикаций. Последняя связывалась с реакцией пекинских изданий, которая отслеживалась представительством газеты «Цзефанжибао» в столице и сообщалась в канцелярию Чжу Жунцзи, а оттуда информация поступала в канцелярию Дэн Сяопина // <http://www.shuku.net:8080/novels/zhu/zhu09.html/>

²⁷ Позднее, расшифровывая значение псевдонима, некоторые журналисты поясняли, что первый иероглиф сходен по звучанию с названием шанхайской реки Хуанпу, что подчеркивало шанхайское происхождение авторов, второй же и третий иероглифы — «*фупин*» трактовались как «поддержка Дэн Сяопина». Но существовало и иное толкование, согласно которому второй иероглиф читается как «*пу*», и тогда весь псевдоним значит всего лишь «Хуанпуское обозрение». Сам Чжоу Жуйцзинь двенадцать лет спустя в интервью газете «Наньфан чжоубао» отметил, что последняя трактовка имеет право на существование. Но более глубокий смысл псевдонима заключался, по словам Чжоу, в том, что в его родной деревне на юге Фуцзяни иероглиф «*хуан*» звучит так же, как иероглиф «*фэн*», означающий «почитать», «прислуживать», «быть с кем-либо заодно», а иероглиф «*фу*» не звучит как «*пу*», подобно названию реки, а только как «*фу*» в значении «помогать». И тогда смысл всего псевдонима — «поддержка Дэн Сяопина». — Наньфан чжоубао. 2003. 28 февраля.

²⁸ В буквальном переводе «*дайтоу ян*» — бараны (или козлы), идущие во главе стада. Образ был навеян тем, что в 1991 г. Китай вступал в год Овцы, и авторы обыгрывали символичность этого события для начала нового цикла, подобно тому, как в 1979 г., который тоже был годом Овцы, был дан старт двенадцатилетнему циклу реформ.

²⁹ Да луньчжэн. Цзянь го илай чжунъяо луньчжэн шилу. Ся цэ: Ши и цзе сань чжун цюаньхуэй илай. [Большая дискуссия. Материалы важных дискуссий с момента создания КНР. Т. 2.: После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва] / Гл. ред. Лю Юн, Гао Хуаминь. Чжухай. 2001. С. 288.

³⁰ 1 декабря 1990 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн, выступая на Всекитайском совещании по планированию, объявил, что Госсовет решил развернуть в 1991 г. во всекитайском масштабе движение за повышение «качества, ассортимента и эффективности». С 7 по 11 февраля 1991 г. Госсовет КНР провел в Пекине Всекитайское совещание по работе предприятий, принявшее решение провозгласить 1991 г. «годом качества, ассортимента и эффективности».

³¹ 5 июня 1991 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Крепить демократическую диктатуру народа, бороться и противостоять “мирной эволюции”» (*Цзяньчи жэньминь миньчжу чжуаньчжэн, фаньдуй хэ фанчжи «хэпин яньбянь»*). В статье говорилось о том, что перед партией и народом стоит двойная задача — классовой борьбы и всестороннего строительства. Тем самым единый центр деятельности раздваивался. «Только правильное сочетание двух больших задач, — говорилось в статье, — способно укрепить демократическую диктатуру народа. Только правильная оценка и ведение классовой борьбы могут гарантировать социалистический характер и социалистическую направленность дела модернизации и строительства и способствовать развитию общественных производительных сил». Газета требовала от кадровых работников и народных масс «в политике, экономике, формах сознания решительно проводить и довести до конца классовую борьбу по уничтожению классов».

³² Об этом вспоминает, в частности, заместитель заведующего кафедрой партийного строительства Центральной партшколы профессор Ван Чанцзян. — Наньфан чжоубао 2003. 28 февраля.

³³ Да луньчжэн... С. 290.

³⁴ Фачжань шанпин цзинцзи бу кэ фоудин цзихуа цзинцзи. [Развитие товарной экономики не может отрицать плановую экономику] // Жэньминь жибао. 1991. 15 марта.

³⁵ Наньфан чжоу бао. 2003. 8 марта.

³⁶ Позже, в 1993 г. он был назначен на должность заместителя главного редактора «Жэньминь жибао».

³⁷ Чжу Жунци чжуань [Биография Чжу Жунци] // [http://www.sjx.cn/book/wx/js/ZHU/zhu10\(2\).html](http://www.sjx.cn/book/wx/js/ZHU/zhu10(2).html)

³⁸ Всего через две недели в той же «Жэньминь жибао» было опубликовано письмо «группы членов партии из органов центрального подчинения», где говорилось, что «те, кто по отношению к реформам и открытости не задается вопросом, «сродни ли они социализму или капитализму», являются навозными червями, пресмыкающимися перед Горбачевым и Ельциным». Этот текст сопровождался комментарием от редакции, в котором говорилось, что «сегодня, когда дело социализма сталкивается с серьезными испытаниями, это письмо ставит важные вопросы о том, как противостоять мирному перерождению, как отстоять

социалистическую направленность реформ и как «Жэньминь жибао» должна верно направлять общественное мнение». — Жэньминь жибао. 1991. 18 сентября.

³⁹ См., например: Дэн Сяо пин сысян няньпу... С. 313.

⁴⁰ Там же. С. 459—460.

⁴¹ Лин Чжицзюнь. Бяньхуа. 1990 нянь — 2002 нянь Чжунго шилу [Перемены. Реальная хроника Китая в 1990—2002 гг.]. Пекин, 2003. С. 111.

⁴² Чжунго гуншан бао. 2000. 17 июня.

⁴³ Наньфан жибао. 2003. 10 июля. До этого тот же отдел пропаганды поручил Чэнь Ситяню написать текст к документальному телевизионному фильму о пребывании Дэн Сяопина в Шэньчжэне.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Се Чуньтао. Указ. соч. С. 26.

⁴⁶ Лин Чжицзюнь. Указ. соч. С. 116.

⁴⁷ Шисань да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь. Ся цэ. [Избранные документы после XIII съезда КПК. Т. 2]. Пекин, 1993. С. 2072—2073.

⁴⁸ Шисы да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь. Шан цэ [Избранные документы после XIV съезда КПК. Т. 1]. Пекин, 1996. С. 17—19.

3.2. Современный этап и новая концепция развития

Наличие основополагающей и долговременной стратегии развития отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает периодический пересмотр и уточнение стратегического курса, равно как и механизма принятия решений. Такая корректировка призвана обеспечивать необходимую сбалансированность различных сфер и процессов развития: экономики, социума и политики, города и деревни, индустриализации и урбанизации, социальных групп и регионов, рыночных реформ и политических институтов.

Необходимость уточнения стратегии проистекает, прежде всего, из понимания этапности исторического процесса. Несмотря на хронологически относительную краткость пройденного пути изменения, произошедшие в социальной и экономической структуре, в структуре потребления китайского общества, настолько глубоки и разительны, что они, без сомнения, носят этапный характер. Хотя конкретная периодизация и содержание

этапов могут формулироваться по-разному, тем не менее, очевидно, что их смена определяющим образом воздействует на направление дальнейших преобразований.

Показательным в этом отношении представляется подход, предлагаемый известным исследователем этой проблематики — Чи Фулинем¹. С его точки зрения, в Китае произошел переход от «общества выживания» (*шэньцунь шэхуэй*) к «обществу развития» (*фачжань шэхуэй*). Границу между ними определяет показатель в 1000 долл. ВВП на душу населения. Первый этап характеризуется удовлетворением базовых материальных потребностей, второй — большим разнообразием потребностей. На первом этапе в экономической структуре велик удельный вес сельского хозяйства, а социальная структура отличается преобладанием крестьян, бедноты и слабой дифференциацией. На втором этапе доля сельского хозяйства в экономике сокращается, ведущее место занимают промышленность и услуги, развитие предъявляет повышенные требования к человеческому капиталу, начинается дифференциация социальных групп (табл. 7).

Таблица 7. Основные показатели «общества развития» в Китае

	Данные на год достижения	Данные на 2007 г.
Уровень экономического развития (ВВП на душу населения более 1000 долл.)	1100 долл. — 2002 г.	2456 долл.
Структура потребления (коэффициент Энгеля менее 50 %)	39,4 % (города и поселки) — 2000 г. 49,1 (деревня) 2000 г.	36,3 % (города и поселки) 43,1 % (деревня)
Структура производства (первичный сектор не более 5 %, третичный — не менее 40 %)	Первичный сектор — 14,1 (2001 г.). Вторичный сектор — 45,2 (2001 г.). Третичный сектор — 40,7 (2001 г.)	Первичный сектор — 11,3 % Вторичный сектор — 48,6 % Третичный сектор — 40,1 %
Структура занятости (в первичном секторе — менее 50 %)	50 (2000 г.)	40,8
Урбанизация (не менее 40 %)	40,53	44,94

Источник: Чи Фулинь. Бяньхуа юй сюаньцзэ — вого синь цзедуань гайгэ ды шойши. [Перемены и выбор — тенденции реформ на новом этапе в Китае] // Жэньминь ван. 2008. 9 сентября.

Социальные перемены следуют за рыночными реформами. Одноукладная экономика сменилась многоукладной. На предприятиях негосударственных секторов экономики в 2007 г. работало 84 % занятого городского населения. Ценообразование стало подчиняться балансу спроса и предложения. Административные меры макрорегулирования экономики сменились экономическими. Открытость экономики позволила восполнить нехватку капитала и смягчить давление избыточной рабочей силы на занятость. Усложнение социальной структуры с вступлением в «общество развития» стало порождать несовпадение и столкновение интересов.

«Общество развития» предъявляет более высокие требования к развитию человека, к его культурному, профессиональному и физическому совершенствованию, к сглаживанию различий между городом и деревней, к активизации участия людей в экономической, культурной, социальной и политической деятельности, к развитию гражданского общества, к смене парадигмы экономического роста. Значительно возрастает спрос общества на разносторонние публичные услуги: не только в области образования, здравоохранения, социального обеспечения, занятости, но также в обеспечении жильем и экологичной средой обитания.

Периодическая корректировка стратегии связана, в частности, с тем обстоятельством, что краткосрочные и среднесрочные выгоды подчас вступают в противоречие с долгосрочными интересами. Так, безусловно необходимый контроль над рождаемостью оборачивается быстрым старением населения и резким возрастанием иждивенческой нагрузки на работающий контингент в не столь отдаленном будущем. Экстенсивное развитие промышленности, особенно волостно-поселковых предприятий, способствующее столь востребованному расширению занятости, чревато серьезным разрушением природной среды и растратой дефицитных ресурсов и т. д.

Произошедшая в конце 2002 — начале 2003 г. смена высшего партийного и государственного руководства КНР совпала с моментом, когда ряд объективных и субъективных факторов привели к осознанию объективной необходимости основательного пересмотра курса социально-экономического развития. В их числе было, прежде всего, исчерпание позитивного потенциала действующей парадигмы экономического роста, связанное с нарастанием сдерживающего эффекта экологических и ресурсных

ограничителей и поступательным обострением иных противоречий в экономике и обществе

В конце прошлого и начале нынешнего века Китай подошел к той черте, когда — сначала в обществе, а затем и в политической элите — пришло понимание того, что действующей парадигме экономического роста изначально присущи серьезные недостатки, которые с течением времени неизбежно нарастают. В связи с этим стало ясно, что необходима ревизия ряда прежних базовых социально-экономических постулатов. Старые установки, средства и методы, которые были достаточно эффективными на ранних стадиях становления рыночной экономики, постепенно все более входили в конфликт с новой обстановкой, с новыми вызовами и ограничениями, что и требовало обновления курса.

В китайском обществе крепло представление в том, что плоды реформистского курса распределяются среди различных социальных групп не только неравномерно, но и, что еще более существенно, во многом несправедливо. По убеждению большинства, первостепенную роль в доступе к благам играет обладание властными полномочиями, которое позволяет конвертировать власть в деньги. Как показывают социологические опросы, общественное мнение считает, что наибольшую выгоду от реформ получили партийные и государственные чиновники, за которыми следуют частные предприниматели, а наименьшую — крестьяне и рабочие². Все это дестабилизировало ситуацию и создавало угрозу для устойчивости развития в будущем.

В самом общем виде новые подходы имманентно были предложены программой развития страны до 2020 г., выдвинутой XVI съездом КПК в конце 2002 г. Провозглашенное в ней «строительство среднезажиточного общества» не случайно было названо «всесторонним». Это означало, что оно включает не только экономику, но и адекватное развитие всех других сфер жизни общества. Программа предусматривала наряду с учетверением ВВП также формирование среднего класса, осуществление урбанизации и индустриализации нового типа, активное участие Китая в глобализации и регионализации и, самое главное, дальнейшее реформирование китайской экономики, общества и политики, нацеленное, в частности, и на смягчение существующих конфликтов и противоречий.

Вступление Китая в этап, отмеченный увеличением нестабильности общества, требует внесения существенных изменений

в политику реформ: определенного сдерживания тех рыночных экономических реформ, которые, способствуя росту, расшатывали общественную устойчивость, и, напротив, ускорения социальных и политических реформ, ее укрепляющих. Чтобы упрочить политическую поддержку режима, смягчить социальные контрасты и сократить факторы нестабильности, нужно не просто улучшить экономическое положение низших слоев общества, но и повысить их социальный статус и участие в принятии политических решений.

Выработка обновленного курса и его последовательное проведение в жизнь требуют соответствующей институционализации, создания и отладки политических и общественных механизмов, которые позволяли бы учитывать и согласовывать разнообразные интересы, в том числе и прежде всего, интересы слабых социальных групп и отстающих регионов. Такие механизмы могли бы наиболее эффективно сочетать вызовы глобализации с модернизацией экономической, социальной и политической структуры Китая, достаточно высокие темпы экономического роста с соответствующим увеличением занятости, бережным использованием естественных ресурсов и защитой окружающей среды.

Китайское руководство осознает необходимость движения в этом направлении. Есть понимание того, что правительство должно препятствовать дальнейшему увеличению пропасти между богатыми и бедными, росту безработицы, отставанию деревни, чтобы избежать нагнетания социального протеста.

По заветам архитектора рыночной экономики Дэн Сяопина Китай избрал стратегию неравномерного развития. Эта стратегия, представлявшая собой разрыв с маоцзэдуновской уравниловкой, направлена на максимальное использование всех шансов для ускоренного продвижения вперед, прежде всего, в тех сферах, которые обладают для этого наилучшими потенциями. Соответственно те сферы, которые такими достоинствами не располагают, обречены на отставание. Тем самым лаг между более и менее успешными социальными группами, регионами, отраслями все более возрастает.

По ряду направлений курс принимал рискованный характер, приближаясь к потенциально опасной черте. Установка на опережающее обогащение части людей, социальных групп и регионов сыграла определенную позитивную роль, мобилизовав энергичную, конкурентоспособную и располагающую ресурсами

элиту на деятельное участие в экономическом возвышении страны, раскрыв возможности приморских территорий. Вместе с тем идея неравномерного развития на фоне усиливающихся социальных контрастов все больше обнаруживала свои негативные черты. Поэтому новое китайское руководство было вынуждено сделать больший упор на другой части формулы Дэна — стремлении к «совместной зажиточности».

Изменение акцентов предполагает расширение слоя людей со средними доходами, поддержку слабых групп населения, регулирование сверхвысоких и жесткое пресечение нелегальных доходов. Однако ни в коем случае не предусматривается не только возврат к уравниловке, но и отход от неравномерности как главного двигателя роста, что неизбежно будет порождать новые диспропорции. Принимаемые меры должны смягчить диспропорции, но не устранить их в корне, поскольку такой поворот подорвал бы сами потенции развития.

Все это — необходимые компоненты более обширной антикризисной программы, необходимой для предотвращения серьезного системного кризиса, который гипотетически может возникнуть, если, например, на хронические дисфункции в политической, экономической, духовной сферах жизни общества наложатся какие-то внезапные катаклизмы во внутренней жизни страны или на международной арене. Вероятность такого сценария не равна нулю. Ее допускали в перспективе 5—10 лет 45,9 % экспертов — социологов, экономистов, правоведов, политологов, управленцев, опрошенных в октябре—ноябре 2003 г. проблемной группой Академии общественных наук Китая. 24,8 % этот сценарий отвергли, но 11 % сочли его в высшей степени вероятным³.

Важные шаги по созданию такой программы намечены в документах XVII съезда КПК, провозгласивших необходимость *научного подхода к развитию*. Впервые «научная концепция развития» была выдвинута в материалах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва. С тех пор развитие стало официально трактоваться как комплексный, многоаспектный общественный процесс, который недопустимо сводить к экономическому росту.

Различение развития и роста, разумеется, не ново для Китая, если иметь в виду научную литературу и отчасти публицистику. Однако на официальном уровне вплоть до этого момента господствовал редуccionизм. Развитие не только по существу сводилось к экономическому росту, но, более того, в качестве главного и по сути единственного показателя последнего выступал

исключительно рост ВВП. Он служил и еще продолжает служить важнейшим и практически единственным критерием как для оценки успехов Китая в мировой гонке за лидерство, так и для измерения достижений отдельных регионов и продвижения по службе возглавляющих их чиновников⁴.

Концептуальное обновление понятий продиктовано суровой практической необходимостью: осознать и политически квалифицировать изменившиеся обстоятельства и обостряющиеся противоречия развития. И, главное, необходимостью положить предел дальнейшему углублению этих противоречий, нараставших, как снежный ком, несмотря на несомненные экономические достижения последних десятилетий, а в какой-то мере и неразрывно с ними связанных, точнее, связанных с теми способами, которыми они получены. Такая необходимость вытекает непосредственно из той угрозы, которую несут эти противоречия социальной и политической стабильности китайского общества и его поступательному, долгосрочному движению к поставленным целям.

Особую роль в выдвижении новой концепции сыграли два обстоятельства: одно — носившее экстраординарный характер, второе — этапное, отмечавшее важный рубеж в развитии Китая. Оба они связаны с негативными последствиями неуравновешенного развития, но отражали несколько различные их аспекты.

Первое обстоятельство — эпидемия атипичной пневмонии, возникшая весной 2003 г. и причинившая большой ущерб не только здоровью и жизни людей, но также экономике и, возможно, главное, международному престижу страны и ее руководства. Эта эпидемия не только показала недостатки китайской системы здравоохранения. Она продемонстрировала взаимосвязанность многих слабых звеньев в социально-экономической и политической системах, которые начинают рушиться при прорыве одного из них: от эпидемии пострадали предприятия торговли и общественного питания, туризм и экспорт, но, прежде всего, доверие к власти, которая достаточно долго пыталась замолчать бедствие или преуменьшить его масштабы.

Стало очевидно, что непрозрачность решений и действий власти, стремление скрыть от общества истину могут лишь еще более усугублять кризис доверия и способны сыграть роковую роль при новых потрясениях, связанных с несбалансированностью экономического роста и развития. Эпидемия атипичной пневмонии стала для правящей элиты в Китае важным сигналом

о неблагополучии в механизмах принятия решений, в каналах их реализации, в их открытости для публики и в осуществлении обратной связи. Этот сигнал, однако, по-разному был воспринят различными политическими силами. Одни, стоящие на старых позициях, были склонны затушевывать остроту противоречий, представляя их как досадный, но неизбежный атрибут куда более значимых общих достижений. Другие, более озабоченные нарастающими проблемами и последствиями пренебрежительного к ним отношения, настаивали на необходимости большей открытости, публичного обсуждения факторов риска и поисков их смягчения. Именно последним и принадлежала инициатива выдвижения новой концепции развития.

Избранное на XVI съезде КПК руководство столкнулось с первым серьезным испытанием — эпидемией атипичной пневмонии чуть ли не с момента своего прихода к власти и сумело найти достаточно эффективный выход. Затем пришлось преодолевать другие кризисы, возможно, меньшие по масштабам международного резонанса, но также требовавшие открытых решений. Все это стимулировало выработку единого системного и перспективного подхода к разрешению разнообразных кризисных ситуаций, как внутренних, так и внешних.

Другое обстоятельство, способствовавшее поискам новых подходов, связано с тем, что китайское руководство не могут не тревожить опасения касательно долговременности «китайского чуда». Китайская стратегия «богатого народа и сильного государства» выстроена на срок не менее века. За столь долгий срок, как показала историческая практика, в иных случаях процветание нередко сменялось стагнацией. Не ждет ли подобная судьба и Китай?⁵ И на этот случай также необходимы тщательная корректировка курса и устранение подводных рифов.

Китай преодолел порог в 1000 долл. ВВП, а затем и в 2000 долл. на душу населения. Тем самым он достиг в своем экономическом росте определенного качественного рубежа, за которым начинается этап, чреватый, по мировому опыту, раздвоением дальнейшего пути. Одни страны, как, например, «малые тигры» Азии на новом этапе успешно продолжали двигаться вперед, столь же быстро, как и прежде, наращивая производительность труда и экономический потенциал. В других же странах, как, например, в Латинской Америке, после достижения отметки в одну-две тысячи долларов ВВП на душу населения (иногда на более высоком уровне — до пяти тысяч долларов) происходит тор-

можение роста, а во многих случаях — стагнация и откат назад⁶. Такие страны благодаря сравнительной дешевизне рабочей силы и иных факторов производства на начальной стадии привлекали иностранные инвестиции и добивались высоких темпов роста. Впоследствии, по мере удорожания себестоимости производства, экономический рост замедлялся или прекращался как вследствие оттока иностранного капитала, так и, не в последнюю очередь, из-за того, что не удалось провести необходимые преобразования в социальной сфере, в частности, подготовить к новым задачам систему образования. Утратив одни сравнительные преимущества, эти страны не сумели обрести иные, которые позволили бы им сохранить свою конкурентоспособность на мировых рынках.

Для Китая названный рубеж означает, прежде всего, что постепенно начинает терять свое значение главное сравнительное преимущество страны — дешевизна рабочей силы. Удерживать это преимущество путем сохранения низкой заработной платы и увеличения продолжительности рабочего времени на фоне достаточно успешного роста экономики становится все более сложно, в том числе также с психологической и идеологической точки зрения. Трудно считать «преимуществом» поддержание заработков на уровне, в десятки раз более низком, чем в развитых странах, и в несколько раз более низком, чем даже в некоторых развивающихся странах.

Отсюда — неизбежное падение конкурентоспособности традиционных отраслей промышленности, поставляющих основную массу трудоемкой продукции на экспорт и служащих тем самым важнейшим двигателем экономического роста. Не сулит хороших перспектив для развития традиционного производства трудоемкой продукции и внутренний рынок — в связи с происходящим в наиболее развитых районах повышением структуры потребительского спроса. Перед Китаем, таким образом, встала нелегкая задача перестройки своей промышленной структуры, выполнение которой требует не только больших инвестиций, но и создания принципиально иной технологической базы.

Дополнительным мотивом для опасений по поводу будущего китайской экономики еще до глобального финансового кризиса служила историческая параллель с Азиатским финансовым кризисом 1997—1998 г. Этот кризис Китаю тогда удалось относительно быстро преодолеть, но он буквально сокрушил экономику некоторых других азиатских государств, которые до того безмятежно развивались, не подозревая о надвигающейся опасности.

Ряд экспертов считали, что положение Китая в начале века напоминало то, в котором оказались в канун кризиса такие азиатские страны, как Таиланд и Индонезия. Главные черты сходства усматривались в слабости финансовых систем, в медлительности реформирования государственных предприятий, в сохранении жесткого контроля правительства над экономикой, нарастании структурных противоречий в экономике и обществе, в несбалансированности экономического и социального развития.

Из этого делали вывод, что Китаю пока не удастся выйти за рамки старой, так называемой азиатской парадигмы, которой он придерживался в течение последней четверти века⁷. Эта парадигма обеспечивает беспрецедентные темпы экономического роста, но отнюдь не путем увеличения производительности труда и повышения эффективности экономики, а преимущественно наращиванием инвестиций, т. е. экстенсивным образом. Ключевую роль в реализации такой парадигмы играет государство, в лице особенно отраслевых и местных властей, которые добиваются быстрого экономического роста, невзирая на социальные и экологические издержки, и постоянно подпитывают его государственными ресурсами. Если азиатский финансовый кризис 90-х годов есть проявление кризиса азиатской парадигмы развития, то его повторение в странах, использующих эту парадигму, представлялось возможным и даже вероятным и в будущем. Такая угроза висела над Китаем, поскольку, справившись с некоторыми негативными последствиями Азиатского финансового кризиса, Китай далеко еще не сумел искоренить причины, его вызвавшие. Более того, к внутренним факторам добавлялись внешние, связанные с нарастающей глобализацией китайской экономики и общества.

На необходимость обратиться к концепции сбалансированного всестороннего и устойчивого, или долговременного развития новый генсек ЦК КПК Ху Цзиньтао указал как раз на Всекитайском рабочем совещании по борьбе с атипичной пневмонией 28 июля 2003 г. Именно эта формулировка и вошла в резолюцию 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва. Недели раньше на другом совещании, созванном Политбюро ЦК КПК и посвященном совершенствованию экономической работы, Ху Цзиньтао отнес к новой концепции согласованное развитие экономики и общества, города и деревни, регионов, человека и природы, т. е. четыре из пяти вошедших в окончательный текст балансов⁸. Наконец, опубликованная официальным агентством Синьхуа хронология подготовки решений пленума прямо указывает на то, что «важным руководя-

щим принципом в подготовительной работе стала важная мысль генерального секретаря Ху Цзиньтао о необходимости прочно утвердить научную концепцию развития»⁹.

Соавтором этого подхода можно считать и премьера Госсовета Вэнь Цзябао. На встрече с общественностью Сянгана 29 июня 2003 г. он заявил, что новое руководство страны из борьбы с эпидемией атипичной пневмонии извлекло важный урок, который состоит в том, что на всем протяжении процесса модернизации необходимо согласованное развитие тех же оппозиций¹⁰. Позже на встрече с редактором газеты «Вашингтон пост» в ноябре 2003 г. он уподобил несбалансированность развития экономики и общества, города и деревни инвалиду, у которого одна нога короче другой и который поэтому неизбежно споткнется и упадет. Впоследствии эта метафора многократно повторялась уже без указания источника в различных китайских средствах информации (иногда она приписывалась и Ху Цзиньтао). Комментируя новый подход, официальное информационное агентство Синьхуа солидаризировалось с содержащимся в докладе корпорации Морган Стенли утверждением о том, что атипичная пневмония стала водоразделом в истории развития Китая¹¹.

Комплексной трактовке развития отвечает идея *«пяти единых планирований»*: экономического и социального развития города и деревни, регионов, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости. Хотя этим списком перечень требующих урегулирования дисбалансов далеко не исчерпывается, именно они являются наиболее фундаментальными и оттого наиболее трудными для решения и долговременными. Прочие проблемы, может быть, не менее важные для утверждения новой концепции развития, либо являются производными от указанных, либо же поддаются решению в обозримом будущем посредством намечаемых сегодня реформ.

Обращает на себя внимание, что в указанном перечне к четырем известным противоречиям, требующим «единого планирования», добавлено пятое, касающееся соотношения «внутреннего развития и внешней открытости». Здесь, по-видимому, имелся в виду разрыв, возникавший между стремительно растущей зависимостью Китая от внешних рынков и относительной неразвитостью рынка внутреннего. Усиливающаяся внешняя ориентация китайской экономики, зависимость экономического роста от экспорта и иностранных инвестиций в условиях недостаточного

внутреннего платежеспособного спроса, с одной стороны, и связанные с этим новые трения, противоречия, угрозы национальной экономике и национальной безопасности — с другой, требуют лучшего согласования внешней и внутренней экономической политики.

Акцент на большей сбалансированности развития означает сокращение его неравномерности (хотя, разумеется, не полного отказа от нее, что означало бы конец развития). Это, в свою очередь, предполагает и большую взаимодополняемость реформ: ликвидацию отставания внутренних реформ от политики открытости, макроэкономических реформ от микроэкономических, реорганизации правительственных функций от реформирования госпредприятий и др.

Новый курс направлен, в частности, как раз на придание социально-экономическому развитию большей сбалансированности и устойчивости. В перспективе этому должны способствовать урбанизация, рост занятости в сфере услуг, сближение темпов увеличения доходов городского и сельского населения, сокращение разрыва между богатыми и бедными.

Однако для этого предстоит одолеть немало преград и, в частности, нейтрализовать сопротивление тех групп, которые сумели обрести максимальные выгоды в условиях прежнего курса. Привилегированные социальные группы, отраслевые монополии, богатые регионы не готовы отказаться от далеко продвинутого лидерования в ускоренном наращивании своего благосостояния в пользу менее успешных игроков на арене рыночной экономики. Поэтому по сравнению с начальным периодом возрастает противодействие глубинным социально-экономическим реформам со стороны отраслевых монополий и социальных групп, чьи корпоративные интересы они ущемляют.

Смягчение дисбалансов развития и переход к новой парадигме роста нацелены на долгосрочную перспективу и не обещают немедленных радикальных перемен и искоренения противоречий. В экономическом курсе ближайшего времени исключаются резкие повороты. Тем самым гарантируются определенная преемственность и стабильность действующей политики. В 11-й пятилетке, выполнение которой началось в 2006 г., предусматривается сдерживать дальнейшее расширение «трех больших различий»: между городом и деревней, между регионами и между социальными стратами. Намечается проведение дальнейших структурных реформ. Вместе с тем нехватка рабочих мест в ближайшие годы

может еще более обостриться, в том числе для категорий работников с довольно высоким образовательным цензом¹².

В соответствии с духом «научного взгляда на развитие» в Китае ведут активный поиск системы показателей, которая бы позволила комплексно отражать не только наращивание экономического потенциала, но и достижения в социальной сфере и экологии. Такая система призвана служить и более надежным средством для оценки эффективности социально-экономического развития в регионах и поощрения или, напротив, наказания местных руководителей за его успехи или провалы.

Министерство кадров КНР специально для изучения этой проблемы создало рабочую группу, в которую вошли специалисты и представители местных властей. Группа подготовила проект, включающий 33 критерия, которые, помимо ВВП, отражают состояние окружающей среды и экологии, среднюю ожидаемую продолжительность жизни, открытость информации, степень удовлетворения запросов населения¹³. В некоторых провинциях Китая уже сегодня, не дожидаясь принятия общегосударственных стандартов, отказываются использовать показатель ВВП в качестве единственного мерила деятельности местных правительств. Большее значение приобретают такие показатели, как финансовые доходы, располагаемый доход на душу городского населения и чистый подушевой доход крестьян, занятость, социальные гарантии, привлекаемый капитал, эффективность внешнеэкономической деятельности, научно-техническое развитие, социальная стабильность, сохранность окружающей среды и т. п.

Идеологическое и психологическое значение таких поисков для утверждения концепции устойчивого и всестороннего развития несомненно. Однако практическое использование множества критериев для выработки и оценки результатов государственной политики весьма затруднительно. Назвать несколько десятков показателей из различных сфер жизни общества, достижения которых должна добиваться такая политика, значительно проще, чем свести их в единую систему, где каждому показателю будет присвоен собственный вес, и которая тем самым поможет определять порядок приоритетов и служить надежной базой для суждений о деятельности правительства и отдельных чиновников. Неясно также, кто и как будет выступать в качестве конечного арбитра. Если эта роль будет поручена чиновникам более высоких рангов, то это вряд ли что-либо существенно из-

менит в бюрократическом характере процесса принятия и проверки качества решений. Если же предполагается привлечь к такой деятельности представителей общественности, то такого рода демократические процедуры должны быть ясно определены и прописаны.

Примечания

¹ *Чи Фулинь*. Бяньхуа юй сюаньцзэ — вого синь цзедуань гайгэ ды цюйши. [Перемены и выбор — тенденции реформ на новом этапе в Китае] // Жэньминь ван. 2008. 9 сентября,

² Чжоу Цзян. 2002 нянь Чжунго чэнши жэдянь вэньти дяоча. [Исследование горячих проблем в китайских городах в 2002 г.]. Шэхуэй ланьпишу 2003 нянь: Чжунго синши фэньси юй юйцзэ. [Голубая книга об обществе за 2003 год: анализ и прогноз положения в китайском обществе] / Гл. ред. Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь. Пекин. 2003. С. 159.

³ Чжунхуа гуншан ши бао. 2003. 2 января.

⁴ Подробнее см.: *Бергер Я. М.* XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 29—51.

⁵ Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая 8 декабря 2003 г. на приеме у госсекретаря США Пауэлла по случаю своего визита в США, отметил, что в мировой истории было немало экономических чудес, но половина из них в конечном итоге потерпела неудачу. Что сделать, спросил он, чтобы быстрый рост китайской экономики, продолжающийся в течение 20 лет, не сменился откатом, как в России? // Наньфан чжоубао. 2004. 2 января.

⁶ Начиная с 80-х годов прошлого века, шестнадцать стран преодолели отметку в 1000 долл. ВВП на душу населения, но только девяти из них удалось в дальнейшем удержаться на ней или превысить ее. Остальные семь стран опустились ниже // Хуаньцю шибао. 2004. 5 апреля.

⁷ *Дин Юаньчжу, Цзян Сюньцин*. Данцянь вого шэхуэй фачжань ды цзедуаньсин течжэн. (Этапные особенности современного социального развития Китая.) Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 25 ноября. Для того чтобы сделать аналогии для читателя абсолютно прозрачными, авторы особенно подчеркивают, что при всестороннем строительстве общества *сяо-кан* в Китае важно учитывать опыт Индонезии, которая, наряду с Кореей, является типичным олицетворением азиатской модели развития. До кризиса индонезийская экономика развивалась чрезвычайно успешно, среднегодовой рост ВВП составлял 7 %, тогда как численность насе-

ния увеличивалась медленно. К 2018 году Индонезия могла стать зажиточным государством со среднедушевым ВВП более 2800 долл. Однако финансовый кризис 1997 г. обратил эти надежды в мыльный пузырь.

⁸ Баньюэ тань. 2003. Июль. Цит. по <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jingji/1037/2035758.html>

⁹ Синьхуа шэ. 2003. 10 ноября.

¹⁰ Синдао ван. 2003. 29 июня.

¹¹ <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jingji/1037/2213320.html>

¹² «Ши и у»: Чжунго ды ба да тяочжань хэ дай цзецзюе ды ци да вэньти.[Восемь больших вызовов и семь проблем, ожидающих решения в 11-й пятилетке в Китае] // Цзинцзи канькао бао. 2003. 11 сентября.

¹³ Чжунго циннянь бао. 2004. 2 августа.

3.3. Смена парадигмы экономического роста

Действующая парадигма экономического роста в Китае включает в себя ряд базовых характеристик, которые обеспечивали на протяжении трех десятилетий высокую динамику наращивания экономического потенциала — главное достижение политики реформ и открытости. Вместе с тем именно они, или, по меньшей мере, значительная часть из них, сегодня требуют более или менее существенной коррекции (табл. 8).

На ранних стадиях экономического роста основные усилия правящей партии и государства были направлены на создание основ индустриального общества и на удовлетворение минимальных жизненных потребностей населения, или, по китайской формуле, на обеспечение уровня «тепла и сытости» (*вэнь бао*). Иными словами первоочередной задачей было обеспечение количественного, преимущественно — экстенсивного, роста экономики. Теперь же на первый план все больше выходят эффективность и конкурентоспособность экономики, качество жизни и смягчение тех противоречий, которые возникли и обострились на предыдущем этапе. Смена курса диктуется также набирающей силу глобализацией, изменениями, происходящими в социальной структуре общества, появлением в ней новых страт и групп, все более острой необходимостью в достижении баланса разноплановых интересов.

Высокая динамика экономического роста — важнейшая характеристика китайской экономики в период реформ и главный

Таблица 8. Характеристика действующей парадигмы экономического роста и ее трансформации

Основные черты действующей парадигмы экономического роста	Направление трансформации
Ведущая или определяющая роль государства не только в проведении институциональных реформ, создании рыночной среды и макроэкономическом регулировании, но и в непосредственном распределении ресурсов	Реорганизация правительственных функций, реформирование административных монополий, расширение сферы рыночного регулирования в распределении важнейших ресурсов
Индустриализация как главный двигатель экономического роста и преобразования экономической структуры	Соединение индустриализации с информатизацией, развитие сферы услуг
Преимущественная опора на иностранный капитал для обновления технологий, расширения экспорта, накопления валютных резервов	Курс на отечественные инновации, увеличение расходов на НИОКР
Ориентация экономики на производство товаров для экспорта	Сбалансированное развитие внешнего и внутреннего рынков, увеличение экспорта услуг и капитала, рост импорта
Высокая доля накопления, преобладающая роль инвестиций при ограниченном платежеспособном спросе населения	Расширение потребления посредством целенаправленной социальной политики, формирование среднего класса
Массовое использование дешевого труда и дешевых или бесплатных естественных ресурсов	Формирование рынка труда, энергосбережение, институционализация защиты природной среды
Неравномерное развитие деревни и города, социальных групп, территорий	Урбанизация, реформа земельных отношений, фискальная реформа, курс на подъем отсталых регионов
Экономия затрат на социальную сферу, на охрану жизни и здоровья населения, на вложения в человеческий капитал	Увеличение доли государственных расходов на образование и здравоохранение, создание системы социального обеспечения

стержень «китайского чуда» (рис. 3). Эта динамика сохранялась и при серьезных испытаниях национального и мирового масштаба. Быстрый экономический рост позволил ослабить сопротивление рыночным преобразованиям, отстоять и утвердить политику реформ и открытости, повысить геополитический вес и влияние Китая в мире. Он принес ощутимые результаты и в социальной сфере: сократились масштабы абсолютной нищеты, увеличилась продолжительность жизни, уменьшилась неграмотность населения.

Чрезвычайно важно отметить, что быстрый рост происходил на фоне низкой инфляции (рис. 4).

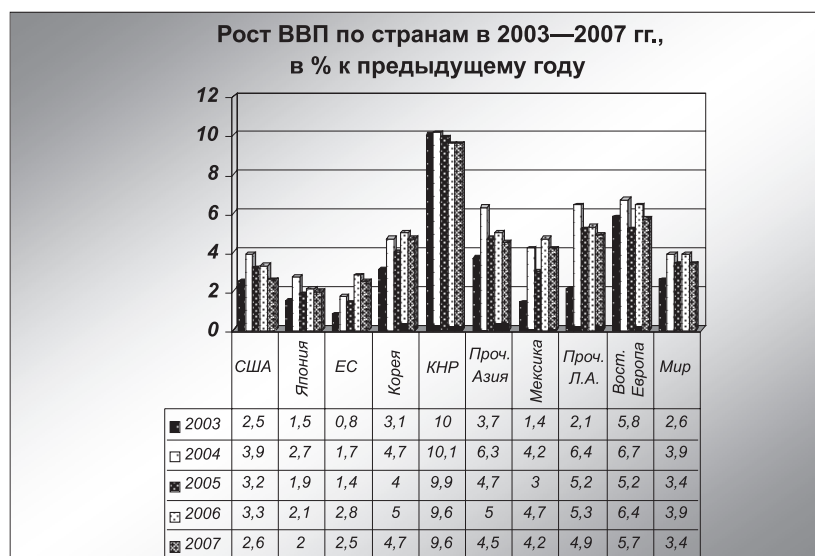

Рис. 3. Составлено по: данным World economic outlook. Oxford Economics. 23 January. 2007

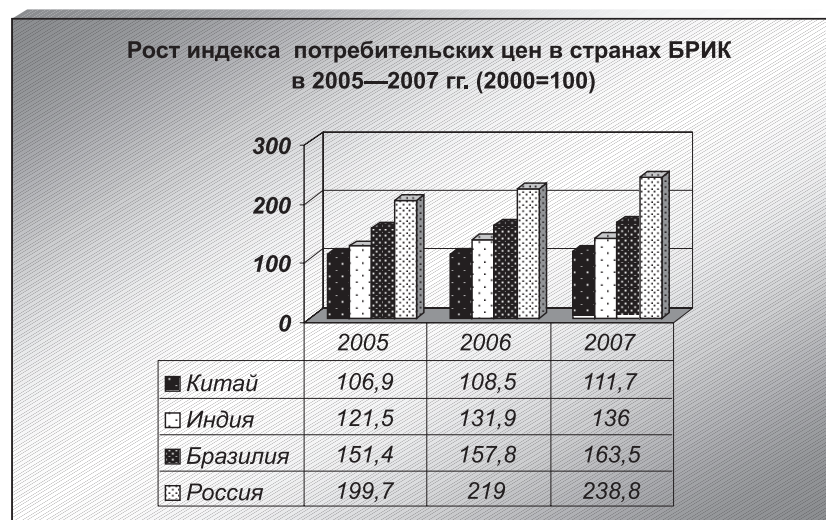

Рис. 4. Источник: база данных ООН. Составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 1023

Вместе с тем, чем дальше, тем больше обнаруживаются и существенные недостатки действующей парадигмы экономического роста и, особенно, ее социальных следствий. Стало ясно, что усугубляющиеся проблемы связаны не столько с количественными параметрами экономического роста, сколько с его качественными характеристиками, с его движущими силами, ресурсами и источниками.

Переход от экстенсивного роста к интенсивному был назван в качестве важнейшей задачи еще в 9-й пятилетке (1996—2000 гг.). Однако в силу разных причин он не был осуществлен. Главным средством наращивания экономического потенциала оставалось прогрессирующее вливание материальных ресурсов, а их дислокация определялась, прежде всего, полномочиями властей разного уровня. Административный способ ценообразования способствовал серьезному искажению цен на факторы производства и препятствовал формированию рыночных механизмов¹.

В начале нового века отрицательные аспекты существующей парадигмы экономического роста стали обнаруживаться все более рельефно. Продолжалось нарастание объемов инвестиций и их ведущей роли в обеспечении экономического роста. При этом прибыль от инвестиций в 2003 г. составила всего 3,65 %, т. е. меньше банковской ставки по кредитам².

С каждым годом обострялись проблемы ресурсообеспечения и состояния природной среды. Все более явственно ощущалась нехватка земли, минерального сырья, пресной воды, энергии. Так, зависимость от импорта важнейших видов минерального сырья увеличилась с 5 % 1990 г. до более 50 % к началу 2006 г.

При этом сырье и энергия использовались весьма расточительно. В 2006 г. доля Китая в мировом ВВП по обменному курсу валют определялась в 5,5 %, а доля в мировом потреблении энергии достигала 15 %, черных металлов — 30 %, цемента 54 %, пресной воды — 15 %. На единицу потребления энергии и сырья стоимость произведенной в Китае продукции в 4—6 раз меньше, чем в развитых странах.

По оценке Министерства национальных ресурсов КНР, из 45 видов стратегических ресурсов Китай сможет обеспечивать свои потребности за счет внутренних источников в 2010 г. — только по 26 видам, а в 2020 г. — только по 6 видам. Особенно остро ощущается дефицит отечественных ресурсов нефти, железной руды, марганца, свинца, калийной соли. По прогнозам Международного энергетического агентства, при продолжении

нынешних тенденций глобальная потребность в энергии к 2030 г. увеличится не менее чем наполовину, при этом на Китай и Индию придется около 45 %³.

Эластичность потребления энергии (отношение роста потребления энергии к темпам роста ВВП) с начала курса на реформы и вплоть до 2000 г. была меньше единицы (в 1981—1990 гг. — 0,44, в 1991—2000 гг. — 0,2), а в 2001—2004 гг. она достигла 1,29, в том числе в 2003—2004 гг. — 1,6⁴ (рис. 5). Удельное потребление энергии в 8 основных энергоемких отраслях было на 47 % выше среднемирового уровня, а на эти отрасли приходилось 73 % всего промышленного потребления энергии. По данным Мирового банка, на производство 1 долл. продукции Китай тратит в 4,3 раза больше энергии, чем США, в 7,7 раз больше, чем ФРГ, и в 11,5 раза больше, чем Япония⁵. Если сравнивать с передовым мировым опытом, то избыточное потребление энергии в китайской промышленности ежегодно достигает 230 млн т условного топлива⁶. В 2003 г. при увеличении ВВП на 10 % потребление электроэнергии

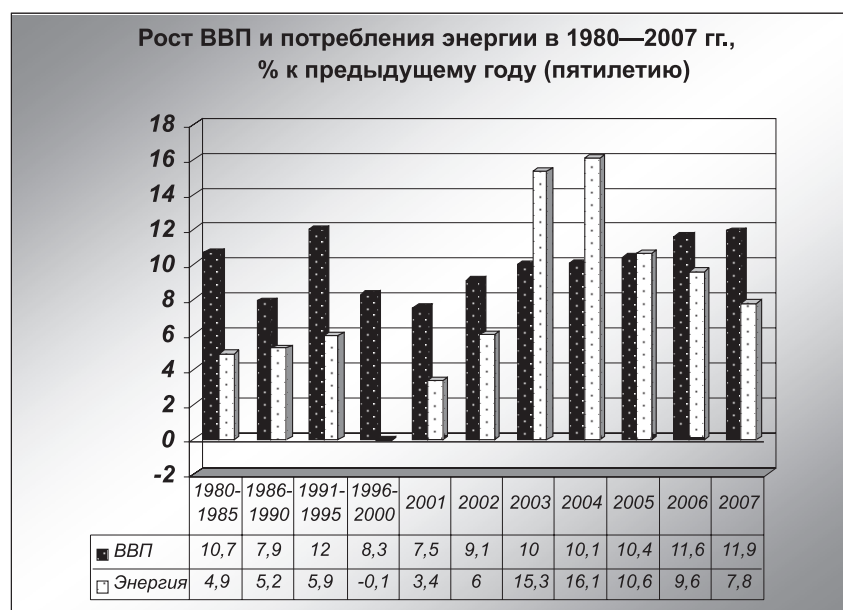

Рис. 5. Составлено по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 12; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2008 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань гунбао. 2009. 26 февраля

гии выросло на 15,4 %, повсеместно возникли перебои в электроснабжении⁷. Такая ситуация во многом объясняется нарастанием структурных дисбалансов.

При сохранении существующей тенденции примерно к 2025 г. Китай по потреблению энергии может обогнать США и выйти на 1-е место в мире⁸. Поэтому линия на экономию энергопотребления становится одной из главных составляющих перспективного экономического курса.

В документах XVI съезда КПК содержался призыв сочетать индустриализацию с информатизацией, повышать научно-техническую составляющую экономического роста и снижать потребление ресурсов, одновременно расширяя занятость. На практике это обернулось быстрым развитием, прежде всего, отраслей тяжелой промышленности, потребляющих наибольшее количество сырья и энергии, но создающих относительно меньше рабочих мест: металлургической, нефтяной и нефтехимической, автомобильной. На 100 млн юаней инвестиций в тяжелую промышленность создается всего 5 тыс. рабочих мест, втрое меньше, чем при той же сумме вложений в легкую промышленность⁹.

Такие сдвиги в отраслевой структуре экономического роста во многом отражают изменения в структуре общественного спроса и потребления. В 80-х годах прошлого века, когда на первом месте стояла проблема обеспечения рынка продуктами питания и одеждой, лидировали пищевая, текстильная, табачная отрасли, производство химического волокна. В 90-е годы, когда начал расти спрос на жилье и транспортные средств, стало быстро увеличиваться производство стального проката, особенно используемого в строительстве и автомобилестроении. Ускорение темпов урбанизации еще более усиливают эту тенденцию.

В то же время сектор услуг, практически не потребляющий сырья и энергии, но отличающийся повышенной трудоемкостью (причем, прежде всего, в отношении труда наиболее квалифицированного и интеллектуального) растет относительно медленно. С 2000 по 2007 г. удельный вес обрабатывающей промышленности в структуре занятости увеличился на 4,3 %, а доля сектора услуг — всего на 1,3 % (рис. 6).

По доле сектора услуг в ВВП Китай еще значительно уступает странам, находящимся на сходном с ним уровне развития (рис. 7). Именно это обстоятельство во многом ответственно за то, что в Китае темпы экономического роста намного опережают темпы увеличения занятости. Так, в Бразилии в 2000—2006 гг. и те,

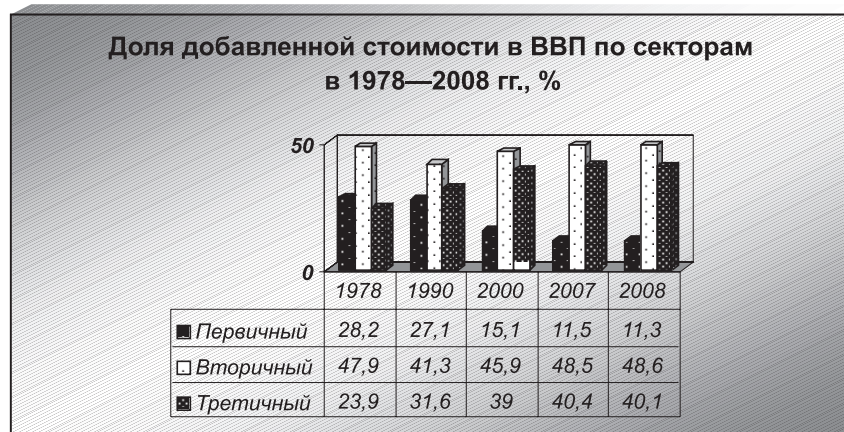

Рис. 6. Составлено по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 12; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2008 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань гунбао. 2009. 26 февраля.

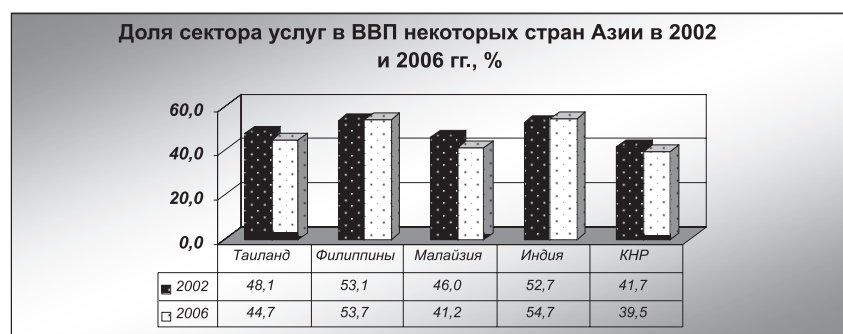

Рис. 7. Источник: Asian development outlook 2007.

и другие составляли примерно 3 % в год. В Китае же за это время ВВП прирастал на 10 % в год, а занятость — лишь на 1—2 %. И это при том, что обеспечение трудоспособного населения новыми рабочими местами имеет для Китая первостепенное значение. С этим связаны многие серьезные социальные коллизии, включая очень большой разрыв между богатством и бедностью, без смягчения которого нельзя обеспечить никакое сколь-нибудь гармоничное развитие общества.

Как ни парадоксально, такая ситуация характерна не только для отсталых районов Китая с низкими доходами на душу насе-

ния, но и для районов более развитых и сравнительно зажиточных, которые по размеру ВВП на душу населения уже приблизились к странам со «средне-высокими» доходами. К ним относятся такие провинции, как Гуандун (около 3000 долл.) и особенно дельта р. Чжуцзян (более 5000 долл.), Чжэцзян (3400 долл.), Цзянсу (более 3000 долл.), Шаньдун (2400 долл.). Во всех этих провинциях отмечается даже не увеличение, а относительное снижение удельного веса третичного сектора. При этом рост бытовых услуг происходит быстрее, чем услуг производственных, куда относят деятельность, связанную с финансами и страхованием, товаропотоками, наукой и техникой, информацией и консалтингом.

В результате не только промышленное производство стало еще больше доминировать над сферой услуг, но и обрабатывающая промышленность — над базовыми отраслями. Капиталовложения в обрабатывающую промышленность увеличились на 78,6 %, а в базовые отрасли — сократились на 25 %¹⁰. Нарастивание избыточных мощностей в промышленности все более грозило дальнейшим перенасыщением рынка и последующей дефляцией.

Отправным моментом нового этапа многие эксперты называют достижение Китаем рубежа, который отделяет страну с низкими доходами населения от стран со средними доходами. Этим рубежом считается объем ВВП в расчете на душу населения в 1 тыс. долл. При переходе к новой парадигме Китай должен значительно больше учитывать наличие ограничителей роста: ресурсных, экологических, демографических.

Предстоит перейти от курса на достижение высоких темпов экономического роста практически любой ценой, пренебрегая социальными и экологическими издержками, к парадигме долгосрочного, сбалансированного, ресурсосберегающего социально-экономического развития. Новая парадигма развития, возможно, не обеспечит столь высокой динамики экономического роста, как прежде, но зато этот рост может стать более стабильным и долгосрочным, менее экстенсивным, менее энергоемким и более ресурсосберегающим, менее разрушающим природную среду, более гуманным, более социально эффективным, менее ориентированным на быстрый результат и больше учитывающим интересы грядущих поколений.

В своем дальнейшем движении столь многонаселенная и обделенная природными богатствами страна, как Китай, не может позволить себе расточительность, свойственную западному обществу потребления. Китай не может пойти по стопам «золотого

миллиарда», благосостояние которого базируется на использовании львиной доли мировых ресурсов. Всего мирового ресурсного потенциала не хватит для того, чтобы заплатить столь же большую цену, чтобы «озолотить» еще почти полтора миллиарда.

Становится все более опасным несправедливое и нерациональное распределение плодов экономического роста. Сам рост может попасть под угрозу, сталкиваясь с нерешенными социальными и политическими проблемами. Отсюда вытекает потребность в поиске новых путей, которые позволили бы избежать наиболее пагубных последствий, ответить на вызовы, смягчить угрозы и риски.

Прежнее китайское руководство, проводя политику рыночных реформ, с большим или меньшим успехом старалось несколько ослабить чисто административное воздействие государства на экономику, но до окончательного его устранения еще очень далеко. Государство все еще играет чрезмерно большую роль в инвестициях, в распределении факторов производства, особенно земли и денежных средств¹¹.

Недостатки действующей парадигмы обнаруживаются в меньшей степени также на микроуровне. Административное вмешательство местных и региональных властей в микроэкономику становится более скрытным, но не ослабевает. Масштабы почти всех предприятий невелики. Среди 16 китайских компаний, входящих в 500 крупнейших компаний мира, нет ни одной негосударственной. Недостаточная развитость конкурентной рыночной среды внутри страны способствует тому, что значительные ресурсы по-прежнему остаются в распоряжении экономически малоэффективных предприятий. Собственные затраты внутри предприятий чрезмерно высоки. Значительная часть продукции на стадиях относительного спада динамики роста не поступает в оборот, а пополняет складские запасы, что снижает эффективность деятельности предприятий. Китайским предприятиям не хватает высококвалифицированных менеджерских и инженерно-технических кадров. Невысока во многих случаях культура предпринимательства. Финансовая информация часто запутана и непрозрачна не только для внешнего наблюдателя, но и для самого предприятия.

Слабость китайских предприятий обнаруживается в почти полном отсутствии собственных брендов, известных в мире и способных утвердиться на мировом рынке. Расширение китайского экспорта происходит главным образом благодаря развер-

тиванию в стране производства товаров зарубежных компаний, имеющих высокую репутацию. Так обстоит дело с цветными телевизорами, кондиционерами, стиральными машинами, компьютерами, по выпуску которых Китай лидирует в мире. КНР производит 30 % известных в мире товаров, но в перечне из 100 наиболее влиятельных в мире производителей, опубликованном в китайской версии журнала «Business Week» — «Шаньэ чжоукань», нет ни одного отечественного¹². Эта проблема становится особенно актуальной в связи с принятым курсом на интенсификацию внешнеэкономической экспансии (*цзоучуцзюй*), поскольку основным субъектом этого курса должны стать именно предприятия, а не государство.

Задача смены устаревшей парадигмы экономического роста была поставлена еще во второй половине 90-х годов прошлого века. Однако до последнего времени она оставалась в значительной мере декларацией, которую лишь в малой степени удалось претворить в жизнь. Кроме того, и это главное, такую смену нельзя совершить одномоментно. Она занимает достаточно длительный исторический срок.

В Китае к тому же прохождение данного процесса объективно осложняется его противоречивостью. Необходимость ресурсосбережения и, стало быть, укрупнения, технического и технологического переоснащения предприятий вступает в противоречие с не менее важной социальной задачей обеспечения занятости работников, высвобождаемых в процессе реорганизации и реконструкции промышленности, молодежи, вступающей в рабочий возраст, и трудовых мигрантов из деревни. Главное поле занятости для них обеспечивают малые и средние предприятия, нередко технологически далекие от передового уровня и потребляющие в расчете на единицу продукции и на одного занятого значительно больше ресурсов и энергии.

Но самое главное противоречие — между экономикой и политикой. Невозможно даже приступить к смене парадигмы экономического роста, не затрагивая институциональную сферу, включая, прежде всего, правительственные структуры и функции, банковскую систему, государственную собственность. Такую перестройку удалось начать по существу лишь в последние годы. Ряд внешних и внутренних факторов, включая вступление Китая в ВТО, обострение социальных противоречий в обществе, усиливающийся дефицит энергии и иных ресурсов, больше не позволял оттягивать этот сложный процесс.

10-й пятилетний план, реализация которого пришлась на период смены высшего китайского руководства, стал важным очередным этапом на пути к достижению общенациональных целей: модернизации, индустриализации, построения общества среднего достатка, превращения Китая в мощную мировую экономическую державу. Несмотря на ряд неблагоприятных факторов, включая стихийные бедствия, эпидемию атипичной пневмонии, колебания мировой экономической конъюнктуры, Китаю удалось сохранить высокие темпы роста, преодолеть последствия Азиатского финансового кризиса, продолжить рыночные реформы, существенно увеличить экономическую мощь, повысить материальный уровень жизни населения.

Благодаря среднегодовым темпам экономического роста в 9,5 % за пять лет ВВП возрос на 57,3 %. ВВП на душу населения достиг 1700 долл. Значительно увеличилось производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Ускорились освоение новых и высоких технологий. Опережающими темпами рос объем внешней торговли, увеличившись за пятилетие втрое. Доля электронных средств связи в экспорте достигла в 2005 г. 35,2 %, а продукции машиностроения и транспортного оборудования в 2004 г. — 45,2 %. Соответственно удельный вес сельскохозяйственной продукции, топлива и минерального сырья опустился ниже 15 %. Общая сумма прямых иностранных инвестиций составила 274 млрд долл. Было завершено или продолжено строительство крупных базовых сооружений: гидротехнических, энергетических, транспортных, коммунационных. В городах создано 42 млн новых рабочих мест. Ушел в историю просуществовавший более 2600 лет сельскохозяйственный налог. По официальным данным, численность бедняков в деревне сократилась с 29,27 млн в 2001 г. до 20,35 млн человек в 2005 г., а численность населения с низкими доходами — с 61,02 млн до 40,67 млн человек.

Вместе с тем в 10-й пятилетке не был достигнут ряд важных показателей *качества* экономического роста. Сократился удельный вес сектора услуг в ВВП. Доля внутреннего потребления в ВВП должна была увеличиться с 46 до 50 % и более, а фактически в 2005 г. она не только не возросла, но, напротив, уменьшилась до 33,3 %. Среднегодовой рост затрат энергии должен был составить 3,26 %, а фактически превысил 10 %, т. е. оказался не ниже, а выше темпов роста ВВП. Удельное потребление энергии на единицу ВВП предполагалось снизить по сравнению с кон-

цом 9-й пятилетки на 15—17 %, а фактически оно возросло на 7 %. Пахотная площадь должна была составить не менее 128 млн га, но в 2004 г. она сократилась до 122,4 млн га, а в 2005 г. стала еще меньше. Удельный вес НИОКР в ВВП поднялся с 0,9 % в 2000 г. до 1,3 % в 2005 г., но не достиг планового показателя в 1,5 %. Охват учащихся обучением в средней школе верхней ступени оказался в 2005 г. ниже запланированного: 52 % вместо 60 %. Некоторые социально значимые ориентиры были даже превышены, что не привело, однако, к существенному облегчению проблем. Так, в городах и поселках было создано на 3 млн рабочих мест больше, чем планировалось, но ежегодная их нехватка достигала 14 млн.

Было сорвано выполнение основных заданий по уменьшению загрязнения окружающей среды. За пять лет выбросы сернистого газа в атмосферу не только не уменьшились, но, напротив, возросли на 27 %. Из запланированных 2130 сооружений по очистке сточных вод введены в действие только 1378, освоено немногим более половины инвестиций. Плановые задания по снижению химического потребления кислорода (COD) выполнены лишь в бассейне р. Хуайхэ, в остальных бассейнах они далеко не достигнуты. Две трети горожан существовали в воздушной среде, загрязненность которой выше средней. 58 % внутренних вод загрязнены в средней или серьезной степени, серьезно загрязнены грунтовые воды в половине городских районов. В 2005 г. кислотные дожди выпадали в 357 из 696 наблюдаемых городов. Особенно ухудшилась обстановка в районах наиболее быстрого экономического роста — в Восточном и Южном Китае.

Китайское руководство отдавало себе отчет в том, что наряду с несомненными успехами сохраняются, а в ряде важных аспектов и усугубляются серьезные вызовы, проблемы и противоречия социально-экономического развития. В докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва были названы основные из них: нерациональность экономической структуры, недостаточность собственных инноваций, медленное изменение парадигмы экономического роста, расточительное расходование энергетических и иных ресурсов, усугубление загрязнения окружающей среды. Кроме того, отмечены сравнительно острые проблемы, касающиеся трудоустройства, дисбаланса инвестиций и потребления, дальнейшего увеличения различий в развитии города и деревни и регионов, нарастающей дифференциации доходов у «части

членов общества» и, наконец, продолжающегося отставания социальной сферы¹³. К ускорению смены парадигмы экономического роста с тем, чтобы обеспечить всестороннее, гармоничное и устойчивое развитие страны, призвал генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, выступая на очередной 29-й сессии коллективной учебы Политбюро ЦК КПК 22 февраля 2006 г.¹⁴

Проблема обновления парадигмы экономического роста является центральной для нынешнего этапа и перспектив развития Китая. С ней, как представляется, в той или иной мере связаны многие, если не все, прочие проблемы и противоречия.

По мнению известного китайского экономиста У Цзинляня, утверждению новой парадигмы экономического роста мешают четыре системных препятствия¹⁵. Первое из них он видит в сохранении у правительства полномочий на размещение важных экономических ресурсов. Второе — в том, что главным критерием для оценки достижений правительственных чиновников по-прежнему служит рост ВВП. Третье — связано с тем, что при общих весьма успешных результатах налоговой реформы 1994 г. остались некоторые серьезные пробелы. Они состояли, например, в том, что главным источником налоговых поступлений для правительств разных ступеней служил налог на добавленную стоимость в производстве. То есть существовала прямая связь между величиной налогового дохода и стоимостью продукции. Это побуждало правительственных чиновников различных ступеней, используя имеющееся у них право размещать ресурсы, инвестировать, чтобы добиться увеличения стоимости продукции. Такая ситуация существовала вплоть до 2009 г., когда уже в условиях наступившего финансового кризиса началось преобразование порядка взимания налога на добавленную стоимость. Наконец, четвертое препятствие — искаженность цен на факторы производства. При плановой экономике существовала традиция всемерно занижать цены на исходную продукцию с тем, чтобы государству было легче в сфере торговли извлекать чистый доход из конечной продукции. Занижение цен в начале производственной цепочки побуждает чиновников и предприятия к растрате ресурсов. Аналогичная ситуация существует и в ценах на труд и капитал (процентная ставка).

В годы 10-й пятилетки все эти недостатки, полагает У Цзинлянь, усугубились. Правительственные права на распоряжение ресурсами, особенно землей, еще более возросли. В связи с ускорением индустриализации и урбанизации власти различных

ступеней под ширмой общественных интересов изымали крестьянские земли и отдавали в аренду для возведения престижных объектов. С другой стороны, отставание правительственной реформы тормозило удовлетворение возросших в связи с развитием экономики потребностей в оказании общественных услуг, что также мешало смене парадигмы роста. Медленное продвижение правового строительства, серьезная утрата доверия снижали эффективность рынка.

Старая парадигма экономического роста работает и сегодня, и останется в краткосрочной перспективе еще в какой-то мере работоспособной, имея некоторые резервы для того, чтобы приносимые ею позитивные результаты перевешивали негативный эффект. Тем не менее, в последние годы становилась все более очевидной ее историческая ограниченность, ее неспособность обеспечить устойчивое развитие страны в долгосрочной перспективе. Об этом свидетельствуют, в частности, те проблемы, на которые уже обратило внимание новое китайское руководство. Особенно настоятельные требования к изменению парадигмы роста предъявляют такие факторы, как отставание социальной сферы, обострение противоречий в обществе, дефицит природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, граничащее в ряде случаев с экологической катастрофой, причем не только для самого Китая, но и для сопредельных стран.

В 9-й пятилетке (1996—2000 гг.) ставилась двуединая задача осуществить одновременно два «коренных поворота»: от традиционной плановой экономической системы перейти к системе социалистической рыночной экономики и от экстенсивного экономического роста — к интенсивному. Однако последнюю часть задачи выполнить не удалось. Это связано с рядом объективных и субъективных причин.

Во-первых, речь не может идти о полной и единовременной смене всех основных параметров действующей парадигмы. Весь предшествующий опыт китайских реформ показал, что даже при более кардинальной замене централизованной плановой экономики экономикой рыночной необходим последовательный и поступательный переход: от реформ, более легких и менее болезненных для экономики и общества, к реформам сложным и трудным. Это тем более справедливо для перехода от одной рыночной парадигмы к другой.

Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо. В Китае заложены первичные основы рыночной экономики¹⁶. Одна-

ко в связи с тем, что за последнее время стали все больше выявляться наряду с позитивными чертами и негативные черты такой экономики, в китайском обществе начинают снова, как и при начале рыночных реформ, возникать сомнения не только по поводу правильности конкретно избранного пути, но и касательно принципиального предпочтения рыночных ценностей экономической эффективности ценностям социальной справедливости.

Как справедливо заметил нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, выступая на 7-м Высшем форуме по развитию Китая в марте 2006 г., рынок бывает разный¹⁷. Действующая парадигма экономического роста во многом носила переходный характер, новая — должна развиваться на собственной основе. Это означает и дальнейшее углубление рыночных реформ, и одновременно усиление социальной ориентации экономики.

За первые десятилетия реформ рыночные отношения охватили преимущественно производство, обращение, обмен, распределение продукции. Цены на продукцию всех отраслей народного хозяйства теперь в основном формируются спросом и предложением на рынке. Директивное планирование распространяется меньше чем на 2 % продукции материального производства и услуг¹⁸. Новая парадигма роста должна распространить рыночное регулирование цен и на факторы производства, оставляя при этом за государством достаточный контроль над социально и экологически наиболее чувствительными сферами. Более того, сделать это невозможно без создания достаточно широкой и надежной системы социального обеспечения. Только таким образом можно продвинуть рыночные отношения на новую ступень, не вызвав общественных потрясений.

Эта задача в сравнении с задачами, решавшимися на предыдущем этапе, представляется значительно более трудной. В распоряжении и правах собственности на такие факторы производства, как капитал и земля, пока сохраняется «двухколейная система», которая в прошлом включала и большую часть продукции и служила, таким образом, в 80-х и начале 90-х годов важнейшим источником коррупции, спекуляции, «поиска ренты». Сегодня то же самое происходит на рынках факторов производства: в финансах, на рынке ценных бумаг, в кредитно-банковской сфере, в земельных отношениях, при преобразовании государственных предприятий. Реформирование этих областей неизбежно сопряжено и с изменением правительственных функций.

Взяв курс на строительство рыночной экономики, китайское руководство с большой осторожностью подходило к идеям прямой пересадки западных институтов на китайскую почву, стараясь, по возможности, использовать традиционные формы (такие, как семейное крестьянское хозяйство «вэньчжоуская модель» частного предпринимательства и др.). Тем не менее, оказывали свое влияние и западные, преимущественно неолиберальные установки, включая ценности общества массового потребления, распространяясь подчас и на те области, которые, по определению, не могут быть целиком рыночными (например, институты жизнеобеспечения государства и общества). Новая парадигма экономического роста, оставаясь рыночной, должна, как предполагается, в значительно большей мере, чем прежде, ориентироваться на традиционные для Китая ценности социальной гармонии, социальной справедливости, единства человека и природы. В официальной китайской трактовке она сегодня характеризуется двумя основными понятиями: «научный взгляд на развитие» (*кэсюэ фачжэнь гуань*) и «строительство гармоничного общества» (*гоуцзянь хэсэ шэньхуэй*).

Иными словами, речь идет, прежде всего, о придании рыночной экономике существенно большей, чем прежде, социальной и экологической направленности и о создании ряда нерыночных институтов (таких, например, как системы социального обеспечения и определенного выравнивания доходов), которые бы восполняли недостатки, имманентно присущие рыночной экономике. Становление такой парадигмы требует немалого исторического срока, никак не меньшего, чем переход от плановой экономики к экономике рыночной. Однако значение ее (в том случае, конечно, если она будет реализована) не только для Китая, но и для всего мира трудно переоценить. При этом Китай не может просто копировать какие-либо западные образцы, создававшиеся веками в принципиально отличных исторических и социально-экономических условиях, а должен идти своим собственным путем, постепенно создавая один за другим составные элементы и компоненты новой парадигмы.

Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов немалой инерционности действующей парадигмы. За период ее функционирования созданы институты, наработаны стимулы и мотивации, способствующие ее утверждению и сохранению, и они продолжают свое в значительной мере автономное движение, даже подчас вопреки первоначальной воле их создателей. За каждым из параметров

нынешней экономической парадигмы стоят групповые интересы политической и хозяйственной элиты. И совершенно очевидно, что они оказывают и будут оказывать жесткое сопротивление попыткам качественно изменить эти параметры. В связи с этим уместно сослаться на мнение такого видного авторитета, как Чжан Чжоюань: «Я лично полагаю, что в реформировании необходимо решительное наступление потому, что наши сегодняшние реформы сталкиваются с интересами некоторых влиятельных блоков. Например, правительственная реформа, переход правительственных функций к рынку ослабляют административную власть правительства, в особенности разрешительные полномочия, а потому могут нанести ущерб привилегиям, уже имеющимся у монополий»¹⁹.

В-третьих, смена парадигмы экономического роста требует более полной свободы действия рыночных механизмов, более точного учета сигналов рынка при принятии решений. «О смене парадигмы экономического роста говорят много лет. Причина, почему она не происходит, состоит не в недостатке внимания, а в искажении механизма... Мы мистифицируем власть, мистифицируем государственное управление, мистифицируем ответственность начальства, полагаем, что, опираясь на них, можно произвести смену парадигмы экономического роста. На деле в этом вопросе власть бессильна, реальность управления непременно расходится с желаниями, а начальство не несет ответственности. Напротив, чем больше вмешательство власти, чем скрупулезнее управление, тем больше искажается действие механизмов, тем труднее осуществить поворот»²⁰.

К этому следует добавить еще одно немаловажное обстоятельство. Сами представления о сущности новой парадигмы экономического роста, о важнейших ее характеристиках не однозначны. В одних случаях проблема сводится к изменениям в отраслевой структуре экономики, в других — речь идет о новом типе индустриализации, в-третьих — во главу угла ставятся инновации, которые призваны охватить более широкие области и включить не только собственно экономику, но и тесно примыкающие к ней сферы социального и политико-административного развития. При любом подходе одно остается несомненным: выбор дальнейших путей рыночных реформ, новой парадигмы экономического роста должен учитывать самые широкие интересы всех социальных групп китайского общества. Необходимо слышать голос как тех, кто уже в полной мере пользуется плода-

ми экономических достижений, так и тех, кто пока в большей или меньшей степени обделен ими.

Выше уже говорилось о том, что сопоставление результатов экономического роста в Китае и других успешно развивавшихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии требует учета различий в их масштабах. Однако далеко не все определяется масштабами, ресурсами, историческим наследием и иными объективными факторами. Очень многое зависит от факторов субъективных, в первую очередь — от социально-экономической политики. Проще говоря, от того, насколько чисто рыночные, экономические ориентиры корректируются социальными, экологическими и культурными ценностями.

По данным Мирового банка, среднедушевой доход японцев с 1960 по 1985 г. увеличился в 5 раз. В Китае за 1980—2003 гг. среднедушевой доход также вырос в 5 раз: с 220 до 1100 долл.²¹

Однако в распределении дохода между территориями и социальными группами существуют огромные различия. Японский индекс межрайонных различий в уровне потребления полутора-кратный, а китайский — тринадцатикратный. Индекс Джини в Японии равен 0,24, а в Китае — 0,47, один из самых больших в мире.

Расширение масштабов производства в период быстрого экономического роста в Японии сопровождалось загрязнением атмосферы, внутренних и прибрежных вод. Распространение болезней, связанных с ухудшением экологии, привело к возбуждению многих исков против предприятий, вызвало волну возмущения в обществе. В 1970 г. были приняты 14 законов, направленных на защиту среды обитания. Законодательные и административные меры, массовое экологическое движение привели к тому, что проблема загрязнения среды промышленными отходами в 70-х годах прошлого века была решена. В 80-е годы на первое место вышла проблема утилизации бытовых отходов в городах, а в 90-е — проблемы глобального потепления климата и разрушения озонового слоя в атмосфере.

В докладе ООН о ресурсах за 1995 г. Китай был признан одной из наиболее опасных стран по загрязнению окружающей среды. Для того, чтобы добиться очевидного улучшения экологической обстановки, расходы на охрану окружающей среды должны составлять 2 % ВВП. По данным Управления по охране окружающей среды, в 1981 г. они составляли 0,52 % ВВП, во второй половине 90-х годов — 0,93 %, в 2002 г. — 1,33 %.

Япония — страна развитых технологий. История ее быстрого экономического роста — это история непрерывных технологических инноваций. По внедрению и использованию новых технологий Япония не имеет себе равных в мире, что было подготовлено длительным подъемом образования. Конкуренция в японо-американских торгово-экономических отношениях, начавшись с текстиля, затем перешла в область цветных телевизоров, черных металлов и автомобилей, а после — в область полупроводников.

Вопреки неоднозначной оценке ряда специфических черт изначального японского предпринимательства (таких, как система пожизненного найма работников и др.) остается несомненным фактом, что высокая конкурентоспособность японской экономики в немалой степени объясняется и той ролью, которую играют в ней всемирно известные частные компании, такие, как «Сони», «Тойота», «Нисан». В Китае же, несмотря на быстрый рост числа частных предприятий, очень трудно сказать, когда они смогут приобрести столь же большой вес и значение в мире, как японские фирмы.

При всем этом, как известно, Японии не удалось после достаточно долгого периода быстрого экономического роста избежать весьма продолжительного спада. Учитывая это, перед Китаем стоит сложнейшая задача при смене парадигмы экономического роста, учитывая опыт Японии, не утратить динамичность своей экономики в обозримой перспективе.

Смена парадигмы экономического роста носит, таким образом, комплексный характер, многоаспектный характер. В экономической сфере он затрагивает проблемы темпов и качества экономического роста, его субъектов, источников и движущих сил, проблемы его социальных последствий. Поэтому это — процесс, далеко выходящий за рамки собственно экономики и распространяющийся на сферу политики, науки и образования, культуры. Китай не сможет обойтись усвоением чужого опыта. Ему придется создавать свой собственный духовный и институциональный субстрат, подобный тому, который лежал в основе прогресса современных развитых стран, включая и Японию. Иными словами, ему необходимо пройти свой путь модернизации ценностей, который на Западе обеспечило Просвещение, а в Японии реформы Мэйдзи. В Китае же этот процесс, начавшийся в конце XIX века, был затем надолго прерван и возобновляется лишь в наше время.

Примечания

¹ У Цзинлянь. Цзиньянь Чжунго гайгэ мяньлин насе тяочжань? [С какими вызовами сталкиваются китайские реформы в текущем году?] / Жэньминь жибао хайвайбань. 2007. 1 марта.

² Гао Шанцюань. Жухэ жэньши хэ индуй гайгэ фачжань ды гуань-дянь шици [Как понимать ключевой этап реформ и развития и как ответить на его вызовы] // Жэньминь жибао. 2004. 10 мая.

³ World energy outlook 2007. China and India insight. International Energy Agency. OCDE. Paris, 2007. 672 p.

⁴ Чжан Чжоюань. И синь цзэнчжан фанши цзуцзинь цзинци пин-вэнь цзяо куай фачжань [С помощью новой парадигмы роста способствовать равномерному и сравнительно быстрому развитию экономики] // Вэньхуэйбао. 2006. 9 апреля.

⁵ Тан Шици. Чжунго фачжань ды нэй вай юэсу. [Внутренние и внешние ограничители развития в Китае] // Чжунго цзяоюй бао. 2009. 3 февраля.

⁶ Чжунго цзинци шибао. 2005. 28 декабря.

⁷ Го Кэша. Данцян цзинци цзэнчжан цюйши юй хунгуань чжэнцэ цюйсян фэньси [Анализ современных тенденций экономического роста и направлений макроэкономической политики] // Чжунго цзинци шибао. 2004. 3 января.

⁸ Чжунго цзинци шибао. 2008. 24 января.

⁹ Сунь Баоцян. Игэ чжидэ чжуи ды вэньти: ди сань чанье бичжун сяцзян [Заслуживающая внимания проблема: падение удельного веса третичного сектора]. Янчэн ваньбао. 2006. 28 апреля.

¹⁰ Гао Шанцюань. Указ. соч.

¹¹ Доля государства в инвестициях в основные фонды в 2002 г. составила 44 %, а за первые 5 месяцев 2004 г. она поднялась до 60 %. Чжунго цзинци шибао. 2004. 26 июля. За 2001—2003 гг. общая сумма, вырученная от сделок с землей, составила более 910 млрд юаней, в некоторых административно-территориальных единицах доходы от таких сделок составляют до половины всех бюджетных доходов. Иногда они становятся источником внебюджетных поступлений, превосходящих по размеру бюджетные. Возможность бесконтрольного, по существу, распоряжения землей служит на местах одной из главных причин продолжавшегося в течение нескольких лет до кризиса инвестиционного бума // Жэньминь жибао. 2004. 11 августа.

¹² Бэйцзин циньянь бао. 2004. 25 июля. Для включения в этот перечень необходимо, чтобы стоимость продукции была не менее 1 млрд долл. и чтобы не менее трети доходов от сбыта была получена на внеш-

них рынках. Учитывается также ряд других показателей. Все это требует высокой прозрачности бизнеса, тогда как большинство китайских предприятий, действующих за рубежом, крайне редко показывают свои истинные доходы.

¹³ Небезинтересно сопоставить этот перечень с тем, который озвучил в марте 2002. г. только назначенный на пост премьера Вэнь Цзябао. Выступая на пресс-конференции по завершении 1-й сессии ВСНП 10-го созыва он, назвал пять проблем, вызывающих наибольшую озабоченность. Это, во-первых, запаздывающее развитие сельского хозяйства и медленный рост доходов крестьян, что стало сдерживать расширение внутреннего спроса. Во вторых — трудности в функционировании части предприятий и создании системы современных предприятий. В третьих — непрерывный рост безработицы, создающий чрезвычайно большое давление на системы социального обеспечения. В-четвертых — неравномерное развитие города и деревни, восточных и западных районов, бедность значительной части населения. В-пятых, высокая нагрузка на бюджет, большой удельный вес плохих активов.

¹⁴ Жэньминь жибао. 2006. 23 февраля.

¹⁵ У Цзиньлянь. Чжуаньбянь цзэнчжан фанши яо почу тичжи чжаннай. [Для изменения парадигмы роста нужно разрушить системные преграды] // Ди и цайцзин жибао. 2006. 31 марта.

¹⁶ Китайскую экономику признают рыночной около 50 стран. Показатели развитости рыночных отношений, или экономической свободы в Китае выше, чем в России.

¹⁷ Стиглиц Дж. Чжунго шичан цзинцзи цзиньчжан ды ю и да бу [Еще один большой шаг в продвижении китайской рыночной экономики] // Вэньхуэй бао. 2006. 24 марта.

¹⁸ Чжао Инин. Ши и у чжуаньчжэ: Чжунго даоди яо цзоу шэммо ян ды гуньехуа даолу [Поворот в 11-й пятилетке: каким путем индустриализации пойдет в конце концов Китай] // 21 шицзи цзинцзи баодао. 2006. 3 апреля.

¹⁹ Чжан Чжоюань: бисюй цзяньдин бу и ды туйцзинь гайгэ [Чжан Чжоюань: необходимо решительно проводить реформы] // Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 7 апреля.

²⁰ Чжан Шугуан, Чжан Чи, Дуань Шаоцзэ. Хунгуань цзинцзи шихэн ды тичжи фэньси. [Структурный анализ макроэкономических дисбалансов] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 6 августа.

²¹ Там же.

Глава 4

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ОГРАНИЧИТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Высокие темпы экономического роста в КНР обеспечиваются, главным образом, опережающим увеличением экспорта и инвестиций. Роль этих факторов стала особенно усиливаться в предкризисные годы. Среднегодовой рост внутреннего потребления в 10-й пятилетке составил 8,6 %, что ниже темпов роста ВВП, тогда как темпы роста экспорта и инвестиций значительно превышают темпы роста ВВП (рис. 8).

В результате за время 10-й пятилетки в приросте ВВП больше всего увеличился вклад экспорта. Роль инвестиций, резко поднявшись в 2003—2004 гг., вернулась затем к исходному уровню. Правительственное потребление немного повысило свое значение, а вклад частного потребления еще более сократился (рис. 9).

Рис. 8. Источник: составлено по данным Чжунго тунцзи чжайяо. 2006.

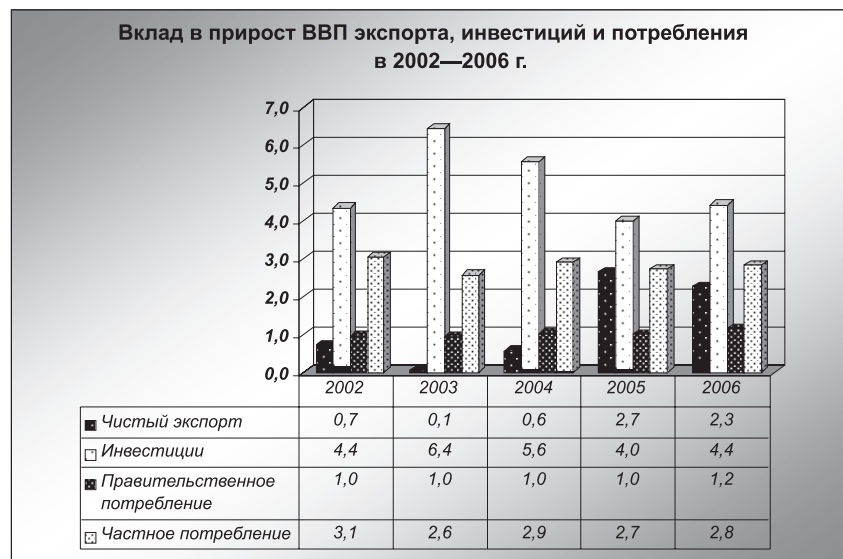

Рис. 9. Источник: составлено по данным ГСУ КНР, Asian development outlook, 2007.

Известный китайский экономист Чжоу Тяньюн, сопоставляя современную китайскую парадигму роста с той, что в свое время использовали Япония, Южная Корея, Тайвань и некоторые другие страны и районы Восточной и Юго-Восточной Азии, отмечает, наряду с общей чертой, которая заключается в ведущей роли экспорта, также существенные различия:

- ниже уровень безработицы, больше участие и вклад труда в экономический рост, выше доля труда в распределении доходов и, соответственно, сильнее воздействие потребительских расходов на экономический рост;
- в других государствах и районах Восточной Азии инвестиции направлялись рынком и негосударственными субъектами экономики и потому были более эффективными, лучше способствовали использованию такого сравнительного преимущества, как трудовой фактор;
- страны и районы Восточной Азии в ходе структурной перестройки экономики уделяли равное внимание стимулирующему воздействию на экономический рост как крупных и сверхкрупных предприятий, так и предприятий индивидуальных, микроскопических, малых и средних;

- восточноазиатские страны и районы в своем экономическом развитии уделяли немалое внимание базовым отраслям и строительству базовых сооружений в области транспорта, энергетики, урбанизации, но еще важнее для них были инвестиции в производство. Стимулировался рост не только капиталоемких предприятий, но в еще большей мере и предприятий трудоемких.

Современная же китайская модель, опирающаяся, главным образом, на инвестиции правительства, предприятий и иностранного капитала, недостаточно способствующая расширению занятости, сконцентрированная на развитии крупных и сверхкрупных капиталоемких предприятий, не имеет, по мнению Чжоу Тяньюна, долгосрочной перспективы. Более того, он убежден, что в случае ее сохранения Китаю грозит крах¹.

По поводу сходства и различия восточноазиатской и современной китайской моделей экономического роста существуют, разумеется, и иные точки зрения или, точнее, другая расстановка акцентов. Так, в ряду совпадений нередко подчеркиваются важнейшая, если не ведущая, роль государства, высокая степень его вмешательства в экономику, что, конечно, их сближает и, напротив, отдаляет от либерально-рыночных моделей экономики Западной Европы или Северной Америки (при всей их внутренней специфике). Такая роль государств обусловлена на начальных стадиях быстрого экономического роста неразвитостью рыночных механизмов, нехваткой капитала и прочими сходными обстоятельствами, а также необходимостью проведения целенаправленной промышленной политики в интересах успешной индустриализации. С течением времени, по мере созревания рынка роль государства переосмысливается, реформируется, сокращается. Перед такой перспективой стоит сегодня и Китай.

Далее, и для прежних лидеров экономического роста в Восточной Азии, и для Китая в качестве главных двигателей экономического роста в равной мере важны не только экспорт, но и инвестиции, высокая норма накопления. Масштабные вложения капитала, труда и ресурсов, иными словами, экстенсивный рост, и позволили им быстро продвинуться по пути индустриализации и модернизации.

Вместе с тем восточноазиатские соседи КНР, действительно, намного преуспели в более равномерном общественном распределении результатов развития. Как ни парадоксально, им уда-

лось это в значительно большей мере, чем в стране, называющей себя социалистической. Отсюда и многие иные различия, упомянутые выше.

Таким образом, ставка на высокую норму накопления, как и экспортная ориентация экономики, были в какой-то мере неизбежными для Китая, как и для ряда других развивающихся стран, на той стадии экономического роста, когда только еще начинавший формироваться внутренний рынок был не в состоянии придать ему требуемое движение. Подобный выбор в краткосрочной перспективе дает возможность высокой экономической динамики, но одновременно закрепляет экстенсивный характер роста и при определенных условиях может нанести ущерб его устойчивости. Только поступательное наращивание внутреннего потребления и оптимизация его структуры способны обеспечить стабильное социально-экономическое развитие на долгую перспективу. Однако, чтобы в полной мере использовать новые механизмы, нужны основательные изменения в бюджетной политике, социальном обеспечении, здравоохранении, образовании и, прежде всего, в аграрном секторе.

Примечания

¹ Чжоу Тяньюнь. Чжунго цзинци: гао цзэнчжан цзяньфу ды да вэнь-ти [Большие проблемы, имманентные высоким темпам роста] // Чжунго цзинци шибао. 2006. 15 мая. Нельзя не отметить, что на сайте самого Чжоу Тяньюна эта статья имеет более жесткое название: «Модель высокого роста в Китае может вызвать большой экономический кризис» [Чжунго гао цзэнчжан кэнэн инфа цзинци да вэйци].

4.1. Накопление и потребление

Беспрецедентно высокая норма сбережений и накоплений служит одним из главных источников высоких темпов китайского экономического роста. Этот феномен объясняется рядом причин.

- Прежде всего, нельзя не упомянуть об историко-культурных корнях бережливости китайцев. Иногда действенность этого фактора подвергается сомнению на том основании, что в дореформенном коммунистическом Китае население практически не имело сбережений. Но этот аргумент не представляется убедительным.

тельным, потому что социально-экономический строй того времени не только в КНР, но и в других странах со сходным режимом искажал нормальное экономическое поведение людей, поскольку основные жизненные блага (жилье, здравоохранение, образование и т. д.) либо предоставлялись бесплатно, либо зависели от социального и должностного статуса значительно больше, чем от денежных накоплений. С переходом к рыночной экономике традиция вновь обрела свою силу. Она характерна не только для Китая, но и для всех стран АТР, испытавших влияние конфуцианства. Об этом свидетельствует тот факт, что с 1960 по 2002 г. средняя норма накопления в АТР на 8,5 % превышала среднемировую¹.

- Быстрый экономический рост Китая за последние три десятилетия не только стимулируется высокой нормой накопления, но и, в свою очередь, сам создает для них дополнительные возможности. Тем самым, если отвлечься от иных факторов, способных замедлить ту или иную составляющую этого двуединого процесса, то он бы мог рассматриваться как самодостаточный и самовоспроизводящийся. На деле, разумеется, такого социально-экономического «перпетуум мобиле» существовать не может, поскольку непрерывно усиливается тормозящее воздействие институциональных и структурных перемен, возникающих на новых ступенях развития.

- Высокая норма сбережений и накопления в немалой степени обуславливается «окном демографических дивидендов», о котором шла речь выше, о благоприятной для сбережений возрастной структуре населения. При такой структуре вследствие политики ограничения рождаемости численность младших возрастных когорт (0—14) по отношению к населению в рабочем возрасте (15—59) уже не слишком обременительна для семейного и государственного бюджета, а старение общества еще не достигло той стадии, когда доля пожилых (60 и старше), со своей стороны, может существенно утяжелить это бремя.

Китай отличается от многих других стран не только беспримерно высоким удельным весом сбережений в ВВП, но и специфической их структурой. Здесь на общем фоне выделяются сбережения правительства и особенно предприятий (рис. 10). Последнее объясняется весомой ролью капиталоемкого промышленного производства и традиционно низкими дивидендами или вообще полным отказом от их распределения, особенно в пользу государства (которое получает только налоги).

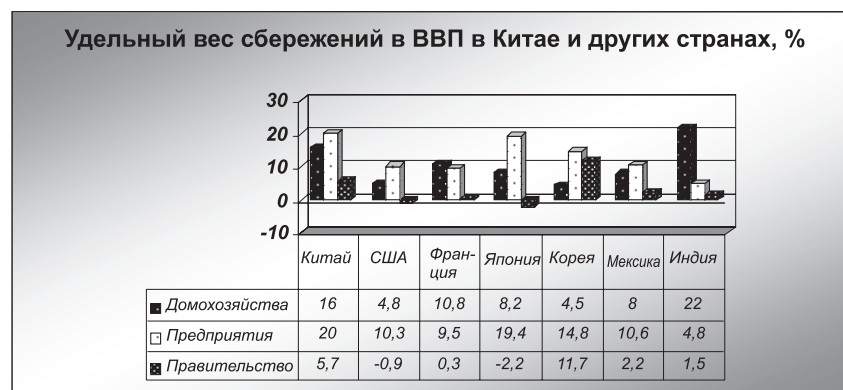

Рис. 10. Источник: Kruijs L. How will China's saving-investment balance evolve? World Bank China office research working paper # 5. www.worldbank.org.cn. Данные по Китаю — за 2005г. (оценка), по Мексике — за 2001г., по Индии — за 2004 г., по другим странам — за 2002 г.

На начальном этапе реформистского курса китайские экономисты считали нарушение баланса между фондами накопления и потребления одним из главных негативных последствий разрушительного влияния «культурной революции». Показателем дисбаланса для них служило увеличение доли валового накопления до 36 %, тогда как более рациональным считалось соотношение фондов накопления и потребления 24,2 : 75,8, которое было присуще 1-й пятилетке (1953—1957). С тех пор много воды утекло, и сегодня норма валового накопления в Китае далеко превзошла те показатели, что считались чрезмерно высокими в начале 1980-х годов.

Такая ситуация сложилась не сразу. В самые первые годы после принятия реформистского курса доля потребления росла и к середине 80-х гг. прошлого века достигла своей высшей точки. Но затем началось ее сокращение. За период с начала 90-х годов по 2007 г., согласно официальным данным, удельный вес внутреннего конечного потребления в ВВП уменьшился с 63 % до 45 %, а доля накопления капитала поднялась с 35 % до 42 %. Доля потребления населения упала до самой низшей отметки за весь период реформ (рис. 11).

В этом отношении Китай разительным образом отличается от всех других стран. По данным Мирового банка, начиная с 1990-х годов средний удельный вес потребления мире в основ-

Рис. 11. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 4—5

ном держался на уровне 77—79 %. Среди 39 стран, охваченных статистикой, только в 8 странах этот показатель был ниже 70 %. В 2002 г. в таких странах, как Филиппины, Индонезия, Таиланд, находящихся по размерам ВВП на душу населения примерно на одном уровне с Китаем, доля потребления была выше на 10—20 %. Столь специфическая ситуация в Китае, несомненно, способствует высоким темпам экономического роста, хотя одновременно порождает многие иные дисбалансы — как в экономике, так и в социальной сфере.

Параллельно с конца 80-х годов прошлого века происходили изменения в структуре конечного потребления. Доля государственного потребления увеличивалась за счет доли населения (рис. 12).

В структуре накопления доля домашних хозяйств сократилась с 48 до 42,2 %, доля предприятий снизилась с 37,1 до 36,1 %, а доля государства возросла с 14,9 до 21,7 %. Однако в абсолютном выражении размеры накоплений населения никак не могут считаться малыми. Они весьма велики, особенно по меркам развитых стран. Более того, когда в 1998 г. были проведены рыночные реформы в пенсионной системе, образовании и здравоохра-

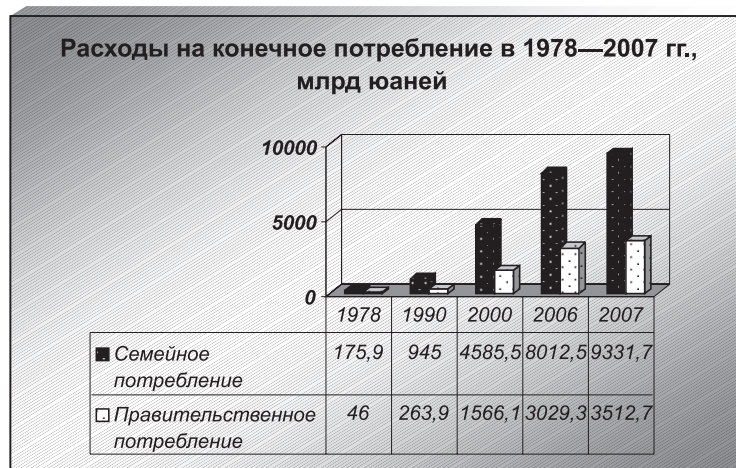

Рис. 12. Источник: составлено по данным Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 4—5.

нении, когда государство сократило свое участие в финансировании публичных услуг, оно тем самым подтолкнуло население на увеличение накоплений за счет потребления (рис. 13).

Рис. 13. Источник: Статистический отчет ГСУ КНР о развитии народного хозяйства и общества КНР в 2006 г. 26 февраля 2007 г.

Отсутствие уверенности в будущем побуждает сегодня значительную часть населения со средними доходами накапливать деньги на сберегательных счетах в банках. В 2005 г. общая сумма сбережений в Китае превысила 1,1 трлн долл., что составило половину ВВП. В США сбережения достигают 1,6 трлн долл., но это равно лишь 13 % ВВП. В Китае на индивидуальные сбереже-

ния идет до 30 % семейных доходов, тогда как в США за вычетом налогов эта доля выражается отрицательной величиной (–0,5 %).

Тем не менее, накопления предприятий и правительства в совокупности превосходят накопления населения и увеличиваются быстрее. В результате ведущая роль государства, инвестиций и экспорта в развитии китайской экономики продолжает возрастать. Причем все три движущие силы в этом процессе тесным образом связаны между собой. Государство осуществляет свою ведущую роль, опираясь, главным образом, на инвестиции, а быстрый рост инвестиций способствует наращиванию производственных мощностей и тем самым увеличению экспортных поставок. Рост же экспорта и, соответственно, внешнеторгового профицита, в свою очередь, способствует увеличению ликвидности, что обеспечивает финансовые источники и стимулы для инвестиций² (рис. 14).

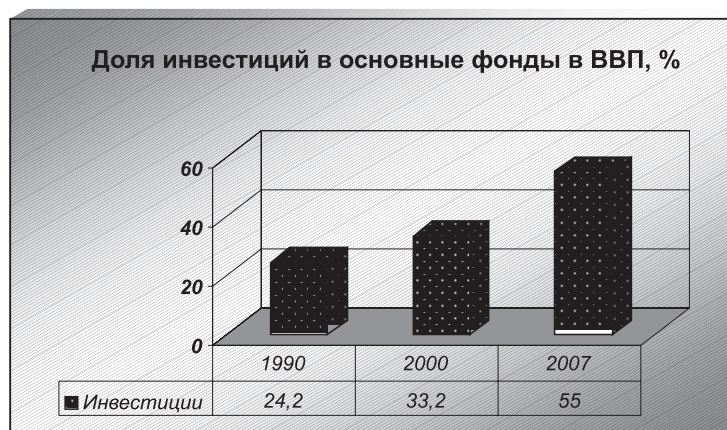

Рис. 14. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь, 2008. С. 15

Эта ситуация непосредственно вытекает из очень больших различий в темпах роста доходов. В предкризисные годы располагаемый доход на душу городского населения увеличивался в среднем за год на 10 %, чистый среднегодовой доход на душу населения в сельских домохозяйствах — на 5 %, а налоговые поступления в доход государства — на 20 %, вдвое быстрее, чем рост ВВП (рис. 15). Тем самым распределение национального дохода менялось за счет граждан в пользу государства.

Рис. 15. Источник: составлено по данным Чжунго тунцзи чжайяо. 2006. С. 67, 108.

Исследование, проведенное под эгидой Международного валютного фонда, показывает, что снижение доли доходов населения происходит по всем категориям доходов, но больше всего за счет заработной платы, их важнейшей составляющей. Однако причину этой ситуации авторы исследования усматривают, прежде всего, в том, что предприятиям трудно получать у банков кредиты на расходы по заработной плате, что, по их мнению, сдерживает расширение занятости и, соответственно, увеличение удельного веса фонда заработной платы в доходах. Что же касается факторов, связанных с состоянием собственно рынка труда в Китае (в частности, такого важнейшего, как давление на размер зарплат огромной массы нуждающейся в занятости избыточной рабочей силы в городе и деревне, а также фактической монополии нанимателей на ее определение), то они фактически игнорируются. Отсюда следует сомнительный вывод о том, что падение доли зарплат вызвано начавшимся в середине 1990-х годов давлением на банки с целью побудить их к большей осторожности при кредитовании предприятий, чтобы избежать образования плохих долгов. Возможно, это обстоятельство сыграло некоторую роль, но, понятно, не главную.

Рост налоговых поступлений в казну, дополняемый непрерывно возрастающими доходами от размещения государственных

облигаций, способствовал увеличению финансовых расходов, правительственного потребления, прежде всего — административно-управленческих расходов, за счет доли личного потребления граждан. Удельный вес правительственного потребления в КНР примерно соответствует мировому уровню, но доля личного потребления значительно ниже. В 2001 г. первый показатель составлял в Китае 13,2 %, а в США — 15,1 %, тогда как второй в Китае — 47,6 %, а в США — 69,3 %.

Еще быстрее росла прибыль промышленных предприятий, особенно в отраслях, монополизированных государством. В немалой степени это происходило за счет сокращения удельного веса заработной платы. В 1998—2005 гг. среднегодовой прирост прибыли промышленных предприятий и бюджетных доходов государства превышал 35 %, а среднегодовой прирост вознаграждения за труд городских работников составил всего 9,9 %. В течение почти трех десятилетий с начала реформистского курса стоимость продукции предприятий увеличивалась в среднем за год на 10 %, а заработная плата трудящихся — всего на 1—3 %³. В «Докладе о конкурентоспособности китайских предприятий» (Синяя книга за 2007 г.) говорится, что с 1990 по 2005 г. доля трудового вознаграждения в ВВП сократилась с 53,4 до 41,4 %, а доля прибыли предприятий в то же время возросла с 21,0 до 29,6 %. В 2006 г. первая упала еще ниже — до 40,6 %, а вторая поднялась до 30,6 %.

Иными словами, повышение конкурентоспособности предприятий в растущей мере обеспечивается низкой заработной платой, нередко не обеспечивающей простое воспроизводство рабочей силы⁴. Это особенно характерно для негосударственных предприятий, где увеличение доходов работников в течение ряда лет отставало от темпов экономического роста. Многие ранее убыточные государственные предприятия стали прибыльными вследствие реформ, которые перевели всю их деятельность на чисто коммерческую основу и освободили от большого социального бремени, связанного с выплатой пенсий, заботой о жилье и здоровье своих сотрудников и образовании их детей. Кроме того, чтобы еще более снизить издержки, они часто используют особенно дешевый труд внештатных работников.

Прибыльность предприятий увеличивалась в течение девяти лет, начиная с 1998 г., со среднегодовым темпом в 33,8 %. При этом наблюдались очень значительные колебания — от 10 до 40 % и более. В течение восьми лет из девяти прибыль увеличивалась

быстрее, чем промышленное производство. В 2005 г. прибыль возросла более чем на 20 %, в 2006 г. — на 30 %, а за первые пять месяцев 2007 г. — более чем на 40 %. В числе отраслей, где прибыль в 2007 г. увеличивалась особенно стремительно, были:

- черная металлургия — в 2,2 раза;
- производство строительных материалов — на 70,1 %;
- производство химического волокна — в 3,2 раза, электроэнергетика — на 60,6 %;
- угледобыча — на 43,1 %;
- производство специального оборудования — на 65,3 %;
- производство транспортных средств — на 60 %.

Прибыли предприятий в очень небольшой степени идут на потребление населения. Поскольку в Китае многие наиболее крупные предприятия принадлежат государству, постольку увеличение доли их прибыли в национальном доходе не ведет к увеличению доли потребления (особенно личного) в ВВП. Предприятия все в большей степени опираются на прибыль для развития своей инвестиционной активности. Считается, что более 60 % инвестиций компании финансируют за счет собственных средств, включая прибыль, амортизационный фонд и аккумуляцию средств на неофициальных денежных рынках⁵ (рис. 16).

Рис. 16. Источник: CEIC, Barnett S.&Brooks R. What's driving investment in China? IMF Working Paper WP/06/265. November. 2006

Деятельность предприятий принимает своего рода циклические свойства. Высокие прибыли ведут к увеличению инвести-

ций, а последние обеспечивают рост прибылей. Доля чистой прибыли в источниках инвестиций за период 1995—2005 гг. возросла с 20,75 до 38,6 %.

Высокой инвестиционной активности способствуют низкие цены на землю, электричество, воду, которые поддерживаются благодаря дотациям и государственному контролю над тарифами. Во многих случаях земля для развития предоставляется бесплатно, а электричество для иностранных инвестиций — за полцены⁶.

Инвестиционная деятельность предприятий поощряется также политикой местных органов власти, значительно больше заинтересованных в росте производства как главной налоговой базы, чем в росте потребления, выполняющего в этом отношении лишь скромную роль. Государственные меры, направленные при разогреве экономики на ограничение ликвидности и сокращение кредитной активности банков, в этих условиях оказываются недостаточно действенными. Повышение процентной ставки по кредитам и нормативов резервирования, а также чисто административные распоряжения (например, лимитирование кредитов) дают лишь кратковременный эффект.

При этом высокие прибыли предприятий, используемые в инвестиционных целях, далеко не всегда связаны с повышением эффективности их деятельности. Нередко они зависят от иных факторов, воздействующих на себестоимость продукции. Прежде всего, это — низкая стоимость факторов производства, ценовая политика, бюджетная поддержка государственных предприятий и т. п. Поэтому на фоне стремительно нарастающих доходов государства и прибылей предприятий относительно медленное увеличение доходов населения не служит сдерживающим фактором для темпов экономического роста. Таким образом, государство и государственные предприятия не только являются основными двигателями капиталоемкого и ориентированного преимущественно на экспорт экономического роста, но и получают от него главную выгоду⁷.

Примерно $\frac{2}{3}$ инвестиций направляются в инфраструктуру, включая строительство дорог, гидротехнических сооружений, зданий общественного назначения. Остальное вкладывается, главным образом, в промышленное оборудование и машины. Сельское хозяйство получало многие годы всего примерно 2 % инвестиций.

Органы власти в центре и на местах немало потрудились для того, чтобы создать в стране климат, благоприятствующий росту

инвестиций. Нельзя сказать, чтобы эти усилия в конечном счете привели к результату, абсолютно позитивному во всех своих аспектах. По ряду составляющих инвестиционного климата Китай все еще существенно уступает не только развитым, но даже и некоторым развивающимся странам. Но общий кумулятивный эффект оказывается все же достаточно весомым, чтобы обеспечивать в докризисные времена мощный приток капитала.

Среди факторов, способствовавших привлечению инвестиций в китайскую экономику, выделяются благоприятная ситуация на рынке труда, достаточно высокий уровень доверия к судебной системе и уверенности в неизменности основных правил и распоряжков, затрагивающих интересы бизнеса, относительно низкий уровень преступности, совершенствование инфраструктуры. Вместе с тем значительная часть инвесторов высказывает претензии по поводу бюрократических проволочек и широко распространенной коррупции.

Китай отличается более высоким, чем в подавляющем большинстве других стран, участием фирм в обучении своего персонала и значительно большей долей работников, получающих такое обучение. При этом такая стратегия характерна для предприятий, принадлежащих как отечественному, так и иностранному капиталу, хотя в целом на иностранных предприятиях доля квалифицированных рабочих несколько выше, чем на отечественных. В этом отношении Китай намного опережает все прочие страны мира, что в немалой степени повышает конкурентоспособность его экономики (рис. 17).

Для Китая характерен высокий удельный вес компаний, обладающих сертификатами ISO⁸ и ассигнующих значительную долю дохода от продаж на развитие НИОКР. Сертификатами ISO владеют больше половины иностранных компаний и почти треть отечественных. 38 % иностранных компаний и 32 % отечественных — используют новые производственные технологии (рис. 18).

Несмотря на широко распространенное и небезосновательное мнение о несовершенствах судебной системы КНР, уровень доверия к ней работающих в стране компаний, почти в равной мере — отечественных и иностранных, намного выше, чем в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и Северной Африке, не говоря уже о России. Более того, он превосходит даже уровень доверия к судам в развитых странах, объединенных в Организации эконо-

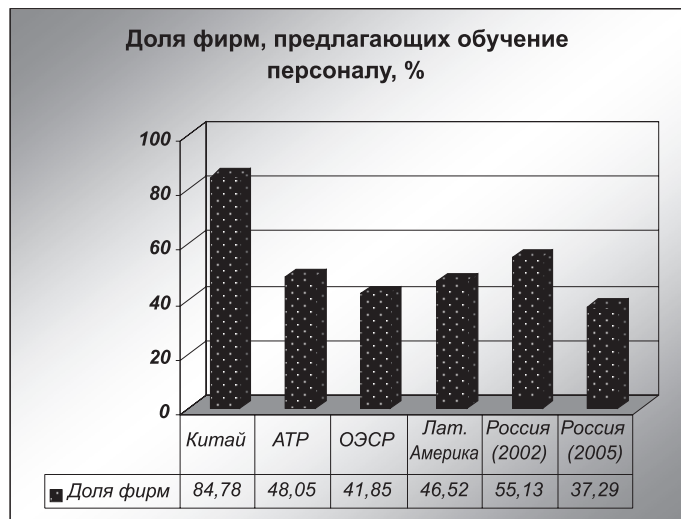

Рис. 17. Источник: Составлено по данным Enterprise Surveys.

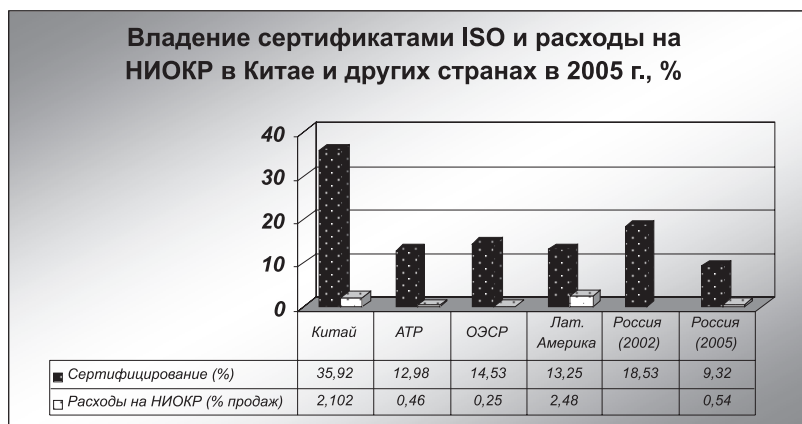

Рис. 18. Источник: Составлено по данным Enterprise Surveys.

мического сотрудничества и развития (ОЭСР). Ниже представлена доля компаний, согласившихся с утверждением: «Я уверен, что судебная система обеспечит мои права на собственность и по контрактам в деловых спорах» (рис. 19). На выполнение решения арбитражного суда в Китае требуется в среднем чуть более 10 недель, в полтора раза меньше, чем в странах ОЭСР.

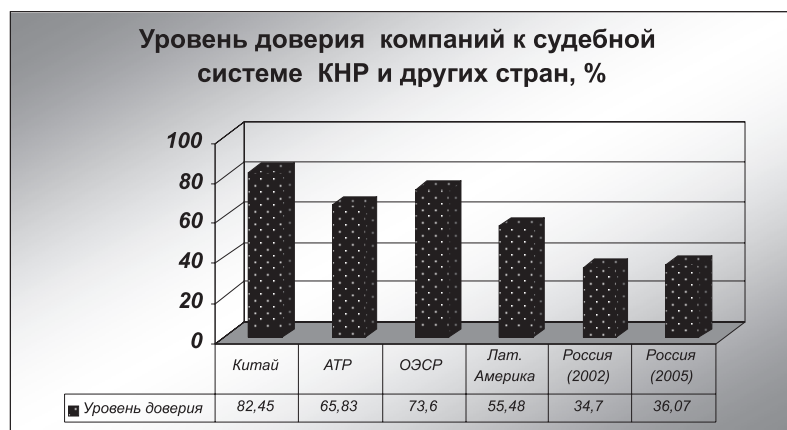

Рис. 19. Источник: Составлено по данным Enterprise Surveys.

Компании, работающие в Китае, тратят по отношению к сумме продаж значительно меньше средств на обеспечение своей безопасности, чем в подавляющем большинстве других стран и регионов мира, исключая лишь исламские страны Ближнего Востока и Северной Африки. Сюда входят расходы на оборудование, персонал и личную безопасность. Соответственно в Китае намного ниже и потери компаний от воровства, грабежей, вандализма, поджогов и других преступлений. При этом иностранные фирмы расходуют на безопасность и страдают от преступности еще меньше, чем отечественные.

Мнение работающих в КНР компаний об эффективности бюрократической системы неоднозначно. С одной стороны, они жалуются на то, что тратят излишне много времени на выполнение различных процедур, связанных с уплатой налогов и пошлин, регистрацией, лицензированием, наймом работников, на таможенную очистку, на получение импортных грузов. С другой стороны, компании уверены, что интерпретация чиновниками правил, касающихся их деятельности, является последовательной и предсказуемой. Эта уверенность, которая в Китае выше, чем в других странах и районах, возможно, является главным фактором высокой инвестиционной активности, обеспечивающей капиталовложения как в краткосрочные, так и в долгосрочные проекты (рис. 20).

Наибольшую уверенность в защищенности своей собственности и соблюдении договоров, согласно исследованию Миро-

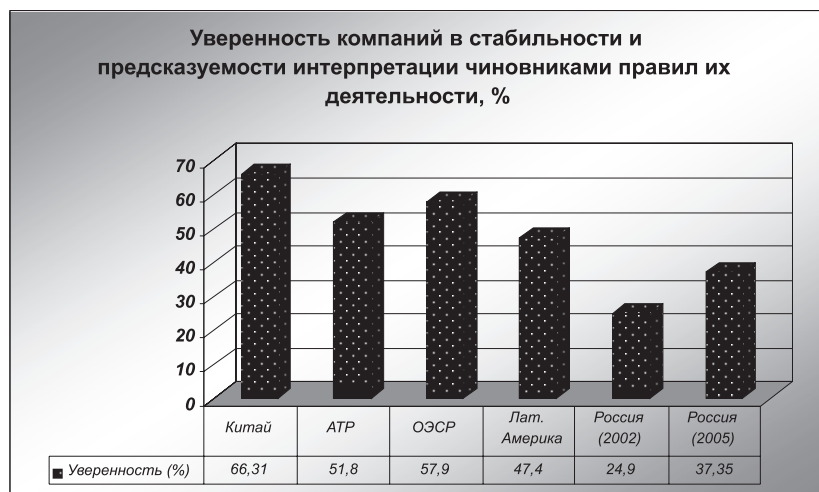

Рис. 20. *Источник:* Составлено по данным Enterprise Surveys.

вого банка, выражают компании, действующие в самых успешных регионах — Юго-Восточном Китае и вокруг Бохайского залива. Наименее крепка она в Северо-Западном Китае.

Самым негативным аспектом инвестиционного климата КНР служит, несомненно, коррупция. Масштабы ее при опросах компаний определяются тремя основными показателями. Первый — размер взятки в процентах к сумме продаж, которые дает типичная фирма за то, чтобы дело было улажено. Второй — удельный вес компаний, готовых давать подарки при встречах с налоговыми инспекторами. Третий — цена дарений при получении правительственного контракта в процентах к сумме продаж. По первому критерию ситуация в Китае существенно хуже, чем в странах ОЭСР, и несколько хуже, чем в Латинской Америке, но лучше, чем в АТР, в Южной Азии и, тем более, на Ближнем Востоке и Северной Африке. По второму критерию Китай уступает ОЭСР и Латинской Америке, но превосходит все прочие упомянутые регионы и Россию. По третьему критерию хуже, чем в Китае, дело обстоит во всех основных развивающихся регионах, за исключением АТР. По всем трем показателям отечественные компании в Китае страдают от коррупции больше, чем иностранные. Кроме перечисленных поводов, взятки дают за подключение к телефонным и электрическим сетям и к водоснабжению, за разрешения на строительство, за лицензии на

импорт и на оперативную деятельность, при встрече с инспектором по труду и т. д. (рис. 21).

Рис. 21. Источник: Составлено по данным Enterprise Surveys.

Главными инвесторами в Китае, как уже было сказано выше, являются предприятия. Им принадлежит львиная доля инвестиций. Они обеспечивали $\frac{3}{4}$ формирования основного капитала в 2005 г. Преобладающая часть вложений в основные фонды в городах приходится на долю предприятий, контролируемых государством, но за последние годы она относительно сокращается, уступая место предприятиям иных форм собственности, в том числе — особенно предприятиям, принадлежащим частному национальному капиталу (рис. 22). Инвестиции государственных предприятий тяготеют в большей мере, чем предприятий других форм собственности, к менее развитым западным и центральным регионам. Иностранные инвестиции сосредоточены почти исключительно в значительно более развитом Восточном Китае.

Второе место после предприятий занимают с большим отрывом домохозяйства, на долю которых падает 14 % инвестиций в основные фонды, главным образом, в жилье. Непосредственно государственные инвестиции составляют лишь десятую часть общей суммы, но они довольно значительно выросли после того,

Рис. 22. Источник: CEIC, Barnett S.&Brooks R. What's driving investment in China? IMF Working Paper WP/06/265. November. 2006. *Примечание:* предприятия с иностранным капиталом включают инвестиции из Гонконга и Макао и Тайваня

как государство в ответ на Азиатский финансовый кризис в 90-х годах прошлого века перешло к использованию активной финансовой политики. Похоже, что такая же тенденция возобладает и в связи с глобальным финансовым кризисом.

Многочисленные исследования подтверждают, что накопление физического капитала вносит решающий вклад в рост ВВП, хотя конкретные оценки этого вклада несколько разнятся. По расчетам Т. Круиса и Ван Тао, за период с 1978 по 2004 г. увеличение основных фондов обеспечило больше половины экономического роста, увеличение TFP — еще одну треть, а остальное пришлось на увеличение занятости. Если взять только период с 1993 по 2004 г., то накопление капитала обеспечивает еще большую часть роста ВВП — 62 %, тогда как TFP — 30 %, а увеличение занятости — только 6 %.

ВВП в Китае формируется благодаря инвестициям в основные фонды в значительно большей мере, чем в ряде других успешно развивающихся стран, даже в периоды наиболее высоких темпов экономического роста, не говоря уже о странах развитых, с их медленным ростом экономик (рис. 23).

Рис. 23. Источник: Составлено по данным CIA The world fact book. 2007

Избыточная опора на инвестиции для стимулирования экономического роста сопровождается прогрессирующим снижением их отдачи. В США, ФРГ, Франции, Индии для увеличения ВВП на 100 млн юаней в пересчете по обменному курсу валют нужно от 100 до 200 млн юаней инвестиций. В Китае, по подсчетам Госкомитета по развитию и реформам, за первые три года нашего века для получения соответствующего эффекта понадобилось 500 млн юаней. На производство одного юаня добавленной стоимости необходимо сегодня значительно больше инвестиций, чем в 80-х и 90-х годах прошлого века. Соответственно для поддержания высоких темпов роста ВВП требуется все больше инвестиций. Иными словами если в развитых странах капиталоемкость прироста ВВП (коэффициент ICOR — incremental capital-output ratio) равен 1—2, то в Китае за последние 3—5 лет он составлял от 5 до 7. Именно таким был этот коэффициент в канун Азиатского финансового кризиса в Малайзии⁹. По расчетам Чэн Сывэя, в 1999 г. 1 % увеличения инвестиций в основные фонды приносил 1,29 % роста ВВП, в 2002 г. — только 0,48 %, а в 2003 г. — менее 0,4 %¹⁰. Таким образом, по эффективности вложений капитала в основные фонды Китай уступает не только прежним лидерам азиатского роста, но и сегодняшней Индии, Вьетнаму и России.

Капиталоемкий, по преимуществу — инвестиционный рост экономики стимулируется в немалой степени дешевизной банковских кредитов, которая, в свою очередь, опирается на низкую процентную ставку по банковским депозитам, обычно не превышающую двух—трех процентов за год. Тем не менее, низкая окупаемость капиталовложений может вести к невозврату кредитов и накоплению плохих долгов. Поэтому переход к новой модели роста важен и с этой точки зрения.

Стремление за счет инвестиций наращивать ВВП максимально высокими темпами в периоды инвестиционного бума чревато, особенно на местах, раздуванием масштабов капитального строительства, включая создание дублирующих и демонстрационных объектов далеко не первой необходимости. В конце 2005 г. объем инвестиций в строящиеся объекты достигал почти 2 трлн. юаней. По мнению члена экспертного совета Государственного центра информации Гао Сяоцина, для их освоения нужны многие годы¹¹. Излишек производственных мощностей, продукция которых не поглощается спросом на внешнем и внутреннем рынках, возникал в производстве стали, алюминия, кокса, цемента, ферросплавов, автомобилей, текстиля.

В 2005 г. в черной металлургии при производственных мощностях в 470 млн т было произведено 370 млн т металла, т. е. простаивали мощности на 100 млн т., что почти равно сталелитейному производству в Японии, втором после Китая производителе черных металлов в мире. При этом в процессе строительства находились мощности на 70 млн т и проектировались еще на 80 млн.

Суммарные мощности по производству электролитического алюминия достигли 10,3 млн т. При этом внутренний спрос составлял 6 млн т, внешний — 1 млн т, простаивали мощности на 3,3 млн т. Строились еще 11 объектов и 14 — проектировались.

Имевшиеся на сентябрь мощности позволяли производить 22,1 млн т ферросплавов. После ввода в строй строившихся и проектировавшихся объектов они должны были возрасти до 25 т, а внутренний спрос равнялся всего 12 млн т.

Производство кокса, составлявшее в 2005 г. 243 млн т, превышало внутренний и внешний спрос на 11 млн т, но строились и проектировались еще 22 объекта с 390 коксовых печей общей производственной мощностью примерно в 100 млн т.

Было произведено 10,4 млн т карбида кальция, загрузка производственных мощностей держалась примерно на уровне 60 %.

Строились и проектировались объекты суммарной мощностью от 12 до 22 млн т.

Выпуск автомобилей в 2005 г. был близок к 8 млн единиц, а продажи составили только 5,7 млн. Если инвестиции в автомобилестроение не уменьшатся, то к концу 11-й пятилетки (2010 г.) возможности производства достигнут 20 млн, более чем вдвое превышая потребности.

В медеплавильной промышленности к концу 2005 г. создавались мощности в 2,05 млн т. К концу 2007 г. их общий объем должен был составить 3,7 млн т, что далеко превосходит гарантированные возможности поставок медного концентрата с отечественных рудников и посредством импорта.

Производственные мощности цементной промышленности составили 1257 млн т, производство цемента — 1038 млн т.

Согласно данным Министерства коммерции, суммарный избыток мощностей в текстильной промышленности к концу года равнялся 15—20 %.

На конец 2005 г. установленные мощности по производству электроэнергии в Китае достигли 510 млн кВт. Строились объекты мощностью еще в 200 млн кВт. К концу 2006 г. суммарная установленная мощность должна была возрасти до 600 млн кВт, а к концу 2007 г. избыток электроэнергии должен был достичь 10 %.

Добыча угля составила 2190 млн т, что было близко к объему потребления, запланированному на 2010 г. Строились дополнительно добывающие мощности на 400 млн т.

Мощности по производству стандартных 20-футовых контейнеров (TEU) достигли 4,5 млн шт., что вдвое превышало годовую потребность. В 2007 г. намечалось довести мощности до 5,8 млн.

Мощности по производству мобильных телефонов составили в 2005 г. более 500 млн шт. Годовое потребление на внутреннем рынке не превышало 70—80 млн шт.¹²

Наращивание избыточных мощностей ведет к росту складских запасов, усиливает давление на финансовую систему, ухудшает экологическую ситуацию, а в социальной сфере — обостряет проблему безработицы. По словам заместителя председателя Китайского общества по изучению макроэкономики Цао Юйшу, из-за избытка производственных мощностей в цементной промышленности 43,5 % имевшихся в стране предприятий стали нерентабельными¹³. Значительная часть ресурсов, используемых при создании избыточных мощностей, поступает от банков, что может вести к возрастанию финансовых рисков. Производство карбида кальция, кокса, ферросплавов тесно связано с

загрязнением природной среды. При падении спроса на свою продукцию предприятия с избыточными производственными мощностями, если и не увольняют работников, то, во всяком случае, не создают новых рабочих мест. Таким образом, экономический рост, ведомый правительственными инвестициями, особенно на региональном уровне, становится еще одним фактором увеличения дисбаланса в распределении доходов.

В настоящее время увеличение ВВП на 1 % позволяет трудоустроить только 0,8 млн человек. Это соотношение в основном сохраняется с 90-х годов прошлого века, тогда как в 80-е годы такой же рост ВВП позволял трудоустроить втрое больше людей¹⁴. При этом ускорение экономического роста в отдельные годы не сопровождалось адекватным рывком в создании новых рабочих мест. Такое ускорение наблюдалось с 1992 по 1995 г., когда отдача для занятости была наименьшей: в пределах 0,07—0,09, и, напротив, в 1998, 1999 и 2000 гг., когда темпы роста снижались, эластичность занятости поднималась до 0,15 и 0,17. По данным одного из исследовательских докладов Информационного центра Министерства труда и социальной защиты, прирост ВВП на 1 % позволяет увеличить занятость на 0,107 процентных пункта¹⁵. Снижение эластичности за последние годы в определенной степени компенсируется ускорением темпов роста.

Расширение занятости тормозится концентрацией инвестиций в капиталоемких отраслях. Эта тенденция также способствует консервации действующей модели экономического роста. Содержащиеся в руководящих партийных документах призывы переходить к «индустриализации нового типа», основывающейся на информатизации, на повышении роли новых и высоких технологий, пока что реализуются медленно. Основные капиталы по-прежнему идут в тяжелую промышленность, чему благоприятствуют заниженные цены на сырье и энергию. Характерным примером такой тенденции может служить ситуация в цветной металлургии. Низкая цена на электроэнергию позволила увеличить производство алюминия за короткий период более чем втрое, с 3 млн т в 90-х годах прошлого века до 9,7 млн т в 2004 г., и довести экспорт алюминия в 2003 г. до 1250 тыс. т. Рабочих мест тяжелая промышленность в расчете на 100 млн юаней инвестиций создает втрое меньше, чем легкая.

С конца 2002 г. ускорилось строительство тепловых электростанций, комбинатов черной и цветной металлургии, предприятий строительных материалов. В результате потребление энер-

гии выросло в 2005 г. по сравнению с 2000 г. на 55,2 %, что при мало сокращающихся удельных энергозатратах вызвало значительное загрязнение окружающей среды. Так, установленная мощность тепловых электростанций увеличилась с 238 млн до 508 млн кВт, на 100 млн кВт больше, чем предполагалось по плану, что привело к увеличению потребления угля почти вдвое и соответствующему возрастанию выбросов сернистого газа в атмосферу¹⁶.

Одну из главных движущих сил действующей модели экономического роста составляет межрегиональная конкуренция, а, точнее говоря, острое соперничество между региональными и местными властями за привлечение государственных, иностранных и частных национальных инвесторов. Интересы власть имущих в регионах и на местах фактически идентичны с интересами инвесторов, даже если последние вступают в конфликт с интересами граждан. Соперничество между местными правительствами за привлечение инвестиций ведется путем предоставления различных привилегий, включая налоговые льготы и скидки на аренду земли.

В ряде провинций устанавливаются ежегодные задания по привлечению инвестиций, которые доводятся до низовых властей, вплоть до сельских и уличных комитетов граждан. Не остаются в стороне от этой деятельности также органы гражданской администрации, образования, здравоохранения, молодежные и женские организации. Повсеместно принимаются обязательства по привлечению инвестиций. В конце года подводятся итоги выполнения заданий и обязательств, от чего прямо зависят доходы чиновников. В некоторых местностях это принимает характер политических кампаний. Победители публично и торжественно награждаются знаками отличия и премиями. Главные ответственные лица ведомств, не выполнивших план, получают предостережение, их переводят на должности, где им придется полностью посвятить себя привлечению инвесторов, а невыполнение заданий в течение двух лет подряд ведет к отставке или иным административным и материальным санкциям.

Этим, в частности, объясняется тот факт, что темпы экономического роста в регионах оказываются, как правило, значительно выше, чем в целом по стране. Так, первоначально официально объявленный Государственным статистическим управлением КНР рост ВВП в 2004 г. составлял 9,5 %, после корректировки по результатам хозяйственной переписи в январе

2006 г. он был повышен до 10,1 %. Однако сумма ВРП 31 административной единицы первого ранга превышает первоначальную цифру по стране на 3,9 процентных пункта. Данное обстоятельство отражает не только возможные приписки, но, прежде всего — острую конкурентную борьбу между регионами за первенство в экономическом росте.

Центральное правительство неоднократно пыталось остудить перегретую экономику в регионах, снизить рост ВВП, принимая меры не столько для макроэкономического регулирования рынка, сколько для укрощения бурной инвестиционной активности региональных властей. Но к кардинальному изменению ситуации это не приводило. Немалую роль в стимулировании такой активности играет налоговая политика: основную часть доходов местных властей дает налог на добавленную стоимость, а его увеличение обеспечивается наращиванием промышленного производства и, соответственно, все новыми инвестициями.

Примечательно, что и при составлении своих планов на 11-ю пятилетку руководители регионов ставили для себя задачи, существенно отличающиеся от показателей центрального правительства для всей страны: в сторону повышения — по темпам роста ВВП и в сторону понижения — по экономии энергозатрат. В докладе о работе правительства рост ВВП на 2006 г. был определен в 8 %. Месяц спустя после принятия доклада на сессии ВСНП начальник ГСУ Цю Сяохуа (позднее снятый с должности) прогнозировал рост в 9 %. А по данным директора Института энергетики Госкомитета по развитию и реформам Чжоу Дади, показатели, установленные на 11-ю пятилетку в 31 административном субъекте высшего звена, колебались от 8,5 до 13 %, в среднем составляя 10,1 %. В то же время из 25 опубликованных до начала марта 26 провинциальных проектов развития в 11-й пятилетке только в четырех провинциях по снижению удельной энергоемкости продукции ставилась более высокая задача, чем по стране в целом (20 %), в 10 провинциях она определялась на среднем уровне, в четырех случаях — на более низком, а в шести случаях она вообще не упоминалась¹⁷.

Межрегиональное соперничество нередко побуждает местные правительства к автаркии, мешает формированию единого национального рынка и в целом тормозит рост внутреннего потребления. Административные границы между провинциями (а иногда и между административными единицами более низшего ранга) становятся труднопреодолимыми барьерами. При этом если в 80-х годах прошлого века протекционистские меры при-

нимались с целью предотвратить утечку на сторону специфических местных ресурсов и сырья (таких, как табак, шелковые коконы и т. п.), то с 90-х годов стала все больше ощущаться территориальная раздробленность не только рынка товаров и услуг, но и рынка факторов производства, прежде всего капитала и рабочей силы. Первоначально протекционистские меры вводились прямыми административными запретами («документами с красной шапкой»), позже дискриминация чужаков стала принимать косвенную форму: учащаются и устрашаются различные инспекции и проверки с целью доказать, что только местные товары обладают высоким качеством, технологичны, отвечают требованиям экологии, критериям безопасности и т. д.

Местные компании имеют непререкаемый приоритет в получении правительственных контрактов. Интеллектуальная собственность пришлых фирм, как правило, хуже защищена. Суды на местах проявляют значительно меньшую готовность принимать иски фирм из других провинций против местных фирм, а при их рассмотрении часто выносят решения в пользу последних. В случаях же, когда вердикт принимается в ущерб местной компании, решение может подолгу не исполняться. Анализ деятельности 800 компаний, осуществлявших слияния и поглощения внутри страны, показал, что 86 % из них вкладывали капитал в фирмы, расположенные в пределах своего города, а 91 % — в пределах своей провинции¹⁸. Такая ситуация консервирует сегментацию внутреннего рынка, препятствует формированию рационального территориального разделения труда и обновлению парадигмы экономического роста.

Исследование, проведенное Мировым банком в 120 городах Китая, обнаружило большие межрайонные перепады в инвестиционном климате страны, которые отражают, прежде всего, степень и качество активности местных властей. Более чем двукратные различия были обнаружены в соотношении налогов и сборов, с одной стороны, и суммой продаж — с другой, в длительности вынужденного общения фирм с чиновниками налоговой и правоохранительной служб, в расходах на развлечения и путешествия относительно доходов (служащих двигателем коррупции), в сроках прохождения экспортных и импортных товаров через таможню. Заметные расхождения наблюдаются также в степени избыточности штата работников, в доступе к банковским кредитам, в уровне уверенности относительно защищенности прав собственности и условий контрактов, адекватности

местной власти. Наилучший инвестиционный климат по разным показателям отмечен в юго-восточных провинциях и вокруг Бохайского залива, худший — на юго-западе и на северо-западе. Благоприятный инвестиционный климат способствует не только более высокой производительности компаний, но и решению многих социальных и экологических проблем.

В докризисные годы все более важным стимулятором роста и одним из основных источников пополнения региональных бюджетов и внебюджетных фондов становились вложения в недвижимость. Региональные правительства держат в своих руках главный фактор таких инвестиций — землю, получая за распоряжение ею огромные доходы. Расходы на приобретение недвижимости в 2004 г. составили 257,4 млрд юаней. Если прибавить сюда участки земли под промышленными предприятиями и под строительство базовых сооружений, то общая сумма составит 643,5 млрд юаней, или 4,7 % ВВП. По оценкам Центра исследований развития при Госсовете КНР, 20—30 % этой суммы получают сельские жители и примерно столько же — власти. Другими словами, только за счет перераспределения земли доход последних составил 200 млрд юаней¹⁹.

В среднем в приморских районах цена земли для промышленной застройки составляет, как минимум, 150—200 тыс. юаней за 1 му (1/16 га), но из-за конкуренции она может быть снижена для инвестора наполовину, а то и вовсе стать нулевой. Что касается налогов, то обычно речь идет о продлении льготных сроков: как правило, инвестор освобождается от уплаты подоходного налога на два года, а на последующие три года ему устанавливают половинную ставку, но можно добиться отмены налога и на три года, и даже на пять лет.

Межрегиональная конкурентная борьба за частные инвестиции острее всего в приморских, развитых районах, причем особенного накала она достигает в дельтах Янцзы и Чжуцзян, поскольку менее развитые регионы получают больше государственных инвестиций.

При сохранении существующей парадигмы экономического роста, учитывая непрерывное уменьшение эффективности инвестиций, понадобилось бы еще выше поднимать и так уже зашкаливающую норму накопления. Подсчитано, что если экономический рост будет по-прежнему опираться на инвестиции в капиталоемкое промышленное производство, то для того, чтобы сохранить среднегодовое увеличение ВВП на 8 % в 2014—24 гг.,

придется сохранять отношение инвестиций в основные фонды к ВВП на исключительно высоком уровне, достигнутом в 2007 г.

Это привело бы к ограничению возможностей для развития сектора услуг, для расширения занятости в городах, для перетока рабочей силы из сельского хозяйства в неаграрные сектора экономики, к дальнейшему увеличению разрыва в производительности сельского хозяйства и остальной экономики и, соответственно, в доходах городского и сельского населения.

Поэтому более перспективной представляется иная парадигма, где будет в большей мере сбалансирован рост внутреннего потребления населения и инвестиций, роста промышленности и сектора услуг, тяжелой и легкой промышленности, крупных и мелких предприятий. Она позволит снизить давление на окружающую среду, создать больше возможностей для расширения занятости и перетока рабочей силы из сельского хозяйства в более производительные сектора экономики, сократит необходимость в инвестициях, стимулирующее воздействие которых в определенной мере восполняет недостаток платежеспособного потребительского спроса. В этом случае достаточно высокие темпы экономического роста могут быть обеспечены при меньшем акценте на сбережения и накопления. Поступательное усиление воздействия внутреннего потребления на экономический рост помогут обеспечить такие процессы, как ускорение урбанизации, сокращение разрыва в уровне доходов между городом и деревней, увеличение занятости, наращивание вложений в человеческий капитал. Важнейшее значение имеет совершенствование системы социального обеспечения, которое позволит укрепить уверенность населения в своем будущем и тем самым стимулировать рост текущих потребительских расходов.

Относительно будущей роли накоплений и инвестиций в Китае для китайской и мировой экономики у зарубежных исследователей существуют весьма несхожие точки зрения. Одни эксперты полагают, что высокая норма накоплений в КНР будет снижаться лишь медленно и постепенно, а инвестиции станут сокращаться быстрее, в результате чего Китай в возрастающей степени будет превращаться в донора капиталов для других стран. Такая точка зрения наиболее впечатляюще выражена в работе двух германских и одного американского ученого, озаглавленной весьма знаменательно: «Съест ли Китай наш ланч или пригласит нас на ужин?». Авторы утверждают, что Китай станет накопителем для всего мира и тем самым спасителем для мира развитого (напом-

ним, что английское слово *save* означает и «накапливать», и «спа-сать»). Китай постепенно превратится в главный источник капи-тала для развитых стран.

Существуют и конкретные расчеты, призванные подкрепить такую позицию. Так, согласно прогнозу отдела фондового рынка Китая компании JP Morgan Chase, к 2020 г. китайские инвести-ции за рубежом превысят 800 млрд долл. По мнению аналитиков компании, совокупные накопления семей и предприятий, со-ставлявшие в 2007 г. 4,5 трлн долл., что примерно соответствует 160 % ВВП, будут увеличиваться, согласно консервативным оценкам, на 10 % в год. В итоге их сумма достигнет 17 трлн долл. И если допустить, что только 5 % этой суммы до 2020 г. будет уходить за рубеж, то инвестиции могут достичь 620 млрд долл.²⁰

Более основательной представляется, однако другая точка зрения, согласно которой накопление и инвестиции будут сни-жаться в предстоящие два десятилетия практически одновремен-но, причем где-то на рубеже 2016 г. сокращение накоплений (в процентах к ВВП) будет происходить в большей мере, чем уменьшение инвестиций в основные фонды. При этом вряд ли можно будет говорить о превращении профицита в дефицит по текущим счетам, равно как и о его дальнейшем увеличении.

В перспективе замедление темпов экономического роста и относительное уменьшение численности работающих должны тормозить сбережения домохозяйств. Пенсионная реформа мо-жет компенсировать это торможение, но вряд ли полностью.

Неизбежное увеличение расходов государства на социальную сферу, включая образование, здравоохранение, социальное обес-печение, приведет к сокращению возможностей его собственно-го накопления. Кроме того, косвенно оно должно повлиять сдерживающим образом на стремление к сбережениям населе-ния. Что касается других факторов, прежде всего, демографиче-ских, то их воздействие в предстоящие полтора-два десятилетия мало скажется на балансе сбережений, накопления и инвести-ций. Эти изменения начнутся позже, после 2025 г.

Примечания

¹ 2004—2005 Чжунго юй шицзе. Цзинцзи фачжань хуэйгу юй чжан-ван [Китай и мир в 2004—2005 гг. Ретроспектива и перспектива]. Пе-кин, 2004. С. 118.

² Чжан Шугуан, Чжан Чи, Дуань Шаоцзэ. Хунгуань цзинцзи шихэн ды тичжи фэньси [Структурный анализ макроэкономических дисбалансов.] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 6 августа.

³ Чи Фулинь. Чу цзай фачжань синь цзедуань ды Чжунго [Китай на новом этапе развития] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 29 декабря.

⁴ Юй Вэнь. «Лижунь циньши гунцзы» шо шэммо [Что означает «прибыль съедает зарплату»] // Сюэси шибао. 2007. 11 декабря.

⁵ Лаодун шэнчаньлюй жэн ши Чжунго цзинчжэнли чжи юань [Производительность труда по-прежнему служит источником конкурентоспособности Китая] // Ди и цайчжэн жибао. 2007. 28 ноября.

⁶ Zheng Jinghai, Bigsten A., Hu Angan. Can China's growth be sustained? World development. 2007. Special issue on law, finance and economic growth in China. P. 10.

⁷ Юй Вэнь. Указ. соч.

⁸ ISO — Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization).

⁹ У Цзинлянь чэн WTO годуци хоу вого цзян мяньлин цзюйда цзиньжун фэньянь [У Цзинлянь утверждает, что после переходного периода членства в WTO Китай столкнется с крупными финансовыми рисками] // Чжунхуа гуншан шибао. 2006. 18 апреля.

¹⁰ Синьхуа шэ. 2004. 7 июня.

¹¹ Цю Сяохуа. Цзинь нянь GDP цзэнчжан цзян да 9 % дифан тоуцзы чундун жэн цунь. [Рост ВВП в текущем году составит 9 %, инвестиционный натиск на местах по-прежнему существует]. Ди и цайцзин жибао. 2006. 5 апреля.

¹² Чжунго цзинцзи чжоукань. 2006. 8 мая.

¹³ Синьхуа. 2005. 19 декабря.

¹⁴ Дэн Цзинвэнь. Гао цзэнчжан ди цзюе суюань [Истоки высокого роста и низкой занятости]. Гоцзи цзиньжун бао. 2006. 18 февраля.

¹⁵ Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 9 августа.

¹⁶ Жэньминь жибао. 2005. 13 апреля.

¹⁷ Цю Сяохуа. Указ. соч.

¹⁸ Се Баокан. Дуй «ши у» ды фаньсы сюньжао Чжунго цзинцзи фачжань ды пинхэндянь. [Размышления о «десятой пятилетке». В поисках точки равновесия китайской экономики]. Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 3 марта.

¹⁹ Zheng Jinghai, Bigsten A., Hu Angan. Op. cit. P. 14.

²⁰ Сюй Линь, Цзян Дэцзэн. Указ. соч.

²¹ Гоцзи цзиньжун бао. 2007. 25 апреля.

4.2. Экспорт

Опережающий рост мировой торговли по сравнению с ростом ВВП — тенденция глобальная и уходящая своими корнями в историю. По расчетам А. Мэддисона, среднегодовые темпы роста объема мировой торговли за период 1820—2001 гг. составили 3,93 %, а темпы роста мирового ВВП — 2,22 %. В 1993 г. доля глобального экспорта в глобальном ВВП составляла 18,9 %, а в 2005 г. она возросла до 28,8 %. Однако в Китае за последний период эта тенденция выражена еще более круто, чем во многих других развивающихся и развитых странах. С 1995 по 2004 г. мировой ВВП вырос на 27 %, а экспорт — на 78 %. В Китае же первый показатель увеличился за тот же период на 108 %, а второй — на 299 %¹. За 2002—2006 гг. среднегодовые темпы роста внешней торговли в 2,5 раза превосходили динамику экономики в целом (рис. 24). Чистый экспорт обеспечивает более $\frac{2}{5}$ экономического роста².

Рис. 24. Источник: Статистический отчет о развитии народного хозяйства и общества КНР в 2006 г. ГСУ КНР. 26 февраля 2007 г.

Программа развития торговли на 11-ю пятилетку (2006—2010 гг.) предусматривает прирост внешней торговли всего примерно на уровне 10 % в среднем за год, что означало бы сокращение этого показателя чуть ли не в два с половиной раза по сравнению с 10-й пятилеткой (2001—2005 гг.), когда он фактически был равен 24 %. При этом предполагалось сбалансировать «в основном» экспорт и импорт³.

Судя по предыдущему опыту и по данным за истекшие годы, эти ориентиры, как представляется, имеют мало отношения к реальности. Достаточно вспомнить, что задание на конец 10-й пятилетки по объему внешней торговли составляло 800 млрд долл., но оно было перекрыто всего за два года, а в последующие годы, хотя темпы роста несколько снизились, плановые показатели были превышены вдвое. На 2006 г. прирост был определен в 15 %, однако уже в первой половине года импорт вырос на 23,4 %, а экспорт — на 25,2 %.

На 2007 г. Государственный центр информации прогнозировал увеличение китайского товарного экспорта по сравнению с предыдущим годом на 26 %, импорта — на 19,5 %, а внешнеторгового профицита — на 55 %, т. е. до 275 млрд долл. Фактически положительное сальдо торгового баланса составило несколько меньшую сумму — 262,2 млрд долл., увеличившись на 50 %, поскольку китайское правительство приняло ряд мер для сдерживания его роста. Были введены экспортные пошлины и снижен размер скидок с налога на экспорт товаров, производство которых требует больших затрат сырья и энергии и загрязняет окружающую среду. В результате темпы роста экспорта несколько замедлились, а импорта — увеличились. В целом, однако, для сбалансирования экспорта и импорта пока нет серьезных предпосылок. Проблему слишком быстрого роста экспорта и связанные с ним проблемы огромного внешнеторгового профицита и избыточных валютных резервов невозможно решить с помощью простых административных мер. Как уже было сказано выше, это лишь часть более общей задачи, заключающейся в смене парадигмы экономического роста. Пока не будет в полной мере задействован механизм внутреннего потребления как главного двигателя экономического роста, эту роль неизбежно будет выполнять экспорт. В такой ситуации невозможно представить себе, чтобы высокие темпы роста ВВП обеспечивались относительно медленным увеличением прироста экспорта. Высокая норма накопления и большая инвестиционная активность при недостаточном внутреннем потребительском рынке ведут к нарастанию избыточных (по отношению к внутреннему спросу) производственных мощностей, которые, в свою очередь, выталкивают продукцию на внешний рынок.

Отношение объема внешней торговли к ВВП за последние предкризисные годы быстро росло (рис. 25). В итоге этот показатель, который считают одним из важных индикаторов открыто-

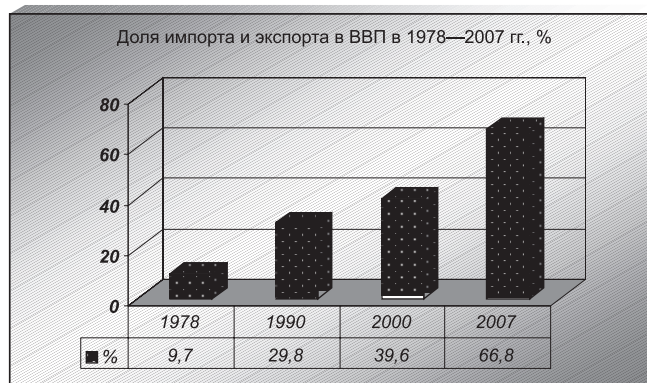

Рис. 25. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няныцзянь 2008. С. 16.

сти и включенности страны в глобальную экономику, в Китае значительно выше, чем в развитых странах, обладающих давними и прочными связями с мировой экономикой. Особенно разителен этот контраст при сравнении Китая не с малыми странами, для которых внешняя торговля служит подчас необходимым фактором самого их существования и развития, а со странами крупными, которые, по сути, могут быть в немалой мере самодостаточными. У США и Японии, двух крупнейших стран, входящих в состав ОЭСР и имеющих высочайшие объемы ВВП и внешней торговли, их соотношение в четыре раза меньше, чем в Китае.

Доля Китая в мировом импорте и экспорте товаров увеличилась с 3,6 % в 2000 г. до 7,7 % в 2006 г., при том, что его удельный вес в мировой экономике в полтора раза меньше. По объему внешней торговли Китай (без Сянган и Аомэня) занял 3-е место в мире, после США и Германии (табл. 9).

За последнее десятилетие география китайского экспорта претерпела некоторые изменения. Существенно сократился удельный вес экспорта в Японию, несколько уменьшилась роль США, осталась почти неизменной доля АСЕАН и Юго-Восточной Азии, но значительно возросло значение европейского рынка. Тем не менее, США по-прежнему поглощают очень большую часть китайского экспорта (рис. 26).

В отличие от других лидеров мировой торговли, Китай в основном поставляет и потребляет товары и в меньшей степени — услуги. В 2005 г. на долю услуг приходилось всего 10 % китайского экспорта при постоянном отрицательном сальдо. Объем

Таблица 9. Доля Китая и других ведущих стран-экспортеров в мировом экспорте, %

Годы	1980	1990	2000	2005
Мир в целом	100,0	100,0	100,0	100,0
Китай	0,9	1,8	3,9	7,5
ФРГ	9,5	12,2	8,6	9,6
Индия	0,4	0,5	0,7	0,9
Япония	6,4	8,3	7,4	5,9
США	11,1	11,4	12,1	8,9

Источник: International Trade Statistics 2006. <http://www.wto.org/english/res-e/statis-e//statis-e.htm>

Рис. 26. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 717—720.

китайской товарной торговли составляет 56 % американского, 82 % германского и 130 % японского, тогда как в сфере услуг его позиции существенно хуже: только 25 % от объема американской торговли услугами, 47 % от германского и 70 % — от японского. В мировой торговле услугами Китай занимает 8-е место. При этом, если в мире лидирующие позиции в секторе услуг принадлежат таким техноёмким и наукоёмким отраслям, как финансы, страхование, консалтинг, почтово-телеграфная связь,

то 55 % китайского экспорта услуг приходится на долю транспорта и туризма.

В 11-й пятилетке предполагалось изменить структуру внешней торговли в пользу торговли услугами. Планировалось, что среднегодовые темпы роста торговли услугами будут вдвое превышать темпы роста всей внешней торговли, причем среднегодовой прирост импорта должен быть несколько выше, чем прирост экспорта: 21 % против 19 %. Суммарный объем экспорта и импорта в 2010 г. должен достичь 2,3 трлн долл., в том числе 400 млрд долл. составит торговля услугами⁴. При этом первоочередное внимание уделяется увеличению в составе экспорта страховых, финансовых, информационных, консалтинговых и иных высокотехнологичных видов услуг.

Приоритет, отдаваемый внешнему рынку перед внутренним и экспорту перед импортом, вносит свой вклад в консервацию низкого качества экономического роста и, следовательно, также сдерживает обновление его парадигмы. С 2000 по 2003 г. на долю Китая пришлось 33 % роста мирового экспорта, но для этого потребовалось увеличить его удельный вес в приросте мировых инвестиций в основные фонды до 60 %, а долю в росте мирового потребления нефти до 36 %⁵.

Китайский импорт в основном направлен на удовлетворение внутреннего инвестиционного спроса. Ввоз потребительских товаров крайне ограничен. Поэтому, как показывает ряд проведенных в Китае исследований, между увеличением темпов импорта и инвестиций существует очень высокая степень корреляции⁶.

С 90-х годов прошлого века Китай стал проводить курс на повышение научно-технической составляющей в составе своего экспорта. В 2006 г. общая стоимость экспортной продукции новых и высоких технологий составила 281,5 млрд долл., или 29 % всей стоимости экспорта. Однако среди этой продукции преобладали преимущественно отдельные узлы и детали, и производство ее по-прежнему носило трудоемкий и капиталоемкий характер. Даже выпуск комплектных электротехнических и высокотехнологичных изделий сводился в основном к сборке и несложной обработке. Плюс к этому 90 % продукции новых и высоких технологий в Китае производится на предприятиях с иностранным капиталом, а доля крупных и средних государственных предприятий постоянно снижалась.

Экспорт такого рода не создает стимулов к собственным технологическим инновациям. Вложения в НИОКР на крупных и

средних предприятиях составляли всего 0,71 % от суммы продаж. 99 % предприятий не имели своих патентов, более 60 % инвестиций в оборудование поступало из-за рубежа, внешняя технологическая зависимость достигала 50 %⁷. По данным Министерства коммерции КНР, среди экспортных товаров продукция отечественных торговых марок составляла менее 10 %.

Программа развития торговли на 11-ю пятилетку ставит задачу добиться, чтобы к 2010 г. более половины предприятий имели свои торговые марки, чтобы более 15 % экспортных предприятий имели товарные знаки, зарегистрированные за рубежом, и чтобы 1000 китайских торговых марок пользовались мировой известностью. Планируется повысить долю предприятий национального капитала в экспорте с 20 % в 2006 г. до 35 % в 2010 г.

Вместе с тем высказываются достаточно серьезные доводы в пользу того, что Китай на нынешней стадии его развития обречен на достаточно длительное преобладание отсталой структуры экспорта. Как подчеркивает генеральный секретарь Азиатского форума в Боао Лун Юнту, нахождение Китая на нижней ступени международного разделения труда обусловлено объективными обстоятельствами. У Китая пока отсутствует возможность подняться выше: для этого нет ни технологий, ни индустрии услуг, ни необходимых торговых марок, а самое главное, существует огромная потребность в занятости, прежде всего, для рабочей силы из деревни, которая не обладает должной профессиональной и общеобразовательной подготовкой. Такая ситуация может продлиться еще одно-два десятилетия. Только после этого можно будет говорить о равноправной конкуренции на внешних рынках в подлинном смысле этого слова. А до той поры надо «упорно трудиться» (*майтоу кугань*) и «не возникать» (*таогуан янхуэй*)⁸.

Преимущественно экспортная ориентация экономики при действующей системе международного разделения труда, чем дальше, тем больше, выявляет свои негативные аспекты.

Во-первых, непрестанно увеличивается зависимость китайской экономики от внешней торговли и иностранного капитала, а, стало быть, и от мировой экономической и политической конъюнктуры. Зависимость экономики Китая от экспорта и импорта, измеряемая соотношением объема внешней торговли и национального ВВП, значительно выше, чем у Японии, США, Индии, где этот показатель не превышает 20—25 %. Особенно сильно зависят от экспорта такие отрасли китайской промышленности, как швейная и обувная, производство DVD-проигрывателей, мото-

циклов, фотоаппаратов, холодильников, телевизоров, кондиционеров. Избыточная зависимость от мировых рынков заметно усугубляет для Китая политические и экономические риски, особенно в случае непредвидимых колебаний рыночной конъюнктуры, таких, например, как глобальный финансовый кризис.

Во-вторых, экономический рост, движимый экспортом, происходит за счет использования дешевой рабочей силы и истощения небогатых природных ресурсов: земельных, водных, растительных, энергетических, что сопровождается нарушением экологического баланса и загрязнением окружающей среды.

В-третьих, возрастают трения в отношениях с внешним миром. Фактически за этими трениями стоит борьба за рабочие места. В разных странах увеличивается противодействие нарастающему притоку дешевых китайских товаров, создающему трудности для местного национального производства. В 2005 г. на долю китайской обуви приходилось 67 % рынка в Японии, 60 % в США и 20 % — в Европе. Доля Китая в импорте мебели в Европу возросла с 6 % в 1999 г. до 50 % в 2006 г.⁹ По данным ВТО, с 1995 г. и до середины 2005 г. на КНР пришлось 16 % всех антидемпинговых мер в мире. Только в одном 2006 г. 25 стран и районов провели 86 антидемпинговых, антидотационных, антипротекционистских расследований против Китая на общую сумму 2 млрд долл.¹⁰ В их числе были европейские страны, США, Турция, Южно-Африканская Республика, Индия, Бразилия. Одновременно развитые страны выстраивают на пути китайского экспорта также иные нетарифные барьеры. Как полагает известный китайский экономист Линь Ифу, в обозримом будущем направленная против китайского экспорта политика будет еще более усиливаться. Этому будет способствовать то обстоятельство, что многие развивающиеся страны пойдут по пути использования своих сравнительных преимуществ и станут также экспортировать трудоемкие изделия, что усилит их конкуренцию с КНР¹¹.

Такие конфликты осложняют не только внешнеэкономическую, но и внешнеполитическую обстановку. Это еще более настоятельно требует повышать структуру производства и экспорта и активизировать экспорт капитала, с тем, чтобы часть цепочки в процессах создания добавленной стоимости размещалась за пределами страны. Создание совместных предприятий за рубежом позволит перейти от противоборства к кооперации в обеспечении населения рабочими местами.

Некоторые китайские специалисты ставят вопрос еще более радикально. Так, по мнению Сунь Липина, ориентированная на экспорт модель экономики полностью изжила себя. Необходимо, полагает он, разомкнуть порочный круг: недостаточный внутренний спрос — опора на экспорт — погоня за дешевым сбытом — низкие прибыли — медленный рост заработной платы — недостаточный внутренний спрос и перейти к более благоприятному циклу: повышение доходов — увеличение внутреннего спроса — снижение зависимости от экспорта — отказ от погони за сбытом — повышение доходов. «Как показывает опыт новых индустриальных стран, этот переход является трудным и может занять сравнительно долгое время, но он необходим, и в таком переходе главным звеном, несомненно, служит расширение внутреннего спроса»¹².

Установка на всемерную максимизацию экспорта в недавнем прошлом объяснялась, в числе прочих факторов, не только неразвитостью внутреннего рынка, но и стремлением нарастить валютные резервы с тем, чтобы, по возможности, обезопасить страну на случай возникновения финансового кризиса регионального или, тем более, глобального масштаба. Большие валютные резервы поддерживают стабильность финансовой системы, на которую в условиях открытости могут оказывать воздействие колебания мировых финансовых рынков. Крупные валютные резервы повышают способность противостоять международным рискам и спекулятивным натискам.

В связи с этим Китай в торговле с ведущими странами Запада, своими главными контрагентами, в последние годы стремился стимулировать рост экспорта, ограничивая увеличение импорта (рис. 27). Точнее говоря, он был готов пойти и на определенное их сбалансирование, но только в том случае, если будет позволено свободно закупать то, что ему требуется: новейшую современную технику, включая и современные системы вооружений. Но на это не соглашались США. Соответственно разрыв между объемами экспорта и импорта увеличивался и возрастали профицит и валютные резервы Китая.

Валютные резервы могут быть использованы для стабилизации ситуации при возникновении дефицита платежного баланса или крупных колебаний валютного курса. Поэтому главной целью управления валютными ресурсами является поддержание их высокой ликвидности. Прибыльность при этом отходит на второй план.

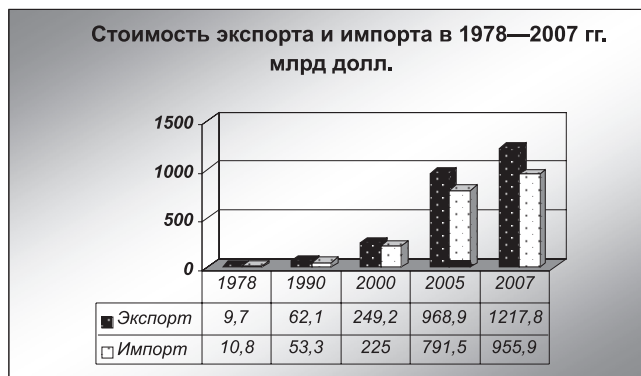

Рис. 27. Источник: составлено по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 8—9, Чжунхуа жэньминь гунхэго 2008 гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао. 2009. 29 февраля.

С точки зрения докризисной ситуации в Китае и в мире, для выполнения своих утилитарных функций столь большие валютные резервы, какие накопил Китай, были избыточны: вполне достаточно было бы иметь 500—700 млрд долл. Поэтому дальнейшее наращивание валютных резервов приобретало, как представляется, уже не столько утилитарное, сколько демонстрационное значение, что, как позже оказалось, было совсем не лишним. Они укрепляли доверие к монетарной и валютной политике государства, компенсировали внешние слабости экономики, повышали суверенный кредитный рейтинг, веру в надежность отечественной валюты, в способность государства противостоять различным угрозам и бедствиям.

Поэтому объем валютных резервов теперь не меряют прежними экономическими критериями (достаточностью для покрытия импорта, для уплаты краткосрочных долгов и т. п.). Похоже, что некоторые политики и эксперты в Пекине рассматривают внешнеполитическую функцию валютных накоплений также в создании своего рода «долларового устрашения», которое бы служило балансирующим фактором в отношениях между державами, прежде всего, США и Китаем, подобно «ядерному устрашению» в советско-американских отношениях во времена холодной войны.

На такой подход указывает, в частности, скандал, разразившийся летом 2007 г., когда два китайских функционера заявили в прессе о возможности использовать долларовые резервы Китая в качестве по-

литического оружия в ответ на американское давление с целью вынудить ревальвацию юаня. В ответ высшие представители американской администрации в лице министра финансов и президента США решительно отвергли саму возможность силового противоборства такого рода. На это откликнулся и официальный представитель Народного банка Китая, заявивший, что долларовые активы, включая государственные облигации США, являются важной составной частью валютных резервов Китая. Явно не своевременный и, возможно, носивший характер пробного шара скандал был, таким образом, замят. По меньшей мере, на время.

В последние годы валютные резервы Китая прирастали на 200 млрд долл. в год. В 2008 г. они составили 1,95 трлн долл. (пятая часть мировых резервов валюты) (рис. 28). Доклад Мирового банка за 2006 г. прогнозировал увеличение валютных резервов Китая в 2012 г. до 2,9 трлн долл.¹³ Согласно расчетам МВФ, доля валютных резервов не должна превышать 10 % ВВП. К концу 2005 г. она достигла в Китае 35 %.

Рис. 28. Источник: База данных ООН; Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 1026.

Американский доллар является основным международным расчетным и платежным средством Китая, как и многих других азиатских стран, поэтому долларовые активы составляют 70 % валютных резервов КНР. В европейской валюте Китай держит 20 %, в иной валюте, включая японские иены и южнокорейские

воны, 10 %, в золоте — менее 2 % (в США — 75,1 %, в ФРГ, Франции, Италии — более 60 %).

В отличие от ряда других стран, где не все инвалютные ресурсы концентрируются в руках государства, но имеются также у предприятий и населения, в Китае почти весь торговый профицит превращается в государственные валютные резервы. Поэтому в Японии в целом запасы иностранной валюты больше, чем в КНР, но государственные валютные резервы больше у КНР.

Поддержанию высокого уровня валютных резервов способствует, прежде всего, непрерывный приток ПИИ, стимулируемый дешевизной рабочей силы и некоторых других факторов производства, а также специальными льготами и привилегиями. Быстрый рост валютных резервов питается, в первую очередь, очень большим внешнеторговым профицитом Китая. В 2004 г. он составил 32 млрд долл., в 2005 г. — 101,9 млрд, в 2006 г. — 177,5 млрд, в 2008 г. — 295,5 млрд долл.

Большой профицит обусловлен низкой себестоимостью экспорта, которую определяют:

- низкий обменный курс юаня;
- низкая заработная плата в отраслях, поставляющих продукцию на экспорт;
- экспортные субсидии;
- льготы и привилегии, предоставляемые иностранным инвесторам местными правительствами.

Китайское правительство принимало в годы, предшествовавшие глобальному экономическому кризису, целенаправленные меры, чтобы сократить внешнеторговый профицит.

- С июля 2005 г. началось существенное повышение обменного курса китайской национальной валюты (рис. 29). В финансовых кругах США постоянно выражают недовольство масштабами и темпами такого повышения. Однако для китайских экспортеров, особенно для средних и малых предприятий, поставляющих на экспорт продукцию с низкой добавленной стоимостью, даже относительно небольшое (на 9—10 %) удорожание юаня весьма чувствительно и способно поставить некоторые из них на грань банкротства.

- В Китае происходит повсеместный рост заработной платы, в том числе и в экспортных отраслях. Согласно данным Китайского общества по изучению труда, за 2002—2006 гг. заработная плата за вычетом ценового фактора увеличивалась в среднем на 12 % в год, т. е. более высокими темпами, чем рос ВВП в расчете

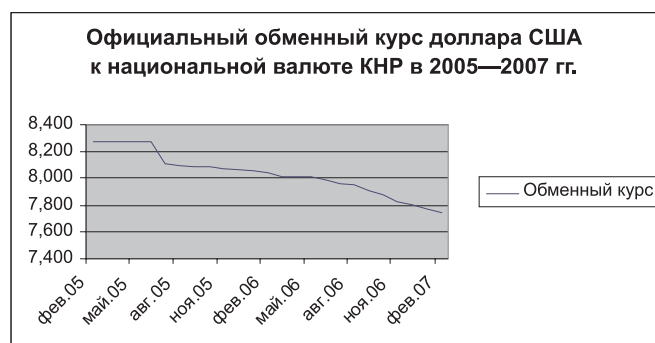

Рис. 29. Источник: CEIC Data Company Ltd. March 2007. Asian development outlook 2007.

на душу населения. Согласно расчетам эксперта из Отдела экономических исследований Экспортно-импортного банка Китая Янь Цифа, увеличение заработной платы с июля 1995 г. привело к увеличению себестоимости экспорта на 6 %¹⁴.

- Начиная с 2006 г. китайское правительство стало снижать налоговые скидки на экспорт некоторых товаров, в первую очередь тех, что вызывали наибольшие трения, и тех, производство которых требовало много энергии и загрязняло окружающую среду. Сюда вошла продукция химической промышленности, черной и цветной металлургии, одежда, обувь, суда. Последняя мера направлена не только на сокращение положительного внешнеторгового сальдо, но и, в не меньшей степени, на уменьшение финансового бремени государства и на оптимизацию структуры экспорта, производственной структуры и парадигмы экономического роста. Поскольку возмещение налога на добавленную стоимость при экспорте производится в прежних размерах, а удельный вес товаров с высокой добавленной стоимостью довольно быстро растет, постольку такая политика сказывается значительно более эффективно на структурных аспектах, чем на внешнеторговом балансе.

Все эти шаги мало влияли на общий рост экспорта и профицита. В первой половине 2007 г. накопленное положительное сальдо составило 112,5 млрд долл., увеличившись на 83,1 млрд по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В 2008 г. объем экспорта значительно сократился, но еще более уменьшился импорт, так что сальдо продолжало оставаться положительным в пользу Китая.

Труд в Китае по-прежнему остается сравнительно дешевым. Заработная плата в обрабатывающей промышленности составляет лишь 4,5 % от заработной платы в ФРГ, 4,7 — от уровня Канады, 5,2 — от США и 8,9 % — от Сингапура¹⁵. Если принять отношение стоимости рабочей силы к среднему показателю ВВП в КНР за 100, то в Малайзии оно составит 114, в Корее — 132, в Таиланде — 157, а на Филиппинах — 203¹⁶.

При этом качество рабочей силы, особенно в отраслях с новыми технологиями, достаточно высоко и по мере экономического развития еще более повышается. Рост производительности труда опережает рост заработной платы. По данным МОТ, за период с 2000 по 2005 г. производительность труда в Китае (выпуск продукции на одного работника) возросла на 63,4 %, тогда как в Индии — на 26,9 %, а в странах АСЕАН — на 15,5 %. Это обстоятельство и определяет в целом ценовые преимущества китайского экспорта, в том числе и в сравнении с его ближайшими соседями, хотя в разных отраслях они могут оказаться различными.

Как уже было сказано выше, основную массу товаров для экспорта поставляют предприятия с иностранным капиталом, осуществляющие переработку импортного сырья, материалов, полуфабрикатов или сборку узлов и деталей. То есть экспортные предприятия одновременно являются и импортными. Поэтому потери от повышения курса юаня в экспорте в определенной степени компенсируются выигрышем в ценах на импорт. Плюс к этому малым и средним предприятиям в Китае дополнительно помогает выжить и выстоять в конкуренции такой фактор, как кластерное размещение, способствующее их тесному взаимодействию. Это понижает цену сделок между ними и облегчает сбыт, получение правительственной поддержки, привлечение инвестиций, взаимный обмен управленческим опытом и технологиями.

Высокий профицит служит серьезным источником политических трений, прежде всего с США, важным внешнеторговым партнером КНР. В 2006 г. дефицит США в торговле с Китаем (включая Сянган) оценивался американской стороной в 232,5 млрд долл. В западной (и как отклик — в российской) прессе была развязана шумная кампания по тотальной дискредитации качества китайских экспортных товаров, с особым упором на угрозу, которую они якобы представляют для безопасности жизни и здоровья людей. Усилились антидемпинговые и антидотационные расследования. Весной 2007 г. Мини-

стерство коммерции США инициировало подготовку в конгрессе специального антидотационного акта. США впервые за несколько десятилетий прибегли к такой мере против страны, экономику которой они считают нерыночной. Одновременно в ВТО был направлен запрос относительно защиты интеллектуальной собственности в Китае. В КНР эти меры рассматривают как реакцию на стремительный взлет экономики страны, как входную плату за вступление на мировую арену¹⁷.

Некоторые эксперты сопоставляют нынешнюю ситуацию в американо-китайских торговых отношениях с той, что сложилась между США и Японией в середине 80-х годов прошлого века. В ответ на постоянно возрастающий дефицит в торговле с Японией американские законодатели отреагировали более чем сотней запретительных законопроектов, большинство из которых было направлено непосредственно против Японии. За этим стояли интересы американских компаний, добивавшихся более широкого доступа своей продукции на японский рынок. Сторонникам жесткой линии в американской администрации удалось тогда навязать Японии свой диктат¹⁸. В результате Япония пошла на беспрецедентное повышение стоимости своей валюты, затормозила увеличение своего экспорта и тем самым на десятилетие подорвала возможность дальнейшего экономического роста.

В феврале 2003 г. уже японское правительство на очередном саммите «семерки» выступило с утверждением, что недооцененность юаня способствует экспорту дефляции. США, в свою очередь, заявили, что по той же причине у них растет внешнеторговый дефицит и увеличивается безработица.

Сегодня от Китая требуют, чтобы он не только намного повысил стоимость юаня, но и в одностороннем порядке еще более открыл доступ иностранным компаниям на свой рынок. Настаивают на том, чтобы он существенно понизил субсидии только еще становящимся на ноги отраслям (таким, как производство полупроводников) и немедленно отменил их для тех, которые добились успеха на экспортных рынках (как текстильная и швейная)¹⁹.

Если же Китай, несмотря на давление, будет упорствовать и не пойдет на существенную ревальвацию юаня, то рекомендуется обходными путями (поскольку прямые интервенции невозможны ввиду неконвертируемости юаня) скупать за доллары дешевые юаневые активы, что затруднит для Пекина противостояние инфляции. Аналогичные меры предлагается применить и в отношении других азиатских государств, валюта которых считается заниженной. При этом делается ссылка на то, что США поступали подобным образом и прежде, правда, с

согласия конкурентов. Сейчас, если согласия добиться не удастся, то считаются приемлемыми и односторонние действия в сочетании с «эффективными санкциями» конгресса против китайцев и, возможно, против «некоторых других азиатов». Утверждается, что такие акции нельзя назвать протекционистскими, поскольку они направлены против массового нарушения рынка вследствие китайской интервенции²⁰.

Осуществив ревальвацию юаня на 2,1 % в июле 2005 г., Пекин повышал его курс по отношению к доллару в течение двух лет сравнительно медленно, вплоть до октября 2007 г., когда этот процесс значительно ускорился. Помимо давления со стороны США, этому способствовали еще несколько факторов. Во-первых, произошло падение реального эффективного обменного курса доллара, что отразилось и на номинальном его обменном курсе по отношению к евро и другим валютам. Во-вторых, вследствие изменения монетарной политики США сократилась разница между процентными ставками в США и Китае. В прошлом Китай, чтобы препятствовать притоку спекулятивного капитала, повышал обменный курс юаня по отношению к доллару темпами, обеспечивавшими сохранение такой разницы на определенном уровне. Позже такой подход перестал действовать. В-третьих, на много выросли валютные резервы КНР. Этому способствовал и рост положительного сальдо движения капиталов, связанный с прекращением их оттока. Рост валютных резервов происходил на фоне таких проблем, как низкая окупаемость инвестиций, повышенные процентные ставки и курсовые риски, связанные с содержанием этих резервов. С повышением стоимости китайской валюты стоимость валютных резервов, конвертируемых в юани, понижалась, что умеряло стремление держать избыточные валютные резервы. В-четвертых, политика стерилизации, осуществляемая посредством выпуска нот Центрального банка и увеличения норм обязательного резервирования, достигла своего предела²¹.

В целом предполагалось, что повышение стоимости юаня ограничит накопление валютных резервов и уменьшит положительное сальдо внешнеторгового баланса. Оно могло также способствовать улучшению условий торговли, повышению покупательной способности отечественной валюты, смягчать негативный эффект от повышения цен на импортное сырье и сдерживать инфляцию. Ревальвация юаня повышала оценку экономики Китая по обменному курсу валют и приближала сроки опережения экономики Японии и США.

Вместе с тем она могла подстегнуть мировую инфляцию. Ряд экспертов, оценивая возможное воздействие ревальвации юаня на состояние американо-китайских экономических отношений, настроены не слишком оптимистично. Ее эффект может быть сведен на нет сокращением объема китайского экспорта вследствие глубокой рецессии в США. Обращаясь опять-таки к опыту американо-японских отношений 80-х годов прошлого века, они напоминают также, что после того как обменный курс иены по отношению к доллару был повышен более чем вдвое, японское положительное сальдо по текущим счетам существенно сократилось, но американский дефицит уменьшился незначительно. Поэтому США стали предъявлять новые требования, настаивая на том, чтобы Япония устранила «структурные препятствия» на пути импорта. Точно так же ревальвация юаня может существенно сократить американский дефицит и китайский профицит в американо-китайской торговле, но она мало поможет уменьшению общего внешнеторгового дефицита США²².

По мере того как государственные запасы конвертируемой валюты становились в Китае, с утилитарной точки зрения, все более избыточными на первый план стали выходить негативные аспекты их стремительного увеличения. В течение ряда лет прирост валютных резервов составлял более 70 % прироста ВВП. Это означает, что накопление общественного богатства происходило преимущественно в валютной форме, а абсолютное доминирование долларовых активов еще более усугубляло это обстоятельство.

При предельно высокой норме внутреннего накопления отечественная экономика не в состоянии валютные резервы переварить. Слишком быстрый их рост за последние годы резко увеличил давление на денежно-кредитную политику Центрального банка, ограничивая ее самостоятельность. Эмиссия денег в основном направлена на покупку иностранной валюты. В докризисных условиях перегрева экономики это обостряло проблему избыточной ликвидности, вело к чрезмерному росту кредитов, еще более подстегивало инвестиционный бум, стимулировало инфляцию, порождало «мыльные пузыри», ослабляло банковскую систему и, в конечном итоге, снижало эффективность макрорегулирования. В то же время такие противодействующие меры, как частое повышение нормы обязательного резервирования, также мешали самостоятельной денежно-кредитной политике.

Наращивание валютных резервов объективно усиливало ожидания ревальвации у всех участников рынка и мешало устойчиво-

сти курса юаня. Эти ожидания стимулировали непрерывный приток спекулятивного капитала, так называемых «горячих денег» (в том числе и по нелегальным каналам), что, в свою очередь, способствовало увеличению инвалютных резервов и усиливало давление в пользу ревальвации. Отсюда ревальвация становилась в определенной степени результатом самореализации ожиданий.

С ростом объема валютных резервов все большее внимание привлекает проблема управления ими. Быстрого и радикального выхода из сложившейся ситуации у Китая нет, даже если бы он этого хотел. Можно лишь идти путем постепенных, эволюционных реформ, которые направлены, во-первых, на изменение парадигмы экономического роста, опирающейся на завышенную роль экспорта, и, во-вторых, на избавление от долларовой зависимости посредством интернационализации и регионализации юаня.

Теоретически существуют три способа взять сразу под контроль рост валютных резервов, но ни один из них нельзя в полной мере использовать в Китае. Первый — допустить существенное повышение стоимости национальной валюты. Второй — предоставить часть валюты предприятиям и компаниям. Так поступают, например, Сингапур и Южная Корея. Третий — ускоренно открывать рынок капитала. Но все эти пути далеко не безупречны, каждый из них грозит серьезными рисками и потерями.

Существенное повышение стоимости юаня чревато множеством негативных последствий. Кроме того, как показывает опыт Японии, оно не обязательно ведет к исчезновению профицита.

Стремясь притормозить слишком быстрый рост государственных валютных резервов, Центральный банк Китая в последние годы перед кризисом провозгласил курс «хранить валюту у народа». Был упрощен порядок обмена валют. Раньше гражданам нужно было предъявлять разрешение на выезд за рубеж и личное заявление, и обменивали только до 2 тыс. долл. С ослаблением валютного контроля достаточно было предъявить паспорт, а обменивать разрешили до 50 тыс. долл. в год.

Слишком быстрое открытие хрупкого китайского рынка капитала чревато повторением череды финансовых кризисов 1990-х годов. Они могли бы стать еще более угрожающими в случае нарушения стабильности глобальной финансовой системы.

Экономическое развитие Китая на современном этапе позволяет, а в определенной мере и требует поступательно увеличивать экспорт капитала. В ряде отраслей обрабатывающей промышлен-

ности, включая текстильную и швейную, производство бытовой электротехники и коммуникационного оборудования, а также в энергетических и сырьевых отраслях Китай достиг определенного уровня конкурентоспособности и может соответствовать требованиям ведения производственной деятельности в зарубежных странах. Некоторые крупные китайские предприятия стали усиливать свою инвестиционную активность за пределами страны.

В 2002—2006 гг. китайские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) за рубежом росли в среднем за год на 60 %. До конца 2006 г. их общая сумма достигла 90,6 млрд долл., в том числе нефинансовые инвестиции составили 75 млрд долл. В 2008 г. объем нефинансовых ПИИ из Китая составил 40,7 млрд долл., превысив на 63,6 % показатель предыдущего года. Капитал 5 тыс. китайских инвесторов вложен в 10 тыс. предприятий в 172 странах и районах мира. До 90 % нефинансовых инвестиций Китая за рубежом идет в страны и районы Азии и Латинской Америки.

Из чистого реципиента ПИИ КНР постепенно становится также их донором. По объему ПИИ за рубежом страна вышла на 13-е место в мире. По данным UNCTAD, в 2006 г. поток ПИИ из Китая составил 2,72 % мирового, и по этому показателю он превзошел все прочие развивающиеся страны²³.

Увеличение инвестиций за рубежом и отток валютных вложений из страны могли бы уравновесить постоянный торговый профицит, обеспечить платежный баланс и умерить ожидание крупной ревальвации юаня. Некоторые эксперты полагают, что Китай в ближайшей перспективе мог бы стать одним из крупнейших инвестиционных доноров, прежде всего в Азии, но также и на рынках других развивающихся стран столь же быстро, как ему удалось превратиться в крупнейшего реципиента иностранных инвестиций. Однако пока что на долю Китая приходится немногим более 0,5 % мировых зарубежных инвестиций, что на порядок меньше его удельного веса в мировом ВВП и, тем более, в мировой торговле. Программа развития торговли на 11-ю пятилетку предусматривала увеличение общей суммы накопленных китайских ПИИ к 2010 г. до 60 млрд долл. Кроме того, планировались получение зарубежных подрядов на сумму в 130 млрд долл. и трудовая кооперация на 25 млрд долл. На работу за границу отправятся дополнительно 1,5 млн человек²⁴. В свете тенденций, развивающихся в условиях глобального финансового кризиса, представляется, что по зарубежным инвестициям реальный рост может далеко перекрыть эти наметки, что,

однако, вряд ли можно распространить на ожидания по экспорту трудовых услуг.

В 2005 г. 28,9 % китайских ПИИ было вложено в сферу коммерческих услуг, 20 % — в оптовую и розничную торговлю, 15,1 % — в горнодобывающую промышленность, 12,4 % — в транспорт и складское хозяйство, 10,1 % — в обрабатывающую промышленность. Основным реципиентом китайских ПИИ до 2005 г. являлся Азиатский регион (81,8 %). Но за последние годы опережающими темпами растут инвестиции в страны Латинской Америки (52,6 % за 2005 г.). Традиционно преобладающие потоки китайских ПИИ направляются в оффшорные зоны: на Бермудские, Каймановы, Вирджинские острова, в Панаму, а также в Сянган (рис. 30). Высокий удельный вес Сянгана в зарубежных инвестициях Китая объясняется тем, что Пекин рассматривает этот район, с его мощными финансовыми возможностями и высокой деловой репутацией, как удобный плацдарм для дальнейшего продвижения своей инвестиционной активности по всему миру.

Рис. 30. Источник: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2006/html/R180c.htm>

Примечания

¹ Ван Мэнкуй. Цзай кода кайфан чжун моу фачжань [Думать о развитии при расширении открытости] // Жэньминь жибао хайвань бань. 2006. 28 марта.

² Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 29 декабря.

³ Фуцзэжэнь цзю «Шанъу фачжань ди ши и гэ унянь гуйхуа ванъяо» да вэнь. [Ответы компетентных лиц на вопросы об «Основных положениях Программы развития торговли на 11-ю пятилетку». Сайт Мини-

стерства коммерции КНР 2006. 11 октября. <http://finance.people.com.cn/GB/1037/4906755.html>

⁴ Там же.

⁵ *Пэй Чанхун, Линь Цзян*. Чжуаньбянь чукоу маои цзэнчжан фанши [Изменить способ роста экспортной торговли] // Жэньминь жибао. 2006. 8 февраля.

⁶ *Лю Юйху*. Чжунго хунгуань цзинцзи тяокун тиси ды чжаоли дянъ цзай нали. [Где точка опоры системы макроэкономического регулирования в Китае] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 17 апреля.

⁷ *Вань Цифэй*. Чуаньсинь ши чжаньбянь ваймао цзэнчжан фанши ды хэсинь [Инновации — ключ к изменению модели роста внешней торговли] // Жэньминь жибао. 2007. 11 июля.

⁸ <http://business.sohu.com/20050129/n224155106.shtml>

⁹ Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 2 мая.

¹⁰ Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 29 декабря.

¹¹ *Линь Ифу*. Цзеду Чжунго цзинцзи мэй ю сянчэн моши. [Для интерпретации китайской экономики нет готовой модели]. Пекин, 2007. С. 79.

¹² *Сунь Липин*. Кода нэйсюй ды гэньбэнь цзай фу минь бу ши гули сяофэй [Корень расширения внутреннего спроса в обогащении народа, а не в стимулировании потребления] // Ди и цайцзин жибао. 2006. 17 марта.

¹³ Гоцзи цзиньжун бао. 2006. 6. июня.

¹⁴ *Янь Цифа*. Дочжун яли ся ды Чжунго чукоу цзинчжэнли [Конкурентоспособность китайского экспорта под многообразным давлением] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 24 августа.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Лю Юйхуэй*. Указ соч.

¹⁷ Синьвэнь ван. 2006. 10 ноября.

¹⁸ *Kunkel. J* America's trade policy towards Japan: demanding results/ L/ 2003. 236 p.

¹⁹ *Hufbauer G, Wong Y, Sheth K*. US-China trade dispute: riding tide, rising stakes. W. 2006.

²⁰ См. выступление Ф. Бергстена на заседании подкомитета по безопасности, международной торговле и финансам сената США 23 мая 2007 г. <http://www.iie.com/publications/papers/paper.cfm?ResearchID=747>

²¹ *Shimizu S*. Factors behind the acceleration of the renminbi appreciation.// Asia Monthly. 2008. February.

²² *Woo W.T*. The right way to beat Chinese inflation. Brookings Institution. http://www.brookings.edu/opinions/2008/07/02_china_economy_woo.aspx?p=1

²³ Цюй нянь вого дуйвай чжицзе тоуцзы вэй цзюй цюаньцю ди 13 вэй. [В прошлом году Китай занял 13-е место в мире по прямым инвестициям за рубежом] // Чжунго цзинцзи шибao. 2007. 18 сентября.

²⁴ Фуцзэжэнь цзю...

4.3. Инновации

Инновационность — одна из главных характеристик курса развития, намеченного XVII съездом КПК. В документах съезда это понятие употребляется многократно, в самых различных сочетаниях и аспектах. Речь идет об инновациях в организационной и кадровой работе правящей партии, в государственном управлении и культуре, в практике и теории. Инновации сопрягаются с реформами.

Если попытаться как-то суммировать разнообразный спектр предлагаемых инноваций, то в нем можно выделить два главных класса. В первом случае инновации понимаются в **широком смысле** этого слова. Это — глубокие, как правило, беспрецедентные, преобразования в разных областях жизнедеятельности государства и общества, либо инициированные сверху, и в этом случае они идентичны радикальным по своей сущности реформам, либо начавшиеся снизу, но позднее получившие санкцию верхов.

В таком смысле весь путь Китая за три последних десятилетия является инновационным. Прокладывая его, китайские реформаторы находили специфические способы институционального развития. Новые институты не дублировали какие-либо известные образцы, но, с одной стороны, полностью отвечали национальной и социально-экономической специфике и требованиям времени, а с другой — были переходными, позволяли относительно плавно переходить от старых, привычных порядков к новым, как правило, еще несовершенным, но имеющим перспективу дальнейшего развития или последующей замены. Можно вспомнить такие уникальные инновации, как переход от сельских народных коммун к семейному подряду, как создание специальных зон и двухколейной системы в экономике, как консультативная демократия в политической сфере.

Инновации в **узком смысле** слова наиболее адекватно трактуются, с нашей точки зрения, в специальном докладе Организа-

ции экономического сотрудничества и развития, посвященном обзору инновационной политики Китая. «В современной экономической мысли, — говорится в докладе, — инновационная система определяется как целенаправленная комбинация рыночных и нерыночных механизмов, имеющая цель оптимизировать производство, размещение и использование новых знаний для устойчивого роста путем институционализированных процессов в государственном и частном секторах»¹.

С этой точки зрения, та модель, на которую опирался и до сего времени в основном опирается экономический рост в Китае, не является инновационной. Главными двигателями роста в ней являлись и являются инвестиции и экспорт, а инновации, в первую очередь, собственные, отечественные, долгое время играли подсобную и несистемную роль.

Впервые задача построения экономики, базирующейся на собственных инновациях, была поставлена в 2006 г., когда Госсовет КНР принял Основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006—2020 гг. Работа над этим документом, в которой участвовали более 2 тыс. специалистов, началась в 2003 г. Инновационный курс был определен как новая национальная стратегия. Согласно этой стратегии Китай к 2020 г. должен стать инновационным государством. Главный упор сделан на развитии собственных инноваций. Долю расходов на НИОКР в ВВП намечено увеличить с 1,34 % в 2005 г. до 2,5 % к 2020 г., а вклад научно-технического прогресса в экономическое развитие поднять выше 60 %, или более чем вдвое. Зависимость от импортных технологий снизится до 30 %. Китай войдет в пятерку ведущих стран по числу патентов на изобретения, выданных его гражданам, и по числу ссылок на научные публикации отечественных ученых. Предполагается, что к середине столетия Китай станет мировым лидером в науке и технике.

Особое внимание уделяется инновациям в «узких местах» экономического развития, таких, например, как энергетика, включая весь процесс добычи, переработки и потребления основных энергоносителей и использование новых источников энергии, как обеспечение продовольственной безопасности, как здравоохранение, как производство базового оборудования и техники для станкостроения, транспортного машиностроения, электроэнергетики. Прописаны конкретные ориентиры для 16 важнейших областей инноваций на пять, десять лет вперед, вплоть до 2020 г.

Прозвучавший на XVII съезде КПК призыв к созданию национальной инновационной системы направлен, в первую очередь, на построение высокоэффективной, качественной экономики. Именно собственные, а не заемные инновации рассматриваются в качестве основного рычага для наращивания совокупной национальной мощи. Это не означает, конечно, отрицания необходимости и целесообразности использования на определенном этапе технологических и иных заимствований. Более того, такие заимствования могут постепенно готовить почву для собственных инноваций. Так произошло, например, в автомобильной промышленности, где совместные предприятия, использовавшие иностранные технологии и бренды, долгое время развивались значительно более успешно, чем отечественные. Однако наступает момент, когда акценты могут и должны меняться.

За последние десятилетия Китай добился определенных успехов в освоении новых и высоких технологий, что говорит об известном повышении технологического уровня промышленного производства в Китае. В 1985 г. Китай, согласно данным Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО), по экспорту высокотехнологичных товаров еще не входил в число первых 25 стран, но в 1998 г. он уже поднялся на 11-е место в мире.

Вплоть до 2003 г. Китай ввозил больше высокотехнологичной продукции, чем вывозил, что способствовало образованию значительного отрицательного сальдо по этой группе товаров. Однако, уже начиная с 2004 г. экспорт превысил импорт, и высокотехнологичные товары стали важной статьёй внешней торговли, способствуя росту положительного баланса (рис. 31).

По индексу конкурентоспособности промышленности (CIP) в 1985 г. Китай находился на 61-м месте, а в 1998 г. — на 37-м. Как утверждает в докладе, который представил Deutsche Bank, производство товаров с высокой добавленной стоимостью в Китае будет прирастать в ближайшие 3—5 лет на 30—40 % в год.²

В последние годы выпуск высокотехнологичной продукции стал особенно быстро возрастать. Темпы годового роста опережали среднегодовые темпы увеличения ВВП в несколько раз. Еще быстрее рос экспорт этой продукции. В результате эта отрасль сегодня не менее чем наполовину своей мощности работает на экспорт (рис. 32).

В производстве высокотехнологичной продукции наибольшее место занимают электроника и телекоммуникационное оборудование, а также компьютеры и офисная техника. Существен-

Рис. 31. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 804.

Рис. 32. Источник: 2006 нянь гао цзишу чанье шэнчань цзиньин цинкуан [Положение в производстве и хозяйствовании отрасли высоких технологий в 2006 г.] www.chinagate.com.cn 21.12.2007.

но меньшее значение имеют пока фармацевтика, производство медицинского оборудования и приборов и особенно — авиакосмическая отрасль.

Однако до недавнего времени достижения Китая в сфере высокотехнологичного производства лишь в небольшой своей части были обязаны прогрессу отечественной науки и техники. Увеличение высокотехнологичной компоненты в производстве и импорте было прямо пропорционально росту зависимости от ввозных технологий. Если Япония и США зависят от ввозных технологий всего на 10 %, то КНР — более чем на 50 %. Китай

импортирует более 70 % оборудования для производства автомобилей, прецизионных станков с цифровым управлением, текстиля, 90 % — для производства интегральных схем, более 95 % для сложного медицинского оборудования, 100 % — оборудования для производства оптического волокна, телевизоров, мобильных телефонов. Будучи вторым в мире производителем продуктов информационной электроники, Китай почти полностью полагается в этой отрасли на импорт ключевых технологий.

Иностранный капитал стал абсолютно доминировать в производстве, экспорте и импорте высокотехнологичной продукции. Выпуск такой продукции осуществляется в Китае преимущественно путем отверточной сборки импортных компонентов (полупроводников, микропроцессоров и др.). Реализация на практике идеи о предоставлении необъятного китайского рынка в обмен на получение передовых технологий, лежавшая в основе курса на широкое привлечение зарубежных инвесторов, оказалась достаточно далекой от первоначального замысла. Этот курс способствовал созданию значительного числа новых рабочих мест, что, конечно, немаловажно для страны. Он открыл для китайского экспорта рынки всех стран и континентов мира, превратил Китай в крупнейшего держателя золотовалютных резервов. Но он не устранил технологическое отставание Китая от развитых стран. Западные ключевые технологии по-прежнему остаются недоступными для Пекина.

Более того, Китай пока плохо справляется и с освоением, переработкой и доработкой импортных технологий, далеко уступая в этом отношении Японии и Южной Корее. Эти страны, импортируя технологии, очень быстро создают на их основе продукцию с оригинальной интеллектуальной собственностью и начинают ее в массовых масштабах экспортировать. В Китае же основной упор до сих пор делался на прямом использовании ввозных технологий, а не на их модификации, не на создании на их базе новых продуктов.

Это связано отчасти с недостатками управленческой системы: органы, ведающие импортной политикой, плохо связаны с органами, отвечающими за технологические инновации на предприятиях и планирующими НИОКР. Производственные и исследовательские институты мало влияют на принятие решений по импорту, связанному с крупными объектами. Инвестиционная модель и система научно-технического стимулирования недостаточно поощряют инициативное участие в освоении ввозных технологий³.

В результате Китай на 1 юань, затраченный на импорт технологий, расходует всего 7 фэней на их освоение и технические инновации, тогда как Японии и Южная Корея в период индустриального роста тратили на эти цели от 5 до 8 юаней⁴. В 2004 г. крупные и средние предприятия в Китае затратили 4,8 млрд долл. на импорт технологий и только 735 млн долл. на их освоение⁵.

Рассчитывая на импортные технологии, Китай в прошлом уделял сравнительно мало внимания развертыванию собственных инноваций. Ряд китайских специалистов даже не видели в этом необходимости, полагая более целесообразным и экономичным использовать чужие изобретения. При этом ссылались на концепцию преимуществ позднего развития, последователи которой полагали, что некоторые технологически отсталые страны, вступив на путь развития позже передовых, могут с успехом воспользоваться плодами их достижений, избежать их ошибок и рисков и сэкономить тем самым немалые средства.

Таких взглядов придерживался, например, известный китайский экономист, глава Центра экономических исследований Пекинского университета, а позже и ведущий деятель Мирового банка профессор Линь Ифу. Установка на собственные инновации, утверждал он, не только чрезвычайно затратна, но и сопряжена с большим риском. В лучшем случае пять пионерских проектов из ста увенчаются успехом и обеспечат патент. Но и из этих пяти далеко не все принесут коммерческую выгоду. Например, потому, что продукция не будет востребована на рынке из-за высокой себестоимости или ввиду того, что кто-то получит другой патент, позволяющий производить аналогичную продукцию по более низкой цене. Китай, убеждает Линь Ифу, может обеспечить высокие темпы экономического роста с помощью ввозных технологий минимум в течение 50 лет⁶. Для развитых стран, с его точки зрения, инновация равнозначна изобретению, а для развивающихся — может означать и имитацию, если она ведет к замене старой технологии относительно новой, хотя, скорее всего и не суперсовременной. Если исключить случаи крайней необходимости, связанные с обороной и безопасностью, то развивающиеся страны не должны идти на чрезвычайно обременительные и рискованные вложения в НИОКР. Эта сфера, настаивает Линь Ифу, должна рассматриваться в одном ряду с другими отраслями⁷.

Иных исходных позиций придерживаются те, кто полагает, что выдвижение Китая на позиции одной из ведущих экономи-

ческих держав мира невозможно без овладения ключевыми высотами современного научно-технического прогресса. Предприятие, отрасль или государство могут обеспечить свое быстрое и качественное развитие, лишь располагая собственными ключевыми технологиями, лишь имея право собственности на свои ключевые знания, убежден руководитель Центра исследований госсобственности Института структурных реформ при Комитете по реформам и развитию Гао Лян⁸.

Роль научно-технического прогресса, основанного на собственных, «эндогенных» инновациях, для обеспечения длительного и качественного развития Китая объективно обусловлена факторами, которые требуют смены модели экономического роста. В их числе находятся, прежде всего, ресурсно-экологические ограничения, исчерпание потенциала таких сравнительных преимуществ Китая, как наличие больших резервов дешевой рабочей силы и дешевых финансовых ресурсов, усиливающаяся конкуренция на мировых рынках.

Избыточная ориентация на имитацию ввозных технологий вела, в конечном счете, к недостаточному финансированию собственных НИОКР, и прежде всего фундаментальных исследований. В результате темпы развития инноваций и НИОКР отставали от темпов экономического роста. В 2006 г. расходы на НИОКР в Китае составили 1,42 % ВВП, тогда как в США — 2,61 %, в Японии и Республике Корея — около 3 % (рис. 33). В 2008 г. удельный вес расходов на НИОКР в ВВП поднялся до 1,52 %.

Среди 50 ведущих стран мира Китай по способности к техническим инновациям занимал лишь 24-е место, позади Индии и Бразилии. По данным Шведского института управления, на 10 тыс. человек населения в Китае патентуется 10,8 изобретений, тогда как в Японии — 1737, в ФРГ — 1534, в Южной Корее — в 50 раз больше, чем в Китае, в Индии — в 40 раз.

Такая ситуация находилась в немалой зависимости от состояния фундаментальных исследований. Прежде всего, обращает на себя внимание недостаточность затрат на такие исследования. В США с 50-х годов до середины 60-х годов прошлого века эти затраты увеличивались более чем на 10 % в год, в 90-х годах финансовая поддержка фундаментальной науки еще более возросла, и в 2000 г. она составляла 18 % общих расходов на НИОКР. В ФРГ соответствующий показатель равен примерно 20 %, во Франции в 1999 г. он достигал 24 %, а в Китае в 1995 г. он составлял 5,18 %, в 2002 г. — 5,73 %⁹.

Рис. 33. Источники: MOST (www.most.gov.cn), Main science and technology indicators 2007/1 (OECD), RICYT, UNESCO. *Примечание:* данные по США, Японии, Китаю, Канаде — за 2006 г., по ФРГ, Франции, Англии, Корею, России, Бразилии, Индии — за 2005 г., по Италии — за 2004 г.

Но дело, конечно, не только в финансах. Китайские эксперты обращают внимание на качественные недостатки отечественных фундаментальных исследований в области естественных наук. В стране очень мало первоклассных ученых, способных возглавлять крупные научные направления, о чем свидетельствует, в частности, небольшое число важнейших международных премий, присуждаемых за открытия китайским ученым. По числу ученых, избираемых иностранными членами престижных зарубежных научных обществ и академий, Китай далеко уступает не только развитым странам, но и Индии. То же самое касается и участия китайских исследователей в редколлегиях ведущих естественно-научных журналов мира.

Истоки такой ситуации восходят к китайской культурной традиции. Науки, ставящие своей целью постижение законов природы, стали развиваться в Китае довольно поздно, и фундаментальная наука не успела еще глубоко укорениться на китайской почве. В отличие от европейской науки, для которой познание объективного мира было в большой мере самоценным как минимум со времен Просвещения и Возрождения (если не с античности), в Китае обретение научных знаний изначально носило по преимуществу прикладной характер. Как свидетельствуют некоторые эксперты, такое отношение превалирует и сего-

дня: общество требует от науки скорой отдачи, недооценивая ее долговременную роль в накоплении знаний и формировании талантов, отсюда вытекает стремление как можно скорее добиться формальных, но, по сути, малозначимых результатов.

За последние годы положение в инновационной сфере существенно меняется. Стало очевидно, что хотя ввозные технологии, действительно способствуют существенному повышению производительности труда и технологического уровня многих видов производимой в КНР продукции, в том числе и идущей на экспорт, они не могут решить проблему долгосрочного повышения конкурентоспособности страны на мировых рынках, не говоря уже о достижении целей возвышения Китая и превращения его в ведущую мировую державу.

Китай начал выдвигаться на лидирующие позиции по всем основным параметрам, характеризующим развитие науки и техники.

- Намного увеличились вложения в НИОКР. В 2006 г. они достигли 37,7 млрд долл., что ставит Китай по объему финансирования на 5-е место в мире. При этом особенно быстро растет финансирование НИОКР за счет средств предприятий (рис. 34).

Рис. 34. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 804

- Беспрецедентно быстрыми темпами создаются парки и инкубаторы высоких технологий. По числу инкубаторов Китай сегодня занимает 2-е место в мире после США. Для привлечения иностранных ученых создаются китайские технопарки за рубежом.

• По числу исследователей Китай также уступает только США. На долю США приходится 22,8 % научных сотрудников мира, на долю Китая — 14,7, Японии — 11,7, России — 8,9 %. Ежегодно число дипломированных специалистов в сфере информационных технологий прирастает на 200 тыс. человек, в 5 раз больше, чем в США (рис. 35).

Рис. 35. Источник: Министерство науки и техники КНР. www.most.gov.cn

• Число патентов, получаемых китайскими учеными, за последние годы росло ежегодно на 13—25 % (рис. 36). В 2007 г. оно увеличилось по сравнению с 2006 г. на 31,3 %. По количеству патентов на изобретения Китай вышел на четвертую позицию в мире. В 2006 г. в первую десятку стран по числу выданных патентов на изобретения входили: США (143,8 тыс.), Япония (122,9 тыс.), Южная Корея (73,5), Китай (53,3 тыс.), Россия (23,4 тыс.), Германия (17,1 тыс.), Канада (15,5 тыс.), Франция

Рис. 36. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 804

(11,8 тыс.), Австралия (11 тыс.) и Великобритания (10,2 тыс.). В мире большинство (16,8 %) патентов выдано на изобретения в сфере компьютеров. В первую тройку также входят телефония и системы передач данных (6,73 %) и компьютерная периферия (6,22 %). В Китае больше патентуются изобретения в сфере натуральных продуктов и полимеров, за которыми следуют патенты в компьютерной сфере.

Среди резидентов быстрее всего увеличивается число патентов на изобретения, получаемых вузовскими исследователями. Их доля среди получателей таких патентов увеличилась за 2002—2006 гг. с 22 до 30 %, тогда как доля сотрудников НИИ упала вдвое — с 29 до 14 %. Доля бизнеса повысилась с 46 до 51 %.

- С 1989 по 2005 г. число научных публикаций китайских исследователей увеличилось в 35 раз. Наибольший рост публикаций отмечается в физических и химических науках. Удельный вес китайских публикаций, включенных в международные научно-технические поисковые системы SCI, EI и ISTP, вырос более чем вчетверо (с 2 до 8,7 %), что ставит Китай на 2-е место в мире (после США, доля которых 28,8 %). По индексу SCI, который отражает фундаментальные исследования, Китай поднялся до 5-го места (после США, Англии, Германии и Японии). При этом по числу публикаций в некоторых отраслях, например в нанотехнологиях, Китай вплотную приблизился к США. Многие работы выполнены китайскими исследователями совместно с иностранными коллегами, особенно — американскими и японскими, что говорит о растущем международном сотрудничестве китайских ученых. Ведущую роль в росте публикаций играют вузовские исследователи, на долю которых приходится свыше 60 % их общего количества.

- Китай добивается оптимизации структур и концентрации сил и средств научных работников и разработчиков на ведущих направлениях научно-технического прогресса. С 1998 г. ведется реорганизация Академии наук Китая. К 2010 г. число институтов предполагается сократить со 129 до 30 учреждений, пользующихся высокой репутацией в мировом научном сообществе, включая 5 мировых лидеров. Реализуется новый порядок определения научных приоритетов и финансирования. Высока концентрация финансирования НИОКР и в системе высшего образования: из 700 вузов, ведущих исследования и разработки, $\frac{2}{3}$ ассигнований приходится на 50 университетов. При университетах создаются научно-технические компании, парки и инкубаторы. Быстро

развивается кооперация университетов с бизнесом: они привлекают 36 % частных расходов на НИОКР. Ведущие университеты принимают участие в государственных программах. В таких перворазрядных по мировым меркам университетах, как Цинхуа, Фудань, Цзяотун, имеются свои венчурные фирмы. Университетская система НИОКР ориентируется, прежде всего, на проведение фундаментальных исследований, дополняя тем самым систему Академии наук.

- Благодаря научно-техническому прогрессу Китай добился немалых достижений в развитии ряда важных отраслей экономики. Освоение технологии выращивания гибридного риса способствует решению продовольственной проблемы. Инновации в нефтяной промышленности позволили поддерживать достигнутый уровень нефтедобычи, несмотря на прогрессирующее истощение запасов нефти на основных месторождениях. Параллельно с беспрецедентным наращиванием мощностей в черной металлургии Китаю удалось намного снизить удельный расход топлива на выплавку 1 т стали, вплотную приблизившись по этому показателю к передовым мировым нормам. Значительный технологический прогресс отмечен в станкостроении, в производстве компьютеров и бытовой электротехники, в аэрокосмической промышленности.

Вместе с тем не все названные выше показатели могут оцениваться только как позитивные. Некоторым из них присущи и негативные черты. Так, профессор Пекинского университета Се Тяньюй, имеющий многолетний опыт работы в Японии, отмечает, что ориентация китайских университетов на мировое признание в соответствии с американскими и европейскими критериями не обязательно полезна для Китая. Например, число публикаций и их цитируемость за рубежом может означать лишь, что те или иные работы китайских исследователей более востребованы в США или в Японии, где для их использования имеется развитая производственная база. Для Китая же, где такой базы нет, они не нужны. В этом случае единственной целью публикаций становится повышение личного или ведомственного престижа¹⁰.

Рабочая группа Инженерной академии Китая, исследовавшая проблемы технологических инноваций и развития новых и высоких технологий, также отмечает разрыв, существующий между системой высшего образования и инженерно-технологическими инновациями. С точки зрения входивших в ее состав экспертов, инженерное образование в университетах слишком тяготеет к

теории и слабо связано с производственной практикой, с инновационной деятельностью. Преподавательский состав не имеет инженерного опыта, плохо знаком с рыночной конъюнктурой. Наиболее перспективные результаты научной деятельности университетов и исследовательских институтов достаются собственным компаниям, созданным при них на предыдущем этапе реформ, а предприятиям передают то, что имеет слабую производственную и рыночную перспективу. В докладе этой рабочей группы указывается и на то, что вследствие ведомственных барьеров подсистемы национальной инновационной системы имеют закрытый характер и слабо связаны между собой. Еще одним недостатком группа считает слабое развитие некоммерческих посреднических (неправительственных) организаций¹¹.

Как шаг вперед можно отметить существенное увеличение роли бизнеса в становлении национальной инновационной модели в Китае. В большинстве развитых стран государство обеспечивает не более 45 % научных бюджетов. Остальные средства поступают из коммерческого сектора. К примеру, в 2002 г. в США 66 % инвестиций в науку и 72 % исследований обеспечивались частными фирмами. Во Франции на долю бизнеса приходится 54 % инвестиций в науку, в Японии — 69 %. Принципиально иная картина наблюдается в развивающихся странах. В Индии «бизнес-составляющая» не превышает 23 %, в России и Бразилии — немногим больше.

В Китае с начала 1990-х годов доля бизнеса в финансировании НИОКР увеличилась с менее чем $\frac{2}{5}$ до $\frac{2}{3}$. Соответственно основная масса НИОКР постепенно перемещается в сферу бизнеса (рис. 37). В этом плане КНР идет в русле мировых тенденций. В большинстве развитых стран на предпринимательский

Рис. 37. Источник: Министерство науки и техники КНР. www.most.gov.cn

сектор приходится до $\frac{3}{4}$ НИОКР. Правда, надо заметить, что в Китае эти изменения происходят пока в немалой степени благодаря механическому преобразованию некоторых государственных исследовательских институтов в коммерческие фирмы без создания необходимых условий для ведения бизнеса, полностью ориентированного на инновации.

Существует достаточно очевидное разделение сфер приложения затрат на НИОКР между государством и бизнесом. Бизнес финансирует в основном исследования и разработки, осуществляемые в своем собственном секторе. Участие государства в этом секторе крайне ограничено. Научно-исследовательские институты получают средства преимущественно от государства и в небольшой части — от бизнеса. Что касается университетских НИОКР, то они оплачиваются в несколько большей степени государством, но немалая часть расходов падает также на бизнес.

Эта тенденция имеет, однако, и свою оборотную сторону. Поскольку в Китае пока еще очень мало крупных корпораций, заинтересованных не только в прикладных исследованиях и опытно-конструкторских разработках, но и в фундаментальных исследованиях, постольку последние при изменениях в структуре финансирования НИОКР оказались в серьезном проигрыше. Доля государственных исследовательских институтов, призванных играть ведущую роль в фундаментальной науке, в расходах на НИОКР сократилась с примерно половины до менее чем $\frac{1}{5}$ (рис. 38).

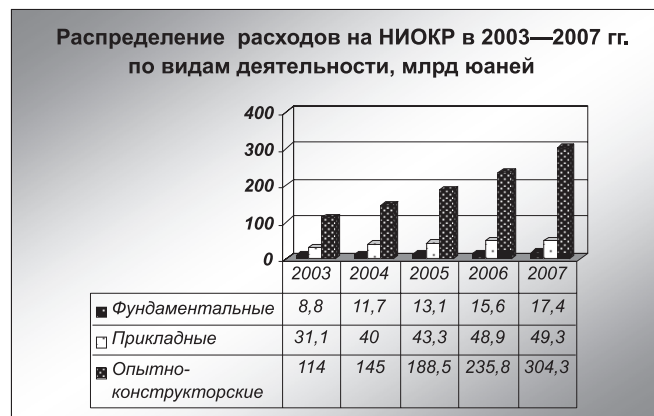

Рис. 38. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 804.

Соответственно большинство людей, ведущих НИОКР, даже в научно-исследовательских институтах, заняты не научными исследованиями, будь то фундаментальными или прикладными, а опытно-конструкторскими разработками (рис. 39).

Рис. 39. Источник: составлено по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 804.

С точки зрения наличия предпосылок для становления самостоятельной инновационной системы, Китай существенно уступает нынешним лидерам научно-технического прогресса и России, особенно учитывая отсутствие долговременных исторических традиций и школ в китайской фундаментальной науке, о чем речь шла выше (рис. 40).

Несмотря на определенные достижения, способность Китая к самостоятельному инновационному развитию все еще оценивается как недостаточная¹². Основные слабости организации НИОКР заключаются в следующем.

- вопреки усилиям по созданию единой, консолидированной национальной системы НИОКР, она остается все еще фрагментарной и раздробленной;
- связи с бизнесом, особенно фундаментальных и прикладных исследований, недостаточны;
- в расчете на одного ученого США тратят 230 тыс. долл. Япония — 164,5 тыс., а Китай — 88,8 тыс. долл.;
- Китай далеко отстает от развитых стран по числу исследователей в расчете на 1 миллион жителей;

Рис. 40. Источники: MOST(www.most.gov.cn), Eurosta, Research & Development Statistics (OECD). *Примечание:* данные по Корею, России, Франции, Японии — за 2003 г., по США — за 2004 г., по Китаю — за 2006 г.

- требует дальнейшего упрочения защита интеллектуальной собственности;
- нынешняя преимущественная ориентация системы НИОКР на экспериментальные разработки, а не на фундаментальные и прикладные исследования является камнем преткновения на пути к устойчивому, долгосрочному развитию китайской экономики. Недофинансирование фундаментальной науки служит одной из главных причин относительно низкой патентоспособности исследований;
- число публикаций в точных и инженерных науках и число заявок на патенты в прикладных и экспериментальных разработках в расчете на одну тысячу исследователей существенно меньше, чем в развитых странах.

Важной составной частью политики включения Китая в глобализацию стала широкая подготовка китайских научных кадров в лучших зарубежных университетах. Неизбежный спутник таких программ — «утечка мозгов». До конца 2006 г. общее число китайских граждан, выехавших за рубеж для получения образования, составило 1067 тыс. человек. Из них возвратилось в страну 275 тыс. человек¹³. Осознавая серьезность и многоаспектный характер этой проблемы, китайское руководство принимает ряд мер, направленных на ее смягчение. Так, китайским исследователям, как и иностранным ученым, работающим в Китае, разрешено свободно покидать страну и возвращаться в нее с перемещением за рубеж и из-за рубежа заработанных ими денег за вычетом налога. Для возвращающихся из-за границы ученых

создаются парки развития и инкубаторы, предоставляются четырехлетние гранты на сумму до 1 млн юаней. С целью привлечения особенно выдающихся ученых создаются специальные программы (такие, как «100 талантов» и др.). Тем не менее, несмотря на все эти меры, значительная часть китайских специалистов, прошедших обучение за рубежом и получивших докторскую степень, остается там жить и работать. Причем понятно, что их решение определяется не только материальными, но и нематериальными факторами (рис. 41).

Рис. 41. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 780.

Дополнительный доступ к западным технологиям открывает все более расширяющийся в настоящее время экспорт китайского капитала, сопровождаемый внешними слияниями и поглощениями иностранных компаний. Интеллектуальные ресурсы Запада привлекаются и путем создания зарубежных технопарков, используемых как плацдармы для экспорта капитала.

Эффективность национальной системы инноваций в очень большой степени определяется способностью предприятия как главного субъекта рыночной экономики воспринимать и производить инновации, способствовать научно-техническому прогрессу и пользоваться его результатами. На этом направлении достигнуты определенные успехи.

- В Китае значительно больше крупных успешных компаний, использующих инновации, чем в других странах БРИК. Они выросли в основном из государственных научно-исследовательских институтов.

- Быстро растут малые (до 300 занятых) технологические фирмы. Будучи одним из результатов крупных государственных вложений в развитие научных парков и инкубаторов, они по-прежнему продолжают получать ту или иную государственную поддержку.

- В таких наиболее продвинутых провинциях, как Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, начинает формироваться инновационная сеть из чисто рыночных малых фирм.

- Многообещающие перспективы открывает начавшаяся широкая интеграция ведущих научно-исследовательских учреждений и вузов с крупнейшими промышленными предприятиями. В 2007 г. при поддержке правительства созданы четыре таких промышленно-исследовательских альянса в металлургии, угледобыче, химической промышленности и сельскохозяйственном машиностроении, объединивших 26 ведущих предприятий, 18 ведущих университетов и 9 головных исследовательских институтов с целью обеспечить технический прогресс и структурное совершенствование всей китайской промышленности.

Вместе с тем предпринимательская активность в создании среды, дружественной для развития НИОКР и использования их результатов, еще далеко не может считаться удовлетворительной. Нехватка технологических ресурсов и отсутствие механизма, побуждающего предприятия осуществлять технологические инновации, тормозят «индустриализацию нового типа». Трудоемкие производства, на которые в очень большой степени ориентировались до последнего времени частные предприятия, как правило, не располагают достаточными накоплениями и опытными кадрами для инновационной деятельности. Предприятия же, имеющие достаточно высокую прибыль, чаще всего предпочитают инвестировать ее не в рискованные и не обещающие скорую отдачу инновации, а, например, в куда более доходную недвижимость.

Неготовность государственных предприятий развивать НИОКР путем сколько-нибудь значительных инвестиций не всегда связана с нехваткой у них средств. Высокоприбыльные предприятия, как, например, в автомобилестроении, могут значительно уступать в этом отношении предприятиям менее прибыльным. Проблема состоит в том, что руководители успешно работающих государственных предприятий часто не готовы идти на риск долгосрочных вложений в исследования и разработки, плоды которых они вряд ли увидят в пределах срока своих полномочий. Поэтому они предпочитают идти более легким путем технологической кооперации с иностранными фирмами при сохранении

зависимости от них, нежели прокладывать собственные, неизведанные дороги¹⁴. Именно на преодоление такой косности направлен провозглашенный ныне государственный курс всемерной поддержки инноваций.

По данным ГСУ КНР, в 2003 г. только на 30 % крупных и средних предприятиях страны велись научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. В разработку новых продуктов и технологий в Китае инвестируется лишь 0,75 % дохода от продаж, тогда как, по зарубежному опыту, этот показатель для успешного перспективного развития предприятия должен быть не менее 3 %. Если он не достигает 2 %, то предприятие, как правило, не выдерживает рыночной конкуренции. В отраслях же, связанных с высокими технологиями, затраты на НИОКР обычно составляют более 10 % от суммы продаж. В Китае оптимальные показатели пока не достигнуты (рис. 42).

Рис. 42. Источник: Министерство науки и техники КНР. www.most.gov.cn

В целом можно отметить ряд недостатков, мешающих развитию НИОКР на предприятиях:

- слабые стимулы к инновациям у госпредприятий. Осуществляемое в настоящее время реформирование этих предприятий, направленное на повышение их конкурентоспособности и включающее такие меры, как акционирование с

- привлечением национального и иностранного капитала, способствует росту эффективных вложений в НИОКР;
- существующая система государственных коммерческих банков плохо ориентирована на кредитную поддержку малых и средних предприятий и, в частности, их инновационной и, тем более, венчурной деятельности. Реформирование этой системы, создание более мобильной сети частных кредитных институтов могут содействовать исправлению ситуации;
 - китайские предприятия испытывают серьезную нехватку высококвалифицированных кадров, способных вести НИОКР и внедрять их результаты. Эта нехватка, обусловленная недостаточными вложениями бизнеса в подготовку работников высокой квалификации, особенно ощущается в связи с очень высокими темпами роста экономики;
 - отечественные китайские предприятия существенно уступают иностранным в возможностях конкурировать за привлечение способных менеджеров и талантливых исследователей.

Курс на строительство инновационной экономики — это процесс, затрагивающий отнюдь не только и даже не столько собственно область экономики и область науки. Он далеко выходит за их пределы, охватывая сферы государственного строительства, образования, культуры. Это решающий прорыв в модернизации китайского общества, переходе от традиционного общества к обществу современному. Это одновременно и решающая трансформация общественного сознания, движение от пассивного усвоения и трансляции знаний и навыков к креативности, инновационности, предприимчивости. Это решительный разрыв с традиционной научной культурой комментаторства и плагиата.

Учитывая относительно слабые заделы в фундаментальных исследованиях, ограниченный пока еще объем ассигнований на НИОКР по отношению к объему ВВП, высокую долю технологичной продукции, приходящуюся на предприятия с иностранным капиталом, институциональные недостатки и другие факторы, нельзя не признать, что Китаю понадобится еще немало времени, чтобы опираться преимущественно на собственные инновации. Чтобы создать национальную инновационную систему, Китаю предстоит пройти большой и трудный путь, изыскать немалые ресурсы, перестроить научно-техническую политику, существенно расширить и улучшить подготовку кадров. Эффектив-

ное функционирование национальной инновационной системы требует комплексной государственной поддержки, включающей бюджетные ассигнования, налоговое регулирование, государственные закупки и т. п.

Выстраивая свою инновационную стратегию, Китай не может сбрасывать со счетов то обстоятельство, что развитые страны сегодня почти полностью контролируют производство и НИОКР в области новых и высоких технологий. Сегодня Китай далеко еще не готов полномасштабно конкурировать в этой области с Западом, располагающим созданной за многие годы мощной научно-технической базой. В 2002 г. на долю КНР приходилось всего 1,7 % мировых инвестиций в НИОКР, тогда как на долю США — 43 %, на долю Японии — 25 %¹⁵.

В этой ситуации для Китая становится еще более важным, чем прежде, развитие многосторонней инновационной кооперации. Такая кооперация должна, прежде всего, включать в качестве обязательного компонента тесное сотрудничество между научными учреждениями и предприятиями. Далее, необходимо внутриотраслевое сотрудничество между предприятиями, позволяющее достижения каждого из них сделать общим достоянием. Наконец, не обойтись и без международного научно-технического сотрудничества. И в этом отношении неплохие перспективы имеются у российско-китайского партнерства.

Примечания

¹ OECD Reviews of innovation policy. China synthesis report. 2007.

² China, Indien und darüber hinaus. Chancen und Risiken in Asia. 10 Dezember. 2007.

³ Хэсе цзэнчжан: Чжунго цзинци ды вэйлай [Гармоничный рост: будущее китайской экономики]. Шанхай, 2006. С. 176—177.

⁴ Ци Чжунси. Чжаоли цзeczюе вого цзинци фачжань ды тучу вэньти. [Активно решать проблемы, возникающие в Китае в процессе экономического роста]. Дан цзянь. 2006. 5 апреля.

⁵ Cao C. China innovation challenge. Nottingham university 2007.

⁶ Линь Ифу. Цзеду Чжунго цзинци мэй ю сянчэн моши. [Для интерпретации китайской экономики нет готовой модели]. Пекин, 2007. С. 7—9.

⁷ Там же. С. 31—33.

⁸ Чжанван Чжунго 2008 [Взгляд на Китай 2008]. Пекин, 2008. Ч. 1. С. 79.

⁹ Ци Чжунси. Указ. соч.

¹⁰ Чжанван Чжунго... С. 98—99.

¹¹ Хэсе цзэнчжан... С. 176—177.

¹² Синьхуа. 2008. 25 января.

¹³ Вань Ган. Сиин гэндо хайвай жэньцай хуэйго чуанье [Привлекать больше талантов из-за рубежа к возвращению на родину и созданию своего дела] // Вэньхуэйбао. 2008. 7 марта. Автор — Министр науки и техники КНР.

¹⁴ Чжэн Синьли. Тоуцзы цзегоу бэйли фачжань чжаньлюе ши данцань цзинцзи юньсин чжун ды тучу маодунь [Противостояние структуры инвестиций стратегии развития — выдающееся противоречие современного функционирования экономики] // Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 17 июня.

¹⁵ Чжанван Чжунго... С. 99—100.

4.4. Фондовый рынок

Место фондового рынка в экономике Китая. До конца 2007 г. предприятия путем выпуска акций и обращаемых облигаций аккумулировали 1,9 трлн юаней. Общее число представленных на бирже компаний достигло 1550, а их суммарная капитализация — 32,3 трлн юаней, что составило 140 % ВВП¹.

Вместе с тем роль фондового рынка в китайской экономике пока еще далека от той роли, которую он играет в развитых странах. Основное финансирование компаний обеспечивают банки. Банки же служат и главным каналом аккумуляции и реализации семейных накоплений. Но в докризисные годы фондовый рынок быстро рос, и соотношение источников финансирования менялось. В 2001—2007 гг. доля банковских кредитов в финансировании компаний сократилась с 81 до 78 %, а доля фондового рынка увеличилась с 9,5 до 22 %. В конце 2007 г. капитализация рынка облигаций в Китае почти в четыре раза была меньше капитализации рынка акций.

В 2007 г. наметились прорывные тенденции в росте рынка акций. Его капитализация в августе 2007 г. увеличилась в 7 раз по сравнению с июлем 2005 г., впервые превысив годовой объем ВВП. К концу 2007 г. она составила 32,7 трлн юаней, или 155 % объема ВВП 2006 г. Всего за два года китайский фондовый

рынок переместился среди развивающихся рынков с 4-го места на 1-е².

Фондовый рынок страны совершил в своем развитии не только количественный, но и качественный скачок. Укрепляется законодательная база, гарантирующая права инвесторов, появляются новые продукты и инструменты, растет число инвесторов, меняется их состав, усиливается контроль, более эффективно используются функции фондового рынка. Увеличение числа инвестиционных счетов до 118,7 млн означало, что, по меньшей мере, 40 млн граждан КНР связали себя с фондовым рынком, а если учесть и членов их семей, то окажется, что едва ли не десятая часть населения страны включена в данный бизнес. Это также означает, что в их собственность перешла определенная часть государственной собственности со всеми вытекающими отсюда правами на распоряжение ею.

Продолжавшийся свыше двух лет крутой подъем фондового рынка обусловлен рядом факторов. Среди них наиболее важное место занимали высокие темпы экономического роста. В 2004—2008 гг. они были выше 10 % в год. Благоприятная макроэкономическая конъюнктура обусловила ожидания дальнейших успехов листинговых компаний, особенно в таких отраслях, как финансы, недвижимость, черная металлургия, нефтехимия, производство химического волокна. Первостепенное значение имело первичное размещение акций и выход на рынок акций класса «А», таких ведущих эмитентов — «голубых фишек», как Промышленно-торговый банк Китая, Банк Китая, страховая компания «Чжунго жэньшоу», Транспортный банк и др.

Немалую роль сыграли дальнейшее углубление экономических реформ, включая реформу банковско-финансовой системы, и расширяющееся включение китайской экономики в процессы глобализации. Движущей силой реформирования фондового рынка стало стремление китайского руководства уравновесить одностороннюю зависимость экономики от банков, которая послужила одной из причин финансового кризиса 1997—1998 гг.

Избыточная ликвидность означала, что в обществе имелись немалые средства, которые могли быть инвестированы. Вследствие ревальвации юаня росли в цене активы, исчисленные в китайской валюте. Это создавало хорошие внешние условия для роста фондового рынка.

Быстрый рост продолжался, несмотря на то, что в предкризисные годы Центральный банк стремился уменьшить ликвид-

ность денежного рынка и сократить объемы банковских кредитов путем многократного повышения процентной ставки и увеличения нормы резервирования для финансовых организаций. Не охладил рынок ни предпринятое Министерством финансов в мае 2007 г. трехкратное повышение налога на операции с ценными бумагами (до 0,3 %), ни наложенные Комиссией по регулированию банковской деятельности штрафные санкции на шесть банков за нелегальное финансирование спекуляций на фондовом рынке и рынке недвижимости.

Поскольку процентная ставка по банковским депозитам в Китае долгое время оставалась на низком уровне (2,79 % на годичный депозит, что было ниже уровня инфляции), а темпы роста инвестиций за последние годы были велики, многие аналитики весьма оптимистично оценивали перспективы листинговых компаний. Они исходили из наличия у них большого потенциала развития и реальных бизнес-планов, из того, что реформа государственных предприятий сделала многие из них высокоприбыльными и способствовала существенному сокращению плохих долгов. Плюс к этому, поскольку фондовый рынок в Китае пока еще не полностью открыт и присутствие на нем иностранных инвесторов ограничено, постольку колебания на международных рынках до начала мирового финансового кризиса оказывали сравнительно небольшое влияние на китайский рынок³.

Оптимизм аналитиков разделялся китайскими инвесторами, особенно массовым инвестором, средними и мелкими держателями акций. Его укреплял и выход на внутренний китайский рынок целого ряда ведущих китайских компаний, которые прежде предпочитали листинг за рубежом, в том числе таких крупных и качественных компаний, как China Mobile, PetroChina, Строительный банк Китая и др.

Вместе с тем оценки состояния и перспектив развития фондового рынка в Китае были неоднозначны. Некоторые специалисты фиксировали определенный перегрев рынка, наличие «пузырей». Завышенные ожидания вели к переоцененности акций и возрастанию рисков.

Перепады на фондовом рынке не сказывались серьезно на состоянии реального сектора экономики, прежде всего, потому, что этот рынок все еще не играет определяющей роли в финансировании абсолютного большинства компаний. Государство по-прежнему владеет большинством акций, торгуются только около 10 %.

Тем не менее, неустойчивость фондового рынка не способствовала укреплению доверия к нему. Падение Шанхайской биржи на 9 % 27 февраля 2007 г. было относительно небольшим в сравнении с огромным подъемом в предыдущие месяцы. Значительно более серьезными оказались спады 30 мая 2007 г. — примерно на 21 % и в ноябре 2007 г. — на 18 % по состоянию на 23 ноября. В последнем случае падение индекса Шанхайской биржи с 6100 пунктов в середине октября до уровня 5000 пунктов и даже несколько ниже спустя месяц было вызвано наложением внешних факторов, прежде всего, ипотечного кризиса в США, на ряд внутренних, которые прежде сами по себе большой роли не играли (например, повышение ставки резервирования). При этом даже «голубые фишки» не только не смогли сыграть стабилизирующую роль, но, напротив, способствовали падению рынка. Акции Китайской нефтяной компании потеряли в цене 4,64 %, упав до минимума с момента выхода компании на рынок. В «зоне бедствия» оказались акции банков, авиационных компаний, предприятий цветной металлургии, железных дорог, угледобывающих предприятий.

Социальные и политические угрозы, связанные, прежде всего, с присутствием на бирже большого числа людей небогатых, которые в ситуации серьезного обвала теряют все свое достояние, весьма велики. В 2008 г. это привело к разорению и уходу с рынка многих краткосрочных инвесторов. Оптимизм стал сменяться разочарованием и пессимизмом, возникли опасения относительно смены «бычьей» тенденции на «медвежью».

Массовый приход на фондовый рынок индивидуальных инвесторов, не осознающих риски, не готовых к ним, менее терпеливых и скорее поддающихся панике, чем институциональные инвесторы, повышает волатильность рынка. Одновременно увеличивается и число противоправных действий, инсайдерских спекуляций. Поэтому контролирующие органы уделяют повышенное внимание просвещению инвесторов, стремятся обеспечить здоровое развитие рынка, требуют от листинговых компаний повышать открытость информации⁴.

Регулирование рынка акций государственных, частных и иностранных компаний. Деятельность на фондовом рынке регулируется законами о компаниях (1993 г., новая редакция — 2006 г.), страховании (1995 г.), коммерческих банках (1995 г.), ценных бумагах (1998 г., новая редакция — 2006 г.), доверительном управлении (2001 г.). В 2003 г. был утвержден Закон об инвестиционных фон-

дах, вступивший в силу 1 июня 2004 г. Принятие этого закона укрепило фундамент, на котором строится система взаимного инвестирования. Развитие данной системы выразилось в создании новых управляющих компаний и инвестиционных фондов и появлении на рынке новых инвестиционных продуктов. С 1 января 2006 г. вступил в силу пересмотренный Закон о ценных бумагах. Поправки были направлены в основном на защиту прав миноритарных акционеров. С 15 апреля 2007 г. стала действовать новая редакция «Положения об управлении фьючерсными сделками». Готовился еще ряд документов, касающихся контроля над компаниями по торговле ценными бумагами, управления рисками таких компаний, их независимых руководящих органов.

Торговать на фондовой бирже в КНР могут только специальные субъекты — компании по торговле ценными бумагами. К торговле они допускаются после проверки и утверждения Китайской комиссией по регулированию обращения ценных бумаг. Существует два вида таких компаний: «посреднические», которые вправе совершать куплю-продажу только от имени клиентов, и «многопрофильные», которые могут совершать сделки как по поручению клиента, так и от своего имени, а также осуществлять операции по размещению ценных бумаг. Все компании по торговле ценными бумагами в Китае являются брокерскими, поскольку при любом варианте они должны проводить операции, используя средства своих клиентов-инвесторов. Им не разрешено кредитовать клиентов, предоставляя им денежные средства или ценные бумаги.

Согласно обязательствам, взятым на себя Китаем при вступлении в ВТО в 2001 г., иностранные компании допускаются к операциям с ценными бумагами только в составе совместных предприятий, где иностранная собственность не превышает 33 %. Это означает, что иностранные инвесторы остаются в этих компаниях миноритарными акционерами. Соглашение с ВТО ограничивает также размещение такими компаниями акций класса «А», «В» и «Н» и государственных и корпоративных облигаций. Ассоциация операторов ценных бумаг и финансовых рынков (SIFMA), объединяющая более 650 иностранных компаний, добивается снятия этих ограничений.

В Китае официально разрешена только биржевая торговля акциями. Правила осуществления торговых операций с ценными бумагами разрабатываются фондовыми биржами и утверждаются Китайской комиссией по регулированию обращения ценных бу-

маг. Ввиду своей молодости китайский фондовый рынок характеризуется сложным переплетением норм и правил, касающихся различных категорий акций и разных инвесторов.

В КНР сосуществуют две разные группы акций: нерыночные (не обращающиеся, не торгуемые на фондовых биржах) и рыночные, свободно обращающиеся. Нерыночные акции — это акции государства, предприятий и трудовых коллективов.

Рыночные акции в зависимости от валюты номинации и режима обращения делятся три типа. По рыночной капитализации и объемам торгов на внутреннем рынке преобладают акции типа «А», номинируемые в национальной валюте и котируемые на биржах. Эти акции эмитируются предприятиями государственного сектора. Прежде их могли приобретать только граждане КНР. Теперь зарубежные инвесторы имеют к ним доступ в статусе квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (Qualified Foreign Institutional Investors, QFII) и стратегических инвесторов.

Акции категории «В», размещаемые в американских долларах на Шанхайской бирже и в гонконгских долларах на Шэньжэньской бирже, напротив, изначально предназначались для иностранных инвесторов, но в 2001 г. стали доступны отечественным инвесторам, покупающим их за твердую валюту. Фактически подавляющая часть этих акций и ранее принадлежала гражданам КНР, покупавшим их нелегально по зарубежным валютным счетам. Снятие ограничений для отечественных инвесторов позволило легализовать операции и несколько повысить ликвидность этого сегмента рынка, хотя он все еще значительно отстает от рынка акций «А». Вследствие этого стоимость акций категорий «А» и «В», выпущенных одной и той же компанией, может существенно различаться.

До либерализации рынков акций «А» и «В» портфельные иностранные инвестиции направлялись преимущественно в акции категории «Н», котируемые на Гонконгской фондовой бирже и номинировавшиеся в гонконгских долларах. Размещавшие их китайские компании отличались большей прозрачностью финансовой отчетности и относительно устойчивыми показателями деятельности. Акции категории «Н» характеризуются меньшей, по сравнению с другими китайскими акциями, степенью риска, но не дают высокой доходности. Отдельную группу на Гонконгской фондовой бирже составляют так называемые «красные фишки» — акции гонконгских фирм, в которых континенталь-

ные китайские компании напрямую или косвенно владеют не менее чем 35-процентной долей.

Важнейшим шагом в развитии рынка акций за последние предкризисные годы явились предпринятые правительством меры по замене неторгуемых акций государственных компаний, имеющих листинг на китайских биржах, торгуемыми акциями категории «А». До проведения этой реформы $\frac{2}{3}$ общей капитализации рынка приходилось на долю неторгуемых акций, что негативно сказывалось на качестве корпоративного управления и серьезно ограничивало слияния и поглощения. Сделки с неторгуемыми акциями сильно затруднялись правилами, требовавшими одобрения со стороны Государственного комитета по управлению государственным имуществом при Госсовете КНР, который ведал государственными предприятиями, как имеющими, так и не имеющими листинг. Оценивались такие сделки обычно весьма низко: в 2003 и 2004 гг. в среднем втрое ниже стоимости торгуемых акций.

Все эти обстоятельства крайне негативно отражались на функционировании рынка акций. Капитализация Шанхайской биржи, пройдя пик в 2001 г., когда завершилась первая волна IPO, неуклонно снижалась и сократилась более чем вдвое к середине 2005 г. Китайский фондовый рынок стал одним из худших в мире.

Реформа, проводимая под руководством Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг, началась в апреле 2005 г. и продвигалась очень быстро, хотя она основывалась не на административном принуждении, а на соглашениях между государственными компаниями и частными держателями акций. Каждая компания вырабатывала свой план преобразований, который должен был получать одобрение двух третей держателей неторгуемых акций и двух третей держателей торгуемых акций.

Реформа предполагала согласие частных акционеров на конверсию взамен получения дополнительных акций, опций или денежной компенсации от компаний. Компенсация должна покрыть убытки частных акционеров из-за вероятного падения стоимости акций, связанного со значительным увеличением их притока на рынки. В некоторых случаях, когда компании предлагали слишком малую компенсацию, в дело вмешивались представители власти и вынуждали пересматривать проект⁵.

Всего за один год преобразования были проведены в 900 из 1350 компаний, имевших листинг, что составило 70 % капитали-

зации рынка акций. К концу 2007 г. ими были охвачены 98 % компаний. Ожидается, что последние неторгуемые акции станут торгуемыми к 2012 г.

После пяти лет медленного роста и низкой активности в 2006 г. на фондовых рынках Китая произошел перелом. На рынке акций «быки» взяли верх над «медведями». Инвесторы, понесшие за предыдущие годы значительные потери, вернулись на рынок. В 2006 г. было открыто 2,5 млн счетов.

В мае 2006 г. был снят годичный мораторий на первичное размещение акций, введенный с началом реформы во избежание обвала рынка. Это вызвало волну IPO и еще больше способствовало росту рынка акций. Общая сумма первичного размещения акций в начале 2007 г. превысила исторический максимум, достигнув 1,4 трлн юаней, но и этот рекорд был впоследствии многократно перекрыт.

Совокупная рыночная капитализация Шанхайской и Шэньчжэньской бирж к маю 2007 г. достигла 2,3 трлн долл., намного превзойдя показатель Гонконгской биржи (1,7 трлн долл.) и уступая в Азии лишь Японии (4,7 трлн долл.), а в мире также США (16,5 трлн долл.), Англии (4 трлн долл.) и объединенной Европе (около 2,6 трлн долл.).

9 августа 2007 г. капитализация Шанхайской и Шэньчжэньской бирж поднялась до 21 трлн юаней, впервые превысив объем ВВП за предыдущий год. Совокупный индекс повысился до 4658,6 пунктов. 16 октября 2007 г. он достиг исторического максимума в 6124 пункта. Число счетов, открытых на биржах, превысило 100 млн, увеличившись на 60 % по сравнению с предыдущим годом. Среднесуточный объем торгов на Шанхайской и Шэньчжэньской биржах составил 202,7 млрд юаней. С марта 2007 г. стал сокращаться приток средств на депозитные вклады населения, которые начали частично перемещаться на фондовый рынок.

Преобразование неторгуемых акций в торгуемые способствовало не только количественному росту рынка акций, но и его качественному совершенствованию. До реформы интересы владельцев неторгуемых и торгуемых акций расходились: первые были заинтересованы в наращивании чистых активов, а вторые — в повышении стоимости акций. При этом последние могли выступать лишь в роли миноритарных акционеров и не имели возможность влиять на качество менеджмента, поскольку он определялся большинством акционеров, владевшим неторгуемыми

ми акциями. Это стимулировало расцвет спекулятивной активности на китайских биржах. С отказом от неторгуемых акций стал действовать рыночный механизм ценообразования, направляющий потоки инвестиций в наиболее прибыльные компании и вынуждающий менее успешные компании покидать рынок.

Реорганизация системы разделения акций на торгуемые и неторгуемые повышает эффективность размещения ресурсов. Улучшается корпоративное управление листинговых компаний. Уменьшается концентрация акций в руках крупных акционеров. Компании становятся более подверженными давлению со стороны конкурентов. Компании с плохими результатами деятельности и с соответственно дешевающими акциями могут быть проданы, а действующая команда менеджеров — уволена. Во избежание этого менеджеры стараются улучшить показатели деятельности.

Одновременно государственные предприятия получили возможность стимулировать деятельность менеджеров, предлагая им акции по системе МВО⁶. Мажоритарные акционеры теперь так же, как и миноритарные, заинтересованы в повышении стоимости акций, а соответственно — и в улучшении менеджмента.

Новая редакция Закона о ценных бумагах облегчила доступ на биржу для компаний с относительно небольшим капиталом, но одновременно ужесточила требования к прибыльности и прозрачности компаний. В сентябре 2005 г. был создан Китайский фонд по защите инвесторов в ценные бумаги для мониторинга рисков и ликвидации фирм, идущих к банкротству.

Улучшению ситуации на рынке акций способствовали институциональные нововведения и повышение стоимости юаня. В первой половине 2006 г. вслед за стремительным ростом цен на мировых рынках энергии и сырья в несколько раз повысилась стоимость акций типа «А» по группам цветных металлов и новых источников энергии. Большой интерес инвесторов привлекали также акции предприятий оборонной промышленности. Важным стимулирующим фактором стал выход на рынок китайских банков с параллельным выпуском акций серий «Н» и «А». Крупнейшее в истории первичное размещение акций Промышленно-торгового банка Китая ознаменовало качественный скачок в развитии рынка акций типа «А». На этот рынок стали быстро переходить с рынка акций типа «Н» другие крупные эмитенты: Банк Китая, Гуанчжоу-Шэньчжэньская железная дорога, Китайская страховая компания «Чжунго жэньшоу». Появление «голубых фишек» принципиально меняет философию и психо-

логию рынка: на смену спекуляции приходит долгосрочное инвестирование.

Намного возросли масштабы деятельности инвестиционных фондов. К концу сентября 2007 г. число индивидуальных счетов превысило 90 млн, увеличившись в 3,8 раза по сравнению с началом года, а совокупные активы под управлением фондов возросли до 2 трлн юаней, в 2,6 раза по сравнению с началом года. Новые, более крупные инвестиционные фонды стали главной движущей силой на рынке акций типа «А». В руках ПИФов, компаний ценных бумаг и страховых институтов находится сегодня 40 % капитализации всего рынка акций в стране.

Происходит быстрая дифференциация инвестиционных фондов. Больше всего инвесторов привлекают фонды акций, в меньшей степени — другие виды фондов. Многие закрытые фонды преобразуются в открытые.

Разрабатываются правила, которые позволят ПИФам открывать для самых богатых клиентов и институциональных инвесторов сегрегированные счета по типу хеджированных фондов. Тем самым ПИФы получают возможность конкурировать с западными банками и частными инвестиционными фондами. Последние представляют собой китайский вариант хеджированных фондов. Они оперируют в «серой зоне», имея, по оценке, под управлением 600 млрд юаней. Считается, что сегрегированные счета, более прибыльные, чем счета в обычных ПИФах, в конечном счете могут сосредоточить до половины активов китайских фондов, поскольку численность богатых китайцев стремительно растет. Новые правила, как полагают, позволят взаимным фондам инвестировать средства своих клиентов в финансовые деривативы. Они также смогут получать квоты по системе квалифицированных отечественных институциональных инвесторов (QDII) на продажу зарубежных ценных бумаг отечественным клиентам.

Растет число слияний и поглощений, способствующих значительному повышению конкурентоспособности крупнейших китайских компаний на мировом и отечественном рынках. 1 сентября 2006 г. вступили в силу «Меры по администрированию поглощений компаний, имеющих листинг», а 8 сентября 2006 г. — «Правила слияний и поглощений отечественных предприятий иностранными инвесторами».

Но одновременно возрастает и хрупкость фондового рынка, его подверженность внешним и внутренним угрозам и рискам, опасность возникновения «пузырей» и обвалов, связанных с ко-

лебаниями внутренней и мировой конъюнктуры. В свою очередь, и китайский фондовый рынок, тесно связанный с мировыми рынками, начинает оказывать на них возрастающее влияние. 27 февраля 2007 г. китайский рынок акций упал почти на 9 %. Несколько часов спустя резко и быстро обвалились другие глобальные рынки. Демонстрация их тесной взаимозависимости была столь же очевидной, сколь и беспрецедентной.

Существуют также определенная взаимосвязь и взаимодополняемость между Гонконгской и континентальными фондовыми биржами. Гонконгская биржа выделяется конкурентоспособной в мировом масштабе институциональной средой, которая берет свое начало от британской правовой системы и включает в себя высокие стандарты защиты инвестора и финансовой отчетности. Поэтому по объему IPO Гонконгская биржа в 2006 г. в четыре раза превзошла Шанхайскую. На Шанхайской и Шэньчжэньской биржах листинг имеют только китайские компании, а на Гонконгской — как китайские, так и иностранные. По числу листинговых компаний Гонконгская биржа в несколько раз уступает Шанхайской и Шэньчжэньской. Однако на нее приходится 30 % общего оборота. Гонконгская биржа более специализирована, чем континентальные. Здесь относительно доминируют акции компаний, связанных с финансами, телекоммуникациями, новыми технологиями. На них приходится 40 % капитализации рынка. Шанхайская биржа более ориентирована на тяжелую промышленность, а Шэньчжэньская — на товары широкого потребления⁷.

В полной мере потенциал развития китайского рынка акций — позитивный и негативный — скажется, скорее всего, в не близкой перспективе. Нынешние ограниченные масштабы рынка акций не позволяют судить о том, насколько он сможет справиться с грядущими рисками, когда капитализация намного превзойдет объем ВВП. Дальнейшая его судьба и роль в экономике и обществе будут зависеть как от его величины, так и, в еще большей мере, от успеха или неуспеха последующих реформ. Нынешней успешной реформе по превращению неторгуемых акций в торгуемые предшествовал до 2005 г. целый ряд неудачных попыток.

Регулирование рынка облигаций. Объем непогашенных бондов на середину 2006 г. составлял 45,6 % ВВП, т. е. был в относительном выражении существенно меньше, чем в Малайзии (93,3 %), Ю. Корее (89,9 %), Сингапуре (73,8 %). В абсолютном

выражении он в 9 раз меньше, чем в Японии. Однако по темпам роста бондового рынка Китай значительно превосходил названные страны⁸. В конце 2007 г. суммарная капитализация рынка облигаций в КНР поднялась до 8,72 трлн юаней, что все еще составляет относительно скромную величину. Но еще важнее то, что в ней очень мала доля корпоративных облигаций.

Основными эмитентами долговых обязательств в КНР выступают государство и его институты: прежде всего — Министерство финансов и Центральный банк, три так называемых «политических» (целевых) банка, государственные коммерческие банки, компании ценных бумаг, страховые компании и значительно реже — корпорации⁹ (рис. 43).

Рис. 43. Источник: Чжунго чжайцзоань синьси ван. 2007, октябрь.

Общий объем выпущенных в 2006 г. (до ноября) облигаций составил 5221 млрд юаней, на 24 % больше, чем в 2005 г. Основными каналами их распространения были: межбанковский рынок (4,9 трлн юаней), «рынок через прилавки» (42,6 млрд юаней) и биржевой рынок (72,4 млрд юаней) (рис. 44).

Андеррайтерами правительственных бондов выступают, главным образом, четыре государственных банка, а прочие коммерческие банки и компании ценных бумаг формируют синдикаты для подписки на финансовые и корпоративные бонды. Государственные коммерческие банки и кредитные кооперативы держат 75 % непогашенных бондов вплоть до их погашения. Так же действуют и прочие финансовые институты (рис. 45). Поэтому

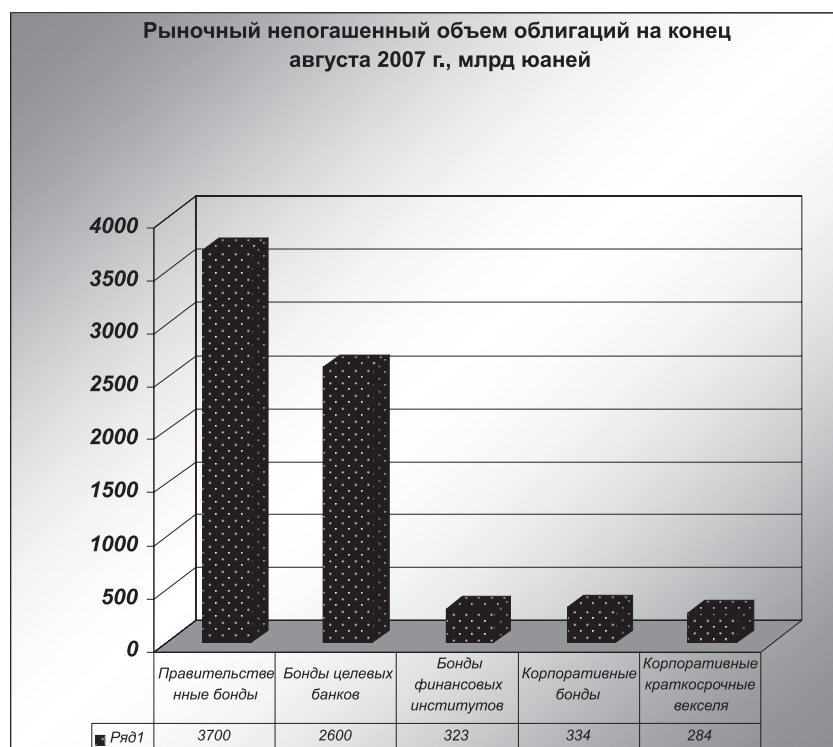

Рис. 44. Источник: CITICS, Wind System.

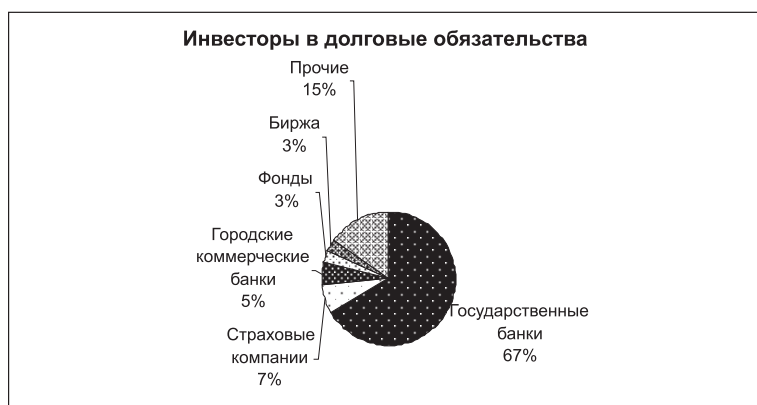

Рис. 45. Источник: Чжунго чжайцюань синьси ван. 2007. октябрь.

на вторичном рынке торгуются всего 5 % непогашенных облигаций. Отсюда вытекает его низкая ликвидность.

С конца 2002 г. Китай посредством системы квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (QFII) ослабил ограничения на вложения иностранных инвесторов в казначейские бонды. В конце 2004 г. Международной финансовой корпорации, Азиатскому банку развития и Японскому банку международной кооперации (JBIC) был разрешен выпуск бондов, номинированных в юанях. В 2005 г. на межбанковский бондовый рынок был впервые допущен иностранный институциональный инвестор — Паназиатский индексный фонд бондов (PAIF). Сегодня на китайском рынке облигаций действуют такие финансовые гиганты, как New York Life Insurance, American International Group, Citigroup.

Вторичный рынок бондов состоит из трех неравных сегментов: межбанковского, биржевого и «через прилавок». 95 % торговли приходится на первый из них. Здесь совершаются транзакции и перепродажи бондов между коммерческими банками, сельскими кредитными кооперативами, компаниями ценных бумаг, страховыми компаниями и другими финансовыми институтами.

Выпуск и транзакции казначейских бондов, бумаг Центрального банка и различных нот в соответствии с Законом о ценных бумагах находятся в ведении Министерства финансов, Народного банка Китая и Государственного комитета КНР по развитию и реформам. Министерство финансов и Народный банк Китая определяют основные установки по квотам на выпуск бондов, а Комиссия по регулированию банков осуществляет наблюдение за вторичным рынком

Казначейские бонды выпускаются для бюджетных нужд центрального правительства. Основные правила их регулирования определяются Законом о бюджете КНР и Законом о казначейских бондах КНР. В 2001 г. были впервые выпущены сверхдолгосрочные казначейские бонды со сроком погашения 15 и 20 лет. В 2002 г. впервые осуществлен выпуск казначейских бондов с 30-летним сроком погашения. В последние годы выпуск казначейских бондов ограничен в связи с укреплением налоговой базы (в 2006 г. налоговые доходы выросли на 20 %). В 2005—2006 гг. новые выпуски составляли 600—700 млрд юаней в год. Еще одной причиной умеренного выпуска казначейских бондов служит увеличивающееся использование государственными и целевыми банками *целевых финансовых бондов*.

В последнее годы Народный банк Китая увеличил выпуск *кредитных нот* с тем, чтобы вести операции на открытом рынке и «стерилизовать» большой приток капитала. В 2006 г. было выпущено 3,03 трлн юаневых нот, преимущественно с годовичным сроком погашения,

Местным и муниципальным властям до глобального финансового кризиса не разрешено было выпускать свои облигации, несмотря на то, что дефицит их бюджета представляет серьезную проблему. Однако некоторые местные правительства при помощи международных финансовых институтов начали экспериментальный выпуск муниципальных бондов. Этот опыт может оказаться очень полезным в свете задач урбанизации страны.

После неудачного опыта с выпуском облигаций государственными предприятиями местного подчинения в начале 1990-х годов центральное правительство проявляет крайнюю осторожность относительно развития рынка *корпоративных облигаций*. Всего в 2006 г. было выпущено корпоративных облигаций на сумму 101,5 млрд юаней. На каждый выпуск нужно получать разрешение Государственного комитета КНР по развитию и реформам. На рынок корпоративных облигаций допускаются лишь компании с наивысшим кредитным рейтингом, как правило, не ниже AAA. Вдобавок к ограничениям на первичном рынке легальность различных вторичных рынков корпоративных облигаций также остается сомнительной. В строгом смысле слова такие облигации могут торговаться только на двух биржах ценных бумаг, но там такая торговля крайне ограничена. В результате только половина корпоративных облигаций выпущена компаниями, имеющими листинг, и еще меньше доступны для торговли на биржах. Нынешний потолок процентной ставки (максимально на 40 % выше преобладающей ставки по займам у банков) и очень высокие требования к кредитному рейтингу предельно ограничивают рынок корпоративных бондов. Плюс к этому установлен 20 %-ный налог на доход по корпоративным бондам, от которого освобождены казначейские и финансовые бонды, что еще более сужает рынок корпоративных бондов.

В августе 2007 г. Комиссией по контролю над ценными бумагами были приняты «Экспериментальные правила выпуска корпоративных облигаций», которые помогут определить перспективы развития этого сегмента фондового рынка. С этой же целью наблюдение за выпуском корпоративных бондов компаниями, имеющими листинг, передано указанной комиссии, ко-

торая осуществляет наблюдение и за рынком акций. Главным двигателем спроса на корпоративные бонды может стать развитие страховых компаний, пенсионных и инвестиционных фондов. Государственному фонду социального страхования разрешено размещать в корпоративных бондах до 10 % своих активов, но фактически он и эту возможность не использует.

В мае 2005 г. были приняты Административные правила по **краткосрочным финансовым векселям**. Согласно правилам, таковыми считаются обязательства, выпускаемые нефинансовыми институтами на межбанковском бондовом рынке, который регулируется и поддерживается Народным Банком Китая. Доступ к ним имеют, таким образом, только институциональные инвесторы, но не массовый инвестор. Срок погашения составляет 91 день. В отличие от корпоративных облигаций, имеющих банковские гарантии, рыночная стоимость этих векселей зависит от кредитного рейтинга компаний. К выпуску допускаются только компании с очень высокими кредитными рейтингами. Они должны быть прибыльными за последний фискальный год и иметь солидную кредитную историю за последние три года. Каждому выпуску присваивается рейтинг, по меньшей мере, двумя официальными рейтинговыми агентствами из пяти, существующих в стране и имеющих связь с крупными международными агентствами. От краткосрочных банковских кредитов краткосрочные финансовые векселя отличаются более высокой транспарентностью информации и более строгими требованиями к ее раскрытию. Тем не менее, связанные с ними риски достаточно велики. В 2006 г. 243 компании выпустили краткосрочные финансовые векселя на сумму 292 млрд юаней.

Целевые («политические») **бонды** выпускаются китайскими целевыми банками (Банк развития, Экспортно-импортный банк, Банк развития сельского хозяйства) и часто представляют субординированный долг. За первые десять месяцев 2006 г. такие бонды были выпущены на сумму 584 млрд юаней. **Финансовые бонды** выпускают другие финансовые институты, такие как коммерческие банки, коммерческие страховые компании, городские коммерческие банки, сельские кредитные кооперативы, почта. Выпуск целевых и финансовых бондов санкционируют Госсовет КНР и Народный банк Китая. В апреле 2005 г. Народный банк Китая принял «Меры по управлению выпуском финансовых бондов на государственном межбанковском бондовом рынке» с целью стандартизировать и повысить справедливость и эффек-

тивность рыночного регулирования. Эти меры могут способствовать пополнению числа эмитентов целевых и финансовых бондов, что усилит конкуренцию на рынке и привлечет новых инвесторов. В январе 2007 г. Госсовет КНР одобрил новый курс, который позволяет китайским целевым и коммерческим банкам с высоким кредитным рейтингом с разрешения соответствующих властей выпускать номинированные в юанях бонды в Гонконге.

В целом, хотя Народный банк в течение ряда лет расширял круг участников межбанковского рынка бондов, тем не менее, большинство их составляют банки и страховые компании. Число ПИФов остается небольшим. Рынок страдает от недостатка ликвидности, нетранспарентного ценообразования, ненадежного рейтинга эмитентов и высоких налогов. В сентябре 2007 г. в Пекине была основана Национальная ассоциация институциональных инвесторов финансового рынка с целью развития межбанковского рынка, поощрения инноваций и укрепления саморегулирования рынка.

Характер и правовые условия взаимодействия фондового рынка с другими сегментами экономики. В последние докризисные годы рынок акций в Китае становился все более важным каналом привлечения инвестиций в государственный сектор экономики. В 2004 г. акционирование крупных государственных предприятий охватило 66,9 % их чистых активов. Целиком государственными остаются лишь немногие предприятия, имеющие наибольшее значение для национальной безопасности и жизнеобеспечения. Остальные предприятия делятся на три группы: в первой группе государственная собственность преобладает абсолютно, во второй — относительно, а в третьей — сохраняется участие государства без обладания контрольным пакетом акций. Для предприятий этих трех типов установлены свои правила выхода на фондовые рынки, образования совместных с национальным и иностранным капиталом компаний, сделок по обмену прав собственности, слияний и поглощений. Значительная часть акций стала котироваться на бирже — как в Китае, так и за рубежом.

Примерно 20 % неторгуемых акций сосредоточено в отраслях, которые правительство считает стратегическими и потому жестко ограничивает сторонние инвестиции в них. Несколько более 55 % таких акций принадлежат стратегическим инвесторам, преследующим в компаниях долгосрочные интересы, таким,

например, как местные органы власти, для которых компании служат главным источником местной занятости. Остальные 25 % преимущественно находятся в руках инвесторов, финансируемых государством, в том числе $\frac{3}{4}$ акций (по стоимости) — в секторах, открытых для иностранных инвесторов. С разворачиванием реформы неторгуемых акций эти финансовые инвесторы впервые получили возможность реструктурировать свои непрофильные активы, что и породило волну слияний и поглощений (рис. 46).

Рис. 46. Источник: Finial China Information & Technology. McKinsey analyses.

В наибольшем выигрыше оказываются некоторые самые агрессивные китайские компании, нацеленные на консолидацию активов в своих отраслях. Руководители многих государственных предприятий стремятся вытеснить пассивных, нестратегических инвесторов и привлечь стратегических инвесторов, нередко — иностранных с тем, чтобы получить новые рынки или технологии.

В докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2006 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао призвал ускорить акционирование крупных государственных пред-

приятий, прежде всего в монополизированных отраслях, с привлечением государственного, коллективного и частного — отечественного и иностранного капитала. Он предложил также уменьшить долю государства в уже акционированных предприятиях, где она излишне велика и мешает плюрализации инвестиций, формированию нормальных структур корпоративного управления, коренному преобразованию механизма хозяйствования. Все вновь строящиеся предприятия должны быть акционерными с участием не только государственного, но и негосударственного капитала.

Новые фонды для инвестиций в рынок акций будут созданы в связи с предполагаемым реформированием пенсионной системы и социального обеспечения. Эти фонды сосредоточат $\frac{2}{3}$ стоимости всех неторгуемых акций, или $\frac{3}{4}$, если исключить сегменты с ограничениями на инвестиции.

Развитие и укрепление рынка акций, что не в последнюю очередь связано с профессионализацией и, соответственно, с совершенствованием управления инвестициями, будут все более повышать доверие к этому рынку со стороны формирующегося китайского среднего класса. Сюда может переместиться значительная часть нынешних низкодходных банковских депозитов, на долю которых пока приходится почти $\frac{3}{4}$ всех финансовых активов в стране. Начиная с 1990-х годов и вплоть до 2005 г. вклады в банках увеличивались быстрее, чем рос ВВП, подчас более чем вдвое. Вполне возможно, что в недалеком будущем фондовый рынок (наряду с рынком недвижимости) станет важным источником имущественных доходов населения, о необходимости повышения роли которых говорилось на XVII съезде КПК.

С течением времени здоровый и высоколиквидный рынок акций может оказывать возрастающее влияние на банковскую систему, играющую в настоящее время главную роль в распределении капитала, способствуя ее совершенствованию и повышению конкурентоспособности. Одновременно будет уменьшена зависимость китайской экономики от этой системы, сокращены риски, связанные с плохими долгами, как для компаний, так и для самих банков.

Регулирование иностранного капитала на фондовом рынке. За последние годы китайское правительство последовательно сокращало ограничения прав иностранных инвесторов¹⁰. Введение системы «квалифицированных иностранных институциональных инвесторов» (QFII) в 2002 г. легитимизировало допуск крупных

иностранных инвесторов на фондовый рынок. К претендентам на такой статус предъявляются высокие требования: по продолжительности деятельности в своей сфере бизнеса (5 лет для управляющих компаний, 30 лет для компаний по ценным бумагам), по сумме активов в управлении (не менее 10 млрд долл.), по оплаченному уставному капиталу (не менее 1 млрд долл.), а также по квалификации персонала, наличию хорошо отлаженной системе контроля, деловой репутации в своей стране и т. п. Коммерческие банки должны входить в список 100 крупнейших банков мира по объему активов за последний финансовый год¹¹. Статус QFII открыл иностранным финансовым компаниям доступ к казначейским ценным бумагам, к конвертируемым и корпоративным облигациям, к неторгуемым акциям компаний, имеющих листинг. Иностранный инвестор должен открывать в китайских банках специальный счет в юанях, который используется как депозитарий активов фонда. Акции приобретаются через китайские брокерские компании. Установлены квоты на приобретение иностранным инвестором акций у одного китайского эмитента (не более 10 %) и на долю всех иностранных инвесторов в общем количестве акций одного китайского эмитента (не более 20 %).

В августе 2006 г. правила получения статуса QFII были смягчены. Срок, в течение которого инвестор с этим статусом не мог репатриировать капитал, был сокращен с одного года до трех месяцев для пенсионных фондов, страховщиков и долгосрочных паевых фондов. К концу 2006 г. под управлением инвесторов со статусом QFII находились фонды общей стоимостью 3,77 млрд долл.

Менее крупные иностранные инвесторы, не имеющие статуса QFII, могли приобретать неторгуемые акции имеющих листинг государственных компаний в процессе их акционирования. Правила слияний и поглощений с использованием такого метода последовательно вводились в период 2002—2004 гг. Реформа по замене неторгуемых акций акциями торгуемыми лишила некрупных инвесторов такой возможности. Однако введенные в начале 2006 г. «Административные правила, регулирующие управление стратегическими инвестициями иностранных инвесторов в имеющие листинг компании» позволили им в качестве стратегических инвесторов приобретать акции типа «А», даже если они не обладают статусом QFII. Иначе говоря, для них сохраняется такой же доступ к китайским компаниям, каким они располагали прежде.

Многие иностранные инвесторы предпочитают вкладывать средства в компании, имеющие юридический адрес в континентальном Китае, а листинг — в Гонконге. В их числе — хеджинговые компании, для которых во внутреннем Китае нет ни местных инструментов, ни прямого доступа к рынку, ни систем алгоритмической торговли. В КНР пока не выработаны специальные правила, регулирующие деятельность хеджинговых фондов. Собственно китайские брокерские фирмы намного уступают своим зарубежным коллегам, прежде всего, по инструментам, которые они предлагают институциональным инвесторам. Иностранные хеджинговые фонды, однако, привлекает быстро растущий китайский рынок, несмотря на его низкую транспарентность и ограниченные возможности для торговли. Предполагается, что к 2010 г. в Гонконге будет сконцентрировано до 45 % всех хеджинговых активов Азии.

3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) предписал начать акционирование государственных коммерческих банков. Три из них — Строительный банк Китая, Банк Китая и Промышленно-торговый банк Китая привлекли в роли стратегических инвесторов зарубежные финансовые организации, включая Bank of America, Royal Bank of Scotland, Goldman Sachs, государственную инвестиционную компанию из Сингапура Temasek. Из отечественных организаций в акционировании четырех государственных банков был допущен только Фонд социального страхования.

В связи с истечением пятилетнего переходного периода членства Китая в ВТО иностранные финансовые организации уравниваются в правах с китайскими. Им разрешены розничные операции в национальной валюте, открыт в основном рынок страховых услуг, одновременно устранены ограничения на инвестиции в торговлю. Это положило начало их полномасштабной конкуренции с китайскими финансовыми организациями, в особенности в наиболее развитых восточных районах страны, и прежде всего за привлечение наиболее выгодных и перспективных корпоративных клиентов.

В этой ситуации в Китае возникло беспокойство по поводу возможного захвата транснациональными корпорациями ведущих национальных предприятий. Это беспокойство отразилось как в газетных публикациях, так и в выступлениях некоторых представителей национального капитала. В ответ на них правительство в сентябре 2006 г. ввело в действие исправленный вари-

ант «Временного положения о слиянии и поглощении иностранными инвесторами предприятий во внутренних пределах». Этот документ подтверждал, что иностранные инвесторы имеют право на слияние и поглощение отечественных предприятий в государственных границах путем приобретения акций. Вместе с тем декларировалась решимость государства защищать свою экономическую безопасность. Право утверждать или отклонять сделки по слиянию и поглощению передавалось с регионального уровня на уровень Министерства коммерции КНР. Ему вменялось в обязанность (до появления в будущем высшего антимонопольного органа) следить за тем, чтобы сделки не приводили к монополизации рынка. Еще один документ — «Программа использования иностранного капитала в 11-й пятилетке» также предусматривает усиление государственного контроля за слиянием и поглощением иностранными инвесторами ключевых предприятий в чувствительных для национальной безопасности отраслях. Одновременно были приняты некоторые дополнительные меры с целью сдерживать приток капитала «ложных иностранных инвесторов». От иностранных инвесторов, в частности, потребовали заверять свое происхождение в китайских консульствах за рубежом.

Китайский фондовый рынок имеет огромный потенциал развития. Этот потенциал определяется, в первую очередь, перспективами роста экономики и реформирования социальной сферы. Выполнение задач, определенных на период до 2020 г., включая и 11-ю пятилетку (2006—2010 гг.), требует огромных вложений в инфраструктуру, научно-технический прогресс, социальное обеспечение, пенсионную систему, образование. Мобилизовать эти средства без многократного повышения роли фондового рынка невозможно. С другой стороны, поступательное изменение социальной структуры в связи с ориентацией на урбанизацию, на построение общества «среднего достатка», на вхождение Китая в число среднеразвитых стран, на сокращение бедных слоев, на формирование мощного среднего класса, на рост семейных доходов создает колоссального массового инвестора — мощную движущую силу развития фондового рынка.

Под влиянием глобального финансового кризиса биржевой индекс упал с исторического максимума 6124 пункта в октябре 2007 г. до 1664 пунктов год спустя. Затем рынок акций стал постепенно расти, особенно с начала 2009 г. На изменение тенденции повлиял ряд факторов¹². Во-первых, непосредственное вме-

шательство властей в функционирование рынка. Стимулировалось сохранение и приобретение акций крупными инвесторами листинговых компаний, особенно контролируемых государством. Государственная инвестиционная холдинговая компания прямо покупала акции трех основных банков. Во-вторых, правительственная антикризисная программа, направленная на поддержание экономического роста, особенно выделение 4 трлн юаней на инвестиционные проекты и меры по развитию 10 приоритетных отраслей, а также денежно-кредитная политика, включающая снижение процентной ставки и норм обязательного резервирования и увеличение кредитов. В-третьих, наличие достаточных ресурсов, позволивших значительно увеличить объем кредитования реального сектора экономики. За 14 месяцев после января 2008 г. новые накопительные счета населения составили около 5 трлн юаней. В-четвертых, высокий потенциал повышения стоимости акций после резкого падения их стоимости.

Один из ведущих китайских экономистов Чэн Сывэй полагает, что со второй половины 2009 г. в Китае начнется поворот к лучшему, что в 2010 г. этот поворот продолжится и что эта тенденция на рынке акций утвердится примерно на полгода раньше, чем в реальном секторе¹³. Иными словами, он предрекает наступление «бычьего» тренда начиная со второй половины 2010 г.

Примечания

¹ Чжунго чжэнцзюань цихо тунцзи няньцзянь [Статистический ежегодник по ценным бумагам и фьючерсам Китая]. Пекин, 2008.

² The Financial Times. 2007. October 5. Цит. по: Дагун бао. 2007. 7 октября.

³ Лэнцзин каньдай Чжунго нэйди гупяо шичан. [Хладнокровно воспринимать внутренний рынок акций в Китае]. <http://gb.cri.cn/1321/2007/09/11/542@1757506.htm>

⁴ Данцянь цзинцзи синши шупин: вого ды чжэньцзюань шичан цзянькан вэндин фачжань. [Характеристика современной экономической ситуации: здоровое и стабильное развитие китайского фондового рынка] http://www.gov.cn/jrzg/2007-08/11content_713179.htm

⁵ Ahn J., Cogman D. A quiet revolution in China's capital markets. http://www.mckinseyquarterly.com/article_page.aspx?ar=2016&12=5&13=5&srid=290&gp=1

⁶ МВО (*Management Buy Out*) — выкуп доли компании собственным менеджментом. Часто применяется в тех случаях, когда компания испытывает затруднения, а владельцы отказываются ее финансировать.

⁷ Karreman B., Knaap van der B. The financial centres of Shanghai and Hong Kong: competition or complementary? ERIM report series research in management. ERS-2007-062-ORG. Sept. 2007. 28 P.

⁸ Aglietta M. Developing the bond market in China: the next step forward in financial reform. For the international conference «Opening and innovation on financial emerging markets». 2007. March 27—28, Beijing, China.

⁹ Direction and future of China's bond market. CITIC securities corporation Ltd. November 2007. For: Investing in Asia bonds conference 2007.

¹⁰ China's capital markets at the birth of a new era. An interview with Winston W. Ma of J.P. Morgan investment banking division. Business Law Journal. University of California, Davis, School of Law. 2006. May 01. <http://blj.ucdavis.edu/article.asp?id=609>

¹¹ Правовые основы регулирования слияния, поглощения и приобретения предприятий в КНР иностранными инвесторами. http://www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/rcc/info/Article.jsp?a_no=30125&col_no=316

¹² Лю Хуансун. Гуши хаочжуань ши цзинци фусу ды синьхао ма? [Служит ли поворот к лучшему рынка акций сигналом возрождения экономики?] // Цзефан жибао. 2009. 20 апреля.

¹³ Чэн Сывэй. Хоу вэйцзи шидай ды Чжунго цзыбэнь шичан фачжань [Развитие китайского фондового рынка в посткризисную эпоху]. http://blog.sina.com.cn/s/blog_50cba6dd0100cz4y.html

4.5. Ресурсные, экологические и демографические ограничители роста

4.5.1. Дефицит природных ресурсов

По обеспеченности большинством природных ресурсов в расчете на душу населения Китай существенно отстает от среднемировых показателей (рис. 47). 22 апреля 2009 г., отмечая в сороковой раз Международный день Земли, Министерство национальных ресурсов КНР выпустило обращение, в котором Китай был назван «сравнительно бедной ресурсами страной». Обеспеченность пахотными угодьями в Китае составляет менее 50 % среднемирового уровня, лесами — менее 14 %, минеральными ресурсами — 58 %¹.

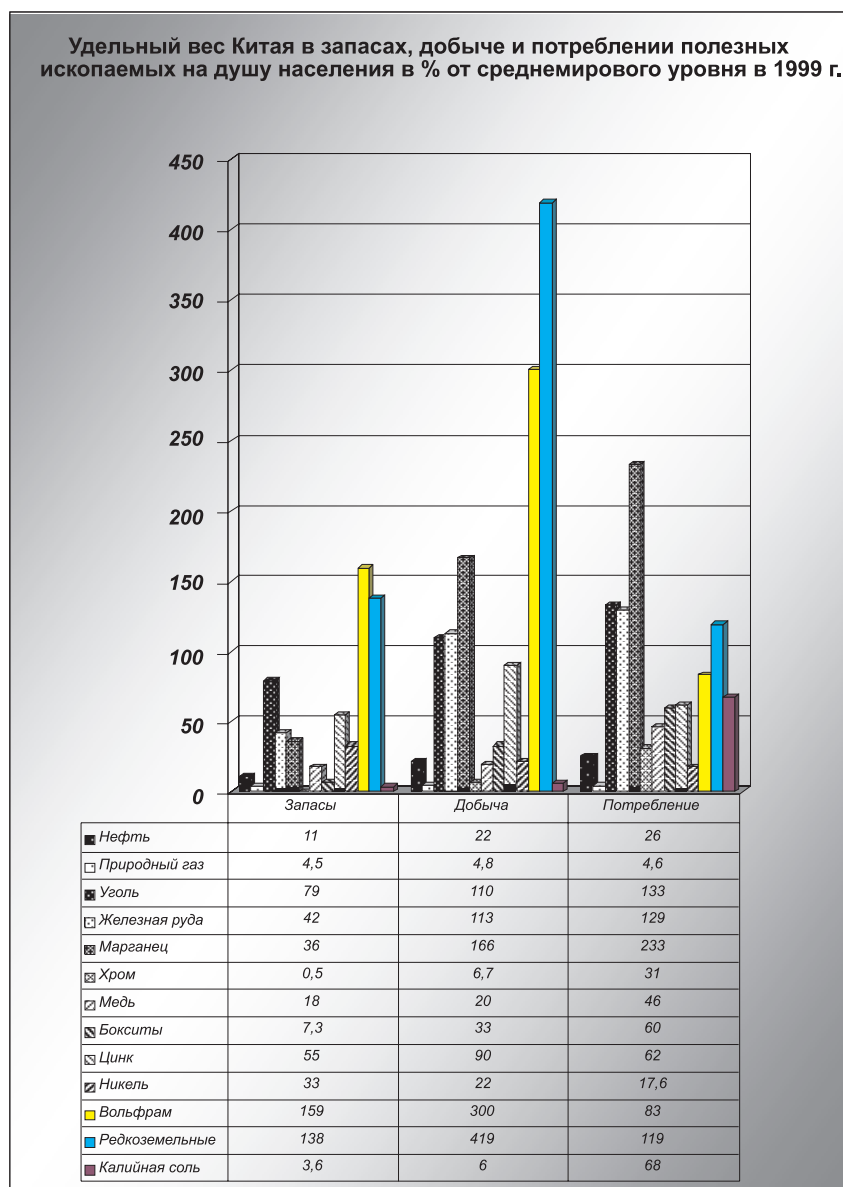

Рис. 47. Источник: Ван Аньцзянь, Ван Гаошан дэн. Куанчан цзыюань юй гоцзя цзинци фачжань [Минеральные ресурсы и экономическое развитие страны]. Пекин, 2002. С. 268.

Китай испытывает недостаток многих видов *полезных ископаемых*, а примерно половина из них близки к исчерпанию. На его долю приходится 1,8 % мировых запасов нефти, 0,7 % природного газа, менее 9 % железной руды, менее 5 % медной руды, менее 2 % алюминиевых руд. В немалой степени это связано с относительно слабой геологической исследованностью территории. Дополнительные ресурсы может дать и более интенсивная разведка уже разрабатываемых месторождений.

Китай беден углеводородными энергоносителями. В расчете на душу населения обеспеченность извлекаемыми запасами нефти составляла на 2000 г. 2,6 т, природного газа — 1074 куб. м, угля — 90 т, что соответствовало 11,1, 4,3 и 55,4 % среднемирового уровня².

Нехватка энергетических ресурсов делает настоятельно необходимым переход от расточительного использования энергоносителей к их экономии. В 2001 г. затраты конечных пользователей энергии в Китае составили 13 % ВВП, тогда как в США этот показатель — 7 %³. Оценки энергозатрат на единицу ВВП при расчете по текущему обменному курсу валют в Китае в 2000 г. были выше, чем в Японии, в 7,7 раза и выше среднемирового уровня в 3,4 раза.

Вместе с тем по некоторым видам полезных ископаемых КНР занимает ведущие места в мире. Здесь сосредоточено 80 % мировых запасов редкоземельных металлов, 51,8 % запасов сурьмы, 46,8 % вольфрама, значительное количество другого минерального сырья. В последние годы поиск ископаемых ресурсов усиливается. Китай стал полностью удовлетворять свои потребности в цинке и свинце, тогда как еще в 2006 г. приходилось ввозить 30 % этого сырья. Снижается зависимость страны от импорта железной руды: с 56,7 % в 2005 г. до 51,7 % в 2007 г. Несколько уменьшилась также потребность в импорте калийных солей: с 90 % в 2001 г. до менее 70 % в 2007 г.⁴

Относительно низкая обеспеченность природными ресурсами усугубляется расточительностью действующей модели экономического роста. При том, что Китай производит пока лишь 4 % мирового ВВП, на его долю приходится 7,4 % мирового потребления нефти, 31 % угля, 30 % железной руды, 37 % стального проката, 25 % алюминиевого сырья и 40 % цемента⁵.

В тех регионах страны, где сравнительно ранняя индустриализация базировалась на интенсивном использовании местных природных ресурсов, прежде всего полезных ископаемых, по

мере их истощения стали серьезно обостряться экономические и социальные проблемы. Это, прежде всего, касается Северо-Восточного Китая. В трудном положении находится город Аньшань, в прошлом одна из главных баз угледобывающей промышленности КНР. Истощение угольных ресурсов привело к закрытию большинства шахт. В сходной ситуации находятся другие базы горнодобывающей промышленности провинций Ляонин и Цзилинь, такие, как Аньшань, Бэньси, Фушунь, Бэйпiao, Ляоюань. Перед угрозой закрытия оказались крупные угольные базы провинции Хэйлунцзян: Хэган, Цзиси, Шуанъяшань, Цитайхэ.

Там, где разработка энергетических и сырьевых ресурсов еще продолжается, ее себестоимость возросла, что ставит и эти разработки на грань экономической эффективности. Это касается, например, крупнейших в стране нефтепромыслов Дацин, где за предыдущие десятилетия добыто более $\frac{2}{3}$ извлекаемых ресурсов нефти.

Северо-Восток страны стоит фактически перед сложнейшей задачей полной перестройки своей промышленной структуры, что потребует не только очень больших инвестиционных затрат, но и массового перепрофилирования рабочей силы. Последнее относительно легче осуществить в крупных городах региона, таких, как Далянь, Шэньян, Харбин, Чанчунь, где, по крайней мере, часть индустриальных рабочих может найти занятость в сфере услуг. Но в меньших по масштабу городах эта задача значительно сложнее.

Экстенсивный рост требует все больших расходов энергии, сырья и материалов на единицу продукции. За полстолетия ВВП в стране увеличился более чем в 10 раз, а расход минеральных ресурсов — более чем в 40 раз. За годы реформ потребление энергоносителей возросло в 3,6 раза, в том числе угля — в 3,4, нефти — в 3,7, природного газа — в 3,2 раза (рис. 48). За 1980—2000 гг. потребление стали увеличилось в 4,6 раз, меди — в 4,1 раз, алюминия — в 8,3 раза. На единицу ВВП в Китае затрачивается цветных металлов в 8,1 раза больше, чем в Японии, в 6,7 раза больше, чем в США и в 3,8 раза больше, чем в Индии⁶.

Приведенная диаграмма демонстрирует меняющееся соотношение роста ВВП и потребления энергии за три десятилетия реализации реформистского курса. Если исключить странную ситуацию во второй половине 90-х годов прошлого века (9-ю пятилетку), когда, если верить китайской официальной статистике, ВВП увеличивался весьма высокими темпами, а потребление

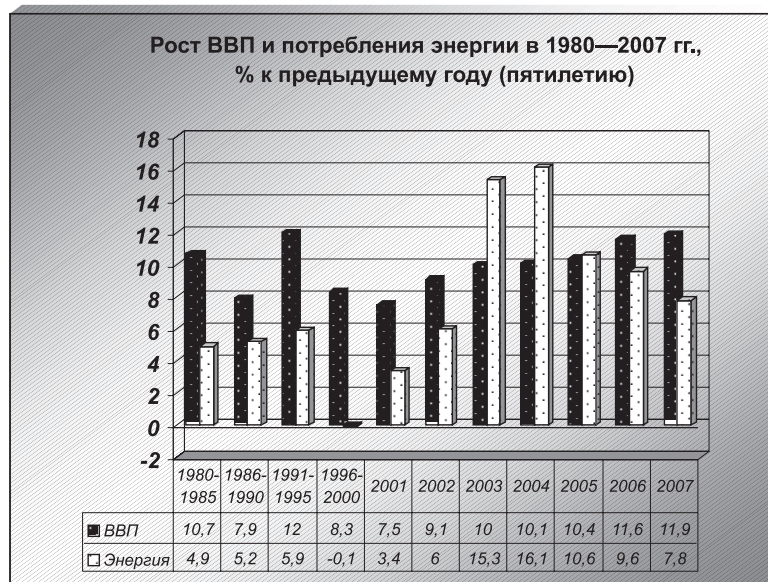

Рис. 48. Источники: Чжунго чжун чан ци фачжань ды чжунъяо вэньти 2006—2020 [Важные проблемы среднесрочного и долгосрочного развития Китая. 2006—2020] // Гл. ред Ван Мэнкуй. Пекин, 2005. С. 59. Чжунго тунци няньцзянь. 2008

энергии не только не возрастало, но, напротив убывало⁷, то в остальное время мы наблюдаем две основные тенденции. В течение 6-й, 7-й и 8-й пятилеток потребление энергии прирастало все более высокими темпами, в то время как темпы прироста ВВП циклически менялись: между двумя подъемами произошел довольно существенный спад. С начала нового века картина обратная: темпы увеличения ВВП стабильно прирастают на фоне скачков в темпах потребления энергии. Сначала — резкий подъем, вплоть до существенного опережения динамики ВВП, а затем, начиная с 2004—2005 гг., неуклонное снижение темпов прироста.

Последние перемены связаны с тем, что Китай стал уделять значительно больше внимания экономии сырья и топлива. Старые производственные мощности с высокими затратами энергии и материалов заменяются новыми, более экономичными. Выводятся из строя физически и морально устаревшие малые электростанции. В результате из года в год снижается расход энергии на 1000 юаней ВВП: в 2006 г. такое снижение по сравнению с пре-

дыдущим годом составило 1,79 %, в 2007 г. — 3,66 %, в 2008 г. — 4,21 %⁸.

Ввоз минерального сырья и энергоносителей в Китай в стоимостном выражении существенно превышает их вывоз. Потребности все в большей мере удовлетворяются за счет импорта, причем по зависимости от импорта Китай быстро приближается к уровню развитых стран. Ввозится уже более половины потребляемой в стране нефти, и в дальнейшем эта пропорция еще более возрастет (рис. 49). Ожидается, что зависимость от импорта железной руды возрастет примерно до 40 %, по медным рудам до 70 %⁹.

Рис. 49. Источника: Цзян Сяоцзюань. Чжунго вайцзы цзинцзи [Экономика иностранного капитала в Китае]. Пекин, 2002. С. 218.

Китай считает ближайшие 10—15 лет наиболее подходящим временем для того, чтобы максимально продвинуть собственную индустриализацию, опираясь на зарубежные ресурсы. В это время страны, богатые такими ресурсами, еще не достигнут той стадии развития, когда эти ресурсы будут в возрастающей степени востребованы для их собственного развития, а развитым странам, прошедшим индустриализацию, они в такой мере не нужны. Китаю надлежит выстраивать свою политику таким образом, чтобы благоприятный шанс не упустить.

Согласно данным, обнародованным в 2005 г., собственных запасов меди Китаю хватит лишь на 4 года, свинца, цинка и ряда других ресурсов — всего на 10 с небольшим лет, алюминиевого сырья — менее чем на 20 лет, железной руды — только на 30 лет. «Все это создает угрозу для развития горнодобывающей промышленности, экономики страны и ее ресурсообеспечения»¹⁰.

Сложность стоящих перед Китаем задач по обеспечению ввозными минеральными ресурсами своего экономического роста усугубляется тем, что доступ к ним затруднен, поскольку рынком сырья в очень большой мере распоряжаются наднациональные монополии. Под их контролем находится более половины запасов сырья для производства черных металлов, меди, алюминия, цинка. Собственно экономические интересы противодействующих Китаю сил неотделимы от их геостратегических и геополитических интересов. Обращаемые к Пекину призывы умерить свои материальные аппетиты часто увязываются с декларациями о недопустимости поддержки антидемократических, диктаторских и террористических режимов.

К этому добавляются трудности и потенциальные опасности, связанные с дальними морскими перевозками сырья и энергоносителей, насущно необходимых для жизнеобеспечения китайской экономики¹¹. Решение этих проблем также выходит далеко за собственно экономические рамки, затрагивая в очень большой мере аспекты внешней политики и безопасности. Стремление, по возможности, обезопасить заокеанские поставки неизбежно дает импульс для наращивания собственных военно-морских и военно-воздушных сил в масштабах, соответствующих все более обширной географии внешнеэкономических связей. В этом отношении Китай не является пионером, он лишь следует примеру великих держав прошлого и нынешнего времени, о чем шла речь выше.

Трудности иного порядка существуют в обеспечении китайской экономики необходимыми водными, земельными, биологическими ресурсами. Их нехватку восполнить путем импорта в большинстве случаев невозможно.

По объему **водных ресурсов** Китай занимает 4-е место в мире (после Бразилии, России и Канады), но в расчете на душу населения приходится лишь четверть среднемирового показателя. При этом водные ресурсы распределены по территории крайне неравномерно: 80 % их приходится на бассейн р. Янцзы и районы к югу от нее, где на душу населения достается почти в 1,5 раза больше, чем в среднем по стране. Доля же обширных районов к северу от р. Янцзы составляет всего 14,7 %, а средний душевой показатель снижается до $\frac{1}{3}$ среднего по стране. Еще хуже ситуация в районах с внутренним речным стоком, где сосредоточено 4,8 % водных ресурсов. Вместе с тем потребляет Китай пресной воды больше, чем любая другая страна мира. В 1980 г. использовались 16 % ре-

сурсов, в 2000 г. — 20 %. Особенно интенсивно вода потребляется в засушливых северных регионах, где этот показатель приближается к 50 %, а в некоторых речных бассейнах он еще выше: в бассейне р. Хуанхэ — 67 %, в бассейне р. Хуайхэ — 59 %, а в бассейне р. Хайхэ — даже 97 %. Из-за усиленного разбора воды русла ряда рек пересыхают. В огромных масштабах исчерпываются также грунтовые воды. С каждым годом дефицит воды ощущается все более остро.

С октября 2008 г. по февраль 2009 г. в течение 100 с лишним дней провинция Хэнань, житница Северного Китая, испытала сильнейшую с 1951 г. засуху. Перед Праздником Весны (китайского Нового года) и после него она захватила также и соседние провинции: Хэбэй, Шаньдун, Аньхой.

Две трети всей пресной воды потребляется в сельском хозяйстве. Однако эффективность ирригационных систем в земледелии низка. По данным Министерства ирригации, ее коэффициент составляет лишь 0,46, т. е. реально только 46 % используемой для орошения воды доходит до растений. В 11-й пятилетке предполагается довести этот показатель до 0,5. В развитых странах он достигает 0,7—0,8.

В расчете на единицу ВВП Китай расходует воды существенно больше, чем в среднем в мире, а в расчете на единицу промышленной продукции — в несколько раз больше, чем в развитых странах. Повторно используется менее 50 % воды, тогда как в ряде развивающихся стран этот показатель достигает 85 %. Однако в последние годы предпринимаются значительные усилия для того, чтобы эти разрывы сократить (рис. 50). На 11-ю пятилетку ставится задача уменьшить затраты воды на единицу добавленной стоимости в промышленности еще на 30 %.

В городской водопроводной сети теряется 20 % воды. Из 600 с лишним городов более 400 испытывают дефицит воды, в том числе в 100 дефицит принял острый характер. В некоторых местностях нехватка воды достигла критического порога, за которым может начаться серьезное торможение социально-экономического развития и экологический кризис¹².

Традиционные административные методы борьбы с потерями воды мало результативны. За последние десятилетия власти неоднократно повышали плату за воду, но она по-прежнему значительно ниже мировых цен. Глобальный финансовый кризис делает коренные преобразования в этой области еще менее реальными.

Рис. 50.

Источник: http://www.stats.gov.cn/tjsj/gtsj/hjtjzl/hjtjsj/2007/t20081118_402525272

Земли сельскохозяйственного назначения, куда относят пашню, леса, сады и пастбища, составляют две трети территории Китая (рис. 51). Остальная часть — мало обитаемые нагорья и пустыни.

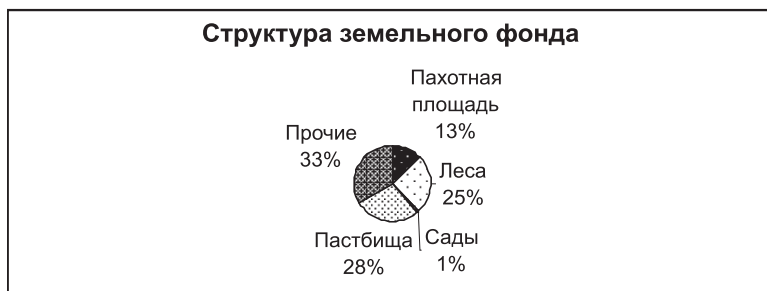

Рис. 51.

Источник: http://www.stats.gov.cn/tjsj/gtsj/hjtjzl/hjtjsj/2007/t20081205_402525347.htm

Экстенсивный экономический рост, ускоряющаяся урбанизация, природные процессы и меры по мелиорации вносят незначительные изменения в структуру **земельного фонда** Китая. За период с 1996 по 2006 г. площадь пахотных земель сократилась на 8,2 млн га, или на 6,3 % (рис. 52). В то же время территория, за-

Рис. 52. Источник: Чжунго фачжань мэнху ван. 2007. 11 декабря.

нимаемая поселениями, горно-промышленными разработками, транспортными путями, возросла. Сокращение пахотной площади происходит в ряде случаев в связи с высвобождением ее под лесопосадки. Но немалую часть выбывающей из сельскохозяйственного оборота пашни занимает городская, промышленная и транспортная застройка.

Быстрое сокращение пахотного фонда в конце прошлого и самом начале нынешнего века стало в последние годы благодаря ужесточению государственного контроля существенно замедляться. В 2007 г. пахотная площадь сократилась на 40 тыс. га, в 2008 г. — на 20 тыс. га. Определенную роль в падении темпов застройки сельскохозяйственных земель сыграл также мировой финансовый кризис, затормозивший темпы экономического роста. Но главное все же — острая необходимость положить предел принявшему катастрофические масштабы «огораживанию» крестьянских земель.

Перед властями всех уровней поставлена задача: не допустить падения размеров пахотной площади ниже 120 млн га. Эта «красная линия» считается тем последним рубежом, который охраняет продовольственную безопасность страны. Выступая на весенней сессии ВСНП 2006 г. премьер-министр Вэнь Цзябао предостерег против сдачи этого рубежа. В этом случае, сказал он, мы совершили бы непоправимую историческую ошибку, подставив под удар следующие поколения.

Действует принцип, согласно которому изымаемая из растениеводства площадь должна возмещаться адекватным количеством земли, вводимой в сельскохозяйственный оборот. Иными словами, приводимые выше данные отражают лишь чистую убыль пахотной земли. Фактически за ними стоит весьма непростой и иногда болезненный процесс изъятия одних участков и введения в оборот других, прошедших рекламацию. Понятно, что первые не могут не отличаться от последних как своим географическим расположением, так и, что особенно важно, качеством почв. Ситуация еще более осложняется тем обстоятельством, что городские агломерации обычно располагаются на лучших по качеству земельных массивах, и поэтому расширение городской застройки ведет к уменьшению наиболее ценной категории кадастра.

По данным обследований, проведенных Министерством национальных ресурсов, резервы неиспользуемых пахотнопригодных земель составляют 7,5 млн га. Они имеются в каждой административно-территориальной единице страны, но преобладающая их часть сосредоточена в аридных и полуаридных районах Северного и Северо-Западного Китая, особенно в Синьцзяне, Ганьсу, Нинся, Шэньси и Шаньси. Земледелие здесь страдает от нехватки влаги, сурового климата, засоления почв, наступления песков. На востоке страны не распаханы преимущественно заболоченные участки, сохранение которых в первозданном виде важно в экологическом и биологическом отношении.

По данным 2-го Всекитайского обследования почв, высококачественными считаются только 21 % пахотных земель¹³. Около 10 % составляют почвы, где удельный вес органического вещества не достигает 0,5 %. Нехватку фосфора испытывает 59 % пашни, калия — 23 %, фосфора и калия — 10 %. Более половины пахотного фонда страдает от эрозии почвы, засоления, заболачивания, опустынивания. По производительности к высокоурожайной относятся 29,7 % пашни, к среднеурожайной — 30,3 %, к низкоурожайной — 40 %. Загрязнены промышленными стоками и эродированы кислотными дождями 8,5 млн га. Требуют выведения из севооборотов 3,65 % пахотных земель. Крайне ограничены возможности использования современной агротехники, зеленых удобрений на Лессовом плато.

Две трети пахотных земель расположены в гористой или холмистой местности, нередко с уклонами более 15 градусов. Преобладающая часть пашни находится в районах к северу от р. Хуайхэ, часто страдающих от недостатка осадков и воды. Орошае-

мые и достаточно увлажненные земли составляют только 39 % пахотного фонда.

В 1995 г. Лестер Браун, обладатель десятков почетных степеней и званий, основатель и глава Worldwatch Institute, почетный профессор Академии наук Китая, опубликовал небольшую книгу, вызвавшую немалый резонанс в мире и переведенную на 40 языков.

Браун рассматривает будущее Китая в свете опыта трех других густонаселенных стран и районов Восточной Азии, вставших на путь индустриализации раньше. Все они были вынуждены отдать немалую часть возделываемых земель под строительство фабричных и складских зданий, дорог и автомобильных парковок. Результатом стал колоссально возросший импорт продовольствия. Япония, например, потеряла половину пашни и вынуждена ввозить до 70 % потребляемого в стране риса. Параллельно тому, как росло благосостояние населения, в рационе его питания все большее место занимали морепродукты, мясо, молочные изделия, пиво, производство которых требует дополнительного количества зерна.

В интегрированной глобальной экономике, пишет Браун, рост цен на продовольствие в Китае вызовет такой же подъем цен в мире. Дефицит земли в Китае отзовется таким же дефицитом в других странах. И водный кризис в Китае тоже примет планетарные масштабы. Все это может привести к иному пониманию безопасности, ибо нехватка продуктов питания представляет большую угрозу, чем военная агрессия.

Более поздние исследования показали, что расчеты Брауна в отношении возможностей самообеспечения Китая зерном были основаны на заниженных оценках пахотного фонда страны. При этом оценки эти исходили из официальных китайских источников. По словам Вацлава Смита, почетного профессора канадского университета Манитобы, известного своими многочисленными работами по проблемам энергообеспечения и экологии Китая, Пекин прекрасно знал, что многолетние утверждения о том, что пахотная площадь составляет 95 млн га, недостоверны, поскольку они расходятся с данными наблюдений из космоса. Поэтому в 2000 г. пришлось без всяких объяснений повысить оценку до 130 млн га. Но и эти данные Смит считает заниженными. Он убежден, что реально обрабатывается в Китае от 140 до 160 млн га (включая акваторию прудов и садовые насаждения). Иными словами, на душу населения в Китае в 1998 г. приходи-

лось 1100 кв. м обрабатываемой площади, или более, чем вдвое или почти втрое больше, чем в соседней Южной Корее, в Японии и на Тайване¹⁴.

Кроме того, и это, пожалуй, главное, Браун, подобно многим другим экономистам неолиберального толка, исходит из представлений о том, что зерно — такой же товар, как и все прочее. Поэтому он полагает, что Китай, интегрируясь в глобальную экономику, станет закупать его в больших количествах на мировых рынках у тех, кто может производить зерно, в первую очередь, рис дешевле. Именно исходя из таких постулатов международных финансовых институтов и западные экспортеры зерна в 80-х и 90-х годах прошлого века убеждали (и принуждали) правительства многих развивающихся стран в необходимости отказаться от субсидий отечественным производителям, открыть свои рынки для импорта и распродать государственные резервы. Поэтому в период с 1990 по 2005 г. около 50 беднейших стран планеты увеличили импорт риса на 124 %, а импорт пшеницы — на 30 %. Две трети развивающихся стран стали чистыми импортерами продовольствия. И именно те из них, кто следовал советам Мирового банка и Международного валютного фонда, пал главной жертвой продовольственного кризиса¹⁵.

В Китае же цены на продовольствие выросли в сравнительно больших масштабах, и нехватки продовольствия не было именно потому, что он интегрировался в мировую продовольственную систему в гораздо меньшей степени, не сравнимой с интеграцией в сфере промышленного производства. Учитывая грандиозную численность своего населения, Пекин первостепенное значение придает обеспечению своей продовольственной безопасности, прежде всего, собственными силами, лишь в очень ограниченной степени рассчитывая на внешние рынки в обеспечении себя зерном.

С такой позицией согласны, однако, не все. Сторонники неограниченной свободы рынка полагают, что сдерживать убывание пахотной площади какими-либо лимитами не следует. В конце декабря 2008 г. был опубликован доклад негосударственного исследовательского института «Тяньцзэ» по проблеме продовольственной безопасности и сохранения пахотного фонда. В написании доклада приняли участие около 20 специалистов. Основные его идеи, выраженные известным китайским экономистом Мао Юйши, основателем этого института, сводятся к следующему¹⁶.

За тридцатилетний период реформистского курса численность населения увеличилась на 45 %, а производство зерна — на 60 %, и при этом пахотная площадь сокращалась. Отсюда делается вывод, что площадь пашни и количество зерна напрямую между собой не связаны. На производство зерна влияют многие факторы (рабочая сила, удобрения, техника, ирригация), и размеры пахотного фонда — лишь один из них. В мире за последние 50 лет производство зерна опережает рост народонаселения, поскольку оно, как и любой товар, определяется спросом. Внутренний дефицит покрывается мировым рынком, как в Японии, импортирующей 40 % зерна или Южной Корее, ввозящей 60 %. В Китае колебания сборов зерна — в пределах 3—4 %. Самый большой дефицит за 100 лет не превысил 11 %, или 50 млн т. Даже если импортировать все это количество, на это уйдет всего 10 млрд долл., или менее 1 % стоимости китайского экспорта. В мире производится 2,3 млрд т зерна, в том числе на международную торговлю приходится 530 млн т. Следовательно, завоз в Китай 50 млн т не потрясет мировой рынок. К тому же у КНР есть страховые запасы зерна, размеры которых, конечно, составляют государственную тайну, но, как оценивают авторы доклада по данным, почерпнутым из разных источников, составляют около 40 %, что двукратно превышает норматив, рекомендуемый ООН.

Все это приводит авторов доклада к выводу о том, что не нужно никакой «красной линии», ограничивающей площадь пашни размером в 120 млн га. Если согласиться с этим, то государству придется устанавливать лимиты и на производство зубной пасты, обуви, автомобилей. Иными словами, с возвратом к плановой экономике.

«Красную линию» необходимо упразднить, поскольку она сдерживает урбанизацию, мешает переселению крестьян в города. В течение будущих 30—50 лет из нынешних 700 млн сельских жителей в деревне нужно оставить не более 100 млн. А это невозможно осуществить, не трогая пахотный фонд. «Красную линию», по мнению авторов доклада, перейдут уже в ближайшие 3—5 лет. Иначе остановится урбанизация.

Поэтому столь же неприемлемым считают они введенный несколько лет назад Госсоветом КНР запрет на использование сельскохозяйственных земель в иных целях. Они полагают, что такой запрет выгоден лишь чиновникам, извлекающим личную корысть из сложного процесса выдачи разрешений на изменение назначения земельных участков. Проблему распределения ресур-

сов, по их мнению, должен решать только рынок, который намного умнее, чем любой чиновник.

Мао Юйши сообщил, что после опубликования доклада он обнаружил в своем почтовом ящике огромное число посланий с обвинениями и оскорблениями в свой адрес, не уступающими по тону и по беспочвенности тем, которые звучали в годы борьбы с правыми и «культурной революции». Он не находит среди этой ругани ни одного разумного аргумента, опровергающего его подход.

Думается, что такая позиция вряд ли корректна. Попытаемся отделить зерна (продовольственные) от плевел и суммировать некоторые критические замечания, которые авторам, судя по всему, трудно опровергнуть.

- Конечные выводы доклада, главный из которых состоит в требовании отказаться от «красной линии», сформулированы до проведения исследования и независимо от него. Еще 29 мая 2007 г. Мао Юйши опубликовал на сайте «Гоцзи цзай сянь» статью под заглавием «Китай не должен дальше охранять пашню» (*Вого бу ин цзай баоху гэнди*). Там уже содержались основные положения, позже вошедшие в доклад. Таким образом, априорная позиция руководителя проекта, похоже, не только определила итоги деятельности рабочей группы, сформированной в начале 2008 г., но и обеспечила получение гранта на нее от Фонда Форда. Другими словами, здесь имел место не столь уж редкий в науке подбор исследовательских данных под заранее известный результат, при этом результат, явно устраивавший заказчика. Конечно, трудно обвинять грантодателей в том, что их интересы прямо смыкаются, скажем, с интересами американских или каких-либо иных поставщиков зерна на мировые рынки. Но в том, что они скорее склонны поддерживать исследовательское направление, зарекомендовавшее себя в качестве противника государственного регулирования, чем его оппонентов, сомнений мало.

- Похоже, что задачу проведения взвешенного и непристрастного анализа очень сложной и многоаспектной проблемы, какой является продовольственная безопасность, авторы доклада перед собой не ставили. Скорее они были озабочены более простой задачей облачения идеологически и политически мотивированной позиции («рынок эффективнее государства — всегда, всюду, в любой ситуации») в научно-образные одежды. Но даже последнее выполнено достаточно небрежно. Так, авторы, судят о явлениях, которые происходят или могут происходить раз в сто или пятьдесят лет, на основании коротких статистических рядов, охватывающих в лучшем случае тридцатилетний период реформ, а в худшем — последние несколько лет.

- Авторы доклада исходит из упрощенных представлений о существовании некоего идеального рынка, которого в действительности нигде нет. Они игнорируют то обстоятельство, что в Китае и экономика, и социум во многом находятся на переходной стадии. Точно так же они игнорируют специфику зерна и земли как не вполне рыночных товаров. С их точки зрения, на продовольственном рынке, как и на всех прочих, в ценообразовании действует простой принцип спроса и предложения. Фактически же на этот процесс оказывают влияние и многие другие факторы, и не в последнюю очередь — монополизация, способные исказить действие экономических законов, не говоря уже о факторе психологическом, особенно сильно проявляющим себя в кризисные моменты.

- Оппоненты Мао Юйши выражают опасение, что сокращение пахотного фонда и соответствующее ослабление возможности поддерживать продовольственную безопасность страны могут увеличить ее зависимость от международных монополий, подобно тому, как это уже произошло с производством и поставками сои, которая тоже составляет важную часть национального рациона питания. Резкие колебания цен на сою подорвали способность к выживанию отечественного производителя. 70 % предприятий этой отрасли оказались в руках иностранного капитала.

- Мао Юйши настаивает на том, что размеры пашни — лишь один из ряда факторов, определяющих размеры урожаев, и что ослабление этого фактора в рыночной экономике легко можно восполнить наращиванием других факторов. При этом он сбрасывает со счетов два важных обстоятельства. Во-первых, улучшение продовольственной ситуации в КНР за последние десятилетия было обеспечено, прежде всего, в начале реформ одноразовым актом: введением индивидуального земельного подряда вместо коллективного хозяйствования. Столь радикальные институциональные изменения больше не наблюдались и вряд ли предвидятся. Во-вторых, агротехнические возможности повышения урожайности на данном этапе научного прогресса близки к своему пределу. Поэтому именно размеры пахотного фонда в этих условиях играют решающую роль. Плюс к этому земля не может быть поставлена в один ряд с другими факторами, способствующими росту производства зерна. Они не взаимозаменяемы. Все прочие факторы можно наращивать или сокращать, не меняя их сущности, а земля, закатанная в асфальт, в прежнее состояние не вернется. Нельзя также забывать, что процесс исчезновения существовавшей тысячелетиями национальной почвы имеет не только экономический, но и глубокий культурно-исторический и эмоциональный смысл.

- Абстрактно рассуждая, можно представить себе восполнение продовольственного дефицита в Китае путем поставок зерна с мирово-

го рынка. Однако такое предположение может быть относительно справедливым лишь для некой опять-таки идеальной ситуации, причем не только экономической, но и в сфере социальной, внешнеполитической, в области международной безопасности. Реально же, на деле, вслед за глобальным финансовым кризисом вплотную надвигается мировой продовольственный кризис. Страховые запасы зерна в мире сократились со 130-дневных в 1986 г. до 54-дневных в 2007 г. В докладе FAO за 2008 г. отмечается, что глобальный рост цен на продовольствие обострил еще более его дефицит в 22 развивающихся странах Африки и Азии. 37 стран прямо столкнулись с кризисом. Мировые цены на зерно в 2006 г. выросли на 12 %, в 2007 г. — на 24 %, за 8 месяцев 2008 г. — на 50 %. От недостатка питания страдают 973 млн человек. Рост цен на продовольствие в 2008 г. и первой половине 2009 г. побудил ряд стран, включая США, увеличить государственную поддержку сельского хозяйства. Может ли в такой ситуации Китай, заявляющий себя ответственной мировой державой, сознательно сокращать свой пахотный фонд и вступать в конкуренцию за продовольственный паек с бедными и голодными странами? Не говоря уже о том, чтобы подвергать себя опасности в условиях, когда зерно легко может стать орудием экономического и политического шантажа.

- Представляя Японию и Южную Корею в качестве положительных примеров покрытия своего продовольственного дефицита путем использования ресурсов мирового рынка, авторы забывают упомянуть о двух важных обстоятельствах. Во-первых, Япония, полагаясь на импорт, прежде всего, кормового зерна, стремясь, по возможности, производить рис и пшеницу в своей стране. При этом путем дифференцированных пошлин на импорт риса и иных мер осуществляется поддержка отечественного производителя. Во-вторых, предпринимаются немалые усилия для создания японских продовольственных баз на иностранных территориях.

- Мао Юйши утверждает, что поддержание «красной линии» способствует коррупции. Его оппоненты возражают, что коррупция останется и при отказе от этой границы. Разница лишь в том, что в первом случае она противозаконна, а во втором — обретает легальность. Трудно сомневаться в том, что снятие запретов на риэлтерское освоение пахотной площади будет способствовать не столько урбанизации, сколько строительству загородных дач и поместий для богатых людей.

- Урбанизация, несомненно, процесс необходимый и неизбежный. Однако она должна происходить путем использования, прежде всего, непахотных земель, которые в Китае все же имеются в немалом количестве (как это показало освоение гигантского района Пудун в Шанхае), и путем более рачительной застройки осваиваемых площадей, по при-

меру той же Японии. Сохранение максимальной возможной площади пашни имеет, помимо прочего, и важный агротехнический смысл. Оно позволяет осуществлять правильные севообороты, при которых часть земли периодически отдыхает, восстанавливая свое плодородие.

Согласно сведениям, опубликованным FAO в 1998 г., на долю Китая приходилось 3,9 % всей площади *лесов* в мире. По этому показателю он занимал 5-е место среди мировых лесных держав. Однако по площади лесов в расчете на душу населения Китаю принадлежало лишь 119-е место. На душу населения в Китае приходится в 8 раз меньше запасов древесины, чем в среднем в мире.

К моменту создания КНР в 1949 г. лесами было покрыто 13 % территории страны. К началу реформ в 70-х годах прошлого века лесопокрытая площадь уменьшилась до 12,7 %. К концу 1980-х годов благодаря лесовосстановительным и лесопосадочным работам этот показатель увеличился до 12,98 %, к 1993 г. — до 13,9, к 1998 г. — до 16,55, а к 2003 г. — до 18,21 %. Китай несколько приблизился к среднемировому показателю, составляющему 28 %, хотя отставание все еще велико. Чтобы существенно изменить ситуацию, нужно еще не менее полувека.

Восстанавливая свои леса, Китай одновременно наращивает использование импортного сырья. По потреблению древесины Китай занимает 2-е место в мире. С 1981 г. он постоянно наращивает ввоз лесоматериалов. Столь же важен для страны экспорт мебели, паркета, фанеры. Западная пресса и некоторые российские СМИ обвиняют Пекин в том, что он поощряет массовый контрабандный ввоз в страну ценной древесины из России и Юго-Восточной Азии, подвергая опасности местные экосистемы что китайские власти категорически отвергают.

В самой стране в течение многих лет рубки превосходили возобновление лесов, особенно в удобных для лесоразработок районах. С 50-х до 70-х годов прошлого века страна пережила три волны сведения лесов и степей под распашку. Особенно серьезный урон был нанесен лесным ресурсам Северо-Восточного Китая. Так, с 1952 по 1976 г. площадь природных лесов в районе Трехречья сократилась на 25 %. Практически полностью были сведены леса в южной части Малого Хингана. Почти целиком исчерпана сырьевая основа крупнейших лесопромышленных баз в провинции Хэйлунцзян. Немного лучше ситуация в провинции Цзилинь, особенно сильно пострадавшей в годы «культур-

ной революции». В 1971—1975 гг. площадь вырубок по р. Сунгари увеличилась вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием. И хотя в последующие годы были проведены значительные лесовосстановительные работы, это привело пока лишь к тому, что массивы девственного леса были заменены молодыми низкорослыми насаждениями.

Большие потери понесли также лесные ресурсы на юге, юго-западе и юго-востоке страны. В 80-х годах прошлого века здесь действовали многочисленные организованные банды, промышленявшие заготовкой и вывозом леса. В одной из волостей провинции Хунань орудовала вооруженная банда, насчитывавшая до 200 человек. В 1986 г. органами лесной охраны были возбуждены 74 600 уголовных дел, из них более 50 тыс. были связаны с разграблением лесных ресурсов. В Юньнани банда численностью более 800 человек в течение месяца с лишним на большой площади открыто вырубала государственный лес, используя для его вывоза свыше 1000 автомашин. Аналогичные случаи имели место также во многих других провинциях¹⁷.

Оскудение лесов негативно сказывается на их природоохранной функции. Усиливается эрозия почвы, иссякают водные ресурсы, оазисы превращаются в пустыни, подрываются основы многообразия животного и растительного мира. Одним из наиболее очевидных проявлений этого пагубного эффекта стало сильнейшее наводнение, от которого пострадали миллионы жителей бассейна р. Янцзы в 1998 г. Причиной его в большой мере стала вырубка лесов в верховьях этой реки.

В посвященном лесным ресурсам 6-м томе 20-томного труда «Общая программа устойчивого развития Китая», о котором шла речь выше, при прогнозировании будущего развития до середины века на первое место как раз поставлены именно экологические, природоохранные аспекты всей лесоводческой деятельности. Не забыто также культурно-эстетическое и рекреационное значение леса для будущего человечества. При этом свое место отведено и поставкам ценных видов сырья для промышленности. Все эти функции в разных соотношениях сочетаются в соответствии природно-климатическими, экономическими и социокультурными особенностями разных регионов Китая. Предусматривается, что к середине века Китай достигнет среднемирового показателя по лесопокрытой площади. Площадь природоохранных зон составит 18 % территории страны¹⁸.

4.5.2. Экология

За высокие темпы экономического роста КНР платит несо-размерно большим уроном, наносимым экологии. Китай, как и многие другие развивающиеся страны, страдает от эрозии поч-вы, деградации пастбищ, вырубки лесов, опустынивания паст-бищ, но к этому добавляются и проблемы, свойственные разви-тым странам, такие, как загрязнение атмосферы и водных бас-сейнов. Загрязнение природной среды далеко превосходит ее способность к самоочищению.

Эрозия почв распространена на 43 % пахотных земель. От различной степени деградации страдают 90 % пастбищ. Утрата способности к регенерации травяного покрова способствует опустыниванию степей и подрывает основу существования ма-лых народов Китая: монголов, тибетцев, традиционно занятых в пастбищном животноводстве.

Пустыни охватывают 18,2 % территории страны, ежегодно их площадь увеличивается на 3,4 тыс. кв. км. От опустынивания страдают 400 млн человек. Наступление пустыни во Внутренней Монголии привело к сокращению площади оазисов, пересыха-нию озер и болот, понижению уровня и засолению грунтовых вод, к деградации травяного покрова степей. Одной из главных причин этого стали хищнические рубки лесов и чрезмерный вы-пас скота в зеленой полосе, ограждавшей песчаную пустыню Алашань, самую большую в Китае. Площадь этой зоны за полве-ка сократилась на 82 %. В результате обширные пастбища стали не пригодными для выпаса скота. Многие виды диких животных находятся на грани исчезновения. Под песчаными барханами погребены значительные площади пахотных земель. Во всем Се-верном и Северо-Западном Китае увеличились частота и интен-сивность песчаных бурь, возрастает их разрушительное воздейст-вие на природу, на хозяйственную деятельность и среду обита-ния людей. Песчаные бури из Китая нередко достигают Кореи и Японии и даже Северной Америки.

В сопоставимых объемах продукции китайская промышлен-ность загрязняет окружающую среду в несколько раз больше, чем в развитых странах. Определенную роль в этом играет ори-ентированная на тяжелую и химическую промышленность от-раслевая структура, включившая в себя и такой фактор, как пере-мещение на территорию развивающихся государств, в том числе Китая, грязных отраслей. Если экономический рост очистить от

экологических утрат, то окажется, что его среднегодовые темпы на 1,5—2,0 % ниже¹⁹ (рис. 53).

Рис. 53.

Источник: http://www.stats.gov.cn/tjsj/gtsj/hjtjzl/hjtjsj/2007/t20081211_402525466.htm

Из приведенной выше диаграммы видно, что динамика загрязнения воздушного бассейна достаточно точно следует циклам экономического роста. Промышленный бум в 2003—2005 гг. сопровождался значительным ростом вредных выбросов. Очистные мероприятия не оказывали на этот процесс сколько-нибудь серьезного воздействия.

По данным Отчета о состоянии среды в 2005 г., из 522 китайских городов только в 22 качество воздуха оценивается по первому разряду, в 293 — по второму, в 152 — по третьему, и в 55 городах критерии ниже третьего разряда²⁰. Загрязнение воздуха считается одной из важных причин респираторных заболеваний, в особо тяжелых случаях ведущих к повышению смертности населения. Считается, что от болезней, связанных с загрязнением атмосферы, ежегодно в Китае умирает более 400 тыс. человек²¹. Высокое содержание свинца в атмосфере наносит вред физическому и умственному здоровью детей и подростков. Кроме того, значительно повышается износ зданий и оборудования, растут затраты на их поддержание и ремонт.

Огромный ущерб окружающей среде и здоровью населения наносит широко распространенное использование угля в качестве источника энергии и для бытовых нужд. По оценкам китайских и зарубежных исследователей, экономические потери от загрязнения атмосферы, включающие и затраты на лечение, со-

ставляют от 3 до 7 % ВВП. Продукты, образующиеся при сгорании угля, — главный источник загрязнения атмосферы в КНР.

В использовании угля в Китае существуют две главные проблемы. Во-первых, низка эффективность сжигания угля, и, во-вторых, доля непосредственного сжигания слишком велика. Путем обогащения угля можно понизить его зольность на 50—80 % и удалить до 30—40 % серы. А посредством дальнейшей очистки дымов можно устранить до 90 % серы. Однако в 1999 г. в Китае обогащалось только 29 % всего добываемого угля (в ФРГ — 95 %, Великобритании — 75 %, США — 55 %), причем подвергается обогащению, главным образом, уголь, идущий на экспорт, уголь же, используемый на энергетические цели, обработки почти не проходит.

Именно эти обстоятельства не в последнюю очередь побуждают разработчиков энергетической стратегии Китая добиваться снижения доли угля в топливно-энергетическом балансе страны. На этом направлении к концу 1990-х годов был достигнут некоторый прогресс. Но затем вследствие удорожания нефти процесс принял обратное направление, и в 2005—2007 гг. доля угля в балансе потребления вновь стала расти, несмотря на некоторое повышение удельного веса газа и возобновляемых источников энергии, а доля нефти — снижаться (рис. 54).

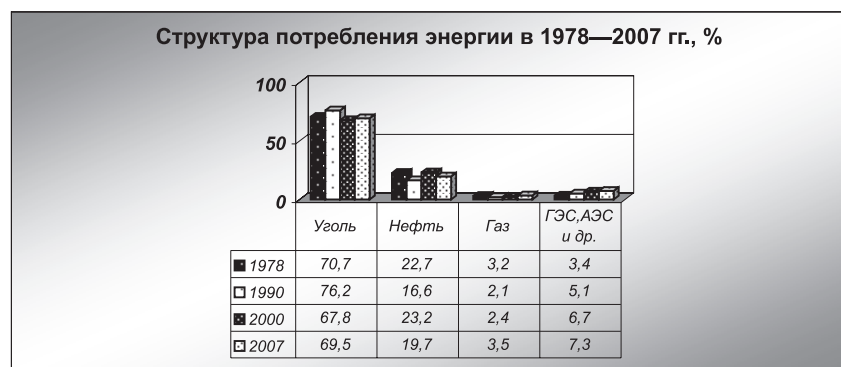

Рис. 54. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008.

Согласно расчетам Мирового банка, если Китай не сумеет в предстоящие 20 лет сократить загрязнение атмосферы, то ему придется затратить на лечение болезней, вызываемых продуктами сгорания угля, 390 млрд долл.²² Даже если будет реализован

минимальный сценарий энергетической стратегии, выбросы продуктов сгорания угля в атмосферу будут далеко превосходить ее способность к самоочищению.

Общие выбросы в атмосферу двуокиси серы за 10-ю пятилетку увеличились на 27 % и превысили 25 млн т, что ставит Китай по этому показателю на первое место в мире. Главный источник выбросов — тепловые электростанции, мощность которых за указанный период увеличилась более чем вдвое и соответственно почти в тех же размерах возросло количество потребляемого ими угля. Одновременно задание по очистке дымовых газов от двуокиси серы было выполнено только на 78 %.

Загрязнение атмосферы двуокисью серы служит важнейшей причиной кислотных дождей. Эти дожди, поражающие треть территории страны, существенно понижают продуктивность сельского и лесного хозяйства. В 11-й пятилетке предполагается снизить выбросы этого газа на 10 % — с 25,5 до 22,9 млн т. В 2000 г. тепловые электростанции, работающие на угле, выбросили в атмосферу 2,9 млн т окислов азота. Пекин подвергается также нарастающему давлению мирового общественного мнения в связи с поступлением в атмосферу больших количеств углекислого газа (2-е место в мире после США), что, как полагают, ведет к возникновению парникового эффекта и потеплению климата.

Дальнейшая урбанизация может еще более обострить экологические проблемы и характерную для многих развивающихся стран «болезнь больших городов». По мере быстрого увеличения числа автомобилей в городах и на скоростных трассах все более неотложной становится необходимость наряду с экономией автомобильного топлива добиваться снижения его вредности для окружающей среды. По оценке Мирового банка от 2001 г., из 20 наиболее пораженных загрязнением городов мира 16 находятся в Китае.

Согласно оценкам, содержащимся в докладе Рабочей группы по расчетам «зеленого ВВП», объем загрязненных стоков в 2004 г. составил 60,7 млрд т, продуктов химического потребления кислорода (ХПК) — 21 млн т. В 2006 г. по объему продуктов ХПК Китай занял 1-е место в мире. Их главным поставщиком служит бумажная промышленность, которая за период 10-й пятилетки увеличила свою продукцию вдвое.

Большой урон экологии наносят разбросанные по всей стране многочисленные сельские предприятия, в большинстве своем технически примитивно оснащенные и пренебрегающие прави-

лами и нормами защиты окружающей среды. В ряде мест это приводило к серьезным социальным конфликтам²³. Нередко вредные вещества из промышленных стоков проникают в оросительные сети и усваиваются сельскохозяйственными культурами, причиняя в больших масштабах ущерб здоровью людей. 360 млн сельских жителей используют воду, не отвечающую санитарным нормам.

Интенсивное использование минеральных удобрений, пестицидов и гербицидов, способствовавшее повышению урожайности сельскохозяйственных культур, стало источником загрязнения грунтовых вод, рек, озер и морской акватории. Новым источником загрязнения за последние десятилетия стало промышленное животноводство и птицеводство, которое в районах с густой речной сетью загрязняет ее даже больше, чем промышленность.

Качество поверхностных вод оценивается по пяти градациям, из которых первые две соответствуют требованиям, предъявляемым к питьевым источникам. В целом по стране по степени загрязненности за пределами всех пяти категории находится 21,7 % общей протяженности рек. Наихудшая ситуация на р. Хайхэ, где такой уровень загрязнения отмечается на 64,8 % ее длины, а также на р. Ляохэ — 59,7 % и на оз. Тайху — 64,3 %.

Сложная ситуация складывается в бассейне р. Хуайхэ, где проживают 170 млн человек. Несмотря на развернутые с 1994 г. масштабные очистные работы, качество воды, особенно в притоках, согласно замерам, проведенным в 2007 г., остается неудовлетворительным. Поставщиками грязных промышленных стоков в бассейне остаются быстро растущие предприятия бумажной, химической, текстильной и пищевой промышленности. Но не меньшую, если не большую, роль в загрязнении воды играют бытовые отходы. Строительство очистных сооружений в городах запаздывает, а те, что введены в строй, функционируют не всегда удовлетворительно. Тысячи плотин, которыми перегорожены реки, не способствуют уменьшению загрязнения воды, а возможности ее самоочищения практически исчерпаны.

Серьезно страдает от загрязнения экологическая система р. Хуанхэ. На участке г. Ланьчжоу исчезли десятки видов водоплавающих птиц, обитавших здесь еще в 50-е годы прошлого века. Резко сократилось видовое многообразие рыб. Еще в 1970-е годы жители города пользовались речной водой для питья и приготовления пищи. В 1980-х годах вода стала непригодна даже для полива огородных культур.

Реки выносят сбросы в прибрежную морскую акваторию, с каждым годом все больше загрязняя ее. Кроме того, немало промышленных предприятий в приморских районах сбрасывают свои стоки без очистки непосредственно в море. По данным Министерства охраны окружающей среды за 2007 г., наиболее загрязнено Восточно-Китайское море, где качество 41,1 % воды оценивается ниже четвертой категории. Общая площадь наиболее сильно загрязненных прибрежных вод вдоль всей береговой линии страны составляет 29,6 тыс. кв. км, из них на долю Восточно-Китайского моря приходится 16,9 тыс. кв. км. Загрязнение прибрежных вод наносит серьезный ущерб водному промыслу. Обитающие в этих водах моллюски страдают от загрязнения свинцом, мышьяком, углеводородами и становятся опасными при употреблении в пищу.

Действующие конституционные нормы и законы, направленные на поддержание экологической безопасности, исполняются неудовлетворительно. Из-за продолжающегося экстенсивного роста экономики и все более расточительной модели потребительского поведения значительной части населения природоохранные мероприятия не поспевают за темпами разрушения среды. Местные органы власти, заинтересованные в быстром экономическом росте и мало обращающие внимания на его отрицательные следствия, нередко препятствуют внедрению экологических норм и правил, тем более, что многие из них не составляют единой системы и часто носят временный характер. Слаб общественный контроль за действиями властей и предпринимателей, наносящих ущерб экологии.

В стране существуют многочисленные органы, призванные следить за исполнением экологического законодательства и норм защиты среды. Однако их штатов недостаточно для того, чтобы проверять многие сотни тысяч предприятий и строительных площадок по всей стране, расследовать десятки тысяч случаев загрязнения природы и следить за исправлением обнаруженных недостатков. К тому же экологические органы на местах чаще всего плохо оснащены необходимыми транспортными средствами и лабораторным оборудованием.

Но самое главное — работники экологических служб целиком зависят от местных властей. Без их одобрения и согласия не может расследоваться ни одно нарушение экологических норм и правил. Предприятия же нередко при поддержке местных властей всячески противятся выявлению таких нарушений и, тем

более, любым затратам, которые были бы связаны с их устранением. В 2004 г. было отмечено более 120 случаев, когда сопротивление исполнению экологических законов и норм принимало насильственную форму²⁴.

Работники экологических служб не наделены правом административно приостанавливать деятельность предприятий, наносящую ущерб природной среде. Требуется санкция местных органов власти, несущих полноту ответственности за экологию. Что же касается законодательных актов, то они нередко носят декларативный характер, санкции за противоправную деятельность часто прописаны недостаточно конкретно либо же трудно реализуемы. Суммы штрафов многократно уступают размерам ущерба. Поэтому многие предприниматели предпочитают платить штраф вместо того, чтобы устанавливать у себя дорогостоящее очистное и контрольное оборудование, которое повысило бы себестоимость продукции и тем самым снизило конкурентоспособность предприятия.

В Китае стремятся найти систему показателей, которая бы позволила комплексно отражать не только наращивание экономического потенциала, но также связанные с ним ресурсные и экологические издержки. Такая система в идеале могла бы служить и более надежным средством для оценки общегосударственных и региональных достижений в социально-экономическом развитии, для поощрения или, напротив, порицания ведомственных и местных руководителей соответственно их успехам или просчетам.

В связи с этим в течение ряда лет пытаются уйти от односторонней ориентации на сохранение высоких темпов роста ВВП, заменить его другим показателем — «зеленым ВВП» (*люйсэ GDP*), т. е. ВВП за вычетом стоимости израсходованных природных ресурсов и деградации природной среды. До последнего времени отдельные данные такого рода фигурировали только в некоторых специальных статистических сводках. Не существовало методики, которая бы позволила свести их в единую систему и тем самым показать обществу и миру хотя бы финансовое выражение тех утрат, которые приходится нести при действующей модели экономического роста.

В 2004 г. Государственное статистическое управление и Главное государственное управление по охране окружающей среды (позднее — Министерство) совместно создали Рабочую группу по расчетам «зеленого ВВП». В 10 провинциях и городах

были начаты экспериментальные исследования для определения потерь, связанных с загрязнением окружающей среды. На этой основе рассчитывалась виртуальная стоимость ее реабилитации и деградации.

В сентябре 2006 г. был впервые опубликован исследовательский доклад о ВВП за 2004 г. с учетом загрязнения. Как полагают, аналогичные доклады подготовлены также и за последующие годы. Однако из-за разногласий относительно методики расчетов в соответствующих ведомствах и противодействия некоторых провинциальных властей публикация их была отложена на несколько лет. Обсуждение спорных вопросов представителями двух заинтересованных ведомств на достаточно высоком уровне возобновилось лишь в самом конце 2008 г.²⁵

В докладе за 2004 г. экономический ущерб от загрязнения природной среды оценивался в 511,8 млрд юаней, что составило 3,05 % ВВП (темпы роста ВВП были равны 10,1 %). Подавляющая часть ущерба пришлась на загрязнение водной и воздушной среды. В расчет не брались затраты пахотных, минеральных, лесных, водных, рыбных ресурсов и деградация природы, а также загрязнение грунтовых вод и почвы. Но и по тем статьям, что учитывались, как полагают, имела место существенная недооценка ущерба²⁶.

В конце 2007 г. появилась публикация двух исследователей из университета Цинхуа, в которой доклад за 2004 г. был подвергнут детальному анализу²⁷. Основной вывод авторов сводился к тому, что понятие «зеленого ВВП» имеет важное значение для теории, но несовершенство методики его расчетов ставит под сомнение применимость его для оценки результатов деятельности местных руководителей. К сходному выводу приводит и изучение зарубежной практики.

Данная работа наталкивается на ряд объективных и субъективных трудностей. Они связаны, прежде всего, со сложностью разграничения собственности и рыночной оценки ущерба. Последняя в ряде случаев вообще вряд ли может быть осуществлена, ибо трудно себе представить полную монетизацию вреда, наносимого жизни и здоровью людей или нормальному функционированию экосистем. Немалое препятствие представляют и укоренившиеся в сознании политических элит и общества представления о беспредельности возможностей для наращивания экономического потенциала за счет природы. Изменение шкалы ценностей требует определенного времени. Введение «зеленой

поправки» к показателям ВВП способно существенно изменить картину достижений некоторых регионов, что, конечно, не может встречать благожелательного отношения со стороны их руководства. Наконец, разные методики расчетов, исходящие к тому же из разных теоретических и концептуальных посылок, дают весьма далеко отстоящие друг от друга результаты²⁸.

Государственные расходы на проекты, противостоящие загрязнению природной среды, из года в год возрастают — как в абсолютных цифрах, так и относительно размеров ВВП (рис. 55). Они предусматривают, во-первых, совершенствование городской инфраструктуры и, во-вторых, уменьшение источников промышленного загрязнения. Основные средства (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$) идут на инфраструктурные проекты, включающие в себя развитие газоснабжения, центрального отопления, канализации, озеленения. В расходах на предотвращение загрязнения отходами промышленного производства все большее место занимает очистка стоков.

Рис. 55.

Источник: http://www.stats.gov.cn/tjsj/gtsj/hjtjzl/hjtjsj/2007/t20081119_402525278.htm

Что же касается восполнения только прямых потерь, которые несет Китай от загрязнения природной среды (куда входят снижение урожайности из-за кислотных дождей, счета за медицинские услуги, потери рабочего времени по болезни, денежные затраты на помощь пострадавшим от стихийных бедствий и ущерб от истощения ресурсов), то для него, по расчетам экспертов Мирового банка, могло бы потребоваться 8—12 % ВВП, или весь годовой прирост²⁹.

В некоторых районах страны пытаются отойти от использования показателя «незеленого ВВП» в качестве главного и подчас единственного мерила успешной деятельности местных руководителей. Большее значение стремятся придать социальным и экологическим показателям. Однако, как полагает ряд китайских специалистов, такой переход может натолкнуться на самое жесткое сопротивление местных органов власти. С их точки зрения, при лобовом противостоянии сторонников и противников «зеленого ВВП» последние в конечном счете непременно одолеют первых, и сам «зеленый ВВП», сохраняя лишь свой номинальный смысл, постепенно превратится в очередную «стройку престижа»³⁰.

Разрушение природной среды в Китае достигло того предела, когда дальнейшее использование механизма экономического роста, основанного на мнимых преимуществах «дешевых» или даже «бесплатных» природных ресурсов, становится несовместимым со здоровьем и самой жизнью не только будущих поколений, но и людей, ныне обитающих на территории Китая, особенно в экономически развитых районах и городах. Необходимость сохранения и восстановления природной среды обитания становится в возрастающей мере императивом для изменения методов и средств, используемых при стратегическом планировании социально-экономического развития страны, для его оптимизации.

4.5.3. Демография

Принятый в начале 70-х годов прошлого века курс на ограничение рождаемости в Китае вкупе с урбанизацией, улучшением материальных условий жизни, развитием образования и здравоохранения, повышением социальной роли женщин затормозил стремительное увеличение численности населения³¹. Если бы не было этих перемен, то численность населения страны сегодня превысила нынешнюю на 400 млн человек и далеко вышла бы за отметку в 1,6 млрд человек, которая многими китайскими демографами считается предельной, учитывая современный ресурсный потенциал и состояние экологии. Если исключить периоды стихийных бедствий, эпидемий и войн, история человечества не знает примеров столь быстрого и массового снижения рождаемости, как это произошло в современном Китае.

Пекин стремится ограничить перспективную численность населения пределом в 1,5 млрд человек, поддерживая суммар-

ный коэффициент рождаемости ниже уровня замещения. Демографы прогнозируют, что этот рубеж будет достигнут в 2033 г. Затем численность населения начнет сокращаться.

За эту благоприятную перспективу, однако, придется платить немалую цену. Речь идет прежде всего о старении населения, грядущем сокращении рабочей силы и дисбалансе полов.

Темпы старения ускоряются. По данным исследования, проведенного канцелярией Всекитайского комитета по работе с пожилыми людьми Госсовета КНР за период с 2000 по 2006 г. численность пожилых людей в возрасте 60 лет и старше увеличилась с 126 млн до 149 млн человек, или с 10,2 до 11,3 % общей численности населения. К концу 2008 г. она достигла 159 млн человек, повысив свой удельный вес до 12 %. Численность старших возрастных когорт увеличивается в пять раз скорее, нежели всего населения, что и отражает быстрое старение общества.

Среди пожилых людей, в отличие от остального населения, больше женщин (51,1 %), чем мужчин (48,9 %). Они в еще большей мере, чем все население, сконцентрированы в сельской местности (73,7 %). Доля старших групп с увеличением возраста постепенно падает, но все же остается довольно значительной (рис. 56). За период с 2000 по 2006 г. численность людей старше 80 лет увеличилась как в абсолютном (на 35 %), так и в относительном выражении (с 9,2 до 10,7 %), что еще более подчеркивает тенденцию ускоренного старения населения. Одновременно увеличивается и число беспомощных очень старых людей.

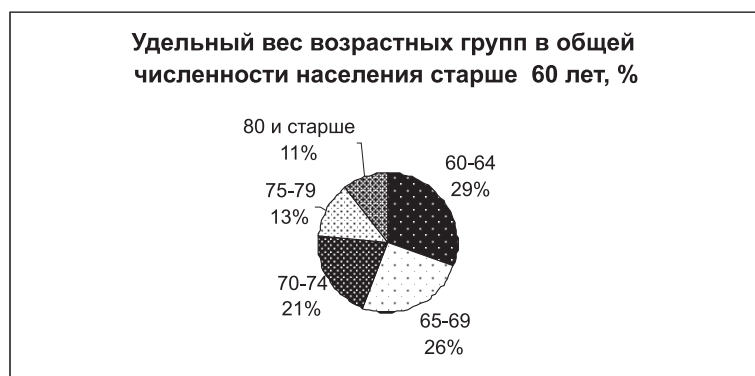

Рис. 56. Источник: Чжунго чэнсян лаонянь жэнькоу чжуанкуан чжуйцзун дяоча [Серийное исследование положения городского и сельского пожилого населения в Китае].

Согласно прогнозам, удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения к 2020 г. достигнет 16,6 %, что составит более 245 млн человек (рис. 57). Пик старения будет достигнут в 30-х годах и продлится в течение трех-четырех десятилетий. В 2040 г. доля пожилых людей старше 65 лет возрастет с нынешних 7,5 до 20 %.

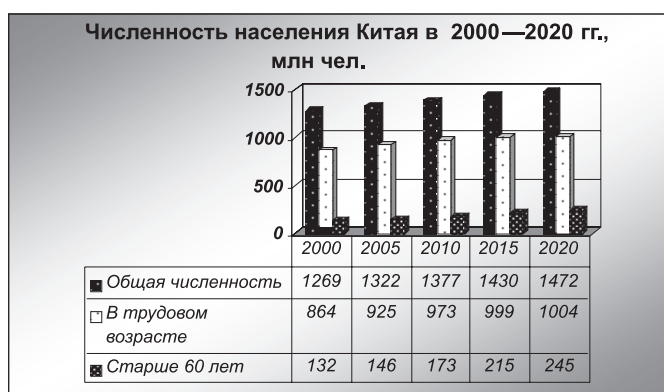

Рис. 57. Источник: Чжунго чжун чан ци фачжань ды чжунъяо вэньти 2006—2020 [Важные проблемы среднесрочного и долгосрочного развития Китая. 2006—2020].

Гл. ред. Ван Мэнкуй. Пекин, 2005. С. 59.

Примечание: данные 2005—2020 гг. прогнозные

В экономически развитых регионах старение населения происходит быстрее, чем в относительно отсталых. Уже сегодня в трети административно-территориальных единиц первого порядка, расположенных в восточном приморье, удельный вес пожилых людей значительно выше средних данных: в Шанхае он составляет 18,48 %, в Тяньцзине и провинции Цзянсу — 13,75 %, в Пекине — 13,66 %. В некоторых районах естественный рост населения стал отрицательным, хотя общая численность населения страны продолжает возрастать на 14—15 млн человек в год.

Старение населения измеряется несколькими показателями. Один из них — средний медианный возраст. В настоящее время медианный возраст составляет в КНР 33 года (по миру в целом — 28 лет, в развивающихся странах — 26, в развитых — 39, в России, по переписи 2002 г., 37,1 лет). В 2050 г. медианный возраст в Китае достигнет 42 лет. Соответственно, намного ухудшится соотношение лиц, находящихся в рабочем и нерабочем возрасте. К середине века пожилым будет каждый четвертый китаец. Если

не изменится возраст выхода на пенсию, то к 2050 г. на 100 работников в Китае будет приходиться 79 пенсионеров.

Численность единственных детей в семьях достигла 140 млн человек. Это значит, что 140 млн супружеских пар, а также вдвое большее число их престарелых родителей должны в своем преклонном возрасте рассчитывать на моральную и материальную поддержку одного единственного кормильца. Поскольку в подавляющем большинстве случаев это нереально, постольку коренные изменения в демографической структуре китайского общества ведут к существенным сдвигам в устремлениях, ценностях, предпочтениях всех возрастных групп. Постепенно уходит в прошлое время, когда основное бремя заботы о старшем поколении лежало на детях. Осуществлять эту функцию в однодетных семьях, где младшие поколения гораздо малочисленнее старших, становится все более сложно. Отсюда пожилые люди все больше надежд возлагают на социальную поддержку общества и государства.

Исследования показывают, что всего за 6 лет (с 2000 по 2006 г.) доля тех пожилых людей, для кого приоритетным выбором становится участие в социальном страховании по старости, повысилась в городе с 23,4 до 50,3 %, а в деревне — с 5,1 до 11,8 %. Соответственно удельный вес стариков, возлагающих первостепенную надежду на поддержку детей, сократился в городе с 52,3 до 18,4 %, а в деревне — с 80,8 до 63,6 %.

Сегодня в городах примерно половина пожилых людей (50,3 %) живет совместно с другими членами семьи, а другая половина — отдельно. Доля одиноких стариков в «опустевших гнездах» за последние годы быстро растет. Одновременно увеличивается число очень старых и беспомощных людей, нуждающихся в постоянном патронаже. В деревне пожилых людей, проживающих самостоятельно, меньше (38,3 %).

С 2000 по 2006 гг. удельный вес пожилых жителей города, получающих пособие по старости, увеличился с 69,1 до 78 %, а средний размер их годового дохода — на 61,8 %. Доля тех, чей годовой доход находится ниже границы прожиточного минимума в соответствующей местности, сократился за тот же период с 4,9 до 3,5 %, а доля способных самостоятельно обеспечивать себя выросла с 74,7 до 80,5 %. На 64,9 % вырос размер годового дохода пожилого человека в деревне. Уменьшилась с 31,9 до 23,9 % доля тех, чей годовой доход ниже уровня, позволяющего в данной местности обращаться за социальной поддержкой. 45,5 % пожилых

жителей деревни продолжает заниматься крестьянским трудом, 5,4 % имеют доходы от иных хозяйственных занятий. Вместе с тем вырос с 12,4 до 14,2 % удельный вес тех деревенских стриков, которые вообще не имеют никакого источника жизнеобеспечения. В целом материальный уровень жизни пожилых жителей города и деревни существенно различен (табл. 10).

Таблица 10. Доходы и расходы пожилых людей в городе и деревне

	Город	Деревня
Удельный вес получающих пособие по старости (%)	78	4,8
Средний размер месячной пенсии (юани)	990	684
Средний годовой доход (юани)	11 963	2722
Расходы (юани)	10 028	2691
В том числе на лечение	885	287
Удельный вес получающих социальные пособия на лечение (%)	74,1	44,7

Источник: Чжунго чэнсян лаонянь жэнькоу чжуанкуан чжуйцзун дяоча [Серийное исследование положения городского и сельского пожилого населения в Китае].

Рост доходов, однако, мало влияет на структуру расходов. По-прежнему подавляющая часть средств идет на поддержку элементарного жизнеобеспечения, или, как говорят китайцы, «тепла и сытости». В 2000 г. доля таких расходов составляла в городе 63,3 %, в деревне — 77,2 %, в 2006 — соответственно 64,2 % и 75,5 %.

В течение последних десятилетий быстрый экономический рост Китая в немалой степени обеспечивался значительным возрастанием числа работников. Такая ситуация, которую в КНР называют «периодом демографических дивидендов», продлится еще некоторое время. Но в 2013 г. рост населения в рабочем возрасте стабилизируется, а затем начнется его сокращение. Постепенно будет исчерпан ресурс избыточной и дешевой рабочей силы, обеспечивавший сравнительное преимущество Китая в ускорении экономического роста. Первые признаки этой тенденции наблюдаются в ряде районов страны уже сегодня. К 2050 г. произойдет также значительное постарение структуры рабочей силы: более чем в полтора раза уменьшится доля работников в возрасте до 30 лет (в сравнении с 1990 г.), и в два с лишним раза увеличится доля работников в возрасте 45—49 лет.

Старение населения — общемировая тенденция. Но беда в том, что, в отличие от развитых государств, где эта тенденция стала проявляться, когда было накоплено немалое национальное богатство, в Китае ускорение этого процесса, во многом искусственное, началось на ранней стадии развития, когда производство ВВП на душу населения еще не достигало 1000 долл. Такая ситуация в мировой истории не имеет прецедента. Поэтому быстрое старение населения представляет серьезный вызов социально-экономическому развитию страны. Оно требует от государства, общества и семьи все больших финансовых затрат на социальную помощь и здравоохранение пожилых, оттягивая тем самым ресурсы из других важных областей, включая образование и поддержку иных слабых социальных групп. Даже в том случае, если Китаю удастся на длительное время удерживать высокие темпы экономического роста, ему будет весьма непросто справляться с жизнеобеспечением возрастающего числа пожилых людей³².

Из 159 млн пожилых людей право на получение регулярной пенсии имеют только 44 млн человек, или менее трети. Тем не менее, старение населения, даже при таком соотношении, сильно увеличивает нагрузку на заработки трудящихся.

Пенсионный фонд пополняется отчислениями от доходов нынешних поколений работающих людей. При его создании в 1990-х годах отношение тех, кто платит взносы в пенсионный фонд, и пенсионеров составляло 5 : 1, к 2008 г. оно поднялось до 3 : 1. Пенсионный фонд с самого начала испытывал дефицит. В 2000 г. общая сумма «пустых счетов» в фонде составляла более 36 млрд юаней, к концу 2005 г. она возросла до 800 млрд юаней. В 2030 г. дефицит фонда может достичь 6 трлн. юаней. С 1998 г. дотации из центрального и местных бюджетов на базовое страхование по старости составили 540 млрд юаней³³.

Сегодня средний фактический возраст выхода на пенсию, как и в 80-х годах прошлого века, составляет 51,2 года. Для уменьшения финансовой нагрузки на фонд заработной платы обсуждаются возможности повышения пенсионного возраста. Один из вариантов предусматривает постепенное увеличение возраста выхода на пенсию для женщин начиная с 2010 г., а для мужчин — с 2015 г. на один год каждые три года с тем, чтобы в конечном счете поднять его до 65 лет. В этом случае прогнозируемое на 2020 г. соотношение численности населения в трудовом и нетрудовом возрасте изменилось бы с 3 : 1 до 3,8 : 1, на 2030 г. — с 2,4 : 1 до 3,2 : 1, на 2050 г. — с 1,8 : 1 до 3 : 1³⁴. Такой

подход позволил бы увеличить взносы в пенсионный фонд и облегчить его дефицит, но вместе с тем он еще больше обострил бы проблемы занятости.

Рассматриваются также варианты пересмотра иных, помимо возраста, условий назначения пенсии: продолжительности уплаты взносов в фонд (или рабочего стажа), состояния здоровья и т. д. В 1997 г. минимальный срок уплаты взносов был повышен с 10 до 15 лет, но многие эксперты считают и такой срок недостаточным, поскольку он позволяет уходить на пенсию в возрасте 40—50 лет, и предлагают увеличить его вдвое. Преждевременный выход на пенсию, ложащийся дополнительным бременем на пенсионный фонд, в ряде случаев бывает вынужденным вследствие реорганизации государственных предприятий.

За последние десятилетия мальчики в Китае рождаются существенно чаще, чем девочки: как минимум 120 : 100 против 103—107 : 100, что считается нормой. В некоторых провинциях это соотношение достигает 130:100. Еще хуже ситуация в сельской местности.

Проблема в том, что курс на ограничение рождаемости столкнулся с традиционной установкой на продолжение рода по мужской линии. Свою роль сыграла также реальная дискриминация женщин — при трудоустройстве, наследовании, решении земельных вопросов в деревне. В этой ситуации население стало широко прибегать к выборочным по полу абортам.

Наблюдаемый уже в течение двух десятилетий дисбаланс новорожденных в перспективе отзовется диспропорцией женихов и невест. К 2020 г. число одиноких юношей достигнет 30—40 млн человек. Китаю грозит их возрастающее соперничество, а соответственно и обострение различного рода преступлений, совершаемых на сексуальной и матримониальной почве (продажа и кража невест, многомужество, проституция и т. п.).

Оптимальный вариант демографической политики призван минимизировать ее отрицательный эффект и предотвратить обострение социальных проблем, причем не только для нынешнего, но и для грядущих поколений. Выбирая между ослаблением контроля за ростом населения ради облегчения проблем старения населения, дисбаланса полов, репродуктивного здоровья женщин и т. п., с одной стороны, и продолжением достаточно жесткого (хотя и с некоторой корректировкой) курса на ограничение рождаемости во имя конечной оптимизации размеров на-

селения Китая — с другой, китайское руководство до последнего времени все же склонялось в пользу последнего.

Необходимость в долгосрочной перспективе сдерживать рост народонаселения в стране диктуется не только бюджетными ограничениями, но и скудостью природных ресурсов в расчете на душу населения. Особенно это касается тех ресурсов, которые нельзя импортировать: пахотных земель, пастбищ, лесов, источников пресной воды. Приходится принимать во внимание также прогрессирующее ухудшение экологической обстановки. Наконец, рост народонаселения серьезно затрудняет решение социальных проблем, особенно проблемы занятости, сдерживает совершенствование систем образования и здравоохранения.

Тем не менее, определенные коррективы в демографической и социальной политике государства в перспективе необходимы и возможны. Отчасти они уже происходят. Если оба супруга были единственными детьми в своих семьях, им разрешено рожать второго ребенка. Данный подход реализует обещание китайского руководства, высказанное в 70-х годах прошлого века, ограничить жесткий контроль над рождаемостью одним поколением. В апреле 2009 г. на проходившем в Шанхае симпозиуме по проблеме пожилых людей в гармоничном обществе было высказано предположение о возможности дальнейшего смягчения курса на планирование семьи, с учетом всех его негативных последствий.

Примечания

¹ Шичан бао. 2004. 25 мая.

² *Фэн Фэй*. Чжунго нэнъюань чжаньюэ яо шисянь чжуаньсин [Энергетическая стратегия Китая должна быть преобразована] // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 ноября.

³ Дянь хуан мэйхуан юхуан нэнъюань: шуй лай гунъин Чжунго? [Электрический голод, угольный голод, нефтяной голод. Кто снабдит Китай?] // Чжунго цзинцзи чжоукань. 2003. 23 декабря.

⁴ Жэньминь жибао хайвай бань. 2008. 28 октября.

⁵ *Ма Кай*. Чжунго чжуаньбянь цзинцзи цзэнчжан фанши ю вэй поце (Смена модели экономического роста в Китае настоятельно необходима) // Жэньминь ван. 2004. 22 марта.

⁶ Чжунго: жэнь юй цзыжань сетяо фачжань [Китай: согласованное развитие человека и природы] // Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 26 марта.

⁷ Об этой ситуации подробнее см.: Бергер Я. М. О достоверности экономического роста Китая и «китайской угрозе» // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 40—55.

⁸ Шичан бао. 2009. 9 февраля.

⁹ Чжунго гунбу синь и лунь куанчань цзыюань гуйхуа гунсуй маодунь жи тучу [Китай опубликовал новую программу по минеральным ресурсам: противоречия между поставками и потреблением каждый день растут] // Чжунго ван. 2009. 8 января.

¹⁰ Ван Аньцзянь. Чжунго цзинцзи фачжань юй куанчань цзыюань пинцзин [Экономическое развитие Китая и узкое место минеральных ресурсов]. <http://www.mep.gov.cn/zxbd/lsglt/20050830/1184.htm>

¹¹ Подсчитано, что в в 2020 г. общий объем импортируемого (преимущественно морем) минерального сырья составит 500 млн т, что означает ежедневное прибытие 12 танкеров водоизмещением по 100 тыс. т каждый. Для этого нужно иметь бесперебойно работающий флот из 700 таких танкеров. В 2005 г. у Китая их было менее 20.

¹² Дин Юаньчжу. Данцянь вого шэхуэй фачжань ды цзедуаньсин течжэн хэ мяньлин ды цянъцай фэнъянь [Этапные особенности современного социального развития Китая и предстоящие потенциальные риски] // Шэхуэй ланьпишу. 2004 нянь Чжунго шэхуэй синши фэньси юй юйцзэ [Голубая книга. 2004 год: анализ и прогноз социальной обстановки в Китае]. Пекин, 2004. С. 192.

¹³ Пэн Кэпэн. Чжунго гэнди цзыюань баоху юй кэчисюй фачжань ды бянъчжэн сыкао [Охрана пахотных ресурсов Китая и диалектические размышления об устойчивом развитии] // Кэсюэ синьвэнь цзачжи. 2007. 25 декабря.

¹⁴ Smil V. China's Past, China's future energy, food, environment. N.-Y. Routledge Curzon. 2004. P. 128—129,

¹⁵ Harkness J. Who will feed China... Again! <http://iatp.typepad.com/thinkforwad/2009/01/xxx.html>

¹⁶ Мао Юйши. Вэйшэммо 18 и му гэнди хунсянь мэй ю бияо? [Почему не нужна красная линия 1,8 млрд му пашни?]. <http://www.unirule.org.cn/SecondWeb/Article.asp?ArticleID=2711>

¹⁷ Пэн Кэпэн. Чжунго сэнъинь цзыюань туйхуа вэньти фэньси. [Анализ проблем деградации лесов в Китае]. <http://www.ctisd.com/Web/ProForum/20071026/6851.html>

¹⁸ Чжунго сэнъинь цзыюань юй кэчисюй фачжань. [Лесные ресурсы Китая и устойчивое развитие]. <http://www.sciencenet.cn/htmlk/showsbnews1.aspx?id=191370>

¹⁹ Синьхуа шэ. 2004. 3 марта.

²⁰ Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 7 января.

²¹ Лун Сяомин. Люйсэ GDP: чжэшэ Чжунго фачжань ды дайцзя. [Зеленый ВВП: цена за развитие Китая] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 7 марта.

²² Чжоу Юаньчунь. Чжунго нэньюань чжаньлюэ чжисян 2020 [Энергетическая стратегия Китая направлена на 2020 г.] <http://www.environmentinfo.org.cn/Energy/fl20426.htm>

²³ Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 3 февраля.

²⁴ Хуаньдин чжи фа куньнань чжунчжун [Исполнение экологических законов крайне затруднено] // Жэньминь жибао. 2005. 13 января.

²⁵ Ди и цайцзин жибао. 2009. 14 января.

²⁶ Чэнь Цзяминь. Жэньдайхуэй ин цзо идянь ши: цин чжэнфу гунбу люйсэ GDP [ВСНП должно сделать одно дело — попросить правительство обнародовать зеленый ВВП]. <http://www.globbrand.com/2009/190793.shtml>

²⁷ Ци Хуа, Чжан Линъюнь. «Люйсэ GDP» цзай ганьбу каохэ чжун ды шиюнсин фэньси. [Анализ применимости «зеленого ВВП» при оценке кадровых работников] // Чжунго синчжэн гуаньли. 2007. 11 декабря.

²⁸ Расчеты «зеленого ВВП» в провинции Шаньси за 2002 г., осуществленные в провинциальной Академии общественных наук, привели к поразительному выводу о том, что он составляет 66,6 % ВРП. Вскоре после этого аналогичные расчеты произвело и Статистическое управление провинции Шаньси. Хотя конкретные результаты опубликованы не были (в качестве материалов для внутреннего пользования их представили провинциальному правительству), однако было заявлено, что они «очень сильно расходятся» с академическими данными» // Цайцзин жибао. 2004. 19 декабря.

²⁹ The Economist special report on China's environment. 2004. August 21. http://www.monabay.com/external/china's_environment_2004.html

³⁰ Лю Ибинь. «Люйсэ GDP» ши фоу кэ цзовэй чжэнцзи ды хэсинь [Может ли «зеленый ВВП» служить ядром достижений] // Чжунго цзинцзи шибао. 2005. 4 марта.

³¹ Подробнее об этом см. Бергер Я. М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы. Ч.1 // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 100—113. Ч. 2 // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 76—91. То же: // Far Eastern Affairs. 2001. № 2. Р. 31—47; 2001. № 3. Р. 71—89. На англ. яз.

³² Подробнее об этом см.: Бергер Я. М. Социальная поддержка пожилых людей в Китае. Ч.1 // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 107—119. Ч. 2 // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 2. С. 86—102. То же: // Far Eastern Affairs. 2002. V.30, № 1. Р. 79—111. На англ. яз.

³³ Синьхуа ван. 2008, 7 ноября.

³⁴ Синьхуа ван. 2008, 5 ноября.

4.6. Аграрный комплекс

Одна из самых серьезных проблем социально-экономического развития Китая состоит в очень большом разрыве между городом и деревней. Город, особенно в приморских регионах, быстро модернизируется и втягивается в орбиту глобальных процессов. Деревня остается на стадии мелкого, семейного крестьянского хозяйства, сохраняет в почти неизменном виде многие черты традиционного общества и мало затронута модернизацией. Производительность труда крестьянина в натуральном выражении ниже того уровня, которого она достигала при Танской династии в VIII—IX веках¹.

За годы реформ существенно повысилась машинно-техническая оснащенность сельского хозяйства, увеличилась площадь орошения, намного выросло применение минеральных удобрений. Все это способствовало увеличению урожаев. Однако со второй половины 90-х годов прошлого века производство зерна практически расти перестало, несмотря на продолжающиеся материальные вливания (рис. 58).

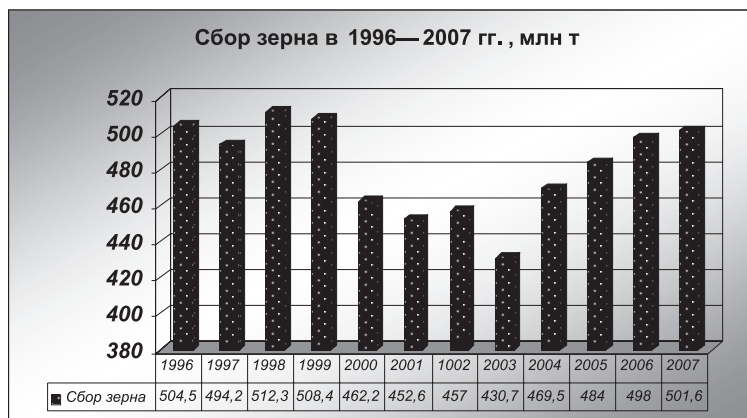

Рис. 58. Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 462.

К сокращению сборов зерна и повышению цен на него привело падение материальной заинтересованности крестьян в хлеборобстве. В 2003 г. посевная площадь под зерновыми культурами сократилась до наименьших размеров за всю историю КНР, а сбор зерна был самым низким с 1989 г. После того, как в 1998 г.

был получен самый большой в истории страны урожай зерна в 512 млн т, за последующие пять лет сборы неуклонно сокращались, упав в 2003 г. до 431 млн т. В расчете на душу населения производство зерна сократилось с 414 кг в 1996 г. до 333 кг в 2003 г. Годовой дефицит зерна составлял от 25 до 35 млн т, а в 2003 г. достиг 50 млн т. Баланс удавалось поддерживать только за счет складских запасов. С 2004 г. благодаря комплексу экстренных мер, принятых правительством, сбор зерна стал постепенно увеличиваться, составив в 2007 г. 502 млн т.

В начале реформ роспуск народных коммун и введение подворного подряда на несколько лет стимулировали индивидуальную трудовую активность крестьян, способствовали повышению их доходов и несколько сократили дистанцию, отделяющую сельских жителей от горожан. Но затем этот ресурс был исчерпан, и отставание вновь стало возрастать, поскольку рыночные реформы в городе все более набирали обороты, а деревня из их орбиты выпала. Оставались нетронутыми основные институты, определявшие разделение города и деревни. С середины 1980-х годов, когда центр реформ переместился из деревни в город, разрыв в уровне доходов городского и сельского населения непрерывно увеличивается (рис. 59).

В абсолютном выражении среднедушевой чистый доход крестьян значительно вырос, однако темпы его увеличения ниже,

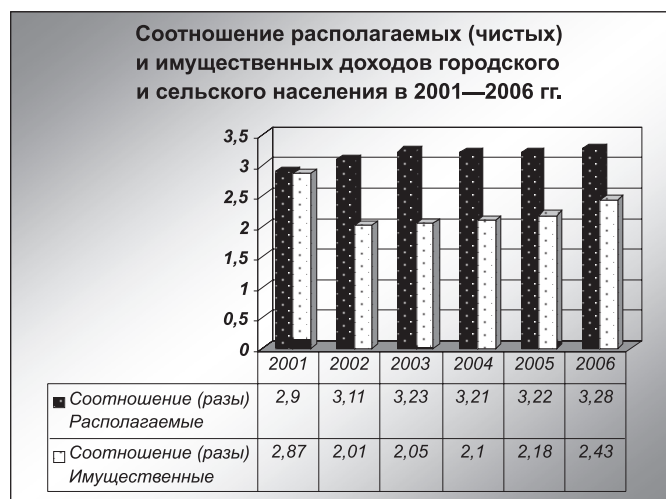

Рис. 59. Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь. 2007.

чем в городе, потому разрыв не сокращается, а увеличивается. За период с 2000 по 2007 г. он повысился в 1,8 раза, т. е. с учетом ценового фактора возрастал в среднем за год на 6,2 %. В то же время располагаемый доход горожан умножился в 2,2 раза, т. е. среднегодовые темпы прироста с учетом ценового фактора составили 10,1 %. В 2007 г. прирост чистого годового дохода сельского жителя был самым высоким с 1985 г. — 9,5 %, но у городского жителя средний располагаемый годовой доход был выше деревенского уже в 3,3 раза, а в абсолютном выражении разница составила 9646 юаней, достигнув максимума с начала реформистского курса. В 2008 г. темпы прироста почти сравнялись: 8,4 % в городе и 8,0 % в деревне, но разрыв, хоть и на немного, увеличился и превысил уже 11 тыс. юаней.

В доходах жителей деревни все большую роль играет несельскохозяйственный труд, преимущественно на стройках и промышленных предприятиях. Доля же заработков в собственно аграрной сфере сокращается, несмотря на то, что государство постоянно повышает минимальные закупочные цены на зерно (рис. 60). В 2008 г. на доходах выходцев из деревни, занятых в городе, негативно отразился глобальный финансовый кризис, но эта ситуация временная и вряд ли кардинально поменяет действующую тенденцию.

Сельское население, в отличие от городского, не охвачено системой государственного страхования. Потому с учетом скрытых доходов и социальных льгот городские жители превосходят

Рис. 60. Источник: 2008 Чжунго тунцзи чжайяо. Пекин, 2008. С. 110.

сельских в этом отношении примерно в 6 раз. Столь глубокой пропасти не знает подавляющее большинство стран мира.

Чистый среднегодовой доход крестьянина в 2008 г., по данным выборочных обследований 68 тыс. крестьянских дворов во всех провинциях страны, составил 4761 юань². Выход на такой уровень, по любым меркам, вне всякого сомнения, является огромным социальным достижением для столь многонаселенной бедной развивающейся страны, какой является Китай. Вместе с тем имущественная дифференциация внутри деревни весьма велика и все время растет. Согласно официальным статистическим данным, доходы 20 % наиболее зажиточных сельских домохозяйств в 2007 г. в 7,27 раза превышали доходы наименее обеспеченных, тогда как в городе — в 5,5 раз³. Соответственно очень большая часть сельского населения, особенно в менее развитых районах, живет на доходы, значительно уступающие средним данным, и, по критериям Мирового банка (меньше 1,25 доллара в день), составляет беднейшую социальную группу, подавляющая часть расходов которой идет только на поддержание прожиточного минимума (рис. 61).

Деревня значительно отстает от города по уровню здравоохранения и образования. Старение населения деревни идет быстрее. В деревне сосредоточено 70 % пожилых людей старше 60 лет. Отток молодых и относительно более образованных мужчин

Рис. 61. Источник: 2008 Чжунго тунцзи чжайяо. Пекин, 2008.

и женщин на заработки в города повысил средний возраст сельских работников. Деревня значительно больше страдает от неполной занятости трудоспособного населения. Если не считать сельских мигрантов, то труд остающихся в деревне работников используется не более чем наполовину.

Немалые надежды на рассасывание избытка сельской рабочей силы и соответственно — на повышение доходов крестьян связывались с развитием волостно-поселковых предприятий, но с середины 90-х годов прошлого века эти надежды стали слабеть. Ресурс такого развития был в основном исчерпан. Приток инвестиций стал сокращаться, численность занятых стабилизировалась на отметке примерно 150 млн человек. Вступление Китая в ВТО осложнило положение таких предприятий, не обладающих достаточной конкурентоспособностью в силу своих малых размеров, отсталых технологий, плохого управления и низкого качества продукции. Дополнительно их положение может затруднить все более нарастающая общественная необходимость жестко экономить дефицитные ресурсы энергии и сырья и беречь экологию окружающей среды.

Серьезной проблемой стало обезземеливание крестьянства. Обезземеливанию способствует то обстоятельство, что после фактического исчезновения производственных коллективов в деревне земля по закону остается в коллективной собственности. Пользуясь этим, власти отбирают за бесценок у крестьян землю, которая потом часто оказывается в руках земельных спекулянтов, многократно повышаясь в цене.

Новое китайское руководство предпринимает шаги, направленные на улучшение положения в деревне. Увеличены ассигнования на сельское здравоохранение и образование. Отменен сельскохозяйственный налог. Возросли вложения в инфраструктуру деревни. Намечен ряд мер по улучшению экономического и социального положения крестьян. Косвенные, опосредованные сферой обращения субсидии крестьянам заменяются прямыми субсидиями. Особое внимание обращено на необходимость повышения доходов крестьян в основных зернопроизводящих районах. Важность этой задачи связана с возросшей угрозой продовольственной безопасности страны. Усовершенствуется порядок возмездного изъятия земель. Подтверждено право крестьянских домохозяйств на легальную, добровольную и возмездную передачу права землепользования. Такой путь, как предполагается, позволит постепенно укрупнить земельные участки и сосредото-

чить их в руках наиболее успешных земледельцев, что должно повысить эффективность сельского хозяйства. Изучаются возможности нового развития кооперации. Одновременно усиливаются стимулы для перехода крестьян из земледелия в другие отрасли хозяйства. Первостепенное значение в этом отношении имеет ликвидация ограничений на работу крестьян в городах, а для имеющих стабильную занятость и жилье — и на прописку.

Новый важный этап в дальнейшем реформировании социальной сферы и экономики деревни обозначен решениями 3-го пленума ЦК КПК 17-созыва, состоявшегося осенью 2008 г. Пленум подтвердил незыблемость института подрядных отношений в деревне в течение «долгого срока» (не фиксируя, впрочем, его длительности, в отличие от прежних решений, когда он определялся сначала в 15, а затем в 30 лет). Поставлена задача к 2020 г. увеличить среднедушевой чистый доход крестьян вдвое по сравнению с уровнем 2008 г. Это означает ежегодный прирост дохода, за вычетом ценового фактора, на 6 %, что, скорее всего, не будет способствовать дальнейшему увеличению разрыва между городом и деревней, но не позволит и сократить его.

В решении этой задачи важная роль отводится повышению удельного веса имущественных доходов, в частности, связанных с оборотом земли. Создаются новые правовые основания для ускорения такого оборота, для формирования единого рынка земли и соответственно для ускоренного перехода от мелкокрестьянского хозяйства к более крупному. Фактически возмездная передача прав на земельный подряд не была запрещена и прежде, и в ряде провинций довольно широко распространена. Теперь такая практика не только официально санкционируется, но и приветствуется. При этом, однако, тщательно отслеживается неизменность назначения сельскохозяйственных земель, что необходимо для обеспечения продовольственной безопасности страны.

В Китае ведутся дискуссии о наилучших путях решения проблем собственности на землю в деревне. Как известно, в городе земля принадлежит государству, а в деревне — коллективу, который во многих случаях отсутствует, а от его имени действует местное партийное и административное начальство, распределяющее между крестьянами подряды на землю. Некоторые эксперты предлагают передать подрядные участки в собственность семьям-держателям подрядов. Против этого возражают те, кто полагает, что этот путь мог бы резко обострить социальную напряженность. И сегодня при подрядной системе нередко возникают

споры относительно распределения разных по качеству и расположению участков земли. Если же встанет вопрос об их приватизации, такие споры могут перерасти в серьезные столкновения. При этом, как полагают, крестьянин еще больше будет привязан к своему клочку земли, не захочет ни при каких обстоятельствах с ним расставаться, что еще более затруднит задачу укрупнения хозяйств. Кроме того, и это, вероятно, главное, опасаются того, что приватизация может привести, как это не раз бывало в истории страны, к концентрации земли в руках немногих и обезземеливанию большинства. Поэтому главная проблема состоит в том, как укрупнить хозяйства, не допустив поляризации земельных собственников.

Другое предложение состоит в том, чтобы провести национализацию сельскохозяйственных земель и учредить систему бессрочной аренды. Но и этот подход вызывает серьезные возражения. Утверждают, что хотя сегодня пахотные земли в деревне лишены фактического собственника, появление такового в лице государства, а точнее его чиновников, может усугубить противостояние крестьян и власти. Бессрочная наследственная аренда по тем же причинам, что и приватизация земли, также способна стать препятствием на пути укрупнения хозяйств. Ограничиться же одной национализацией, не прибегая к сдаче земли в аренду, значит понизить эффективность использования земли, ибо в густо населенных районах она неизменно выше даже при мелком хозяйствовании, чем в госхозах.

Отсюда возникает как наиболее целесообразный вариант идея на базе существующей подрядной системы, путем ее укрепления и совершенствования, соблюдая принципы добровольности и возмездности, развить рынок передачи прав на ведение подрядного земледельческого хозяйства. Укрупнение хозяйств сможет происходить благодаря передаче подряда, сдачи в аренду, использования земли в качестве паявого взноса. В некоторых местностях могут возникнуть «земельные банки», которые станут хозяйствовать на земле, передаваемой им в пользование крестьянами, управляющимися на заработки в город, или домохозяйствами, не располагающими достаточной рабочей силой и получающими за это дивиденды. Тем самым может быть ускорена урбанизация, постепенно унифицирована система прописки, получит качественное продвижение реформирование двучленного института город—деревня, значительно возрастут имущественные доходы крестьян⁴.

Особую проблему представляют приусадебные участки земли крестьян, работающих и живущих в городах. Раньше полагали, что такие участки могут быть национализированы с выплатой определенной компенсации их прежним пользователям. Однако законная процедура для передачи находящихся формально в коллективной собственности приусадебных участков крестьян не прописана. Кроме того, компенсации обычно малы.

Поэтому существуют три возможных решения этой проблемы. Первое — самое простое. Крестьяне, переезжающие с семьей на работу в город, отдают в подряд, в аренду или в качестве пая приусадебные участки вместе с подрядной землей. Однако здесь есть проблема. Если на приусадебном участке стоит дом, он может быть новым подрядчиком или арендатором снесен. И если прежнему владельцу подряда придется вернуться в деревню, он встанет перед необходимостью просить о предоставлении ему другого приусадебного участка, чтобы построить себе жилье.

Второе — продать приусадебный участок сельскому или городскому жителю или предприятию и на вырученные деньги обосноваться в городе. В этом варианте возможных осложнений, подобных указанным выше, не возникает. Однако существующие законы препятствуют продаже приусадебных участков, поскольку они находятся в коллективной собственности.

Наконец, третье — обмен. Крестьянин, переезжающий с семьей в город, передает свой приусадебный участок вместе с находящимися на нем строениями в пользование местной уездной управе, а взамен получает городскую прописку и примерно соответствующее по площади жилье. Если местным властям позволяют их финансовые ресурсы, они могут предоставлять таким крестьянам также обеспечение прожиточного минимума.

Радикально решить задачу приближения доходов крестьян к городским стандартам и социального уравнивания жителей города и деревни невозможно, пока в деревне проживает $\frac{2}{3}$ китайского населения, при том, что сельское хозяйство дает менее 15 % ВВП. Увеличить производительность труда в сельском хозяйстве до уровня, сопоставимого с неаграрными секторами экономики, можно лишь при решительном сокращении доли сельского населения, при переливе избыточной рабочей силы в более производительные отрасли, при осуществлении урбанизации, беспрецедентной в истории человечества по своим масштабам и срокам, и при последующем укрупнении земледельческих хозяйств. Только таким путем можно создать необходимые предпосылки для ра-

ционального и эффективного землепользования в деревне. Без перехода от общества крестьянского и сельского к обществу урбанизированному Китай не сможет войти в число среднеразвитых стран.

Эти процессы займут немалый исторический срок. Ни к 2020, ни к 2030 г. они завершены быть не могут. В китайской деревне все еще будет сосредоточено слишком много людей, не меньше, чем их было в канун основания КНР, при почти неизменной площади пахотного фонда. Соответственно мелкокрестьянскими будут оставаться экономика, социальная структура и психология деревни.

Долгое время темпы урбанизации в Китае отставали от темпов индустриализации. Доля городского населения в общей численности населения страны значительно уступала доле промышленности в ВВП. Низкий уровень урбанизации предопределял слабую развитость сектора услуг и тем самым — консервацию архаичной структуры занятости. Ощутимое сокращение абсолютной и относительной численности сельского населения началось лишь с середины 90-х годов прошлого века.

На XVI съезде КПК установка на урбанизацию была впервые включена в партийные документы. Считается возможным на перспективу увеличивать долю города в общей численности населения примерно на 1 % в год, что позволит довести ее к 2010 г. до 48 %, а к 2020 г. — до 60 % и приблизиться тем самым к показателям среднеразвитых стран.

Урбанизацию объективно сдерживает ограниченность территории, пригодной для расширения городов, особенно в густонаселенных и наиболее хозяйственно освоенных восточных районах страны. Под городскую застройку неизбежно попадает часть сельскохозяйственных земель. Установление жесткого контроля над этим процессом в условиях Китая представляет собой задачу первостепенной государственной важности. Обезземеливание крестьян в процессе урбанизации — проблема в социальном и политическом плане чрезвычайно чувствительная. Наличие участка земли, пусть и не в собственности, а только в долгосрочном пользовании, для китайского крестьянина служит единственной материальной гарантией на случай отсутствия иной возможности трудоустройства, болезни и старости. Аннулирование этой гарантии без предоставления каких-либо иных средств существования может привести к тому, что китайские города будут наводнены нищими безземельными крестьянами, как это происходит в некото-

рых других развивающихся странах. Предвестником такой тенденции может служить тот факт, что уже сегодня на окраинах китайских больших городов имеется 30 млн крестьян, лишенных пашни, работы и минимального социального обеспечения.

Для массовой урбанизации необходима ликвидация системы регистрации (прописки), уравнивание прав жителей города и деревни на получение бесплатного обязательного образования, на свободу перемещения, на доступ к рынку труда и пользованию социальными благами.

Превращение сотен миллионов людей из сельских жителей, занятых, особенно в глубинных районах, преимущественно сельскохозяйственным трудом, в горожан, главной сферой приложения труда которых станет неаграрная сфера, представляет собой задачу огромной сложности. Для ее решения потребуются не один десяток лет. Предстоит осуществить комплекс взаимосвязанных и тщательно продуманных мер, включающих обучение выходцев из деревни нужным городским профессиям, и создание сети посреднических организаций, которые смогут на коммерческой основе помогать будущим горожанам устроиться и адаптироваться. Увеличение доли городского населения в Китае предполагает расширение возможностей для трудоустройства в городах переселенцев из деревни и включение их в системы социального обеспечения.

Примечания

¹ Ху Аньган. Чжунго: миныйэн юй фачжань [Китай жизнь народа и развитие.]. Пекин, 2008. С. 27, 29.

² 2009 нянь нунцунь цзинцзи люйпишу [Зеленая книга о сельской экономике. 2009]. Пекин, 2009.

³ Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин, 2008. С. 106, 112.

⁴ Ли Инин. Нунцунь гайгэ гуаньцзянь цзайюй гайгэ чэн сян эрюань тичжи [Ключевое звено сельской реформы — в реформировании двучленной системы город-деревня] // Чжунго синьвэнь ван. 2008. 18 октября.

Глава 5

СУБЪЕКТЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

За годы реформ происходят значимые изменения в соотношении трех основных субъектов китайской экономики: государства, частного национального капитала и иностранного (транснационального) капитала. Государство постепенно сокращает пространство своего непосредственного присутствия в хозяйственной и производственной деятельности, выигрывая в ее качестве и сохраняя за собой командные рычаги макроэкономического регулирования. На освобождаемом поле разворачиваются взаимодействие и соперничество между крепнущим частным национальным бизнесом и утвердившимися на китайском рынке иностранными компаниями.

Китай стоит перед сложнейшей задачей смены парадигмы экономического роста, которая, в свою очередь, служит необходимой компонентой обновления модели развития. Если параллельная трансформация обеих моделей не произойдет или запоздает, перспективы устойчивого и долгосрочного развития могут быть поставлены под угрозу, что повлечет за собой необратимые социальные и политические последствия. В действующей парадигме роста основным агентом служит государство, в новой — возрастающую роль призваны играть также негосударственные сектора. Многие, если не все, важнейшие риски, вызовы и угрозы, существующие сегодня в китайской экономике, как и в других сферах общественной жизни, связаны с этим основополагающим переходом.

5.1. Государство

Осуществлять глубокие и последовательные структурные реформы, затрагивающее все области функционирования переходного общества, от экономики и политики до повседневной жиз-

ни граждан, способно только сильное правительство. Сила его покоится отнюдь не на мощи карательного аппарата, а, прежде всего, на собственной легитимности, на признании большинством общества за ним права и способности проводить такие преобразования, на убежденности в том, что реформы действительно соответствуют коренным национальным интересам, а не продиктованы узкой корыстью тех или иных властей имущих лиц и групп. Сильное правительство — это еще и правительство авторитетное, ответственное и суверенное. У него есть свобода стратегического выбора и определения собственной системы приоритетов. Оно обладает необходимыми средствами и ресурсами, чтобы этот выбор реализовать, и оно в состоянии его отстаивать, противостоя любому давлению изнутри или извне.

Только такое правительство готово и к самореорганизации, к самоограничению, перераспределению и делегированию полномочий, к отказу от тех или иных своих административных функций и прерогатив в пользу механизмов саморегулирования, будь то рынок в экономике или гражданское общество — в политике и управлении. И, самое главное, может осуществлять такой процесс не спонтанно, а организовано, целенаправленно и последовательно, хотя, разумеется, и не будучи застрахованным от сбоев и неудач.

Курс на целенаправленное и поступательное сокращение непосредственного участия государства в экономической деятельности, прежде всего, на микроэкономическом уровне, был взят почти с самого начала китайских реформ. Такой курс, однако, не имел ничего общего с неолиберальным тезисом: «чем меньше правительства, тем лучше». Сосредоточивая свои усилия на макрорегулировании, государство стремится, прежде всего, поддерживать определенную экономическую и социальную стабильность, которую не способен автоматически обеспечивать рынок. С помощью финансовой, монетарной, фискальной политики и иных средств оно не допускает и выправляет особенно опасные дисбалансы, контролирует функционирование рынка и надзирает за ним с тем, чтобы удерживать его в установленных законом рамках.

Поступательный переход от доминирования государства в экономике к тому или иному сочетанию государства и рынка характерен для многих стран догоняющего развития. На начальной стадии перехода от плановой экономики к рыночной государство в Китае сохраняло монополию на ресурсы и довольно боль-

шие права на принятие народнохозяйственных решений. Когда была существенно сокращена сфера планирования и регулирования цен, государство оставило за собой или ввело заново систему разрешений на сооружение объектов. В 90-х годах прошлого века действовавшая система государственного руководства экономикой начала испытывать возрастающее давление со стороны ряда факторов. Во-первых, стремительный рост негосударственного сектора способствовал усилению регулирующей и ведущей роли рынка. Во-вторых, под влиянием переговоров о вступлении в ВТО пришлось пойти на пересмотр таможенных тарифов и правительственных дотаций. В-третьих, довольно большие изменения произошли за последние годы вследствие реформирования системы разрешений. После вступления в ВТО Китай стал испытывать трения и нести определенный ущерб в своей внешней торговле. США, страны ЕС добивались своих целей, постоянно возбуждая вопрос о роли рыночной экономики в КНР. Пекин стремился отстаивать свои позиции, одновременно продвигая по собственной инициативе рыночные реформы.

Параллельно происходили существенные подвижки в идеологии. XV съезд КПК (1997 г.), признавая по-прежнему главенство общественного сектора, призвал одновременно развивать многоукладную экономику. XVI съезд КПК (2002 г.) пошел еще дальше, прокламировав равноправие государственного и негосударственного секторов. Эта позиция нашла свое развитие в документе Госсовета КНР «Некоторые соображения о стимулировании, поддержке и направлении развития экономики индивидуальной, частной и иных необщественных форм собственности», принятом в феврале 2005 г. Если прежде считалось, что предприятия государственной собственности априори обладают неизменным превосходством в любой отрасли, то затем была признана целесообразность дифференцированного подхода сообразно конкурентоспособности предприятий, особенно средних и мелких.

Сокращение роли государства, прежде всего, в распределении ресурсов нашло свое выражение в том, что задачи экономики на очередной пятилетний срок ее развития, начиная с 11-й пятилетки (2006—2010 гг.), устанавливаются не в виде планов (*цзихуа*), а в виде программ (*гуйхуа*), носящих менее жесткий и директивный характер. Ведущий китайский экономист Чжан Чжоюань, отмечает, что в программе на 11-ю пятилетку значительно уменьшено число экономических показателей и намного увеличено число показателей социальных и экологических. По-

казатели, которых стремится достичь правительство, направляя деятельность субъектов рынка (предприятий, компаний) посредством экономической политики, экономических рычагов, носят прогностический характер. Таковы все экономические ориентиры. Показатели же социальные и экологические являются обязательными. Они определяют и усиливают ответственность правительства. Их всего восемь:

- общая численность населения (не более 1360 млн человек);
- сокращение удельного энергопотребления на единицу ВВП (на 20 %);
- сокращение потребления воды на единицу добавленной стоимости в промышленности (на 30 %),
- сохранение пахотной площади (120 млн га,);
- сокращение объема основных загрязнителей и выбросов (на 10 %);
- увеличение доли лесопокрытой площади (с 18,2 до 20 %);
- увеличение численности жителей городов и поселков, охваченных базовым страхованием по старости (на 51 млн человек);
- увеличение доли сельских жителей, включенных в новую систему кооперативного страхования по болезни (с 23,5 до 80 % и более).

Вместе с тем собственно государственный сектор экономики продолжает играть важную роль. Принадлежащие государству и контролируемые государством предприятия составляют лишь 11 % общего числа предприятий в стране, но их доля в реализуемой прибыли равна 44,9 %, а в налоговых отчислениях — 56,7 %¹. Государство осуществляет строительство важнейших транспортных и гидротехнических сооружений.

К моменту смены руководства в Китае в 2002—2003 гг. недостаточная экономическая эффективность государственного сектора становилась все более очевидной. Усиливающееся проникновение в китайскую экономику иностранного капитала, постепенное развертывание потенциалов частного национального капитала, особенно со вступлением Китая в ВТО, все более подчеркивали их преимущества по сравнению с государственным сектором. Ситуация, при которой почти половина основных фондов и $\frac{2}{3}$ кредитов сконцентрирована в государственном секторе промышленности, поставляющем лишь треть промышленной продукции, требовала дальнейших шагов по реорганизации этого сектора.

Начальные меры для оживления деятельности государственных предприятий стали принимать практически с самого начала реформистского курса. Их пытались вовлечь в рыночную экономику, предоставляя большую самостоятельность, вводя систему подрядов. Однако предприятия, обремененные избыточной рабочей силой, тяжелыми социальными обязательствами и часто неэффективным управлением, переживали серьезные трудности. В 1998 г. $\frac{2}{3}$ их были убыточными.

Осенью 1999 г. пленум ЦК КПК принял специальное постановление, касавшееся «серьезных проблем» в реформировании и развитии государственных предприятий. В течение последующих трех лет последовал ряд мер для выправления ситуации. Однако основные структурные недостатки, связанные с неразделенностью административно-политического и хозяйственного управления, неопределенностью положения инвесторов, нечеткостью системы ответственности, не были устранены. К концу 2002 г. убыточной была почти половина из 159 тыс. государственных предприятий². Особенно тяжелая ситуация сложилась в Северо-Восточном Китае, одной из главных баз индустриализации страны. В провинции Хэйлунцзян убытки государственных предприятий местного уровня достигали 38,3 млрд юаней, тогда как вся чистая стоимость государственной собственности составляла 35,8 млрд юаней. Фактически вся госсобственность провинциального уровня, таким образом, могла перейти к банковским кредиторам в качестве «плохих активов»³. В целом по стране, вопреки усилиям правительства сократить «плохие долги» государственных коммерческих банков, их доля не опускалась ниже 20 %⁴.

Главной причиной неудач на пути основательного реформирования государственного сектора экономики была неспособность решить поставленную задачу по отделению функций администрирования от функций хозяйственных, предпринимательских. По сути, ослабление зависимости государственных предприятий от одних административных органов приводило к усилению зависимости от иных ведомств того же или более низкого уровня либо же от других государственных предприятий. Не способствовали существенному повышению экономической эффективности государственных предприятий ни контракты государственных органов с предприятиями по сохранению и увеличению стоимости фондов, ни введение сложной системы проверок и надзора за их хозяйственной и финансовой деятельностью. Попытки реорганизовать систему материального стимулирования

работников, привязав ее к результатам хозяйственной деятельности предприятия, фактически нередко способствовали разбазариванию и утечке фондов⁵.

Распространение акционирования далеко не всегда приводило к ожидаемому результату. Многие предприятия на местах из государственных переходили в разряд негосударственных негласно, завуалированно, под ширмой «реорганизации». Поскольку процесс передачи и продажи государственных фондов частным собственникам часто лишен прозрачности и соревновательности, постольку возникали сомнения в честном характере сделок и оправданности цен, по которым они совершаются. В ряде случаев «реорганизация» была средством уйти от ответственности по долгам.

Нередко раздача или дешевая распродажа акций работникам предприятия приводила к фактической приватизации государственной собственности⁶. Работники приветствовали такую приватизацию, рассматривая ее как своего рода компенсацию за несовершенство системы социального обеспечения. Тем самым государственный сектор экономики расплачивался за отсутствие социальных реформ, а интересы правительства как опекуна и фактического владельца этого сектора вступали в противоречие с интересами трудовых коллективов.

Крупные предприятия в процессе реорганизации и акционирования дробились, и основные фонды, которые могли приносить наибольшую прибыль, часто за бесценок переходили в почти безраздельное владение управленческого персонала. Рядовые работники получали лишь минимальную выгоду. Некоторые государственные предприятия при этом превращались в «семейные»: родственники высших менеджеров занимали все руководящие позиции, становясь фактически совладельцами предприятия⁷.

Особые трудности для реорганизации государственного сектора возникали при повышенной концентрации предприятий этого сектора в одном регионе. В этих случаях формировалась своеобразная региональная культура, восходящая своими корнями к плановой экономике. Главным принципом ее неписанного кодекса служило отсутствие ясных и прозрачных правил игры, что возводило чиновника на незыблемый пьедестал и возлагало все риски на инвестора. Такая культура сложилась, например, в Северо-Восточном Китае, реформирование экономики которого началось только после XVI съезда КПК⁸.

Новое китайское руководство существенно радикализовало реформу госсобственности, коренным образом изменив систему управления госпредприятиями. В результате из преимущественно производственных и социальных единиц они становятся основными субъектами рыночной экономики. Реорганизация управления госсобственностью направлена, в частности, на то, чтобы устранить или, по меньшей мере, существенно сократить различия в доходности капитала в различных секторах экономики. В целом по Китаю доходность капитала невелика, она составляет лишь 6,4 %, но в государственном секторе до реорганизации она была еще ниже — 4,9 %⁹.

Важным отличием нового этапа реформирования государственного сектора от предыдущих этапов служит то, что этот процесс опирается не столько на внутренние, сколько на внешние силы. Главным путем для системной реорганизации всего сектора, в том числе и в первую очередь крупных предприятий, стало массовое привлечение стратегических негосударственных инвесторов, располагающих не только финансовыми ресурсами, но и современными технологиями, и управленческим опытом, и кадрами. Поскольку возможности частного национального капитала недостаточны, постольку немалые надежды связывают с участием иностранного капитала.

Слияние и поглощение предприятий в государственном секторе осложнялась рядом проблем. Прежде всего, это — задолженность государственных предприятий банкам. Приобретая государственную собственность, частный инвестор всеми мерами стремился избавиться от лежащего на ней долгового бремени. Перед лицом этой угрозы банки старались не допустить такие сделки.

Серьезную проблему для преобразования характера собственности государственных предприятий представляла избыточная численность работников. По словам председателя Комитета по госимуществу Ли Жунжуна, лишними были не менее трети работников¹⁰. При слиянии и поглощении таких предприятий негосударственный инвестор стремился добиться для себя возможности сократить персонал, чему, естественно, противились работники. Их противодействие объяснялось еще и нежеланием терять свой статус. Они не считали справедливым торговаться с новыми хозяевами по поводу льгот, которые, как им представлялось, неотъемлемы. Если ответственность за трудоустройство увольняемых работников при переходе госпредприятия к ино-

странному инвестору часто были готовы нести региональные власти, то для частного национального капитала осложнение трудовых отношений — достаточно серьезное препятствие¹¹.

Любой проект по преобразованию государственной или контролируемой государством собственности в негосударственную подлежал утверждению общим собранием или конференцией рабочих и служащих данного предприятия. При этом предстояло урегулировать все проблемы, связанные с оплатой труда, задолженностью по заработной плате и социальным обеспечением работников. Такой порядок, несомненно, не мог не охлаждать готовность частных инвесторов приобретать обремененные избыточным персоналом и большими социальными обязательствами государственные предприятия¹². Однако он был неизбежен, чтобы в процессе экономических преобразований не расшатать еще больше социальную стабильность.

Сопротивление рядовых работников государственных предприятий, особенно приносящих прибыль, приходу внешних инвесторов нередко поддерживалось и даже стимулировалось менеджерами этих предприятий, не желавшими лишаться выгод, которые они приобретали при реорганизации, проводимой без использования внешних ресурсов. В некоторых случаях такое объединенное противодействие было настолько велико, что без серьезных уступок высшему эшелону управляющих предприятиями привлечение частных инвестиций оказывалось невозможным.

Ускорение преобразования государственного сектора не уменьшило попыток завладеть государственной собственностью бесплатно или по бросовой цене. Скорее, оно даже интенсифицировало такие попытки со стороны тех, кто видел для себя в новой ситуации последний шанс нажиться на этом процессе, пока у государственной собственности не появился новый хозяин, который поставит заслон утечке капитала. Среди них немалую роль играли различные административные органы, взимавшие плату за совершение сделок, выдавшие оценкой имущества, выдававшие разрешения, оказывавшие юридические, информационные и посреднические услуги. Принятые в феврале 2004 г. Комитетом по контролю и управлению государственной собственностью Госсовета КНР и Министерством финансов временные правила по управлению этим процессом оставляли немало лазеек для злоупотреблений. Правила предусматривали, что смена собственника может происходить с использованием аукционов, тендеров, соглашений и иных форм, разрешенных законом и администра-

тивными правилами. Допустимость совершения сделок путем «соглашений» и иных недостаточно гласных договоренностей могла использоваться произвольно и своекорыстно¹³.

Главным камнем преткновения в процессе слияния собственности стала проблема формирования цен, которую непросто решать в условиях неразвитого рынка собственности. Справиться с этой проблемой и тем самым остановить утечку государственных активов, по мнению ведущего специалиста по реорганизации предприятий представительства Мирового банка в Китае Чжан Чуньлиня, невозможно без перехода к системе открытых и прозрачных конкурсов. Потенциальному покупателю должно быть гарантировано получение полной информации о предприятии, включая секретные данные. Государство может обеспечить для себя оптимальный выбор лишь в ходе честной конкуренции между конкурсантами, с учетом ценовых и неценовых факторов¹⁴.

Требовала серьезного обновления система управления государственными предприятиями, которая во многом еще сохраняла архаичные черты, унаследованные от плановой экономики. Созданные на ряде предприятий советы директоров нередко носили формальный характер. Они не обеспечивали отделения руководства, принимающего принципиальные стратегические решения, от исполнительного менеджмента, отвечающего за повседневную деятельность предприятия, что мешало модернизации управления. У таких предприятий по существу отсутствовала долгосрочная стратегия развития, без которой невозможно ни привлечь капиталы, ни устоять и тем более одержать верх в рыночной конкуренции.

Широкие масштабы приняло банкротство и закрытие убыточных государственных предприятий. Были закрыты или подвергнуты банкротству более половины испытывавших трудности и нуждавшихся в выводе с рынка крупных и средних государственных предприятий, а также рудников и шахт, исчерпавших ресурсы добычи.

Государство стало закрывать убыточные предприятия, начиная с середины 90-х годов прошлого века. Но для этой цели использовалось и продолжает еще идти так называемое «целевое (или — политическое) банкротство». При таком банкротстве имущество предприятий идет, прежде всего, не на покрытие долгов, а на поддержку лишшающегося работы персонала. К середине 2004 г. около 2000 предприятий ожидали целевого банкрот-

ства. В большинстве это были предприятия оборонной промышленности, расположенные в отдаленных районах, и горнорудные предприятия с исчерпанными ресурсами полезных ископаемых. У этих предприятий не было оборотных средств, их основные фонды морально и физически устарели и не представляли никакой ценности, а работники испытывали серьезные материальные трудности. Единственным достоянием предприятий служила земля, безвозмездно переданная государством. Ее и пытались государство продать на аукционах и тендерах, чтобы выручить средства для помощи рабочим и служащим.

Существование принципиальной возможности использовать такой вид банкротства входило в противоречие с законами честной конкуренции, не обеспечивая интересы ни кредитора, ни держателя кредитов и позволяя легко и легально уходить от выполнения долговых обязательств. Тем самым широко открывалась дорога злоупотреблениям. Однако поскольку отмена целевого банкротства могла бы нанести серьезный ущерб социальной стабильности, оно сохранялось, хотя сферу его применения стремились сократить.

На переход от целевого, политического банкротства к банкротству по закону правительство отводило четыре года, начиная с 2004 г. На этот период Комитет по госсобственности совместно с соответствующими ведомствами составил список предприятий, подлежащих банкротству и закрытию¹⁵.

Тем временем становились более изощренными и скрытными методы ложного банкротства. Под видом легальной реорганизации предприятий, смены акционеров, заключения контрактов на передачу имущества производился вывод активов, после чего подавалась просьба о банкротстве и списании долгов. На некоторых предприятиях такая практика, в результате которой от предприятия оставалась только пустая оболочка, была следствием целенаправленного курса, проводимого в течение ряда лет. К ложному банкротству прибегали и местные власти, рассматривая его как выход для разрешения накопившихся за многие годы проблем на государственных и коллективных предприятиях.

Принятие нового закона о банкротстве, который в должной мере учитывал интересы всех заинтересованных сторон, затянулось на долгий срок. За это время многократно объявляли, что работа над законопроектом близка к завершению, но каждый раз торжество оказывалось преждевременным. В 2006 г. закон, наконец, был принят, а с 1 июня 2007 г. вошел в силу.

Переходу к нормальной процедуре банкротства предприятий, столь необходимой для становления рыночной экономики, мешали, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, как ни парадоксально, позиция банков. Новый закон направлен на защиту законных прав кредиторов, которыми в подавляющем большинстве случаев являются именно банки, и, казалось бы, они должны были бы быть в наибольшей степени заинтересованы в его принятии. Тем не менее, банки отнеслись к предлагаемому порядку банкротства негативно. Примечательно, что в 95 % случаев возбуждения процедуры банкротства инициаторами выступали не банки, а держатели кредитов или иные кредиторы¹⁶.

Для того, чтобы помешать предприятию начать процедуру банкротства, прибегали к такой мере, как прекращение кредитования данного предприятия или других предприятий данного района. Район, где предприятия, вопреки позиции банка, приступали к банкротству, объявлялся зоной рискованных кредитов, и объем его кредитования сокращался, чтобы тем самым принудить местное правительство пойти на уступки банку и, используя прямое вмешательство, остановить процедуру банкротства.

Таким образом, введение процедуры банкротства предприятий, отвечающей требованиям рыночной экономики, входило в противоречие с интересами не претерпевшего достаточно глубокой рыночной трансформации и по преимуществу монополизированного государством банковского сектора. Снять это противоречие могли только последовательная банковская реформа, дальнейшее сокращение вмешательства государства в деятельность банков и развитие негосударственных кредитно-финансовых институтов.

Другим фактором, который способен парализовать эффективность новой процедуры банкротства, служит несовершенство судебной системы. В делах о банкротстве стороны часто приписаны к разным административным районам. Для беспристрастного рассмотрения дел суду нужно встать выше региональных интересов, но этому мешает прямое вмешательство в судопроизводство местных властей.

Выведение с рынка, целевое закрытие и банкротство нуждавшихся в такой процедуре предприятий в некоторых приморских районах было осуществлено к концу 2005 г. В пяти административных единицах центрального подчинения, включая Пекин,

Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, полностью перешли к легальным процедурам. Целиком весь процесс был окончен в 2008 г.

К концу 2006 г. преобразование средних и малых государственных предприятий путем акционирования, объединения, слияний и поглощений, передачи в аренду или подряд, было завершено на 80—90 %. Пользуясь благоприятной экономической и социальной ситуацией, правительство ускорило акционирование крупных предприятий. К 2008 г. этот процесс охватил 64,2 % таких предприятий (по сравнению с 30,4 % в 2002 г.). Значительная их часть стала котировать свои акции на бирже как в Китае, так и за рубежом. Менялись механизм управления, статус работников, повышалась эффективность хозяйственной деятельности.

Был взят курс на сокращение удельного веса госсектора в экономике страны: с 35—36 % примерно до 20 % (рис. 62). Тем не менее, масштабы госсектора в Китае по-прежнему остаются более значительными, чем в развитых странах, где этот показатель в четыре раза меньше, и чем в странах развивающихся, где он вдвое меньше¹⁷.

Рис. 62. Источник: составлено по данным сайта Госкомитета по контролю и управлению госимуществом КНР. <http://www.sasac.gov.cn/n1180/template/5553825/images/0057b.jpg>

Но главное состоит в том, что кардинально улучшаются показатели хозяйственной деятельности государственных предпри-

ятий, повышаются их рентабельность, конкурентоспособность, способность к инновациям (рис. 63). В связи с этим они не только остаются главным источником бюджетных доходов — как в центре, так и на местах, но их роль в этом отношении постоянно возрастает. Некоторые крупные госпредприятия выступают уже как полноценные конкуренты ТНК.

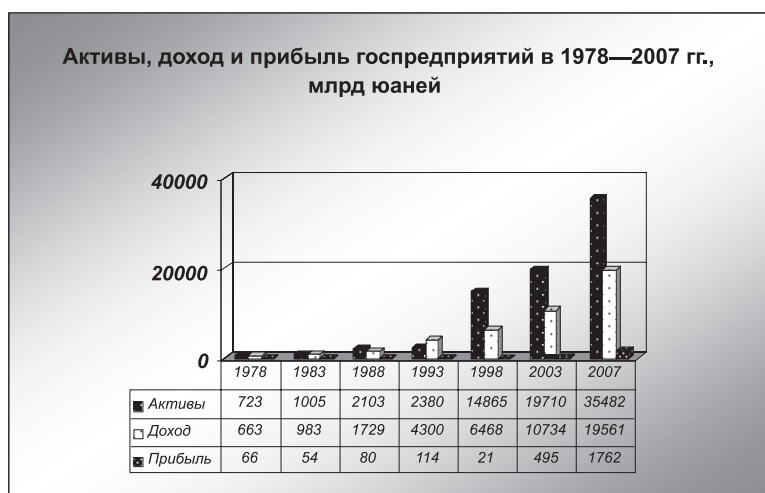

Рис. 63. Источник: составлено по: <http://www.sasac.gov.cn/n1180/template/5553825/images/0054b.jpg>

В марте 2003 г. был образован Госкомитет по контролю и управлению госимуществом при Госсовете КНР. В центре, на провинциальном уровне и в большинстве городов созданы органы по управлению государственным имуществом. В компаниях и на крупных предприятиях, где государство является единственным и полновластным собственником, в экспериментальном порядке учреждаются советы директоров, с тем чтобы отделить принятие решений от их исполнения. Проводятся открытые конкурсы на замещение руководящих постов в компаниях отечественными и зарубежными менеджерами.

Ведущую роль играют 100 с лишним крупных и сверхкрупных предприятий (некоторые из них фактически являются корпорациями с многочисленными дочерними фирмами). Стоимость основных фондов каждого из них составляет десятки и сотни миллиардов юаней. Ими ведает Комитет по госсобствен-

ности. В список 500 крупнейших компаний мира на 2008 г. входят 19 компаний, подведомственных этому органу. Свыше десятка крупных предприятий имеются в распоряжении каждой провинции или города. Ими управляют комитеты провинциального или окружного уровня.

Государство свернуло или намного сократило свое присутствие в тех отраслях, где оно особенно неконкурентоспособно. Чисто государственными остались менее трети крупных предприятий (50 из 190), включая только те, что насущно важны для обеспечения национальной безопасности и жизнеобеспечения страны, и те, что наименее прибыльны и нуждаются в государственной поддержке для удовлетворения потребностей общества.

82,8 % фондов предприятий центрального подчинения сосредоточено в таких отраслях, как нефтяная и нефтехимическая, электроэнергетика, оборонная промышленность, связь, транспорт, горнодобывающая промышленность, металлургия, машиностроение. Эти предприятия обеспечивают почти всю добычу нефти и природного газа, почтовую связь, на 55 % производство электроэнергии, 82 % гражданских авиаперевозок, 89 % грузооборота водного транспорта, 48 % производства автомобилей, 60 % металлоизделий с высокой добавленной стоимостью, 70 % оборудования для ГЭС и 75 % оборудования для ТЭС¹⁸.

Очень сложной для реформирования оставалась институциональная область, в первую очередь — так называемый «стальной треугольник», едва ли не главная цитадель бывшей плановой экономики. Каждая из вершин этого треугольника была прочно скреплена с двумя другими: первая из них — правительство, вторая — крупные государственные предприятия, особенно в монопольных отраслях, третья — финансы и рынок капиталов. Во всех этих трех областях структурные реформы продвигались крайне медленно, между тем без них китайская экономика не может в полной мере использовать преимущества рынка. Избыточная правительственная опека государственного сектора подрывала базовый принцип рыночной экономики — равноправную и свободную конкуренцию. Подведомственные государству и правительству банковская система и фондовые рынки обслуживали преимущественно ограниченное число отраслей государственной экономики и правительство.

Монополизированные государством отрасли получают сверхвысокие доходы благодаря завышенным ценам и тарифам при

низком качестве услуг. Некоторые китайские исследователи полагают, что именно этим обстоятельством объясняется столь быстрый рост дохода и прибыли государственных предприятий¹⁹. Предпринятые в последние годы попытки реформировать такие монопольные отрасли, как почта, электроэнергетика, гражданская авиация, дали некоторые позитивные результаты, однако в целом реформа продвигается медленно. Она коснулась, главным образом, естественных монополий, имеющих сетевой характер, например, систем городского водоснабжения. Однако в отраслях, связанных с поставками таких жизненно важных товаров, как поваренная соль, или товаров, имеющих первостепенное значение для пополнения казны (табак), а также в отраслях, с которыми связана государственная безопасность — военная промышленность, государственная монополизация и сопутствующая ей низкая экономическая эффективность не только не уменьшались, но, напротив, еще более возрастали. В тех отраслях, которые в какой-то мере затронула реформа, она нередко сводилась к их чисто административному разделению и вычленению отдельных блоков. Это нарушило целостность ряда отраслей (например, гражданской авиации и космонавтики), сдерживая повышение их эффективности²⁰.

Высокомонополизированной, вопреки разделению на три компании, остается нефтяная и нефтехимическая промышленность. Единая, нерасчлененная монополия здесь сменилась монополизацией отдельных сфер деятельности. В результате конкуренция между компаниями на едином рынке не возникла. К этому добавляются устанавливаемые государством цены, импортные ограничения, нерыночный механизм стимулирования и ограничения деятельности менеджеров, что вносит свою лепту в сдерживание рыночной конкуренции.

Не доведена до конца демонаполизация почты, где высокие тарифы не обеспечивают адекватное качество услуг. Сходная ситуация в авиационных и железнодорожных перевозках, где ценообразование далеко не носит рыночного характера.

Механизм регулирования монополий находится пока еще на начальной стадии. В определенной мере о его наличии можно говорить только применительно к электроэнергетике.

Основательная реформа электроэнергетической отрасли была развращена в 2002 г. Из прежде единой государственной компании были выделены две крупные сетевые компании, 5 крупных генераторных

и два вспомогательных блока. К 2007 г. задача разделения сетевого и генераторного хозяйства была решена. Одновременно был создан специальный контрольный орган, подчиненный Госсовету КНР. Частично в контроле за электроэнергетикой стали участвовать и другие ведомства Госсовета. Реформа способствовала быстрому росту электроэнергетических мощностей, которые за период с 2002 по 2007 г. увеличились вдвое. Началась плюрализация отрасли. Появились независимые предприятия. К концу 2006 г. доля пяти генераторных компаний по сравнению с 2002 г. сократилась на 8 %. Снизилась себестоимость производства, повысилась эффективность²¹.

В таких отраслях, как почта, гражданская авиация, железные дороги, нефтяная и газовая промышленность, независимые и специализированные органы регулирования, наделенные четко определенными и закрепленными в законе функциями, отсутствуют. Тем самым открыт простор для произвольного и непрозрачного принятия решений и коррупции.

Рабочую группу Госсовета КНР по подготовке антимонопольного закона создали еще в 1987 г. Был основательно изучен опыт развитых стран в этой сфере, особенно опыт Германии и других европейских стран, и подготовлен проект закона, нацеленный, в первую очередь, на ограничение деятельности административных монополий. С 1994 г. он последовательно включался в план законодательной работы высших органов власти. Однако принятие проекта в течение 13 лет тормозилось противодействием соответствующих ведомств. В конце августа 2007 г. закон был, наконец, принят Постоянным комитетом ВСНП и через год вступил в силу.

Разрубить гордиев узел, сковывающий развитие рыночных отношений в государственном секторе экономики, китайское руководство стремится также путем изменения представлений об отношениях собственности и переосмысления их структуры. В отличие от прежних подходов, ныне утверждается, что общественная и частная формы собственности не только не противостоят, но, напротив, призваны взаимно дополнять друг друга и, более того, сливаться воедино, образуя новое качество — смешанную экономику.

Пока что этот процесс еще далек от завершения. Там, где при акционировании государство сохраняет за собой роль монопольного инвестора, предприятию, как полагает один из

главных авторов реформы — профессор Чжан Чжоюань, трудно стать подлинным субъектом рынка, поскольку по-прежнему сложно отделить административные функции от функций хозяйствования²².

Предприятия центрального подчинения освобождают себя от заботы об учреждениях социальной сферы. Из ведения трех крупнейших корпораций — Китайской нефтегазовой компании, Китайской нефтехимической компании и автомобильной компании «Дунфэн» были выведены сотни средних и начальных школ и органов общественного порядка, где в общей сложности было занято 94 тыс. человек, что сократило ежегодные расходы корпораций более чем на 4 млрд юаней.

В широких масштабах была сокращена избыточная рабочая сила. В общей сложности с государственных предприятий в статусе «сяган» были уволены 28 млн человек, из которых 18 млн нашли новую работу²³. В целом число занятых в государственных «единицах» за 10-ю пятилетку сократилось на 15 млн человек.

В конце 2005 г. председатель наблюдательного совета по крупным предприятиям Госкомитета по контролю и управлению госимуществом при Госсовете КНР Ли Сяонань заявил, что реформа государственных предприятий продлится до 2015—2020 гг. В течение всего этого периода будет продолжена плюрализация собственности, которая позволит в ходе рыночной конкуренции выявить преимущества и недостатки различных типов предприятий: с чисто государственным капиталом, с абсолютным или относительным его преобладанием, а также при участии государства без обладания контрольным пакетом акций. Исключая первый тип, который акционированию не подлежит, для крупных предприятий трех остальных типов установлены правила выхода на фондовые биржи, образования совместных с национальным и иностранным капиталом компаний, сделок по обмену прав собственности, слияний и поглощений. Ставится задача создать примерно 30 крупных государственных корпораций, конкурентоспособных на мировых рынках²⁴.

Чжан Чжоюань называет реформу государственных предприятий самой трудной и вызывающей наибольшие споры из всех структурных реформ китайской экономики²⁵. Каждую весну, когда проходят ежегодные сессии ВСНП и НПКСК, делегатов засыпают письмами с протестами против дальнейшего продвижения реформы. Их главный мотив — воспрепятствовать дальнейшей приватизации народного достояния.

Итоги реформы госпредприятий и, более того, ее основное направление, цели и методы неоднократно подвергались нападкам как на страницах специальных научных изданий, так и в средствах массовой коммуникации. Очередной старт широкой кампании, нацеленной не только конкретно против данной реформы, но в более широком смысле и против всего рыночного реформистского курса Китая, дал гонконгский экономист Лан Сяньпин в 2004—2005 гг.²⁶

В самом общем виде его позиция состояла в следующем. Во-первых, менять характер собственности государственных предприятий в принципе не нужно, поскольку предприятия, оставаясь государственными, при хорошем управлении могут быть вполне эффективными и конкурентоспособными. Во-вторых, идея рыночных реформ, включающих приватизацию государственной собственности, принадлежит неолибералам. Она направлена на ограбление народа и выгодна только руководителям государственных предприятий, частным предпринимателям и находящимся в сговоре с ними чиновникам. В-третьих, менеджеры государственных предприятий намеренно ведут их к убыточности и банкротству, чтобы затем по дешевке скупать. Отсюда — требование немедленно прекратить продажу предприятий их управляющим.

Антирыночная позиция Лан Сяньпина и его единомышленников и последователей, разумеется, не представляет собой ничего принципиально нового. Аналогичные взгляды высказывались еще во время предыдущих дискуссий в Китае в начале 80-х и на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века. Разница, однако, состоит в том, что на нынешнем этапе такие взгляды готовы поддержать отнюдь не только ортодоксы старой закалки, в принципе не принимающие идеи рынка, считающие их несовместимыми с основами социализма, но и довольно большая часть людей, недовольных тем, как осуществляются эти идеи, иными словами, не удовлетворенных, по существу, той моделью рыночной экономики, которая до сего времени осуществляется в Китае. Впрочем, и прежде, по мнению известного китайского экономиста У Цзинляня, главная опасность для реформистского курса исходила не столько от консерваторов, сколько от того, в какой мере этот курс был социально справедливым и в какой мере его принимал народ. «В начале реформ большинство людей считали, что они принесут им пользу, а сегодня какие люди, в конце концов, выступают за продолжение реформ?»²⁷

Исследователи, идеологически менее ангажированные, чем нынешние антирыночники, и готовые более взвешенно и объективно оценивать итоги реформы госпредприятий, признают, что при ее осуществлении допущен ряд серьезных просчетов. Говорится, в частности, о поспешности проведения преобразований, о том, что недостаточно учитывались интересы и мнения работников преобразуемых объектов, об алчности и продажности чиновников, санкционирующих сделки. Так, в провинции Цзилинь было принято решение за один 2005 год провести в основном преобразование всех 816 государственных предприятий провинции. К октябрю эта операция, проведенная по типу «политической мобилизации», была завершена на 90 %. Однако возникло множество «неожиданных последствий», и реорганизацию пришлось проводить по второму и третьему разу²⁸. Подобно ряду других преобразований, реформу государственных предприятий осуществляют правительства различных уровней: они проектируют реструктуризацию компаний, подыскивают менеджеров и даже списывают часть задолженности, что, конечно, часто сопровождается закулисными сделками.

В этой ситуации сокращение числа государственных предприятий вело не к уменьшению партийно-правительственного аппарата, а, напротив, к его еще большему разбуханию. За период с 1995 по 2003 г. численность рабочих и служащих, занятых на государственных предприятиях и в государственных учреждениях, в целом снизилась на 39,6 %, численность работников государственных предприятий обрабатывающей промышленности — на 74 %, а число служащих партийно-правительственного аппарата и общественных организаций, напротив, возросло на 12 %. За то же время фонд заработной платы рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений увеличился на 59 %, фонд заработной платы работников государственных предприятий обрабатывающей промышленности сократился на 38,7 %, а фонд заработной платы чиновников возрос в 3,2 раза.

В результате тяготы рыночных реформ в государственном секторе экономики несут одни социальные группы, а выгодой от них пользуются другие. Все это требует существенного переосмысления и пересмотра подходов к реформам и методов их проведения, что, конечно, ни в коем случае не предполагает ни отказа от самих реформ, ни их приостановки. Речь идет лишь о более справедливом распределении результатов роста рыночной экономики и недопущении ее монополизации. В противном

случае антирыночные настроения в обществе могут укрепиться и еще более возрасти.

В докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао призвал ускорить акционирование крупных государственных предприятий, прежде всего в монополизированных отраслях, с привлечением государственного, коллективного и частного — отечественного и иностранного капитала. Он предложил также уменьшить долю государства в уже акционированных предприятиях, где она излишне велика и мешает формированию нормальных структур корпоративного управления, коренному преобразованию механизма хозяйствования и плюрализации инвестиций. Все вновь строящиеся предприятия должны быть акционерными с участием не только государственного, но и негосударственного капитала.

Государство стремится сократить чисто административные методы стимулирования экономического роста, применявшиеся особенно активно на начальной стадии рыночного курса — в первой половине 1990-х годов. Важными шагами в преобразовании экономических функций правительства стали принятый в 2003 г. и введенный в действие с 1 июля 2004 г. Закон об административных разрешениях и дополняющее его Постановление Госсовета КНР о реформе инвестиционной системы от 2004 г. В мае 2004 г. Госсовет КНР утвердил третий по счету список изъятий и поправок к перечню объектов, требующих одобрения (первые два списка были утверждены ранее — в октябре 2002 г. и феврале 2003 г.). Тем самым разрешительные функции правительства были сокращены наполовину. В августе 2004 г. Постоянный комитет ВСНП принял поправки к законам, которые еще более сужают эти функции — примерно до половины от их прежнего объема.

Тем не менее, сохранение за государством почти безграничных возможностей распоряжаться земельными и финансовыми ресурсами и роли ведущего инвестора все еще консервирует экстенсивный характер роста. Земля в Китае находится в государственной или коллективной собственности. Цена ее использования в основном определяется властью. Предоставление дешевых земельных участков повсеместно служит для местных правительств важнейшим средством привлечения инвестиций. Привлекательность этого ресурса долгое время дополнялась слабым контролем за загрязнением окружающей среды. Все это вкупе с дешевизной рабочей силы снижает производственные издержки и обеспечивает высокую конкурентоспособность предприятий

на внутреннем и внешнем рынках и соответственно стимулирует все новые инвестиции.

Ситуация, при которой распространение рыночных отношений на факторы производства происходит позже, чем в других секторах экономики, объективно создает также условия для коррупции. Без поддержки властей и связанных с ними банков многие предприятия, особенно частные, просто не могли бы выживать. По мнению У Цзинляня, за время 10-й пятилетки эта ситуация не только не изменилась к лучшему, но стала еще менее терпимой²⁹.

Периодически возникает инвестиционный бум, приводящий к растрате ресурсов и созданию избыточных производственных мощностей и демонстрационных объектов (рис. 64). Охладить «перегрев» экономики преимущественно административными средствами с каждым разом становится все труднее. Циклы «перегрева» и относительного «охлаждения» становятся короче. При этом на «перегреве» наживаются очень многие, включая владельцев малых угольных разработок и сталелитейных предприятий, продавцов недвижимости. В результате, хотя темпы экономического роста остаются высокими, качество его не улучшается. Расходуется ценные ресурсы, нарастают экономические и финансовые риски, накапливаются складские запасы, «плохие долги» в банковской системе. Одновременно обостряются социальные и политические проблемы. Отсюда следует, что государственное макрорегулирование и управление не могут сохранять свой преимущественно административный характер, но должны в возрастающей степени опираться на рычаги и возможности рынка.

Рис. 64. Источник: составлено по данным ГСУ КНР. Asian development outlook. 2007.

Некоторые китайские исследователи поддерживают идею создания «правительства публичного служения» (*гунгун фуу син чжэнфу*) вместо «правительства экономического строительства» (*цзинцзи цзяньшэсин чжэнфу*). Последнее, по мнению автора таких предложений, директора Института реформ и развития Китая (провинция Хайнань) Чи Фулиня, не сумело разрешить структурные противоречия между правительством, государственными предприятиями и государственными коммерческими банками. Уделяя основное внимание окупаемости вложений в экономику, оно пренебрегает огромной экономической и общественной эффективностью социальной сферы, неоправданно перепоручило рынку публичные продукты и публичные услуги, которые должны поставляться правительством. Чи Фулинь не отрицает ключевой роли экономического строительства, но возражает против того, чтобы основные усилия направлялись на прямое инвестирование в такое строительство. На первом месте, с его точки зрения, должно быть создание благоприятных социально-экономических условий для предприятий, основных субъектов микроэкономики. Сюда входят строгий контроль за соблюдением норм рынка, своевременное и открытое предоставление экономической информации всему обществу и создание самых необходимых базовых сооружений. Вместо прямых инвестиций — институциональные публичные услуги, включая, например, создание современных институтов собственности, ускорение реформирования земельной системы в деревне, становление эффективной финансовой системы, а также правовой системы, содействующей равноправной конкуренции. Для разрешения наиболее острых общественных противоречий предлагается создать в центре и на местах службы занятости, обеспечить развитие базового публичного образования, здравоохранения и социального страхования³⁰.

Многие трудности, проблемы и риски экономического роста Китая концентрированно выражаются в **финансовой системе**. Наиболее наглядно это проявляется в ряде очевидных противоречий. С одной стороны, непрерывно растут сбережения населения, которые, однако, недостаточно используются в инвестиционных целях. С другой — значительно более широко открыты шлюзы для массового притока иностранных инвестиций. Сотни тысяч средних и малых предприятий, прежде всего в частном секторе, испытывают острую нехватку основных и оборотных средств, а преобладающая часть ресурсов направляется в менее эффективный государственный сектор. Быстрый рост экономики не подкрепляется соответствующим развитием финансовых рынков.

Финансовая система долгие годы представляла, таким образом, слабое звено народного хозяйства, а в более широком смысле — и весьма уязвимый сегмент системы социально-экономических и общественно-политических структур страны. И именно ввиду теснейших связей и взаимозависимостей финансов с экономикой, с политическими и социальными институтами устранить недостатки финансовой системы без глубоких экономических, социальных и политических преобразований очень трудно. В равной степени справедливо и обратное утверждение: переход Китая к рыночной экономике, включение в глобализацию, решение социальных и политических проблем немыслимы без модернизации финансовой сферы.

В специальной литературе, посвященной процессам преобразования китайской экономики, в качестве одной из наиболее позитивных черт реформ за последние десятилетия отмечается их постепенность, поступательность, «градуальность». При этом нередко забывают добавить, что это качество весьма специфично и избирательно. Расширяя и углубляя рыночные преобразования, реформаторы, как правило, распространяли их на сферы, относительно легче поддающиеся переменам, обходя и оставляя в тылу наиболее сложные участки. К числу последних относятся обозначенные выше проблемы «стального треугольника» и «плохих долгов».

Банковско-финансовая сфера столь долго оставалась не затронутой глубинными, качественными преобразованиями не только в силу сопряженных с такими преобразованиями трудностей. От состояния этой сферы, может быть, во много большей степени, чем от иных, зависит экономическая, социальная и политическая стабильность общества. Именно поэтому власти отодвигали, насколько это было возможно, проведение кардинальной финансовой реформы. Однако качественный скачок в процессе включения КНР в мировую финансовую инфраструктуру, обозначенный обязательствами, взятыми при вступлении в ВТО, больше не оставлял выбора. Как пишут в Китае, «мировые финансовые акулы» изготовились к прыжку на континент, что делало дальнейшее промедление невозможным.

Китайское руководство, пришедшее к власти после XVI съезда КПК (2002 г.), вполне понимая судьбоносное значение конкуренции национальных финансовых институтов с иностранными, загодя стало готовиться к ней. Об этом свидетельствовало, в частности, создание после съезда специальной Руководящей

группы ЦК КПК по финансовой безопасности и в не меньшей степени решение 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва об акционировании государственных коммерческих банков с целью их оздоровления и повышения конкурентоспособности (2003 г.).

Банковская реформа рассматривается в Китае в качестве центрального звена модернизации всей финансово-экономической системы. Ее ускорение необходимо для дальнейшего развития рыночных отношений. Реформа развивается по двум главным взаимосвязанным направлениям: преобразование государственных банков и создание негосударственных кредитных институтов. Первое было рассчитано на четыре-пять лет и включало коммерциализацию операций, введение корпоративного управления и выход на рынок. Эти преобразования направлены на то, чтобы достичь необходимой достаточности капитала, привлечь стратегических инвесторов, усилить внешний контроль, повысить прозрачность операций и независимость в принятии решений. Придание государственным коммерческим банкам большей рыночной ориентации способствует также лучшему исполнению Народным банком Китая аналитических и регулирующих функций центрального банка.

Несмотря на практически единодушное признание принципиальной необходимости коренного преобразования банковской системы, по поводу путей, средств и темпов такой реорганизации полного согласия не было. Некоторые эксперты серьезно сомневались в возможности за столь короткий срок перестроить китайские банки по образцу западных. Они полагали, что и за десять, и за двадцать лет китайским банкам не достичь западного уровня.

Исходя из такой точки зрения, предлагалось вместо непосредственного наступления на государственные банки, использовать эволюционный, обходной маневр, подобный тому, который был применен при подходе к реформе других государственных предприятий. То есть прежде, чем перейти к глубинной реорганизации государственного банковского сектора, включающей изменение характера собственности, рекомендовали создать негосударственные банки, которые бы подготовили радикальное продвижение на главном направлении. Иными словами, полагали, что пока не созданы достаточно сильные частные предприятия, которые могли бы приобретать государственную собственность, последнюю «можно только передавать новым собственни-

кам, но не продавать, что привело бы лишь к ее сосредоточению в руках олигархических групп, как это и произошло в России»³¹.

Основным объектом противоборства национальных и иностранных банков на китайском финансовом рынке в ближайшем будущем вряд ли станут индивидуальные вклады населения. Эти вклады представляют, несомненно, немалую привлекательность ввиду их очень большой общей массы, сопоставимой с объемом ВВП, но вместе с тем они достаточно прочно привязаны к китайским государственным банкам, к которым рядовой вкладчик традиционно питает устойчивое доверие — несмотря на весьма низкие процентные ставки. Важнейшим трофеем могут стать крупнейшие корпоративные контрагенты, в особенности — государственные и частные предприятия, достаточно успешно функционирующие в сферах высоких и новых технологий и внешней торговли. Предложение новых финансовых инструментов, более высокая доходность вкладов, меньшие риски могут побудить этих наиболее выгодных клиентов покинуть государственные китайские банки и обратиться к их зарубежным конкурентам. В этом случае китайские банки будут вынуждены ограничить свой бизнес более рискованными и менее прибыльными отношениями с традиционными отраслями экономики.

Главные трудности, которые стояли на пути радикального повышения эффективности китайской финансовой системы, были связаны с не преодоленными до конца пороками прежней хозяйственной системы. Среди них ведущее место занимало бюрократическое присвоение прав собственности в государственных финансовых институтах, лишавшее их независимости, самостоятельности в принятии коммерческих решений, мешавшее модернизации менеджмента и становлению механизма инноваций. Отсюда вытекал монополизм, подавлявший жизнеспособность негосударственных финансовых организаций и соответственно еще более повышающий финансовые риски. Все это вело к нечеткости разграничения функций, полномочий и ответственности власти и бизнеса, различных отраслей финансовой деятельности, компетенций центра и регионов.

Одна из важных особенностей взаимоотношений внутри государственного сектора между финансовыми и нефинансовыми субъектами состоит в том, что правительство, как правило, непосредственно не вливает бюджетные средства в основные или оборотные фонды государственных предприятий, предпочитая поддерживать их деятельность преимущественно посредством

банковских кредитов. Государственные коммерческие банки, подменяя Министерство финансов, фактически берут на себя квазиправительственную функцию исполнения некоего дополнительного бюджета. Это обстоятельство и служит главной причиной воспроизводства и накопления «плохих активов», поскольку именно на государственные банки перелagается бремя неэффективного или даже убыточного хозяйствования госпредприятий, их социальных обязательств, равно как и ошибочных решений правительства по созданию новых предприятий.

В конце 2002 г. общая сумма «плохих долгов» в четырех крупных государственных банках составляла 2,1 трлн юаней. Показатели достаточности собственного капитала были намного ниже мировых стандартов. Банки находились практически на грани технического дефолта. Доля таких долгов китайских государственных банков в ВВП, по определению известного китайского экономиста Фань Гана, составляла примерно 26—27 %. Если прибавить сюда долги, переданные банками управляющим компаниям, то эта доля могла возрасти, вероятно, до 40 %, что ставило Китай по этому показателю на одну из самых худших позиций в мире. Ситуация в стране была намного хуже, чем в Японии, которая традиционно считается государством, страдающим от «плохих» банковских долгов, но где спор идет о доле в 6 или 10—11 %³².

Какие бы меры ни принимало правительство с целью исправить ситуацию, они в лучшем случае давали лишь кратковременное улучшение. Коренным образом выправить положение не удавалось. Практика предоставления государственным предприятиям фактически ничем не обеспеченных и низкодходных кредитов продолжалась. В результате «плохие долги» накапливались, а доходы по кредитам непрерывно сокращались.

В начале января 2004 г. Госсовет КНР объявил о начале экспериментального акционирования Банка Китая и Строительного банка. В 2005—2006 гг. они прошли листинг на Шанхайской и Гонконгской биржах. Вскоре к ним присоединился и Промышленно-торговый банк. После серьезного реформирования четырех главных коммерческих банков Китая: Промышленно-торгового, Строительного, Транспортного и Банка Китая показатели их деятельности серьезно улучшились.

К концу 2007 г. достаточность собственного капитала в четырех государственных коммерческих банках достигла 23,71 % против 2,11 % в конце 2003 г., доля «плохих долгов» сократилась

с 16,84 до 2,81 %, а показатель рентабельности увеличился с –0,88 до 15,57 %, что соответствовало уровню лучших банков мира. 28 китайских банков привлекли 37 зарубежных стратегических инвесторов с общим капиталом 23,6 млрд долл. Общие активы иностранных банков в Китае составляют 138 трлн юаней или 2,33 % всех активов банковских и финансовых организаций страны. Одновременно китайские банки наращивают собственную деятельность за рубежом, создавая свои филиалы и представительства и приобретая активы³³.

Параллельно с крупными государственными банками получили развитие средние и малые коммерческие банки, сельские финансовые организации. Общая капитализация китайских банков в 1997–2007 гг. увеличилась с 9,5 трлн до 52,6 трлн юаней, в том числе на долю негосударственных банков приходится 46 %³⁴.

Реформа значительно укрепила способность китайских банков бороться с инфляцией и дефляцией, противостоять воздействию мирового финансового кризиса, содействовать развитию реального сектора экономики КНР. Значение проведенных преобразований в полной мере выявилось во время глобального финансового кризиса, начавшегося в 2007–2008 гг. Китай стал одной из немногих стран, чья банковско-финансовая сфера пострадала в наименьшей степени.

Примечания

¹ Жэньминь жибао. 2006. 29 марта.

² Линь Ифу. Цзеду Чжунго цзинцзи мэй ю сяньчэн моши [Для интерпретации китайской экономики нет готовой модели]. Пекин, 2007. С. 82.

³ Синьхуа ван. 2003. 13 апреля.

⁴ Чэнь Минсин, Цзинь Фуцзы. Хунгуань чжэнцэ ин чжунши ды сань да вэньти [Три крупные проблемы, требующие внимания макроэкономической политики] // Цзинцзи цанькао бао. 2003. 17 апреля.

⁵ Чжан Вэнькуй. Цзинь нянь лай гою цие гайгэ ды цзиньчжан цзи чжэнцэ цзяньи [Продвижение реформы государственных предприятий за последние годы и предложения по политике] // Чжунго фачжань яньцзю. Гоюань фачжань яньцзю чжунсинь яньцзю баогао сюань [Исследования развития Китая. Сборник исследовательских докладов Центра исследований развития при Госсовете КНР] / Гл. ред. Ма Хун и Ван

Мэнкуй. Пекин, 2003. С. 384. Утечка госсобственности в среднем достигала сотен миллионов юаней в год.

⁶ Китайские власти, специалисты и органы массовой информации по-прежнему тщательно избегают пользоваться табуированным понятием приватизации — Фачжи жибао. 2003. 7 марта.

⁷ В принципе выкуп менеджерами активов компании у акционеров в целях ее реорганизации (МВО — Management Buy-out) в мире довольно широко распространен. Но в Китае он приобрел весьма специфичные формы, будучи направлен почти исключительно на скупку государственных и отчасти — коллективных предприятий. При этом менеджеры могут действовать самостоятельно или же выступать в кооперации с иностранными инвесторами или же с рядовыми сотрудниками фирмы. Китайское руководство приостановило этот процесс до тех пор, пока не будут выработаны процедуры, не будет отработан механизм ценообразования и не будут легально определены источники средств для покупки компаний.

⁸ Цайцзин шибао. 2004. 9 мая.

⁹ Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 31 марта.

¹⁰ Баньюе тань. 2004. 27 июля.

¹¹ По словам профессора университета Цинхуа Вэй Цзе, на воротах одного из приватизированных предприятий он увидел лозунг: «Лучше быть чертом на государственном предприятии, чем человеком — на предприятии народном». [*Нин цзо гою цие ды гуй, бу цзо минъюн цие ды жэнь*] // Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 8 января.

¹² 20 % средних и начальных школ и 40 % больниц в Китае содержались за счет государственных предприятий и организаций. — Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 8 января. Государственные предприятия ежегодно выделяли на строительные и образовательные цели в городах 50 млрд юаней и вносили в общественные фонды 5,6 млрд юаней. — Жэньминь жибао. 2004. 26 февраля.

¹³ Шичан бао. 2004. 10 февраля.

¹⁴ Чжан Чунлинь. Жухэ цзедин хэ фанчжи гоци гайчжи чжун ды «гою цзычань люйши»? [Как ограничить и предостеречь «утечку государственных фондов» в процессе реформирования системы государственных предприятий] // Чжунго цзинцзи шибао. 2004. 20 апреля.

¹⁵ Жэньминь жибао. 2004. 26 февраля.

¹⁶ 21 шицзи цзинцзи баодао. 2004. 25 июня.

¹⁷ Чжан Чжоюань. Гоцие гайгэ жэн чу юй гунцзянь цзедуань. [Реформа госпредприятий по-прежнему находится на этапе штурма] // Чжунго цинняньбао. 2004. 18 апреля.

¹⁸ *Ли Жунжун*. Гайгэ 30 нянь гоци юньсин цзичжи фашэн гэньбэнь-син бяньхуа. [За 30 лет реформ произошли коренные изменения в механизме функционирования государственных предприятий] // Шанхай чжэнцюань бао. 2008. 9 декабря.

¹⁹ *Се Цзянь*. 2008 нянь гоци гайгэ тупокоу ши шэммо? [Где прорыв в реформировании госпредприятий в 2008 г.?] // Хэ сюнь ван. 2008. 7 мая.

²⁰ *Ян Минвэй, Дань Цзилинь*. Дапо лундуань суй сян цзуншэнь туй-цзинь. [Для разрушения монополий необходимо продвижение вглубь] // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 30 декабря.

²¹ *Дун Вэйган, Чжан Цзиньчжу*. Лундунь чань туйчжи гайгэ цюдэ ды цзиньчжан [Продвижение в реформировании системы отраслевых монополий]. Фачжань хэ гайгэ ланьпишу. Чжунго цзинцзи фачжань хэ тичжи гайгэ баогао. Чжунго гайгэ кайфан 30 нянь (1978—2008) [Синяя книга о развитии и реформах. Доклады о реформах и открытости]. Пекин, 2008.

²² *Чжан Чжоюань*. Го цие гайгэ жэн...

²³ Гою цие гайгэ 30 нянь хуэйгу. [Оглядываясь на 30 лет реформы госпредприятий]. Синьхуа. 2008. 23 июня.

²⁴ Мэй жи цзинцзи синьвэнь. 2005. 18 ноября.

²⁵ *Чжан Чжоюань*. Гою цие гайгэ шан цай гунцзянь [Реформа госпредприятий находится в процессе штурма] // Сайт Центральной партийной школы при ЦК КПК. 2008 13 июня.

²⁶ Более подробно см.: *Борох О.* Выступления Лан Сяньпина и дискуссия о реформе государственных предприятий в КНР (2004—2005 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4.

²⁷ Чжунго цзуй да ды вэйсянь ши «цзе гайгэ чжи мин люедоу дачжун» [Самая большая угроза — ограбление народа под вывеской реформ] // Цзинцзисюецзя ван <http://finance.people.com.cn/GB/4223069.html>

²⁸ Чжунго цзинцзи шибао. 2005. 28 декабря.

²⁹ Там же.

²⁹ *У Цзинлянь*. Чжуаньбянь цзэнчжан фанши яо почу тичжи чжаннай. [Для изменения способа роста нужно устранить институциональные преграды] // Ди и цайцзин жибао. 2006. 31 марта.

³⁰ *Чи Фулинь*. Цюаньмянь лицзе «гунгун фуусин чжэнфу» ды цзибэнь ханьи [Полностью уяснить смысл «правительства публичного служения»] // Жэньминь луньтан. 2006. № 5.

³¹ См.: *Дэн Цзинь*. Иньхан гайгэ мэй ю цзуй ю сюаньцзе. [У банковской реформы нет оптимального варианта] // Цзиньцзи гуаньча. 2003. 4 августа.

³² *Фань Ган*. Чжунго вэй шэммо мэй ю пэнхуэй? [Почему нет краха в Китае?] // Чжунго хунгуань цзинцзи синьси ван. 2006. 29 апреля.

³³ Гайгэ кайфан 30 нянь ханье фачжань цзиши. [Данные о развитии банковского дела за 30 лет реформ и открытости]. Синьхуа шэ. 2008. 2 ноября.

³⁴ Дай Сялун. Чжунго цзиньжунье гайгэ кайфан 30 нянь ды сыкао. [Размышления о 30-летию финансовой реформы в Китае] // Синьхуан. 2009. 2 января.

5.2. Иностранный капитал

Курс на открытость Китая внешнему миру, принятый в начале 80-х годов прошлого века и порывавший с традицией многовековой замкнутости страны, означал, прежде всего, расширяющийся доступ иностранного капитала в китайскую экономику: вначале на ограниченную территорию и в ограниченное число отраслей, а затем — во все более широких масштабах.

Двигаться в этом направлении Китай побуждал пример успешного развития соседних и даже родственных стран и регионов в Восточной Азии, прежде всего — «четырёх малых драконов». Два из них: Гонконг и Тайвань — неотъемлемая часть Китая, Сингапур связан с ним этнически, а Южную Корею объединяет общая конфуцианская культура.

Начало политике открытости было положено в августе 1980 г., когда в южном приморье были созданы четыре специальные экономические зоны (СЭЗ): две в провинции Гуандун — Шэньчжэнь и Чжучжоу и две в Фуцзяни: Шаньтоу и Сямэнь. СЭЗ притягивали капиталы китайской диаспоры, которая стала вкладывать средства в предприятия, производившие товары для экспорта. Для зарубежных инвесторов были созданы исключительно выгодные и привлекательные условия. Они получили в пользование по низким ставкам землю на срок до 50 лет. Налог на прибыль составлял 12 % (против 17,5 % в Гонконге), но мог быть по договоренности еще более снижен.

За два с половиной десятилетия своего развития Шэньчжэнь из небольшой рыбацкой деревушки превратился в один из крупнейших городов КНР, важнейший индустриальный, образовательный и научно-технический центр. Фактически использованные за это время накопленные иностранные инвестиции составили 38,9 млрд долл. По размерам ВРП на душу населения и по уровню жизни Шэньчжэнь вышел на 1-е место в стране. Он стал своего рода экспериментальной площадкой и первопроходцем в осуществлении многих экономических реформ.

В 1985 г. привилегии небольших по площади СЭЗ распространили на более обширные территории в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и в южной части провинции Фуцзянь. Китайские эмигранты получили дополнительные льготы. Их предприятия на три года полностью освобождались от подоходного налога, а в последующие четыре года его уплачивали в половинном размере. В 1986 г. особо льготный режим был предоставлен предприятиям с иностранным капиталом, производящим экспортную и высокотехнологичную продукцию. Для них устанавливались более низкая плата за пользование земельными участками, водой, электроэнергией, транспортом, связью. По истечении срока, в течение которого они освобождались от уплаты подоходного налога, наступало время, когда налог взимался в половинном размере. Налоговая ставка в специальных экономических зонах и районах освоения снижалась до 10 %, в том числе для предприятий с прогрессивными технологиями срок льгот продлевался на три года. Зарубежные инвесторы получали право вкладывать полученную ими прибыль в бизнес на территории Китая. Экспортные товары, за исключением особых случаев, освобождались от взимания единого промышленно-торгового налога. В апреле 1988 г. самой большой специальной экономической зоной в стране стал остров Хайнань. В 1990 г. такой же режим был предоставлен новому району Шанхая — Пудуну.

Стремясь привлечь как можно больше иностранных инвесторов, Пекин постоянно совершенствовал свое законодательство и предоставлял иностранцам больше льгот, чем отечественному капиталу, даже после вступления в ВТО, вопреки ее правилам. Особенно большие привилегии имели иностранные инвесторы в провинциях Юго-Восточного Китая, которые по разным причинам являются лидерами экономического роста в стране. Здесь, например, налоги и сборы с суммы продаж иностранных предприятий ниже не только, чем у государственных предприятий, что является правилом и для большинства других регионов, но даже ниже, чем у малых предприятий частного отечественного капитала (рис. 65).

Постоянно расширялся перечень отраслей, куда открыт доступ иностранному капиталу. Сегодня он допущен почти во все отрасли китайской экономики.

Постепенно меняется состав доноров. В 80-х годах и в начале 90-х годов прошлого века иностранные инвестиции поступали в Китай почти исключительно из Сянган (Гонконга), Аомэнь (Макао) и Тайваня. Инвестиции из этих регионов направлялись

Рис. 65. Источник: Цюйюй чацзюй, цзинцзи итихуа юй цзинцзи фачжпнь. Гоцзи яньцзюхуэй луньвэнь цзи [Региональные различия, экономическая консолидация и экономическое развитие. Материалы международной конференции]. Ухань, 2005. С. 135.

в прилегающие к ним приморские территории континентального Китая, особенно в провинцию Гуандун. Эта провинция первоначально выполняла роль своего рода промышленно-торгового дополнения к промышленности Сянган, а затем постепенно стала мощным самостоятельным индустриальным регионом КНР, сопоставимым по масштабам с Сянганом. В 90-е годы увеличились инвестиции из Японии, включая капиталы крупнейших японских высокотехнологичных компаний. Возросли инвестиции из США и Европы. В Китае созданы предприятия и филиалы 480 из 500 крупнейших транснациональных компаний. В их числе, например, находятся все ведущие автомобилестроительные корпорации, 90 из 100 важнейших производителей товаров и услуг на базе информационных технологий. Но по-прежнему огромную роль играет китайская диаспора. В общей сумме иностранных инвестиций за все годы доля Сянган и Тайваня перевешивает долю всех прочих стран и районов. Еще больше увеличивают этот перевес вложения из оффшорных зон и из стран ЮВА, где значительную часть экономики контролируют этнические китайцы. Сянган, несмотря на свое государственное воссоединение с Китаем в 1997 г., в экономическом отношении сохраняет свою «зарубежную принадлежность» в соответствии с провозглашенным Дэн Сяопином принципом «одна страна — две системы.

Среди оффшоров важнейшее место занимают Каймановы и Виргинские острова, где зарегистрированы фирмы, принадлежащие китайцам из Сянган, Тайваня и, не исключено, континентального Китая. До 2005 г. доля Виргинских островов, Каймановых островов и Самоа в фактически использованных ПИИ составляла 9,7 %, в 2005 г. она поднялась до 17 %, а за 11 месяцев 2006 г. составила уже 23,7 %¹. Им существенно уступают Европа, Южная Корея, Япония, США (рис. 66).

Рис. 66. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 730—732.

Иностранный капитал изначально направлялся преимущественно в обрабатывающую промышленность. Этот приоритет остается основным и в настоящее время, хотя диапазон вложений зарубежного капитала, особенно после вступления Китая в ВТО, существенно расширился (рис. 67). Вначале доля обрабатывающей промышленности в реально используемых прямых иностранных инвестициях была около 50 %, к 2005 г. она поднялась до 70 %. В этой отрасли львиную долю (до 80 %) составляют изготовление, обработка и сборка изделий, предназначенных для экспорта. Сперва это были преимущественно текстиль, одежда, игрушки, обувь. Потом стал повышаться удельный вес продукции электромашиностроения.

Рис. 67. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 733.

Начало курса на открытость Китая внешнему миру совпало с периодом структурной перестройки мировой экономики. В развитых странах стали расти отрасли, отличавшиеся низкими затратами энергии и материалов и высокой концентрацией знаний и передовых технологий. В трудоемких и отчасти также в технoемких отраслях компании из развитых стран, сохраняя за собой контроль над брендами, каналами сбыта, проектированием и дизайном, перемещали часть производства в новые индустриальные страны. С течением времени эта тенденция не только не ослабевала, но, напротив, становилась все более определенной. Развитые страны стремились вывести со своей территории энергоемкие и загрязняющие природную среду производства. Дополнительным стимулом для этого процесса стало подписание Киотского протокола, направленного на снижение вредных выбросов в атмосферу, особенно газов, создающих парниковый эффект. Китай стал одной из основных стран, где такие отрасли находили свое новое пристанище.

Участники исследовательской рабочей группы из Центра изучения развития при Госсовете КНР выделяют в этом процессе применительно к Китаю три стадии². Первая стадия (1979—1991 гг.) характеризуется как стадия по преимуществу малообъемных, экспериментальных инвестиций зарубежных компаний. Иностранных инвестиций, особенно прямых, было немного. Инвестиции осуществлялись в форме займов,

которые вдвое превышали объем прямых инвестиций. В 1980-х годах зарубежные инвесторы предпочитали вкладывать свои капиталы в трудоемкие отрасли, такие, как текстильная и швейная, где в массовых масштабах использовался дешевый, малоквалифицированный труд местных рабочих, в большинстве своем — выходцев из деревни. На территорию Китая, прежде всего в провинцию Гуандун, которая активно опиралась на политику льгот и свое приграничное положение, перемещались также предприятия, производившие обувь, детские игрушки, бытовую электротехнику.

1992 год — переломный в политике реформ и открытости. Поэтому на второй стадии (1992—2001) Китай, с его быстро развивающейся экономикой и все более определенной рыночной ориентацией, становится одной из самых притягательных стран для внешних инвесторов. Иностранные компании, в особенности транснациональные, развертывают здесь широкомасштабную систематическую инвестиционную активность. В 1993 г. КНР становится крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций среди развивающихся стран. В 1992—1995 гг. объем привлеченных иностранных инвестиций ежегодно удваивался. В 1996—2001 гг. сумма реально использованных прямых иностранных инвестиций неизменно сохранялась на уровне 40—50 млрд долл. в год. Прямые инвестиции стали главной формой иностранных капиталовложений, превосходя сумму внешних займов в 3—4 раза. Вложения стали постепенно направляться не только в трудоемкие, но также и в капиталоемкие и техноемкие отрасли: в химическую промышленность, машиностроение, производство транспортных средств, электронику и телекоммуникации. Во второй половине 90-х годов, когда рост прямых иностранных инвестиций в традиционные трудоемкие отрасли обрабатывающей промышленности затормозился, новым центром притяжения прямых и портфельных иностранных инвестиций стала индустрия информационных технологий.

В 2001 г. Китай вступил в ВТО, что означало дополнительное снятие многих ограничений на приток иностранного капитала в страну. Сегодня полностью отменены ограничения на инвестиции транснациональных компаний в такие отрасли, как машиностроение, электроника, химическая промышленность, легкая промышленность, производство лекарств. Во всех этих отраслях капиталовложения либерализованы, разрешены «слияния и поглощения». В производстве электронного и коммуникационного оборудования и химикатов доля иностранного капитала уже превышает 20 %. Приход практически всех мировых гигантов в китайскую обрабатывающую промышленность способствовал ради-

кальному перевооружению ряда отраслей, например, автомобилестроения. Среди ведущих автомобильных держав мира Китай переместился с 8-го места на 3-е, из страны, импортирующей автомобили, стал их чистым экспортером.

В 2006 г. приток реально используемого иностранного капитала в сферу высоких технологий составил 10,1 млрд долл. Особенно быстро растут иностранные инвестиции в производство коммуникационного оборудования, оптико-электронных приборов, электронной вычислительной техники. Одновременно несколько сокращаются инвестиции в отрасли с избыточными производственными мощностями, особенно в черную металлургию и цементную промышленность. После 2002 г. важной областью привлечения иностранных инвестиций становится сфера услуг.

Согласно официальным данным, общая сумма накопленных прямых иностранных инвестиций с 1979 г. по конец 2007 г. составила 760,2 млрд долл. Однако как замечают авторы серьезного исследования, посвященного анализу состояния иностранного капитала в Китае, доверять этим данным нет оснований. Опираясь на материалы экономической переписи 2004 г. по отраслям, они приходят к выводу, что общая сумма иностранных инвестиций в Китае составляет 2948 млрд юаней, или 356,4 млрд долл.³ Но и эта цифра может быть неточна, поскольку существует проблема «ложных иностранных инвесторов», т. е. отечественных предпринимателей, использующих регистрацию в оффшорах для получения привилегий, полагающихся иностранцам. Эту практику используют и официальные власти в своих целях. Пекин сознательно закрывает на нее глаза (исключая лишь случаи прямого криминала), поскольку и перевалочные пункты — Виргинские и Каймановы острова, а также Сянган, — выполняют свою роль не только для перемещения капитала в Китай, но и из Китая в соответствии со стратегией наращивания «выхода вовне».

Тем не менее, КНР реально является одним из крупнейших реципиентов прямых иностранных инвестиций, занимая в разные годы 2—3-е место в мире наряду с Великобританией и США (рис. 68).

Если в начале реформ Китай значительно уступал Японии и Корее по размеру привлекаемого иностранного капитала, то затем он их далеко превзошел (табл. 11).

Инвестиционная политика Китая, являющаяся важной составной частью стратегического курса, направленного на модернизацию страны, построение общества малой и средней зажиточ-

Рис. 68. Источник: составлено по данным: Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 8—9.

Таблица 11. Прямые иностранные капиталовложения в Китай, Японию и Южную Корею в 1980 и 2004 гг., млрд долл.

Страны	1980 г.	2004 г.
Китай	1,07	56,21
Япония	3,25	9,75
Южная Корея	1,32	5,50

Источник: Чжунго циннянь бао. 2006. 3 апреля.

ности и последовательную интеграцию в мировую экономику, предусматривает привлечение для этих целей как внутренних — государственных и негосударственных, так и внешних капиталов. Каждый из этих каналов играет свою специфическую, незаменимую для страны роль.

Государственные инвестиции, использующие отчасти бюджетные средства, а в большей мере — кредитные ресурсы и средства, получаемые от размещения специальных строительных займов, направляются преимущественно в долгосрочные проекты, не сулящие быстрой отдачи, но крайне необходимые для перспективного развития народного хозяйства. Чаще всего — это капитальное строительство различных объектов инфраструктуры.

Внутренние негосударственные инвестиции, среди которых в последнее время все большее место занимает национальный капитал, идут на создание по преимуществу малых и средних предприятий в отраслях с более быстрым оборотом капитала и, главное, с большими возможностями создания новых рабочих мест. Трудоемкое производство для Китая, с его огромными, частично

избыточными трудовыми ресурсами имеет первостепенное значение.

Что же касается иностранных инвестиций, особенно прямых, то они призваны выполнять три основные функции: транслируют высокие технологии и менеджерский опыт, пополняют казну валютными ресурсами, способствуют количественному и качественному росту. Однако на первых порах, когда внутренних накоплений было недостаточно, они, прежде всего, восполняли нехватку в Китае собственных капиталов. И тогда на выполнение трех главных функций подчас смотрели сквозь пальцы. По мере роста национального богатства, возрастания собственного инвестиционного потенциала отношение Пекина к иностранным инвесторам становится более разборчивым.

Привлечение иностранного капитала рассматривается как удобный способ получать доступ к современным мировым технологиям, которые поступают в страну вместе с оборудованием предприятий, особенно создаваемых исключительно на средства иностранного инвестора. Курс на привлечение технологически ориентированных инвестиций взамен инвестиций, ориентированных преимущественно на увеличение экспорта традиционных отраслей обрабатывающей промышленности, последовательно проводится с начала 90-х годов прошлого века.

В результате на долю предприятий с участием иностранного капитала приходится сегодня $\frac{3}{4}$ суммы, затрачиваемой Китаем на приобретение новых технологий. В 10-й пятилетке в отрасли с новыми и высокими технологиями поступили иностранные инвестиции на сумму более 70 млрд долл. Предприятия с участием иностранного капитала производят свыше половины товаров, идущих на экспорт, а среди высокотехнологичных товаров, которые сегодня составляют пятую часть всего китайского экспорта, их доля достигает 80—90 %.

Приобретение новых технологий способствовало увеличению производства электронного и коммуникационного оборудования. Основными поставщиками новых и высоких технологий в Китай являются США, страны Европейского союза и Япония и в меньшей мере — Южная Корея, Сянган, Тайвань, некоторые другие страны и районы.

Новейшие технологии существенно поднимают производительность труда. Поэтому на предприятиях с участием иностранного капитала первоначально она была значительно выше, чем в государственном секторе, по некоторым отраслям — в три раза и

более. Однако по мере реформирования предприятий госсектора с привлечением туда негосударственных инвесторов эти различия постепенно сглаживались. И уже в 2005 г. производительность труда одного работника госпредприятий составляла 144,9 тыс. юаней в год, а на предприятиях с участием иностранного капитала — 107,7 тыс. юаней. Аналогичные изменения происходят и в отношении эффективности использования основных фондов, удельного веса добавленной стоимости в продукции, прибыльности и иных показателей деятельности предприятий с иностранным и отечественным капиталом. Тем не менее, Китай продолжает уделять большое внимание привлечению в страну иностранных инвестиций и той роли, которую они играют в модернизации китайской экономики.

По мере роста объема иностранных инвестиций увеличивалась их доля в производстве товаров для экспорта и происходила перестройка структуры экспорта, в составе которого сегодня уже преобладают не полуфабрикаты, а продукция с более высокой долей добавленной стоимости. Известная сегодня во всем мире марка «Сделано в Китае» своей высокой репутацией в большой степени обязана предприятиям с участием иностранного капитала. Товары с такой маркой благодаря своему высокому качеству и относительно низкой цене обладают хорошей конкурентоспособностью на мировых рынках и сравнительно легко их завоевывают, в первую очередь — рынки, исходные для материнских компаний или хорошо ими освоенные.

Ежегодный приток фактически использованных иностранных инвестиций составляет менее 3 % китайского ВВП, однако они обеспечивают большую часть внешней торговли и пятую часть доходов государственного бюджета. На предприятиях с участием иностранного капитала заняты 28 млн человек, или десятая часть всех работников городских предприятий (табл. 12).

Наращивание иностранных капиталовложений в Китае не представляет собой непрерывно восходящий процесс. Оно испытывало взлеты и падения в зависимости от состояния мировой и отечественной экономики. Особенно отрицательно повлиял на приток иностранных инвестиций Азиатский финансовый кризис 1997—1998 гг. Тем не менее, общая тенденция оставалась позитивной, что было еще более усилено вступлением КНР в ВТО.

Стремительное превращение КНР из страны, находившейся практически вне сферы внимания мирового капитала, в страну,

Таблица 12. Удельный вес предприятий с иностранным капиталом в экономике КНР в 2006 г.

	Стоимость	%
Инвестиции в основные фонды*	304,3	11,9
Добавленная стоимость в промышленности*	906,0	28,5
Экспорт и импорт**	937,5	58,2
в том числе экспорт**	509,6	58,2
в том числе экспорт продукции электромашиностроения**	367,5	74,0

Источник: Шанъбу гуаньюй 2007 нянь сишоу вайшан тоуцзы гунцзо чжидасин ицзянь [Руководящие мнения Министерства коммерции о работе по освоению иностранных инвестиций в 2007 г.].

* Первая половина года, млрд юаней.

** Январь—ноябрь, млрд долл.

ставшую для него наиболее притягательной, объясняется рядом факторов.

Во-первых, начало быстрого роста иностранных инвестиций в китайскую экономику не случайно совпало с развертыванием рыночных реформ и соответствующим ускорением экономического роста в Китае. Дэн Сяопин летом 1992 г., а затем XIV съезд КПК в ноябре того же года провозгласили курс на строительство «социалистической рыночной экономики», что послужило важным позитивным сигналом для иностранных инвесторов. Становление рынка и высокие темпы экономического роста создавали у них уверенность в хороших перспективах своих вложений.

Во-вторых, в начале 90-х годов прошлого века происходит дальнейшая стабилизация политической обстановки в КНР. Именно политическая стабильность, преемственность и предсказуемость политического курса служили и служат первостепенным фактором устойчивого приращения вложений иностранного капитала в Китае, фактором, гарантирующим все прочие позитивные воздействия.

В-третьих, китайское руководство все эти годы поступательно реформировало режим иностранного инвестирования, создавало благоприятный для иностранных вкладчиков капитала инвестиционный климат. Последовательно облегчался доступ иностранных инвесторов на все большую территорию, во все новые отрас-

ли и сферы народного хозяйства. Вводились дополнительные правила и распоряжки, защищающие их законные права и интересы, включая охрану интеллектуальной собственности. Предпринимались меры для устранения помех, чинимых местным протекционизмом и отраслевыми монополиями, для борьбы с пиратством. Облегчались условия проведения финансовых операций и получения кредитов в Китае.

В-четвертых, в ходе все более глубоких реформ и быстрого экономического роста повышался жизненный уровень населения, рос внутренний спрос. Крупнейший в мире потенциальный рынок превращался в рынок реальный, предъявляющий все больший спрос, в первую очередь в городах, на весь спектр потребительских товаров современной высокотехнологичной индустрии — от автомобилей до мобильных телефонов.

В-пятых, важнейшим магнитом, притягивающим иностранные капиталы, была и остается известная дешевизна труда в Китае в сочетании с не менее известным трудолюбием и старательностью китайского работника. В условиях структурной перестройки экономики развитых стран под влиянием научно-технического прогресса это обстоятельство побуждало инвесторов перемещать производство из свертываемых в этих странах отраслей на территорию Китая. Этот стимул усилился с появлением в КНР достаточно квалифицированных и все же более дешевых, чем на Западе, кадров.

В-шестых, приток иностранных инвестиций стимулировался вступлением Китая в ВТО и последовательным выполнением взятых на себя обязательств по расширению в оговоренные сроки сфер, а также форм и методов использования иностранного капитала. После вступления в ВТО Китай внес существенные поправки во все основные законодательные акты, регулирующие порядок привлечения и функционирования иностранного капитала, устранил статьи, ограничивавшие его деятельность по ряду направлений, понизил таможенные пошлины, упростил порядок выдачи разрешений. За годы, прошедшие с момента вступления Китая в ВТО в 2001 г., для иностранных инвестиций стали доступными практически все отрасли обрабатывающей промышленности и большинство отраслей сферы услуг.

Наконец, в-седьмых: последним по счету, но не по значимости, результирующим фактором, производным от всех предыдущих, но первостепенным для инвестора, служит высокая прибыльность инвестиций в Китае при минимальных рисках.

Совокупность факторов, положительно воздействующих на приток иностранных инвестиций в Китай, настолько весома, что она перекрывает такие негативные факторы, как отсутствие конвертируемости юаня или достаточно широко распространенная коррумпированность чиновников, характерная, впрочем, и для многих других стран-реципиентов иностранных инвестиций.

Самой первой формой использования зарубежных инвестиций в Китае стали предприятия, созданные совместно китайскими и иностранными компаниями, предприятиями и иными хозяйствующими субъектами, включая физических лиц, на акционерной основе. Эта форма и до сего времени достаточно распространена, хотя и в значительно меньшей степени. Главные перемены в структуре совместных предприятий за последние годы состоят в том, что постепенно растет доля, принадлежащая иностранным инвесторам. Это связано, главным образом, с тем, что китайское правительство сняло первоначальный запрет на приобретение иностранцами контрольного пакета акций.

На начальных стадиях привлечения иностранного капитала не допускалось учреждение предприятий, полностью ему принадлежащих. Впоследствии создание таких предприятий стали разрешать при соблюдении, по меньшей мере, одного из двух условий: они должны использовать передовые технологии, соответствующие мировым стандартам, либо производить продукцию для экспорта. После 1997 г. среди вновь создаваемых предприятий с иностранным участием предприятия, принадлежащие целиком иностранному капиталу, стали преобладать (рис. 69). Та-

Рис. 69. Источник: составлено по Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. С. 733.

кая тенденция связана с двумя обстоятельствами. С одной стороны, иностранные инвесторы в рамках совместных предприятий были стеснены в принятии решений по максимизации прибыли, а с другой — они уже обрели необходимые навыки и достаточные знания законов, правил, конъюнктуры, обычаев для ведения в КНР самостоятельного бизнеса без местных посредников. Создание предприятий, полностью принадлежащих иностранному капиталу, поощряется и местными властями.

Иностранные инвестиции могут производиться в Китае в следующих **основных формах**.

- Китайско-иностранное капитализированное совместное предприятие (или акционерные компании с иностранными инвестициями) с ограниченной ответственностью. Доля иностранного капитала должна быть не менее 25 %. Прибыль и другие легальные доходы иностранного инвестора могут экспатрироваться или реинвестироваться в Китае.

- Китайско-иностранное кооперативное совместное предприятие. Отличие от первых состоит в том, что права и обязательства сторон, распределение доходов, ответственность за риски и долги, управление компанией определяются условиями контракта. При создании таких предприятий иностранный инвестор обычно предоставляет финансовый капитал, а китайская сторона — земельные участки, фабричные здания, оборудование, транспортные средства, а в некоторых случаях и часть финансового капитала.

- Предприятия с полностью иностранным капиталом.

Совместные предприятия создаются преимущественно в тех случаях, когда иностранный инвестор нуждается в местной поддержке для получения земельных участков, фабричных зданий, оборудования или доступа к каналам поставок и сбыта. На ранних стадиях привлечения иностранного капитала в Китай иностранные инвесторы, как правило — мелкие и средние, предпочитали создавать совместные предприятия, поскольку китайская сторона помогала им осваиваться в чужеродной среде. В настоящее время абсолютно преобладают предприятия с полностью иностранным капиталом, поскольку иностранные инвесторы способны самостоятельно обеспечивать себе необходимую поддержку, нанимая местный персонал. Предприятия с полностью иностранным капиталом обладают значительно большей свободой в менеджменте и партнерских отношениях с другими предприятиями. Китайские власти также предпочитают иметь дело непосредственно с иностранными компаниями.

Вместо создания нового предприятия иностранный инвестор может создать дочернее предприятие путем приобретения существующего предприятия — с иностранным или национальным капиталом.

Преференции. В Китае периодически утверждается перечень отраслей и производств, предпочтительных для прямых иностранных инвестиций. Он включает новые технологии в сельском хозяйстве, а также в области энергетики, транспорта, высокие технологии, проекты, ориентированные на экспорт, проекты по использованию и обновлению ресурсов, по предотвращению загрязнения окружающей среды и устранению его последствий, проекты, способствующие развитию западных и центральных районов. Приветствуются также инвестиции, направленные на технологическую реконструкцию традиционных отраслей, старых индустриальных баз. Преференции выражаются в льготах, предоставляемых фискальной, валютной и кредитной политикой государства.

Во многих районах и городах Китая для привлечения инвесторов посредством льгот созданы парки высоких технологий. Льготы, особенно по налогам на доходы и импорт, зависят от характера парка и его предприятий. Большинство налогов, исключая некоторые местные налоги и сборы, устанавливаются на общенациональном уровне. Поэтому инвестор должен быть уверен, что избранный им парк признан официально государством, а не является лишь инициативой местных властей.

Ограничения и запреты. Иностранные инвестиции по отраслевой принадлежности в Китае делятся на четыре категории: поощряемые, разрешенные, ограниченные и запрещенные. После вступления Китая в ВТО число включенных в две последние категории уменьшается. Определенные пороговые ограничения для иностранных инвесторов существуют в виде максимума долевого участия (что означает необходимость создания совместного предприятия с китайским партнером), дополнительных требований к квалификации инвестора, более долгого процесса согласования и получения разрешений. В этих случаях иностранные компании нередко поручают связанным с ними резидентам создать чисто отечественное предприятие вместо совместного предприятия или параллельно с созданием совместного предприятия в разрешенных отраслях. Такой подход позволяет установить контрактные отношения между иностранным инвестором, созданным им совместным предприятием в разрешенной области и отечественной компанией.

Отечественным предприятиям, как правило, разрешено вести бизнес в более широких рамках, чем предприятиям с иностранным капиталом. В отличие от последних, им могут вообще предоставлять карт-бланш на ведение любого бизнеса, разрешенного законом, за исключением лишь тех, что требуют специального разрешения. Предпри-

ятия с иностранным капиталом, действуя в рамках указанных выше четырех категорий, должны более строго придерживаться того вида бизнеса, который указан в лицензии. Иногда, однако, эти рамки точно определить нельзя, и регистрационные власти действуют по собственному усмотрению.

Процедуры. Создание предприятия с иностранным капиталом включает две основные стадии: *одобрение* проекта соответствующей инстанцией и *регистрация*. На первой стадии заявка на реализацию проекта вместе с отчетом об исследовании его обоснованности и уставом компании должны быть одобрены Министерством коммерции или соответствующими органами на уровне провинций и городов. Возможность получить санкцию на уровне местной власти зависит от суммы инвестиций и характера отрасли, в которой создается предприятие. Такой порядок занимает относительно меньше времени, чем при обращении в центральные органы. Если все требуемые документы в порядке и направлены непосредственно в местные органы, разрешение можно получить в течение одного месяца.

На второй стадии устав, контракт и документы об одобрении проекта регистрируются соответственно на центральном или местном уровне в Государственном управлении промышленности и торговли, после чего выдается лицензия на ведение бизнеса. Прочие процедуры включают регистрацию в налоговых органах, органах валютного контроля, статистических органах, на таможне, открытие счета, получение разрешений на землепользование и т. д.

Процедуры стандартны для всех иностранных инвесторов, вне зависимости от их национальной принадлежности. Но ставки налогообложения варьируются в зависимости от наличия или отсутствия соответствующих межгосударственных соглашений.

Подготовка необходимых документов и их представление в разрешительные и регистрационные инстанции могут быть осуществлены с помощью специализированных агентств, что способно ускорить процесс. Однако, поскольку многие местные правительства заинтересованы в привлечении иностранных инвестиций, одобрение стандартных проектов является достаточно рутинным делом, и поэтому многие инвесторы обходятся без специализированных агентств. К этой работе могут быть также привлечены местные адвокаты, которые иногда связаны со специализированными агентствами.

Расходы. Сборы, взимаемые регистрационными органами, зависят от величины уставного капитала. Обычно они составляют от 1000 до 3000 долл. Для предприятий с большими инвестициями они повышаются, но в целом не превосходят 8000 долл. Наибольшие затраты связаны с уставным капиталом. Китайские законы требуют, чтобы

в предприятие вкладывались реальные средства, которые должны быть внесены полностью в течение определенного срока после создания предприятия в соответствии с уставными документами. Первый взнос в размере не менее 15 % уставного капитала должен быть произведен в течение 90 дней со дня выдачи лицензии на бизнес. Местные правительства устанавливают различный минимум размера уставного капитала в разных отраслях. Инвесторы предприятий с полностью иностранным капиталом должны оплатить весь уставный капитал в течение трех лет с момента создания этих предприятий.

Связи. Важнейшую роль для создания и успешного функционирования предприятия с иностранным (равно как и с отечественным) капиталом в Китае играет наличие необходимых связей (*гуаньси*) с чиновниками местных органов власти и предпринимателями. Установление таких связей не обязательно предполагает коррупцию. Как показала наша беседа с одним из крупных российских предпринимателей, пытавшимся создать филиалы своего бизнеса в Китае, отсутствие таких связей может стать решающим фактором неуспеха. Для установления связей бывают полезными услуги и советы местных адвокатов и агентов посреднических служб, либо же их можно завязать посредством наемного менеджерского персонала⁴.

Широко используемый транснациональными компаниями в развитых странах способ инвестирования путем «слияния и поглощения» в Китае до вступления в ВТО не применялся. За период с 2001 г. до середины 2004 г., по данным ООН, удельный вес этого метода в прямых иностранных инвестициях в КНР вырос с 5 до 63,6 %. В мире этот показатель достигает 80 %. Согласно исследованию, проведенному совместно компанией Pricewaterhouse-Coopers и Economist Intelligence Unit в 2006 г., предполагается, что в следующем пятилетии слияния и поглощения примут еще более широкие масштабы. Участвовать в них планируют 52 % предприятий. В Индии такое стремление выражают только 36 %. За один лишь год — с 2004 по 2005 — сумма сделок по слиянию и поглощению выросла с 2,4 млрд долл. до 15 млрд долл.⁵

Китайское правительство стремится таким путем привлечь капитал ТНК в государственный сектор и тем самым модернизировать его и сделать прибыльным. После 2000 г. две трети проектов по реорганизации крупных государственных предприятий в развивающихся странах были осуществлены при участии иностранных инвесторов.

Слияния и поглощения имеют определенные преимущества по сравнению с созданием новых предприятий, будь то совместных или полностью принадлежащих иностранному капиталу. Новое строительство количественно наращивает производственные мощности, в том числе и избыточные. Метод же «слияния и поглощения» позволяет реконструировать и поднять на новый технологический уровень имеющийся и в значительной мере физически и морально устаревший производственный аппарат. Многим государственным предприятиям для проведения такой реконструкции не хватает собственных средств, и к тому же они часто обременены долгами по полученным ими от банков кредитам. Привлечение в государственный сектор промышленности транснациональных компаний путем «слияния и поглощения» позволяет облегчить финансовое бремя государства и повысить конкурентоспособность этого сектора на китайском и международном рынке. Такой путь имеет определенные перспективы и с точки зрения получения Китаем современных технологий. Как показывает китайский опыт, при создании совместных предприятий транснациональные компании сравнительно редко используют самые новые технологии. Иначе обстоит дело, когда они ставят свою марку на изделиях, производимых на их собственных или аффилированных предприятиях.

«Слияние и поглощение», однако, не предполагает приобретение иностранным инвестором всего пакета акций государственного предприятия. Контроль остается за китайской стороной.

Стремясь привлечь иностранный капитал в развитие инфраструктуры, где пока его участие незначительно, Китай стал использовать схему Build-Operate-Transfer (BOT), распространенную в развитых и развивающихся странах. По этой схеме для реализации инфраструктурного проекта, выполнение которого обычно берет на себя государство, частной иностранной компании на основе тендера предоставляется концессия. Компания отвечает за финансирование, строительство и функционирование объекта в течение срока концессии. По истечении срока, который позволяет окупить затраты и получить необходимую прибыль, объект поступает в распоряжение государства. В отличие от проектов, выполняемых в других развивающихся странах, китайские пилотные проекты не обеспечиваются правительственными гарантиями.

Многие транснациональные компании переместили или готовятся переместить в Китай центры своей региональной и глобальной производственной активности, прямо или косвенно

способствуя тем самым реализации одной из стратегических целей Китая по превращению его в «мировую фабрику».

Создавая свои предприятия в Китае, ТНК устанавливают и развивают кооперативные связи с китайскими поставщиками полуфабрикатов, деталей, услуг, что способствует повышению комплектности производства. Подобные комплексы созданы в автомобилестроении, производстве мобильных телефонов, компьютеров, офисного оборудования и других отраслях. Вступая в кооперативные отношения с головными предприятиями, китайские производители должны непрерывно совершенствовать технологию и методы управления предприятиями.

После вступления Китая в ВТО перед иностранными инвесторами, включая ТНК, шире раскрываются возможности для инвестирования капитала в различные области сферы услуг. Соглашение с ВТО предусматривало постепенное снятие ограничений на деятельность иностранных банков в Китае к концу 2006 г. Но уже за четыре года до истечения этого срока десятки иностранных банков создали здесь свои филиалы с суммарным капиталом в несколько десятков миллиардов долларов. Привлечение иностранного капитала в розничную и оптовую торговлю началось уже в 2002 г., т. е. почти за год до согласованного с ВТО срока, прежде всего, в торговых сетях по продаже лекарств и нефтепродуктов.

Сегодняшняя инвестиционная политика китайского руководства направлена на то, чтобы внести определенные коррективы в сложившееся территориальное распределение иностранных инвестиций. Такой поворот является составной частью нового курса, направленного на освоение богатых ресурсами, но экономически слабо развитых районов удаленного от приморья внутреннего Китая. Курс выражается в значительном увеличении бюджетных ассигнований на развитие этих районов, в расширении объемов капитального строительства, в предоставлении инвесторам различных субсидий и льгот.

Изначально подавляющее большинство иностранных инвестиций (до 90 %) приходилось на восточные и юго-восточные районы, тогда как обширные территории Центрального и особенно Западного Китая пользовались значительно меньшим вниманием. В конце 90-х годов прошлого века на душу населения в Восточном Китае приходилось в 8,3 раза больше иностранных инвестиций, чем в Центральном Китае, и в 18 раз больше, чем в Западном. Первое соотношение оставалось прак-

тически неизменным на протяжении всего периода реформ, а второе даже увеличилось. Главными получателями иностранных инвестиций на востоке были провинции Гуандун, Цзянсу, Фуцзянь и город центрального подчинения Шанхай (рис. 70).

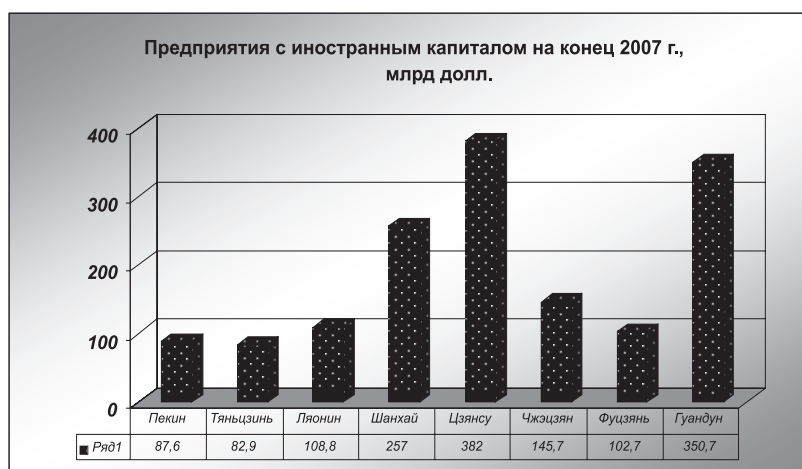

Рис. 70. Источник: составлено по: Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 735.

Столь неравномерное распределение инвестиций было в определенной степени связано с тем, что в качестве главных инвесторов изначально и долгое время спустя выступали жители Сянгана, Тайваня, Аомэня, стран Юго-Восточной Азии. Их предки или они сами были выходцами из этих провинций, укоренены в той же местной культуре, говорили на тех же местных диалектах, обладали родственными, земляческими, деловыми связями с местными жителями. Кроме того, и места их нынешнего обитания территориально наиболее приближены к этим районам континентального Китая. Что касается западных инвесторов, то их интересовал, прежде всего, потенциально емкий рынок Восточного Китая, поэтому они отдавали предпочтение крупным городам этого региона: Пекину, Тяньцзиню, Шанхаю. Но главную роль в привлечении капиталовложений в Восточный Китай сыграл установленный правительством особый режим стимулирования инвесторов в прибрежных районах, включавший льготы по налогообложению, землепользованию, валютным операциям. Льготы распространялись на специальные

экономические зоны и 14 открытых городов данного региона. Немалое значение имели также сравнительно развитая в Восточном Китае инфраструктура, большая степень урбанизации, более высокий уровень образования, наличие определенной производственной базы, относительная зрелость рыночных отношений.

Несмотря на усилия центрального правительства изменить ситуацию в пользу более отсталых территорий, вплоть до самого последнего времени никаких существенных перемен в распределении иностранных капиталовложений между тремя основными регионами страны: восточным, центральным и западным — не происходило. Все сдвиги имели место только в пределах Восточного Китая. Здесь на непосредственно прилегающих к побережью территориях сосредоточивался капитал, ориентированный на экспорт, а прочие части этого густонаселенного региона притягивали инвестиции, рассчитанные на внутреннее потребление. Малые и средние предприятия иностранных инвесторов, производящие на экспорт текстиль, одежду, обувь, детские игрушки, небольшую бытовую электротехнику, размещаются в основном в малых приморских городах и поселках, где им легче привлечь избыточную и дешевую рабочую силу из села.

В самом начале реформ, когда политика открытости ознаменовалась созданием четырех специальных экономических зон, расположенных на южном побережье страны, в них концентрировалось 70 %, а в 1984 г. — даже 81,7 % всех иностранных инвестиций. После 1984 г., когда в Китае был взят курс на создание социалистической рыночной экономики, территориальная концентрация стала уменьшаться — до 59,3 % в 1991 г. и до 38,8 % в 2000 г. Соответственно увеличивалась доля восточного и северного приморья. Особенно быстро рос приток иностранных капиталовложений в провинции Цзянсу.

Для того чтобы привлечь иностранные инвестиции в Центральный и Западный Китай, правительство разработало целый комплекс мер. Он включал в себя, прежде всего, льготы по налогообложению. В течение десяти лет предприятия с участием иностранного капитала обязаны платить подоходный налог в размере 15 %. Это самая низкая налоговая ставка, которую до сих пор устанавливали для особо привилегированных инвесторов на востоке страны. В районах проживания национальных меньшинств условия инвестирования еще более льготные. То же самое касается вновь создаваемых на западе предприятий в об-

ласти транспорта, энергетики, водной охраны, почтовой и радио связи. Эти предприятия на два года освобождаются от налога и еще на три года получают налоговую скидку. Как и в других районах страны, льготами по налогообложению пользуются иностранные инвестиции в энергетику, высокие технологии, производство интегрированных схем и программных продуктов. На десять лет освобождаются от налогов доходы от восстановления лесов и пастбищ и некоторые виды сельскохозяйственной продукции. Не взимается также земельный налог при приобретении участков для строительства шоссейных и железных дорог и аэродромов. Все эти льготы равным образом распространяются и на вложения национального капитала.

Расширяется допустимая сфера приложения иностранных инвестиций. В нее включаются разработка природных ресурсов, туризм, банковское дело. Западные территории первыми предоставили филиалам иностранных банков право вести операции в юанях, открыли для иностранного капитала розничную и внешнюю торговлю. Здесь раньше, чем в других районах, допустили иностранные инвестиции в телекоммуникации, страхование, адвокатуру, проектирование, грузоперевозки по железным и автомобильным дорогам, коммунальное хозяйство и т. д.

Перечень форм использования иностранных инвестиций в Западном Китае постоянно пополняется. В него, в частности, включены пилотные проекты по схеме ВОТ. Допускается финансирование поддерживаемых правительством проектов из китайских источников, в том числе в юанях. Увеличивается и доля льготных займов. Предполагается установить еще более благоприятные условия для иностранных инвестиций в разработку минеральных ресурсов.

Все это, однако, пока не привело к сколько-нибудь существенной территориальной переориентации иностранных инвестиций, по-прежнему подавляющую их часть получает Восточный регион. Больше того, в 2006 г. эта ситуация стала еще более выгодной для Восточного Китая (табл. 13).

Спецификой экономики Центрального и Западного Китая, осложняющей ее быстрое развитие, является высокий удельный вес крупных государственных предприятий, которые по своей эффективности уступают средним и малым предприятиям государственного и негосударственного секторов в прибрежных районах. Привлечение иностранных инвесторов к процессу реформирования государственного секторов может существенно ускорить дан-

Таблица 13. Территориальное распределение реально использованных прямых иностранных инвестиций в 2006 г.

Регионы	ПИИ, млрд долл.	%
Восточный Китай	56,9	90,3
Центральный Китай	3,9	6,2
Западный Китай	2,2	3,4

Источник: Шанъбу гуаньюй 2007 нянь шишоу вайшан тоуцзы гунцзо чжиджаосин ицзянь [Руководящие мнения Министерства коммерции о работе по освоению иностранных инвестиций в 2007 г.].

ный процесс. Однако на этом пути предстоит еще урегулировать некоторые непростые проблемы, такие как отсутствие надежной системы социального страхования и наличие большой банковской задолженности предприятий.

Хорошие перспективы для привлечения иностранных инвесторов имеют такие крупные города Центрального и Западного Китая, как Сиань, Чэнду, Чунцин, обладающие высоким научно-техническим потенциалом. Несомненным плюсом Западного Китая является также наличие мощных машиностроительных, аэрокосмических, химических, оборонных предприятий, созданных в 60-е и 70-е годы прошлого века.

Курс китайского правительства на освоение западных районов страны, в том числе и путем привлечения иностранных инвестиций, создает новые благоприятные предпосылки для развития российско-китайского экономического сотрудничества, особенно в северо-западных и северо-восточных районах КНР и на прилегающих к ним территориях Центральной Азии, Сибири и российского Дальнего Востока. Перспективы такого сотрудничества, двустороннего и многостороннего, могут еще более укрепиться благодаря успешному развитию региональных организаций и вступлению России в ВТО.

Опыт инвестиционной политики Пекина заслуживает серьезного изучения. Речь не идет о том, чтобы слепо копировать те или иные формы и методы, которые использует Китай для привлечения иностранных инвестиций. Такие методы и формы могут носить во многом специфичный характер и в силу этого не могут быть трансплантированы в иные условия без серьезной корректировки. Значительно более важным представляются ана-

лиз и усвоение некоторых общих подходов, которые позволяют КНР, как правило, добиваться успеха, причем не только в данной области, но и на всех прочих направлениях экономического курса, где иные страны подчас терпят неудачу или тратят неизмеримо большие усилия и время, чтобы добиться сопоставимых результатов. На примере инвестиционной политики это видно особенно явственно.

Решающую роль для превращения Китая в одного из крупнейших в мире получателей иностранных инвестиций в мире сыграло создание благоприятного инвестиционного климата. Как видно из краткого предшествующего экскурса, этот климат создавался не только исторически обусловленными сравнительными преимуществами страны (такими, как обширный внутренний рынок и дешевый труд), но и целенаправленной политикой государства. Совершенно очевидно, что без массового использования иностранных капиталов Китай не сумел бы добиться столь масштабного наращивания своего экспорта и соответственно столь впечатляющих темпов экономического роста.

Вместе с тем роль иностранного капитала в китайской экономике за последнее время начинает оцениваться не только позитивно, высказываются все больше опасений по поводу ряда негативных аспектов.

- Прежде всего, немалую роль играет то обстоятельство, что иностранные инвестиции во многом не дополняют отечественные, а вытесняют их с китайского рынка. Подавляющее большинство средних и малых инвесторов из Сянгана, Аомэня и Тайваня вкладывают свои капиталы в основном в производство потребительских товаров, где и без того товарный рынок перенасыщен и производственные мощности недогружены. В этих случаях преимущество иностранных инвесторов обеспечивается не благодаря более высокой эффективности производства, но почти исключительно вследствие льгот и привилегий и использования административного ресурса местными властями, что, естественно, не может не вызывать недовольства у национального капитала.

- При смене модели экономического роста, предполагающей определенную переориентацию производства, в том числе и на предприятиях с иностранным капиталом, с внешнего рынка на внутренний, сохранение привилегий за иностранными инвесторами еще более усилило бы их позиции в конкуренции с отечественными производителями.

• Иностранные инвесторы часто предпочитают вкладывать капиталы в отрасли, поглощающие естественные ресурсы и наносящие большой урон окружающей среде, такие, как производство кожи, бумаги, резины, инсектицидов, пластмасс. Используя прорехи в китайском законодательстве, многие иностранные предприниматели целенаправленно перемещают в Китай «грязные» производства, оборудование, технологии и даже отходы для последующей переработки. До 1993 г. базой для переработки опасных отходов для США служил Тайвань. Но после того, как тайваньские власти запретили торговлю металлическими отходами, большое количество соответствующего производственного оборудования было перемещено в приморские районы континентального Китая. В перечень предприятий, загрязняющих окружающую среду, попадают все больше ведущих ТНК в таких отраслях, как пищевая, электронная, химическая, машиностроительная промышленность. Между тем проблемы защиты экологии и ресурсобеспечения в КНР нарастают и вызывают усиливающуюся тревогу в обществе.

• На предприятиях с иностранным капиталом нередко имеет место наиболее жестокая эксплуатация труда, приводящая нередко к серьезным конфликтам.

• Занижение налоговых ставок, предоставление иностранному капиталу различных льгот и преференций обходится государственной казне в немалые суммы. В 2004 г. на долю предприятий с иностранным капиталом приходились 31,4 % общей стоимости промышленной продукции ценовых предприятий, 27,8 % реализованной добавленной стоимости в промышленности, 57 % реализованного экспорта и только 20,8 % налоговых поступлений в казну⁶. В условиях серьезного недофинансирования социальной сферы это также служит поводом для недовольства политикой поощрения иностранных инвестиций и требует ее корректировки.

• При вовлечении иностранного капитала в совместное хозяйствование на государственных предприятиях имеет место немалая утечка стоимости активов. Дело в том, что значительная часть иностранных инвестиций осуществляется путем передачи оборудования, стоимость которого часто завышается. Иногда в зачет по высокой цене идет также морально и физически устаревшее или даже списанное за рубежом оборудование. При этом бывает, что одновременно занижается стоимость активов китайского предприятия, что еще более усугубляет ситуацию. Аналогичная ситуация имеет место и при оценке нематериальных (не-

зримых) активов: иностранный инвестор ее завышает, а китайская сторона часто понятия о ней не имеет⁷.

- Как уже отмечалось выше, территориальное размещение иностранных инвестиций, несмотря на все усилия центрального китайского правительства, не способствует смягчению межрайонных диспропорций. Иностранный капитал по-прежнему концентрируется в Восточном Китае, прежде всего, в дельте р. Чжуцзян, в дельте р. Янцзы и на побережье вокруг Бохайского залива. В 2004 г. на душу населения в юго-восточных провинциях Китая приходилось 128 долл. прямых иностранных инвестиций, в 1,3 раза больше, чем в Северо-Восточном Китае, в 7 раз больше, чем в Центральном Китае, и в 25 раз больше, чем в Западном Китае. В таких юго-восточных провинциях, как Чжэцзян, Цзянсу, на долю предприятий с иностранным капиталом приходится 43 % промышленных активов⁸. Неравномерное распределение иностранных инвестиций служит одним из важных факторов региональных различий в уровне экономического развития и связанных с ним условий жизни.

- Подвергается сомнению оправданность тезиса «рынок в обмен на технологии». Участились упоминания о том, что ключевые технологии остаются для Китая недоступными. Заняв определенное место на китайском рынке, транснациональные компании по-прежнему сохраняют свое преимущество в опережающих темпах технологических инноваций по сравнению с китайскими предприятиями. Тем самым они обретают возможность затормозить или вовсе преградить развитие последних. Подобным образом действуют, согласно утверждениям китайской печати, такие ТНК, как «Нокия», «Моторола», «Самсунг», «Кодак».

- Перелив новых технологий в национальную экономику сокращается также в связи с переходом от совместных предприятий к предприятиям чисто иностранного капитала, причем создаваемым уже преимущественно не в трудоемких отраслях, а в капиталоемких, например, в автомобилестроении или в сфере финансов.

- Упрочению позиций транснациональных компаний на китайском рынке содействует и создание в Китае рядом из них (IBM, Интел, Моторола, Дженерал Моторс, Дженерал Электрик, Майкрософт, Дюпон, Эриксон, Байер, Нокия и др.) центров по исследованиям и разработкам. Всего насчитывается около 800 таких центров. В кооперации с ведущими вузами КНР и Академией наук Китая они учреждают совместные лаборатории, проекты и

центры по подготовке кадров. Исследования и разработки ведутся в таких областях, как информационные технологии, создание новых лекарственных препаратов, тонкие химические технологии, автомобилестроение. Все они способствуют распространению продукции ТНК внутри Китая, приспособлявая ее к местным запросам, вкусам и потребностям.

- Транснациональные компании обретают большое влияние на правительственные органы и ведомства, определяющие экономическую политику и принимающие экономические решения. Они используют как представителей своих интересов людей, располагающих политическим влиянием, подкупают чиновников, выезжающих за рубеж для обмена опытом или в рамках учебных программ.

За период с 1 июля 2005 г. по 30 июня 2006 г. зарубежные инвесторы приобрели в Китае 250 компаний на общую сумму в 14 млрд долл. Первое место среди покупателей принадлежало США (5,4 млрд долл.), второе — Англии (3,6 млрд долл.), третье — Сингапуру (1,8 млрд долл.). Общая сумма приобретений возросла по сравнению с предыдущим 12-месячным периодом на 5 млрд долл.⁹

В связи с этим возникли опасения по поводу возможной узурпации отечественного рынка транснациональными корпорациями. Некоторые органы печати (например, газета «Шичан бао») и ряд специалистов утверждали, что западные компании разворачивают планомерное наступление на китайском рынке с целью прибрать к рукам ведущие национальные предприятия и их торговые марки. Наступление иностранного капитала сопоставляется даже с вторжением на китайскую территорию армий восьми союзных государств в начале XX века.

Один из первых сигналов, предупреждавших о такого рода опасностях, прозвучал в конце февраля 2006 г. со страниц еженедельного экономического приложения к газете «Жэньминь жибао». Публикация носила броский заголовок «Грабительские слияния и поглощения — «вторжение» транснациональных компаний»¹⁰. В статье говорилось о планах американской компании «Катерпиллер» поглотить ведущие китайские предприятия по производству тяжелой техники и оборудования. Эти планы излагались в документе компании, оказавшемся в распоряжении редакции. Документ, именованный «Протоколом о намерениях по инвестиционному сотрудничеству», излагал глобальную стратегию компании, предписывавшую внедрять повсеместно ее еди-

ные бренды, ограничивать использование торговых марок прежних китайских предприятий, превращать эти предприятия в базы для производства продукции головной фирмы. С этой целью планировалось вложить в Китае 10 млрд долл. Автор статьи подробно рассказывал о том, как пытались реализовать планы захвата ведущих китайских машиностроительных предприятий в Сямене, Шаньдуне, Сюйчжоу, Лючжоу.

В марте 2006 г., когда проходили сессии НПКСК и ВСНП, бывший руководитель Государственного статистического управления Ли Дэшуй выступил на совещании экономической группы НПКСК с докладом «Продолжать активно и эффективно использовать иностранный капитал, непрерывно повышать уровень внешней открытости». Совещание, на котором присутствовал премьер Вэнь Цзябао, а также ряд сопровождавших его ответственных руководителей экономических ведомств, носило закрытый характер, тем не менее, основные идеи, высказанные в докладе, получили огласку в печати¹¹. Судя по этой информации, Ли Дэшуй, призывая и впредь активно использовать иностранный капитал, одновременно предостерегал против монополизации им китайского рынка. По данным ГСУ КНР, случаи прямого поглощения транснациональными компаниями китайских предприятий, особенно головных предприятий в отраслях, после вступления Китая в ВТО участились. При этом иностранный капитал больше не удовлетворяется участием в совместных предприятиях или акционировании. Все больше обнаруживается его стремление получить контроль над ведущими предприятиями. По словам газеты, Ли Дэшуй считал, что если этой новой тенденции позволить развиваться, она может стать очень опасной.

Во время этих же сессий весной 2006 г. был представлен еще один документ под заглавием «Усиливать поддержку собственных инноваций в промышленности, противостоять экономической колонизации». В документе говорилось, что суверенитет в ряде ведущих отраслей китайской промышленности уже полностью перешел к иностранцам. В 2005 г. они контролировали 77 % стоимости продукции и 79 % добавленной стоимости в информационной отрасли, 90 % продукции автомобильной промышленности (легковые автомобили), 85 % производства оборудования для точного машиностроения, 80 % производства оборудования для нефтехимической промышленности. Это, по мнению авторов документа, представляет серьезную угрозу для

экономической, научно-технической, кадровой, оборонной и политической безопасности страны¹².

Заместитель руководителя Центра исследований развития при Госсовете КНР Чэнь Цинтай видит два наиболее вероятных результата поглощения транснациональными корпорациями китайских предприятий. В первом случае отечественное предприятие прекращает функционировать, что позволяет ликвидировать местного конкурента и занять его место на внутреннем рынке. В другом случае местное предприятие становится одним из звеньев в глобальной производственной цепочке транснациональной корпорации, лишенным как интеллектуальной собственности, так и ключевых технологий. По мнению Чэнь Цинтая, чем больше головных предприятий в отраслях будут сливаться и поглощаться транснациональными корпорациями, тем менее конкурентоспособной окажется китайская экономика.

В подтверждение этих опасений приводились, например, данные о том, что компания «Кока-Кола» контролирует уже 70 % китайского рынка напитков, а в сетях супермаркетов крупных и средних городов иностранному капиталу принадлежат 80 %. При этом Кока Кола добилась такого результата всего за несколько лет, создав в Китае более 200 производственных площадок и, главное, утвердив в сознании китайской молодежи престиж своего бренда.

Настороженность продиктована, очевидно, не только понятной заботой об экономической безопасности страны, но и интересами китайского национального капитала, который опасается более могущественных иностранных конкурентов. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что Ассоциация промышленников и торговцев еще в середине 2005 г. призывала правительство рассмотреть меры, способные оградить экономическую безопасность Китая от угроз, которые несет с собой глубокое вовлечение страны в экономическую глобализацию. В 2006 г. во время весенних сессий НПКСК и ВСНП эта ассоциация выступила с документом, озаглавленным «Предложения по созданию системы экономической безопасности». Документ рекомендовал следовать примеру других стран, где имеются антимонопольные и иные механизмы, ограничивающие деятельность транснациональных компаний и защищающие национальную безопасность. Приводились факты обретения иностранным капиталом монопольных позиций в разных отраслях китайской экономики посредством слияний и поглощений. Прежде, говорилось в

обращении, такие позиции принадлежали государственным предприятиям. Теперь принят ряд мер, чтобы разрушить их монополию. Так неужели же, спрашивали авторы документа, разрушая государственную монополию одной рукой, мы будем другой рукой отдавать ее чужестранцам? И как мы можем доверять им ключевую информацию, касающуюся экономической безопасности государства?¹³

В апреле 2006 г. об угрозе наступления иностранного капитала предупредила Ассоциация сталелитейной промышленности Китая, в частности, в связи с возможностью поглощения такого стратегически важного объекта, как Баошаньский металлургический комбинат. Аналогичные сигналы появились и на региональном уровне, о чем свидетельствовал, в частности, доклад об экономическом положении Чжэцзяна, одной из ведущих провинций страны, за первый квартал 2006 г.

Согласно оценкам, из существующих в Китае 40 отраслей промышленности в 9 отраслях рынок контролировался иностранным капиталом более чем на 40 %, а в 4 — более чем наполовину. В том числе в сфере коммуникационного оборудования, компьютеров и других электронных средств — 83,5 %, приборостроения и производства канцелярского оборудования — 66,9 %, культурно-бытовых и спортивных товаров — 61,4 %, в мебельной промышленности — 55,4 %, в производстве кожаных и меховых изделий 52,9 %¹⁴.

Еще в 2004 г. бывший Госкомитет по развитию и реформам Госсовета КНР приступил к разработке положений, регламентирующих развитие золотодобывающей промышленности. Однако документ этот так и не увидел света. Не была определена политика государства по проблемам этой отрасли и в ходе разработки программы на 11-ю пятилетку. Причина столь длительного промедления заключалась в отсутствии единой позиции по данным проблемам в кругах, принимающих решения.

Тем временем документы по разработке недр стали принимать на провинциальном уровне. Одной из первых в этом процессе стала провинция Юньнань, которая и была поэтому объявлена Министерством национальных ресурсов «экспериментальной провинцией по разведке и разработке минеральных ресурсов иностранными инвесторами». Право выдавать разрешения на разведку и разработку недр было предоставлено непосредственно соответствующим провинциальным органам.

В провинции близ китайско-вьетнамской границы появились многочисленные старатели, прибывшие в большинстве из канадской провинции Альберта, а также из Австралии, ЮАР, Индонезии. При отсутствии правил, регулирующих такого рода деятельность, она велась полулегально. В 2002 г. в Юньнани объявилась канадская корпорация, специализирующаяся на разведке и разработке минеральных ресурсов (Canada South-Western resources Corporation), которая заключила соглашение с юньнаньским геолого-разведывательным отрядом о создании Юньнаньской золотодобывающей компании с ограниченной ответственностью, где 90 % акций принадлежало корпорации, а 10 % — отряду.

В результате разведывательных работ было найдено месторождение мирового класса с запасами золота в 156 т и содержанием металла в 2—5 г на 1 т руды, что позволяло добывать от 7 до 12 т золота в год в течение 10—15 лет.

Месторождение обнаружено в районе г. Дунчуань, который прежде славился большими запасами медных руд. Со временем они истощились, и рудник в 2002 г. потерпел банкротство. Регистрируемая безработица достигла 40 %, а доходы более чем 100 тыс. окрестных крестьян не превышали 800 юаней (100 долл.) в год. В 2004 г. Дунчуань получил статус особого района по вторичному трудоустройству и единственного в Китае района с нулевыми налогами. Материальные тяготы усугублялись тем, что в результате многовековой кустарной выплавки меди был почти полностью истреблен растительный покров. К 80-м годам прошлого столетия лесопокрываемая площадь сократилась до 13 %. Это подвергло территорию района постоянной угрозе селевых потоков. Деятельность компании эту угрозу еще более усугубила.

Местные жители надеялись, что открытие богатейших запасов золота откроет и им путь к достойной жизни. Однако прошло четыре года, а разработка месторождения не начиналась. Главной причиной оттяжки стало ожесточение отношений между компанией и населением.

Еще прежние владельцы рудника обязались выплачивать компенсацию размером в 600 тыс. юаней в год, распределявшуюся между жителями девяти окрестных деревень. На каждого приходилось по 200—300 юаней. С тех пор площадь разведывательных работ увеличилась в 50 раз, однако размеры компенсации не только не прибавились, но даже сократились.

Первыми возмутились крестьяне из двух деревень, затронутых расширением площади работ, но не получивших никакой компенсации. Они стали препятствовать проведению работ. В 2005 г. сотни людей несколько раз врывались на территорию и в офис компании и, угрожая персоналу, требовали справедливости. Компания, однако, стояла на

своем и не желала увеличивать выплаты, требуя, чтобы правительство решительно подавило волнения, вплоть до применения военной силы. Кроме того, она настаивала на строгом запрете индивидуальной добычи золота по всей территории разведки, что также вызывало недовольство населения, издавна занимавшегося этим промыслом. Компания обвиняла правительство в том, что оно смотрит на такую деятельность сквозь пальцы и фактически потворствует ей. Местное правительство, в свою очередь, согласилось, что компания крайне недостаточно компенсирует ущерб, причиняемый ее деятельностью окружающей среде и интересам населения. В ответ органы безопасности компании стали собственноручно жестоко расправляться со старателями, пойманными на месте преступления, даже если этим местом оказывалась земля, на которую крестьяне имели законный подряд¹⁵.

Продвижению иностранного капитала на китайский рынок способствует ряд факторов. Один из них связан с тем, что фондовый рынок в Китае, долгое время находившийся под давлением «медведей», рос значительно медленнее, чем экономика. В результате котирующиеся на бирже китайские компании оказались сильно недооцененными и часто приобретались иностранцами по цене, в несколько раз более низкой, чем их реальная стоимость. В этом же направлении действуют и недооцененность китайской валюты и ожидания ее дальнейшей ревальвации. Еще один важный фактор — заинтересованность местных и региональных правительств в привлечении иностранных инвестиций — более подробно рассмотрен ниже. В этом ряду можно также назвать и интерес руководителей и менеджеров крупных государственных предприятий, скупаемых иностранными инвесторами. Путем такой сделки они часто стремятся не только повысить свое текущее и постпенсионное материальное обеспечение, но и избавиться от излишней опеки вышестоящих партийных и правительственных органов, ведающих их назначением и отстранением от должности¹⁶.

Объяснение более общего порядка содержится, в частности, в совместном докладе компании IBM и Фуданьского университета, опубликованном в начале апреля 2006¹⁷. Здесь говорится о том, что положение, при котором с вступлением Китая в ВТО все больше иностранных компаний проникают на китайский рынок, обостряя тем самым внутреннюю конкуренцию, во многом отличается от ситуации в Японии и Южной Корее. Там национальные предприятия вступали в конкуренцию на своем

рынке с иностранным капиталом только после того, как они были возвращены и выпестованы под прямой защитой своего государства. Правительства этих стран поддерживают включение своих предприятий в процесс глобализации и своей промышленной политикой, способствуя формированию всемирно известных компаний.

Тезис о том, что «недружественные слияния и поглощения», производимые иностранными компаниями, могут угрожать экономической безопасности Китая, разделяется, однако, не всеми китайскими экспертами. Так, главный научный сотрудник Китайской социально-экономической академии Ма Юй не согласен с выводами прежнего руководителя ГСУ КНР Ли Дэшуня. Он утверждает, что дискуссия о «недружественных слияниях и поглощениях» — явление не новое, что в еще более острой форме и на более высоком уровне ее вели 10 лет назад. Уже тогда в докладной записке некоего министра, адресованной руководителям ЦК КПК, утверждалось, что с трудом создававшаяся в течение десятилетий пивоваренная промышленность поглощена транснациональными компаниями и что национальная индустрия перестала существовать. Для расследования этих утверждений была создана специальная комиссия с участием четырех министерств, которая пришла к выводу, что на долю зарубежных марок пива приходится менее 3 % китайского рынка. Автор приводит примеры успешного развития отраслей, включая наукоемкие и капиталоемкие, где национальный капитал успешно конкурирует с иностранным, и одновременно называет отрасли, где ограничение доступа иностранного капитала не способствовало повышению их конкурентоспособности. Именно такие отрасли, контролируемые отечественный рынок, нуждаются в реформировании и открытости. Ма Юй не отрицает необходимости установления в некоторых областях разных правил управления для иностранного и отечественного капитала. Допуск на рынок, с его точки зрения, контролировать надо, но значительно большее значение имеет контроль над последующей деятельностью. В ситуации, когда необходимо шире открыть для иностранного капитала финансы, электронную информатику и другие важные сферы, невозможно заново устанавливать запреты в таких ранее открытых отраслях, как тяжелое машиностроение, пивоварение, розничная торговля. Ма Юй считает неразумной как идеализацию транснациональных корпораций, так и их демонизацию¹⁸.

Заместитель директора Института изучения предприятий при Центре исследования развития Госсовета КНР Чжан Вэнькуй также считает необоснованными утверждения о «злонамеренных слияниях и поглощениях» и монополизации китайского рынка иностранным капиталом¹⁹. Согласно данным исследования, проведенного в 2004 г. совместно с Мировым банком в 16 провинциях Китая, иностранный капитал выступал в качестве главного акционера только на 1,4 % реорганизуемых госпредприятий, тогда как коллективы рабочих и служащих выполняли такую роль на 9,6 % предприятий, а национальный частный капитал — на 6,7 %. В 2005 г. некоторые государственные предприятия были дополнительно поглощены иностранным капиталом, однако данные одного года, по мнению ученого, не позволяют говорить о коренном изменении ситуации. По мнению Чжан Вэнькуя, поглощение иностранным капиталом так называемых «головных предприятий» в отраслях, где оно разрешено и поощряется, не ведет к монополизации рынка. Ситуацию, при которой иностранному капиталу будет принадлежать ведущая роль в структуре основных фондов, в производственных мощностях и технологических возможностях той или иной отрасли, нельзя считать угрожающей. Подлинно опасно положение, при котором перед отечественным, национальным капиталом закрывается «стальная или стеклянная дверь».

По мнению некоторых других исследователей, если на долю компаний, работающих в области новых и высоких технологий, приходится более 50 % или даже 100 % рынка, это еще не означает его монополизации. Установление монополии предполагает, прежде всего, возможность ограничивать рыночную конкуренцию. Такую ситуацию каждый раз надо расследовать особо, что и делается во многих странах и что нужно делать Китаю в соответствии со своими законами и установлениями. Самую большую угрозу для безопасности представляет закрытость экономики, поэтому нельзя ограничивать конкуренцию внутреннего и внешнего капитала, государственных и частных предприятий²⁰.

К доводам такого рода присоединяются также и более общие соображения по поводу того, что в деятельности транснациональных компаний на нынешнем этапе больше не играет сколько-нибудь значительной роли их исходная национальная принадлежность, что стратегия таких компаний, их структура и мировоззрение приобретают подлинно глобальное измерение.

С этой идеей выступает, например, руководитель Центра по изучению ТНК при Министерстве коммерции КНР профессор Ван Чжидун. Управление такими компаниями, прежде осуществлявшееся из единого центра и носившее радиальный характер, по его мнению, ныне становится полицентричным и сетевым, а ментальность — поликультурной. А потому у них появляется и чувство глобальной ответственности — за судьбы своих вкладчиков, за общество, за окружающую среду. Соответственно они считаются вполне способными вносить позитивный вклад в долговременное развитие стран-реципиентов инвестиций. Утверждается, что развитие глобальных компаний помогает Китаю создавать мирную среду для своего развития, что эти компании заинтересованы в мирном улаживании расхождений между США, Европой, Японией и Китаем, что они не стремятся к обострению китайско-американских разногласий, что они за последние годы во многом способствовали улучшению отношений Китая с внешним миром. Китайским же предпринимателям предъявляются упреки в том, что им не хватает глобального видения и глобального мышления, что они пытаются ответить на вызовы глобальных компаний, используя лишь национальные ресурсы, или же идеологизируют наступление глобальных компаний в надежде обрести административное покровительство. Утверждается, что попытка конкурировать с глобальными компаниями, опираясь только на ресурсы отечественных предприятий, губительна, поскольку такие ресурсы не-соизмеримы²¹.

В ответ на беспокойство, возникшие в китайском обществе по поводу возможного ущерба экономической безопасности КНР в связи с поглощением крупными иностранными компаниями ведущих отечественных предприятий в ключевых отраслях промышленности, правительством был принят ряд решений, направленных на некоторую корректировку курса. Они призваны если не полностью рассеять, то, по меньшей мере, несколько снизить накал опасений.

28 июня 2006 г. агентство Синьхуа распространило документ под названием «Некоторые мнения Госсовета КНР о скорейшем возрождении производства оборудования». В нем устанавливалось, что при передаче иностранному капиталу контроля над крупными ключевыми предприятиями, производящими оборудование, необходимо согласие соответствующих органов Госсовета. В сентябре того же года был введен в действие исправлен-

ный вариант «Временного положения о слиянии и поглощении иностранными инвесторами предприятий во внутренних пределах». Этот документ подтверждал, что иностранные инвесторы имеют право на слияние и поглощение отечественных предприятий в государственных границах путем приобретения акций. С другой стороны, декларировалась решимость государства защищать свою экономическую безопасность. Право утверждать или отклонять сделки по слиянию и поглощению передавалось с регионального уровня на уровень общегосударственного Министерства коммерции. Ему вменялось в обязанность (до появления в будущем высшего антимонопольного органа) следить за тем, чтобы сделки не приводили к монополизации рынка. Еще один документ — «Программа использования иностранного капитала в 11-й пятилетке» также предусматривает усиление государственного контроля за слиянием и поглощением иностранными инвесторами ключевых предприятий в чувствительных для национальной безопасности отраслях. Одновременно были приняты некоторые дополнительные меры с целью сдерживать приток капитала «ложных иностранных инвесторов», от которых, в частности, потребовали заверять свое происхождение в китайских консульствах за рубежом.

Нельзя сказать, чтобы эти документы полностью сняли напряженность. Китайские критики дальнейшего привлечения иностранного капитала в страну остались недовольны тем, что области, где преобладание иностранного капитала нежелательно, все еще недостаточно ясно очерчены. Они настаивают на том, что экономическая безопасность страны по-прежнему недостаточно защищена. С другой стороны, некоторые прозападные аналитики рыночной конъюнктуры выразили опасения по поводу того, что принятые меры могут в ближайшие годы несколько остудить ажиотажные сделки по слиянию и поглощению с участием иностранного капитала в Китае.

Чтобы снять озабоченность иностранных инвесторов, заместитель премьера Госсовета КНР У И, выступая в сентябре 2006 г. на встрече с представителями транснациональных компаний в Сямэне, заявила, что призывы ограничить иностранные инвестиции в Китае не отражают преобладающие мнения в правительстве. Спустя год с лишним, уже после XVII съезда КПК, У И сочла необходимым вновь подтвердить неизменность стремления китайского руководства увеличивать привлечение иностранного капитала, оптимизировать отраслевую и территори-

альную структуру иностранных инвестиций и использовать их для развития отечественных инноваций²².

Министерство коммерции КНР, со своей стороны, призвало общественность не демонизировать процесс «поглощения и слияния». Оно подчеркивает, что этот процесс выражает глобальную тенденцию, что в Китае его масштабы еще далеко отстают от мировых и что он носит обоюдный характер, поскольку китайские предприятия за рубежом действуют таким же образом, как иностранные — в Китае²³.

Несмотря на эти руководящие разъяснения, полемика продолжалась. Об этом свидетельствовала почти одновременная публикация год спустя двух разнонаправленных докладов. Первый из них под заголовком «Зарубежные правила относительно слияний и поглощений, производимых иностранным капиталом в отраслях, и проблемы, на которые должны обращать внимание китайские рынки ценных бумаг в процессе открытости» был инициирован Шанхайской биржей ценных бумаг. Авторы его требовали дальнейшего ужесточения контроля над деятельностью иностранного капитала, ссылаясь на опыт развитых стран и исходя из того, что слияния и поглощения уже угрожают экономической безопасности Китая. Они утверждали, что в результате этой деятельности исчезают многие известные китайские бренды. По их мнению, приобретая головные предприятия отрасли, иностранный капитал захватывает стратегические высоты. В действиях ТНК по слиянию и поглощению усматривалась системная, стратегическая тенденция.

Принципиальной иной характер носил доклад «Иностранные инвестиции в Китае в 2007 г.», подготовленный Центром по изучению ТНК Исследовательского института Министерства коммерции. Он был призван доказать справедливость официальных утверждений о том, что монополии иностранного капитала пока что нет ни в одной из отраслей китайской экономики. Здесь вновь говорилось о том, что концентрация иностранного капитала в той или иной отрасли не означает еще ее монополизации, если внутри нее сохраняется конкуренция, включающая в том числе и соперничество между самими иностранными компаниями. Приводились данные о том, что слияния и поглощения охватывают лишь 3 % общего объема привлеченного в Китай иностранного капитала, тогда как на Западе их доля достигает 70 %, а в развивающихся странах — 30 %. Противников иностранного капитала обвиняли в том, что, проповедуя «эконо-

мический национализм», они мешают повышать конкурентоспособность китайской экономики, использовать в Китае современные технологии и передовой управленческий опыт.

Доводы в пользу дальнейшей интернационализации китайского рынка подкрепляются соображениями о недостаточности потенций национального капитала для формирования национальных венчурных фондов, которые остро необходимы для поддержки инновационного развития экономики. В такого рода фондах непременно должен принимать участие иностранный капитал²⁴.

Дискуссия по поводу возможной монополизации китайского рынка иностранным капиталом, и прежде всего транснациональными корпорациями, имеет прямое отношение к разрабатывавшемуся еще с 1994 г. антимонопольному закону. Первоначально предполагалось принять этот закон, который еще называют в силу его большой значимости «экономической конституцией страны», еще в 2005 г., однако из-за острых споров по поводу масштаба ограничений, налагаемых им на деятельность ТНК в Китае, этого сделать не удалось. В ходе целого ряда совещаний, в которых участвовали и представители крупнейших иностранных инвесторов, первоначальный проект закона был под их влиянием существенно либерализован и в преобразованном виде, наконец, принят. С 1 августа 2008 г. он вступил в силу. Тем самым создана юридическая база для ограничения деятельности иностранных компаний по слиянию и поглощению, которая потенциально способна наносить ущерб равноправной конкуренции и угрожать государственной безопасности. В начале 2009 г. появились сообщения о том, что Министерство коммерции КНР начало антимонопольное расследование по поводу приобретения компанией «Кока-Кола» китайской компании по производству напитков с известным в стране национальным брендом.

Большого накала достигла полемика, связанная с реформой государственных коммерческих банков. По словам У Цзинляня, эти банки в то время не являлись подлинными предприятиями, поскольку они стремились не просто минимизировать риски, но вообще свести их к нулю. В результате даже некоторым крупным государственным предприятиям нелегко было получить банковский кредит, не говоря уже о средних и мелких частных предприятиях²⁵. Отсюда вытекала необходимость коренным образом изменить стимулы и механизм управления деятельности

китайских банков, особенно в связи с тем, что после 2006 г. эта сфера, по соглашению с ВТО, полностью открывалась для иностранных финансовых организаций.

По данным на конец октября 2005 г., общая сумма иностранных инвестиций в китайские банки превысила 16,5 млрд долл., что составило около 15 % их суммарного капитала, в том числе 60 % инвестиций получили от своих стратегических инвесторов два государственных банка: Банк Китая и Строительный банк Китая²⁶. Примерно 15 % акций Строительного банка были проданы за 4 млрд долл., 10 % акций Банка Китая — за 3 млрд долл.²⁷ На конец декабря 2006 г. общая сумма акций 29 зарубежных финансовых организаций в 21 банке с китайским капиталом составила 19 млрд долл.²⁸ Важным направлением активности зарубежного капитала в этой сфере стали слияния и поглощения средних и малых финансовых организаций. Помимо этого, создавались многочисленные представительства, филиалы и отделения зарубежных финансовых организаций.

В связи с истечением пятилетнего переходного периода членства Китая в ВТО иностранные финансовые организации уравнины в правах с китайскими. Им разрешены розничные операции в национальной валюте, открыт в основном рынок страховых услуг, одновременно устранены ограничения на инвестиции в торговлю. Это открыло этап их полномасштабной конкуренции с китайскими финансовыми организациями, в особенности в наиболее развитых восточных районах страны, и прежде всего за привлечение наиболее выгодных и перспективных корпоративных клиентов.

С середины 2005 г. в китайской печати стали появляться статьи, авторы которых задавались вопросом, насколько правильно отдавать предпочтение иностранным инвесторам перед отечественными, справедливы ли цены, уплачиваемые иностранными инвесторами, не создается ли угроза для финансовой безопасности государства. В некоторых особенно острых публикациях утверждалось, что иностранный капитал, по дешевке скупая акции китайских банков, стремится в конечном счете подчинить своему контролю всю финансовую сферу. Говорилось, что банковско-финансовая система страны, являющаяся сердцевинной рыночной экономики, шаг за шагом отрывается от коренных интересов модернизации Китая и становится одним из звеньев в цепи интересов международного капитала, в основе которых лежат интересы «американской финансовой империи». В содейст-

вии этому процессу подозревали даже некую группу профессионалов в рядах высшего руководства государственных специализированных банков²⁹.

Менее агрессивные публикации на теорию заговора не опирались. Но, тем не менее, тоже недоумевали по поводу того, что для укрепления китайских банков не обращаются ни к мощным национальным компаниям, обладающим большими финансовыми средствами и готовыми вложить их в развитие банковской деятельности, ни также к огромным сбережениям населения, не используемым в инвестиционных целях. Утверждалось, что именно отсутствие конкуренции со стороны отечественного капитала позволяет иностранным инвесторам сбивать цены.

Руководители банков на критику отвечали, что никакой распродажи финансовых учреждений не происходит, что целью сотрудничества с иностранными банками является обновление механизма и структур банковских операций и повышение конкурентоспособности государственных коммерческих банков. Разъяснялось, что для реформирования государственных коммерческих банков используется как привлечение стратегических инвесторов, так и первичное размещение акций (IPO — Initial Public Offering). В первом случае цена определяется путем двусторонних переговоров, во втором — она предлагается международным инвесторам и общественности. Стратегический инвестор заинтересован в длительном деловом сотрудничестве с инвестируемым предприятием, он делит с ним риски и избегает конкуренции. Публичные вкладчики могут держать акции достаточно долго, а могут и спекулировать ими. Поэтому для стратегического инвестора цены обычно ниже, чем при IPO. Привлечение известной международной организации в качестве стратегического инвестора позволяет повысить невидимый капитал инвестируемого предприятия, его имидж и рыночную стоимость. Оно мотивируется, главным образом, нехваткой денежных средств, а необходимостью внедрения передового управленческого опыта и прогрессивных технологий. Доля одного иностранного стратегического инвестора в отечественном банке не может превышать 20 %, а максимальная доля всех иностранных инвесторов — 25 %. Это означает, что государство сохраняет за собой абсолютный контроль над государственными коммерческими банками³⁰.

Премьер Госсовета Вэнь Цзябао в докладе о работе правительства на сессии ВСНП в марте 2006 г. подтвердил решимость продолжать реформу государственных коммерческих банков на основе

акционирования, но вместе с тем, откликаясь на опасения общественности, подчеркнул незыблемость принципа абсолютного государственного контроля в банковской сфере. Небезынтересно, что такая известная международная рейтинговая компания, как Standard & Poor's, также считает крайне маловероятным, чтобы китайское правительство повторило путь, по которому пошли многие страны Латинской Америки и Восточной Европы, и отдало контроль над основными банками в руки иностранного капитала³¹.

Дополнительный повод для опасений, связанных с деятельностью иностранного капитала в реальном секторе экономики Китая, особенно в трудоемких отраслях обрабатывающей промышленности, дает неизбежная и усиливающаяся за последние годы тенденция удорожания стоимости рабочей силы в Китае, т. е. постепенного исчезновения одного из важных факторов, привлекавших иностранный капитал в эти отрасли. Курс на большую социальную ориентацию экономики, на сглаживание чрезмерной дифференциации и поляризации китайского общества должен способствовать повышению уровня оплаты труда наиболее ущемленных в этом отношении работников, включая далеко не в последнюю очередь работников предприятий с иностранным капиталом. Это может привести к переориентации инвестиционной активности некоторой части зарубежных компаний с китайского рынка на рынки других развивающихся стран, пока еще не затронутых этим процессом. В том же направлении действует и ряд других тенденций. Они позитивны для смены модели социально-экономического развития страны, но затрудняют приток иностранного капитала, особенно низкотехнологичного. К ним относятся: более бережное отношение к состоянию природной среды, курс на энерго- и ресурсосбережение, постепенный отказ китайского государства от привилегий, предоставляемых иностранным инвесторам по сравнению с инвесторами отечественными, ограничения на доступ иностранного капитала на рынок недвижимости.

Примечания

¹ Сан Байчуань. 2007 нянь вайшан тоуцзы цзоуши фэньси [Анализ тенденций иностранного инвестирования в 2007 г.] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 31 января.

² Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 17 октября.

³ Чжунго вай цзы цзинцзи фачжань сяньчжуан баогао [Доклад о современном состоянии развития экономики иностранного капитала в Китае] / Гл. ред. Гао Цзинсюэ. Пекин, 2008. С. 19.

⁴ Полезным пособием по ведению бизнеса в Китае может служить книга *Мин-Джер Чэня* «Внутри китайского бизнеса». (М., 2009. Пер. с англ.)

⁵ Мэй жи цзинцзи синьвэнь. 2006. 22 июня.

⁶ Вэй Хоукай, Лю Чанцюань. Чжунго ликон вайцзы ды фумянь сяоин цзи чжаньлюе тяочжэн сылу. [Негативный эффект использования иностранного капитала в Китае и соображения о стратегическом выправлении]. Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 25 августа.

⁷ Там же.

⁸ Синьхуа. 2006. 11 ноября.

⁹ Шанхай чжэнцюань бао. 2006. 3 сентября.

¹⁰ Ван Хунжу. Люедо ши бингоу — куагогунсэ ды «жуцин».[Грабительские слияния и поглощения — «вторжение» транснациональных компаний] // Чжунго цзинцзи чжоукань. 2006. 27 февраля.

¹¹ См., например, Чжунго цзиньин бао. 2006. 12 марта.

¹² Хань Дэцян. Куаго гунсэ чжюе Чжунго чуаньсинь. [Транснациональные компании сдерживают инновации в Китае] // Шичан бао. 2006. 31 мая.

¹³ Там же.

¹⁴ Чжунхуа гуншан шибао. 2006. 16 марта.

¹⁵ Чжунго циннянь бао. 2007. 2 апреля. Синьхуа. 2007. 27 февраля.

¹⁶ Вайцзы чжанкун Чжунго бай и цзинькуан му хоу. [За кулисами многомиллиардных запасов китайского золота в руках иностранного капитала] // Ляован дунфан чжоукань. 2006. 28 декабря.

¹⁷ Се Маоши. Дасин гоцие чжэнсян «ваймай» ды шэньцэн юаньинь хэ цзай? [В чем состоят глубинные причины соперничества крупных государственных предприятий за «продажу иностранцам»?] // Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 25 августа.

¹⁸ Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 6 апреля.

¹⁹ Ма Юй. «Э и бингоу» ды даодэ паньдуань чжи мю юй индуй чжи ю. [Ошибочность морализаторского подхода к «злонамеренным слияниям и поглощениям» и беспокойство о практических ответных мерах] // Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 20 апреля.

²⁰ Чжан Вэнькэ. Вай цзы бингоу бин вэй чаньшэн цзюйда вэйсе чжэньчжэн вэйсе ши сяньчжи нэй цзы [Слияния и поглощения, производимые иностранным капиталом, не представляют большой опасно-

сти, подлинная опасность — сдерживание внутреннего капитала] // 21 шицзи цзинцзи баодао. 2006. 9 апреля.

²⁰ Цзинцзи гуаньча бао. 2006. 20 марта.

²¹ Ван Чжидун. Цун лион вайцзы цзяоду кань дуй вай кайфан чжаньлюе. [Стратегия открытости внешнему миру с точки зрения использования иностранного капитала] // Сюэси шибао. 2007. 17 июля.

²² Синьхуа. 2007. 11 декабря.

²³ Чжунхуа гуншан шибао. 2006. 14 ноября.

²⁴ Чэнь Минцзянь. Чжунго цзинцзи чжаньлюе синь сюаньцзэ: жухэ чэнцзю гоцзи цзыбэнь чжунсинь [Новый выбор китайской экономической стратегии: как содействовать успеху международного центра капитала] // Ди и цайцзин жибао. 2007. 2 марта.

²⁵ Ли Инин, У Цзинлянь цзяофэн лянхуэй Чжунго цзинцзи жухэ чуангуань? [Полемика Ли Инина и У Цзинляня в связи с двумя сессиями. Как совершить прорыв в китайской экономике?] // Наньфан душибао. 2006. 20 марта.

²⁶ Чжунго чаньцзин синьвэнь. 2006. 11 января.

²⁷ Дунфан цзао бао. 2005. 15 сентября.

²⁸ Сунь Лэй, Жэнь Хун. Вайцзы цзиньжу цяда иньханье цзиньжун фэнъянь [Вторжение иностранного капитала увеличивает финансовые риски в банковской сфере] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 23 апреля.

²⁹ Чжэнцюань шичан чжоукань. 2006. 5 января.

³⁰ Чжунго иньхан дуншичжан Сяо Ган хуэйин гою иньхан цзянь-майлуь [Исполнительный директор Банка Китая Сяо Ган отвечает на теорию распродажи государственных банков] // Цзиньжун шибао. 2005. 28 ноября.

³¹ Чжунго цзинцзи шибао. 2005. 19 декабря.

5.3. Негосударственный национальный капитал

Негосударственный сектор китайской экономики часто фигурирует под понятием «народной экономики» («минь ин цзинцзи»). Такой подход, вероятнее всего, вытекает из традиционного дуализма государство—народ. Понятие это используется в двух разных смыслах. Первый имеет в виду больше всего — характер собственности, второй — формы хозяйствования. В первом случае выделяются три составные части: во-первых, коллективная экономика города и деревни, во-вторых, экономика индивиду-

альная и частная и, в-третьих, прочая экономика, которая может еще распадаться на экономику акционерную, экономику с иностранным капиталом, экономику с капиталом жителей Сянган, Аомэня и Тайваня и т. д. В другом случае «народная экономика» может включать в себя не только собственно негосударственный сектор, но также частично и сектор государственный, если, например, государственные предприятия отдаются в подряд или в аренду негосударственным лицам, юридическим или физическим. Комбинация двух подходов позволяет отнести к «народной экономике», помимо более или менее определенных составных частей негосударственного сектора — частной и индивидуальной, также принадлежащие негосударственному национальному капиталу доли в контролируемых государством акционерных компаниях и в смешанных китайско-иностраннх фирмах, а также фактически негосударственные предприятия, действующие под «красной шапкой», т. е. под вывеской государственных или коллективных предприятий.

Таким образом, можно констатировать, что границы как между государственным и негосударственным секторами, так и внутри последнего подчас весьма подвижны и условны, что вполне отвечает главным постулатам смешанной экономики и связанным с ними многообразием интересов. Тем не менее, это не мешает различать в негосударственном секторе некоторое системообразующее ядро, каковым, с нашей точки зрения, является *негосударственный национальный капитал*. Поскольку само это понятие все еще несет в Китае определенный уничижительный оттенок, оно на практике нередко замещается равнозначным, но более пристойно звучащим эвфемизмом — «народная экономика»¹. Обладая определенной самостоятельной сущностью, негосударственный национальный капитал, вместе с тем активно взаимодействует и переплетается, с одной стороны, с государственным сектором, а с другой — с иностранным капиталом². Другая важная часть негосударственной экономики — *индивидуальные предприятия* составляют с национальным негосударственным капиталом еще более тесный симбиоз, который в Китае часто фиксируется другим широко распространенным понятием — «малые и средние предприятия»³.

Отношение правящей партии и государства к национальному капиталу за период реформ (не говоря уже о дореформенном обрубании «капиталистических хвостов») претерпело сложную эволюцию. Мало-помалу его экономические и политические пози-

ции в стране легитимизируются, хотя этот процесс не носит линейного характера и все еще далек от своего завершения⁴.

Делать все больший упор на использовании потенциала отечественной негосударственной экономики, в том числе и в первую очередь — частного национального капитала, китайское руководство побуждает необходимость модификации источников и движущих сил экономического роста и придания ему большей социальной ориентации. Постепенно преимущественная опора на государственные и иностранные инвестиции сменяется более уравновешенной моделью, где более равноправную роль играет национальный негосударственный капитал. Если в 1997 г. инвестиции в государственный сектор составляли 52,5 % совокупных инвестиций, то в 2007 г. их удельный вес сократился до 41,3 %, а доля «народных инвестиций» поднялась с 42,2 до 57,1 %. При этом в области высоких технологий доля последних составила 19 %, в базовых отраслях — 13,5, в традиционных — 21,5, в строительстве — 43, в сфере услуг — 36 %. Этот капитал занимает видное место и в производстве добавленной стоимости: в базовых отраслях — 28 %, в высоких технологиях — 32 %. Соотношение государственного и негосударственного секторов в ВВП изменилось с 77,5 : 22,5 в 1997 г. на 47,6 : 52,4 в 2007 г.⁵

Фактически, принимая во внимание объективные требования развития, можно сказать, что в перспективе речь может идти и о большем участии негосударственного капитала не только в экономической, но также в социальной и политической жизни страны. Такой путь позволит решить ряд сложных проблем социально-экономического развития страны. Среди них — расширение сферы занятости, облегчение постоянно возрастающей нагрузки на государственный бюджет и на государственные банки и, наконец, создание конкурентной среды для предприятий других секторов экономики.

С того момента, когда началось реформирование городской экономики, особенно когда приступили к реформированию государственного сектора, частный национальный капитал выполняет наряду с экономической также важную социальную, а в определенной мере также политическую функцию. Предоставляя широкие возможности для трудоустройства избыточной рабочей силы, в том числе — высвобождаемой в ходе реформы государственных предприятий, он тем самым укрепляет размываемую реформами прежнюю социальную базу правящей партии и служит фундаментом продолжения курса на реформы и открытость. Развитие част-

ного сектора в Китае служит также противовесом избыточной зависимости страны от иностранного капитала, которая в экстремальной ситуации может быть чревата серьезными рисками.

Право частного капитала на существование (правда, в ограниченных масштабах) компартия впервые признала в 1985 г. Три года спустя Конституция КНР санкционировала его в качестве «дополнения к социалистической экономике общественной собственности». XV съезд КПК в 1997 г. признал частный капитал «важной составной частью социалистической рыночной экономики Китая». В 1999 г. соответствующая поправка была внесена в ст. 16 Конституции КНР.

С приходом к власти нынешнего руководства КПК перед частным сектором открылись еще более широкие возможности. В 2004 г. в Конституцию КНР была включена новая поправка, провозглашающая неприкосновенность легальной частной собственности граждан. Тем самым частная собственность почти уравнивалась в правах с собственностью государственной, которая до сих пор единственно считалась неприкосновенной (правда, в отличие от частной, еще и «священной»).

Подтвержденный на XVII съезде КПК тезис о совместном развитии всех секторов экономики при сохранении приоритета общественного сектора, по существу, продолжает и развивает линию, намеченную XV и XVI съездами. В отчетном докладе ЦК КПК на XVII съезде КПК нынешнего генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, как и докладе прежнего генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК, требование прилагать усилия к развитию государственного сектора, остающемуся, согласно официальной доктрине, основой экономики, сопровождается почти аналогичным призывом, касающимся негосударственных секторов.

Привлечение частного национального капитала к более активному участию в экономическом и социальном развитии страны стимулируется идеей «трех представительств», включенной ныне в число уставных положений компартии. Принципиальное идеологическое, политическое и, что следует особо подчеркнуть, психологическое значение имеет и произведенное в документах двух последних съездов КПК фактическое уравнивание легальных трудовых и легальных нетрудовых доходов. Столь ясно и определенно это впервые прозвучало в партийных решениях.

В недавнем прошлом почти все нетрудовые доходы воспринимались как доходы эксплуататорские, а потому, с точки зрения

ортодоксально воспринимаемой идеологии, незаконные. Теперь можно и идеологически более четко провести границу между легальным и нелегальным. Уравнение легальных нетрудовых доходов с легальными же доходами трудовыми будет содействовать также лучшему обоснованию борьбы с доходами нелегальными.

В материалах двух последних съездов КПК сделан дальнейший шаг по коррекции основополагающих принципов системы распределительных отношений. Если в докладе на XV съезде КПК говорилось о «распределении по труду при сосуществовании многих форм распределения», то в докладе на XVI съезде КПК ставится задача «ввести принцип участия в распределении согласно их заслугам таких компонентов производства, как труд, капитал, технологии и управление». А в докладе на XVII съезде КПК речь уже идет о том, чтобы «создавать условия для получения большим числом людей имущественных доходов».

Принцип распределения доходов по факторам производства в известной мере признан рядом законодательных актов КНР. Но законы эти в недавнем прошлом все же налагали определенные ограничения на реализацию данного принципа, например, при формировании уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью, что, в частности, мешало развитию новых технологий. Подобные ограничения отчасти преодолевались в ряде местных уложений, а также в обновленной редакции Закона о компаниях. И, тем не менее, недвусмысленная фиксация указанного принципа в важнейшем партийном документе должна помочь заполнить все еще существующие лакуны в законодательстве, стимулировать дальнейшее развитие рыночных отношений, капитализацию имущественных прав, интеллектуальной собственности и сбережений, аккумуляцию и активизацию венчурного капитала. Последнее особенно важно ввиду быстрого морального старения производственных мощностей в условиях растущей информатизации и глобализации национальной экономики и ввиду установки на всемерное развитие инноваций.

Однако для того, чтобы расчистить дорогу развитию национального капитала, одних деклараций, даже самых благожелательных, понятно, недостаточно. За ними должны следовать серьезные институциональные перемены на общегосударственном и местных уровнях.

В материалах последних съездов КПК названы конкретные меры, которые предстоит принять государству, чтобы активизировать роль частного национального капитала в социально-эко-

номическом развитии страны. В их числе — расширение доступа к рынку, обеспечение условий для равноправной конкуренции в сферах инвестиций и аккумуляции капитала, налогообложения, землепользования и внешней торговли. Предусматривается также совершенствование правовой системы для защиты частного имущества.

Осмысливая и уточняя эти установки, профессор Чэн Сывэй обращает внимание на то, что расширение доступа негосударственных предприятий к рынку должно включать не только снятие ограничений на деятельность негосударственных предприятий в тех отраслях экономики, куда они сегодня не допущены. Не менее важно устранить правительственные дотации государственным предприятиям, создающие фактическое неравенство на рынке. Требуется также реорганизовать систему разрешений на предпринимательскую деятельность и обеспечить равную ценовую доступность сырья и материалов. Негосударственным предприятиям должны быть гарантированы необходимые условия для аккумуляции основных и оборотных средств. Эти предприятия необходимо освободить от различных нерациональных поборов и защитить системой взаимоувязанных и взаимодополняющих законодательных актов⁶.

Подавляющее большинство предприятий частного национального капитала — мелкие или средние, крупных немного. Но именно благодаря своей массовости они играют важную роль в экономике страны и в жизни населения.

С 1986 г. по конец 2006 г. число индивидуальных предприятий в Китае увеличилось более чем вдвое (с 11 620 тыс. до 25 570 тыс.), число занятых на них почти втрое (до 50 450 тыс. человек), а их уставный капитал — в 38,7 раз (с 16,4 до 634,5 млрд юаней). Таким образом, в среднем капитал индивидуального предприятия составляет сегодня 285,2 тыс. юаней, или около 37 тыс. долл., против 1411 юаней, или 176 долл., в 1986 г. Заняты на таком предприятии в среднем два человека.

Число частных предприятий за это время выросло практически с нуля (первое частное предприятие после 27-летнего перерыва появилось в Китае в конце 1984 г.) до 4859 тыс., на них заняты 63 955 тыс. человек. Совокупный уставный капитал достиг 7293 млрд юаней, или 947,1 млрд долл., т. е. в среднем по 1,5 млн юаней, или 194 тыс. долл., на одно частное предприятие.

Приведенные выше цифры не означают, что за указанный период имел место непрерывный и дружный рост всех состав-

ных частей негосударственного сектора экономики. Индивидуальные предприятия быстрее всего росли в 1991—1998 гг. В конце же прошлого и начале нынешнего века рост не только замедлился, но отмечалось даже абсолютное сокращение: за период 1999—2004 гг. их число уменьшилось с исторического максимума в 31,6 млн до 23,5 млн. Эти изменения, по крайней мере, частично отражали коррективы в порядке регистрации и постановки на учет индивидуальных предприятий. А они, в свою очередь, были связаны с развернувшейся в 2000 г. в стране кампанией борьбы с противозаконными проявлениями в деятельности индивидуальных предпринимателей и введением в связи с этим вертикального управления этой деятельностью взамен прежней подчиненности местным правительствам.

Частная собственность в пореформенном Китае первоначально возникла не вследствие приватизации государственной собственности, как в России. Частные предприятия создавали на собственные средства разбогатевшие крестьяне, индивидуальные торговцы, ремесленники, а с течением времени все больше также партийные и государственные функционеры, оставлявшие свои посты и «пускавшие в плавание» по морю бизнеса (не теряя, разумеется, полезных связей со своими коллегами, остававшимися во власти) (рис. 71). Последнее, естественно, создавало благоприятную почву для коррупции, которая в Китае, вопреки некоторым распространенным представлениям, немногим меньше, чем в России.

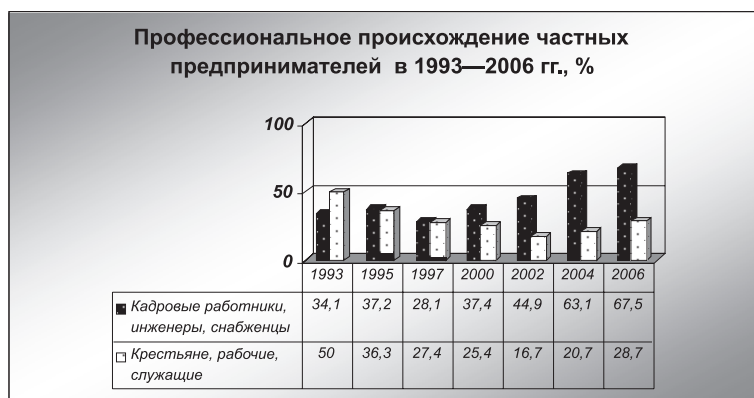

Рис. 71. Источник: Чжунго сыин цие дасин дяоча (1993—2006) [Крупномасштабное обследование частных предприятий Китая]. Пекин, 2007.

Существенно меняется образовательный ценз частных предпринимателей. Бизнесом в Китае все больше занимаются люди с высшим и специальным средним образованием.

Около трети частных предпринимателей — члены Коммунистической партии Китая. Многие из них занимали должности в партийном и государственном аппарате либо же входили в управленческие структуры госпредприятий до того, как заняться собственным бизнесом или перейти вместе с реформируемыми предприятиями из государственного сектора экономики в частный сектор.

Частный капитал доминирует, прежде всего, в трудоемких отраслях, создавая много новых возможностей для трудоустройства, столь необходимых стране. Рост занятости в частном и индивидуальном секторах экономики поглощает не только избыточную рабочую силу, высвобождаемую в результате реформирования госпредприятий, но также и значительную часть естественного прироста трудоспособного населения. Начиная с 1990-х годов, чистое увеличение рабочих мест в частном и индивидуальном секторах в среднем за год превышало 6 млн, что составляет $\frac{3}{4}$ их общего прироста в городах и поселках. За годы 10-й пятилетки (2001—2005 гг.) общее число занятых в промышленности и сфере услуг негосударственного сектора возросло с 279 до 349 млн человек.

Частные предприятия выпускают свыше 70 % продуктов питания и бумаги, свыше 80 % одежды, обуви, пластмассовых и металлических изделий, свыше 90 % лесоматериалов и мебели. Они поставляют основную массу таких основных товаров китайского экспорта, как одежда, детские игрушки, кустарные изделия. В последнее время частный капитал начинает продвигаться в тяжелую промышленность, базовую инфраструктуру, в предприятия коммунального обслуживания. С приходом частного бизнеса начался бурный подъем китайской киноиндустрии. В 2003 г. на деньги частных инвесторов было снято 96 из 140 отечественных фильмов.

В 2005 г. частный бизнес получил доступ в ряд ранее закрытых для него отраслей, включая такие административные монополии, как связь, электроэнергетика, гражданская авиация, железные дороги, кино и телевидение, финансы, оборонно-технический комплекс и т. д. Облегчена мобилизация финансовых ресурсов — как на фондовых рынках, так и на рынке кредитов. В прошлом на долю частных предприятий, производящих более трети ВВП, приходилось лишь 10 % банковских кредитов. Государственные

банки (а частных раньше почти не было) предпочитали давать кредиты государственным же предприятиям, часто убыточным. Средним и малым частным предприятиям принадлежали лишь 1,3 % ценных бумаг, обращавшихся на фондовых рынках.

Ускорение среднегодовых темпов роста ВВП в 10-й пятилетке (9,5 % вместо запланированных 7 %) во многом связано с опережающим ростом негосударственного сектора. Добавленная стоимость продукции, производимой промышленными предприятиями этого сектора, выросла за 5 лет на 246 %, или в среднем за год на 28 %. При этом среднегодовые темпы роста добавленной стоимости в частной промышленности составили около 50 %, что в 2,5 раза превышает соответствующие данные по промышленности в целом. К концу 10-й пятилетки удельный вес отечественного негосударственного капитала в ВВП достиг 49,7 %. Если учесть, что доля иностранного капитала и капитала соотечественников из Гонконга, Аомэня и Тайваня составляет 15–16 %, то на долю совокупного негосударственного капитала в Китае сегодня приходится около 65 % ВВП.

Негосударственный сектор стал главной сферой занятости городского населения. Чистый прирост занятости в обрабатывающей промышленности и сфере услуг этого сектора за время 10-й пятилетки составил 70 млн человек, в том числе в городах — 57 млн человек. В результате удельный вес негосударственного сектора в общей численности работников обрабатывающей промышленности и сферы услуг увеличился с 65 % в 2000 г. до 75 % в 2005 г. Доля частных предприятий в общей сумме налогов, поступающих в консолидированный бюджет государства, увеличилась с 3,3 % в 2000 г. до 8,7 %. При этом их удельный вес в доходной части бюджетов некоторых регионов превышает 60 %⁷.

В 11-й пятилетке (2006—2010 гг.) негосударственный сектор экономики продолжал расти опережающими темпами. Выступая в начале 2009 г. на собрании, посвященном подведению итогов минувшего года, председатель Всекитайского союза промышленников и торговцев Хуан Мэнфу отметил, что вплоть до ноября 2008 г. темпы роста прибылей частных промышленных предприятий и отчисляемых ими в бюджет государства налогов были выше, чем в среднем по стране. Лишь с октября 2008 г. в связи с кризисом ситуация стала ухудшаться⁸.

Успешному развитию негосударственного сектора во многом способствовал твердый правительственный курс, нацеленный на поступательное повышение его роли и значения в китайской

экономике. В 10-й пятилетке этот курс был закреплён на самом высоком уровне: в решениях XVI съезда КПК, 3-го и 4-го пленумов ЦК КПК 16-го созыва. Особое значение имеет принятый в феврале 2005 г. Госсоветом КНР документ под названием «Некоторые мнения о стимулировании, поддержке и руководстве развитием экономики в индивидуальном, частном и иных неогосударственных секторах» (так называемые «36 пунктов»). Этот документ в духе упомянутых партийных решений требует устранить институциональные преграды на пути дальнейшего развития негосударственного сектора экономики.

Однако, как показывает практика, принятие принципиальных установок отделяет от их воплощения в жизнь немалая и трудная дистанция. Как полагает заместитель руководителя исследовательского отдела Центральной партшколы при ЦК КПК Чжоу Тяньюн, главным препятствием является противодействие чиновников, которое нельзя преодолеть без реформы административной системы управления, изменения правительственных функций, нормализации деятельности государственных служащих, подчинения их интересов интересам экономики и народа⁹.

Некоторые исследователи полагают, что такое противодействие не в последнюю очередь связано с политико-идеологическими факторами, со стремлением определенных кругов в руководстве и идеологическом аппарате правящей партии не допустить слишком серьезного усиления класса частных собственников, который мог бы бросить вызов политическим устоям страны¹⁰.

По мнению видного китайского экономиста Дун Фужэна, главная помеха развитию негосударственной экономики состоит в том, что она плохо защищена законом. Это обстоятельство является одним из важных факторов, способствующих утечке национального капитала за рубеж¹¹. Иностранный капитал обладает более надежной правовой защитой, чем отечественный. Так, в законе о предприятиях с участием иностранного капитала прямо указывается, что иностранные инвестиции не подлежат национализации, тогда как в законах об индивидуальных и акционерных предприятиях и в законе о компаниях такое положение отсутствует.

С этой точки зрения, частный капитал находится также в худшем положении, чем государственный и коллективный. Конституция КНР недвусмысленно запрещает любым организациям и частным лицам посягать на государственное и коллективное имущество или наносить ему ущерб, тогда как применительно к

частному имуществу такого запрета нет. Конституция провозглашает, что государство охраняет легальные доходы, сбережения, жилища и другое имущество населения, но не разъясняет, как и в какой мере обеспечивается такая защита. Отсутствует также и понятие частной собственности¹².

Профессор Китайского университета политики и права Ян Чжэньшань считает, что четкие положения о защите частной собственности должны содержаться и в Гражданском, и в Уголовном, и в Административном, и в ряде других кодексов. Кроме того, предлагается разработать специальный закон о защите негосударственных («народных») предприятий, который особо подчеркивал бы недопустимость любого вмешательства административных властей в деятельность таких предприятий, запрещал их произвольное налоговое и иное обложение и предусматривал штрафные и другие санкции за нарушение таких запретов. До тех пор, пока не созрели условия для принятия такого закона, Госсовет КНР, по мнению Ян Чжэньшаня, мог бы, учитывая остроту ситуации, принять временные меры по ее урегулированию¹³.

Многие надеются на включение в Конституцию КНР специальной поправки, направленной на защиту частной собственности¹⁴. Как утверждает одно из периодических изданий китайских правоохранительных органов: «От степени защищенности частного имущества в той или иной стране прямо зависит ее благосостояние»¹⁵.

Одной из важных преград служит нежелание заинтересованных групп допустить негосударственные предприятия в монопольные отрасли, вопреки явно выраженному указанию, содержащемуся в названном документе Госсовета. Типичным примером ситуации, когда эти предприятия остаются за «стеклянными дверями» монополизированных государством отраслей, служит ситуация в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Разведка нефтяных месторождений и добыча нефти, согласно документу, принятому еще в 1993 г., разрешены только трем крупным государственным компаниям. К переработке нефти, по документу от 1999 г., допущены 82 негосударственных предприятия, но вся выпускаемая ими продукция должна поступать в оптовую сеть двух государственных нефтяных компаний, которые закупают ее по очень низким ценам. Эти же компании полностью или преимущественно контролируют и всю сеть заправочных станций. Без их санкции не могут осуществляться также железнодорожные перевозки сырой нефти и

нефтепродуктов. Поэтому содержащееся в «36 пунктах» и соответствующем документе Министерства коммерции разрешение негосударственным предприятиям вести оптовую и розничную торговлю нефтепродуктами не выполняется.

Подобные ограничения на деятельность негосударственных предприятий в той или иной степени существуют еще примерно в 30 отраслях, особенно в электроэнергетике, на транспорте, в финансах, образовании, туризме, здравоохранении. Часто эти отрасли номинально считаются открытыми, но фактически закрыты для негосударственного капитала.

Далеко еще нельзя считать равноправными условия конкуренции китайского негосударственного капитала с другими субъектами рынка. Еще на весенней сессии ВСНП 2005 г. поднимался вопрос о необходимости уравнивать ставку подоходного налога для китайских предприятий и предприятий с участием иностранного капитала. До последнего времени формально с тех и других взимали подоходный налог в размере 33 %. Однако для производственных предприятий с иностранным капиталом, функционирующих в открытых экономических зонах приморья, а также в специальных экономических районах и районах техноэкономического освоения, ставка налога понижалась до 24 %, а иногда и до 15 %. При этом средняя ставка подоходного налога на предприятия в 159 странах и районах мира равна 28,9 %¹⁶. Кроме того, до 40 % суммы налога возвращались тем иностранным предприятиям, которые реинвестировали прибыль или производили дополнительные капиталовложения. Национальный же капитал подвергался двойному налогообложению: помимо подоходного налога с предприятий они платили и 20%-ный налог на индивидуальные доходы. Частные предприятия находятся в худшем положении и по сравнению с государственными и коллективными предприятиями. Государственные предприятия получают дотации на техническую реконструкцию. Государственные, коллективные и акционерные предприятия пользуются скидками с подоходного налога при инвестициях в техническую реконструкцию и закупках оборудования, производимого государственными предприятиями. Неодинаковый фискальный подход к отечественному и иностранному капиталу противоречил принципам ВТО, провоцировал отечественный капитал на уход от повышенного налогообложения, в том числе и путем регистрации в оффшорных зонах и приобретения тем самым статуса иностранных инвесторов.

Весной 2006 г. руководящий орган одной из малых партий — Китайской лиги демократического строительства государства (возглавляемой известным экономистом Чэн Сывэем) вновь внес проект резолюции «О скорейшей унификации системы подоходного налога с предприятий внутреннего и внешнего капитала». При этом авторы проекта руководствовались следующими соображениями. Во-первых, необходимость использовать налоговые льготы для привлечения иностранного капитала значительно сократилась. Во-вторых, двойные стандарты налогообложения нарушают рыночные принципы равноправной конкуренции. В-третьих, для унификации налоговых ставок создана хорошая налогооблагаемая база. Кроме того, поскольку налоговые льготы носят преимущественно региональный характер, они усугубляют межрегиональные различия.

Несмотря на то, что на весенней сессии НПКСК в 2006 г. этот проект был назван документом первостепенной важности, принятие соответствующего закона было перенесено на следующий год. На весенней сессии ВСНП 2007 г. Закон КНР о подоходном налоге для предприятий был утвержден. Он установил одинаковую налоговую ставку для предприятий с китайским и иностранным капиталом. Для первых он несколько понижался, для вторых — повышался, но оставался по-прежнему достаточно невысоким по мировым стандартам. Закон введен в действие с 2008 г.

Предполагается, что отказ от льгот и преференций для предприятий с иностранным капиталом не подорвет привлекательность Китая для иностранных инвестиций, поскольку главными стимулами для них служат не льготы, а стабильная ситуация в стране, динамичное развитие экономики, членство в ВТО, а также такие конъюнктурные, но, тем не менее, важные факторы, как проведение в 2008 г. в Китае Олимпийских игр, а в 2010 г. Всемирной выставки. Достигнутые ныне размеры прямых иностранных инвестиций в Китае не считаются предельными, учитывая, что пока еще не достигнута даже та доля в мировом объеме инвестиций — 13 %, которая приходилась на Китай в начале 1990-х годов. Поэтому некоторые эксперты полагают, что годовые темпы роста иностранных инвестиций в Китае в ближайшие годы могут сохраниться на уровне 5—10 %¹⁷. (Эти прогнозы делались до глобального экономического кризиса, который внес коррективы в эту тенденцию.)

Помимо налогов, негосударственные предприятия на региональном и местном уровнях облагаются многочисленными сбо-

рами в пользу различных учреждений и организаций, недостаточно финансируемых из бюджета.

Негосударственные предприятия не имеют ряда льгот, полагающихся государственным предприятиям, например, при технической реконструкции, при освоении новых технологий. Государственные предприятия могут включать часть непроизводственных расходов (например, на жилье, на благосостояние работников) в себестоимость продукции, что запрещено негосударственным предприятиям.

Среди препятствий, на которые наталкивается развитие частного сектора, немалое место занимает его неравноправное положение на рынке кредитов. Финансово-кредитная политика государства значительно более благоприятствует государственным предприятиям. Государственные коммерческие банки предоставляют им львиную долю кредитов¹⁸. Получить кредит в государственном банке частным предприятиям трудно не только в силу того, что последний традиционно предпочитает ссужать деньги государственным предприятиям, но и из-за своего низкого кредитного рейтинга. По данным исследований, управление финансами более 50 % негосударственных предприятий неудовлетворительно, свыше 60 % имеют рейтинг 3 В и ниже, что предполагает слабую способность противостоять рискам. Банки же дают кредиты предприятиям с рейтингом 3 А или 2 А¹⁹.

Негосударственным предприятиям в значительной мере закрыт доступ и на фондовый рынок. Среди компаний, представленных на Шанхайской и Шэньчжэньской биржах, они составляют всего 3 %²⁰. Все это стимулирует рост теневой финансовой активности, в которой, по некоторым данным, задействованы сотни миллиардов юаней и без которой функционирование негосударственных предприятий было бы просто невозможно. Китайские экономисты и, естественно, сами предприниматели настойчиво ставят вопрос о необходимости развития легальной сети частных банков и системы страхования частных предприятий.

По данным 4-й Всекитайской выборочной переписи частных предприятий, средний размер капитала одного предприятия составляет 1,5 млн юаней (менее 200 тыс. долл.), в том числе доля предприятий с капиталом более 10 млн юаней равна всего 11 %, а доля предприятий с капиталом более 100 млн юаней — только 1,46 %. В среднем на одном предприятии занято 11,38 работников²¹.

Хотя среди частных предприятий есть и действующие в сфере современных высоких технологий, абсолютно преобладает традиционная производственная или сервисная специализация. Движущей силой развития служит не технический прогресс, не интеллектуальная собственность, а дешевый, часто малоквалифицированный физический труд, источником которого служит деревня.

Большинство предприятий носят семейный характер. На таких предприятиях собственник вместе с членами своей семьи, родственниками и земляками, как правило, сам управляет всей производственной и хозяйственной деятельностью, что и предопределяет ее ограниченные рамки. Многие частные предприятия долгие годы действовали в подполье, иногда в обличье «коллективных», и лишь в самое последнее время стали обретать легальный статус, а потому проявляют повышенную осторожность, не стремятся расширять масштабы своей деятельности, идти на риск ради максимизации прибыли. Культурная традиция, предписывающая ограничение предприятия рамками семьи, отгораживание от чужаков, препятствует привлечению капитала, опыта и знаний инвесторов со стороны. Укрепляя преобладание неформальных связей (личных, семейных, клановых, земляческих) над отношениями формализованными, в том числе закрепленными в законах, семейные предприятия противостоят задачам модернизации экономики и общества²².

Семейные предприятия стараются удержаться на плаву благодаря жесткой экономии, самоотверженному личному труду и личным накоплениям. Тем не менее, из-за нехватки информации о рыночной конъюнктуре, ограниченности оборотного капитала, недостаточного владения современными методами работы на рынке выжить им удастся не всегда.

Рыночная конкуренция в условиях, не обеспечивающих полноценно равноправное участие в ней всех участников, толкает немало китайских предприятий, включая и семейные, к использованию противоправных методов. В их числе — производство и сбыт низкокачественных и поддельных товаров, фальсификация товарных знаков, обман потребителей, демпинг, нарушение прав на интеллектуальную собственность. В ситуации, когда хозяин предприятия и бухгалтер связаны семейными узами, трудно ожидать прозрачной финансовой отчетности. Часто расходы на личное потребление включают в себестоимость продукции, и тем самым уходят от подоходного налогообложения. Все это подрывает

доверие общества к семейным предприятиям и тем самым еще более затрудняет их нормальное функционирование.

Развитие негосударственных секторов народного хозяйства — как в сфере материального производства, так и особенно в сфере услуг — вносит важнейший вклад в формирование среднего класса, главной опоры социальной и политической стабильности, основы гражданского общества. Именно эта социальная группа, располагающая определенным материальным достатком и увязывающая свои интересы с интересами устойчивого развития страны, наименее склонна поддаваться соблазнам экстремизма. Будучи по своей природе одновременно умеренно консервативным и в достаточной мере ориентированным на прогресс, средний класс способен противостоять одновременно и застою, и различного рода авантюрам.

Социологические опросы показывают, что представители среднего класса в Китае проявляют высокую готовность участвовать в политическом процессе и принятии решений, хотя и признают, что их энтузиазм в значительной мере сдерживается недостаточностью адекватных каналов для выражения их мнений. Представители бизнеса понемногу включаются в состав органов власти, преимущественно законодательной, разбавляя тем самым их в основном номенклатурно-бюрократический состав и побуждая эти органы лучше прислушиваться к своему голосу, хотя при этом дело не обходится и без лоббирования узкогрупповых интересов. Респонденты из среднего класса в значительно большей мере, чем люди, принадлежащие к иным социальным группам, привержены идеям свободы слова и печати. Появление мощного среднего класса может способствовать дальнейшему продвижению Китая по пути реформ — рыночных, социальных и политических.

В настоящее время частный сектор китайской экономики стоит перед необходимостью существенной трансформации, которая связана с рядом серьезных вызовов. Во-первых, все более обостряются дефицит ресурсов и экологические проблемы, что делает невозможным дальнейшее движение по старому экстенсивному пути развития. Во-вторых, постепенно иссякает приток дешевой рабочей силы из деревни. Неизбежное увеличение расходов на заработную плату вынуждает предприятия для повышения своей конкурентоспособности в большей мере опираться на технический прогресс, на повышение производительности. В-третьих, окончание переходного периода членства Китая в

ВТО еще более обостряет конкуренцию между национальным и иностранным капиталом. В-четвертых, изменение прежнего курса, стимулировавшего экстенсивное развитие и экспортную ориентацию китайской экономики, осложнит условия хозяйствования предприятий. От того, как частный сектор китайской экономики сумеет ответить на эти вызовы, зависят во многом и его судьбы и судьбы устойчивого экономического развития Китая в целом, а стало быть и решение многих социальных проблем и противоречий.

Примечания

¹ В китайской печати встречаются статьи, призывающие отказаться от эвфемизмов и называть вещи своими именами: капитал капиталом, а не фондами, а частнокапиталистическое предприятие именно таким, а не «народным». См., например: *Хуан Фаньчжан*. Вэй «миньин цзинцзи» чжэн мин. [Исправить имя «народной экономики»] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 29 мая.

² По данным 5-го выборочного исследования частных предприятий в Китае (2002 г.), 8 % из 3258 обследованных предприятий сообщили, что они уже путем слияния или покупки приобрели обанкротившиеся государственные предприятия, еще 13,9 % собирались провести такие сделки, 2,8 % взяли в подряд или в аренду малоприбыльные госпредприятия и 6 % готовились к этому. 90,6 % частных предприятий приняли уволенных с госпредприятий работников. См.: *Шао Вэйшэн*. Миньин цзинцзи 30 нянь хуэйгу. [Ретроспектива 30 лет народной экономики] // Жэньминь луньтан. 2008. 15 января. — Это было время, когда под влиянием Азиатского финансового кризиса Пекин решил избавиться от большого числа по преимуществу убыточных мелких и средних предприятий, подвергнув их преобразованиям, которые в наших условиях назывались бы приватизацией, а в китайских именуется почти не переводимым на русский язык словом «миньинхуа», что-то вроде «народизации».

³ Согласно установленным в октябре 1981 г. высшими органами партийной и государственной власти правилам, индивидуальным промышленникам и торговцам разрешалось иметь до двух помощников, а в специальных ремеслах — до пяти учеников. Предприятия, в которых работало больше 7 человек, считались частными.

⁴ Можно вспомнить, как в 1988—1989 гг. едва появившиеся на свет капиталистические предприятия, чтобы обезопасить себя от контрреформистской волны, под давлением местных властей спешно преобра-

зовывались в «акционерно-кооперативные». Другим примером колебаний если не политического курса, то, во всяком случае, общественных настроений может служить возникшая в 2006 г. широкая публичная дискуссия о «первородном грехе» буржуазии.

⁵ Ван Юн. Цзихо миныйцзянь тоуцзы чжигуань чжунъяо [Активизировать народные инвестиции очень важно] // Чжэнцюань шибао. 2009. 14 января.

⁶ Жэньминь жибао. 2003. 24 февраля.

⁷ Чэн Лу. Миньин цие шисян «ши и у» фачжань мубяо ды цзичу ли-лян [Негосударственные предприятия — основная сила в достижении целей 11-й пятилетки] // Чжунхуа гуншан шибао. 2006. 21 апреля.

⁸ Жэньминь жибао хайвайбань. 2009. 20 января.

⁹ Чжунхуа гуншан шибао. 2006. 21 февраля.

¹⁰ Zheng Jinghai, Bigsten A., Hu Angan. Op. cit. P. 15.

¹¹ Причины такого бегства различны. В немалой степени они лежат в финансовой сфере, прежде всего в низкой прибыльности частных предприятий в тех отраслях, куда они допущены, в несовершенстве фондового и валютного рынков, в заниженном курсе юаня по отношению к доллару (и соответственно — в высокой валютной себестоимости экспортной продукции) и в неравноправии национального и иностранного капитала. — Кайфан. Шанхай. 2001. № 11. С. 8—10; Гоцзи цзинь-жун бао. 2002. 14 ноября.

¹² Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 17 декабря.

¹³ Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 13 ноября.

¹⁴ С такой инициативой в марте 2002 г. выступила Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев, которая предложила, чтобы в Конституцию КНР были включены положения о священном характере и неприкосновенности частной собственности, о том, что частная собственность граждан находится под защитой государства и о запрете любым юридическим и физическим лицам незаконно присваивать или разрушать частную собственность физических лиц. Однако не все китайские правоведы поддерживают мнение о необходимости специальных законов, регулирующих негосударственную сферу экономики. Так, заместитель председателя Комитета по законодательной работе ВСНП, постоянный председатель Президиума Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев Чжан Сюйю считает, что принятие таких законов было бы шагом назад, возвращением к тем временам, когда законы адресовались дифференцированно различным формам собственности (например, Закон о предприятиях всенародной собственности, Правила управления частной экономикой и др.). Конституция, по мнению Чжан Сюйю, охраняет права всех граждан, и частный предприни-

матель, будучи гражданином, естественно, имеет право на защиту своего имущества. — Чжунго гуншан шибао. 2002. 25 ноября.

¹⁵ Жэньминь фаюань бао. 2002. 27 ноября.

¹⁶ Нэй вай цзы цие содэ шуйлюй тунъи вэй 25 % вайцзы сян 5 нянь году [Ставка подоходного налога с предприятий отечественного и иностранного капитала унифицируется на уровне 25 %, иностранному капиталу предоставляется 5-летний переходный срок] // 21 шицзи цзинцзи даобао. 2006. 21 декабря.

¹⁷ Синьхуа 2002. 10 декабря.

¹⁸ Негосударственные предприятия в Китае создают 70 % ВВП, получая менее 30 % общей стоимости кредитов // Шанхай чжэнцюань бао. 2002. 28 ноября.

¹⁹ Миньин цие ды цзиньжун пэйтао цоши [Меры по формированию финансов народных предприятий] // Сычуань цзиньжун. 1998. № 12.

²⁰ Ван Нань. Миньин цзинцзи яо чуан сань гуань [Негосударственная экономика должна прорваться через три заставы] // Чжунго цзинцзи шибао. 2005. 28 декабря.

²¹ Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао [Доклад об исследовании страт современного китайского общества] / Гл. ред. Лу Сюэи. Пекин, 2002. С. 216—217.

²² Пань Чэньгуан, Фан Хун. Чжунго цзяцзу цие чэнчжан ды чжиду фэньси. [Системный анализ роста семейных предприятий в Китае] // Чжунго сыин цие фачжань баогао № 4 (2002) [Доклады о развитии частных предприятий в Китае. № 4 (2002)] / Гл. ред. Чжан Хоуи, Мин Личжи, Лян Чувньюнь. Пекин. 2003. С. 382.

Глава 6

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ

Китай, по мнению ряда китайских исследователей, уже миновал ту стадию, когда главной заботой было удовлетворение первичных потребностей человека, поддержание его прожиточного минимума, и поднялся на ступень, именуемую «обществом развития». С этим утверждением можно было бы в принципе согласиться, однако как минимум с одной необходимой оговоркой. Граница между этими двумя стадиями далеко не столь очевидна, особенно в ситуации, когда существуют очень большие материальные различия между общественными слоями и группами, а социальное обеспечение находится в зачаточном состоянии. Это особенно бросается в глаза, когда «общество развития» отождествляют еще и с «обществом массового потребления», что еще более запутывает ситуацию.

Проблемная группа Института социологии Академии общественных наук Китая провела с мая по сентябрь 2008 г. масштабное комплексное исследование, охватившее значительную часть страны. Выяснялись проблемы, связанные с доходами, потреблением, занятостью, образованием, медицинским обслуживанием взрослого населения в возрасте 18—69 лет. Руководил исследованием директор Института Ли Пэйлинь.

Анализируя собранные группой данные о потреблении, авторы стремятся доказать, что его нынешняя структура «в основном» свидетельствует о завершении перехода от «выживания» (*шэнцунь*) к «развитию» (*фачжань*). Об этом, по их мнению, свидетельствует структура расходов, при которой на питание тратят 34 %, на образование — 11 %, на лечение — 10,6 %¹. Считается, что расходы на питание и одежду поддерживают «выживание», а расходы на жилье, лечение, культуру и образование наряду с расходами на транспорт, развлечения и путешествия идут по разряду «развития». При таком подходе как-то между делом

упускается из виду, что немалая часть последних необходима просто для восстановления жизненных сил работника, совсем не всегда способствуя его развитию.

В китайском общественном мнении три отрасли публичных услуг постоянно привлекают наибольшее внимание. Это — образование, здравоохранение и жилье. Здесь быстрее всего растут цены, что в очень большой степени ложится тяжелым бременем на семейные бюджеты. Здесь особенно процветает коррупция. Здесь больше всего ощущается необходимость структурных реформ, которые бы отвечали требованиям в первую очередь социальной справедливости, а уже во вторую — экономической эффективности.

6.1. Образование

Восстановление в 1977 г. системы общегосударственных приемных государственных экзаменов в высшие учебные заведения положило начало устранению хаоса, который породила в образовании «культурная революция», хотя и не покончило еще с влиянием левацкой идеологии. Принятое в 1985 г. постановление ЦК КПК о реформе системы образования предусматривало последовательное проведение преобразований в управлении образованием, в образовательных методиках и содержании образования. Постановление указывало на необходимость ослабить слишком жесткий контроль административных органов над образовательным процессом и «оживить» его.

Оценивая результаты реализации этого документа, один из видных китайских специалистов в области образования Ян Дунпин отметил, что далеко не все поставленные цели были достигнуты и что сегодня во многом перед реформой образования стоят прежние задачи. Он полагает, что в 90-х годах прошлого века образование в значительной мере встало на путь коммерциализации, что главным стимулом реформы стало увеличение образовательных ресурсов с помощью рыночных механизмов. Восполняя недостаток средств, образовательные учреждения постоянно повышали плату за обучение и строили университетские кампусы. При этом вопросы справедливого доступа к образованию, вопросы качества образования и его гуманитарной и социальной ценностной ориентации отходили на задний план¹.

Принятая в 1993 г. ЦК КПК и Госсоветом КНР Программа реформы и развития образования в Китае предусматривала, что бюджетные расходы на образование к 2000 г. должны достичь 4 % ВВП. Эта цель, однако, не была достигнута. Более того, в 2000 г. указанный показатель оказался даже ниже уровня 1986 и 1990 гг. В следующем году реализацию поставленной ранее задачи отнесли на 2005 г. Но начиная с 2002 г. удельный вес бюджетных расходов на образование в ВВП не только не повышался, но, напротив, почти неуклонно снижался: в 2002 г. — 3,41 %, в 2003 г. — 3,28, в 2004 г. — 2,79, в 2005 г. — 2,82 %. Бюджетные расходы на образование составляют все меньшую часть совокупных общественных расходов на эту сферу, что говорит о все более тяжелой ноше, которую несут общество и семья. По охвату образованием детей школьного возраста КНР занимает 108-е место в мире. Этот охват особенно низок в некоторых северо-западных и юго-западных провинциях страны, где он в ряде случаев не достигает уровня 1953 г.

Недостаточность ассигнований на образование в Китае особенно очевидна на мировом фоне. В развитых странах доля образовательных расходов в ВВП превышает 6 %. В Индии в 2000 г. она составляла 3,9 %, в Малайзии — 4,1, в Бразилии — 5,1 %. Таиланд преодолел 4%-ную планку еще в 90-х годах.

Основу образовательной системы в Китае составляет обязательное 9-летнее обучение. Качество его, однако, существенно варьирует в городе и деревне и в различных районах страны, что в значительной мере зависит от финансовой, материальной, кадровой обеспеченности школ. На одного ученика городской начальной школы приходится почти в два раза больше финансовых средств, чем в сельской, и эта разница сказывается на условиях и уровне подготовки учащихся, а в конечном счете и на их стартовых возможностях в дальнейшей жизни. Сельские дети продолжают обучение в средней школе значительно реже, чем городские. У сельских жителей существенно меньше шансов получить высшее образование. В лучшем случае им удастся поступить в местные вузы с ограниченными образовательными ресурсами и невысоким качеством обучения. Особенно это касается девушек.

Еще более велики различия между экономически развитыми и относительно отсталыми регионами. В Шанхае в 2000 г. на одного ученика обычной начальной школы приходился 2791 юань бюджетных ассигнований на образование, а в провинции Хэнань — только 261 юань².

Состояние образования в сельских районах вызывает большую озабоченность общества и специалистов. В 2002 г. деревня, где сосредоточено 60 % населения страны, получила лишь 23 % совокупных расходов на образование. Основную часть затрат на обязательное школьное образование в деревне призваны нести уездные и волостные власти (до 2002 г. — только волостные и стоящие еще ниже). Практика низведения финансовой ответственности за базовое образование на столь низкий уровень в мире встречается крайне редко. В ряде стран, где использовали такой принцип, очень скоро от него отказывались. В Китае во многих случаях, особенно в бедных районах, низовые органы власти не обладают для выполнения этой функции необходимыми средствами. В 2000 г. уезды и волости располагали только 22 % консолидированного бюджета страны, но на их долю падало 87 % расходов на обязательное образование.

Поэтому основное бремя по поддержанию школ фактически перекладывается на семьи учащихся, которым приходится платить различные сборы. Поскольку они не всегда в состоянии это выдержать, постольку значительная часть детей вынуждена прекращать учебу. По данным выборочного обследования 17 сельских школ первой ступени в 6 провинциях, отсеиваемых учащихся достигает в среднем 43 %, а в наиболее тяжелых случаях — даже 74,4 %. Это намного выше порога в 3 %, который установлен программой распространения девятилетнего образования³.

Велика утечка учителей из села, особенно из окраин и отдаленных горных районов. Из-за нехватки кадров часто одному учителю приходится вести занятия по многим предметам, получая за это от нескольких десятков до двухсот юаней в месяц. Немало сельских учителей относят к числу слабых групп населения.

С 2005 г. государство стало постепенно освобождать сельские семьи, испытывающие материальные трудности, от уплаты двух видов платежей за обязательное образование и предоставлять дотации на проживание детей в общежитиях. К 2010 г. правительство намерено добиться полного осуществления бесплатного обязательного образования в сельских районах по всей стране.

Опубликованный в 2006 г. доклад Центральной партшколы об обследовании системы обязательного 9-летнего образования в деревне содержит рекомендацию перейти от ее финансирования из уездных бюджетов к финансированию из бюджетов провинций и центрального правительства. Эта точка зрения поддерживается многими другими экспертами, которые также считают,

что дальнейшее увеличение расходов на бесплатное обязательное образование в деревне должны покрывать, главным образом, центральные и провинциальные власти, полагая, что это вполне им по силам. Они ссылаются на то, что бесплатное обязательное образование существует в большинстве развивающихся стран Азии, включая Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Бангладеш, Непал, где ВВП на душу населения втрое меньше, чем в Китае. Доходы центрального бюджета за последние годы многократно возросли, но его удельный вес в расходах на обязательное образование составляет лишь 8 %⁴.

При распределении бюджетных средств между различными ступенями образования предпочтение отдается высшей школе. В 2003 г. ее доля повысилась до 23 %, тогда как доля начального образования продолжала сокращаться.

Начиная с 1999 г. набор студентов в высшие учебные заведения стал быстро возрастать. К 2007 г. общая численность студентов достигла 18 млн человек. По этому показателю Китай вышел на первое место в мире. Еще быстрее росло число аспирантов. В 2007 г. их число превысило 418 тыс. человек. Существенно увеличиваются в абсолютном выражении и государственные ассигнования на высшее образование, но все же их рост отстает от роста численности студентов. В результате на одного студента приходится все меньше государственных и общественных средств: в 1999 г. эта цифра составила 9743 юаня, в 2000 г. — 9324, в 2001 г. — 8268, в 2002 г. — 7622 юаня.

Соответственно, и на ступени высшего образования возрастают расходы, которые должны нести учащиеся и их семьи. Такие затраты увеличиваются быстрее, чем растут доходы населения. За 20 лет реформ стоимость учебы в вузах повысилась примерно в 25 раз, а среднедушевой годовой доход городского населения — в 4 раза. К примеру, в Цинхайском педагогическом университете, одном из самых малобюджетных в стране, ежегодные расходы студента превышают 7000 юаней (около 900 долл.), в том числе 3000 юаней составляет плата за обучение, еще 3000 — минимальные расходы на жизнеобеспечение, 800 — на общежитие, 400 юаней — на учебники⁵. В других, более развитых провинциях Китая расценки гораздо более высокие.

Из 2273 существующих в КНР в настоящее время высших учебных заведений к числу наиболее продвинутых, сочетающих обучение с серьезными научными исследованиями университетов можно отнести не более 15—20. К ним относятся Пекинский

университет, университет Цинхуа (из которого вышел нынешний руководитель Китая Ху Цзиньтао и многие другие лидеры), Нанкинский университет, Научно-технический университет Китая, Фуданьский университет, Транспортный университет. Эти учебные заведения получают приоритетное финансирование.

Общая сумма затрат в течение стандартного 19-летнего срока обучения, начиная с дошкольного и кончая университетским, составила в 2002 г. 130 551 юань на человека, из них 45 078 юаней приходится на государство, 5589 — на общество и 79 784 юаня — на самого учащегося⁶.

Стоимость услуг в образовании и здравоохранении не включается в Китае в индекс розничных цен (CPI), периодически публикуемый Государственным статистическим управлением. Соответственно скромная динамика этого индекса не показывает быстрого удорожания социальных услуг. Согласно данным исследования, проведенного Дальневосточной компанией исследований рынка и консультаций по менеджменту «Линдянь» (FZERO) в 8 крупных и 7 малых городах и прилегающих деревнях, от 40 до 50 % респондентов объясняют свои материальные затруднения высокими тратами на обучение детей. В период с октября 2004 г. по октябрь 2005 г. расходы на образование в деревне составили 32,6 % семейных бюджетов, в крупных и средних городах — 25,9 %, в малых городах и поселках — 23,3 %⁷. Высокая стоимость образования препятствует получению молодыми людьми необходимой общеобразовательной и профессиональной подготовки и обрекает их на низкий социальный статус и низкие заработки, что, в свою очередь, усугубляет общественную дифференциацию и подрывает общественную стабильность.

В области образования, как и в здравоохранении, среди специалистов и общественности идут дискуссии по поводу существующих проблем и путей их решения. В конце июня 2005 г. представила результаты своих трехлетних исследований специализированная рабочая группа. Основные ее выводы сводились к тому, что за время 10-й пятилетки еще более увеличились различия в уровне и качестве образования, которые в ряде отношений превышают различия экономические. Очень часто они связаны с собственно образовательной политикой, которая недостаточно реагирует на происходящие в обществе перемены и требования общественного развития и тем самым усугубляет социальное неравенство. Наиболее резкие различия наблюдаются не только между городом и деревней и между развитыми и отсталыми ре-

гионами, но также и между элитными, так называемыми «опорными» учебными заведениями, где обучаются дети богатых или высокопоставленных родителей, и школами обычными, и тем более школами, где вынуждены учиться дети работающих в городе крестьян.

Одним из важных требований многих участников дискуссии по проблемам образования стало пресечение дальнейшей коммерциализации этой сферы. Как отмечается в одной из статей, «слепое следование западной модели коммерциализации образования при отсутствии соответствующих условий может привести к тому, что очень большая часть населения, не имея материальных возможностей получить образование, будет снова попадать в порочный круг прогрессирующей бедности»⁸.

Особое внимание уделяется общедоступности образования, которой придается принципиальное, политическое значение. Утверждается, что взимание платы за обучение ведет к тому, что ограниченные образовательные ресурсы страны все больше концентрируются в руках богатых, а бедные лишаются единственного шанса и права на развитие, что еще более усиливает социальную несправедливость. Призывают сделать бесплатным обучение также в государственных вузах или, по меньшей мере, вернуться к политике 80-х годов прошлого века, когда сельской молодежи и детям из городских семей с нестабильными доходами полностью оплачивали стоимость обучения⁹.

Такие выступления сопровождались иногда и мерами, носившими не только антиэлитарный, но и подчеркнуто уравнилельный характер. В Пекине был наложен запрет на проведение математической олимпиады в начальных школах. В Чанчуне прекращены все соревнования между школьниками младших классов. В провинции Цзянси объявили о закрытии всех экспериментальных классов в средних школах второй ступени. В Шаньси запретили проводить любые дополнительные занятия в праздничные и выходные дни и выделять группы более и менее способных учеников¹⁰.

В дискуссии, однако, звучат и противоположные голоса. Либерально настроенные оппоненты видят корень всех пороков образования в пережитках плановости и ведомственном монополизме. Это усматривается, в частности, в том, что прием учеников в начальные и средние школы привязан к системе регистрации по месту жительства. Такая привязанность лишает родителей учеников права выбора, а руководителей школ, соответственно, стиму-

лов к совершенствованию. Отсутствие конкуренции ведет к превышению спроса на качественное обучение над его предложением, позволяет немногочисленным лучшим школам взимать с родителей своих учеников непомерную плату. Утверждается, что эта система не учитывает возрастающей текучести населения, мешает урбанизации деревни, адаптации сельских работников к условиям городской жизни, не соответствует условиям растущей социальной дифференциации. Подчеркивается, что университеты, включая даже наиболее известные из них, не обладают необходимой автономией в наборе студентов, в определении учебных программ, в планировании капитального строительства. Либералы выступают против государственной монополии на финансирование образования и детального вмешательства государства в деятельность всех образовательных учреждений. С их точки зрения, регулировать образовательный процесс должен рынок. Функцией же государства остается определение стратегии и программы развития образования. Ему также вменяется в обязанность увеличивать ассигнования на образование, следить за его качеством, быть третейским арбитром в отношениях между родителями и учебными заведениями, помогать детям из бедных семей и детям с ограниченными физическими возможностями получать образование¹¹. Выход из финансовых затруднений, испытываемых высшим образованием, усматривается в существенном увеличении доли частных университетов по примеру развитых и многих развивающихся стран¹².

Принятая в 2006 г. новая редакция Закона об обязательном образовании ставит определенные преграды на пути дальнейшей коммерциализации этой сферы. Закон запрещает преобразование государственных учебных заведений обязательного обучения в негосударственные. Последние не могут использовать бюджетные средства, а также наименования, учительский персонал и оборудование государственных школ. При приеме учащихся в учебные заведения обязательного образования запрещается вводить экзамены.

В самом начале 2009 г. агентство Синьхуа распространило пространное выступление Вэнь Цзябао на заседании группы по руководству государственным научно-техническим образованием. Текст выступления был озаглавлен «Великий план столетия с опорой на образование». В публикации говорилось, что осуществление реформы и программы развития образования на среднесрочную и долгосрочную перспективу является одной из глав-

ных задач нынешнего правительства. Программа, рассчитанная до 2020 г., должна, по словам Вэнь Цзябао, быть обращена лицом к будущему, к миру, к модернизации. Реформа и развитие образования должны отвечать самым современным мировым стандартам, идеям и практикам. Вместе с тем необходимо исходить из китайской специфики, из задач строительства общества среднего достатка, индустриализации и урбанизации, из требований, которые они предъявляют к людским ресурсам, к всесторонней подготовке человека.

Отметив, что реформы в социальной сфере запаздывают в сравнении с реформами экономическими, Вэнь Цзябао призвал обратить особое внимание на необходимость инноваций и прорывных преобразований, на концептуальные, содержательные, методические, структурные обновления. Он также провозгласил стратегию приоритетного развития образования, которая призвана возрождать и укреплять государство.

Большое внимание уделил Вэнь Цзябао развитию образования на селе. Речь шла об увеличении ассигнований на строительство и оборудование сельских школ, об улучшении материального обеспечения сельских учителей и повышении качества преподавания. Затрагивалась также проблема сокращения доли выходцев из деревни среди студентов высших учебных заведений.

Большое значение придается развитию профессионально-технического образования — в сфере услуг, промышленности и сельского хозяйства. Обучение сельскохозяйственным профессиям постепенно предполагается сделать бесплатным.

Вэнь Цзябао отметил, что за последние годы государственные ассигнования на образование возросли и пообещал увеличивать их и в дальнейшем, одновременно не снижая внимания к эффективности затрат. Он призвал также предпринимателей к большему участию в финансировании образования. Вэнь Цзябао высказался за многообразие и вариативность в развитии образования, за широкую автономию и демократизацию образовательных учреждений.

Участники совещания, на котором выступал Вэнь Цзябао, выразили мнение, что проект программы, о которой он говорил, может стать доступным общественности к августу 2009 г., после чего будет организовано широкое его обсуждение.

Совершенствование системы образования — важная составная часть экономической стратегии Китая, неременное условие

перехода к обществу знаний и построения инновационного государства. На этих новых ступенях развития главным его двигателям станет не дешевый малоквалифицированный труд, а труд высококвалифицированный. Массовость образования в сочетании с его высоким качеством может стать основным сравнительным преимуществом страны, которое позволит ей на равных соперничать с ведущими экономиками мира и опережать их.

Примечания

¹ Данцянь Чжунго чэнсян цзятин сяофэй чжуанкуан. [Ситуация с потреблением в городских и сельских семьях Китая] // Гуанмин жибао. 2009. 9 февраля.

¹ Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 10 января.

² Ян Дунпин. Чжунго цзяоюй гунпин ды лилунь юй сянши. [Теория и практика справедливости образования в Китае]. Пекин, 2006.

³ Ян Дунпин. Цзяоюй: цзай чжэнлунь чжун чжуань сян гунпин фачжань [Образование: в дискуссии повернуться к равноправному развитию] // Чжунго цзинцзи шибао. 2005. 29 декабря.

⁴ Там же.

⁵ Чжунго цзинцзи шибао. 2005. 28 декабря.

⁶ Чжунго циннянь бао. 2007. 15 января.

⁷ Чжунго циннянь бао. 2006. 8 февраля.

⁸ Чжан Сяохун, Чэнь Наньтун. Туйсин мяньфэй цзяоюй цзэнцян миньцзу цзинчжэнли [Продвигать бесплатное образование, укреплять конкурентоспособность нации] // Чжунго цзинцзи шибао. 2006. 10 апреля.

⁹ Там же.

¹⁰ Ян Дунпин. Цзоусян гунпин: 2005 нянь Чжунго цзяоюй фачжань баогао. [По пути справедливости: доклад о развитии образования в Китае в 2005 г.] // Шэхуэй ланьпишу. 2006 нянь: Чжунго шэхуэй фэньси юй юйцзэ [Синяя книга об обществе. Анализ и прогноз положения в китайском обществе на 2006 г.]. Пекин, 2005. С. 239.

¹¹ Чжоу Тяньюн. Чжунго цзяоюй мяньлинь ду цзуй цзяньжуй ды вэньти ши шэмма? [Каковы самые острые проблемы, с которыми сталкивается образование в Китае?] // Гуанли юй шицзе. 2000. № 3.

¹² Ян Дунпин. Туйцзинь и тичжи гайгэ вэй чжунсинь ды цзяоюй гайгэ [Проводить реформу образования с опорой на структурные преобразования] // Сюэси шибао. 2006. 30 мая.

6.2. Здравоохранение

После образования КНР в медицинском обслуживании населения, как и в условиях его жизни, произошли значительные улучшения. По основному комплексному показателю здоровья населения — ожидаемой продолжительности жизни Китай за это время вышел из категории бедных стран и поднялся на уровень нижней группы стран со средними доходами (табл. 14).

Таблица 14. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Китае и мире (годы жизни)

Годы	Мужчины			Женщины			Оба пола		
	1990	2000	2006	1990	2000	2006	1990	2000	2006
Китай	68	70	72	69	72	75	68	71	73
Страны с низкими доходами	55	56	68	56	59	60	55	57	59
Страны со средне-низкими доходами	65	67	69	68	71	73	66	69	71
Страны со средне-высокими доходами	64	65	66	72	73	73	68	69	69
Страны с высокими доходами	71	75	77	78	81	82	75	78	80
Мир в целом	61	63	65	65	68	69	63	66	67

Источник: WHO Statistical Information System. World Health Statistics. 2008.

Этим показателям соответствует и обеспеченность населения помощью квалифицированного медицинского персонала, хотя доступ к такой помощи весьма разнится по месту проживания (табл. 15).

Однако медицинская статистика свидетельствует, что главные позитивные сдвиги в состоянии здоровья населения были достигнуты в дореформенный период существования КНР. Так, резкое сокращение детской смертности имело место непосредственно сразу после провозглашения в 1949 г. республики, а в 1980-е и 1990-е годы этот показатель менялся мало. Экономические успехи реформистского курса не столь очевидно способствовали развитию здравоохранения. Темпы роста государствен-

Таблица 15. Численность медицинских работников в Китае и мире (2000—2006 гг.)

	Врачи		Средний медицинский персонал		Дантисты		Фармацевты	
	Численность, тыс.	На 10 тыс. чел. населения	Численность, тыс.	На 10 тыс. чел. населения	Численность, тыс.	На 10 тыс. чел. населения	Численность, тыс.	На 10 тыс. чел. населения
Китай	1863	14	1301	10	136	1	352	3
Страны с низкими доходами	2163	5	2606	11	102	Менее 1	644	3
Страны со средне-низкими доходами	1894	13	3 768	17	369	2	602	3
Страны со средне-высокими доходами	1673	21	3225	41	454	6	186	3
Страны с высокими доходами	2682	28	8428	87	956	10	907	9
Мир в целом	8413	13	18 028	28	1881	3	2329	4

Источник: WHO Statistical Information System. World Health Statistics. 2008.

ных расходов на здравоохранение в 1979—2004 г.г. были ниже темпов экономического роста, что вело к понижению доли этих расходов в ВВП. Удельный вес государства в расходах на здравоохранение в КНР составил в 2005 г. всего 38,8 %, тогда как по миру в целом он достигает 56 %. На здравоохранение идет в КНР всего 1 % государственного бюджета, а в совокупности в странах мира с низкими доходами на эти цели расходуется 4,6 % государственных средств. С начала реформ в 1978 г. доля государства и нанимателей в структуре общих расходов на здравоохранение неизменно снижалась, а доля физических лиц — повышалась. В результате в 2006 г. на государство приходилось только 18,1 % расходов, на предприятия и социальные учреждения — 32,6 %, а остальные 49,3 % расходов на здравоохранение несли сами граждане¹ (табл. 16).

Среднедушевые затраты граждан на лечение растут значительно быстрее, чем их доходы (табл. 17). С 1998 по 2006 г. в среднем за год в расчете на душу населения расходы на амбу-

Таблица 16. Расходы на здравоохранение

	Общие расходы на здравоохранение, % к ВВП		Доля правительства в общих расходах на здравоохранение, %		Доля здравоохранения в общих расходах правительства, %	
	2000 г.	2005 г.	2000 г.	2005 г.	2000 г.	2005 г.
Китай	4,6	4,7	38,0	38,8	1,1	1,0
Страны с низкими доходами	4,2	4,6	28,0	25,9	4,4	4,6
Страны со средне-низкими доходами	4,6	4,8	43,4	44,9	1,9	1,7
Страны со средне-высокими доходами	6,2	6,6	52,5	53,2	8,8	10,0
Страны с высокими доходами	10,0	11,2	59,7	60,1	16,0	17,7
Мир в целом	8,0	8,6	56,0	56,0	9,0	8,3

Источник: WHO Statistical Information System. World Health Statistics. 2008.

Таблица 17. Расходы на здравоохранение в расчете на душу населения

	Общие расходы по среднему официальному обменному курсу (долл. США)		Общие расходы по ППП (международн. долл.)		Правительственные расходы по среднему официальному обменному курсу (долл. США)		Правительственные расходы по ППП (международн. долл.)	
	2000	2005	2000	2005	2000	2005	2000	2005
Годы	2000	2005	2000	2005	2000	2005	2000	2005
Китай	44	81	183	315	17	31	70	122
Страны с низкими доходами	16	27	56	84	5	7	16	22
Страны со средне-низкими доходами	48	86	183	295	22	40	79	132
Страны со средне-высокими доходами	239	373	505	705	123	201	206	375
Страны с высокими доходами	2672	3886	2744	3712	1597	2374	1638	2229
Мир в целом	472	681	579	790	275	405	324	442

Источник: WHO Statistical Information System. World Health Statistics. 2008.

латорное лечение увеличивались на 13 %, а на больничное — на 11 %². По данным социологических опросов, население в Китае ставит дороговизну медицинских услуг на первое место среди всех социальных проблем³. Расходы на эти услуги составляют в среднем 11,8 % семейного бюджета, уступая лишь расходам на питание и образование. В 2003 г. чистый годовой доход крестьянина составлял в среднем 2622 юаня, а средняя стоимость его пребывания в больнице достигала 2236 юаней. Поэтому для большинства крестьян больничное лечение не по карману.

За последние годы число больниц и оздоровительных центров, а также численность квалифицированного медицинского персонала стали сокращаться, хотя число больничных коек росло. Численность дипломированного медперсонала в расчете на 10 тыс. человек населения за период с 1978 по 2000 г. увеличилась более чем в полтора раза, с 10,8 до 16,8 человек, а затем к 2007 г. сократилась до 15,4 человек. При этом особенно ощутимо убыль медицинских работников сказывается не в городах, где она фактически не наблюдается, а в уездных центрах. Именно на уездном уровне остро ощущается и нехватка технического персонала. Не очень понятно также, где размещаются дополнительные койки: в пристройках к основным зданиям больниц или за счет уплотнения. Вопрос о качестве услуг в этой ситуации при сокращении медперсонала уже представляется излишним (рис. 72).

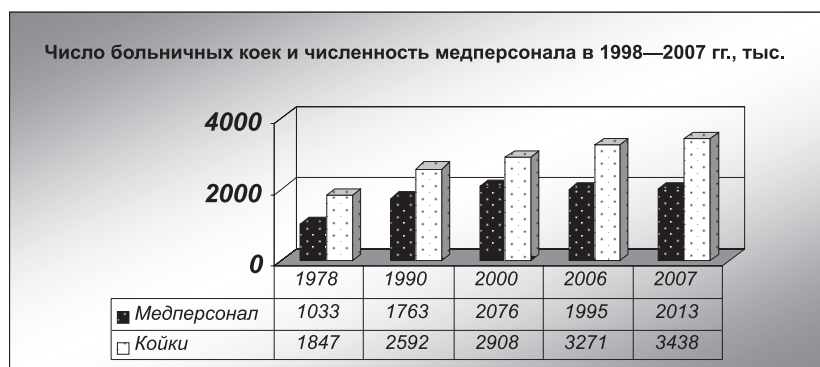

Рис. 72. Источник: составлено по: Чжунго тунци няньцзянь. 2008.

Возросло социальное неравенство в доступе к медицинским услугам. По данным исследования, проведенного Академией общественных наук Китая, 80 % государственных ассигнований на

медицину идет на обслуживание социальной группы, основу которой составляют 8,5 млн правительственных чиновников и партийных функционеров. 2 млн правительственных и партийных деятелей разного ранга пользуются долгосрочными отпусками по болезни. Из них 400 тыс. человек проводят длительное время в специальных стационарах для лечения и отдыха, расходы на которые составляют 50 млрд юаней в год⁴.

Для городского населения в Китае существует система медицинского страхования. Однако из этой системы исключены учащиеся, лица, не имеющие постоянной занятости, безработные и приезжающие на работу в город жители села. Вплоть до недавнего времени обязательное медицинское страхование не распространялось и на работников негосударственных предприятий. Новый закон о трудовых контрактах обязал предпринимателей обеспечивать своих работников медицинской страховкой. Но многие из них уклоняются от этой обязанности, нанимая на работу преимущественно мигрантов и не заключая с ними трудовой договор. По данным «Отчета об основных результатах 3-го исследования государственных здравоохранительных услуг», в 2003 г. медицинская страховка полностью отсутствовала у 44,8 % городских жителей и у 79 % жителей села. Особенно велика доля лиц, не имеющих медицинской страховки, среди населения с низкими доходами. При этом она постоянно росла. В 1993 г. не имели медицинской страховки примерно 50 % городской бедноты, в 1998 г. — 72, а в 2003 г. — 76 %.

В деревне за последние годы проводится работа по созданию системы медицинского обслуживания на кооперативных началах. К концу 2007 г. она охватила 730 млн человек, или 86 % сельского населения. Однако система страдает от нехватки средств и не в состоянии оказывать поддержку жителям деревни в случаях серьезных заболеваний, требующих больничного лечения. Крестьянин вносит в фонд сельского кооперативного страхования годовой взнос в размере 10 юаней, а центральные и местные власти еще по 20 юаней на человека. Намечено из года в год расширять охват сельских районов этой системой и завершить ее распространение на территорию всей страны в основном до 2010 г.⁵ Пока что 80 % государственных ассигнований на здравоохранение направляется в город и только 20 % — в деревню. В расчете на душу населения эти ассигнования составляют в городе в 4 раза больше, чем в деревне (38,3 юаней против 9,9 юаней). Полная или частичная утрата работоспособности из-за от-

сутствия своевременной и качественной медицинской помощи часто служит причиной бедственного положения крестьянской семьи. Средние расходы на лечение серьезного заболевания составляют 7 тыс. юаней (около 1000 долл.), что более чем втрое превышает чистый среднегодовой доход крестьянина.

В Китае идет острая дискуссия о причинах неудовлетворительного состояния здравоохранения и наиболее оптимальных путях выхода из него. Либеральные «рыночники» противостоят здесь не столько идеологическим «антирыночникам», сколько тем, кто, разделяя в принципе ориентацию экономики на рыночные отношения, не готов отдавать наиболее чувствительные для народа области полностью на откуп рынку и возлагает значительную долю ответственности за них на государство.

Либералы винят во всем прежнюю плановую систему хозяйства и ее пережитки. Плановая система, с их точки зрения, ответственна за то, что сфера услуг в деревне, как и аграрная сфера в целом, десятилетиями приносилась в жертву развитию тяжелой индустрии. Соответственно главная беда здравоохранения усматривается в том, что оно недостаточно включено в рыночные отношения. Формально все как будто обстоит благополучно. Рынок распределяет ресурсы. В область медицинских услуг допущен любой капитал. Создание новых структур и направление услуг определяются, главным образом, рыночным спросом. Но фактически за два с лишним десятилетия реформ условия для создания негосударственных больниц так и не появились. Цены на медицинские услуги и лекарственные препараты по-прежнему контролируются государством. Их устанавливают не больницы, а соответствующие правительственные ведомства. Больницы же могут действовать лишь в определенном диапазоне цен.

По данным на 2003 г., 96 % больничных коек, оборудования и медицинского персонала сосредоточены в государственных медицинских учреждениях. Опираясь на долговременную поддержку правительства, немногие больницы сосредоточили у себя лучшие ресурсы и заняли монопольное положение, с которым не могут состязаться негосударственные медицинские учреждения. Такое положение признается ненормальным. Утверждается, что в условиях рыночной экономики невозможно сохранять заповедники нерыночных отношений, что у здравоохранения нет иного выбора, чем подвергнуться рыночному реформированию. Весомость этой позиции подкрепляется тем, что за ней стоят интересы национального и иностранного капитала, готового

вложить в китайскую медицину миллиарды долларов и юаней, рассматривая ее как потенциально чрезвычайно выгодную для себя сферу приложения капитала.

Оппоненты рыночников, напротив, видят главные беды здравоохранения в утрате государственными лечебными учреждениями социальной значимости, в их чрезмерной погоне за материальной выгодой. Отмечается, что в государственных некоммерческих лечебных учреждениях заработная плата и бонусы сотрудников, как и текущие расходы учреждений, в основном финансируются за счет их собственной коммерческой деятельности, доля же государственного финансирования не превышает 6 %. Отсюда проистекает стремление врачей прописывать больным много дорогих лекарств, назначать дорогостоящие обследования и процедуры. Государство контролирует цены примерно на 20 % обращающихся на фармацевтическом рынке препаратов и за последние годы неоднократно проводило снижение цен. Однако регулируемые рынком цены на лекарства растут, иногда многократно. В подавляющем большинстве лечебных учреждений надбавки к цене отпускаемых лекарств достигают 30—40 %, далеко превосходя установленный государством норматив в 15 %. По данным Мирового банка, в 2003 г. расходы на лекарства в Китае составили 52 % всех расходов на здравоохранение, тогда как в большинстве стран они не превышают 15—40 %. При этом от 12 до 37 % назначений не вызываются необходимостью. Согласно обследованию одной больницы, проведенному в 2000 г., 80,2 % больных прописывали антибиотики, в том числе 58 % — по два и более препаратов. Плата за однократный курс лечения в стационаре порой превышает среднюю годовую зарплату. С 1990 по 2004 г. расходы на амбулаторное лечение в больницах общего типа увеличились в 12 раз, на лечение в стационаре — в 10 раз. Согласно данным статистических ежегодников по здравоохранению в Китае, за этот период среднегодовые заработки врачей увеличились в больницах центрального подчинения в 11,6 раза, в провинциальных — в 8,2, в окружных — 6,8, в уездных — в 5,5 раза.

Весной 2005 г. из уст заместителя министра здравоохранения Ма Сяохуа прозвучал тезис о необходимости при введении в эту сферу рыночных механизмов отстаивать ведущую роль государства. По существу это положило начало пересмотру прежних основных принципов и акцентов проводившейся в течение двух десятилетий реформы здравоохранения, которая главный упор

делала на внедрении рыночных отношений. Развернулась широкая кампания в прессе за то, чтобы главную роль в решении проблем здравоохранения взяло на себя государство. В совместном докладе Центра исследований развития при Госсовете КНР и Всемирной организации здравоохранения за 2005 г. был сделан вывод: рыночная реформа здравоохранения в Китае в основном потерпела неудачу, прежде всего, вследствие излишней ориентации на рынок и недостаточной роли государства.

Руководство страны вновь оказалось перед дилеммой: в каком направлении вести дальше реформу здравоохранения — в сторону ли дальнейшего разгосударствления, распродажи лечебных учреждений или, напротив, назад, в сторону прежней государственной медицины. Либо же пытаться как-то сочетать эти принципы. По существу такие споры не прекращались в течение всего времени реформ, но сегодня настал час, когда необходимо сделать принципиальный выбор. Особенную остроту этой проблеме придала серьезная эпидемия атипичной пневмонии в 2003 г., когда обнажились все недостатки китайского здравоохранения.

Один из ведущих теоретиков и проектировщиков китайских экономических реформ, заместитель руководителя Центра исследований развития при Госсовете КНР профессор Ли Цзяньгэ, непосредственно участвовавший при прежнем руководстве в реформировании системы здравоохранения, указывает на объективные финансовые и материальные трудности, с которыми сталкиваются преобразования. Так, в США в 2004 г. на нужды здравоохранения было потрачено 1,8 трлн долл. В Китае в том же году весь ВВП составил 1,6 трлн долл. При этом численность населения у США — несколько более 200 млн человек, а у КНР — свыше 1,3 млрд. Если рассчитать затраты на лечение и лекарства в Китае, исходя лишь из одной десятой части американской нормы, то на них не хватит всего китайского ВВП. В Китае медицинское страхование городских рабочих и служащих составляет в среднем на одного человека в год 2000 юаней. Если бы правительство взяло на себя задачу распространить данный норматив на все городское и сельское население (а такие предложения выдвигаются), то на это ушла бы вся расходная часть всех бюджетов центрального и местных правительств всех уровней.

Такие доводы, однако, убеждают далеко не всех. Оппоненты указывают на то, что за последнее столетие более 160 стран мира раньше или позже создали у себя различные системы социаль-

ного обеспечения и медицинского страхования. При этом ни в Англии почти 100 лет назад, ни в США 70 лет назад, ни в Японии 68 лет назад экономические условия были вряд ли лучше, чем в сегодняшнем Китае. Но все они сумели, используя ограниченные финансовые ресурсы своего времени, обеспечить достойное лечение своих граждан. Отчего же Китай это сделать не в состоянии?

Определяя дальнейшие пути реформы здравоохранения, Пекин внимательно присматривается к опыту других стран с переходной экономикой, особенно Венгрии и Польши. Делегация Министерства здравоохранения КНР и Госкомитета по развитию и реформам, побывавшая в этих странах, нашла там немало полезного, особенно в отношении лечебных учреждений с государством и рынком. Констатируется, что, при всей своей политической и экономической ориентации на Европу, к распространению рыночных отношений и приватизации на здравоохранение эти страны подходят очень осторожно. Если в экономике уровень приватизации очень высок, то полностью приватизированных больниц очень мало. В Венгрии после длительной дискуссии отказались от приватизации фонда социального страхования. Главным звеном реформы в Польше и Венгрии стало создание независимых общенародных фондов медицинского страхования. В Польше такой фонд получает средства, главным образом, от государства и предприятий и распространяет свои услуги на всех членов семьи лица, имеющего медицинскую страховку. Лечебные учреждения получают средства не непосредственно из государственного бюджета, но по контрактам с фондом медицинского страхования, в соответствии с проделанной работой. Этот метод, по мнению руководителя китайской делегации, является приемлемым и для Китая. Изучается и опыт других стран, в частности Испании и Бразилии. И здесь отмечается тенденция к возрастанию роли государства, прежде всего центрального бюджета, в финансировании здравоохранения и медицины при одновременном использовании различных форм кооперации с частным капиталом. Это способствует сокращению межрегиональных различий в обеспеченности населения, в особенности пожилого, медицинскими услугами.

В августе 2006 г. Госсовет КНР создал координационную группу по реформе здравоохранения, куда вошли представители полутора десятков министерств и государственных комитетов. В конце 2006 г. большинство ведомств одобрили представлен-

ный Министерством здравоохранения проект, который предусматривал предоставление практически бесплатных медицинских услуг в коммунальных больницах почти всем городским жителям. Суммарные правительственные расходы при таком варианте оценивались в 269 млрд юаней.

В начале 2007 г. было принято решение привлечь к параллельной подготовке проектов реформы шесть независимых отечественных и зарубежных исследовательских центров, в числе которых были Пекинский, Фуданьский, Народный университеты, ВОЗ, Мировой банк, консалтинговая компания «Маккензи». Позже к ним подключились Пекинский педагогический университет и университет Цинхуа в кооперации с Гарвардским университетом.

В марте 2007 г. свою точку зрения на реформу здравоохранения обнародовало Министерство финансов КНР. Она сводилась к тому, что медицинские услуги должны быть платными, солидаризируясь тем самым с рыночной моделью.

В конце мая 2007 г. самостоятельные проекты были впервые совместно рассмотрены на совещании, созванном Госкомитетом по развитию и реформам, с участием министерств здравоохранения, финансов, труда и социального обеспечения и других ведомств. Большая часть представленных разработок ориентировалась преимущественно на ведущую роль государства, меньшая — на рынок.

В июле 2007 г. Госсовет КНР опубликовал документ под названием «Руководящие соображения о развертывании экспериментальных пунктов базового медицинского страхования городского населения», который требовал увеличить число экспериментальных городов в текущем году до 79, а в 2010 г. охватить всю страну. Это означало, что правительство намерено использовать увеличение расходов в сфере здравоохранения, главным образом, на дотации населению, охваченному системой страхования, а не на увеличение вложений в государственные лечебные учреждения. Тем самым провозглашался курс на развитие рынка медицинских услуг.

Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК осенью 2007 г. в большей мере делал упор на ответственности правительства за реформы в здравоохранении. Говорилось о необходимости укреплять общепользительный характер здравоохранения, повышать инвестиционную активность государства. На состоявшихся после съезда совещаниях было решено на основе имеющихся само-

стоятельных разработок подготовить новый сводный проект реформы здравоохранения «с китайской спецификой» и представить его на суд общественности. Проект должен был предусмотреть создание к 2020 г. системы, которая бы гарантировала предоставление базовых медицинских услуг всем жителям города и деревни.

Полемика между сторонниками преимущественно рыночной и преимущественно государственнической ориентации реформы в Китае не прекращалась. Последние выступали за установление низкой стоимости больничных услуг, за сокращение до минимума различий в ценах на отпускаемые лекарства при сохранении, однако, рыночной продажи патентованных и инновационных препаратов. Все больничное оборудование, должны были, с их точки зрения, централизованно закупать правительственные ведомства. Больницам предлагалось разрешить по-прежнему взимать плату за лечение, но весь доход перечислять вышестоящим здравоохранительным органам, которые ответственны за распределение ресурсов. Оппоненты государственнического подхода характеризовали его как возврат к плановой экономике, как путь к дальнейшему усилению коррупции.

На этом фоне в 2007 г. была принята Программа развития здравоохранения в 11-й пятилетке (2006—2010 гг.). В документе отмечались определенные достижения предыдущего пятилетия (2001—2005 гг.). Увеличилась средняя ожидаемая продолжительность жизни до 72 лет (на 0,6 года по сравнению с 2000 г.). Сократилась смертность среди новорожденных, младенческая смертность и смертность детей в возрасте до 5 лет. Усилилась работа по профилактике СПИДа, по выявлению и лечению больных туберкулезом и рядом других серьезных заболеваний. Значительно расширились сети водопровода и канализации в деревне. Увеличились инвестиции в здравоохранение. Укрепились системы кооперативной медицины в деревне и предоставления медицинских услуг на коммунальном уровне в городах.

Вместе с тем отмечалось наличие серьезных нерешенных проблем. СПИД начинает распространяться от групп риска к рядовому населению. Число больных туберкулезом превысило 4,5 млн человек. Не удастся эффективно контролировать распространение гепатита. Непрерывно появляются новые инфекционные болезни. Сотни тысяч людей страдают от шистосоматоза, заболеваний, связанных с недостатком йода, флюороза. Численность людей, страдающих от злокачественных опухолей,

заболеваний сердечно-сосудистой и дыхательной систем, диабета, травм и отравлений, составляет около 200 млн. Душевыми расстройствами болеют 16 млн человек. Растет опасность профессиональных заболеваний. Невысок уровень охраны материнства и младенчества, особенно среди мигрантов, значительны его различия между городом и деревней. Жители деревни больше страдают от СПИДа, туберкулеза, гепатита, шистосоматоза и местных заболеваний. Лишь 18,5 % персонала волостных и поселковых здравпунктов имеют высшее образование (табл. 18).

Таблица 18. Стандартизованные по возрасту коэффициенты смертности в Китае и мире (на 100 тыс. населения в 2002 г.).

Страны	Неинфекционные болезни	Сердечно-сосудистые	Онкология	Травмы
Китай	665	291	148	79
Страны с низкими доходами	754	418	114	116
Страны со средненизкими доходами	668	324	136	81
Страны со средневысокими доходами	728	436	138	102
Страны со средневысокими доходами	419	173	136	42
Мир в целом	454	315	132	87

Источник: WHO Statistical Information System / World Health Statistics / 2008.

Программа давала установки по развитию всех подсистем здравоохранения, определяла конкретные ориентиры на 2010 г. по дальнейшему увеличению ожидаемой продолжительности жизни и снижению смертности в разных возрастных группах.

Весной 2008 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в докладе о работе правительства на сессии ВСНП подчеркнул необходимость провести реформу здравоохранения с тем, чтобы обеспечить каждому доступ к базовым медицинским услугам. Центральное правительство заявило о выделении в 2008 г. на поддержку реформы и развитие здравоохранения 82,5 млрд юаней (около 11,7 млрд долл.), что на 16,7 млрд юаней превышало сумму, ассигнованную на эти цели в 2007 г., причем основная часть средств

предназначалась для укрепления низовых звеньев системы здравоохранения в городе и деревне.

Ряд депутатов, выступавших на сессиях ВСНП и НПКСК, приветствуя намерения правительства, возражали вместе с тем против государственной монополизации системы общественного здравоохранения, в частности, в таких ее составных частях, как охрана здоровья женщин и детей, профилактика, контроль над инфекционными заболеваниями, санитария окружающей среды, пропаганда здоровья, скорая помощь. Государству не рекомендовали вкладывать большие средства в капитальное строительство и крупное оборудование. В интересах создания недорогой и эффективной системы общественного здравоохранения правительству предлагали, используя методы рыночной конкуренции, покупать услуги медицинских учреждений. Вместо прямого вложения средств в систему медицинских услуг ему вменяли в обязанность инвестировать их в органы медицинского страхования, покупать страхование для своих граждан с тем, чтобы гарантировать больным свободу выбора лечебного учреждения и обеспечить равноправную конкуренцию между организациями, оказывающими медицинские услуги. Не участвуя непосредственно в руководстве лечебными учреждениями, правительство обязывалось способствовать развитию корпоративного управления, стимулировать привлечение как государственного, так и негосударственного капитала в развитие отечественного здравоохранения.

В апреле 2009 г. были официально опубликованы два документа, направленных на ускорение развития здравоохранения в ближайшие годы: «Соображения ЦК КПК и Госсовета КНР об углублении реформы системы здравоохранения» и «Проект реализации в ближайшее время (2009—2011) ключевых программ в области фармацевтики и здравоохранения». Первый документ был представлен на открытое общественное обсуждение в сентябре 2008 г. и вызвал большое число откликов с замечаниями и предложениями, которые были обобщены соответствующими ведомствами и предложены в качестве поправок.

За период 2009—2011 гг. намечено охватить все городское и сельское населения системой *базовых медицинских гарантий*: городского населения — базовым медицинским страхованием, деревенского населения — сельской кооперативной медициной. К 2010 г. нормативный размер дотаций по этим двум системам повышается до 120 юаней на человека в год, и соответственно несколько увеличиваются индивидуальные взносы. Предполага-

ется приступить к созданию государственной системы базового обеспечения лекарствами. С 2009 г. начинается создание Всеки-тайского архива данных о здоровье населения. Предполагается развернуть реформу государственных лечебных учреждений, направленную на совершенствование управления и контроля за их деятельностью и повышение уровня оказываемых ими услуг. На все это за три года намечено ассигновать 850 млрд юаней. Облегчается бремя расходов по медицинскому обслуживанию, которое вынуждено нести население.

Таким образом, в этой важнейшей для всего населения страны социальной сфере устанавливаются рамки взаимодействия между государством и рынком при ведущей роли государства, которое берет на себя ответственность за общедоступное пользование всех слоев и групп общества основными медицинскими услугами, независимо от толщины индивидуальных кошельков. Вместе с тем система здравоохранения остается *смешанной*, что предполагает приток в эту систему капиталов различных типов собственности.

Примечания

¹ Чжунго тунцзи няньцзянь. 2008. С. 865.

² Жэньминь ван. 2007. 27 апреля.

³ Чжунго шэжуэй синши фэньси юй юйцзэ: 2007 [Анализ и прогноз социального положения в Китае: 2007]. Пекин, 2006.

⁴ Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 11 марта.

⁵ Синьхуа. 2007. 2 ноября.

6.3. Жилье

До жилищной реформы, развернутой с 1998 г., в КНР существовали четыре основных типа жилья, различных по способу приобретения. Первый — *коммерческое жилье*, свободно обращавшееся на рынке и быстро дорожавшее. Удельный вес его в жилищном фонде разных городов страны сильно колебался в зависимости от числа потенциальных владельцев, по большей части — отечественных или иностранных предпринимателей, для которых приобретение жилья часто было вложением капитала.

Второй тип — *жилье, полученное по месту работы*. Оно строилось на бюджетные деньги и распределялось административными властями. Владельцем являлось государство (представляемое соответствующей производственной единицей). Работники платили за проживание чисто символическую плату. Содержание домов прибыли не приносило, считалось планово убыточным. Значительная часть городского населения жила в стесненных условиях (в Пекине в 1985 г. — 30,7 %). Но у кадровых работников они были лучше, чем у рабочих, у членов партии — лучше, чем у беспартийных, в центральных ведомствах — лучше, чем в местных.

Третий тип — *жилье, полученное от местных властей*, четвертый — *жилье, предоставленное застройщиком* при сносе старых домов.

В конце июля 1998 г. Госсовет КНР принял «Уведомление о дальнейшем углублении реформы системы городской жилищной системы в городах и ускорении жилищного строительства». В то время рассматривались два конкурирующих проекта реформы. Один из них, поддерживаемый самыми бедными провинциями, такими, как Гуйчжоу, делал упор на социальном найме. Второй, за которым стояли более богатые регионы, отдавал предпочтение купле-продаже. Победил последний, в том числе и потому, что в условиях спада внешнего спроса и производства, обусловленного Азиатским финансовым кризисом, рассчитывали поднять внутренний спрос путем оживления рынка недвижимости. Экономический интерес возобладал над социальным. Со второй половины 1998 г. по всей стране развернулась массовая коммерциализация жилья и продажа его квартиросъемщикам.

Жилье продавалось по ценам значительно ниже рыночных. Так, в центральных районах Пекина, где 1 кв. м в 1998 г. стоил около 6 тыс. юаней, его можно было купить по цене 1459 юаней. В других городах — еще дешевле. Таким образом, наибольшую выгоду получали люди, занимавшие большую и лучшую площадь. При этом значение имели и материальные условия тех или иных «единиц» и районов, их способность обеспечивать своих работников и жителей дотациями на покупку.

Жилищная реформа в принципе должна была покончить с бесплатным распределением жилья. Во всяком случае, об этом официально заявил министр строительства. Однако на практике работники партийно-государственного аппарата по-прежнему находили способ получать квартиры весьма высокого класса,

если и не совсем бесплатно, то во всяком случае по весьма скромным расценкам.

Реформа положила начало бурному развитию строительства коммерческого жилья, торговли недвижимостью, сдачи жилья в аренду. Резко вырос спрос на жилье. Улучшились жилищные условия жизни большей части населения. В 2006 г. в среднем на одного городского жителя приходилось 22 кв. м полезной площади¹. Быстрый рост жилищного строительства служит важным стимулом экономического роста.

Вместе с тем развитию жилищного комплекса присущ ряд серьезных негативных моментов. Первоначально предполагалось, что на рынке недвижимости будет разрешена лишь лимитированная конкуренция, что государство сохранит за собой определенные функции контроля, что местные власти будут уделять первостепенное внимание строительству домов экономического класса для семей со средними и низкими доходами. На деле все обернулось иначе.

Жилье стало рассматриваться исключительно как товар, а не как кров, необходимый всем и каждому. Возведение элитных домов пользовалось значительным приоритетом по сравнению с жильем экономичного разряда. Местные власти, для которых торговля недвижимостью стала главным источником налоговых доходов, именно под самые роскошные строения наиболее охотно выделяют лучшие участки земли. Удельный вес экономичного жилья вместо того, чтобы составлять примерно 60—70 %, согласно исходным наметкам, опустился в среднем по стране до 20 %. Лишь в Северо-Восточном Китае и провинции Хунань выдерживался первоначальный ориентир. Но в самых крупных и богатых городах, таких, как Шанхай и Гуанчжоу, экономичные дома вообще не строились. Крупнейший в этой сфере предприниматель, Жэнь Чжицян, говорил, что он строит для богатых, а бедные его не интересуют².

Эта тенденция, обусловленная отчасти, как отмечено выше, трудным экономическим положением из-за Азиатского финансового кризиса, была фактически санкционирована официально принятым в 2003 г. документом. «Уведомление Госсовета КНР об ускорении устойчивого и здорового развития рынка недвижимости» меняло прежний акцент на преимущественном строительстве домов экономкласса на призыв строить «обычные коммерческие дома», доступные для приобретения или найма «большинству семей». С этого времени контролируемая в какой-то

мере государством «ограниченная конкуренция» на рынке недвижимости сменилась неограниченной рыночной стихией. Удельный вес домов экономкласса, составлявший до 2003 г. около 20 %, уменьшился до 5 % с тенденцией к дальнейшему понижению. Доля дешевого жилья, сдаваемого в наем, сократилась до 1 %. Во многих городах такое жилье строить перестали. Отказавшись от планово-распределительного подхода к решению жилищной проблемы и отдав его полностью на откуп рынку, Пекин не нашел в жилищной сфере пути к разумному сочетанию экономической эффективности и социальной справедливости.

Стали быстро расти цены на жилье, превышая покупательную способность семей со средним и низким достатком. Развернулся захват избыточных земельных участков под предлогом застройки. За короткое время сколачивались огромные состояния. Фактически многие миллионеры в Китае разбогатели именно на продаже недвижимости.

Менее дорогое жилье чаще всего отличается невысоким качеством, низкой экологичностью и высокой энергоемкостью. Довольно широко распространена в этой сфере коррупция и иная противоправная деятельность.

В 2006 г. в обществе стало все больше распространяться мнение о том, что жилищная реформа не удалась, что она воплотила в себе самые негативные следствия экономических реформ, и прежде всего те, что способствовали углублению разрыва между бедными и богатыми.

В ноябре 2007 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая в перед студентами государственного университета в Сингапуре, куда он прибыл для ознакомления с местным опытом, сказал, что за годы реформ жилищные условия в КНР намного улучшились, но, тем не менее, распределение жилья неравномерно, цены на него растут неимоверно, и люди выражают серьезное недовольство. Он сказал, что задача государства — помочь людям с низкими доходами приобрести доступное жилье³.

Сегодня в Китае в частной собственности находится 81,6 % жилого фонда, существенно больше, чем в США и Великобритании, и почти вдвое больше, чем в ФРГ. Значительно отличается в этом отношении континентальный Китай и от Гонконга, где в муниципальной собственности находится более половины жилой площади. В связи с этим острая потребность в жилье городского населения со средними и низкими доходами остается во многом неудовлетворенной. Многие живут в перенаселенных и

ветхих домах. При этом треть домохозяйств с годовым доходом более 110 тыс. юаней владеют двумя квартирами, а 10 % — тремя и более квартирами.

Все это создает перегрев экономики жилищного сектора. В 2004 г. правительство попыталось с помощью макрорегулирования «остудить» ситуацию, однако успеха не достигло. Инвестиции в городскую недвижимость за 1995—2004 гг. выросли в 4,2 раза. Рост инвестиций стимулировался непрерывным повышением цен на жилье. Низкая себестоимость строительства, дешевая земля и дешевые кредиты обеспечивают застройщикам и риэлтерам высокую прибыль. Так, в Фучжоу прибыль на вложенный капитал составляет в среднем 50 %, а в Специальной экономической зоне Чжухай — 60—70 %.

Стоимость двухкомнатной квартиры общей площадью 70 кв. м в Пекине составляет около 600 тыс. юаней (75 тыс. долл.), что равно совокупному доходу трех человек за 16,3 лет. В других городах страны такая квартира стоит от 300 до 650 тыс. юаней. В столице основными покупателями дорогостоящего жилья являются не местные жители, а зажиточные приезжие, в частности, из богатой углем провинции Шаньси.

Жилищные ссуды выдаются в среднем на 17 лет. Первый взнос составляет обычно 37 % (в Шанхае и Нанкине — 40 %). Стоимость жилья для тех, кто пользуется ссудами, обычно превышает их годовой доход не более чем в 8 раз (в Шанхае — в 10 раз). Это соотношение значительно ниже соотношения стоимости жилья и располагаемых доходов. Иными словами, доход у берущих ссуды лиц, выше, чем средние доходы городского населения.

Чтобы удовлетворить потребности в жилье семей со средними и низкими доходами, правительство приняло решение о значительном расширении строительства домов экономического класса с участием государственного капитала. Однако известный китайский экономист Мао Юйши полагает, что строительство жилья экономического класса не является выходом для семей с низкими доходами. Они все равно не в состоянии его приобретать. По его словам, такой курс фактически означает, что правительство, используя деньги налогоплательщиков, удовлетворяет интересы средних слоев и богатых. В так называемых домах экономического класса чаще всего живут чиновники и предприниматели, а иной раз и иностранцы, и площадь квартир там достигает 300 кв. м. Именно в этом сегменте жилищного комплекса наиболее распространена коррупция.

В 2008—2009 гг. правительство значительно увеличило ассигнования на строительство домов дешевого найма. Эти дома в принципе предназначены для самых бедных семей, которые не в состоянии ни купить себе жилье, ни снять его по рыночным ценам. Однако на практике они нередко достаются людям менее нуждающимся — в силу коррупции или из-за того, что установление критериев для получения таких квартир и проверка реальных жилищных условий — дело достаточно трудное и хлопотное. Чтобы предотвратить эти ситуации, Мао Юйши на своем блоге предложил строить квартиры, предназначенные для дешевого найма, без санузлов, с общими туалетами. Это предложение вызвало в Интернете бурю возмущенных откликов.

Коммерсанты, занятые в строительном и риэлтерском бизнесе, со своей стороны утверждают, что они не должны быть стеснены какими-либо дополнительными социальными задачами, достаточно того, что они платят налоги. Они заявляют, что попытка отвести 70 % нового жилья под квартиры площадью менее 90 кв. м ничем не оправдана. С их точки зрения, семьи со средними и низкими доходами должны удовлетворять свои потребности в основном на рынке вторичного жилья, а людям богатым нужно обеспечить свободу выбора.

Китайские эксперты выступают с предложениями ужесточить контроль за рынком недвижимости. С этой целью рекомендуется поднять процентную ставку, повысить налоги на недвижимость, сверхприбыль и излишки жилья, запретить фьючерсные продажи. Все это направлено на то, чтобы сократить приток ликвидных средств в сектор недвижимости и лишить его роли локомотива нездорового экономического роста, придав ему большую социальную ориентацию.

Такие настроения получили дополнительный импульс с началом глобального финансового кризиса, когда усилилось стремление придать экономике большую социальную ориентированность и тем самым способствовать увеличению внутреннего спроса взамен падающего внешнего спроса.

Жилищный вопрос, как известно, представляет собой очень чувствительную область для общества, особенно в условиях роста социальной напряженности. Очевидная несбалансированность роли государства и рынка, недостаточная включенность государства в процессы, происходившие в этой сфере, в немалой степени усугубили ее общее отставание и тем самым осложнили, в частности, и переход к новой, более гармоничной парадигме экономи-

ческого роста. Поэтому дальнейшее углубление и выправление направленности жилищной реформы составляет необходимую предпосылку долговременного устойчивого социально-экономического развития страны.

Примечания

¹ 2008 нянь Чжунго шэхуэй синши фэньси юй юйцзэ [2008 г. Анализ положения в китайском обществе и прогноз.]. Пекин, 2008. С. 19.

² Чжуфан гайгэ ды ши нянь таньсо. [Десятилетний поиск жилищной реформы] // 21 шицзи цзинцзи баодао. 2008. 28 июня.

³ Цзинхуа шибао. 2008. 20 октября.

Глава 7

СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Азиатский финансовый кризис конца 90-х годов XX века и, в еще большей мере, глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2007—2008 гг., стали серьезной проверкой экономической стратегии Китая. В полной мере обнаружились как ее преимущества и достижения, так и определенные слабости и недостатки. Кризис доказал способность китайской модели развития достаточно успешно противостоять внешним и внутренним потрясениям. Вместе с тем была подтверждена опасность чрезмерной опоры на внешние рынки, отрыва экономической сферы от социальной и насущная необходимость обновления парадигмы развития.

Как явствует из предыдущих глав, растущая вовлеченность КНР в глобальную экономику и политику приносит ему немалые дивиденды. Китай получил широкий доступ к иностранным инвестициям, мировым рынкам сбыта товаров и услуг, источникам сырья и энергии, новым технологиям и современному управленческому опыту, к принятию важных для его развития решений в международных организациях. Вместе с тем неуклонно возрастает зависимость страны от общемировых процессов, колебаний конъюнктуры и даже катаклизмов¹. Глобальный финансово-экономический кризис показал это с полной наглядностью.

Кризисы открывают и новые возможности для корректировки курса реформ и открытости, для создания более прочного фундамента долгосрочного, устойчивого развития, для дальнейшего повышения конкурентоспособности китайской экономики и упрочения ее позиций в мире. В связи с этим в Китае вновь и вновь встает вопрос о том, как максимизировать позитивные аспекты китайской стратегии и минимизировать — негативные. Иными словами, о том, как наилучшим образом использовать преимущества рыночной конкуренции и глобализации и избежать при этом наиболее разрушительных их воздействий. О том,

как оберечь социальную стабильность, а также экономический и политический суверенитет страны и ее безопасность, не отказываясь от рыночных реформ и не отгораживаясь от внешнего мира, а, напротив, углубляя преобразования и занимая позицию ответственного участника и творца мировой истории.

Кризисы в рыночной экономике, на путь развития которой твердо встал и Китай, явление неизбежное. Поэтому главная проблема состоит лишь в том, чтобы не упускать из виду, что рынок, главное преимущество которого состоит в повышении конкурентоспособности предприятий, государств и индивидов, сам по себе не в состоянии исправлять неизбежные при этом собственные огрехи. Поэтому, развивая рыночную экономику, Пекин стремится сохранять в руках государства достаточно мощные рычаги макрорегулирования, помогающие ему справляться с кризисами.

Примечания

¹ Если судить по такому показателю, как отношение объема внешней торговли к ВВП, то КНР вдвое более открыта для мирового рынка, чем США или Япония. Лишь ФРГ сопоставима в этом отношении с Китаем, но она, в отличие от него, включена в механизмы ЕС, поэтому такое сравнение не вполне корректно. Широко открыт Китай и для иностранных инвесторов. Не случайно он выступает сегодня одним из главных поборников открытости и противником национального протекционизма.

7.1. Корни глобального кризиса

Симптомы неблагополучия мировой валютно-финансовой системы стали обнаруживать себя едва ли не с того самого момента, когда на Бреттон-Вудской конференции в 1944 г. были заложены ее основы. Однако, несмотря на прогрессирующее ухудшение ситуации и ряд серьезных кризисов, вплоть до последнего времени серьезно реформировать эту систему не удавалось. За ней стояла политическая, финансово-экономическая и военная мощь Соединенных Штатов Америки и их союзников, а страны, которые в наибольшей мере страдали от нее, были слишком слабы, чтобы добиться сдвигов для создания новых, более справедливых порядков. Однополярный мир имел одну из своих важнейших опор в лице мировой валютно-финансовой

системы и, в свою очередь, поддерживал и укреплял ее. Однако ситуация постепенно меняется. Укрепляются силы и факторы, способные привести к обновлению мировой финансово-экономической системы, и нынешний глобальный кризис может существенно этому способствовать.

Аналитики в разных странах видят корни кризиса далеко не одинаково. Иные ограничиваются указанием на моральную нечистоплотность финансовых воротил Уолл-стрита или на промахи и ошибки администрации Буша и руководителей финансовых институтов США. При этом системные изъяны мирового финансового порядка сознательно оставляются в стороне. Такую идеологически мотивированную позицию занимает, например, Джеффри Сакс, один из наиболее известных провозвестников всевластия свободного рынка, приложивший руку к утверждению его господства в экономике разных стран, не исключая и нашу. С его точки зрения, главную вину за кризис несут руководители Федеральной резервной системы Алан Гринспен и Бен Бернанке, которые с начала нашего столетия накачивали деньгами экономику США, поддерживая слишком низкую процентную ставку. Это привело к буму жилищных займов и к образованию огромного пузыря, который в конце концов не мог не лопнуть. Это и стало причиной краха ряда банков. В своих попытках остановить рецессию ФРС продолжала вливать деньги в систему, тем самым, с точки зрения Джеффри Сакса, только усугубляя ситуацию.

Несколько большую проницательность демонстрируют те, кто видит среди причин кризиса также прогрессирующее загнивание самой американской финансовой системы, ориентированной на обслуживание непосредственных корыстных интересов узкой группы элит в ущерб долгосрочным интересам большинства. Именно при таком порядке вещей долгие годы существовали гигантские плутократические пирамиды. Кредитные агентства, призванные будто бы отслеживать риски операций в разных финансовых институтах, на деле прикрывали их неблагоприятные махинации, поскольку за свои услуги они получали бонды, ценность которых были обязаны определять. Не случайно обвалившиеся первыми корпорации AIG, Fannie Mae, Freddy Mac, General Electric и другие имели высший рейтинг — тройное А. Властные же структуры, такие, как правительственная Комиссия по ценным бумагам и биржам, обязанные раскрывать риски, на деле обеспечивали им политическое прикрытие. Причем настолько успешно, что сумели обмануть не только собственных

сограждан, но и стоящих у кормила власти в других странах, вместе с их советниками и экспертами. Впрочем, многие, конечно, обманывали себя и других вполне осознанно и не бескорыстно.

Ряд экспертов стремятся выявить структурные недостатки мировой финансовой системы, однако видят их во вполне определенном идеологически мотивированном ракурсе, вынося главные дисбалансы за пределы США. Примером такого подхода может служить позиция Мартина Уолфа, заместителя главного редактора и ведущего автора одного из самых влиятельных печатных органов западного делового мира — газеты «Файнэншл Таймс». С его точки зрения, ответственность за нынешний глобальный кризис должна быть возложена не на США, а прежде всего на страны Азии, которые, с конца 1990-х годов стали накапливать огромные золотовалютные резервы и вкладывать деньги в экономику развитых стран. Тем самым они способствовали появлению дешевых денег и образованию пузырей на рынке недвижимости.

Неудивительно, что такой подход был поддержан официальными финансовыми властями США. Бывший министр финансов Полсон и нынешний руководитель ФРС Бернанке также приписали ответственность за появление пузырей на американском рынке недвижимости Китаю и другим растущим странам с большими валютными резервами.

Китай откликнулся на эти заявления публикациями информационного агентства Синьхуа и ряда специалистов. Руководитель Научно-исследовательского управления Народного банка Китая Чжан Цзяньхуа назвал попытки возложить вину за кризис на КНР крайне лживыми и безответственными, продиктованными «логикой грабителей». С внешней стороны, сказал он, представляется, что между финансовым кризисом и глобальным дисбалансом во внешней торговле существует определенная связь. Однако главные факторы, вызвавшие кризис, коренятся в многочисленных просчетах экономической политики, финансового контроля и финансовых рынков США. Низкие накопления и высокий дефицит — это следствие долговременного политического выбора и потребительских привычек, которые сложились задолго до появления огромных золотовалютных резервов у Китая. Образованию отрицательного сальдо во внешней торговле США во многом способствуют и многочисленные препоны, препятствующие вывозу высокотехнологичных продуктов в развивающиеся страны¹.

В основе ипотечного кризиса в США, по мнению китайских экспертов, лежит проводившийся в течение долгого времени в США курс на поддержание низкой процентной ставки по кредитам. Признается, что среди факторов, приведших к кризису, присутствует и дисбаланс мировой торговли и инвестиций, но в иных причинно-следственных соотношениях. Обострению проблемы ликвидности и росту инфляции способствовала слабость финансового контроля².

Некоторые китайские эксперты воспринимают обвинения американских финансовых властей в адрес Китая не просто как стремление обелить уходившую со сцены администрацию Буша, а как часть значительно более далекоидущих планов. Так, ректор Финансовой академии Центрального финансово-экономического университета Чжан Лицин полагает, что устами близившихся к отставке политиков было озвучено недовольство предлагаемыми проектами реформирования мировой финансовой системы. В частности, теми соображениями, которые высказали представители России, Франции и Китая на саммите «двадцатки» в конце 2008 г. Это отражало нежелание страны-эмитента валюты поступаться своими привилегиями, ролью и преимуществами³.

Справедливость такого объяснения подкреплялась готовностью представителей новой администрации не только перенять у своих предшественников эстафету антикитайских выпадов, но и еще более их обострить. Новый министр финансов США Т. Гайтнер, выступая в конгрессе, заявил, что президент Обама, поддерживаемый своими советниками — экономистами разного профиля, убежден, что Китай манипулирует своей валютой, чтобы добиться несправедливых торговых преимуществ, и что Обама «агрессивно использует все имеющиеся у него дипломатические возможности, чтобы добиться изменений в валютной политике Китая».

На этом фоне достаточно взвешенной и объективной представляется трактовка причин кризиса, предлагаемая видным африканским экономистом Обадиа Майлафия. Он также упоминает об объективных сложностях регулирования и контроля финансовых потоков, но главную причину видит в «кризисе американской гегемонии». США, по его словам, вышли далеко за пределы своих средств и материальных возможностей, проводя одностороннюю политику в мире и предпринимая военные авантюры, и полностью растратили свой моральный капитал⁴.

В мире и в Китае достаточно широко распространена также критика основных институтов мировой финансовой системы. Особо подчеркивается недостаточность контроля за международными институтами со стороны мирового сообщества. Констатируется отсутствие достаточных сдержек и противовесов роли США в этой системе.

Все эти соображения, без сомнения, имеют веские основания. Их польза в том, что они выявляют самые непосредственные причины кризиса. Вряд ли можно сомневаться, что пороки мировой финансовой системы, уже достаточно осознанные, требуют решительного и незамедлительного устранения.

Однако значительно реже возникает вопрос: будет ли этого достаточно, чтобы избавить человечество от очередных финансовых и экономических катастроф глобального порядка? Не окажется ли, что будут ликвидированы лишь симптомы болезни, но не она сама?

Некоторые исследователи полагают, что главные пороки заключаются не в собственно глобальной финансовой системе, что она лишь отражает некоторые базисные черты общественного устройства. В таком случае несовершенство мировой финансовой системы воплощает в себе ущербность самого уклада жизни, который ее породил. При этом имеются в виду особенности не западной вообще, но, прежде всего, именно американской цивилизации.

Это, прежде всего, безудержный культ потребительства, толкающий на то, чтобы жить в долг, чтобы сегодня тратить деньги, которые еще предстоит заработать завтра, чтобы не беспокоиться о сохранении ресурсов для будущих поколений. Причем подобная беспечность свойственна не только индивидам, но и нации, государству, обществу в целом. Население США, составляющее 5 % населения Земли, потребляет 30 % глобальной энергии. Сюда добавляется непререкаемая убежденность в абсолютном превосходстве собственных ценностей и идеалов над всеми прочими, в их конечном торжестве, в своем праве утверждать их по всему земному шару, не стесняясь в средствах.

Применительно к экономике и финансам такой подход воплотился в идеологии фундаменталистского неолиберализма. Нынешний глобальный финансовый кризис это, по существу, отражение глубочайшего кризиса идеологии всемогущества рынка. После окончания «холодной войны», с развитием глобализации неолиберализм стал не только основой экономической по-

литики США, но и их орудием в финансовом подчинении всего мира. Нельзя отрицать, что неолиберализм сыграл определенную роль в преодолении застоя в западных государствах в 70—80-х годах прошлого века. Но последующие события, особенно эволюция развивающихся стран, ясно показали ограниченность этой, как и всякой иной претендующей на всеобщность фундаменталистской идеологии. Нынешний глобальный финансовый кризис окончательно доказал ее крах.

Существующий мировой экономический порядок зиждется на глобальном разделении труда, которое предполагает сосуществование трех групп стран, различных по базовой ориентации своей экономики. Первая группа — это страны с преимущественно сырьевой направленностью экономики. Здесь представлены страны ОПЕК, Россия, Австралия, Бразилия. Они поставляют сырье и энергоносители двум другим группам, и их благосостояние зависит от цен на их экспорт. Вторая группа — страны-производители товаров. Это, в первую очередь, Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, т. е. те, что располагают в избытке дешевой рабочей силой. Их экономический рост в очень большой мере зависит от внешнего спроса. И, наконец, страны-потребители. Это — США и страны, охватываемые зоной евро. Они потребляют больше, чем производят, но, тем не менее, играют первую скрипку в мировой финансовой и экономической системе, определяя правила и нормы, по которым должны действовать все. Ключевую роль в регулировании экономики выполняют колебания валютного курса⁵.

В конце 20-х— начале 30-х годов XX века США были не только центром мирового потребления, но и центром производства. Поэтому кризис перепроизводства и падение спроса столь тяжело отразились на этой стране, а затем и на всей мировой экономике. Сегодня США и другие развитые страны вывели многие отрасли, производящие продукцию с низкой добавленной стоимостью, за свои пределы. Тем самым было достигнуто своеобразное разделение рисков. Падение спроса в США сказывается теперь не столько на реальном секторе американской экономики, сколько на странах-поставщиках товаров массового потребления. Но одновременно стал расти платежный дисбаланс. Кроме того, страны-экспортеры, в первую очередь Китай, стремятся восполнить падение внешнего спроса повышением спроса внутреннего. Эта тенденция, если она, в конечном счете, будет реализована, повлечет за собой далеко идущие последствия для глобального разделения труда и мировой геополитики.

Частичный выход США из реального сектора экономики стал результатом двустороннего и взаимосвязанного процесса. С одной стороны, Америка не выдерживала конкуренции со стороны Японии и других азиатских стран в наиболее высокотехнологичных отраслях. А с другой стороны, стремление удержать глобальное превосходство стимулировало поиск новых областей для его утверждения. В итоге одной из таких областей стало виртуальное пространство. Виртуальная экономика — столь же закономерный результат развития новых технологий, как и реальная. Но проблемы, вызовы, опасности, которые несет с собой виртуальная экономика, заключены не столько в ней самой, сколько в ее соотношении с реальностью.

В современной американской цивилизации этот разрыв начал катастрофически возрастать. Объем виртуальной экономики стал многократно превышать объем экономики реальной, что создавало видимость общего благополучия. Потребительство, особенно в жилищной сфере, а также безудержные траты на военно-промышленный комплекс поддерживались низкой кредитной ставкой и дефицитным бюджетом. Но неизбежно наступило возмездие. Возник огромный дефицит платежного баланса. Пузыри стали лопаться, а виртуальная экономика — рушиться. Семена этих дисбалансов и породили нынешний глобальный кризис⁶.

Существование международной валютной системы, основанной на долларе, с одной стороны, также является порождением американской цивилизации, а с другой — служит ее финансовой основой. Питая и поддерживая сверхпотребление, эта система не только служит фактически главным двигателем американской экономики, но и обеспечивает основной канал влияния США на иные цивилизации, культуры, стили жизни. Не случайно доллар стал идолом для миллионов людей разного происхождения не только в США, но и во многих других странах планеты. Многие национальные валюты напрямую привязаны к доллару.

Главное, что сейчас США предлагают миру, это — казначейские облигации и иные номинированные в долларах финансовые инструменты. Объем долларов, поставляемый за пределы США, с 1982 по 2006 г. вырос в 147 раз. Доллар занимает несоразмерно большое место в мировой валютной системе. США принадлежат 26 % рассчитанного в американских долларах мирового ВВП, тогда как номинированные в долларах активы составляют 64 % мировых валютных резервов, В долларах производится 48 % внешнеторговых расчетов и совершается 83 % валютных сделок⁷.

Основанная на долларе международная валютная система причиняет глубокий ущерб интересам недолларовых государств. Она стала важнейшим каналом экспорта внутренних американских кризисов, включая ипотечный. Страны, обладающие номинированными в долларах валютными резервами, не только терпят урон вследствие падения спроса на их экспортную продукцию на американском рынке, но и испытывают давление с целью вынудить их делить тяготы, которые несет с собой финансовый кризис и бремя по его урегулированию.

Эти обстоятельства одновременно служат и главным источником глобальной инфляции, поскольку злоупотребление долларом, невероятная и немыслимая прежде квазирелигиозная нагрузка на него, далеко превосходящая его чисто монетарную функцию, в качестве своей оборотной стороны неизбежно влечет за собой падение ценности доллара как резервной валюты и платежного средства. В результате до небес взлетели мировые цены на нефть, на другие ресурсы, на зерно.

Китай, став главным поставщиком товаров на американский рынок, извлек из американского потребления немалые выгоды для своего экономического развития. Вместе с тем он в немалой мере стал как его кредитором, так и его жертвой.

Накапливая долларовые резервы, КНР и ряд других стран поддерживали платежеспособность доллара уже тогда, когда он фактически терял свою ценность. Последовавшее затем резкое сокращение спроса на американском рынке ведет к серьезным потерям для китайских производителей, сокращению рабочих мест. Без серьезной компенсации внешнего спроса значительным расширением спроса внутреннего нынешний финансовый кризис грозит обернуться для Китая кризисом перепроизводства, дефляцией и резким падением темпов экономического роста, со всеми сопутствующими этим процессам негативными социальными и политическими явлениями.

Вместе с тем выстраивание структуры внутреннего потребления по американскому образцу чревато своими опасностями в долгосрочной перспективе. Складывается впечатление, что, отвергая на словах американскую парадигму, китайские эксперты, а, возможно, и политики, по существу, не видят для себя ей альтернативы. За призывами к переориентации экономики с внешнего рынка на внутренний, по существу, как представляется, стоит не что иное, как стремление создать в Китае потребительское общество западного типа. Именно на этом направлении

многие видят основные потенции развития страны. Такой вывод напрашивается, например, из высказываний видного китайского ученого и общественного деятеля, руководителя исследований по проблемам устойчивого развития в Академии наук Китая, облеченного многими научными и иными титулами Ню Вэньюаня. В западных странах, говорит он, на одну тысячу человек приходится 600 автомобилей, а у нас — меньше 50. По рациональным стандартам на одного городского жителя имеется в среднем 35 кв. м жилой площади, а у нас — только 25. И хотя мы пока не можем достичь западных стандартов, нужно несколько прибавить, что даст огромный толчок развитию нашей экономики.

В качестве краткосрочной, тактической меры для преодоления кризиса такой подход мог бы считаться оправданным. Однако в долгосрочной перспективе он вряд ли разумен. Не говоря уже о неминуемо возникающей в связи с ним проблеме обостряющегося глобального и собственно китайского дефицита ресурсов, главное, он обрекает Китай, во-первых, на постоянное отставание и, во-вторых, на следование по тупиковой колее. Внутреннее потребление, несомненно, должно служить главным стимулом экономического развития, но модель его не может не выходить далеко за пределы удовлетворения потребностей материального комфорта по современным западным стандартам. Есть достаточно оснований надеяться на то, что собственно китайская специфическая модель будущего потребления может быть создана, опираясь на ценности великой китайской цивилизации и возможности постиндустриальной эпохи.

Примечания

¹ Чжан Цзяньхуа. Цзиньжун вэйцзи хогэнь цзай Мэйго. Чжунго цзэжэнь лунь чжань бу чжу цзяо. [Пагубные корни кризиса — в США. Концепция, возлагающая ответственность на Китай — несостоятельна] // Синьхуа шэ. 2009. 17 января.

² Синьхуа шэ. 2009. 7 января. 2009.

³ Гоцзи цзиньжун бао. 2009. 20 января.

⁴ <http://www.globaleconomiccrisis.com/blog>

⁵ Чжан Линьчан, Ван Чэн. Вэйцзи шинянь куаюе [Кризис через десятилетие] // Цайцзин. 2008. 9 декабря.

⁶ *Шэнь Ханьхуэй, Чжэн Дунвэй. Цзиньжун вэйцзи: хоци лян да шихэн [Финансовый кризис: в истоках два дисбаланса] // Цайцзин ван. 2008. 30 декабря.*

⁷ *Цзиньжун вэйцзи инфа дуй чжунда лилунь вэньти ды цзай жэньши: фан Чжунго жэньминь дасюэ сяочжан чжули У Сяоцю [Мировой финансовый кризис поднимает важные теоретические проблемы: Интервью с помощником ректора Народного университета Китая У Сяоцю] // Чжунго цзиньжун. 2008. 9 декабря.*

7.2. Последствия глобального финансово-экономического кризиса для мировой и китайской экономики

Финансово-экономический кризис начала XXI века, в отличие от ряда ему предшествовавших, стал подлинно глобальным, что определяется, прежде всего, достигнутой к нашему времени высокой степенью глобализации мировой экономики и финансов и тем, что кризис разразился не на периферии системы, а в ее центре. Он обрушился, прежде всего, на банковскую систему США, разрушив миф о ее незыблемости. Практически перестали существовать инвестиционные банки. Только прямые потери финансовых организаций всего мира превысили 1,4 трлн долл.

С середины октября 2008 г. мировой финансовый кризис вступил в новую фазу. Из финансового сектора кризис распространился на реальный сектор. Появились признаки начала серьезной рецессии. В развитых странах сокращаются потребление и коммерческие инвестиции, растет безработица. Рецессия экономики США, начавшаяся в 2009 г., может продлиться долго. Если и не столь долго, как после вьетнамской войны, то, во всяком случае, несколько лет. Неутешительно выглядят также перспективы экономики в зоне евро, в Японии.

Существенный ущерб понесли и развивающиеся рынки, особенно начиная с сентября 2008 г., когда произошло банкротство четвертого по значению инвестиционного банка США Lehman Brothers¹. Оттуда стали уходить значительные капиталы. Затормозился приток иностранных инвестиций. Подешевела первичная продукция. Упал спрос на нее и экспорт. Национальные валюты подверглись мощному давлению. Уменьшилась ликвидность. Сократились кредиты. Фондовые рынки за короткое время испытали не меньшие потрясения, чем в разви-

тых странах. Особенно тяжелые испытания ждут те развивающиеся страны, которые наиболее сильно зависят от иностранного капитала.

Вице-президент и главный экономист Всемирного банка Линь Ифу выражает опасение, что финансовый и экономический кризис может перерасти здесь в гуманитарную катастрофу. Раньше, во время локальных кризисов развивающиеся страны могли поддерживать экспорт и соответственно загружать избыточные производственные мощности путем девальвации своей валюты, При глобальном кризисе такой выход исключен. В 2008 г. вследствие роста цен на зерно и топливо численность бедного населения достигла 130—150 млн человек. Падение темпов экономического роста может увеличить число людей, доходы которых составляют менее 1,5 долл. в день. Если упадок экономики продлится, то в период с 2009 по 2015 гг. ежегодно от нищеты будут умирать в среднем за год от двух 200 000 до 400 000 детей².

Небезынтересно отметить, что высокую вероятность возникновения затяжной рецессии в США, которая может по своим масштабам превзойти рецессию конца 20-х — начала 30-х гг. прошлого века, а также ее тяжкие последствия для стран «третьего мира» предсказывал в начале 2000 г. вице-президент Академии общественных наук Китая Ли Шэньмин. Он предупреждал также о том, что экономическая глобализация несет с собой угрозу локальных войн³.

На начальном этапе, когда нынешний мировой кризис еще проявлял себя преимущественно в финансовой сфере, он мало затрагивал Китай. Но с переходом кризиса в реальную экономику его воздействие стало ощущаться сильнее. В этом состоит главное отличие нынешнего кризиса от Азиатского кризиса конца 1990-х годов. Другое важное отличие состоит в том, что за последнее десятилетие Китай значительно глубже интегрировался в мировую экономику и стал больше зависеть от ее состояния. Наконец, третий важный фактор, усугубляющий влияние мирового кризиса на Китай, состоит в том, что он пришелся на тот момент, когда еще не произошел переход от старой парадигмы экономического роста к новой, а заявленная социальная ориентация экономики находилась еще лишь на начальной стадии. Кроме того, негативно сказался эффект тех мер макрорегулирования экономики, которые были направлены на ее «сжатие». Наложившись на эти факторы, кризис ускорил падение экономики и затронул в весьма сильной степени социальную сферу.

Нынешний глобальный кризис наносит свой главный удар по динамике экономического роста в Китае, сократив возможности экспорта, особенно экспорта на один из главных для страны — американский рынок. По данным Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая, американский рынок поглощает примерно 20 % китайского экспорта. США являются главными потребителями китайской электроники, черных металлов, продукции машиностроения, одежды, игрушек, мебели. Предшествующий опыт показывает, что при снижении ВВП в США на 1 % китайский экспорт на американский рынок падает на 4 % и более⁴.

Известный специалист по мировым финансам Дин Давэй полагает, что системный финансовый кризис Китаю по ряду причин не грозит⁵. Одна из таких причин состоит в недостаточной развитости китайских финансов. Финансовые активы занимают пока еще скромное место в экономике. В КНР почти нет инвестиционных банков, рейтинговых агентств, хеджированных фондов, секьюритизации активов, играющей столь большую роль в экономике США. Различные финансовые рынки и продукты слабо связаны между собой.

После вступления Китая в ВТО китайские финансовые рынки стали постепенно открываться для зарубежных инвесторов. Возникли прямые деловые отношения между китайскими финансовыми институтами и зарубежными, особенно американскими, финансовыми рынками. Часть ведущих китайских предприятий вышла за рубеж. Тем не менее, собственный фондовый рынок Китая пока еще мало используется не только международными, но и отечественными негосударственными компаниями. Соответственно он слабо связан с мировой финансовой системой и сохраняет свою относительную самостоятельность. Кроме того, контрольные органы Китая проявляют довольно большую бдительность.

Развитием финансовых рынков в стране преимущественно управляет государство. Это обстоятельство чрезвычайно важно для сохранения доверия населения к финансовой системе. Незадолго до того, как стал разворачиваться финансовый кризис в США, бывший тогда министром финансов США Генри Полсон (прежде возглавлявший компанию «Голдман Сакс») во время своего визита на Шанхайскую фьючерсную биржу убеждал аудиторию, что Китай должен полностью открыть свои рынки капитала. Открытый, конкурентный, либерализованный финансовый

рынок, говорил он, способен эффективно размещать редкие ресурсы, стимулировать устойчивость и процветание, далеко превосходя государственное вмешательство⁶. Не прошло и полутора лет, как Полсон представил свой план по спасению американских финансовых рынков с опорой на государство.

Кредитно-банковская система в Китае отличается от американской соответственно тому, как разнятся модели потребительского поведения населения. Китайцы традиционно более ориентированы на сбережение и накопление, американцы приучены к расходам в кредит. Соответственно, американские коммерческие банки и другие финансово-инвестиционные институты основную прибыль получают от посреднических и смешанных финансовых услуг. Китайская же финансовая система — типично накопительная, в которой государство осуществляет строгий контроль за процентными ставками по депозитам и кредитам. Основную массу прибыли коммерческих банков дает маржа по этим ставкам. За последние годы китайские банки стали несколько отходить от этой системы, но она по-прежнему доминирует. Плюс к этому основными клиентами китайских коммерческих банков служат резиденты, и их прибыль не вывозится, а остается в стране.

Системный финансовый кризис чаще всего возникает в условиях большой переоцененности и ликвидности финансовых активов. Так было в Японии в конце 1980-х годов, когда после значительного повышения стоимости иены переоцененными оказались недвижимость и рынок акций, и стало трудно избежать кризиса и падения стоимости всех активов. В сравнении с развитыми странами большинство активов развивающихся стран, включая номинированные в юанях, недооценены. Кроме того, китайский рынок еще не приспособлен к моментальной трансформации и ликвидности разнородных финансовых активов. Наконец, системный финансовый кризис чаще всего грозит странам, обремененным бюджетным дефицитом и внешним долгом (как Аргентина). Ибо в таких странах государству трудно справиться с проблемами, возникающими на финансовых рынках. В Китае такая ситуация отсутствует. Бюджет и торговый баланс до кризиса имели растущее положительное сальдо. Высокая прибыльность реального сектора экономики позволяет покрывать значительный дефицит на финансовых рынках.

Поэтому основная опасность мирового кризиса для китайской экономики находится не в сфере финансов, а в реальной экономике, особенно — в снижении темпов экономического рос-

та, а соответственно и в ограничении роста занятости. К перечисленным проблемам можно добавить падение фондовых рынков, плохую конъюнктуру на рынке недвижимости, повышение рисков в банковском секторе, сокращение поступлений в бюджет и другие симптомы, сопутствующие и содействующие падению темпов экономического роста.

Опрос китайских экспертов по экономике, который провел в конце 2008 г. журнал «Цайцзин» вместе с Центром наблюдения за экономической конъюнктурой Китая Государственного статистического управления, показал, что 90 % экспертного сообщества главной опасностью в 2009 г. считали рост числа безработных⁷.

Неблагоприятная конъюнктура в экономике ведет также к росту трудовых конфликтов в связи с задержками зарплат и неисполнением предпринимателями условий трудовых контрактов. Это расшатывает социальную стабильность, что вызывает озабоченность китайского общества и китайского руководства. Скрытые противоречия становятся явными, а явные — еще более обостряются. Хозяйственные споры часто разрешаются с помощью насилия. Гражданские проступки становятся уголовными преступлениями. С началом кризиса китайские СМИ стали писать, что некие провокаторы злонамеренно подстрекают рабочих к выдвижению коллективных требований повышения зарплат в приморских районах Китая⁸.

По сообщению официального информационного агентства Синьхуа, за последние годы все больше привлекают к себе внимание участвовавшие публичные инциденты, особенно — массового характера. Среди них упоминаются события в Вэньани, стачка таксистов в Чунцине⁹.

До кризиса на рынке труда в Китае складывалась в целом относительно неплохая ситуация, чему способствовали очень высокие темпы роста экономики при умеренном увеличении предложения рабочей силы. Стабильно возрастала численность крестьян, занятых вне аграрного сектора. К 2009 г. она достигла 220 млн человек. В том числе за пределами мест своего исходного проживания (волостей) работали 130 млн человек. В результате избыток рабочих рук в деревне существенно снизился. В некоторых районах даже стал ощущаться дефицит дешевого труда.

Кризис, однако, поменял ситуацию, намного уменьшив спрос на рабочую силу и увеличив безработицу. Соотношение предлагаемых рабочих мест и потребности в них вернулось к уровню 2002 г., когда страна еще только начинала оправляться

от последствий предыдущего Азиатского финансового кризиса конца прошлого столетия¹⁰. По данным обследования рынка труда в 84 городах, потребности предприятий в рабочей силе после третьего квартала 2008 г. сократились на 5,5 %, что произошло впервые за многие годы¹¹.

В Китае различают два очень несхожих вида городской занятости и, соответственно, два разных вида безработицы. Первый вид — так называемая *регулярная занятость* распространяется на работников, имеющих городскую прописку и занятых преимущественно на государственных и коллективных предприятиях. Они располагают постоянными трудовыми контрактами, включены в систему социального страхования и имеют право на повышение заработной платы с увеличением стажа работы. По разным оценкам, доля таких работников в общей численности занятого городского населения (без крестьян-рабочих) составляет от 40 до 60—70 %¹². На сохранение занятости этой категории работников направлены в основном меры правительственной антикризисной политики. При утрате работы они регистрируются на бирже труда и получают право на получение в течение определенного времени пособия по безработице. Кроме того, им еще могут выплачивать пособия по поддержанию минимального уровня жизни. Именно лица с городской пропиской учитываются показателем регистрируемой безработицы, который в 2008 г. составил 4,2 %, или 8860 тыс. человек.

Нерегулярной занятостью считается деятельность индивидуальных работников и работников частных предприятий, а также хозяйственная активность, не учтенная промышленно-торговым регистром. Сюда же входит и деятельность тех, кто занят в регулярных сегментах, но не имеет постоянных трудовых контрактов и не включен в систему социального страхования. В таком положении находится часть работников, ранее уволенных со своих предприятий, но затем вторично нашедших работу, а также некоторые новые работники. На их долю приходится 30—40 % всех занятых, располагающих городской пропиской. Они не получают пособия по безработице, хотя, будучи коренными жителями данной городской местности, обычно обладают правом на получение пособия по поддержанию минимального прожиточного уровня и некоторую иную поддержку от местных властей.

Но главным субъектом нерегулярной деятельности в городах являются рабочие-крестьяне. При этом крестьянский статус указывает в данном случае не на происхождение и, тем более, не на

род занятий, а на социальную или, можно сказать, сословную принадлежность, определяемую сельской пропиской. Такие работники и члены их семей не защищены системой городского социального страхования и не учитываются в статистике регистрируемой безработицы. Их занятость не поддерживается мерами правительства. В таком же положении находятся и те из них, кто работает не только в городах, но и на волостно-поселковых предприятиях, будь то крестьяне местные или пришлые. Плюс к этому выходцы из деревни, долгое время занимавшиеся отхожим промыслом, утрачивают право на земельный подряд. Многие работники молодого возраста и средних лет вообще никогда не занимались крестьянским трудом, отвыкли от сельского образа жизни и, потеряв работу в городе, имеют мало шансов работать на земле.

Проблема занятости осложняется тем обстоятельством, что глобальный экономический кризис наложился на процесс структурной перестройки китайской экономики, тем самым усугубив возрастающую структурную безработицу. Наибольший ущерб перспективам экономического роста и сохранению рабочих мест наносит падение спроса на китайскую продукцию в США, Европе, Японии. Это влечет за собой тяжелые последствия для работающих на экспорт китайских предприятий, особенно средних и мелких, прежде всего, в таких приморских провинциях, как Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу.

По данным Министерства сельского хозяйства КНР, из-за кризиса потеряли работу и вынуждены были возвратиться в родные места 20 млн крестьян-рабочих, что составляет 15,3 % их общей численности. Это увеличивает избыток рабочей силы в аграрном секторе и дополнительно осложняет задачу увеличения доходов и повышения благосостояния сельского населения. Массовая репатриация, по сообщениям китайских СМИ, сопровождается также в ряде мест ростом краж, ограблений, пьяных драк.

С января по сентябрь 2008 г. в провинции Гуандун закрылись 7148 предприятий. В этой провинции, на долю которой приходится $\frac{1}{8}$ ВВП страны, среднегодовой прирост экономики за предшествующее тридцатилетие составил 13,8 %. Падение темпа до 10 % в год обойдется Гуандуну потерей 1,3 млн рабочих мест¹³. Стало быть, здесь положение может оказаться еще более тяжелым, чем в целом по стране. Но вслед за этим стали терять рабочие места также многие средние и малые предприятия во внутренних районах, особенно работающие в кооперации с крупными предприятиями. При этом потерявшим работу трудно найти

другие рабочие места. Ситуацию еще больше осложняет скрытая безработица, связанная с частичной остановкой предприятий, отправкой работников в длительные неоплачиваемые отпуска.

Глобальная рецессия вынуждает возвращаться в Китай многих квалифицированных людей, работавших по контракту за рубежом, что обостряет конкуренцию среди профессионалов. Начатая в 2008 г. реформа административных учреждений сокращает вакансии в бюджетной сфере.

Ухудшается, таким образом, вся ситуация с занятостью. Раньше некоторый избыток предложения малоквалифицированного и неквалифицированного труда соседствовал с преобладанием спроса на труд квалифицированный. Кризис серьезно обострил ситуацию. Под угрозой оказался весь хрупкий баланс занятости, поддерживавшийся в течение трех десятилетий реформ.

Каждый процент прироста ВВП дает увеличение занятости на 0,107 %, т. е. примерно на 850 тыс. человек. Годовой рост ВВП в 7—9 % означает увеличение занятости на 8—10 млн человек, тогда как потребность в новых рабочих местах оценивается в 20—29 млн. Иными словами, дефицит рабочих мест ежегодно возрастает на 12—19 млн. Отсюда делается вывод, что уровень регистрируемой безработицы может подняться до 6,3 %¹⁴. Вряд ли нужно пояснять, сколь негативное воздействие может оказать эта тенденция на социальную и политическую обстановку в стране.

Чтобы смягчить напряженность, государству придется существенно увеличить расходы на поддержку безработных и семей с низкими доходами. В условиях сокращающихся поступлений в бюджет и растущих инвестиций это будет сделать непросто. Как полагают эксперты, в 2009 г. платежный баланс Китая будет испытывать беспрецедентное давление¹⁵.

Государство принимает различные меры, чтобы сохранить занятость. Предприятиям государственного сектора дано указание по возможности воздерживаться от сокращения штатов, поддерживая свое выживание иными мерами. Иногда такое указание местные власти не вполне правомерно распространяют и на предприятия негосударственного сектора, ограничивая их рыночную маневренность. Фондам страхования по безработице разрешено выдавать дотации предприятиям, находящимся в особо трудной ситуации. Развернуто обучение и переобучение людей, потерявших работу, создаются информационные базы о возможностях трудоустройства.

По целевым показателям правительственный курс поддержания занятости на 2009 г. именуется «95146». Первая цифра означает создание 9 млн новых рабочих мест, вторая — обеспечение повторной занятости для 5 млн уволенных с предприятий работников, третья — занятость для 1 млн тех, кто испытывает наибольшие трудности, а две последние — ориентир регистрируемой безработицы, т. е. 4,6 %.

Планируемое на 2009 г. увеличение занятости на 1 млн новых рабочих мест меньше задания на 2008 г. и на 2 млн меньше числа реально созданных в 2008 г. вакансий. Подобное снижение происходит впервые за многие годы. Показатель регистрируемой безработицы в течение трех кварталов 2008 г. составлял 4,0 %, а в четвертом квартале увеличился на 0,2 %¹⁶.

Особую озабоченность, по понятным причинам, вызывают проблемы трудоустройства выпускников средних и высших учебных заведений. Те из них, кто не нашел работу, попадают в еще одну неполноправную категорию граждан — *«молодежи, ожидающей занятости»*. В 2009 г. на рынок труда вступают 18 млн молодых людей, закончивших различные учебные заведения. Трудоустройство абитуриентов высших учебных заведений — проблема, возникшая задолго до кризиса. Их выпуск в 2009 г. составит 6110 тыс. человек, плюс около 1 млн человек не нашавших работы из предыдущих выпусков.

Выступая в конце 2008 г. в Пекинском авиакосмическом университете, премьер Вэнь Цзябао заверил студентов, что их трудоустройство после окончания вуза является первостепенной заботой правительства, наряду с трудоустройством вернувшихся в деревню крестьян-рабочих. Он поддержал предложение ректора направить часть университетского бюджета на то, чтобы от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ выпускников остались еще на два-три года в университете для участия в исследовательской работе. Вэнь Цзябао высказался также за то, чтобы расширить участие аспирантов и лучших абитуриентов в важных научно-исследовательских проектах и в деятельности некоторых крупных предприятий, несмотря на переживаемые ими трудности. Некоторым специалистам, сказал Вэнь Цзябао, придется на время работать не совсем по их специальности. Но затем, когда начнется возрождение экономики, это можно будет исправить¹⁷.

В январе 2009 г. Госсовет КНР принял специальное уведомление, предписывавшее усилить работу по трудоустройству выпускников вузов. Органам власти провинциального уровня и ве-

домствам Госсовета предлагалось содействовать, в том числе материально, тому, чтобы молодые люди с дипломами вузов работали на низовых административных должностях в сельской местности и в западных и центральных регионах, на малых и средних предприятиях, на стройках или в частном секторе¹⁸.

Сегодня сжатие китайской экономики происходит более резко, чем во время Азиатского кризиса 1997—1998 гг. Это объясняется, в частности, тем, что мировые катаклизмы пришлись на разные фазы циклического функционирования китайской экономики. Когда разразился Азиатский кризис, экономика КНР уже переживала спад, и кризис лишь совпал с действовавшей тенденцией. В нынешней же ситуации китайская экономика находилась на верхнем пике цикла, и потому для урегулирования кризиса приходится принимать более масштабные меры.

За три десятилетия реформистского курса фазы подъема обычно продолжались 3—4 года. Но последний подъем, начиная с 2002 г., когда экономика вышла из фазы спада, начавшегося в 1998 г., продолжался необычно долго — 6 лет. При этом он отличался высокой стабильностью: с 2003 г. в течение 5 лет темпы годового роста составляли 10—12 %. Более сбалансированно стали воздействовать на внутреннее потребление и инвестиции: в 2005—2007 г. вклад потребления стал преобладающим, ослабив долготелную приоритетную зависимость экономики от инвестиций.

Во втором квартале 2007 г. экономика достигла наибольшего подъема. Начался ее перегрев. Органы, ответственные за макрорегулирование, стали использовать меры, призванные «остудить» экономику. К тому времени смена парадигмы роста и структурная перестройка экономики были еще далеко не завершены. В этой ситуации такие факторы, как значительное сокращение налоговых скидок на экспорт, поступательное удорожание национальной валюты по отношению к доллару, рост затрат на сырье и энергию, увеличение расходов на защиту окружающей среды и оплату труда дополнительно осложняли функционирование трудоемкого и ориентированного на экспорт производства. Именно тогда стало быстро сказываться негативное воздействие американского финансового кризиса.

Еще два обстоятельства циклического характера усилили отрицательное воздействие глобального кризиса на китайскую экономику, а, возможно, и предварили его. Речь идет о «сдувании пузырей» на китайском рынке недвижимости и фондовом

рынке. В 2003—2007 гг., когда экономика находилась в восходящей фазе цикла, одной из главных движущих сил экономического роста, наряду с внешним спросом, было увеличение инвестиций в недвижимость. Оно влекло за собой повышение спроса на черные и цветные металлы, строительные материалы, технику. Аналогичную роль играл и фондовый рынок, капитализация которого за два года выросла в 6 раз. Он также стимулировал рост внутреннего спроса, снабжая предприятия ресурсами для инвестиций. Отсутствие механизмов, которые бы сдерживали рост цен, привели к тому, что на этих рынках образовались «пузыри», которые во второй половине 2007 г., когда усилились меры по борьбе с инфляцией, стали лопаться¹⁹.

Некоторые китайские эксперты вообще полагают, что главную роль в нынешнем спаде китайской экономики играет именно цикличность, а глобальный кризис лишь дополнительно усиливает ее. Если это так, то кризис перепроизводства мог бы наступить в Китае еще раньше. С такой точки зрения, китайская экономика переживает сегодня не мягкую, а жесткую «посадку»²⁰. Об этом свидетельствует стремительное сокращение темпов роста ВВП за четыре квартала 2008 г., не наблюдавшееся за последние два-три десятилетия.

Объем экспортных сделок на промышленные товары существенно снизился в ноябре—декабре 2008 г. и продолжал снижаться в начале 2009 г. Сокращение затронуло 32 отрасли промышленности из 39, особенно — цветную металлургию, химическую промышленность, машиностроение. Из-за ухудшения ситуации на развивающихся рынках упал спрос на продукцию электромашиностроения, который долгое время стабильно возрастал.

Ценовые преимущества китайских экспортных товаров на мировых рынках сокращаются вследствие относительного повышения стоимости юаня, привязанного к доллару. Китайская доля достается тем странам, чьи валюты по отношению к доллару падают. Это влечет за собой снижение занятости и притока зарубежных инвестиций. По данным Министерства коммерции КНР, с января по ноябрь 2008 г. число вновь открытых предприятий с иностранным капиталом сократилось по сравнению с тем же периодом 2007 г. на 27,5 %, а фактически использованный капитал — на 26,3 %. Но за один ноябрь соответствующее сокращение составило 38,3 и 36,5 %²¹. Некоторые иностранные и даже китайские инвесторы перемещают свои предприятия в страны с более дешевой рабочей силой (например, во Вьетнам).

Пекин предвидит усиление протекционизма в мировой торговле. По прогнозу Мирового банка, в 2009 г. ожидается рост глобального ВВП всего на 0,9 %. При этом объем мировой торговли сократится на 2,1 %. Особенно серьезный спад ожидает экспорт из развивающихся стран. Эта тенденция может обратить вспять многолетние усилия по снижению таможенных и иных барьеров. Некоторые страны уже подняли ввозные пошлины, несмотря на общие декларации о противостоянии протекционизму.

Сокращение экспорта ведет к нарастанию избыточных мощностей в производстве. Эта проблема касается не только недвижимости и автостроения, но также черной металлургии, электроэнергетики, сырьевых отраслей, текстильной и обувной промышленности. В 2009 г. производственные мощности черной металлургии суммарно составляют 650 млн т, тогда как реальный спрос не превышает 500 млн т. Производственные мощности автомобильной промышленности позволяют выпускать 12 млн автомобилей в год, а спрос есть только на 9,5 млн. Производство ферросплавов загружено только на 40 % своей мощности²². Многие предприятия, ориентированные на экспорт, трудно переключить на внутренний рынок. Увеличились складские запасы. Начали падать прибыли, возросла убыточность производства.

В провинциях Чжэцзян и Гуандун убыточными стали 20—25 % предприятий. Снизились розничные и отпускные цены, возникла опасность дефляции. Торможение роста распространялось из приморских районов на центральные и западные, из экспортных отраслей — в прочие, из трудоемких производств — в капиталоемкие и техноемкие, с малых и средних предприятий — на крупные.

После почти десятилетнего расцвета замедлился рост рынка недвижимости. В крупных городах стали снижаться цены, уменьшилось число риэлтерских сделок. Соответственно упал спрос на металл, цемент, строительные материалы.

Темпы роста ВВП в 2008 г. составили в среднем 9 %, в четвертом квартале 2008 г. — 6,8 %, а в первом квартале 2009 г. — всего 6,1 %, что стало самым низким показателем после 2003 г. Данные за первый квартал 2009 г. подавали неоднозначные сигналы о состоянии китайской экономики, что, с одной стороны, свидетельствовало о позитивном эффекте антикризисных мер, а с другой — о продолжающемся негативном воздействии мирового финансово-экономического кризиса и структурных недостатков отечественной экономики. Обнадеживающими сигналами стали увели-

чение доходов жителей деревни, повышение индекса экономической активности PMI, быстрый рост банковских кредитов и масштабное увеличение инвестиций в основные фонды. Им противостояли продолжающееся падение объема внешней торговли, уменьшение притока прямых иностранных инвестиций, рост избыточных производственных мощностей, замедление прироста новых рабочих мест, снижение прибыли предприятий с соответственным сокращением доходов госбюджета.

В целом это свидетельствует о том, что из трех главных двигателей экономического роста, по меньшей мере, один — экспорт существенно ослаб и, скорее всего, надолго. Второй двигатель, внутренний спрос, понемногу набирает силу, но пройдет еще немало времени, прежде чем он заработает на полную мощность. Остается третий — инвестиции. Питаемые резким увеличением объема кредитов, они затормозили падение ВВП и сулят надежду на постепенный выход из кризиса.

Примечания

¹ В 2007 г. этот банк получил в Азии чистый доход в размере 3,1 млрд долл., что составило 16 % его общих доходов. В стратегии банка ключевую роль играл Китай. Он первым среди международных инвестиционных банков вышел на китайский рынок, был ведущим агентом по размещению ряда государственных облигаций, консультировал сделки крупнейших китайских корпораций. Банк осуществлял в Китае программу подготовки национальных кадров финансовых аналитиков, совместно с агентством Синьхуа публиковал индексы китайских бондов. Семь китайских компаний владели облигациями Lehman Brothers на общую сумму 722 млн долл., среди них — Промышленно-торговый банк, Банк Китая и др.

² Чжунго ван. 2009. 21 мая.

³ Ли Шэньмин. Цюаньцюхуа юй ди сань шицзе [Глобализация и третий мир] // Чжунго шэхуэй кэсюэ. 2000. № 3.

⁴ Ван Цзыли. Чжунго цзинци мин нянь мяньлин лю чжун каоянь. [Китайскую экономику ждут в будущем году шесть серьезных испытаний] // Цайцзин ван 2008. 11 декабря.

⁵ Жэньминь ван. 2008. 9 октября.

⁶ Чжунго цзинци ван. 2008. 26 сентября.

⁷ Цайцзин. 2008. № 229.

⁸ Синьхуа. 2009. 6 марта.

⁹ События в Вэнъани (провинция Гуйчжоу) произошли в конце июня 2008 г. В ходе массовых волнений были разгромлены и сожжены здания уездных партийных и государственных органов власти, уничтожен архив органов общественной безопасности, уничтожены десятки автомашин, получили ранения около полутора сотен людей. В качестве причины беспорядков «левые» сайты в китайском Интернете (например, «У ю чжи сянь» — «Утопия») называют нарушение прав людей и бесчинства, творимые чиновниками при приватизации общественного достояния. Другие источники делают больший упор на криминальную подоплеку. Официальные власти на уровне провинциального руководства обвиняют некие «черные силы», которые использовали в своих интересах массовое недовольство и организовали погромы, за что несут ответственности уездные органы власти и правопорядка. Общегородская забастовка водителей такси в Чунцине, в которой приняли участие 8 тыс. таксистов, прошла 3 ноября 2008. Главными ее причинами были конфликты с хозяевами таксомоторных компаний, тяжелые условия труда и низкая его оплата. К слову сказать, месяц спустя автор этих строк был свидетелем аналогичных забастовок в Сямэне и Гуанчжоу.

¹⁰ Цай Фан. Цзиньжун вэйцзи дуй цзюе ды иньсян цзи индуй чжэнцэ цзяньи. [Влияние финансового кризиса на занятость и предложения по политике противодействия] // Чжунго фачжань гуаньча. 2009. 4 марта.

¹¹ Чжан Либин. Данцянь цзюе синши цзи чжэнцэ цюсян. [Современное положение с занятостью и направление политики] // Чжунго фачжань гуаньча. 2009. 4 марта.

¹² Цай Фан. Цзиньжун...

¹³ Тань Бинцай. Бао цзюе ши бао цзэнчжан ды чжунцзи мубяо [Сохранение занятости — конечная цель сохранения роста] // Наньфан жибао. 2008. 24 декабря.

¹⁴ Чжан Либин. Указ. соч.

¹⁵ Ван Цзыли. Указ. соч.

¹⁶ Необходимо заметить, что регистрируемая безработица в Китае может существенно отличаться в меньшую сторону от фактической безработицы. При первой учитываются только лица, прошедшие процедуры и удовлетворяющие требованиям, необходимым для получения пособия по безработице и государственной поддержки. Фактическая безработица устанавливается на основе социологических опросов. Согласно выборочному опросу, проведенному Академией общественных наук Китая среди 7 тыс. человек, число безработных составило более 200 человек из 2288 человек экономически активного городского населения, т. е. уровень безработицы составил 9,4 %. — Чжунго цзинцзи ван. 2009. 21 января. Директор Института народонаселения и экономики труда

Академии общественных наук Китая Цай Фан считает эти данные завышенными и исходит из уровня безработицы в 5,3 %. — Чжунго фачжань гуаньча. 2009. 4 марта.

¹⁷ Чжунго синьвэнь ван. 2008. 21 декабря.

¹⁸ Синьхуа шэ. 2009. 15 февраля. Следует заметить, что идея направления городской молодежи в сельскую местность не встречает единодушной поддержки. Об этом свидетельствует, например, статья, появившаяся в китайской молодежной газете «Чжунго циннянь бао» 18 марта 2009 г. Возможно, отчасти потому, что еще жива память о массовом выдворении «вверх в горы и вниз в деревню» хунвэйбинов, после того как они выполнили свою разрушительную роль во времена «культурной революции». Большинство выселенной из городов молодежи в деревне не прижилось и через некоторое время вернулось в город в поисках работы.

¹⁹ Хуан Сяопэн. Бу яо ба ице цзэжэнь туйгэй цзиньжун вэйци [Не возлагать всю ответственность на финансовый кризис] // Чжэнцюань шибао. 2008. 13 ноября.

²⁰ Таково, например, мнение заместителя постоянного секретаря Китайского общества макроэкономики Ван Цзяня. — См.: Ван Цзянь. Чжунго сюйяо гэн да гуймо ды фань вэйци цоши. [Китаю нужны более широкомасштабные антикризисные меры] // Сюэси шибао. 2008. 30 декабря.

²¹ Цай Фан. Хуацзе цзиньжун вэйци дуй Чжунго ды цзюе чунци [Смягчить удар финансового кризиса по занятости в Китае] // <http://they.people.cn/GB/49154/49155/9343840.html>

²² Гунье цзэнсу мяньлин цзяода сясин яли [Темпы промышленного роста испытывают довольно сильное давление]. Проблемная группа по макроэкономической ситуации Отдела экономического прогнозирования Государственного информационного центра // Чжунго чжэнцюань-бао. 2009. 19 марта.

7.3. Антикризисные программы

Многие страны приняли беспрецедентные меры для преодоления финансового кризиса. Были понижены ставки рефинансирования, выделены большие средства для увеличения ликвидности и обеспечения сохранности вкладов.

Власти США и европейских стран поначалу существенно недооценили глубину и масштабы финансового кризиса. До сентября 2008 г., когда финансовый кризис стал быстро прогрессировать, главное внимание уделялось смягчению дефицита ликвид-

ности на финансовых рынках путем денежных вливаний. Но проблема заключалась не в дефиците ликвидности, а в том, что ряд крупных финансовых организаций утратил платежеспособность и оказался на грани банкротства. Когда же стали принимать меры для противодействия банкротству, уже возникла «системная угроза» обвала всей финансовой системы. Поэтому в США и европейских странах в октябре 2008 г. стали появляться проекты системной и экстренной реакции. Одновременно была осознана важность международного кооперирования антикризисных мер. Так, несколько крупных центральных банков согласованно понизили процентную ставку. Эти экстренные меры сыграли свою роль, предотвратив дальнейшее ухудшение ситуации на кредитных рынках, но быстро восстановить прежнюю стабильность очень трудно.

Пекин оказался в лучшем положении, поскольку ему не пришлось спасать свою банковско-финансовую систему и он мог сосредоточить усилия на преодолении кризиса в реальном секторе путем наращивания инвестиций и увеличения внутреннего потребления. Эти меры призваны возместить сокращение экспортных возможностей, замедлить падение темпов роста ВВП и не допустить значительного увеличения безработицы.

Антикризисная программа Пекина в одних отношениях ускоряет переход от старой парадигмы экономического роста к новой, а в других, напротив, закрепляет и усиливает старую парадигму. Так, с одной стороны, кризис вынужденно ускорил ослабление зависимости китайской экономики от внешних рынков сбыта и развитие внутреннего рынка. Но, с другой стороны, поскольку развертывание потенциалов внутреннего спроса займет немало времени, постольку опираться придется в еще большей степени, чем прежде, в течение этого времени преимущественно на инвестиции. Прежде такой подход обеспечивал высокие темпы экономического роста, но негативно сказывался на его качестве. Он характеризовался высокими затратами ресурсов, периодическим возникновением структурных дисбалансов, загрязнением окружающей среды.

Отсутствие достаточного внутреннего спроса на продукцию китайских предприятий породило ненормальную двучленную систему. Экономика КНР производила товары для американских и иных западных потребителей, которые расплачивались за постоянное превышение китайского экспорта над импортом бумажными облигациями, или, как говорят в Китае, «пустыми

расписками»¹. При этом Китай покупал не только государственные ценные бумаги, надежность которых была призвана обеспечивать казна, но и вторичные закладные, беспредельная эмиссия которых и породила ипотечный кризис. Немало средств, вырученных за продажу произведенных тяжким, но плохо оплачиваемым трудом китайских рабочих, были вложены, например, в активы крупнейших ипотечных агентств Fannie Mae и Freddy Mac, которые спаслись от банкротства только благодаря вмешательству финансовых властей США.

Китайское руководство понимало необходимость выправления ситуации и стремилось поднять роль внутреннего рынка. Но реализации этого стремления препятствует ряд обстоятельств. Во-первых, традиционная склонность китайцев к бережливости (в полную противоположность ценностям американской цивилизации), с одной стороны, а с другой — необходимость откладывать средства на старость, лечение, обучение детей, обусловленная недостаточностью систем социального обеспечения, сильно ограничивают текущие расходы. Во-вторых, несмотря на провозглашенное в ряде официальных документов намерение усиленно развивать социальную сферу, государственные расходы на здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение долгое время оставались на низком уровне, занимая в ВВП в ряде случаев даже меньшую долю, чем в некоторых бедных странах. Кризис побудил китайское руководство ускорить проведение масштабных реформ в сфере оказания публичных услуг, прежде всего в здравоохранении, и принять дополнительные меры по поддержке материального благосостояния слабых социальных групп. В-третьих, за годы реформ доля семейных доходов в ВВП неуклонно снижается, тогда как доля государства и предприятий растет. Особенно отстает рост доходов небогатых и бедных слоев населения, а растущая дифференциация общества мало способствует общему увеличению спроса. По данным «Доклада о глобальном богатстве за 2006 г.» Бостонской консалтинговой компании, полтора миллиона самых богатых семей в Китае, которые составляют 0,4 % общего числа семей, но владеют 70 % богатства страны, тратят свои средства в основном на предметы роскоши и обучение детей за рубежом².

Мировой кризис заставил Пекин резко поменять денежно-кредитную политику. До того, как он стал серьезно сказываться на Китае, главной заботой правительства, как отмечено выше, было сдерживание перегрева экономики и противостояние ин-

фляции. Разными способами оно стремилось сократить ликвидность. Кризис побудил изменить вектор. Ввиду замедления экономического роста Госсовет КНР объявил о переходе к «умеренно мягкой денежной политике». Главная ее цель — стимулировать потребление и экономический рост и сохранить занятость путем регулирования денежной массы, процентной ставки и объема кредитов. Не менее важно было также сохранить уверенность предприятий, населения, инвесторов в способности государства и бизнеса совместными усилиями справиться с кризисом.

Эта политика предусматривает увеличение денежной эмиссии. Было определено, что прирост денежного агрегата М2 в 2009 г. должен на 3—4 % превышать суммарно темпы роста ВВП и увеличение товарных цен, т. е. составлять примерно 17 %. В докладе Госсовета на сессии ВСНП весной 2009 г. была поставлена задача увеличить сумму кредитов до 5 трлн юаней. Во второй половине 2008 г. центральный банк неоднократно понижал ставку рефинансирования. Ставка по годовым депозитам опустилась до 2,25 %, т. е. до уровня 1998 г. Понижена норма резервирования для крупных коммерческих банков.

Но одна лишь денежно-кредитная политика не способна обеспечить преодоление кризиса. Антикризисная программа в Китае включает, прежде всего, проведение активной финансовой политики, направленной на расширение внутреннего спроса. С ее помощью рассчитывают увеличить государственные инвестиции в капитальное строительство и расходы на общественные услуги и соответственно повысить занятость, а также поднять доходы граждан, вернуть доверие потребителей и коммерческих инвесторов, предотвратить спад экономики. За последние годы доля внутреннего потребления в ВВП снижалась. Доля потребления населения в ВВП в 1980-х гг. — более 62 %, в 2005 г. — 52,1 %, в 2007 г. — около 36 %, самая низкая в истории.

Китай вернулся к той финансовой политике, которая проводилась с 1998 по 2004 г. Она позволила справиться с Азиатским финансовым кризисом и его последствиями, способствовала увеличению годового роста китайской экономики на 1,5—2 процентных пункта. Главный ее смысл — в поддержке инвестиционной активности государства и предприятий.

В прошлом, как и сейчас, начинали с монетарных мер. В 1996 г. семь раз понижалась процентная ставка. Однако спад экономики в 1997 г. продолжился. Со второй половины 1998 г. значительно упали

темпы роста экспорта. В 1998 г. на китайском внутреннем рынке стал ощущаться недостаток спроса и избыток предложения. Поэтому в 1998 г. перешли к активной финансовой политике, которая продолжалась вплоть до 2004 г. Правительство направило в коммерческие банки 270 млрд юаней, полученные благодаря размещению специальных государственных займов. Дополнительно каждый год выпускались займы на 100 млрд юаней каждый, инвестируемые в капитальное строительство. Были увеличены размеры бюджетного дефицита центрального правительства. Для банков сократили норму резервирования. Неоднократно понижался ссудный процент. Чтобы стимулировать потребление, был введен потребительский кредит на покупку домов, машин. В итоге темпы роста ВВП повысились с 7 % в первой половине 1998 г. до 8,3 % во второй половине года. В четвертом квартале 1998 г. они даже достигли 9 %.

Однако кризис еще не был преодолен. В 1999 г. падение темпов роста возобновилось. В первом квартале года они составляли 9,1 %, а в четвертом сократились до 7,6 %. Со второго квартала стал сокращаться приток инвестиций в основные фонды, уменьшился экспорт, сохранялся низкий потребительский спрос. В ответ на эти вызовы правительство еще более усилило активную финансовую политику. Был выпущен дополнительный долгосрочный строительный заем на 60 млрд юаней. Повышены зарплата и социальные пособия. Увеличены размеры налоговых скидок на такие экспортные товары, как текстиль, одежда, уголь. В итоге в 2000 г. макроэкономическая ситуация стала улучшаться. Среднегодовые темпы экономического роста превысили 8 %. Страна избавилась от негативного воздействия Азиатского кризиса. Повальное обрушение валют соседних стран Китай не затронуло. Сохранив стабильность юаня, КНР укрепила свой авторитет и влияние в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии. В целом, согласно оценкам, позитивное воздействие активной финансовой политики на темпы экономического роста в Китае в 1998 г. составило 1,5 %, в 1999 г. — 2,0 %, а в 2000 г. — примерно 1,7 %³.

Нынешняя антикризисная программа Пекина использует опыт десятилетней давности, но не копирует его. Это связано, в первую очередь, с двумя обстоятельствами. Прежде всего, сегодня вовлеченность Китая в глобальную экономику неизмеримо больше, чем прежде. Если в прошлом доля экспорта в ВВП состояла всего 20 %, то сейчас она выросла вдвое. Поэтому меры, которые были адекватны в прошлом, сейчас недостаточны. С другой стороны, и экономическая мощь Китая за истекшее десятилетие многократно возросла, что вооружает его до-

полнительными средствами, необходимыми, чтобы справиться с кризисом.

Достаточно вспомнить о колоссально возросших доходах госбюджета и огромных золотовалютных резервах. Большие позитивные перемены произошли в микроэкономике. В 1998 г. $\frac{2}{3}$ госпредприятий были убыточными. За последующие три года ситуация стала кардинально меняться. Эффективность и прибыльность предприятий значительно возросли, что придает им значительно большую устойчивость при колебаниях рынка.

Все это позволяет сегодня делать больший акцент, чем прежде, на повышении жизненного уровня народа. Не следует также забывать, что нынешняя экономическая мощь китайского государства и китайских предприятий достигнута в немалой степени за счет недопотребления социальных и индивидуальных благ очень большой частью китайского общества, особенно — деревней. Быстрый экономический рост основан в немалой степени на низкой заработной плате и низком социальном обеспечении. И этот свой огромный долг государство должно постепенно возвращать.

Предстоит решить немало серьезных проблем. За годы реформ общественное богатство Китая многократно возросло. Объем ВВП увеличился с 362,4 млрд юаней в 1978 г. до 24,9 трлн юаней в 2007 г. Существенно повысились в абсолютных цифрах и доходы населения. Однако относительная их доля снижается. В 1992 г. удельный вес доходов населения в ВВП составлял 68,6 %, а в 2007 г. — только 52 %. Отсюда — необходимость изменить эти пропорции.

Доля сбережений населения в Китае выше, чем в среднем по миру, что отражает неуверенность людей в своем будущем. В условиях кризиса беспокойство еще более усиливается. Особую неуверенность вызывает угроза безработицы. Поэтому насущной необходимостью становится совершенствование системы социального обеспечения. Патриарх научного прогнозирования в Китае Ли Цзинвэнь настаивает на том, что средства нужно вкладывать, прежде всего, в конечное потребление, в образование, здравоохранение, повышение народного благосостояния⁴.

На антикризисную программу до конца 2010 г. предполагается истратить 4 трлн юаней. Из них 1180 млрд юаней инвестирует центральное правительство, остальное составят инвестиции местных властей, предприятий, банковские кредиты и иные средства (включая неправительственные). Эти инвестиции, по

расчетам Госкомитета по развитию и реформам, должна поднять годовой рост экономики на 1 %. Средства предполагают расходовать адресно и целенаправленно с тем, чтобы они повышали внутреннее потребление и создавали стимулы роста для ключевых отраслей производства.

Сегодня, как и в 1997—1998 гг., инвестиции направляются, прежде всего, в капитальное строительство, но теперь сфера их приложения расширилась. Она включает в себя оказание различных видов публичных услуг. Для того, чтобы получить должный эффект, т. е. поддержать рост и сохранить занятость, государство должно сочетать инвестиции в крупные долгосрочные сооружения, которые окупятся в лучшем случае лишь через многие годы, с вложениями, способными приносить отдачу уже в ближайшее время.

Некоторые эксперты вообще считают установку на долгосрой неправильной и предлагают направить основные усилия, во-первых, на строительство жилья, во-вторых, на сооружение объектов в сельской местности и лишь, в-третьих, на крупные капитальные сооружения, такие, как прокладка железных и автомобильных дорог и строительство аэродромов⁵. Главным аргументом для противоположного порядка приоритетов служат ссылки на то, что он может лучше способствовать увеличению производства строительной техники, строительных материалов, особенно — цемента, железнодорожного оборудования и тем самым косвенно — созданию большого числа новых рабочих мест.

До последнего времени капитальное строительство в сельской местности получало относительно мало инвестиций. Если скоростные автомобильные дороги провинциального и государственного уровня проложены, то на уездном уровне ощущается их острая нехватка. В основном они сооружаются на средства крестьян или местных предприятий. Серьезных вложений требуют сельские коммунальные и социальные службы, включая снабжение населения питьевой водой, канализацию, развитие телевизионных сетей, строительство школ и больниц. Электрификация деревни может позитивно сказаться на производстве электроэнергетического оборудования. Принимаются специальные меры, включая финансовые дотации, к тому, чтобы облегчить доступ сельского потребителя к электробытовой технике, сбыт которой существенно страдает от потери внешних рынков.

Дополнительные инвестиции предполагается направить также в здравоохранение, культуру и образование, на защиту окру-

жающей среды, инновации, восстановление районов, пострадавших от землетрясения, на повышение доходов городского и сельского населения и проведение налоговой реформы.

С декабря 2008 г., когда впервые появились сообщения о структуре расходов по дополнительному инвестированию 4 трлн юаней, до марта 2009 г., когда состоялась сессия ВСНП, окончательно ее утвердившая, первоначальные наметки распределения средств довольно существенно изменились. В результате учета мнений и предложений экспертов были увеличены ассигнования на строительство дешевого жилья, на здравоохранение, культуру, образование, но особенно значительно — на собственные инновации и отраслевые преобразования. Соответственно сократились расходы, предназначенные на капитальное строительство и экологические объекты⁶. В окончательном виде план выглядит следующим образом (табл. 19).

Таблица 19. Основные направления вложения 4 трлн юаней инвестиций за период с четвертого квартала 2008 г. до конца 2010 г.

Основные направления	Сумма, млрд юаней
Строительство крупных капитальных объектов: железных и автомобильных дорог, аэродромов, ирригационных сооружений и реконструкция городских электросетей	1500
Строительство дешевого наемного жилья, реконструкция трущоб	400
Строительство водопроводов, электрических сетей, дорог, газопроводов домов и других бытовых и инфраструктурных объектов в сельской местности	370
Собственные инновации и регулирование структуры	370
Энергосбережение, сокращение выбросов, экологические сооружения	210
Восстановительные работы и строительство в местности, пострадавшей от стихийных бедствий	100

Источник: сайт Госкомитета по развитию и реформам. 2009. 9 марта.

Выполнение этого плана началось уже в конце 2008 — начале 2009 г.

- В основном построены 191 тыс. домов экономкласса, домов, сдаваемых в наем по низким ценам, и начато строительство еще 295 тыс. таких домов. Реконструированы 72 тыс. частных домов в трущобах угледобывающих районов и отремонтированы еще 47 тыс. частных домов.
- Решены проблемы безопасного снабжения питьевой водой для 5 млн сельских жителей. Обеспечено снабжение болотным газом

1510 тыс. сельских дворов. Развернуто строительство сельских дорог и дорожных сооружений. Закуплено основное оборудование и начат монтаж сельских электросетей. Ускорено строительство объектов для переброски южных рек на север. В основном завершено строительство 120 крупных ирригационных сооружений. Обеззаражены 65 крупных и средних водохранилищ. Реконструировано водоснабжение 40 крупных орошаемых районов.

- Ускорено строительство железных дорог Харбин—Далянь, Ухань—Гуанчжоу, Наньнин—Гуанчжоу, Гуйян—Гуанчжоу, ряда скоростных автомагистралей. Построены аэропорты общей площадью 80 тыс. кв. м.

- В основном сооружены около 2 тыс. базовых лечебно-санитарных объектов, 5460 базовых объектов для оказания услуг по плановому деторождению. Построены кампусы сельских школ первой ступени общей площадью 840 тыс. кв. м и средних профессиональных училищ — площадью 420 тыс. кв. м. В основном построены 410 комплексных учреждений культуры в волостных центрах и поселках.

- Завершены лесопосадки на площади 15 млн га. Производится очистка от хрома сточных вод объемом 320 тыс. т. Созданы сооружения для очистки основных бассейнов от сточных вод производительностью 995 тыс. т в сутки.

- Ускорено введение в строй 176 высокотехнологичных и 146 объектов с передовыми технологиями

Несколько более одной четверти из 4 трлн юаней (1,180 трлн юаней) составят ассигнования центрального правительства, а около трех четвертей (2,8 трлн юаней) должны добавить местные органы власти, предприятия и банки. Насколько оправдан расчет на такую «геометрическую прогрессию», не вполне очевидно. В известной мере он исходит из предшествующего опыта. В прошлом, действительно, 1 юань правительственных инвестиций был способен привлечь дополнительно 3—4 юаня из иных источников. Отсюда некоторые экономисты делают смелые выводы, что 4 трлн. юаней инвестиций из средств центрального и местных бюджетов способны мобилизовать еще 10—12 трлн юаней «общественных» инвестиций⁷. Более скромные ожидания исходят из того, что вложения 4 трлн юаней из средств центрального и местных правительств привлекут такую же сумму из неправительственных источников.

Финансы на местах находятся, однако, далеко не в лучшем состоянии. Если власти таких быстро развивающихся провинций, как, например, Чжэцзян или Цзянсу, обладают достаточны-

ми источниками для пополнения своего бюджета, то этого нельзя сказать о менее успешных регионах. Преобладающая часть налоговых сборов идет в центральный бюджет. Ухудшение конъюнктуры на рынке недвижимости еще более сужает финансовую базу местных властей. Если в 1997—1998 гг. властям не составляло особого труда получить займы от банков, которые в то время полностью принадлежали государству, то теперь, когда банки стали акционерными, сделать это намного труднее. Они могут выступать в качестве инвесторов, но значительно более тщательно просчитывают риски. Становится особенно трудно финансировать объекты некоммерческого свойства. Поэтому местные власти стремятся направлять свои ограниченные средства на поддержку мало прибыльных или убыточных предприятий, чтобы затем с их помощью осуществить необходимые инвестиции.

Первоначально был выдвинут лозунг *«гарантировать восемь, бороться за девять»*. Потом вторую его половину сняли. Речь идет, конечно, о процентах годового роста ВВП. Названные цифры имеют ключевое значение для удержания баланса между созданием новых рабочих мест и увеличением трудоспособного населения. Как показал Азиатский кризис 1997—1998 гг. снижение экономического роста ниже 7—8 % в год может вызывать серьезные социально-экономические проблемы. Это подтвердил и один из разработчиков правительственного доклада на сессии ВСНП, состоявшейся весной 2009 г., Лю Шучэн, сказавший корреспонденту еженедельника «Синьвэнь чжоукань», что 8 % — это нижняя граница, что если годовой прирост экономики будет меньше 8 %, то «мы столкнемся с еще большими трудностями, и многие проблемы развития, социальные проблемы будут плохо разрешимы»⁸.

Как показывают расчеты, для того, чтобы гарантировать рост ВВП в 2009 г. на 8 %, при сохранении нынешней очень высокой доли инвестиций в ВВП, равной 55 %, объем инвестиций должен составить 15,9 трлн юаней, т. е. увеличиться на 10 %. Правительственные инвестиции, составляющие 2 трлн юаней, обеспечат всего 12,6 % этой суммы. Следовательно, речь должна идти о куда большем вложении как правительственных, так и неправительственных средств⁹.

Как часто бывает в Китае, в подобных случаях начинается гонка ведомственных и местных инициатив, которая нередко в прошлом приводила к перегреву экономики, что требовало специальных мер по ее «остужению». Территории, чьи лидирующие

позиции в экономическом росте обеспечивались экспортными или иными преимуществами, намерены эти позиции удержать, наращивая сверх обычного инвестиционную составляющую. По некоторым неполным данным, общая сумма предлагаемых местными правительствами проектов достигла 18 трлн юаней, что намного превосходило их фактические доходы¹⁰.

Ряд экспертов, однако, полагает, что сегодня реальные условия для привлечения неправительственных капиталов значительно хуже, чем в 1998. г. В то время Китай находился на стадии быстрой индустриализации и урбанизации. Затраты на сохранение окружающей среды, равно как и на оплату труда, были минимальными. Отсюда проистекала высокая доходность инвестиций. Инвестиции шли не только в капитальное строительство, но также в энергетику и обрабатывающую промышленность. Особенно после 2001 г., когда вступление Китая в ВТО подхлестнуло стремительный рост китайского экспорта.

Сегодня же задачу привлечения неправительственных средств для инвестиций приходится решать в условиях, когда давит избыток производственных мощностей. В 1990-е годы был дефицит мощностей по производству энергии и сырья, транспорт не справлялся с перевозками. Сегодня эти узкие места в основном устранены. Спектр инвестиционных возможностей соответственно сузился, особенно если речь идет о прибыльных инвестициях. Многие объекты, возможно, не окупятся, что, как указывает известный китайский экономист, директор Института социального развития при Госкомитете по развитию и реформам Ян Июн, может лечь тяжелым бременем на кредитоспособность банков¹¹. Более проблематичным становится и привлечение иностранных инвесторов.

Ведущий экономист Китайской международной финансовой компании Ха Цзимин отмечает, что в Китае произошло относительное насыщение сферы капитального строительства¹². За десять лет протяженность автомобильных дорог увеличивалась ежегодно в среднем на 12,1 %, значительно быстрее, чем рос грузооборот (8,4 %). В том числе протяженность скоростных дорог прибавлялась в среднем за год на 22,4 %, благодаря чему Китай вышел по этому показателю на 2-е место в мире, уступая лишь США. Но по интенсивности движения автомобилей на 1 км автомобильных дорог Китай далеко уступает развитым странам, что негативно сказывается на окупаемости дорожного строительства.

В области недвижимости ситуация не лучше. В 1996—1997 гг. рост инвестиций здесь был почти нулевым. Но в 1998—2002 гг. они возрастали в среднем на 20 % за год. Сегодня цены на недвижимость снижаются, но они все еще на 35 % превышают возможности потенциальных покупателей. Существует большой остаток непроданных домов, который может рассосаться не раньше, чем через 27 месяцев. Все это не может не сдерживать частных инвесторов. Изменилась, по мнению Ха Цзимины, и ситуация с госпредприятиями, доля которых в экономике уменьшилась. Прежде они вели инвестиционную деятельность, получая кредиты у банков, и тем самым стимулировали экономику.

Чтобы создать дополнительные стимулы для привлечения частных инвесторов, эксперты рекомендуют расширить использование различных схем государственно-частной кооперации, таких, как ВОТ, в строительстве автомобильных дорог, очистных сооружений, сельских водопроводных сетей. При таких схемах частный инвестор, окупив затраты и получив надлежащую прибыль, может возвращать объект под управление местного правительства. Предлагается также расширить область инвестирования, включив в нее финансы, почту и связь, энергетику.

Для мобилизации инвестиционных ресурсов Пекин может, как и во время Азиатского кризиса, размещать долгосрочные строительные займы. Их общая сумма с 1998 по 2003 г. составила 910 млрд юаней, что позволило осуществить инвестиции на общую сумму в 5 трлн юаней. Сегодня отношение явного внутреннего долга к ВВП относительно невелико — лишь немногим более 30 %, т. е. значительно ниже международной «красной зоны», которая начинается с 60 %. Однако у Китая существует огромный скрытый долг. Он включает в себя накопившиеся за многие годы «пустые счета» в фондах социального обеспечения по старости и по болезни. Они оцениваются в 2—3 трлн юаней. Кроме того, большая скрытая задолженность есть и у местных правительств, которым до 2009 г. не было разрешено выпускать собственные облигации. При неблагоприятном обороте событий эта задолженность могла лечь дополнительным бременем на центральное правительство¹³. В связи с реализацией антикризисной программы Госсовет КНР весной 2009 г. разрешил открытый выпуск местных облигаций на сумму 200 млрд юаней. Конкретное распределение квот зависит от участия того или иного местного правительства в реализации общегосударственных про-

ектов, от его кредитоспособности и от размера прежней задолженности¹⁴.

Существует и еще одна угроза, связанная с массированными капитальными вложениями. Это — угроза роста коррупции, особенно крупномасштабной, совершаемой подчас не только отдельными чиновниками или их группировками, а целыми ведомствами, причем нередко — почти открыто.

Из сказанного очевидно, что ни одна из намечаемых мер, ни даже их совокупность не могут служить панацеей. Более того, многие из них не гарантируют от неблагоприятных побочных эффектов. Тем не менее, непринятие таких мер чревато еще худшими последствиями. Поэтому из нескольких зол приходится выбирать наименьшие.

Меры, направленные на поддержание снижающегося экспорта, такие, как возобновление налоговых скидок на экспорт по достаточно широкой номенклатуре товаров, снижение стоимости юаня, неизбежно вызовут недовольство ряда стран, особенно обладающих сходной с Китаем структурой экспорта. Такой же эффект влечет за собой и сокращение китайского импорта. На этом фоне обращенные вовне призывы Пекина к борьбе против протекционизма могут выглядеть не слишком убедительно.

Широкий размах инвестиционной деятельности не обеспечивает точного выбора самых необходимых объектов для капитального строительства, не гарантирует его должного качества, а подчас провоцирует бесполезную трату немалых средств и также таит опасность усугубления коррупции¹⁵. Чем шире разворот инвестиционной активности, тем сложнее установить за ним должный контроль. Кроме того, и это особенно важно, основную массу рабочих мест в Китае сегодня обеспечивает не государственный, а частный сектор, прежде всего, малые и средние предприятия, которые особо уязвимы в период кризиса и для поддержки которых нужны особые меры. В их числе важное место занимает расширение доступа к коммерческим кредитам.

Важную роль для стимулирования экономической активности предприятий и увеличения внутреннего спроса населения может играть налоговая политика. С 2009 г. начинается широко-масштабное снижение налоговой нагрузки на предприятия. Главное место в этой программе занимает преобразование налога на добавленную стоимость. Это — самый большой налог в Китае. В 2007 г. на его долю пришелся 31 % всех налоговых поступлений в бюджет — более 1,5 трлн юаней.

В отличие от многих других стран, в Китае налог на добавленную стоимость взимается не с потребителя, а с производителя, что влечет за собой ряд неблагоприятных последствий, включая двойное налогообложение. Преобразование налога на добавленную стоимость из производственного в потребительский в масштабах всей страны предусмотрено 11-м пятилетним планом (2006—2010 гг.). Как обычно это практикуется в Китае, крупномасштабным преобразованиям предшествует более ограниченный эксперимент. В данном случае он проводился в рамках Северо-Восточного Китая с 2004 г., а начиная с 2007 г. его распространили на 6 провинций и 26 городов Центрального Китая.

Главный смысл реформы состоит в том, что предприятия получают право вычитать налог на добавленную стоимость из суммы, затрачиваемой на закупку оборудования. Отменяется действовавший ранее порядок налоговых скидок на импортное оборудование. Он стимулировал привлечение иностранного капитала и использование зарубежных технологий, но не способствовал отечественным инновациям.

Реформа сократит налоговую нагрузку на предприятия на 120 млрд юаней, будет способствовать оживлению инвестиционной деятельности, техническому перевооружению и повышению конкурентоспособности предприятий, что усилит их возможности противостоять негативным воздействиям кризиса. Наибольший выигрыш получают капиталоемкие отрасли, особенно производящие электроэнергетическое, горнодобывающее, химико-технологическое, коммуникационное, транспортное и металлургическое оборудование. В выигрыше будут и малые налогоплательщики, для которых устанавливается единая ставка налога на добавленную стоимость в размере 3 %.

Возрастают налоговые скидки на экспорт. В 2008 г. общая сумма скидок увеличилась по сравнению с 2007 г. на 4,1 %, в 2009 г. увеличение составит 14,4 %. Повышается порог, ниже которого не взимается индивидуальный подоходный налог. Предусматриваются и другие шаги для облегчения налогового бремени предприятий и населения. Особенно остра эта проблема для слабых групп населения, а также малых и средних предприятий. Однако возможности государства в этом отношении ограничены, поскольку в условиях экономического спада налоговые поступления в бюджет уменьшаются, а возможности для увеличения бюджетного дефицита ограничены.

Важные коррективы вносятся в промышленную политику. Правительство выделило 10 приоритетных отраслей, поддержка которых осуществляется посредством регулирования налогов, денежно-кредитной политики, поощрения собственных инноваций и реструктуризации. В числе приоритетов — развитие черной и цветной металлургии, автомобилестроения, текстильной промышленности, производства оборудования, судостроения, легкой промышленности, нефтехимии, электроники и логистики. Эти отрасли (без логистики) произвели в 2007 г. 80 % добавленной стоимости всей промышленности и треть ВВП, в них непосредственно занято 30 % городских работников (не считая крестьян-работчих). На логистику приходится 16,5 % добавленной стоимости, создаваемой в сфере услуг, и 6,6 % ВВП. От этих отраслей в огромной мере зависят налоговые поступления в бюджет и занятость населения. Особое внимание обращено на повышение технологического уровня предприятий, выведение из строя физически и морально устаревших производственных мощностей, использование новых источников энергии.

Потенциально немалый рост внутреннего спроса могут обеспечить неудовлетворенные потребности городского населения в жилье. Однако земельная политика местных властей способствует тому, что цены на жилье поддерживаются на уровне, превышающем покупательную способность горожан. В результате уже построенные дома в разных районах страны пустуют.

Но самый большой резерв для увеличения внутреннего спроса представляет развитие сельских территорий. Пока что покупательная способность населяющих их жителей, которые составляют почти $\frac{2}{3}$ общей численности населения страны, значительно ниже, чем у горожан. Радикальное повышение денежных доходов возможно лишь при изменении характера занятости подавляющего большинства сельских работников. Это предполагает их массовый переход из малопродуктивного аграрного сектора экономики в более производительные сектора — промышленность и сферу услуг.

Столь крупномасштабная перестройка экономики требует решения целого ряда сложных проблем. Среди них важнейшее место занимает реорганизация существующих земельных отношений в деревне, которые сегодня тормозят как интенсификацию сельского хозяйства, так и урбанизацию.

Предпринимаемые ныне правительством шаги для улучшения материального положения жителей деревни, такие, как сни-

жение налогов, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, дотации на продажу производственной и бытовой техники, распространение кооперативного медицинского страхования, несомненно, способствуют росту внутреннего спроса. Однако для принципиального улучшения ситуации нужны более глубокие перемены, для чего потребуется немало времени.

В числе мер, намеченных китайским правительством для расширения внутреннего спроса, важное место отведено увеличению доходов населения. В первую очередь речь идет о группах населения с низкими доходами.

Правительственный курс здесь включает три основных направления. Прежде всего, он нацелен на обеспечение *прожиточного минимума*. По данным на октябрь 2008 г., минимум, составлявший в среднем 133 юаня (около 20 долл.) в месяц на человека, обеспечивался для 22 739 тыс. человек городского населения (10 877 тыс. семей). В деревне эта программа распространялась на 38 787 тыс. человек (18 011 тыс. семей¹⁶). В некоторых местностях практикуется бесплатная раздача неимущим потребительских чеков, особенно в канун Праздника Весны¹⁷. Всерьез обсуждаются предложения раздать каждому жителю Китая по 1000 юаней наличными или в чеках для увеличения внутреннего спроса¹⁸.

Другое направление — дальнейшее повышение уровня *пенсионного обеспечения*. Средняя ежемесячная пенсия для работников предприятий, охваченных страхованием по старости, увеличилась с 321 юаня в 1995 г. до 963 юаней в 2007 г. В 2008 г. эта сумма возросла еще на 100 юаней, а в 2010 г. — должна превысить 1200 юаней. Одновременно намечено индексировать ее соответственно росту цен и изменению банковской ставки по вкладам.

Третье направление — материальная поддержка населения, пострадавшего от *стихийных бедствий*, охватывающая 39 млн человек. Размеры ее устанавливаются на местах сообразно обстановке. Так, население, пострадавшее в 2008 г. от землетрясения в Сычуани, получило трехмесячное пособие из расчета по 1 цзиню зерна и по 10 юаней на человека в день.

Эти меры, скорее всего, лишь отчасти могут компенсировать падение доходов населения от связанного с кризисом сокращения трудовой занятости, снижения зарплаток, обрушения фондового рынка. Поэтому для увеличения внутреннего спроса понадобятся дополнительные усилия. Они могут включать в себя изменения в фискальной политике, такие, например, как суще-

ственное повышение минимума, с которого начинают взимать индивидуальный подоходный налог, установление минимальной ставки оплаты труда, повышение закупочных цен и дотаций на сельскохозяйственную продукцию, увеличение пособий по безработице и др.

Главным стратегическим ресурсом для масштабного увеличения внутреннего спроса, для замещения значительной части внешнего спроса спросом внутренним служит урбанизация. Трансформация преобладающей части сельского населения в городское будет способствовать повышению общественной производительности труда, повысит доходы, изменит образ жизни и модель потребления. Урбанизация будет постоянно поддерживать нарастающий рынок недвижимости — одну из движущих сил китайской экономики. Неслучайно поэтому ряд китайских экспертов предлагают направить значительную часть инвестиций именно в создание необходимых условий для ускорения урбанизации, хотя понятно, что этот процесс не может быть быстрым.

Антикризисная программа существенно увеличивает нагрузку на бюджет. Бюджетные расходы в 2009 г. увеличиваются по сравнению с реально исполненными расходами 2008 г. на 22,1 %, а доходы — только на 8 %. Дефицит в 950 млрд юаней, составляющий немногим более 3 % ВВП, что находится в рамках международных стандартов, намечено покрыть путем выпуска займов. В конце 2008 г. остаток национального долга составлял 17,7 %, в 2009 г. он вырастет примерно до 20 %, что, по мнению министра финансов КНР, приемлемо по международным критериям и безопасно для страны¹⁹.

Эксперты в стране называют разные сроки возможного выхода из кризиса в зависимости от более или менее благоприятного развития внешней и внутренней обстановки. Мало кто сомневается в возможности к концу 2009 г. выйти на годовой рост ВВП в 7—8 %. Что же касается более высоких показателей, то их достижение многие связывают с общим улучшением ситуации в глобальной экономике, поскольку национальная экономика все еще в очень большой степени зависит от состояния внешних рынков.

Однако такой результат далеко не все признают в обозримом будущем необходимым и желательным, ибо он означал бы сохранение и, возможно, даже усиление внешней зависимости. Соответственно, существенно более значимым представляется наряду с выходом из кризиса трансформировать парадигму экономического роста, т. е. усилить воздействие его внутренних

двигателей, прежде всего отечественного конечного потребления и собственных научно-технических и иных инноваций. Глобальный финансово-экономический кризис создает больше возможностей для широкого и относительно недорогого импорта новых технологий из развитых стран. Естественно, такими шансами Китай воспользуется, благо у страны есть достаточно средств для таких закупок, но, главное, чтобы это не происходило за счет внимания к развитию собственного инновационного потенциала, как это бывало в докризисные времена.

Не менее важно, чтобы преодоление кризиса не шло в ущерб возможностям решать одну из главных проблем развития — трудоустройства населения. Разумеется, сочетать технический прогресс, ведущий к вытеснению живого труда, с поддержанием трудоемких производств очень непросто, но иного в современной китайской действительности не дано.

Примечания

¹ В конце июня 2008 г. на долларовые облигации приходилось 70,1 % золотовалютных резервов КНР, на облигации, номинированные в иенах, — 10,0 %, в евро — 6,8 %. (Шанхай чжэнцюаньбао. 2008. 18 декабря.) Несмотря на кризис, на долговременную тенденцию снижения стоимости доллара относительно жэньминьби и на соответствующее обесценение долларовых резервов Китай продолжал приобретать государственные облигации США, спасая американскую экономику. За январь—сентябрь 2008 г. их стоимость увеличилась на 107,4 млрд долл., особенно быстро она стала расти с июля. В результате Китай по резервам долларовых казначейских облигаций на октябрь 2008 г. (653 млрд долл.) обошел Японию (585 млрд долл.) и вышел на 1-е место в мире. 3-е место занимает Англия (360 млрд долл.). Чжунго чжэнцюань бао. 2008. 17 декабря.

² Цит. по: Хэ Цинлянь. Цзинци вэйци цзян чжуаньвэй шэхуэй вэйци. [Экономический кризис превратится в кризис социальный] // Цзинцисюэ цзай сянь. 2009. 4 января.

³ Ши Нянь. Чжунго фань вэйци чжэнцэ ды цзоюн до да. [Как велика роль антикризисной политики в Китае] <http://theory.people.com.cn/GB/49154/49155/8555006.html>

⁴ Жэньминь ван. 2009. 19 января.

⁵ См. например, высказывания Юань Ганмина, ведущего эксперта из университета Цинхуа // Шанхай чжэнцюань бао 2008. 18 ноября.

⁶ Гуанчжоу жибао. 2009. 6 марта.

⁷ Чжунго цзяоюй бао. 2008. 5 декабря.

⁸ Чжунго синьвэнь чжоукань. 2009. 18 марта.

⁹ Цзо Сяолэй. «Цзэн ба» баовэй чжан ды саньгэ гуаньдянь [Три ключевых момента в борьбе за обеспечение роста на восемь]. — Чжунго чжэнцюань бао. 2008. 25 декабря. Согласно практике последних лет, по словам члена НПКСК, советника и бывшего заместителя Государственного банка развития Лю Кэгу, на долю правительства приходится 5 % инвестиционных расходов, на долю банковских кредитов — 20 %, на долю предприятий — 60 %, на долю фондового рынка — 10 %, остальное составляли иностранные инвестиции. — Чжунго чжэнцюаньбао. 2009. 6 марта.

¹⁰ Дунфан цзао бао. 2009. 4 января.

¹¹ Жэньминь ван. 2008. 26 декабря.

¹² Цай цзин ван. 2008. 4 декабря.

¹³ Согласно приблизительным оценкам Рабочей группы по местной задолженности Центра изучения развития при Госсовете КНР, общая задолженность местных (волостно-поселковых) властей составляет около 220 млрд юаней, или в среднем по 4 млн юаней на одну территориальную единицу. Сюда входит как явная, так и скрытая задолженность. Первая включает долги по международным обязательствам, по ссудам на комплексное сельскохозяйственное освоение, задержки выплаты зарплат и пенсий. Вторая — это займы под залог местных правительств, плохие долги местных финансовых организаций, дефицит фондов социального страхования. Сюда же, по существу, относится и задолженность местных государственных предприятий, школ и других некоммерческих организаций. Чтобы покрыть свои финансовые потребности, местные правительства, в нарушение закона, создают подведомственные им инвестиционные компании, получающие кредиты у банков и пускающие в оборот средства, ассигнованные на строительство. — Чжунго чжэнцюань бао 2009. 14 января.

¹⁴ Синьхуа ван. 2009. 6 марта.

¹⁵ В 1998 г. на капитальное строительство было ассигновано 200 млрд юаней. Как показала проверка, проведенная спустя полгода Министерством финансов и Управлением аудита, треть этих средств ушла на сторону. Об этом с горечью упоминал на весенней сессии ВСНП 1999 г. тогдашний премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи.

¹⁶ Лю Цзюньюй. Кода нэйсуй ды шэхуэй баочжан чжэнцэ сюаньцэ. [Выбор курса социального обеспечения для расширения внутреннего спроса] // Чжэнцюань шибао. 2008. 30 декабря.

¹⁷ В Ханчжоу такие чеки выдали семьям, получающим пособие по поддержанию прожиточного минимума, из расчета по 200 юаней на семью, пенсионерам, получающим пособие от предприятий, — по 200, школьникам — по 100 юаней. — Синьхуа шэ. 2009. 15 января.

¹⁸ Чжэнцюань жибао. 2009. 22 января.

¹⁹ Се Сюжэнь. Си цзицзи цайчжэн чжэнцэ чэн чицзы хэ гочжай гуймо кэ чэншоу. [Анализ активной финансовой политики показывает, что дефицит и размер национального долга приемлемы] // Чжунго синьвэнь ван. 2009. 6 марта.

7.4. Посткризисные шансы и перестройка международного финансового порядка

Известно, что в современном Китае рассматривают любой кризис не только с точки зрения причиняемых им утрат, но и как шанс для системного обновления и новых прорывов, прежде всего, в экономике, а затем и в геополитике. За тридцатилетнюю историю курса на реформы и открытость Китай не раз выходил из кризисных ситуаций обновленным и окрепшим. На создаваемые ими вызовы и угрозы он, как правило, неизменно отвечал инновационными решениями. Так, кризис занятости в начале 80-х годов прошлого века породил бурный рост негосударственных форм собственности. Азиатский финансовый кризис 1997 г. ускорил проведение реформы государственных предприятий. Скорее всего, не явится исключением в этом отношении и нынешний финансовый кризис. Не зря один из известных китайских экономистов и демографов, директор Института народонаселения и экономики труда Академии общественных наук Китая Цай Фан назвал кризис «созидательным разрушением» (вслед за Шумпетером, который правда, относил это понятие к предпринимательству)¹.

Если Пекин попытается преодолеть кризис только путем восстановления докризисной ситуации, когда двузначные темпы годового экономического роста обеспечивались в основном неуклонным наращиванием экспорта и инвестициями, то может пройти немало времени, прежде чем возобновление спроса на мировых рынках позволит это сделать. Если же дожидаться, пока внутренний рынок, и прежде всего потребительский спрос среднего класса, заместит значительную часть внешнего спроса,

то и этот путь не сулит скорого восстановления высоких темпов роста. Отсюда логически следует вывод, что кризис должен, прежде всего, побудить к ускорению структурной и территориальной перестройки китайской экономики.

Кризис больше всего ударил по южному приморью, где раньше всего в Китае сложилась трудоемкая, работающая на экспорт, наиболее тесно связанная с иностранным капиталом и большого всего зависящая от внешней конъюнктуры экономика. Именно такая экономика долгие годы лидировала и определяла экономический облик страны в целом. Нынешний глобальный финансово-экономический кризис может предвещать ее закат.

Но перестройка экономической модели вряд ли может произойти именно в этом регионе. Для такой цели значительно больше подходит другой лидер экономического роста — район дельты Янцзы. Он значительно теснее связан с внутренним рынком и, главное, в значительно большей мере ориентирован на новые и высокие технологии, на научно-технический прогресс, на инновации, к которым и должна перейти роль главного локомотива долгосрочного и устойчивого развития страны. Аналогичное значение могут приобрести и районы нового освоения в центре и на западе страны, а также старая промышленная база на северо-востоке. Правда, только в том случае, если они не будут пытаться повторить путь, пройденный южным приморьем.

Несмотря на относительное сокращение своей роли как движущей силы китайской экономики, экспорт, тем не менее, на длительную перспективу сохранит немалое значение. Стремясь поддержать свой экспорт в условиях роста протекционизма, КНР, с одной стороны, добивается реальных результатов Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО, а с другой — прилагает усилия к созданию и расширению региональных и двусторонних зон свободной торговли. За последние годы Китай подписал соглашения о развитии таких зон с целым рядом стран и ведет интенсивные переговоры со многими другими. Но чтобы добиться своих целей, Китаю, разумеется, самому надо избегать искушений протекционизма и монополизма.

Кризис еще раз подчеркнул важность международного сотрудничества. Столь масштабные глобальные явления невозможно ни предотвратить, ни преодолеть, оставаясь в национальных рамках. Отсюда усиливаются тенденции к кооперации усилий в самых разных конфигурациях. Активизировалась инициативная роль «золотой четверки», или стран БРИК, куда входят Брази-

лия, Россия, Индия и Китай. На фоне и под давлением мирового финансового кризиса состоялась трудно представимая прежде конструктивная встреча представителей финансовых властей трех соседних стран: Китая Японии и Республики Корея, заложившая основу их последующих совместных действий. Надо полагать, что этот импульс не будет утрачен и в посткризисный период. Тройственный альянс может стать ядром более широкой кооперации в рамках Восточной и Юго-Восточной Азии. Шансы на создание такой кооперации были и после Азиатского кризиса 1997—1998 гг., однако они довольно скоро были утрачены. Есть основания полагать, что на сей раз этого не произойдет.

Что касается кооперации и соперничества двух важнейших игроков на мировой финансовой арене — Китая и США, то по этому поводу высказываются довольно несхожие, можно даже сказать, полярные суждения. С одной стороны, такие видные деятели, как президент Всемирного банка Роберт Зелик (в недавнем прошлом — заместитель госсекретаря США, ответственный за американскую политику по отношению к Китаю) вместе с вице-президентом и главным экономистом этого органа Линь Ифу, убеждены, что возрождение мировой экономики зависит от двух стран — Китая и США (G-2). Именно так озаглавлена их совместная статья, опубликованная в газете «Вашингтон пост»².

Ту же линию продолжает и статья, написанная Линь Ифу в соавторстве с другим высокопоставленным чиновником Всемирного банка Мансуром Дайлами. Ссылаясь на итоги многочисленных американско-китайских встреч, состоявшихся в начале 2009 г. по случаю 30-летия нормализации отношений между США и КНР, они убеждают читателей, что именно от взаимодействия этих двух государств зависят не только рост и стабильность мировой экономики, но также мир и безопасность всего земного шара. Авторы призывают Китай и США употребить все свое сегодняшнее влияние для того, чтобы помочь экономике всего мира выбраться из глубочайшей пучины «великой депрессии». В основе расхождений между США и Китаем, по их убеждению, лежит недооцененность китайского юаня, которая ведет к несбалансированности китайско-американской торговли и «углубляет дисбаланс экономики во всем мире»³.

Эту позицию по существу поддерживает своим авторитетом нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман. Во время своего пребывания в КНР в мае 2009 г. он настойчиво защищал ее в полемике с ведущими китайскими экономистами. Он настаивал

на том, что китайское правительство должно найти способ решения проблемы торгового профицита, уменьшить торговую прибыль. Возражая ему, Лун Юнту доказывал, что торговый профицит не является следствием манипулирования юанем, а вытекает из преимуществ Китая в мировой торговле⁴.

Фактически, полагает доцент Фуданьского университета Лу Цяньцзинь, обвинения Кругмана и выступающих с ним в едином альянсе американских и международных чиновников служат предлогом для проведения Америкой протекционистской политики. Именно этот предлог был использован группой республиканцев и демократов для мотивировки предложения о введении специальных пошлин на товары, импортируемые из Китая и некоторых других стран⁵.

Стремление приспособить национальные интересы Китая к интересам финансового капитала США выразилось также в концепции «большой двойки» — «G-2» и понятия «Chimerica». Последнее было изобретено профессором Гарвардского университета Н. Фергюсоном как метафора своего рода брачного союза между чимерийцем-мужем, который в поте лица своего добывает средства к существованию (Китай), и чимерийкой-женой, которая их тратит (Америка). Сокращение китайского экспорта в США вследствие финансового кризиса положило, по Фергюсону, конец брачному союзу, и Китай получил свободу искать другие сферы глобального влияния — от ШОС до Африки⁶.

В Китае эти метафоры, а также идею «большой двойки» и «концепцию взаимной ответственности», на полуофициальном уровне восприняли как новое обличье жупела «китайской угрозы», как новую стратегию, призванную преградить путь к преобразованию Китая. Разница лишь в том, говорилось в статье, опубликованной в печатном органе агентства Синьхуа, что «Чимерика» еще более откровенно пытается сделать Китай придатком США. Описываемая Фергюсоном схема «китайское производство — американское потребление» — явление временное. Брачного союза между ними быть не может. Между Китаем и США существуют структурные противоречия. Они объективно воплощают противоположность социального строя и идеологии. За последние годы, отмечал автор упомянутой статьи — один из ведущих сотрудников агентства Синьхуа, эксперт по проблемам США и ООН Цянь Вэньжун, многие люди в КНР, извращая тезис Дэн Сяопина о том, что не нужно проводить идеологических различий в межгосударственных отношениях, дошли до отрица-

ния идеологической борьбы. Между тем США и страны Запада не только никогда не ослабляли идеологической борьбы, но, напротив, постоянно ее усиливают, не отказываются от атак на социалистический строй КНР, от попыток идеологического проникновения в КНР, от вмешательства в ее внутренние дела и нарушения ее суверенитета. «Отношение США к Китаю как своему главному сопернику и потенциальной угрозе не изменилось и измениться не может»⁷. Нельзя сказать, что идеи «двойки» или «Чимерики» не сулят никаких выгод Китаю: они ведут к разделению экономических прибылей и убытков, демонстрируют повышение статуса КНР, сглаживают двусторонние противоречия. Но причиняемый ими ущерб является судьбоносным и стратегическим. Серьезный урон наносится образу КНР как социалистического государства. Китай отрывают от других развивающихся стран. Существенно ограничивается развитие Китая, особенно возможности собственных инноваций.

Однако не все в Китае однозначно отвергают искушение разделить с Америкой руководство миром. Примерно месяц спустя после статьи в полуофициозе руководитель Центра изучения США и заместитель директора Института международных проблем Фуданьского университета Шэнь Динли рассуждал о том, что мир нуждается в руководстве и что никакая страна в одиночку не может взять на себя такую функцию, но несколько ведущих стран могут вырабатывать согласованную точку зрения по совместному развитию. По его словам, в узком смысле слова дуумвират означает, что США и КНР должны советоваться по важнейшим проблемам мира, уважать друг друга, сохранять стабильность в мире. А в широком смысле — это понятие подразумевает, что «в качестве двух важнейших политико-экономических столпов мира они несут особую ответственность за развитие человечества и должны возглавлять поступательный прогресс мира»⁸.

Роль и значение Китая в мировой финансовой системе вследствие мирового финансового кризиса, скорее всего, существенно возрастут. Усилится его влияние в международных финансовых институтах. Юань будет стремиться к тому, чтобы стать третьей резервной валютой, равной по значению доллару и евро. Юаневые инструменты постепенно окажутся в числе наиболее желанных во всех странах мира, а Шанхай может стать важнейшим мировым финансовым центром.

Мировой финансово-экономический кризис создает благоприятные возможности для активности китайских предприятий

за рубежом. Ослабив монопольное положение ТНК на зарубежных рынках, он понижает порог для быстрого наращивания китайских инвестиций. По сути дела, происходит превращение КНР из экспортера товаров в экспортера капитала. Значительное снижение цен на сырьевые и энергетические активы по всему миру создает благоприятные условия для осуществления китайскими предприятиями зарубежных слияний и поглощений. Общий объем китайских зарубежных инвестиций в 2008 г. составил 52,1 млрд долл., почти вдвое больше, чем в предыдущем году, в том числе на долю слияний и поглощений пришлось половина ПИИ в нефинансовую сферу. В 2009 г., как ожидается, объем китайских ПИИ за рубежом впервые превзойдет объем фактически использованных ПИИ в Китае⁹.

Государство регулирует этот процесс, исходя из того, что в условиях нестабильного финансового рынка безопасность и прибыльность зарубежных инвестиций трудно поддается расчетам. Плюс к этому у большинства китайских предприятий не хватает необходимого умения действовать в подобной обстановке. Поэтому для этих целей выделяются наиболее успешные и опытные компании. Рекомендуются инвестировать капитал, прежде всего, в развивающиеся страны и растущие рынки, которые менее затронуты кризисом. Кроме того, государство стремится стимулировать инвестиции внутри страны в отрасли, нуждающиеся в долгосрочном развитии: в энергетику, природные ресурсы, сельское хозяйство, технологии, сбыт.

В целом после ликвидации негативных последствий кризиса в мировом и национальном масштабе благоприятные возможности Китая для продолжения успешного экономического роста могут быть относительно быстро восстановлены и еще более укреплены. Тем самым продолжится его восхождение к вершине мировой финансово-экономической системы. От этого может выиграть и сама система, став более устойчивой, более разносторонней и сбалансированной, менее зависимой от катаклизмов в какой-либо одной ее части, сколь бы важной и даже доминирующей она ни была.

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао во время своего пребывания в Москве в октябре 2008 г. наметил три направления действий по созданию нового международного финансового порядка:

- совершенствование системы международных финансовых организаций, активизация их роли в защите международной и региональной финансовой стабильности и усилении

финансового контроля, повышение права новых и развивающихся государств на получение информации, выражение своего мнения и определение правил;

- реформирование системы международного финансового контроля, установление его рациональных и эффективных критериев, создание системы предупреждения рисков и противодействия им и, в особенности, усиление контроля над основными резервными валютами;
- ускорение создания плюралистичной международной валютной системы, развитие роли многих валют, совместное поддержание стабильности международной валютной системы.

Созданный в 1944 г. для стабилизации международного финансового порядка МВФ способен регулировать сравнительно небольшие финансовые кризисы, исходя при этом из интересов США. Помогая пострадавшим странам, он часто навязывает им жесткие политические условия, ограничивающие самостоятельность в регулировании экономики. Поэтому разрешение финансового кризиса часто ведет к серьезному экономическому спаду. Соответственно развивающиеся страны требуют большего участия в реформе МВФ, включая требования большей доли и права участия в принятии решений.

Некоторые китайские эксперты полагают, что необходима и возможна коренная реорганизация МВФ, который уже пережил со времен Бреттон-Вудса немалые перемены. В будущем, по их мнению, он может стать всемирным Центральным банком. Однако представитель КНР в директорате МВФ Гэ Хуаюн считает, что в настоящее время возможны лишь частичные улучшения в деятельности этой организации, а реформу, которая бы обеспечила баланс прав и обязанностей разных стран, их широкое участие в деятельности Фонда, за короткий срок провести невозможно¹⁰.

Будущее международной валютной системы видится по-разному. Одни полагают, что в перспективе должна появиться единая мировая валюта, по своей стабильности аналогичная золоту. Переход к ней представляется как взаимодействие и соперничество нескольких валют. Одной из них будет доллар, другой — евро, а по ее поводу третьей — существуют разные мнения. Так, Гэ Хуаюн считает, что на это место не могут претендовать ни фунт стерлингов, ни швейцарский франк, ни иена, поскольку они не способны составить конкуренцию двум первым валютам. Что же касается юаня, то относительно путей его интернационализации

высказывают разные соображения. Сам Гэ Хуаюн видит такой путь через регионализацию, использование преимуществ Сянгана для создания оффшорного юаневого центра, через открытие юаневых счетов центральных банков других государств в Народном банке Китая и через включение юаня в корзину валют SDR. Он считает, что к 2019 г. юань по своему весу может превзойти иену и фунт стерлингов и тем самым займет место одного полюсов международной валютной системы¹¹.

Глобальный финансовый кризис, пошатнувший роль доллара в мировой финансовой системе, объективно создает благоприятные предпосылки для укрепления международных позиций юаня. Официально Пекин никогда не провозглашал интернационализацию юаня в качестве своей цели. Однако в реальности важные шаги в этом направлении предпринимаются. Более того, можно говорить о наличии определенной стратегии и тактики по расширению сферы влияния юаня.

Предлагаемые схемы «маршрутной карты» различны по степени детальности, по набору и порядку рекомендуемых шагов, но в основных векторах они имеют немало общего. Для примера приведем одну из них¹². Интернационализацию юаня предлагается реализовать в три этапа длительностью по десять лет каждый. На первом этапе, который уже осуществляется, юань появляется на окрестной территории в качестве «твердой валюты». На следующем этапе совершается переход от «квази-регионализации» к формальной регионализации и «квази-интернационализации». Наконец, на третьем этапе происходит формальная интернационализация. Параллельно меняются функции юаня. В первом десятилетии юань может стать расчетной валютой для соседних стран, во втором — региональной инвестиционной валютой, в третьем — резервной валютой для всех стран мира.

По мнению некоторых экспертов, регионализацию юаня не следует смешивать с созданием единой региональной валюты для Азии¹³. Последнее находится еще на стадии предварительных эскизов, воплощение которых зависит от согласования множества политических, экономических и культурных факторов. Регионализация же юаня — акт односторонний, не требующий широкого согласия.

Китайская валюта продвигается, прежде всего, в Юго-Восточную Азию. Регионализацию юаня в этом ареале часто связывают с повышением роли Сянгана как оффшорного юаневого рынка и центра расчетов в юанях. Сянган призван стать главным распре-

делителем юаневых потоков в странах Азии и опорой расширения юаневого ареала. В 2003, 2005 и 2007 гг. центральное правительство КНР трижды расширяло рамки осуществления юаневых операций финансовыми организациями Сянган. В конце 2008 г. Госсовет КНР принял решение о проведении в экспериментальном порядке расчетов в китайской валюте по торговле товарами китайской провинции Гуандун и района дельты Янцзы с Сянганом и Аомэнем, а Гуанси-Чжуанского автономного района и провинции Юньнань — со странами АСЕАН. Соглашения о выборе национальных валют для расчетов в двусторонней торговле заключены Китаем с рядом соседних стран, включая Россию, Монголию, Вьетнам, Мьянму.

В настоящее время конвертация юаня производится лишь при расчетах по текущим счетам и частично — по капитальным. К тому же свободно конвертируются только другие валюты в юань, но не юань — в другие валюты. Юаневые сделки совершаются, главным образом, в Китае, на мировых же рынках таких сделок мало. Качественный сдвиг в этом отношении может произойти лишь постепенно, с повышением места Китая в международном разделении труда. Попытки форсировать интернационализацию юаня административными мерами могут привести лишь к тому, что он станет объектом спекуляций¹⁴.

Глава центрального банка Китая Чжоу Сяочуань в конце марта 2009 г., перед Лондонским саммитом «двадцатки» выступил с инициативой создания международной резервной валюты на наднациональной основе. У страны, эмитирующей резервную валюту, цели внутренней денежно-кредитной политики, подчеркнул Чжоу Сяочуань, постоянно вступают в противоречие с требованиями стран, создающих валютные резервы. Власти не должны пренебрегать международными функциями валюты данной страны и исходить только из внутренних целей. Невозможно также сочетать различные внутренние и внешние цели. Стремление подавить инфляцию в данной стране может вести к невозможности полностью удовлетворять потребность в непрерывном росте глобальной экономики. Либо же желание чрезмерно стимулировать внутреннее потребление может вызывать избыток ликвидности в глобальном масштабе. По мнению Чжоу Сяочуаня, идеальной целью реформирования международной валютной системы было бы создание международной резервной валюты, не связанной с суверенными государствами. К этому призывал в 40-х годах прошлого века Кейнс, предлагавший создать междуна-

родную валютную единицу «банкор», стоимость которой определялась бы на основе 30 представительных видов товаров. Создание новой резервной валюты, которую бы признали все страны, возможно лишь в долгосрочной перспективе, полагает Чжоу Сяочуань. Что же касается краткосрочной перспективы, то, по его мнению, международное сообщество должно, по меньшей мере, признать наличие опасностей, создаваемых существующей системой, осуществлять постоянный контроль над ней и отслеживать риски. Одновременно Чжоу Сяочуань призывает обдумать возможности более полного раскрытия роли SDR¹⁵. Эта валюта, по замыслу Чжоу Сяочуаня, могла бы служить признанным платежным средством в международной торговле и финансовых сделках. Для этого нужно усовершенствовать систему определения стоимости и эмиссии SDR. В корзину валют, на основе которых устанавливается стоимость SDR, необходимо включить валюты всех важнейших в экономическом отношении стран мира¹⁶.

Эти соображения поддержала Россия (выступившая с аналогичным предложением несколько раньше) и другие страны БРИК. Против нее достаточно категорично высказался президент США Обама, заявивший об исключительной крепости позиций доллара.

Вместе с тем мнение о том, что падение международной финансовой системы, основанной на долларе, неизбежно и возможно, причем в не столь отдаленном будущем, разделяют не все. Сомнения в реалистичности проекта создания стабильной наднациональной валюты под эгидой МВФ высказывают, в частности, в связи с тем, что эта организация полностью контролируется и служит интересам США, которые располагают в ней 16 % голосов. В известном смысле она служит филиалом Министерства финансов США и не способна поэтому выполнять функции глобального центрального банка¹⁷.

Столь же радикально негативную позицию занимают и ряд других экспертов, но по другим причинам. Они мотивируют ее, в частности, тем, что существующая система довольно долгое время служила основой процветания развитых экономик и стран с развивающимися рынками, несмотря на то, что бывший министр финансов США называл ее «равновесием финансового террора». Система с центральной и периферийными странами способствовала подъему Японии в 70-х годах, восточноазиатских стран — в 80-х и Китая — в 90-х годах XX века. Утверждается, что Китай сегодня, несмотря на налоговые реформы и промыш-

ленную политику, большие надежды возлагает на восстановление внешнего спроса, проще говоря, на возрождение американской экономики и новый запуск двигателя глобального роста. Нынешняя валютная система, утверждает автор, обладает еще довольно мощной жизненной силой, и взаимозависимость США и Китая неизменна¹⁸.

Нередко говорится также о наличии у Китая и Японии больших долларовых резервов, стоимость которых снижать неразумно. Можно лишь постепенно диверсифицировать золотовалютные резервы, заменяя долларовые бумаги на номинированные в других валютах, а также на золото, нефть, зерно, железную руду и другие стратегические ресурсы и акции ТНК. Такой диверсификации способствуют низкие цены на стратегические ресурсы.

Отказ от валютной системы, основанной на долларе, привел бы, как полагают, к потере Китаем и Японией американского рынка. Создание единой мировой валюты в настоящее время признается утопией. Учитывая, что превращение национальной валюты в резервную валюту — процесс долгий, считается, что выступать сегодня зачинщиком ее реорганизации значит играть на руку ЕС и евро. Китаю предлагают поддерживать систему, основанную на долларе, противодействовать снижению стоимости долларовых активов вплоть до того момента, когда юань станет свободно конвертируемой валютой, а доллар будет переживать очередной кризис.

В дальнейшем судьба доллара как если не монопольной, то одной из главных резервных и платежных валют во многом зависит от роли США в реальной экономике. Если США удастся стать мировым лидером в создании технологий четвертого поколения, то у них есть шанс удержать очень важные позиции также в мировой валютной системе. Если же нет, то почти неизбежен откат США от статуса сверхдержавы на менее значимые роли. И тогда становление многочленного и многополярного мира, в том числе и в валютно-финансовой сфере, станет в еще большей мере необратимой и полномасштабной тенденцией. В этом случае и США, и всему миру предстоит весьма болезненная перестройка.

Определенное значение для начала совместной работы по созданию новой архитектуры международной финансовой системы имели саммиты «двадцатки», состоявшиеся 15 ноября 2008 г. в Вашингтоне и 2 апреля 2009 г. в Лондоне. Главы государств и правительств согласовали национальные антикризисные программы, одобрили принципиальные договоренности о сотрудничестве

в усилении международного контроля, противодействии протекционизму в торговле и о необходимости реформировать международную финансовую систему. Было принято решение об оказании финансовой помощи странам Восточной Европы, Латинской Америки и Африки, наиболее пострадавшим от кризиса. В самом общем плане согласились с идеей создания некоего наднационального органа финансового контроля, однако без ее конкретизации, главным образом, из-за противодействия США. Единодушное одобрение встретило стремление ликвидировать убежища от налогов, однако реализация его невозможна без необходимого для этого обмена данными о клиентах банков и финансовых организаций разных стран. Китайские предложения о создании наднациональной валюты и изменении устава МВФ в резолюцию включены не были, поскольку их осуществление требует более основательной проработки.

Таким образом, перестройка международной финансовой системы дело сложное, в котором не обойтись без столкновения интересов и противоборства. Поэтому это процесс долгий.

- Требуется теоретическая и технологическая проработка основных путей реформирования международной финансовой системы. Финансовый кризис доказал ненадежность глобальной платежной системы, основанной на валюте одной страны. Один из главных вопросов реформы — выбор международной резервной базы. На этот счет существует много предложений. Все это нуждается в специальном изучении.

- Необходим всесторонний, поэтапный план реформирования международной финансовой системы. От общего признания необходимости реформы до разработки общеприемлемого проекта новой системы — дистанция немалого размера. К его разработке нужно двигаться шаг за шагом.

- Нужно укреплять региональные финансовые базы, активно продвигать региональное финансовое сотрудничество. Существует благоприятная обстановка для плюрализации валютных расчетов в двусторонней, многосторонней и региональной торговле. Это закладывает основу для демополизации доллара, совершенствования и постепенной плюрализации международной валютной системы.

Реформу международной финансовой системы было бы лучше всего осуществлять не в оппозиции, а в сотрудничестве с США. Если бы новая американская администрация сумела осознать историческую необходимость отказа от претензий на еди-

ноличное распоряжение судьбами мира во всех областях жизни человечества, признать неизбежность многополярного мира, проявить готовность конструктивно сотрудничать с другими государствами в построении новой архитектуры мировой валютно-финансовой системы, отказаться от монополии американского доллара и принять международный финансовый контроль, то переход к новой системе мог бы пройти менее болезненно. В противном случае неизбежна череда новых кризисов и потрясений.

Из сказанного очевидно, что реформирование международной финансовой системы — процесс сложный и чреватый обострением многих противоречий. В этой ситуации развивающимся странам чрезвычайно важно координировать свои подходы к этой важнейшей для будущего мировой экономики проблеме, находить точки соприкосновения и, по возможности, выступать с общих позиций. Чтобы достичь этого, предстоит проделать немалую работу на экспертном и политическом уровне.

Такие страны, как Россия, Китай, Индия, представляют не только быстро растущие экономики мира и, соответственно, вносящие наиболее весомый вклад в глобальное развитие. Они еще и несут в себе традиции своеобразных цивилизаций. Поэтому их интересы не ограничиваются участием в исправлении дефектов существующей мировой финансовой системы и ее модификации в соответствии с новыми глобальными реалиями. Эти страны способны на существенно большее. Они могут внести важные коррективы в создание новой цивилизационной модели мира, исправить те параметры старой модели, которые не только ответственны за сегодняшний кризис, но и чреваты новыми, возможно, еще более опасными кризисами: продовольственным, экологическим, климатическим, если их оставить неизменными.

Примечания

¹ Цай Фан. Цзинцзи вэйцзи ши и чжун чуаньцао син хуэйме гочэн [Экономический кризис — процесс созидательного разрушения] // Хубэй жибао. 2009. 15 января.

² Цит. по: Золикэ, Линь Ифу. Шицзе цзинцзи фусу цюйцзюе юй Чжун Мэй. [Возрождение мировой экономики зависит от Китая и Америки] // Шичан бао. 2009. 16 марта.

³ Линь Ифу, Далайми М. Чжун Мэй цзинцзи вайцзяо синь туцзин [Новые перспективы китайско-американской экономической дипломатии] // Цайцзин. 2009. № 6.

⁴ Чжунго цзинцзи чжоукань. 2009. 25 мая.

⁵ Лу Цяньцзинь. Цзай Кэлуэмань юй Чжунго сюэчжэ цзибянь ды бэйхоу [Что стоит за полемикой Кругмана с китайскими учеными] // Шанхай чжэнцюаньбао. 2009. 19 мая.

⁶ Ferguson N. What's to become of «Chimerica». American Interest. 2009. Jan./Febr.

⁷ Цянь Вэньжун. «Чжунмэйго» ды чжэньши иту: шииту ба Чжунго бянчэн Мэйго фуюн [Истинный мотив «Чимерики»: превратить Китай в придаток США] // Баньюе тань. 2009. 28 апреля.

⁸ Шэнь Динли. Сюй лэнцзин цюаньхэн «G2 лунь» ды либи дэши [Необходимо хладнокровно взвесить плюсы и минусы, достоинства и недостатки концепции «G2 »] // Дунфан цзаобао. 2009. 22 мая.

⁹ Чжунго чжэнцюань бао. 2009. 19 мая.

¹⁰ Гэ Хуаюн. Гуаньюй гоцзи хоби цзиньжун цзинь гайгэ ды сыкао. [Соображения о реформе международной валютно-финансовой системы] // Чжунго цзиньжун. 2009. 6 января.

¹¹ Гэ Хуаюн. Указ. соч.

¹² Тан Шуаннин. Гоцзи хоби тиси юй жэньминьби. [Международная валютная система и жэньминьби] // Чжэцзян жибао. 2009. 20 апреля.

¹³ Туцзинь жэньминьби цююйхуа яо цзинькуай цзецзюе у да вэньти [Для продвижения регионализации жэньминьби нужно решить пять больших проблем] // Шанхай чжэнцюаньбао 2009. 15 апреля.

¹⁴ Ли Циин. Цзиньжун тиси гайбянь ды Чжунго цзячжи. [Значение ценностей Китая в изменении финансовой системы] // Чжунго цзяюй бао. 2008. 12 декабря.

¹⁵ SDR (special drawing rights, специальные права заимствования) — безналичная валюта, являющаяся платежным средством МВФ.

¹⁶ Чжоу Сяочуань. Гуаньюй гайгэ гоцзи хоби тиси ды сыкао. [Размышления о реформе международной валютной системы]. Сайт Народного банка Китая. 2009. 27 марта.

¹⁷ Ма Гуаньюань. Чао чжуцюань хоби чжи ши каньшанцюй хэнь мэй. [Наднациональная валюта хороша только с виду] // Дунфан цзаобао. 2009. 25 марта.

¹⁸ Ли Сян. Цзиньтянь Чжун Мэй ли и чунь чи сян и [Экономические интересы Китая и США связаны, как губы и зубы] // <http://theory.people.com.cn/GB/49154/49155/9022252.html>

7.5. Кризис и общественные настроения в Китае

Глобальный финансово-экономический кризис оказывает неоднозначное влияние на состояние умов в китайском обществе. С одной стороны, отягощение социальных проблем, в первую очередь — перспектив занятости, не может не вызывать беспокойства в широких слоях населения. С другой стороны, быстрая, решительная и масштабная реакция правительства должна вселять надежду на улучшение ситуации в достаточно близкой перспективе.

Определенную раздвоенность в сознание общества, особенно интеллигенции, вносит объективно двойственное положение Китая в мировой экономике. КНР — лидер мирового экономического роста. Даже и во время глобального финансово-экономического кризиса динамика его экономики служит предметом зависти многих стран. Китай — по существу крупнейший кредитор США, самой могущественной экономики мира. У Китая несравненно больше возможностей, чем у других государств, не только самому справиться с кризисом, но и своим развитием поддержать мировую экономику. Вместе с тем Пекин теснейшим образом экономически зависит от Запада, в первую очередь — от США, что предопределяет амбивалентность его курса.

Проявляя закономерную озабоченность перспективами обесценения доллара, справедливо критикуя Федеральную резервную систему США за массовую закупку казначейских обязательств США, которая может способствовать глобальной инфляции, Пекин вынужден сам не только удерживать, но и наращивать свои запасы этих бумаг, чтобы помешать падению их стоимости. Тем самым критика неизбежно утрачивает, по меньшей мере, часть своей убедительности.

Вполне обоснованно выступая против тенденции к росту протекционизма в мире, Китай вместе с тем вынужден путем налоговых скидок стимулировать свой экспорт. Эти меры, хотя и нельзя в полной мере считать протекционистскими, тем не менее, их трудно отнести и к поощрению свободы мировой торговли, за которую сегодня столь красноречиво выступает Пекин.

В этой ситуации обнаруживаются настроения и идеи, которые трудно воспринимать как адекватное отражение реальности. Так, нынешний глобальный кризис иногда расценивается не как системный сбой в мировой финансово-экономической системе,

не как следствие тех или иных изъянов в ее конструкции или функционировании, но как результат сознательных злонамеренных усилий, как составная часть далеко рассчитанной враждебной миру стратегии США.

В этом отношении показательной представляется статья постоянного члена правления Китайского научного общества международных экономических связей Тань Ялина, появившаяся в начале апреля 2009 г. в Интернете. Статья демонстрирует существование в китайском обществе алармистских, конспирологических и даже апокалиптических настроений, в той или иной степени связанных с глобальным кризисом. О направленности ее можно судить уже по ее заголовку: «Разглядеть тайный умысел США: финансовый кризис наносит легкие раны США, тяжелые раны — Европе, внутренние раны — Китаю». По убеждению автора, США, преследуя свои долгосрочные цели, ведут маневренную финансово-экономическую войну со своими соперниками и конкурентами. Они создают для них проблемы и трудности, отступают, чтобы затем перейти в наступление. США причиняют тяжелый урон евро, наносят удар по России, без войны одерживают победу над Ираном и ведут необъявленную войну с Китаем. Развязав глобальный финансовый кризис, США, как утверждает Тань Ялин, сами не понесли серьезных потерь, в отличие от остального мира, который пострадал значительно больше. Будущее видится Тань Ялину в еще более мрачном свете. Трудно даже представить себе последствия всего этого, пишет он.

Во многих публикациях звучат и несколько иные мотивы. Не менее явно проникнутые пафосом осуждения политики Запада, и прежде всего США, авторы таких публикаций, однако, не только не склонны опускать руки и предаваться отчаянию, но, напротив, призывают к активному противодействию. Такой настрой западные СМИ связывают с ростом национализма и тенденций великодержавия в Китае.

Наиболее отчетливо эти тенденции демонстрируют опубликованная в марте 2009 г. тиражом в 270 тыс. экземпляров книга «Китай недоволен» («*Чжунго бу гаосин*») и, особенно, возникшая вокруг нее полемика в Интернете и на страницах некоторых печатных изданий.

Заглавие этой книги явно и намеренно перекликается с заглавием другого издания «Китай может сказать: нет» («*Чжунго кэи шо бу*»), вышедшего в 1996 г. и вызвавшего тогда тоже немалое беспокойство на Западе. Действительно, ряд тем, поднимае-

мых в обоих случаях, совпадает. Более того, один из авторов — Сун Цян (по образованию — учитель средней школы, занятый в настоящее время рекламным и медийным бизнесом) является одним из творцов обеих публикаций. Тем не менее, содержание двух книг, их основной посыл различаются, так же, как время и ситуация их появления на свет.

Первая книга носила, скорее, оборонительный характер. В то время в китайском обществе, особенно среди интеллектуальной молодежи, были еще достаточно сильны стремления во многом подражать Америке. Поэтому распространявшиеся на Западе подозрения в агрессивности китайских намерений воспринимались больше всего с недоумением и обидой.

За тринадцать лет, истекших с того времени, Китай совершил огромный скачок в своем экономическом развитии, в оборонном строительстве. Произошло воссоединение Гонконга. Изменились в лучшую сторону отношения между китайским континентом и Тайванем. Существенные перемены произошли и в общественном сознании. Это не могло не отразиться на эмоциональной тональности и идейном наполнении новой книги. Она в целом носит куда более наступательный, местами — даже агрессивный характер. По словам Сун Цяна, в первом случае миру сообщалось, что Китай хочет лишь сам управлять собой, а во втором — что Китай способен управлять миром¹.

Сочинение представляет собой слегка откорректированные фонограммы бесед, которые пять участников проекта вели между собой непрерывно в течение трех суток осенью 2008 г. где-то в сельской местности близ Пекина, при минимуме самоцензуры, хотя мы ничего не можем сказать о наличии или отсутствии цензуры внешней. В своих беседах они касались самых различных аспектов: от идеологии и культуры до внутренней и внешней политики Китая.

Во внешнеполитических сюжетах главной темой служат отношения Китая с Западом, в первую очередь с США. Авторы отнюдь не относят себя к исконным антизападникам. Напротив, в одном из своих интервью Сун Цян вспоминал, как он вместе со своим другом Чжан Сяобо (который позже стал инициатором создания обеих книг) пропагандировали западный парламентаризм, американскую конституцию. Однако затем они убедились, что Запад не хочет строить отношения на началах равенства. И теперь, по словам Сун Цяна, он окончательно утратил надежду на возможность улучшения отношений Китая с Западом. По-

сле развала СССР Россия пошла по западному пути, напоминает он, но стал ли Запад от этого лучше относиться к России?

Авторы представляют себя патриотами и государственниками. Поэтому они ставят перед собой и перед китайской интеллигенцией высокую цель: создать гордое и героическое государство, которое внутри себя будет защищать права человека, а вовне — свой суверенитет. Путь созданию такого государства изображается как «коммерция с мечом в руках» (*чи цзянь цзин шан*). Это означает, что вооруженные силы в будущем призваны не оборонять китайскую территорию, но следовать в те регионы, куда ведут «коренные экономические интересы Китая», и «прикрывать их».

Роль Китая в современном мире, по мнению авторов книги, не должна сводиться лишь к тому, чтобы быть примером для подражания. Миру, утверждают они, этого недостаточно. Китай должен предоставить ему настоящее управление и руководство.

Особенно откровенны высказывания Ван Сяодуна. Выпускник Пекинского университета, магистр в области управления экономикой Токийского промышленного университета, которого иногда называют «наставником китайского национализма», опубликовал в Китае и за рубежом более сотни статей. Основные его соображения сводятся к следующему. Китай способен распоряжаться мировыми ресурсами более эффективно, чем другие страны мира, о чем свидетельствует его огромный внешнеторговый профицит. Отсюда вывод: Китай должен управлять значительно большими ресурсами, чем сейчас. Управлять экономически и руководить политически.

Стилистически по-своему, но в общем идейном ключе развивают эту тему и другие участники авторского коллектива. В беседе с корреспондентом газеты «Дунфан цзао бао» Сун Цян заметил, что Китай должен взять на себя миссию перестройки мирового порядка. Присутствовавший на беседе Хуан Цзису — драматург и общественник, заместитель главного редактора журнала «Гоцзи шэжуэй кэсюэ цзачжи» (Международный журнал по общественным наукам, китайское издание), сказал, что официальные власти и интеллигенция обходят эту тему, а они, будучи выходцами из низов, говорят о ней прямо. Мирное возвышение Китая, по его словам, наносит неизбежный ущерб чужим интересам. Столкновение интересов нельзя решить одними переговорами или подношением панд или открытием институтов Конфуция². Как отмечает Хуан Цзису в других своих высказы-

ниях, масштабы населения Китая, его история и цивилизация таковы, что само его существование предполагает участие в со-творении мировой истории. У нас всего два пути, говорит он, либо обрушить этот мир, либо его перестроить.

Большое место в книге занимает рассмотрение возможностей немирного исхода экономического противостояния Китая и Запада. В связи с этим особо подчеркивается необходимость усиления военного потенциала Китая и заблаговременного стратегического планирования. По мнению авторов, дальнейшее экономическое возвышение Китая требует подкрепления его адекватным наращиванием военной мощи.

Вступление Китая на очередной этап модернизации, по мнению «недовольных», предопределяет состояние торговой войны с Западом, которую нужно поддерживать силой оружия. Глобальная экономическая депрессия считается подходящей ситуацией, чтобы добиться от Запада уступок в передаче Китаю нужных ему технологий.

Китай призывают готовиться к большой войне. США предпочтут в такой войне непосредственно не участвовать, а путем поставок американского вооружения противнику Китая истощить его национальную мощь. В качестве возможного противника рассматриваются Япония и Индия, причем последняя — с большей вероятностью.

Проблемам, связанным с Россией, в книге уделено немного места, но в целом отношение авторов к России нейтрально-благожелательное. На твердую позицию российского руководства и лично В. В. Путина по отношению к Западу в отстаивании национальных интересов России ссылаются как на позитивный пример в назидание нынешнему китайскому руководству. Авторы убеждены, что главной целью администрации Буша в российско-грузинском конфликте было стремление «подморозить тыл» России, чтобы обеспечить ее большую сговорчивость по проблеме создания американской системы ПРО. Они убеждены, что для защиты своих ресурсов Россия не может не вернуться в военном отношении к советским временам.

Жесткие упреки адресуются китайской интеллектуальной элите, наиболее видных представителей которой, включая ряд известных экономистов, называют поименно. Их характеризуют, самое мягкое, как «пятую колонну», как «пораженцев», обвиняя в том, что они слишком пресмыкаются перед Западом и не служат «великой цели».

Многие из откликов на книгу «Китай недоволен» обращают внимание, прежде всего, на то, что идеи, которые она выражает, не конструктивны и не оригинальны, что авторы часто лишь перепевают и перелицовывают то, к чему призывали задолго до них, и что доказало не раз свою несостоятельность.

С большим сомнением воспринимается тезис о призвании Китая заместить собой США в руководстве миром. Мысль о необходимости созидать «великую культуру», соответствующую «великой эпохе» и «великим целям», взамен «культуры последнего тридцатилетия» перекликается с аналогичными лозунгами времен «культурной революции», оставившей, как известно, после себя выжженное культурное пространство. Столь же не свежо и послание по поводу того, что китайскую нацию надлежит возглавить «группе героев», которая и осуществит «институциональное и культурное строительство».

Вместе с тем довольно часто звучит мнение о том, что книга передает чувства определенной, причем немалой части китайского общества, в первую очередь молодежи, и в этом смысле может считаться достаточно представительной. Особенно в том, что касается отношения Запада к Китаю. Как констатировал обозреватель сингапурской газеты «Ляньхэ цзаобао» во время обсуждения книги на одном из телевизионных каналов, нельзя считать, что взгляды авторов книги по внешней политике выражают лишь их собственную позицию. Однако, как он справедливо заметил, по поводу внутренней политики Пекина в стране значительно больше согласия, чем несогласия, значительно больше тех, кто гордится успехами Китая, чем разочарованных¹.

Воззрения авторов книги, несомненно, субъективны и уязвимы. Тем не менее, они заслуживают внимания, поскольку отражают настроения некоторой части политической и интеллектуальной элиты КНР.

Примечания

¹ Синьхуа ван 2009. 23 марта. <http://www.sina.com.cn>

² Дунфан цзао бао. 2009. 24 марта.

³ Фэнхуан вэй ши. 2009. 26 марта.

Глава 8

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ И РОССИЯ

8.1. Уроки китайских реформ для России

Стремление осмыслить беспрецедентный опыт стремительного роста китайской экономики за последние десятилетия, как правило, сопряжено с намерением так или иначе соотнести его с далеко не столь удачными попытками рыночного преобразования экономики бывшего Советского Союза и нынешней России, а подчас и продиктовано таким намерением. Подобное соотнесение, разумеется, имеет свои резоны. Обе страны в своей новейшей, дореформенной истории имели немало общего. У них были схожий политический строй, одинаковая плановая экономика, и та, и другая старательно закрывали себя от внешнего, капиталистического мира и обещали своим народам светлое будущее в более или менее отдаленной перспективе. И, казалось бы, нужно лишь сопоставить конкретные меры, использованные соответственно в Китае и России для перехода к рынку, чтобы найти у наших соседей нечто такое, что можно было бы с пользой для себя перенять.

Некоторые исследователи, собственно говоря, так и поступают. Обнаружив что-либо позитивно проявившее себя в Китае, они тут же рекомендуют переместить это и на российскую почву. Чаше всего за такими рекомендациями стоит неприятие оказавшихся пагубными для нашей страны методов «шоковой терапии», последовавшей за бездумным принятием на начальной стадии российских реформ идеологизированных рецептов либерального западного мейнстрима. Но определенную роль играет и неготовность или неспособность разработать собственную конструктивную стратегию, которая отвечала бы национальным

особенностям и интересам. Обычно такой подход оказывается не слишком продуктивным.

Но еще менее плодотворна позиция тех, кто отказывается признавать значение китайского опыта, полагая, что он далеко уступает по своей конечной эффективности единственно правильному, а именно — западному пути. Это — путь отказа от государственного регулирования экономики в пользу свободы рынка. Любое намерение модифицировать такой подход применительно к специфике исторических условий объявляется бесперспективным. Исходя из такой презумпции, Китаю год за годом упорно предрекают неминуемый экономический крах.

Одним из сравнительно недавних примеров такого подхода может служить статья Тима Кейна, директора Центра международной торговли и экономики при американском Фонде Наследия (Heritage Foundation) под заглавием «Грядущее торможение Китая: решение парадокса свободы и роста»¹. Публикация связана с выходом в свет очередного выпуска ежегодно осуществляемого в этой цитадели консервативного либерализма исследования «Индекс экономической свободы». В издании за 2007 г. экономическая свобода в Китае оценивается в 54 % против 82 % в США. Это обстоятельство, с точки зрения Кейна, свидетельствует, что кривая роста в КНР приближается к своей высшей точке. После этого темпы роста в Китае, как десятилетия назад в Японии, начнут сокращаться и приблизятся к темпам роста других индустриальных экономик. Тем самым, по Кейну, будет разрешен крайне досадный для либералов парадокс стремительного роста экономики в Китае при сохранении определенной роли государства. Но это в лучшем случае. В худшем же сценарии Китаю предрекается полный крах. Почему? Потому, что из десяти отслеживаемых авторами индекса видов экономической свободы Китай преуспел, по их подсчетам, только в четырех. Это — ограничение правительственных расходов, низкие тарифы, денежно-кредитная стабильность и умеренное трудовое регулирование. Наихудшая же ситуация фиксируется в правах собственности, а также в финансовой и инвестиционной свободах. Завершаются рассуждения доктора философии Тима Кейна поэтическим образом: у китайского государственного корабля, оказывается, великолепные паруса, но бумажный корпус. Слабость его не обнаруживает себя, пока не подуют встречные ветры. Но хрупкая финансовая система вряд ли выдержит даже умеренный циклический спад в национальном масштабе, который быстро может перерасти в серьезную

рецессию. Знал бы незадачливый пророк, что не пройдет и года, как рухнет финансовая система США, где, по понятиям либералов, со свободами вроде бы все в порядке, а финансовая система авторитарного Китая как раз устоит.

В подтверждение своих убеждений автор упомянутой статьи ссылается на мнение нобелевского лауреата Э. Прескотта, который в книге «Барьеры на пути к богатству» (*Barriers to Riches*), написанной в соавторстве с С. Паренте, утверждал, что контроль правительственных институтов над экономикой препятствует экономическому процветанию. При всем уважении к мнению этих заслуженных ученых думается, однако, что значительно ближе к сути взгляды другого нобелевского лауреата Дж. Стиглица, который за последние годы часто бывал в Китае и хорошо знает китайскую, равно как и вообще переходную, экономику. С его точки зрения, обеспечивает решающий успех рыночных реформ отнюдь не приватизация, а вводимый государством на этапе социально-экономического перехода механизм конкуренции. Одномоментный отпуск цен, произведенный российским правительством по методу «шоковой терапии», вызвал лишь гиперинфляцию. А одномоментная приватизация государственной собственности привела только к утечке внутренних ресурсов. Совместное воздействие двух этих факторов обусловило, по Стиглицу, длительный упадок российской экономики².

Проекты всесторонних преобразований, глубоко влияющих на жизнь каждого человека в любой стране, а тем более в столь крупных и сложных странах, как Китай или Россия, несомненно, не могут не учитывать мировой опыт, мировые тенденции развития. Но не менее, если не более, важен всесторонний, а не выборочный учет национальных особенностей и потребностей общества, его слабых и сильных сторон, его ценностей и устремлений, его возможностей. Только такой учет может стать основанием общественного консенсуса, своего рода общественного договора по поводу основного направления реформ, их конечной цели и вероятных последствий — как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

И в России, и в Китае признана идея о рыночной экономике как магистральном пути развития (даже при учете оговорки о социалистических свойствах китайской экономики), однако содержание реформ, их последовательность и методы проведения в каждой стране имеют свою специфику, принципиально не воспроизводимую в иных условиях. Тем не менее, можно и нужно вести

речь об извлечении определенных уроков из китайских реформ для России, имея, однако, в виду, прежде всего, некоторые самые общие, допустимо сказать, **мировоззренческие и методологические подходы** к столь важным, без преувеличения, эпохальным социально-экономическим преобразованиям, каким является переход к рынку. Именно этот аспект реформ, в первую очередь, заслуживает серьезного изучения. В связи с этим представляется уместным высказать несколько, на наш взгляд, принципиальных соображений.

Прежде всего, важно уяснить, что китайские реформы последних десятилетий представляют собой некое **органически единое целое**, тесно сопряженное с историческими, культурно-цивилизационными, геополитическими, социально-экономическими условиями и факторами. Это **первая и главная черта** китайских реформ. Попытки извлечь из этого симбиоза какие-то отдельные компоненты и пересадить на иную почву чреваты почти неизбежным их отторжением или мутацией. Одновременно такие попытки также лишают смысла, уродуют саму исходную цельность. Поэтому единственно, что доступно и может реально оказаться полезным, — это попытаться понять принципы строения и функционирования этого единства и учесть их при построении комплекса собственных преобразований.

Больше всего дело касается соотношения демократии и государственного авторитаризма, экономических и политических свобод, бюрократии и личности. С. Хантингтон, впервые прокламировавший наступление «третьей волны демократизации», утверждал, что в развивающихся обществах социально-экономическое развитие неизбежно ведет к взрывному росту требований участия в политике, а отставание политического развития не предоставляет достаточно институциональных каналов для удовлетворения этих требований³.

Нет сомнения в том, что избранный Китаем курс развития посредством максимального использования потенциалов внутреннего рынка и преимуществ участия в глобальной экономике требует и постепенного преобразования функций государства в микро- и макроэкономике, а затем и в регулировании социальных процессов. Такой поступательный процесс не может надолго задерживаться на каком-то определенном рубеже. Он предполагает все большую готовность власти и к собственной трансформации, прежде всего, в связи с распространением рыночных реформ на те области, которые искони считались ее суверенным

доменом, а также в связи с теми изменениями, которые происходят в обществе.

Появление в обществе социальных групп с существенно расходящимися интересами не только благоприятствует вызреванию объективных условий для демократии, но и создает ее реальных субъектов, способных осознавать свои интересы и добиваться их реализации политическими средствами. Отсюда все более настоятельной становится потребность в создании институтов, удовлетворяющих потребности различных социальных групп и реализующих их интересы. Раньше, при гомогенной экономической, социальной и политической структуре тоталитарного общества нужды в такого рода механизмах, по большому счету, и не было.

Вместе с тем последовательная и поступательная политическая эволюция не может и не должна вести к снижению дееспособности власти, к подрыву способности направлять развитие и обеспечивать общественный порядок и общественную стабильность. Стране, переживающей переходный период, когда происходит замена старых, привычных порядков и институтов, представлений и норм, требуется сильная власть, чтобы осуществить этот переход, насколько возможно, безболезненно. Только такая власть обладает необходимой политической волей для осуществления перемен и организационными ресурсами, чтобы проводить необходимые модернизационные преобразования, не подвергая страну чрезмерным потрясениям и рискам.

Сила власти отнюдь не сводится к наличию мощного репрессивного аппарата. Она определяется, в конечном счете, степенью ее легитимности. Иными словами, тем, насколько граждане страны, основная масса народа воспринимают ее как свою, как выражающую базовые национальные интересы и чаяния и доверяют ей, в какой мере реализуется обратная связь между властью и обществом.

Именно такой сплав рыночной ориентации экономики и поддержания политической и социальной стабильности с помощью сил и средств авторитарного, но постепенно модернизирующегося, обретающего правовую основу и некоторые начатки демократии государства и составляет основу *целостности* китайских реформ. В Китае еще в 80-х годах прошлого века возникла концепция неоавторитаризма, подразумевавшая, что рыночные отношения в экономике, а затем и политическая демократия должны вызревать в стране постепенно, под покровительством

сильной власти, ориентированной на всестороннюю модернизацию. И эту концепцию стало реально осуществлять китайское руководство, хотя оно вербально никогда ее не признавало. Подобным же образом, кстати говоря, обстояло дело не только в Китае, но и в Японии, и в «малых азиатских драконах», везде, где успех рыночных преобразований обеспечивался мощной поддержкой власти.

Вторым важным свойством китайского реформационного комплекса является наличие у него рассчитанной на долгосрочную перспективу *генеральной стратегии*. Без внятной, понятной обществу и миру долговременной стратегии были бы невозможны ни успехи в экономике, ни готовность народа переносить неизбежные при столь радикальных преобразованиях тяготы. Такая стратегия включает в себя в качестве неременной составной части и выделение промежуточных этапов на пути достижения конечных целей, со своими приоритетами, которые могут и должны меняться по мере продвижения страны к конечным целям, и со столь же четко обозначаемыми задачами и способами их решения,

Можно спорить о конкретном содержании и конкретных формулировках ориентиров китайской национальной стратегии. В изложении самих китайских реформаторов они часто варьируются. Иногда основной целью называется модернизация страны, иногда — мирное возвышение, мирное развитие, национальное возрождение. Но саму подчиненность отдельных шагов некоему общему единому замыслу, который можно было бы суммарно определить как возвращение Китаю статуса ведущей — в экономическом, геополитическом, цивилизационном и, возможно, военном отношении — глобальной и региональной державы вряд ли можно оспорить.

Трудно сомневаться и в том, что такие устремления в целом созвучны настроениям большинства китайского народа. Это не означает, конечно, что страна возвращается к единомыслию, которое было свойственно ее недавнему тоталитарному прошлому, что повальное следование догматам коммунизма сменяется столь же безоговорочным исповеданием догматов национализма или, хуже того, увлечением амбициями великодержавного шовинизма. Хотя и такие настроения в обществе, безусловно, есть. В условиях все большей дифференциации китайского общества и его открытости внешнему миру нет и не может быть унитарной идеи, равно близкой всем социальным слоям и группам, каждо-

му индивиду. Все они воспринимают общую стратегию с точки зрения своих собственных интересов, связывают с ней свои собственные надежды и чаяния. Тем самым значение генерального замысла не умаляется, но появляется необходимость в его вариативности, в конкретизации и уточнении применительно к меняющейся ситуации, в согласовании различающихся взглядов.

Третьей чертой китайского реформаторства можно назвать сочетание очевидной идейной нацеленности генеральной стратегии с *прагматичностью*, по сути, *деидеологизацией конкретных реформ*. Дэн Сяопин положил, хотя бы на время, конец непримиримым спорам партийных теоретиков по поводу социалистической или капиталистической природы тех или иных преобразований, указав, что «масть кошки не имеет значения, если она хорошо ловит мышей». Отсюда следовало, что судить об эффективности и полезности реформ следует не по тому, насколько они соответствуют неким, абстрактным, пусть самым прекрасным идеалам — социалистическим, коммунистическим, а по тому, насколько они приближают решение конкретных задач в рамках общей стратегии. Отход китайского руководства от прежней идеологической мотивации политического курса, утверждение его на фундаменте прагматизма, позволяет добиваться реальных и ощутимых для общества результатов, что стало важным фактором успешного проведения реформ.

Вместе с тем нельзя не отметить, что китайское руководство, следуя на практике завету Дэн Сяопина и действительно стараясь не мерить проводимые, прежде всего в экономике, преобразования идеологическими лекалами, не может не учитывать, что все они формально призваны осуществляться в рамках официально провозглашенной и никем не отмененной социалистической парадигмы. Поэтому полностью сбрасывать со счета наличие идейных ограничителей реформистского курса нельзя. Тем более, что существует и определенное социальное недовольство не всегда позитивными результатами реформ, что вновь и вновь возрождает попытки ревизовать курс слева. Это обстоятельство не только в определенной мере осложняет его проведение, но и время от времени требует внесения в него определенной корректировки.

Сужение идеологической сферы позволило также более четко определить назначение и функции власти, которая обрела более строго очерченный, *инструментальный* характер. Изменение соотношения *политики и экономики* в пользу последней можно считать *четвертой чертой* реформаторства в Китае. Именно она

позволила достичь максимально возможной либерализация экономики при сохранении авторитарного характера власти на тот период, пока такое сочетание считается необходимым и оправданным.

Практически этот принцип позволил утвердить приоритетность экономических реформ по сравнению с реформами политическими. Выдвижение именно экономических, а не политических преобразований в качестве предпочтительной области приложения усилий правящей партии и государства в Китае при переходе к курсу реформ имело не только практическое, но и принципиальное, мировоззренческое значение. Нельзя не вспомнить, что именно главенство политики над экономикой было одним из базовых постулатов маоистской доктрины. Поэтому отказ от лозунга «политика — командная сила» означал кардинальный пересмотр соотношения цели и средств. По словам одного из главных авторов концепции «неоавторитаризма» У Цзясяна, власть, бывшая при Мао самоцелью, превратилась для Дэн Сяопина в средство, в инструмент экономического строительства, а целью стал экономический рост.

Деполитизация экономики все больше ведет к поглощению политики администрированием. Главной заботой властных структур в центре и, особенно, на местах стало привлечение инвестиций. Чиновники превратились в одну из главных движущих сил роста. Эти тенденции привели к складыванию союза политической и экономической элит, к которому присоединяется и элита интеллектуальная. Понятно, что такая ситуация имеет не только светлую, но и темную сторону, порождая коррупцию, формируя групповые интересы, которые могут существенно противостоять интересам общенациональным и склонять реформаторский курс на свою сторону.

Пятой особенностью китайских реформ служит их **комплексность и взаимодополняемость**. Каждая реформа в этих рамках несет четко определенную функцию, но увязана с комплексом проблем, которые решаются другими реформами, зависит от них и, в свою очередь, создает предпосылки для их успешной реализации. Нередко стремление осуществлять разные преобразования во взаимной увязке ведет к затягиванию их окончательного завершения на немалый срок, подчас на десятилетия, но это не побуждает реформаторов отказываться от указанного принципа.

Характерным примером в данном отношении может служить реформирование государственных предприятий. В отличие от

России, где такие предприятия были одним махом приватизированы, в Китае этот процесс занял многие годы. Чтобы повысить рентабельность и конкурентоспособность госпредприятий, их нужно было не только переоснастить и реструктурировать, но также и освободить от ряда тяжелых социальных функций и, самое сложное, от огромной массы избыточной рабочей силы. Но людей нельзя было просто выбросить на улицу, многократно повышая тем самым опасность социального взрыва. Поэтому была изобретена сложная система, в рамках которой уволенные работники не считались безработными, сохраняя в течение определенного времени связь со своим предприятием и получая от него небольшое пособие. Тем самым официально регистрируемый уровень безработицы в стране сохранялся на социально терпимом уровне, а лишённые работы люди получали возможность обрести новую профессию на специально создаваемых курсах. Но главное все же состояло не в этом. Пока шла реформа госпредприятий, государство создавало институты, необходимые для появления и развития негосударственного сектора экономики. Постепенно ослаблялись административные, идеологические, социально-психологические и экономические препятствия на его пути, создавалась законодательная база, защищающая частную собственность. В результате именно частный сектор стал тем резервуаром, который смог поглотить огромную армию избыточных работников из сектора государственной экономики. Когда же масштабы самого государственного сектора были сокращены до необходимого минимума, когда он стал более прозрачным, снизил убыточность и даже стал приносить прибыль, его открыли, в большей части, для акционирования, для инвестиций из окрепшего частного сектора и иностранного капитала.

С вышеназванной чертой тесно связана и *шестая* особенность китайских реформ — их сугубая *осмотрительность, поступательность и непрерывность*. Эта особенность нашла образную характеристику в другом высказывании Дэн Сяопина — «переходить реку, нащупывая ногой камни».

Китай выстраивает череду преобразований таким образом, чтобы происходил последовательный переход от относительно простых реформ к более сложным. Как известно, реформы начались со сравнительно несложного, «внесистемного» введения подворного подряда в деревне и лишь спустя несколько лет перешли к гораздо более трудному системному реформированию экономики города. Такой подход обеспечивает накопление и

продуктивное использование опыта, сокращение возможных ошибок, поддержание высокой экономической динамики в сочетании с социально-политической стабильностью.

Многие реформы сперва отрабатываются на сравнительно небольшой территории в одном или нескольких районах страны и лишь впоследствии осуществляются во всекитайском масштабе. Документы о ряде важнейших институциональных преобразований готовятся годами, а иногда и десятилетиями, вводятся в действие первоначально часто в виде проектов, которые затем дополняются и исправляются. Имеющий первостепенное значение для рыночной экономики закон о вещном праве был принят после 13 лет многократных обсуждений различных проектов.

Из предыдущего тезиса вытекает следующий, *седьмой*. Он состоит в стремлении использовать, особенно для стартового разгона экономического роста, *промежуточные модели*, далеко не безупречные в социальном и некоторых других отношениях. Такие модели обычно опираются на имеющиеся в наличии *сравнительные преимущества страны*. Будучи далеки от идеала и даже заведомо страдая сущностными недостатками, которые непременно проявят себя в более или менее будущем, они, тем не менее, позволяют решать насущные задачи этапа и удовлетворяют его конкретным историческим условиям. На начальной стадии реформ такими сравнительными преимуществами считались дешевая рабочая сила и дешевые или бесплатные природные ресурсы. Не придавалось слишком большого значения тому, что в реальности это оборачивалось беспощадной эксплуатацией и тех и других, а в ряде случаев — и невозполнимыми утратами. Главное было — создать фундамент, на котором впоследствии можно было бы воздвигнуть более прогрессивную и щадящую и людей, и природу модель.

Промежуточная, так называемая двухколейная модель была использована при реформировании системы цен. Эта модель разрешала сосуществование двух видов цен на одни и те же средства производства: плановых и рыночных. Предполагалось, что тем самым будет смягчен переход от планово-распределительной экономики к экономике рыночной. Трудно подсчитать, какие несметные богатства обрели коррумпированные чиновники благодаря этой системе, но определенную демпфирующую роль она все же сыграла. Такой подход, кстати говоря, характерен не только для экономической политики. Сегодня очевидно, что курс на ограничение рождаемости, принятый еще в 1970-х годах, чреват

в обозримой перспективе преждевременным старением общества, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, и дисбалансом полов. Однако на несколько десятилетий он облегчил финансовую нагрузку на государственную казну, на общество и семью и позволил населению реально ощутить повышение уровня жизни.

Восьмое фундаментальное отличие китайских реформ заключается в тесном *сочетании рыночных преобразований с наращиванием внешней открытости*. Параллельно с созданием внутреннего рынка в Китае с самого начала реформистского курса экспоненциально увеличивалось присутствие на этом рынке иностранного капитала, а затем началась и экспансия китайского капитала на мировых рынках.

И здесь Китай также сумел использовать свое важное сравнительное преимущество: наличие в мире значительной и небедной китайской диаспоры, исторически и культурно тесно связанной с родиной: в Гонконге, на Тайване, в Юго-Восточной Азии, США. Именно она проложила путь мощному притоку зарубежных инвестиций вместе с современными технологиями и менеджерским опытом. Именно для нее, в первую очередь, Пекин создавал с помощью различных льгот и привилегий чрезвычайно благоприятный инвестиционный климат, поначалу намного более выгодный для иностранцев, чем для отечественного капитала. Все это было вознаграждено сторицей, когда после вступления в ВТО Китай получил возможность заполнить прилавки многих стран мира дешевыми и качественными товарами, произведенными на тысячах предприятий с иностранным капиталом.

Широкая открытость внешнему миру несет с собой и ряд неудобств — как в экономике, так и в других сферах. Прежде всего, она усугубляет отрыв приморских районов, которые получают наибольшую выгоду благодаря стремительному расширению внешнеторговых и инвестиционных связей с внешним миром, от районов внутренних, которые такой выгоды лишены. Далее, усиливается зависимость национальной экономики от мировой конъюнктуры, обостряются конфликты между иностранным и отечественным капиталом. Наконец, возрастает иностранное влияние на внутреннюю политику, особенно в приморских регионах, на идеологию и культуру. С течением времени в стране формируется достаточно мощное лобби, служащее проводником этого влияния. Однако все эти неприятности пока терпят ради приближения к главным целям.

Наконец, *последнее, девятое* по счету, но далеко не по важности место в нашем заведомо неполном перечне особенностей китайского комплекса реформ занимает *способность реформаторов видеть негативные последствия реформ, учиться на своих ошибках, исправлять их и преодолевать частичные кризисы*.

Это свойство особенно необходимо, поскольку, вопреки всем перечисленным преимуществам китайского реформаторства, не все реформы оказываются одинаково удачными. Иногда негативный эффект преобладает над позитивным. К неблагоприятному исходу привела, например, попытка обвальная реформы цен в 1988 г., когда стремление ускорить переход к рыночному ценообразованию вызвало опустошение прилавков и инфляцию. Много серьезных проблем возникает при реформировании столь важных для общества сфер, как образование и здравоохранение.

Сегодня китайская экономика и китайское общество выходят на новый виток развития. Идут поиски новой парадигмы и новых стимуляторов роста. Постепенно уходит в прошлое дешевизна и незащищенность рабочей силы и природных ресурсов. Все большее значение приобретают инновации, вложения в человеческий капитал, технический прогресс. На приоритетное место наряду с экономическим ростом выдвигается решение социальных проблем. В повестку дня включается проведение новых, все более сложных институциональных преобразований, охватывающих не только экономику, но и политическую сферу. В этих условиях мировоззренческие и методологические аспекты реформирования Китая не только сохраняют, но и многократно усиливают свое значение. А соответственно еще более возрастает и интерес, который они могут представлять для России.

Примечания

¹ Kane T. The coming Chinese slowdown: resolving the paradox of freedom and growth. www.heritage.org/research/tradeandforeignaid/wm1375.sfm

² Сытигэлицы: Чжунго цзинцзи гайгэ вэй цайюн «сикэ ляофа» ши минчжи [Стиглиц: отказ от использования «шоковой терапии» при реформировании экономики в Китае был разумен] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 21 марта.

³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

8.2. Российско-китайское стратегическое партнерство

Понятие «стратегическое партнерство», которым обозначают сегодня межгосударственные отношения, перекочевало в политику из бизнеса. Здесь оно имеет, хотя и не вполне однозначное, но, тем не менее, достаточно определенное толкование. Как правило, при этом подразумевается, что два коммерческих предприятия, заинтересованных в использовании ресурсов друг друга в общих целях и связанных деловыми контрактами, не стремятся, однако, к юридической формализации более тесных отношений, например, к образованию общего специализированного агентства или установлению между собой аффилированных связей. Очень часто при таком партнерстве относительно более слабая компания сотрудничает с более крупной и мощной. Таким образом, для стратегического партнерства в бизнесе главным является наличие общих устремлений, определяющих совместные акции в той или иной области их деятельности, что, однако, не ведет к более тесной унии, требующей иных институциональных решений.

Трудно утверждать, что при обозначении политиками межгосударственных отношений с использованием заимствованных понятий всегда достаточно адекватно учитывается их исходный смысл. Будем все же исходить из того, что в нашем случае это имело место, поскольку иных, принципиально отличных толкований российско-китайского стратегического партнерства не предлагается. А это означает, что основу для сотрудничества России и Китая образует схожесть базовых национальных интересов, что, однако, не означает их полного тождества и не исключает их несовпадения и даже расхождения в некоторых областях.

Близость базовых национальных интересов России и Китая определяется тем, что перед партнерами стоят две главные схожие и взаимосвязанные задачи. В-первых, это — всестороннее развитие, во-вторых — поступательное увеличение открытости внешнему миру, все большее включение в глобализацию при непременном сохранении и приумножении своей национальной культурной и цивилизационной идентичности. Для достижения этих главных целей обеим странам нужны благоприятный международный климат, стабильная и спокойная обстановка в мире. Обе страны намерены поднять благосостояние своих народов до высоких международных стандартов, используя и приумножая

для достижения этих целей свои сравнительные преимущества, как внутренние, так и внешние. Обе страны готовы достойно отвечать на вызовы времени и одновременно противостоять угрозам своему суверенитету, стабильности и целостности.

В самом общем плане сфера российского стратегического партнерства в означенном выше понимании может быть представлена как прямоугольная таблица матричного типа, где горизонтальные ряды образуют уровни партнерства (глобальный, региональный, двусторонний, включая подуровни: общегосударственный, региональный, приграничный), а вертикальные столбцы — области национальных интересов (безопасность, экономика, энергетика, наука и техника, культура, образование и т. п.). Поскольку и Китай, и Россия — это крупные глобальные и региональные державы, постольку в такой таблице практически не может быть пустых клеток. Их наполнение факторами схождения или расхождения взаимосвязано. Иными словами, на всех уровнях и во всех областях национальных интересов как России, так и Китаю необходимы взаимная кооперация и взаимная поддержка, хотя не исключены и некоторые противоречия.

Если начать с *глобального уровня*, то обе страны заинтересованы в упрочении и совершенствовании мировых порядков в сферах безопасности, экономики, энергетики. Они стремятся к демократизации системы международных отношений, к сохранению и укреплению правовых начал, к недопущению несогласованных и произвольных акций в подходах к урегулированию конфликтных ситуаций. Для них равно неприемлемы идеологизация международных отношений, попытка насильственного «экспорта демократии», навязывание чуждых политических, культурных и цивилизационных ценностей, практика «двойных стандартов». Россия и Китай стремятся к формированию многополярного мира как альтернативы гегемонизму. Общей задачей внешней политики РФ и КНР является опровержение навязываемых глобальному сообществу представлений о потенциальной угрозе миру, связанной якобы с возрастанием их национальной мощи. Особенно это касается Китая. Поэтому сотрудничество между Россией и Китаем становится во многих случаях важным фактором стабильности международной обстановки.

Практически все известные прогнозы авторитетных международных институтов включают Россию и Китай на длительную перспективу в число мировых лидеров экономического роста. Их растущий экономический потенциал и законные притязания на

адекватную роль в мироустройстве встречают противодействие со стороны тех политических элит, которые хотели бы по-прежнему удерживать абсолютное доминирование в глобальной политике и экономике, прежде всего со стороны США. Такое противодействие, судя по всему, будет возрастать по мере неуклонного изменения стратегического баланса сил. Это обстоятельство объективно также предопределяет необходимость дальнейшего укрепления партнерства между Москвой и Пекином.

Все это не означает полного отсутствия на данном уровне элементов неодинакового подхода к важнейшим глобальным проблемам современности. В их числе можно упомянуть, например, разное отношение двух стран к подписанию и выполнению Киотского протокола. Разнится подчас и оценка общезначимости тех или иных угроз, нацеленных по преимуществу или по видимости против одной из сторон.

Сказывается и разность внешнеполитических потенциалов. Китай выстраивает стратегическое партнерство не только с Россией, но также с США, Европейским союзом, странами АСЕАН, Индией, Африкой. Такую возможность предоставляет ему, с одной стороны, быстро растущая и диверсифицирующаяся экономика, а с другой — активное включение в процессы глобализации и регионализации. Китаю удалось намного раньше России вступить в ВТО, более плотно сотрудничать со многими другими международными экономическими институтами.

Китаю удастся использовать для формирования партнерских отношений с другими странами не только свои сравнительные преимущества, но даже и свои недостатки. Так, энергетическая стратегия Китая в условиях колебания цен на нефть направлена на то, чтобы объединить свои усилия с рядом развитых государств (включая США), чтобы найти решение проблем энергосбережения. У России же таких возможностей значительно меньше.

Что касается **регионального уровня**, то существуют, по меньшей мере, несколько крупных регионов, где российско-китайское сотрудничество достаточно успешно развивается, если не по всем, то по многим важным азимутам национальных интересов, либо же имеет хорошие шансы на такое развитие. Это, во-первых, Центральная Азия, где сотрудничество уже обрело структурно-организационные формы, и, во-вторых, Северо-Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия, где таких форм пока еще нет.

В Центральной Азии российско-китайское партнерство с самого начала заложило фундамент Шанхайской организации со-

трудничества и превратилось в залог ее успешного функционирования. Именно это партнерство позволило ШОС стать весьма влиятельным в регионе и мире объединением, членами которого, наряду с основателями, стремятся стать и другие соседние государства.

По мере своего развития ШОС значительно расширяла сферу своей активности. Изначально ее первостепенной целью было обеспечение национальной и региональной безопасности. И именно на этом направлении были достигнуты решающие успехи, создана атмосфера взаимного доверия, позволявшая решать самые сложные вопросы. Был положен конец унаследованному от эпохи холодной войны военному противостоянию и устранена напряженность на всем протяжении бывшей советско-китайской границы. Затем внимание ШОС при полном взаимном согласии сконцентрировалось на противодействии сепаратизму, экстремизму и терроризму, угрожающим политической и социальной стабильности в Западном Китае и Центральной Азии.

Конструктивное сотрудничество в области безопасности создало предпосылки для включения в его рамки также вопросов внешней политики, экономики, охраны окружающей среды, культуры. На юбилейном по случаю пятилетия ШОС саммите глав государств была принята Декларация, в которой отмечено, что в ШОС «сформулированы долгосрочные планы и ориентиры регионального экономического сотрудничества, определены цели, приоритетные направления и первоочередные задачи такого сотрудничества, созданы Деловой совет и Межбанковское объединение».

Вместе с тем нельзя не заметить, что расширение сферы кооперации не обошлось и без случаев несовпадения интересов, элементов конкуренции и соперничества между главными партнерами в отношениях с другими членами ШОС, в частности, в области экономики и энергетики. Достаточно острые вопросы возникают в сфере природопользования, особенно — водопользования. В той или иной мере аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах, где сотрудничество между Россией и Китаем объективно может быть плодотворным и полезным как для них, так и для других государств.

Основой партнерства между Китаем и Россией на *двустороннем уровне* служат большая степень схождения среднесрочных и долгосрочных целей, взаимодополняемость и высокая динамика экономик. Более того, обнаруживается также определенное

сближение ориентиров и моделей экономического развития. Обращает на себя внимание совпадение временных параметров для реализации первоочередных задач. И для Китая, и для России — это 2020 г. В Китае к этому сроку должно быть построено «общество средней зажиточности» — «сяокан», и, согласно уточненному XVII съездом КПК заданию, объем ВВП в расчете на душу населения должен возрасти в четыре раза. В России ставится не менее, а, возможно, и еще более амбициозная задача — увеличить в те же четыре раза производительность труда. Иными словами, налицо не только явная перекличка ориентаций, но и, не исключено, неявное их соревнование.

При исходно весьма значительных отличиях основных параметров действующей и перспективной модели экономического развития Китая от российской модели можно обнаружить и их некоторое сближение. Так, в Китае государственное вмешательство в экономику сокращается последовательно и поступательно, по мере постепенного расширения функций рынка. В России же государство, первоначально резко отступившее из экономики, за последнее время стало понемногу в нее возвращаться.

Плюсы и, особенно, минусы первоначальной китайской модели, выражающиеся в опоре на дешевый малоквалифицированный труд, высокой затрате ресурсов и загрязнении окружающей среды, во многом связаны с тем, что экономика КНР еще не прошла до конца стадию индустриализации. Сегодня этот процесс входит в завершающую фазу, и Китай вступает в постиндустриальное развитие, где он может смягчить негативные эффекты и умножить позитивные. Россия особо трудную для себя стадию индустриализации прошла еще в 1930-е годы. Таким образом, у обеих стран, находящихся сегодня примерно на одинаковых цивилизационных ступенях развития, появляется больше объективных возможностей для взаимодействия.

Советский Союз, опиравшийся на традиционно мощную базу фундаментальной науки и качественную систему образования, никогда не прибегал к поощрению иностранных инвестиций как средства для получения современных технологий. Конечно, зарубежные достижения использовались, в том числе и добытые не всегда легальными способами. Но в основном опирались на собственные инновации. После краха СССР национальная инновационная система в России потерпела огромный урон, но это не значит, что она не восстановима, и хорошо известны шаги, которые предпринимаются в этом направлении. Китай, убедившись в

том, что, полагаясь преимущественно на иностранные инвестиции, нельзя решить проблему научно-технического отставания от Запада, также взял курс на создание собственной инновационной системы. Таким образом, и в этом отношении устремления обеих стран совпадают, что также благоприятствует сотрудничеству, хотя и не исключает соревновательность.

Перед обеими странами стоит задача повышения благосостояния основной массы своего населения, сокращения неоправданно больших материальных разрывов между территориями, социальными группами, индивидами. Обе страны стоят перед необходимостью формирования среднего класса, который охватывал бы большинство населения. Сближение социальной структуры России и Китая также может способствовать укреплению их взаимопонимания и партнерства.

У России и Китая — разный ресурсный потенциал. Это обстоятельство, однако, не означает, что проблемы ресурсо- и энергосбережения, охраны окружающей среды для России менее актуальны, чем для Китая. Это также обеспечивает еще один важный сегмент для взаимного приложения сил.

Наряду с обстоятельствами, благоприятствующими российско-китайскому стратегическому партнерству, есть также настоящие моменты преткновения, потенциально способные его осложнить. Такие факторы существуют как со стороны Китая, так и со стороны России.

Что касается Китая, то, если исключить гипотетическую опасность, возможных, хотя и маловероятных резких изменений внешнеполитического курса Пекина, то главный ущерб благоприятной тенденции развития двусторонних отношений могло бы причинить долговременное затягивание процесса перестройки модели развития.

Возможные риски здесь видятся в двух отношениях: со стороны социальной и со стороны экологической. Нынешняя экстенсивная модель экономического роста долгое время реализовалась за счет недопотребления значительной частью общества социальных благ. Она увеличивает имущественное неравенство, порождает массовое недовольство крестьян, лишающихся земли, обостряет проблему занятости. Социальная нестабильность в случае внезапного ухудшения экономической ситуации в мире и в стране может обернуться непредвидимыми негативными последствиями и для политической стабильности. И то, и другое способно вызвать вспышку внешней агрессии или даже экспансии, в том

числе и направленной против России. Что касается экологии, то урон, наносимый экстенсивным экономическим ростом окружающей среде, уже сейчас не ограничивается национальной территорией и акваторией Китая, не говоря уже об атмосфере. В дальнейшем, если эта тенденция не изменится, она может стать серьезным поводом для недовольства приграничного российского населения и обострить китайско-российские отношения.

Гипотетически поводы для сомнений в неизбежности перспективного партнерства с Китаем может дать состояние и характер развития экономики в России. Рассмотрим их более подробно.

1. *Разность экономических потенциалов.* Вряд ли приходится сомневаться в том, что реально равноправное стратегическое партнерство в политике все-таки требует некоторой соизмеримости экономических потенциалов. Если их разность достигает некоторой критической величины, то взаимоотношения должны приобретать иной характер: либо нужна интеграция более высокого уровня, либо же младший партнер становится придатком старшего или прямо поглощается им. До последнего времени разрыв в экономической мощи Китая и России неуклонно возрастал, поскольку среднегодовые темпы увеличения китайского ВВП были в полтора раза выше российских. Кризис еще больше увеличивает этот разрыв, причем есть все основания полагать, что Китай выйдет из кризиса раньше России. Если период кризиса будет использован Пекином для перестройки экономической модели и если после кризиса КНР ограничится динамикой роста в 7—8 %, а Россия сумеет вернуться к докризисным темпам роста, то нынешняя разность потенциалов не претерпит серьезных изменений. Если же в Китае будет снова нарастать перегрев экономики, а Россия не сумеет реформировать свою экономику, то разрыв будет существенно возрастать, что в некоторой не очень дальней (хотя и не слишком близкой) перспективе способно отрицательно повлиять на сочетание интересов стратегических партнеров.

Эта проблема имеет не только количественное, но и, возможно, еще более важное качественное измерение. Даже если по объему ВВП Россия не будет катастрофически отставать от Китая, то это не снимает вопроса о структуре ВВП. Уже сегодня китайская экономика значительно более диверсифицирована, чем российская, что придает ей значительно большую устойчивость и мобильность перед лицом нынешних и возможных новых кризисов и потрясений.

Если взглянуть на структуру российской и китайской экономик в некоторой перспективе, то картина становится еще более контрастной. Нынешний курс китайского руководства на развитие социальной сферы, на формирование среднего класса, на расширение внутреннего потребления, внутреннего рынка еще более будет способствовать самодостаточности и устойчивости китайской экономики. А установка на ресурсосбережение, на перестройку экономической структуры в пользу сферы услуг и тех отраслей промышленности, которые потребляют меньше сырья и энергии, дополнительно сократит внешнюю зависимость китайской экономики. У России же возможностей для маневра существенно меньше. Однобокий сырьевой экспорт и необъятный по номенклатуре импорт делают на долгое время российскую экономику, в известном смысле слова, заложницей внешнего рынка, в том числе и китайского.

Пагубность такой тенденции для двусторонних отношений стала очевидной еще до кризиса. Она проявилась, например, в том, что рост объема российско-китайского внешнеторгового оборота приносил все больше выгод Китаю. Положительное для России сальдо внешней торговли сменилось отрицательным. Китай в возрастающих объемах экспортировал в Россию разнообразную машино-техническую продукцию, включая высокотехнологичную, при сокращающейся, благодаря диверсификации источников поступления, потребности в российской нефти. Значительно снизилась у Китая и нужда в российском вооружении, еще недавно составлявшем видную статью российского экспорта. Кризис обернулся резким падением объема российско-китайской торговли. Взаимные же инвестиции России и Китая продолжают оставаться на очень низком уровне. Все это подтачивает экономическую заинтересованность партнеров друг в друге.

2. *Разность демографических потенциалов.* Здесь речь идет не столько об очень больших различиях в общей численности населения России и Китая (хотя и это тоже имеет свое немалое значение), сколько о двух не менее важных аспектах его структуры: возрастном и территориальном. И первый, и второй вслед за экономикой и вместе с ней еще более склоняют баланс преимуществ российско-китайского стратегического партнерства в сторону Китая.

Возрастная структура населения на ближайшие 15—20 лет обеспечивает КНР «окно демографических дивидендов», или «демографический бонус». Открытие «окна демографических ди-

видендов» подразумевает, прежде всего, что численность рабочей силы увеличивается, что возраст ее достаточно молод, а стоимость невысока. Все это при наличии высокой занятости может обеспечивать быстрое увеличение общественного богатства. Сравнительно молодая структура рабочей силы благоприятствует высокой доле накопления, что при развитых рынках капитала способствует его превращению в инвестиции и тем самым ускоряет экономический рост. Наконец, поскольку пик старения населения еще далеко не наступил, постольку бремя социального обеспечения невелико, что также повышает темпы накопления общественного богатства. В более отдаленной перспективе «окно», конечно, захлопнется. Китайское население начнет довольно быстро стареть. Но пока «окно» открыто, Китай сумеет существенно продвинуться вперед.

У России же «демографического бонуса» нет. Более того, еще недавно говорили об угрозе прогрессирующей депопуляции. В самое последнее время появились некоторые надежды на замедление или приостановку тенденций к падению рождаемости и, особенно, росту смертности. Однако прогнозы на среднесрочную и долгосрочную перспективу пока неопределенны и противоречивы. Во всяком случае, старение населения в России произойдет значительно раньше, чем в Китае, а с ним обострится и дефицит рабочей силы. Отсюда следует, что для России в еще большей мере, чем для Китая, важно повышение производительности труда.

Что касается территориального аспекта, то здесь особенно чувствительна проблема оттока населения с российского Дальнего Востока. Эта проблема, кардинальных путей решения которой пока не просматривается, может негативно воздействовать на российско-китайское стратегическое партнерство не только в экономическом плане, еще более усиливая разность региональных потенциалов, но и в плане психологическом, нагнетая опасения относительно возможности России удерживать за собой обширные и богатейшие, но малонаселенные и плохо используемые территории Дальнего Востока и Сибири.

3. *Разность внутриполитических и идеологических потенциалов.* Мобилизационные возможности существующего в Китае политического строя позволяют ему говорить с Россией одним голосом и проводить единую линию практически на всех уровнях и на всех направлениях взаимодействия. У России же таких возможностей значительно меньше. Наличие разнонаправлен-

ных и подчас конфликтующих между собой интересов российской политической, интеллектуальной и деловой элиты, не скрепленной общим пониманием базовых интересов страны, ставит Россию в невыгодное положение, которое еще более усугубляется по мере возрастания значимости первых двух факторов.

И все же, несмотря на наличие ряда ограничителей, российско-китайское стратегическое партнерство на всех уровнях и во многих областях национальных интересов имеет достаточный простор и стимулы для развития. Поэтому речь нужно вести не о том, чтобы игнорировать препятствия или недооценивать их негативное значение, а о том, чтобы, с одной стороны, умерять их влияние, а с другой — укреплять и множить факторы, оказывающие позитивное, можно даже сказать, компенсирующее воздействие. Необходимо исходить из охарактеризованного выше комплексного, разноуровневого и многообразного характера нашего партнерства. Из такой констатации следует тот вывод, что даже если по какому-то одному или даже нескольким направлениям, пусть и достаточно важным, факторы расхождения в силу тех или других причин начинают преобладать над факторами единения, это может быть многократно компенсировано успехами по иным направлениям.

Послесловие

Глобальный финансово-экономический кризис обозначил наступление нового этапа в развертывании экономической стратегии Китая. Сущность этого этапа не только в меняющемся соотношении внешних и внутренних факторов развития, не только в насущно необходимой смене парадигмы экономического роста, но, прежде всего, в трансформации баланса власти и рынка, власти и капитала.

Предшествующий анализ был призван показать, как складывался этот баланс до сего времени. Сложнее обстоит дело с будущим. Главная проблема состоит в том, что оба компонента данного симбиоза склонны к безграничной экспансии — как за счет контрагента, так и за счет социума, особенно — при недостаточной действенности сдержек и противовесов. Об этом свидетельствуют, например, ущербность реформирования публичной сферы из-за преобладания рыночной стихии, с одной стороны, и всевластие ряда административных монополий (отраслевого или регионального характера) ввиду отсутствия рыночной конкуренции — с другой.

Слишком тесное сближение власти и капитала ведет к коррупции, смыканию политической и деловой элит. Объединенная элита все глуше слышит голос общества, растут социальные разрывы. Остановить и, тем более, повернуть вспять эти пагубные тенденции можно лишь с помощью все более далеко идущих реформ, не только экономических, но не в меньшей мере также социальных и политических. Необходимо действенное сотрудничество власти не только с рынком и капиталом, но в возрастающей степени — с гражданским обществом. Для этого нужно создавать новые институты или (и) коренным образом реконструировать прежние.

Новый этап — это еще и иное распределение мировой экономической и геополитической мощи в глобальном и региональ-

ном измерении. Самые смелые предположения на этот счет, о которых мы упоминали в начале этой работы, сбываются с не представимой ранее быстротой. Китай обретает все большее влияние на важнейшие процессы, определяющие судьбы человечества. В связи с этим еще более значимыми становятся вопросы о том, каким видит себя Китай в будущем мире и как он собирается выстраивать отношения с другими странами, народами, цивилизациями? Дать однозначные ответы на эти вопросы с полной определенностью, разумеется, невозможно. Тем не менее, представляется полезным наметить возможный подход к поиску ответа на них.

Согласно сегодняшним геополитическим представлениям Пекина, главным стержнем глобального переустройства служит движение от однополярности мира, установившейся вследствие поражения в холодной войне и последующего развала Советского Союза, к многополярности. Основную роль в этом процессе играют «крупные государства» (*da go*), которые стремятся стать новыми глобальными или, по меньшей мере, региональными полюсами. К их числу Китай причисляет, в первую очередь, самого себя, а также иные набирающие силу страны.

Опираясь на экономический рост, на научно-технический прогресс, на укрепление военного потенциала, они опережающими темпами умножают свою совокупную национальную мощь (*цзунхэ голи*). В не очень отдаленной перспективе в ряде случаев она может стать соизмеримой с мощью нынешних мировых лидеров, включая США, единственную пока сверхдержаву, создавая тем самым необходимую сбалансированность миропорядка.

Статус крупного государства определяют не только размеры территории, населения, экономического, научно-технического, военного потенциала. Он должен постоянно подкрепляться важными свершениями мирового значения в самых различных сферах общественной жизни, такими, например, как проведение в 2008 г. Олимпийских игр в Пекине и блистательное выступление на них китайских спортсменов.

Отношения между крупными государствами и каждого из них со сверхдержавой формируют каркас глобального расклада сил и определяют тенденции мирового развития. Усиливается конкуренция за доступ к рынкам, природным и иным ресурсам. Противостоящие интересы тех или иных крупных стран иногда порождают местные или региональные конфликты в различных частях земного шара.

Но одновременно с конкуренцией, с укреплением национального суверенитета поддерживается динамическая межгосударственная стабильность. Сильные и слабые позиции разных стран взаимно уравниваются. Углубляется взаимозависимость, взаимодополняемость крупных государств, их стремление обеспечить свою безопасность и оптимальные условия для развития, что способно вести также к координации их деятельности по тем или иным направлениям. Главной предпосылкой такой координации считается согласование, прежде всего, экономических интересов и интересов безопасности.

Доминирующее положение США сохраняется, но использование сверхдержавой своей реальной мощи, лимитированное многими ограничениями, относительно сокращается. Об этом, например, свидетельствует неспособность США добиться решающей военной победы в Ираке и Афганистане, слабость в противостоянии финансово-экономическому кризису.

Ситуация, которую в Китае называют *«и чао до цян»* — *«одна сверхдержава, много держав»*, может довольно долго сохранять свой относительный баланс, хотя каждая из крупных держав будет преследовать свои цели, если соперничество будет оставаться в пределах рациональной конкуренции. Соответственно одну из своих главных задач Пекин видит в выстраивании многообразных связей с каждой из крупных стран и с объединениями: с Россией, ЕЭС, Японией, Индией и, естественно, с США. Эти связи определяются по-разному: как «стратегическое», «конструктивное», «всестороннее» или «дружеское» партнерство либо диалог. Но они не переходят, однако, ни в одном случае в ранг союза, не должны вести к формированию блоков, которые считаются принадлежностью ушедшей в прошлое эпохи «холодной войны». Двусторонняя кооперация не может быть направлена против третьей стороны. При этом сотрудничество рядоположно конкуренции, наличие противоречий не исключает уступки. Партнерство разных уровней, с точки зрения Пекина, закладывает фундамент нового миропорядка и создает предпосылки для перехода к «гармоничному миру».

Такой подход к межгосударственным отношениям во многом напоминает китайскую манеру ведения бизнеса. Китайский коммерсант, как правило, стремится избежать прямого и нередко взаимно деструктивного столкновения с конкурентом. В отличие от своего западного коллеги, он опирается не столько на силовое давление, сколько на тонко просчитанную стратегию, нацеленную не на уничтожение или поглощение конкурента, а

на то, чтобы находить точки соприкосновения и сферы для взаимодействия, что способно принести обоюдную выгоду.

Китайское понятие «*да го*» с некоторым допущением можно переводить не только как «*крупное государство*», но и как «*держжава*». Особенно если перед ним стоит определение «*шиицзе*», т. е. «*мировая*». Англоязычные политологи и журналисты без колебаний пользуются в таком случае понятием «*great power*» — «*великая держжава*».

Мировой державой в Китае обычно считают государство, интересы которого имеют глобальные масштабы и которое поэтому занимает ведущие позиции в мировом порядке. К этим двум достаточно распространенным характеристикам некоторые китайские эксперты добавляют еще одну: способность играть важнейшую роль в разрешении глобальных конфликтов и в сохранении и трансформации существующего миропорядка. Оценивая Китай с точки зрения наличия всех трех указанных признаков, эти эксперты согласны считать его державой, но отказывают ему в праве называться державой мировой, хотя по этому поводу мнения сильно расходятся.

Активному включению Китая в международную жизнь способствуют, прежде всего, его экономические достижения. В 2008 г. вклад Китая в мировое развитие впервые превысил американский.

В последние годы страны Запада, признавая растущий вес Китая в мировой экономике и политике, стремятся привлечь его к решению сложных международных проблем — от сопротивления терроризму и нераспространения ядерного оружия до противодействия потеплению климата. Некоторые западные эксперты идут еще дальше, утверждая, что начался переход от миропорядка, возглавляемого Америкой (*Pax Americana*), к миропорядку под руководством Китая (*Pax Sinica*).

На Западе становится все более модным прилагать к Китаю статус «*сверхдержавы*», выдвигая его на один уровень с США. Правда, при этом нередко добавляют, что статус этот весьма хрупкий. Хрупкость великодержавного статуса Китая связывается, прежде всего, с внутренними факторами: социальным неравенством, коррупцией, безработицей, ухудшением среды обитания, старением населения, словом, со всем тем, что способно порождать социальную и политическую нестабильность.

Китайское руководство вполне отдает себе отчет в опасности этих факторов, и, возможно, поэтому никогда не именуют свою страну сверхдержавой, пусть даже хрупкой. В Пекине не забыва-

ют и о нередкой в истории недолговечности высоких темпов экономического роста. Они вполне способны замедлиться или даже смениться стагнацией. Наглядный пример тому — Япония. Эта страна, однако, до того, как наступил застой и усилилось старение общества, успела создать материальный фундамент национального благосостояния и надежную систему социальной поддержки. Китай спешит сделать то же самое. Особенно ввиду того, что постепенно исчезают факторы, обеспечивавшие быстрый рост и мощный приток иностранного капитала: дешевый труд и низкая земельная рента.

Пока дело обстоит таким образом, Китай продолжает считать себя развивающейся страной, для чего, действительно, есть веские основания. Несмотря на все свои несомненные достижения, КНР не входит даже в первую сотню стран по важнейшему экономическому показателю — производству ВВП на душу населения. Лишь небольшой части населения страны доступен тот комфортный образ жизни, который стал достоянием подавляющего большинства людей в странах Запада. Выше уже говорилось о том, что существуют огромные разрывы в уровне благосостояния жителей города и деревни, приморских и внутренних территорий, верхних и нижних социальных страт. Многое предстоит сделать, чтобы гарантировать всем равный доступ к качественным образовательным и медицинским услугам. Поэтому Китай солидаризуется с другими развивающимися странами, выступает за всемерное укрепление их роли в мировой политике и экономике.

Не проводя формально различий между большими и малыми развивающимися странами, Пекин все же и в этом случае особенно подчеркивает значение и роль крупных стран, что, впрочем, вполне согласуется и с позицией развитых держав, которые от формата «семерки» или «восьмерки» все больше переходят к формату «двадцатки». Значение такого реформатирования для глобальной экономики и политики стало вырисовываться особенно рельефно на фоне мирового финансового кризиса, разразившегося в 2008 г.

К числу крупных развивающихся стран китайские эксперты, в первую очередь, относят, помимо своей страны, еще три государства из состава БРИК: Бразилию, Индию и Россию. Нередко к ним присоединяют также ряд других: ЮАР, Мексику, Аргентину, Индонезию, Южную Корею, Турцию.

Основным мотивом внутренних и внешних устремлений крупных развивающихся стран, по представлениям Пекина, служит тяга

к национальному возрождению. Под этим знаменем они развивают свою экономику, строят дипломатические отношения. Эта тенденция входит в конфликт с существующим миропорядком и вызывает противодействие его спонсоров. Соответственно возрастает солидарность крупных развивающихся стран в реализации своих стратегических интересов, укрепляется их взаимодействие, расширяются двусторонние и многосторонние контакты.

Крупные развивающиеся страны иницируют разные форумы для обсуждения насущных проблем современности, становятся центрами, стимулирующими создание широких региональных объединений, разностороннего сотрудничества, региональных общих рынков, зон свободной торговли. Из стран, находившихся на периферии системы международных отношений, они перемещаются в ее центр. Раскрывается потенциал национальных, незападных моделей развития.

Все эти процессы, с точки зрения Пекина, существенно укрепляют позиции данной группы стран в определении принципов функционирования глобальных систем, разрушают монополию нынешних лидеров, способствуют переходу от однополярного мира к многополярному, сохраняют цивилизационное многообразие планеты. При этом каждая из крупных развивающихся стран использует свои козыри для того, чтобы избежать прямого противостояния с США. В одних случаях это — географическое положение (Мексика, Бразилия), в других — наличие демократических институтов (Индия), в третьих — экономический потенциал и экономическая взаимозависимость (Китай).

Пекин не закрывает глаза на противоречия между крупными развивающимися странами. Некоторые из них усматривают дискриминацию в нынешнем порядке формирования состава Совета Безопасности ООН. Существуют серьезные различия между Китаем, Россией, Индией, Бразилией, Мексикой при определении иерархии таких ценностей мировой системы отношений, как свобода, демократия, права человека. Нередко возникают трения при реализации непосредственных интересов. Отсюда следует вывод, что для обретения подобающего места в формирующемся миропорядке крупным поднимающимся странам предстоит пройти еще сложный и долгий процесс взаимной притирки.

В Китае подчеркивают, что крупные развивающиеся страны несут ответственность за судьбы стран наименее развитых. Поэтому он стремится оказывать последним посильную поддержку, списывая их внешний долг, предоставляя беспроцентные креди-

ты и безвозмездную помощь, понижая тарифы на импорт товаров, способствуя подготовке кадров, строя школы и больницы.

Гуманитарный подход не только не исключает извлечения политических и коммерческих выгод, но, напротив, создает для него благоприятные предпосылки. Политика Пекина в отношении развивающихся стран мотивируется комплексом политических, экономических и социальных соображений. При этом расчет делается чаще всего не на сиюминутный эффект, а на достаточно длительную перспективу.

Так, долговременное и поступательное включение Китая в политику и экономику Африканского континента стало разворачиваться в то время, когда многим деятелям в западном мире это представлялось делом совершенно безнадежным. Китай тщательно и скрупулезно выстраивал свой курс, что со временем стало приносить свои плоды. Американская безвозмездная помощь странам Африки по объему в несколько раз превышает китайскую, но последняя значительно более эффективна.

Благодаря голосам многочисленных африканских государств в ООН Пекину многократно удавалось отбивать атаки Запада по проблеме прав человека в Китае. Да и само вступление КНР в эту организацию состоялось во многом благодаря этим голосам. Из 53 африканских государств у КНР нет дипломатических отношений лишь с 6.

Экстенсивный экономический рост Китая требует все больше ресурсов и все более широкого рынка для сбыта продукции. В свою очередь, развивающимся странам нужны капиталы, дешевые технологии, инфраструктура, оборудование, кадры. Это создает почву для успешного экономического сотрудничества и коммерции.

Экспансия китайского капитала быстро распространяется не только на близлежащие регионы Юго-Восточной Азии, но и на Африку, Ближний Восток, Латинскую Америку. Оборот внешней торговли Китая с этими регионами растет опережающими темпами. Китайские инвестиции вкладываются в разработку недр и обрабатывающую промышленность, в торговлю, транспорт, сельское хозяйство 49 африканских стран, умножая их бюджетные доходы и создавая новые рабочие места для местного населения. Китай стал вторым по значению внешнеторговым партнером этого материка. Африка превратилась в своего рода испытательный полигон для нарождающихся китайских транснациональных компаний.

Политические и экономические связи Китая с африканскими странами вызывают на Западе многочисленные нападки — справа и слева. Пекин обвиняют в неокOLONиализме, в поощрении диктаторских, коррумпированных режимов, в оснащении их современным вооружением, в поддержке межэтнических конфликтов и геноцида. Уличают в том, что демпинг дешевых китайских товаров подрывает местное производство, что создаваемые китайцами предприятия отвечают лишь очень низким экологическим требованиям и стандартам безопасности труда. Упрекают в том, что деятельность Пекина сводит на нет намерения стран Запада создать в Африке эффективные правительства и провести рыночные реформы. Китай отвечает на это не только напоминанием о том, что он всегда был деятельным сторонником национально-освободительного движения в Африке, но и активной демонстрацией успехов своей модели развития.

К какой бы категории стран ни причислял себя Китай: к социалистическим, крупным, развивающимся, — он неизменно подчеркивает в любом общем ряду свою уникальность. И это вполне понятно, поскольку речь здесь идет не только и не столько о об одном из субъектов некой совокупности стран, сколько об одной из мировых цивилизаций, которую нельзя подогнать ни под какой бы то ни было общий шаблон.

Понятие «китайской специфики», «китайских особенностей» (*чжунго тесэ*) распространяется на все, что составляет собственно цивилизацию, включая повседневную и духовную культуру, систему ценностей и уклад жизни. Она сказывается в выборе путей и средств модернизации страны, в институциональном строительстве, в идеологии и пропаганде. Особое значение для судеб страны, да, пожалуй, во многом — и для судеб всего мира имеет вопрос о соотношении специфически китайской национальной модели развития с глобализацией.

Китай сохранял свою уникальность на протяжении многих столетий в основном не только и не столько потому, что ограждал себя от внешних влияний, сколько потому, что умел инкорпорировать эти влияния в собственную культуру, переплавлять их таким образом, что они не подрывали, а обогащали ее.

Китайская национальная модель развития в качестве одного из важнейших своих компонентов включает открытость внешнему миру. Прежде всего, конечно, открытость экономическую. Но она неизбежно влечет за собой также открытость культурную и, волей-неволей, идейную и политическую. Пекин стремится от-

крывать страну дозированно и поступательно, как это происходит и с другим важным компонентом национальной модели — структурными рыночными реформами.

Открытость Китая внешнему миру используется в том числе и как инструмент для углубления рыночного курса в собственной стране, для адаптации ее к мировым нормам и стандартам, причем не только в экономике. Продвижение внутренних реформ, со своей стороны, открывает новые шансы и возможности не только для сближения Китая с остальным миром, но и для создания собственных каналов и инструментов воздействия на мир, для постепенной корректировки вектора самой глобализации, для активного участия Китая в выработке общих правил игры.

Глобализация китайской экономики в большей мере, чем других сфер общественной жизни, осуществляется постепенно, шаг за шагом — как в территориальном, так и в структурно-отраслевом разрезе. Но с 2001 г., когда Китай вступил в ВТО, началось существенное ее ускорение. Намного увеличился приток иностранного капитала. Вместе с иностранными инвестициями Китай перенимает новые технологии и современный менеджерский опыт.

Одновременно сильно выросла зависимость Китая от мирового рынка, от колебаний его конъюнктуры. Особые опасения это стало вызывать с появлением симптомов глобального кризиса. Соответственно усиливаются социальные и политические риски.

Возрастают трения в отношениях Китая с внешним миром, связанные с борьбой за рабочие места. В разных странах увеличивается противодействие нарастающему притоку дешевых китайских товаров, создающему трудности для местного национального производства. Конфликты осложняют не только экономические, но и политические отношения Китая как с развитыми, так и с развивающимися странами.

Экономическая глобализация способствовала появлению в китайском обществе новых профессий, новых социальных групп, тесно связанных с обновлением институтов, с современными технологиями. Они составляют ядро формирующегося в стране среднего класса и гражданского общества. Глобализация способствует массовому изучению миллионами китайцев иностранных языков, преимущественно — английского, в разных формах — в школах, вузах, на курсах, по телевидению. В обиход городской молодежи прочно вошли современные средства коммуникации.

Параллельно усваиваются и некоторые аспекты западного мировосприятия. Модернизируются и вестернизируются образ

и стиль жизни. Распространяются западные стереотипы. Западная массовая культура теснит культуру традиционную. Происходит дифференциация общественной мысли. Отпочковываются такие же идеологические течения, что и на Западе: либерализм и «новые левые», консерватизм и неоконсерватизм. Все это так или иначе увязывается с массивными социальными сдвигами: с переходом от аграрного общества к индустриальному, с урбанизацией, с кодификацией норм обычного права и морали.

Стремясь противостоять негативным, с точки зрения власти, тенденциям и одновременно не отказываясь от установки на модернизацию и глобализацию, Пекин делает упор на возрождение традиционных ценностей и традиционной культуры. Считается, что опора на конфуцианство может способствовать относительно плавному переходу от патриархального общества к обществу современному, не породив отторжения собственной национальной идентичности.

Одновременно Китай рассматривает свое духовное наследие как «мягкую силу», укрепляющую его влияние на мир и составляющую специфический китайский вклад в определение дальнейшего вектора глобализации. Глобализация Китая и «китаизация» мира воспринимаются как две взаимодействующие и взаимно обусловленные тенденции. Симптомы «китаизации» усматривают в растущем интересе людей в разных странах к некоторым аспектам китайской цивилизации: символам летоисчисления, организации окружающей среды по правилам геомантии «*фэн шуй*», кухне, боевым единоборствам.

Было бы, конечно, нелепо предполагать, что китайцы всерьез стремятся переделать на свой лад весь остальной мир. Но, они, несомненно, хотели бы как-то приостановить вал тотальной вестернизации, или, точнее, американизации. Создать для него какой-то противовес, хотя бы в пределах своего цивилизационного пространства. В конечном счете, это также способствовало бы возникновению многополярного мира.

На Давосском форуме осенью 2008 г. премьеру Госсовета КНР Вэнь Цзябао был задан вопрос о том, насколько Китай готов взять на себя миссию руководства миром, поскольку роль США в этом отношении существенно ослабла. Ответ был не вполне однозначным. Премьер сказал, что Китаю вдобавок к трем десятилетиям довольно быстрого и устойчивого развития экономики нужны еще два таких же десятилетия, что ему нужно избежать крупных циклических колебаний, что развитие должно

стать всесторонним, сбалансированным, длительным, что необходимо реагировать на изменения климата, сберегать ресурсы и охранять окружающую среду. Вместе с тем, добавил он, главное зависит от людей, от их мозгов и разума. Если китайские люди хотят повести за собой других, захотят догнать или выйти перед другими государствами, то нужны смелые инновации: в институциональной, научно-технической, предпринимательской, производственной областях. Без этого ничего не получится.

Несмотря на осторожный характер ответа, он вполне соответствует действительности. Несколько поколений китайских лидеров, начиная с Мао Цзэдуна, многократно заявляли, что Китай никогда не станет стремиться к мировой гегемонии. Этим заявлениям можно верить или не верить. Но фактом остается то, что ни сегодня, ни в обозримом будущем у Пекина просто нет достаточной материальной базы — финансово-экономической, научно-технической, военной — для того, чтобы оспаривать лидирующие позиции США в мире.

Нет у него и необходимой для такого предприятия достаточной «мягкой силы». Если США для укрепления своих позиций с большим или меньшим успехом используют лозунги свободы, демократии, прав человека, материализуя их в инструмент для устранения неугодных им режимов, то китайский инструментарий значительно более скромный. Вряд ли можно всерьез рассчитывать на вселенскую привлекательность институтов Конфуция, а что касается китайской модели развития, то сам Пекин слишком много и часто подчеркивал ее специфичность и национальную ограниченность.

Наконец, у Китая отсутствует такой важнейший ресурс, как непоколебимая убежденность в освященном идеологией праве и даже долге руководить миром. Сегодня она в высшей мере присуща США, а в прежние времена была свойственна и Советскому Союзу. Вместо воспитанной западной культурой уверенности в том, что всегда выживает и одерживает верх сильнейший, что правда — в силе, китайская философия проповедует идеалы согласия, гармонии, уступчивости, которые не воспитывают готовность к бескомпромиссному противоборству. Разумеется, рыночное соперничество ломает традиционные воззрения, но на это все-таки нужно время.

Китайско-американские отношения в прошлом выстраивались таким образом, что США почти всегда играли активную, наступательную роль, а Китаю приходилось защищаться или оп-

равдываться. Вашингтон нередко испытывал терпение Пекина, оказывая на него политическое и экономическое давление и нарушая его суверенные права. Китаю же приходилось это терпеливо сносить и уступать. Американцы поставляли оружие Тайваню и запрещали поставки высокотехнологичной продукции на континент не только из США, но и из третьих стран, поддерживали сепаратистов в Синьцзяне и Тибете, налагали запрет на покупку компаниями из КНР тех иных объектов в США, требовали повышения стоимости юаня по отношению к доллару. Пекин раз за разом стремился сгладить противоречия, не доводить дело до серьезных конфликтов.

Надо надеяться, что впредь США станут с большим вниманием относиться к суверенитету и национальным интересам КНР и разговаривать с Пекином менее вызывающим тоном. Приведет ли это к готовности признать неизбежность уступок в распределении ролей и серьезных перемен в глобальном миропорядке, в мировой финансово-экономической системе? Сомнительно. Несмотря на всю очевидность невозможности для Китая стать серьезным соперником США в ближайшие десятилетия, Вашингтону крайне сложно отказаться от идиосинкразии по отношению к возвышению Китая. Ему очень трудно допустить мысль о том, что Китай может, хотя бы и в отдаленной перспективе, стать с ними вровень в каких-либо важных отношениях.

Более вероятной представляется несколько большая терпимость Вашингтона к упрочению роли КНР как региональной державы. Пекин с большим или меньшим основанием рассчитывает на то, что США умерят свою активность в выстраивании барьеров на пути усиления его позиций в ЮВА и АТР. Но это в немалой степени будет зависеть также и от отношений с другими ведущими региональными державами, прежде всего Японией и Индией.

За годы, истекшие с момента принятия курса на рыночные реформы и открытость, внешнеполитическая стратегия и тактика Пекина претерпели основательные изменения, адекватные постепенной трансформации экономической стратегии. При этом определенная преемственность сохраняется. Постепенно уходит в прошлое завещанное Дэн Сяопином утаивание намерений и возможностей, хотя осторожность и осмотрительность при проведении внешнеполитических акций сохраняется. В Китае сегодня редко вспоминают о маоистской концепции «трех миров», но КНР по-прежнему рассматривает развивающиеся страны как своих друзей и партнеров. Пекин не отказался от идеи неучастия

в союзах, но это не помешало ему стать одним из основателей Шанхайской организации сотрудничества, играть активную роль в переговорах «шестерки» по ядерной проблеме в КНДР.

По мере укрепления своей экономической мощи и своих геополитических позиций в мире КНР проявляет все больше готовности брать на себя и выполнять важные обязательства в сфере безопасности, противодействия рукотворным и стихийным угрозам мирному существованию человечества, совместного решения проблем развития. Китай придает все больше значения тому, чтобы выглядеть в глазах всего мира ответственной державой, реализация национальных интересов которой не входит в противоречие с интересами других народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документы

На китайском языке

Да луньчжэн. Цзянь го илай чжунъяо луньчжэн шилу. Ся цэ: Ши и цзе сань чжун цюаньхуэй илай [Большая дискуссия. Материалы важных дискуссий с момента создания КНР. Т. 2.: После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва] / Гл. ред. Лю Юн, Гао Хуаминь. Чжухай, 2001. 455 с.

Дэн Сяопин сысян няньпу [Хроника идей Дэн Сяопина.] 1975—1997. Пекин, 1998. 468 с.

Чжао Цзыян. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шисаньцзе чжунъян вэйюаньхуэй ди сань цы цюаньти хуэйи шан ды баогао. (Доклад на 3-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва). http://www.cass.net.cn/zhuant/y/yd/yd_j_106.htm

Чжу Жунцзи чжуань [Биография Чжу Жунцзи] // [http://www.srjx.cn/book/wx/js/ZHU/zhu10\(2\).html](http://www.srjx.cn/book/wx/js/ZHU/zhu10(2).html)

Чэнь Юнь няньпу. И цзю лин у — и цзюцзю у. Ся цэ. [Хроника жизни Чэнь Юня. 1905—1995. Т. 2]. Отдел изучения документов ЦК КПК / Гл. ред. Чжу Цзяму. Пекин, 2000. 460 с.

Ши и цзе сань чжун цюаньхуэй илай дан ды лица цюаньго дай-бяо дахуэй, чжунъян цюаньхуэй чжунъяо вэньцзянь сюань бян. [Сборник важнейших документов всекитайских съездов и пленумов ЦК КПК после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва]. Пекин, 1997. 510 с.

Ши эр да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь [Избранные важнейшие документы после XII съезда КПК]. Пекин, 1986.

Шисань да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь. Ся цэ. [Избранные документы после XIII съезда КПК. Т. 2]. Пекин, 1993.

Шисы да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь. Шан цэ. [Избранные документы после XIV съезда КПК. Т. 1]. Пекин, 1996.

Статистические справочники

На русском языке

Экономика КНР. (По материалам «Экономического ежегодника Китая, 1981» Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981 нянькань). Составитель и ответственный редактор, автор введения В. И. Ванин. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. Вып. 1. 199 с. Вып. 2. 178 с.

На китайском языке

Чжунго тунцзи няньцзянь 2008. [Статистический ежегодник на 2008 г.]. 1027 с.

Чжунго тунцзи чжайяо. [Выборочная статистика по Китаю]. 2005—2008. Пекин.

Чжунхуа жэньминь гунхэго 2008 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао [Статистическая сводка о народнохозяйственном и социальном развитии КНР в 2008 г.] // Государственное статистическое управление КНР. 2009. 26 февраля.

На английском языке

OECD Factbook 2008: Economic, Environmental and Social Statistics.

Key Indicators for Asia and the Pacific. ADB. 2008. On-line edition.

The CIA World Factbook 2008. P. 801.

WHO Statistical Information System. World Health Statistics. 2008.

Ежегодники

На китайском языке

Сыин цие ланьпишу. Чжунго сыин цие фачжань баогао [Синяя книга о частных предприятиях. Доклады о развитии частных предприятий в Китае]. Пекин, 1999—2005. № 1—6.

Шэхуэй ланьпишу Чжунго синши фэньси юй юйцзэ [Синяя книга об обществе. Анализ и прогноз положения в китайском обществе] / Гл. ред. Жу Синь, Лу Сюэи, Ли Пэйлинь. Пекин, 2003—2008.

Цзинцзи ланьпишу. Чжунго цзинцзи синши фэньси юй юйцзэ. [Синяя книга по экономике. Анализ и прогноз положения в экономике Китая] / Гл. ред. Лю Гогун, Ван Лолин, Ли Цзинвэнь. Пекин, 2005—2008.

Чжунго гайгэ пингу баогао [Доклады по оценке реформ] / Гл. ред. Чи Фулин. Пекин, 2005—2008.

Чжунго голи баогао. Цун жэньцзюнь GDP тупо и цян мэй юань кань Чжунго шэхуэй бяньцянь. [Доклад о национальной мощи Китая. Изменения в китайском обществе после преодоления рубежа в 1000 ам. долл. на человека] / Гл. ред. Лянь Юэмин и У Цзяньчжун. Пекин, 2005. 458 с.

Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклады о международном положении Китая]. Чжан Ювэнь, Хуан Жэньвэй и др. Пекин, 2004—2008

Чжунго сяньдайхуа баогао. 2005. Цзинцзи сяньдайхуа яньцзю. Чжунго сяньдайхуа чжаньлюе яньцзю кэти цзу. Чжунго кэсюэюань Чжунго сяньдайхуа яньцзю чжунсинь [Доклады по модернизации Китая]. Проблемная группа по изучению стратегии модернизации Китая. Центр изучения модернизации Китая Академии наук Китая]. Руководитель проблемной группы Хэ Чуаньци. Пекин, 2005—2009.

Чжунго фачжань яньцзю. Гоуюань фачжань яньцзю чжунсинь яньцзю баогао сюань [Исследования развития Китая. Сборник исследовательских докладов Центра исследований развития при Госсовете КНР] / Гл. ред. Ма Хун и Ван Мэнкуй. Пекин, 2003—2008.

Чжунго цзинцзи синши юй фачжань. Гоуюань фачжань яньцзю чжунсинь цзинцзи байпишу [Положение и развитие экономики Китая. Центр исследований развития при Госсовете КНР. Белая книга по экономике]. 2002—2003 и 2003—2004. Гл. ред. Ма Хун и Ван Мэнкуй. Пекин, 2003—2004.

Чжунго цзинцзи цзэнчжан баогао [Доклады об экономическом росте Китая]. Центр исследования национальных счетов и экономического роста Пекинского университета. Пекин, 2005—2008

Чжунго цзюйминь шоуужу фэньпэй няньду баогао [Ежегодные доклады о распределении доходов населения]. 2004—2006.

2004—2005 Чжунго юй шицзе. Цзинцзи фачжань хуэйгу юй чжанван [Китай и мир в 2004—2005 гг. Ретроспектива и перспектива экономического развития]. Пекин, 2004.

На английском языке

World energy outlook 2007. China and India insight. International Energy Agency.

OECD Reviews of innovation policy. China synthesis report. 2007.

Литература**На русском языке**

Бергер Я. М. Социальные процессы в современной китайской деревне. АН СССР. ИНИОН. М.: ГРВЛ, 1986, 269 с,

Бони Л. Д. Китайская деревня на пути к рынку (1978—2002 гг.). М.: ИДВ РАН, 2005. 528 с.

Борох О. Н. Современная китайская экономическая мысль. М., 1998. 294 с.

Галенович Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: ИДВ РАН, 2006. 391 с.

Ганшин Г. А., Ушаков И. В. Китай. Экономико-географический очерк. М., 2004. 270 с.

Глобализация экономики Китая / Ред. В. В. Михеев. М., 2003. 391 с.

Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России. Отв. ред. Л. В. Новоселова. М.: ИДВ РАН, 2009. 256 с.

Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. М.: Моск. Центр Карнеги, 2005. 647 с.

Кондрашова Л. И. Китай ищет свой путь / Науч. ред. д.э.н. А. В. Островский, д.э.н. В. И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 2006. 310 с.

Кранина Е. И. Экологические проблемы устойчивого развития современной китайской деревни. М.: ИДВ РАН, 2008. 208 с.

Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай—Россия 2050: стратегия со-развития. М.: ИДВ РАН, 2006. 653 с.

Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа. ИДВ РАН, Китайский центр экономических исследований при Пекинском университете, Гонконгский центр экономических исследований. Пер. с китайского / Науч.

редактор академик РАН М. Л. Титаренко. Отв. редактор д.э.н. А. В. Островский. М., 2001. 367 с.

Люди и идеи. К 540-летию ИДВ РАН. Отв. редактор А. В. Островский. М., 2006.

Островский А. В. Формирование рынка рабочей силы в КНР / Отв. ред. П. М. Кожин, В. И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 2003. 455 с.

Подъем Китая: значение для глобальной и региональной безопасности. Сб. статей международной научной конференции / Ред. А. Н. Карнеев. М., 2007.

Портяков В. Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2006. 247 с.

Портяков В. Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина / Отв. ред. д.э.н. В. И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 1998. 237 с.

Портяков В. Я. Экономическая реформа в Китае (1979—1999 гг.). М.: ИДВ РАН, 2002. 177 с.

Потапов М. А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. М., 2004. 236 с.

Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы / Научный руководитель проекта и авторского коллектива М. Л. Титаренко / Отв. ред. В. И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 2005. 409 с.

Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, МГИМО (У) МИД РФ. Ред. А. В. Лукин. М., 2007. 204 с.

Россия и Китай. Сотрудничество в условиях глобализации / Научный руководитель проекта и авторского коллектива М. Л. Титаренко / Ответственный редактор В. И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 2005. 398 с.

Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978—2002 гг.) / Отв. ред. Э. П. Пивоварова. М.: ИДВ РАН, 2004. 279 с.

Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996—2050 гг.) / Отв. ред. М. Л. Титаренко. М., 2002. 198 с.

Экономика Китая вступает в XXI век / Общая редакция и предисловие М. Л. Титаренко, руководитель авторского коллектива И. Н. Наумов. М.: ИДВ РАН, 2004. 310 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. М., 2004. 480 с.

На китайском языке

Ван Шишэн, Юй Тяньсинь. Вого кэчисюй фачжань вэньти ды таньсо. [Анализ проблем устойчивого развития Китая]. Пекин, 2004. 423 с.

Ван Цзиньшуй. Чжунго чжэнфу цзинчжэнли тишэн ды чжаньлюе фэньси. [Стратегический анализ повышения конкурентоспособности китайского правительства]. Пекин, 2007. 292 с.

Вэйлай чжи лу: цюань цю цзинцзи юй цзиньжун тиси чжун ды Чжунго. [Дорога в будущее: Китай в мировой экономической и финансовой системе]. Гл. ред Цзи Баочэн. Пекин, 2004. 291 с.

Гоцин юй фачжань. Чжунго у да цзыбэнь дунтай бяньхуа (1980—2003) юй чанъюань фачжань чжаньлюе. [Специфика страны и развитие. Эволюция пяти капиталов (1980—2003) и стратегия долгосрочного развития]. Пекин, 2005. 217 с.

Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао [Доклад об исследовании страт современного китайского общества] / Гл. ред. Лу Сюэи. Пекин, 2002. 411 с.

Ли Цян. Чжуаньсин шици Чжунго шэхуэй фэньцэн. [Стратификация китайского общества в период трансформации]. Ляонин, 2004. 391 с.

Ли Юн. Вого цзюйминь шоужу фэньпэй ды лилунь юй шицзянь. [Теория и практика распределения доходов населения в Китае]. Чжэнчжоу, 2007. 249 с.

Лин Чжицзюнь. Бяньхуа. 1990 нянь — 2002 нянь Чжунго шилу [Перемены. Реальная хроника Китая в 1990—2002 гг.]. Пекин, 2003. 496 с.

Линь Ифу. Цзеду Чжунго цзинцзи мэй ю сянчэн моши [Для интерпретации китайской экономики нет готовой модели]. Пекин, 2007. 290 с.

Линь Шаньян. Чжунго хэсинь цзинчжэнли. [Ключевая конкурентоспособность Китая.] Пекин, 2005. 410 с.

Лун Мин. Вэйшэммо нэн лянь цян вэньчжоу жэнь [Почему вэчжоусцы умеют зарабатывать деньги]. Пекин, 2005. 274 с.

Лю Гогуан сюаньфэн ши лу. [Подлинные записи о вихре Лю Гогуана]. Пекин, 2006. 446 с.

Лю Ли. Чжунго: чжэнь мянь гоцзи цзинцзи моча. [Китай перед лицом международных экономических трений]. Пекин, 2004. 228 с.

Лю Тао. Чжунго цзюеци цэ [Курс на возвышение Китая]. Пекин, 2007. 236 с.

Люй Шучжэн. Наньфан таньхуа ихоу ды Чжунго [Китай после бесед на юге]. Пекин, 454 с.

Лян Чжу. Чжунго цзинцзи хоуфа юши юй ганьчао чжаньлюе [Преимущества позднего развития и стратегия догнать и перегнать]. Пекин, 2002. 160 с.

Сай Цзян. Цзули. Инсян Чжунго шэхуэй цзинцзи фачжань ды чжунда вэньти [Противодействие. Серьезные проблемы, влияющие на социально-экономическое развитие Китая]. Пекин, 2005. 213 с.

Суй Цзянь. Гоцзи хуаньдин юй Чжунго ды чжаньлюе цзюй ци [Международная обстановка и период, благоприятствующий китайской стратегии]. Пекин, 2004. 384 с.

У Цзинлянь. Чжунго цзэнчжан моши сюаньцзэ [Выбор Китаем модели роста]. Шанхай, 2005. 222 с.

У Цзинлянь. Чжуаньгуй Чжунго [Китай меняет колею]. Чэнду, 2002. 362 с.

Ху Аньган. Инсян цзюецэ ды гоцин баогао [Доклады о ситуации в Китае, влияющие на решения]. Пекин, 2002. 451 с.

Ху Аньган. Чжунго: миньшэн юй фачжань [Китай: жизнь народа и развитие]. Пекин, 2008. 392 с.

Ху Аньган. Чжунго цзюеци чжи лу [Путь возвышения Китая]. Пекин, 2007. 395 с.

Ху Аньган. 2020 Чжунго цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй [Китай 2020: всестороннее строительство общества среднего достатка]. Пекин, 2007. 105 с.

Ху Аньган. Чжунго: синь фачжань гуань [Китай: новый взгляд на развитие]. Ханчжоу, 2004. 316 с.

Цай Фан, Линь Ифу. Чжунго цзинцзи гайгэ юй фачжань [Реформа и развитие китайской экономики]. Пекин, 2003. 296 с.

Цзинцзи цюаньцюхуа юй Чжунго цзинцзи аньцюань [Глобализация экономики и экономическая безопасность Китая] / Гл. ред. Ши Чжунлян. Пекин, 2003. 244 с.

Цюаньцюхуа тяочжань Чжунго [Глобализация бросает вызов Китаю] / Гл. ред. Ху Аньган. Пекин, 2002.

Чжан Ювэнь. Суй Минци. Цзинцзи цянго — Чжунго хэпин цзюеци ды цюши юй мубяо [Экономическая держава — тенденции и цели мирного возвышения Китая]. Пекин, 2004. 436 с.

Чжан Цзяньсин. Чжунго цзюеци. Тунсян даго чжи лу ды Чжунго цэ [Возвышение Китая. Китайская дорожная карта становления великой державы]. Пекин, 2005.

Чжан Чжаньвэнь. Хэсе цзэнчжан Чжунго цзинци ды вэйлай [Гармоничный рост — будущее китайской экономики]. Шанхай, 2006. 359 с.

Чжанван Чжунго 2008 [Взгляд на Китай 2008]. Пекин, 2007. Ч. 1. 240 с. Ч. 2. 220 с.

Чжао Хайцзюнь. Цзинци Чжунго [Китай экономический]. Пекин, 2005. 344 с.

Чжун Ин. Цзыбэнь ды цзицин юй лисин. Гайгэ кайфан илай ды чжэнцюань шичан [Горячка и рациональность капитала. Рынок ценных бумаг за время реформ и открытости]. Пекин, 2003. 605 с.

Чжунго вай цзы цзинци фачжань сяньчжуан баогао [Доклад о современном состоянии развития экономики иностранного капитала в Китае]. Гл. ред Гао Цзинсюэ. Пекин, 2008. 242 с.

Чжунго гайгэ кайфан ши. [История реформ и открытости в Китае]. 3-й сектор Отдела изучения истории партии ЦК КПК. Шэньян, 2002.

Чжунго гайгэ кайфан 20 нянь ши [История 20 лет реформ и открытости в Китае]. Шэньян, 1998.

Чжунго да чжаньлюе. Ху Аньган. чжу бянь [Большая стратегия Китая / Отв. ред. Ху Аньган]. Ханчжоу, 2003. 337 с.

Чжунго жухэ «цзоучуюй» [Как Китай «выходит за пределы»]. Рабочая группа по открытой стратегии «выхода за пределы». Центральная партшкола ЦК КПК. Пекин, 2003. 326 с.

Чжунго кэчисюй фачжань цзунван Чжунго кэци чуаньсинь юй кэчисюй фачжань [Общая панорама устойчивого развития Китая. Научно-технические инновации и устойчивое развитие Китая] / Гл. ред. Фан Синь. Пекин, 2007. 341 с.

Чжунго моши юй «Бэйцзин гунши» чаоюе «хуашэндунь гунши» [Китайская модель и «Пекинский консенсус» выходят за пределы «Вашингтонского консенсуса»] / Отв. ред. Юй Кэпин и др. Пекин, 2005. 434 с.

Чжунго чжунчанци фачжань ды чжунъяо вэньти 2006—2020 [Важные проблемы среднесрочного и долгосрочного развития Китая 2006—2020] / Гл. ред. Ван Мэнкуй. Пекин, 2005. 404 с.

Чжунго юй цюаньцюхуа: «Хуашэндунь гунши» хайши «Бэйцзин гунши». [Китай и глобализация: «Вашингтонский консенсус» или «Пекинский консенсус»] / Гл. ред Хуан Пин и Цуй Чжюань. Пекин, 2005.

Чжунго шэхуэй синши фэньси юй юйцзэ: 2007 [Анализ и прогноз социального положения в Китае:2007]. Пекин, 2006.

Чжунгун чжунъян чжэнчжицзюй цзити сюэси ди 1—33 цы чжунти цзеду [Пояснения к основному содержанию с 1-й по 33-ю сессию коллективной учебы Политбюро ЦК КПК]. Пекин, 2006.

Ян Цзишэн. Дэн Сяопин шитай. [Эпоха Дэн Сяопина]. Пекин, 1998. Т. 1, 2.

На английском языке

Chi Lo. Understanding China's Growth: Forces that Drive China's Economic Future N.Y. Palgrave Macmillan, 2007.

China in the Global Economy China in the World Economy The Domestic Policy Challenges. OECD, P. 2002. pp. 779

China in the Global Economy. Reforming China's Enterprises. OECD. P. 2000. pp. 1—129.

Dreaming with BRICs: The Path to 2050// Global Economics Paper 2003 October 1st No: 99.

He Jianwu, Li Shantong, Polaski S. China's economic prospects 2006—2020. Carnegie Papers. Trade, Equity and Development Program. # 83. April 2007. 56 p.

Kennedy P. The rise and fall of the great powers. Random House. 1987. 677 p.

Ramo J. The Beijing consensus. The Foreign policy centre. 2004. L. 79 p.

Ren Ruoen. China's economic performance in an international perspective. Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), 1997. 165 p.

Maddison A. Chinese economic performance in the long run. P. Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), 1998. 184 p.

ПЕРЕЧЕНЬ ДИАГРАММ

1. Крупнейшие экономики мира в 2007 г.
2. Структура ВВП по странам.
3. Рост ВВП по странам в 2003—2007 гг.
4. Рост индекса потребительских цен в странах БРИК в 2005—2007 гг.
5. Рост ВВП и потребление энергии в 1980—2007 гг.
6. Доля добавленной стоимости в ВВП по секторам в 1978—2008 гг.
7. Доля сектора услуг в ВВП некоторых стран Азии в 2002 и 2006 гг.
8. Темпы роста ВВП, экспорта, инвестиций и розничной торговли потребительскими товарами в 2001—2005 гг.
9. Вклад в прирост ВВП экспорта, инвестиций и потребления в 2002—2006 гг.
10. Удельный вес сбережений в ВВП в Китае и других странах.
11. Структура ВВП по расходам в 1978—2007 гг.
12. Расходы на конечное потребление в 1978—2007 г.
13. Остаток на счетах в среднем на душу городского и сельского населения в 2002—2006 гг.
14. Доля инвестиций в основные фонды в ВВП.
15. Темпы роста финансовых доходов государства и среднедушевых семейных доходов городского и сельского населения в 2001—2005 гг.
16. Финансирование инвестиций в основные фонды в городе и деревне в 2005 г.
17. Доля фирм, предлагающих обучение персоналу.
18. Владение сертификатами ISO и расходы на НИОКР в Китае и других странах в 2005 г.
19. Уровень доверия компаний к судебной системе КНР и других стран.
20. Уверенность компаний в стабильности и предсказуемости интерпретации чиновниками правил их деятельности.
21. Доля отечественных и иностранных компаний, участвующих в коррупции.
22. Структура инвестиций в основные фонды в городах по типам собственности предприятий.

23. Доля инвестиций в основные фонды к ВВП в некоторых развитых и развивающихся странах в 2006 г., %.
24. Темпы роста ВВП и внешней торговли в 2002—2006 гг.
25. Доля экспорта и импорта в ВВП в 1978—2007 гг.
26. Основные направления экспорта в 2007 г.
27. Стоимость экспорта и импорта в 1978—2007 гг.
28. Рост золотовалютных резервов в Китае и других странах в 2002—2007 гг.
29. Официальный обменный курс доллара США к национальной валюте КНР в 2005—2007 гг.
30. Чистый остаток ПИИ КНР за рубежом на конец 2005 г.
31. Экспорт и импорт высокотехнологичной продукции в 1996—2006 гг.
32. Производство и экспорт высокотехнологичной продукции в 2000—2006 гг.
33. Расходы на НИОКР по странам и их доля в ВВП в 2005—2006 гг.
34. Источники финансирования НИОКР в 2003—2007 гг.
35. Численность занятых в научно-технической деятельности, персонал НИОКР и число ученых и инженеров.
36. Число заявок на патенты и патентов, выданных в 2003—2007 гг.
37. Распределение персонала НИОКР по секторам в 2006 г.
38. Распределение расходов на НИОКР в 2003—2007 гг. по видам деятельности.
39. Распределение персонала НИОКР в научно-исследовательских институтах по видам деятельности в 2003—2007 гг.
40. Удельный вес фундаментальных и прикладных исследований и опытных разработок в расходах на НИОКР по странам.
41. Численность студентов, обучающихся за рубежом и возвратившихся на родину в 1978—2007 гг.
42. Расходы на НИОКР и их доля в добавленной стоимости в 2006 г.
43. Эмитенты долговых обязательств.
44. Рыночный непогашенный объем облигаций на конец августа 2007 г.
45. Инвесторы в долговые обязательства.
46. Доля неторгуемых акций в совокупной капитализации по отраслям.
47. Удельный вес Китая в запасах, добыче и потреблении полезных ископаемых.
48. Рост ВВП и потребления энергии в 1980—2007 гг.

49. Добыча, потребности и импорт нефти в Китае и развитых странах в 2020 г.
50. Потребление воды на единицу ВВП и добавленной стоимости в промышленности в 2000—2007 гг.
51. Структура земельного фонда.
52. Пахотная площадь в 1996—2006 гг.
53. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в 10-й пятилетке.
54. Структура потребления энергии в 1978—2007 гг.
55. Расходы на предотвращение загрязнения окружающей среды.
56. Удельный вес возрастных групп в общей численности населения старше 60 лет.
57. Численность населения Китая в 2000—2020 гг.
58. Сбор зерна в 1996—2007 гг.
59. Соотношение располагаемых (чистых) и имущественных доходов городского и сельского населения в 2001—2006 гг.
60. Рост и структура чистого дохода сельских домохозяйств в 1990—2007 гг.
61. Рост чистого дохода сельских домохозяйств по группам с различным уровнем доходов в 2001—2007 гг.
62. Число госпредприятий и численность занятых в 1978—2007 гг.
63. Активы, доход и прибыль госпредприятий в 1978—2007 гг.
64. Рост инвестиций в некоторые отрасли промышленности в 2004—2006 гг.
65. Удельный вес налогов и сборов в сумме продаж предприятий по типам собственности.
66. Основные страны-доноры использованных ПИИ в КНР в 2007 г.
67. Распределение ПИИ по отраслям в 2007 г.
68. Рост прямых иностранных инвестиций в 1990—2007 гг.
69. Распределение ПИИ по типам предприятий в 2007 г.
70. Предприятия с иностранным капиталом на конец 2007 г.
71. Профессиональное происхождение частных предпринимателей в 1993—2006 гг.
72. Число больничных коек и численность медперсонала в 1998—2007 гг.

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Место Китая в мире по некоторым экономическим показателям.
2. Оценки ВВП КНР и некоторых других стран и районов.
3. ВВП и накопленные зарубежные инвестиции Китая и развитых стран в 2005 г.
4. ВВП на душу населения (по ППС) в Китае и некоторых развитых и развивающихся странах и районах.
5. Доля 12 стран в мировом ВВП.
6. Потенциал экономического роста США и Китая в XXI веке.
7. Основные показатели «общества развития» в Китае.
8. Характеристика действующей парадигмы экономического роста и ее трансформации.
9. Доля Китая и других ведущих стран-экспортеров в мировом экспорте.
10. Доходы и расходы пожилых людей в городе и деревне.
11. Прямые иностранные капиталовложения в Китай, Японию и Корею в 1980 и 2004 гг.
12. Удельный вес предприятий с иностранным капиталом в экономике КНР в 2006 г.
13. Территориальное распределение реально использованных прямых иностранных инвестиций в 2006 г.
14. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Китае и мире (годы жизни).
15. Численность медицинских работников в Китае и мире (2000—2006 гг.).
16. Расходы на здравоохранение.
17. Расходы на здравоохранение в расчете на душу населения.
18. Стандартизованные по возрасту коэффициенты смертности в Китае и мире (на 100 тыс. населения в 2002 г.).
19. Основные направления вложения 4 трлн юаней инвестиций за период с IV квартала 2008 г. до конца 2010 г.

Именной указатель

Андреева Н. В. 78
Баженова Е. С. 78
Белокурова Г. В. 78
Бергер Я. М. 78
Бернанке Б. 432, 433
Бо Чжуннэнь 65
Бони Л. Д. 16, 78
Борох О. Н.— 47, 77, 78, 338
Браун Л. 273
Буш Дж. 432, 434, 491
Ван Сяодун 490
Ван Тао 186
Ван Цзянь 454
Ван Чжидун 373
Вильямсон Дж. 45
Виноградов А. О. 78
Волкова Л. А. 16, 78
Вэй Цзе 337
Вэнь Цзябао 143, 146, 158, 167, 256, 271, 329, 366, 379, 407, 408, 421, 478
Гайтнер Т. 434
Гао Ди 121
Гао Лян 224
Гао Сяоцин 188
Гао Шанцюань 8
Го Даоли 93
Горбачев М. С. 118, 132
Гринспен А.
Гэ Хуаюн 479, 480
Дайлами М. 475
Дин Давэй 442
Дун Фужэн 390
Дэн Сяопин 3, 23, 46, 58, 70, 105, 107—109, 111, 114, 116, 118—125, 127, 129, 131, 137, 138, 341, 349
Ельцин Б. Н. 132
Жигулева В. В. 78
Жэнь Жоэнь 85, 86
Жэнь Чжицян 425

- Зелик Р. 475
И Ган 95
Каменнов П. Б. 78
Карлусов В. В. 78
Карнеев А. Н. 47
Кейдел А. 86—88
Кейнс Дж. 481
Кеннеди П. 67
Коледенкова Н. Н. 78
Кондрашова Л. И. 77
Конфуций 57, 490
Коркунов И. Н. 16, 78
Кранина Е. И. 78
Кругман П. 475, 476
Круис Т. 186
Кузык Б. Н. 76
Лан Сяньпин 327, 338
Ли Дэминь. 120
Ли Дэшуй 366, 371
Ли Жуйхуань 120, 121
Ли Жунжун 316
Ли Пэйлинь 400
Ли Пэн 112, 121, 131
Ли Сяньнянь 104
Ли Сяонань 326
Ли Хэ 124
Ли Цзинвэнь 77, 92, 93, 95, 459
Ли Цзяньгэ 417
Ли Шаньтун 89
Ли Шэньмин 441
Лин Хэ 117
Линь Ифу 58, 93, 204, 223, 441, 475
Ломанов А.В. 47, 78
Лу Цяньцзинь 476
Лун Юнту 203, 476
Лю Вэй 93
Лю Шучэн 92
Лян Юцай 94
Лю Гогун 62, 63, 92
Лю Кэгу 472
Лю Шучэн 463
Ма Сяохуа 416
Ма Юй 371
Май Тяньшу 69
Майлафия О. 434
Мандел Р. 95
Мао Цзэдун 22, 23, 47, 58, 120
Мао Юйши 274, 276, 277, 278, 427

- Мизес Л. 17
Михеев В. В. 78
Муромцева З. А. 78
Мэддисон А. 84—87
Мэнцзы 57
Наполеон 7
Наумов И. Н. 77
Новоселова Л. В. 78
Ню Вэньюань 438
Обама Б. 434, 482
Островский А. В. 78
Петухов И. А. 78
Пивоварова Э. П. 78
Поласки С. 58
Полсон Г. 433, 442
Портяков В. Я. 77
Потапов М. А. 78
Почагина О. 78
Прутков К. 16
Путин В. В. 491
Рамо Дж. 45—47
Сакс Дж. 432
Се Тяньюй 229
Си Цзиньпин 81
Смил В. 273
Сорос Дж. 95
Стиглиц Дж. 161
Сун Цян 489
Сунь Липин 63, 205
Сунь Ятсен 6, 22
Сунь-цзы 46
Сюй Сяньчунь 93, 95
Тань Ялин 488
Терентьева Т. Г. 78
Титаренко М. Л. 76, 77
У И 374
У Цзинлянь 65, 159, 327, 330, 376
Уолф М. 433
Фань Ган 335
Фергюсон Н. 476
Фогель Р. 85
Ха Цзимин 464, 465
Хай Вэнь 95
Хайек 7
Хольц К. 85
Ху Аньган 23, 38, 99
Ху Цзиньтао 46, 60, 70, 142, 143, 159, 384, 405, 419
Хуан Мэнфу 390

- Хуан Пин 49, 55—57
Хуан Фупин 116—121, 123
Хуан Цзису 490
Хэ Цзяньбу 89
Цай Фан 454, 473
Цай Чжичжоу 93
Цзо Юйшу 189
Цзян Цзэминь 70, 120, 126, 384
Ци Шижу 70,
Цю Сяохуа 192
Цянь Вэньжун 456
Цянь Чэньдань 70
Чжан Вэйвэй 49, 53—55
Чжан Вэйин 65
Чжан Вэнькуй 372
Чжан Лицин 434
Чжан Сюйу 399
Чжан Сяобо 489
Чжан Цзяньхуа 433
Чжан Чуньлинь 318
Чжан Чжоюань 163, 312, 325, 326
Чжао Цзыян 108, 109, 111—114
Чжоу Дади 192
Чжоу Жуйцзинь 117, 118, 120, 131
Чжоу Сяочуань 481, 482
Чжоу Тяньюн 169—171, 390
Чжоу Эньлай 22
Чжу Жунци 92, 117, 118, 119—121, 131, 472
Чи Фулинь 134, 331
Чуванкова В. В. 78
Чэн Сывэй 187, 261, 386, 393
Чэнь Ситянь 123—125, 133
Чэнь Цинтай 367
Чэнь Юнь 104, 105, 108, 109
Шабалин В. И. 78
Ши Чжихун 117
Шмидт Г. 95
Шумпетер Й. 473
Шэнь Дили 477
Юй Кэпин 49, 50, 58, 59
Якубовский В. Б. 78
Ян Дунпин 401
Ян Жуйлун 65
Ян Июн 464
Ян Чжэньшань 391
Янь Цифа 209

Предметный указатель

- Автомобилестроение 345, 451
Автомобильные дороги 460, 464
Авторитаризм, авторитарная власть 7, 8, 11—14, 496, 497, 500
Агломерации городские 272
Аграрная сфера 17, 105, 108, 302, 415, 446
Агрегат М 2 457
Академия наук Китая 228, 229
Академия общественных наук Китая 413, 442, 453
Активная финансовая политика 457, 458
Акции
 класса «А» 243, 244, 245, 247, 249, 258
 класса «В» 243, 244
 класса «Н» 243, 244, 247
 торгуемые и неторгуемые 245—247, 256, 258
Акционеры мажоритарные и миноритарные 246, 247
Акционирование предприятий 256, 257, 258, 315, 325, 329, 333, 379
Алюминиевое сырье, алюминий 263, 264, 267, 268
Американо-китайские отношения 475—477, 483
Антидемпинговые расследования 204, 210
Антимонопольное законодательство 325, 376
Аренда 306, 307
Банк Китая 240, 247, 259, 335, 377, 452
Банки
 государственные коммерческие КНР 314, 331, 333—336, 376, 378, 379, 383, 389, 394
 инвестиционные США 440, 452
 целевые («политические») КНР 250, 252, 254
Банкротство 318—320, 327
Бедность 24, 35, 406, 421
Безработица 167, 444, 445, 447, 448, 453, 501
Безопасность
 национальная и региональная 508, 517
 продовольственная 276, 277, 304, 305
 финансовая 333, 378
 экологическая 286
 экономическая 367, 368, 372, 374, 375

- Биржа
Гонконгская 246, 249, 335
Шанхайская 243, 245, 246, 249, 335, 375, 394, 442
Шэньчжэньская 246, 249, 394
Большая стратегия 22, 41, 61
Бонды
казначейские 250—252
целевые 252, 254
Бренды 366, 375, 376
БРИК 234, 474, 482
Бюджет 383, 389, 390, 404, 437, 443, 458, 463, 470
Бюрократизм 183
Валюта международная резервная 479—482, 484
«Вашингтонский консенсус» 45, 48, 49, 58
Векселя 254
Венчурные фирмы 229, 386
Вестернизация 73, 524
Виртуальная экономика 437
Водные ресурсы 268, 269
Водный промысел 286
Волостно-поселковые предприятия 21, 304
ВСНП сессии
1-я 10-го созыва 166
4-я 10-го созыва 256, 271, 329, 379
ВТО 14, 243, 332, 344, 348, 350, 353, 355, 357, 393, 397, 442, 474, 503
Газ природный 263—265, 283
Гегемонизм 506
Геополитика 36, 436, 516
Гепатит 420, 421
Глобализация 13, 22, 40, 49, 64, 233, 430, 924
«Голубые фишки» 240, 24, 247
Госсовет КНР 219, 335, 373, 374, 390, 391, 402, 418, 425, 448, 457, 465
Государственная инвестиционная холдинговая компания 261
Государственное статистическое управление КНР 287, 366, 405
Государственно-частная кооперация 465
Государственные предприятия 313—329, 334, 335, 337, 394
Государственные комитеты
по контролю и управлению госсобственностью Госсовета КНР 317, 319, 322, 326
по развитию и реформам Госсовета КНР 368, 460
«Гуаньси» 355
Двуокись серы 284
Деидеологизация 499
Демократия, демократизация 11, 12, 13, 15, 50, 52, 58, 69
Денежно-кредитная политика 213, 261, 456, 457
Депозиты 241, 246

- Деревня 17, 24, 300—309, 468
Дефляция 451
Диаспора китайская 339, 339, 341, 503
Дифференциация общества 303, 379, 405—407, 456
Дисбаланс полов при рождении 296, 502
Добавленная стоимость в промышленности 389
Дожди кислотные 272
Долг государственный внутренний 465, 472
Доллар 437, 438, 480, 483
Домохозяйства 185, 196
Достаточность собственного капитала банков 335
Доходы населения 19, 24, 35, 111, 12, 260, 301—306, 385, 404, 456, 459, 469
Единственные дети 295, 297
Железная руда 263, 264, 267
Забастовка 453
Зависимость экономики внешняя 203, 430
Загрязнение
 атмосферы 282, 283, 288
 внутренних вод 285, 288
 морской акватории 286
 окружающей среды 158, 164, 281, 288, 289, 313, 363
Займы государственные строительные 458, 465
Занятость 32, 134, 190, 296, 389, 444, 445, 447, 473
Заработная плата 208, 210, 328
«Зеленый ВВП» 26, 284, 287, 288, 290, 299
Земельный фонд 270
Землепользование 304, 307, 468
Зерно 273—278, 300—302
«Золотой миллиард» 4, 5, 154
Золотовалютные резервы 110, 205—208, 213, 214, 433, 437, 438, 471, 483
Зоны свободной торговли 474
Евро 479, 483
Идентичность 505, 524
Идеологическая борьба 477
Импорт 200, 202, 210, 267, 273, 278, 279, 298
Инвестиции 186, 187, 188, 191, 194, 195, 202, 212, 215, 244, 261, 330, 331, 344, 345, 353, 394, 395, 450, 452, 457, 459, 462—466, 472, 479, 510
Инвестиционный климат 14, 193, 194, 349, 362, 503
Инвестиционный бум 330
Инвесторы
 квалифицированные иностранные институциональные (QFII) 244, 250, 257, 258
 квалифицированные отечественные институциональные (QDII) 248
 стратегические 244, 255, 256, 258, 338, 378
Индекс Джини 164

- Индекс розничных цен (CPI) 405
Индустриализация 4, 34, 55, 56, 308
Инженерная академия Китая 229
Инкубаторы технологий 226, 228, 234, 235
Инновации 202, 218—238, 375, 386, 474, 509
Инновационная система национальная 509, 510
Интеллектуальная собственность 193, 211, 222, 233, 350, 367, 385
Инфляция 33, 110, 112—114, 148, 149, 438, 457, 481
Исследования фундаментальные 224, 225, 228, 231, 233
Кадастр земельный 272
Капитальное строительство 460, 461, 464, 466, 472
«Катерпиллер» 365
Кислотные дожди 284, 289
«Китаизация» 524
Китайская страховая компания «Чжунго жэньшоу» 240, 247
Китайский банк развития 254
«Китайская угроза» 476
Китайский банк развития сельского хозяйства 254
Китайский экспортно-импортный банк 254
Классовая борьба 121, 131
«Кока-Кола» 367, 376
Коллективное хозяйство в деревне 106, 277, 304, 305
Комиссия по регулированию рынка ценных бумаг КНР 245
Комиссия по ценным бумагам и биржам США 432
Коммерциализация
 жилья 424
 образования 406
Конкурентоспособность 220, 226, 248, 287, 304, 312, 329, 348, 371, 376, 430, 431
Конкуренция 61, 323, 324, 372, 375, 515, 517
Конституция КНР 128, 384, 391, 398, 399
Конфликты трудовые 444
Конфуцианство 5, 524
Концессии 108
Конфуцианство 172
Корпорации
 государственные КНР 325, 452
 транснациональные (ТНК) 64, 259, 322, 341, 344, 355, 356, 364, 365, 367, 371—376, 478, 483
Коррупция 110, 123, 161, 184, 193, 330, 355, 426—428, 465, 466, 515
Коэффициент Энгеля 20—21, 134
Кредитование 261, 335, 399, 452, 458
Крестьяне-рабочие 445, 448
Кризис
 Азиатский финансовый 1997—1998 гг. 141, 142, 186, 348, 398, 424, 425, 430, 441, 449, 457, 458, 463, 465, 473—475

- ипотечный в США 434, 437, 444, 456
финансово-экономический глобальный 271, 336, 428, 430, 435—438, 440—442, 449, 451, 471, 473, 474, 477, 519
«Культурная революция» 120, 173, 454
Легитимность власти 497
Леса 262, 279, 280, 313
«Либерализация буржуазная» 119
Ликвидность 454, 455, 457
Листинг 241, 245, 247, 249, 253, 258
«Ложные иностранные инвесторы» 345, 374, 393
Льготы 340, 344, 352, 357, 358, 360, 362, 363, 368, 393, 394, 502
Маоизм 500
Международный валютный фонд (МВФ) 479, 484
Менеджмент 247, 318, 337
Министерства КНР
 здравоохранения 418, 419
 коммерции 260, 349, 354, 374—376, 39, 450, 451
 национальных ресурсов 262, 272, 368
 охраны окружающей среды 286, 287
 труда и соцобеспечения 419
 финансов 250, 252, 317, 335
Мировой банк 26, 30, 164, 173, 183, 193, 283, 284, 289, 303, 318, 416, 451
Многополярный мир 506
Мобильность вертикальная 5
Модернизация 5, 13, 49, 50, 56, 59, 65, 68, 69, 70, 71, 95—98, 128, 143, 237, 345, 376, 395, 498
Монополизация 260, 324, 328, 334, 372, 374—376, 422
Монополия государственная 323—325, 329, 368, 389, 515
Налогообложение 354, 392, 393, 396, 425, 458, 466, 467
Народные коммуны 105, 128, 301
Национализация 306
Национальная мощь совокупная 23, 26, 127, 220, 516
Национализм 14, 376, 498
Национальное возрождение 523
Национальные интересы 505—507, 514
Недвижимость 194, 424—428, 433, 449—451, 465
Неоавторитаризм 497, 500
Неолиберализм 7, 58, 63, 311, 327, 435, 436
Неравенство социальное 405, 413
Неравномерное развитие 137, 138, 167
Нефтедобыча и нефтепереработка 392
Нефть 263—265, 283
НАОКР 202, 203, 219, 222—224, 228—233, 235—238, 364, 365
Номенклатура партийная, государственная 13
Норма резервирования 458
Обезземеливание крестьян 35, 160, 304, 306, 308

- Обеспеченность ресурсами 150, 262—280
Облигации 249—254, 452
 казначейские США 437, 456, 471
Обменный курс валют 208
Образование 36, 407
 высшее 404
 обязательное 9-летнее 402—404, 407
«Общество сяокан» 3, 4, 20, 23, 24, 57, 123, 136, 260, 345, 509
«Общество развития» 134, 400,
Окно демографических дивидендов 71, 172, 294, 512, 513
Олигархические группы 334
Опустынивание 281
«Опустевшие гнезда» 293
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 219
Оффшорные зоны 216, 342, 345, 393
Охрана окружающей среды 164, 286
Парадигма экономического роста 135, 136, 147—165, 199, 202, 209, 214, 441, 449, 455, 470
Паритет покупательной способности валют 26, 27
Парки высоких технологий 226, 228, 234, 235, 353
Пастбища 270
Патенты 227, 228, 233
Пашня, пахотный фонд 35, 262, 270—275, 277, 281, 313
Перегрев экономики 110, 449, 456, 463
Песчаные бури 281
Планирование 107
Плановая экономика 119, 126, 128, 160, 118, 323
«Пекинский консенсус» 45—49
Пенсии 295, 469
Пенсионный возраст 295
Пенсионный фонд 295, 296
Перевозки морские 268, 298
Пленумы ЦК КПК
 3-й 11-го созыва 18, 60, 115, 11, 122
 3-й 12-го созыва 108, 109
 2-й 13-го созыва 111
 3-й 13-го созыва 114
 2-й 14-го созыва 128
 3-й 14-го созыва 11, 128
 3-й 16-го созыва 138, 142, 259, 333, 390
 4-й 16-го созыва 390
 3-й 17-го созыва 305
«Плохие долги» 314, 335
Подряд семейный 21, 105, 128, 218, 277, 301, 305—307, 501
Постоянный комитет ВСНП 325, 329
Потребительское общество 438

- Потребительство 435, 437, 438
Прагматизм 499
Предприятия
 индивидуальные 383, 386, 387, 390, 398, 445
 кооперативные китайско-иностранные 352
 малые и средние 383, 389, 398, 446, 466
 совместные китайско-иностранные 351—353, 364, 366
 с полностью иностранным капиталом 352, 364
Приватизация 306, 315, 326, 327, 337, 387, 398, 418, 453
Приусадебные участки 307
Продовольствие 273, 274
Продолжительность жизни 410, 420, 421
Прожиточный минимум 30, 445, 469, 473
Производственные мощности избыточные 188, 189, 362, 451, 464
Производительность труда 210, 347, 348
Промышленная политика 468
Промышленно-торговый банк Китая 240, 259, 335, 452
Прописка 306, 309, 445, 446
Протекционизм 193, 350, 431, 465, 474, 476
Профицит внешнеторговый 199, 209, 210, 475
Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) 208, 214, 216
«Пузыри» 449, 450
Пятилетние планы социально-экономического развития КНР
 6-й 107, 266
 7-й 266
 8-й 128, 266
 9-й 150, 160
 10-й 62, 157, 159, 168, 199, 284, 326, 330, 347, 389, 390, 405
 11-й 37, 62, 198, 202, 203, 260, 269, 312, 368, 374, 390, 420, 467
Развивающиеся страны 440, 441, 451, 479
Размещение акций первичное (IPO) 240, 246, 249, 378
Распределение 129
Реальный сектор экономики 261, 329, 436, 437, 440, 441, 483
Ревальвация юаня 212—214, 240, 370
Рейтинг кредитный 253, 254, 394, 432
Рейтинговые агентства 254, 432
Рекламация земель 272
Реформа
 банков 320, 333—336, 379
 государственных предприятий 106, 241, 313—329, 383, 473, 500
 жилищная 423—425, 429
 здравоохранения 417—423
 образования 401, 402, 407, 408
 рынка ценных бумаг 245, 249, 256
 цен 111—113, 150, 502, 504
Рецессия 440, 447

- Риэлтерские сделки 428, 451
Рождаемость 71, 290, 296, 502, 513
Рынок труда 444, 445, 448
Семья 395, 403
Свинец 264, 267, 282, 286
Сельское хозяйство 111, 269, 300, 307
Слияния и поглощения 248, 255, 258, 260, 316, 344, 355, 356, 365, 367, 371, 372, 374—377, 478
Смертность 410, 420, 421, 513
Смешанная экономика 382
Собственность 305, 312, 318, 325—327, 334, 382, 384, 399
Современных предприятий система 128, 167
Социализм 42, 43, 59, 116, 117, 122, 123, 127, 133, 327
 начальный этап 128
Социалистическая рыночная экономика 42, 43, 118, 126—129, 160, 349, 359, 384
Социальная ориентированность экономики 441
Социальное обеспечение 315, 418, 456, 459
Специальные экономические зоны (СЭЗ) 108, 122, 124, 126, 218, 339, 340, 359, 392
СПИД 420, 421
Спрос 110, 111, 205, 350, 436, 438, 452, 473
Средний класс 257, 260, 396
Стабильность 349, 405, 502, 517
Ставка
 кредитная 434, 437
 по депозитам 457
 рефинансирования 457
Сталь 264, 265—291
Старение населения 291, 292, 303, 502, 513
Стихийные бедствия 469
Стоки промышленные 272, 285, 289
Стратегический шанс 71
Страхование
 медицинское 313, 414, 417—419, 422, 465
 по безработице 447
 по старости 295, 302, 313, 465, 469
Строительный банк Китая 241, 259, 335, 377
Судебная система 181, 182, 193, 320
Съезды КПК
 XII 23, 107
 XIII 109
 XIV 125, 127, 128, 349
 XV 312, 384, 385
 XVI 3, 24, 70, 95, 136, 140, 152, 308, 312, 315, 332, 384, 385, 390
 XVII 25, 34, 37, 138, 218, 220, 257, 374, 384, 385, 419, 509

- Сырье минеральное 262, 267, 268
«Сяган» 326
Технологии
 ключевые 364, 367
 новые и высокие 220, 221, 229, 347, 351, 372, 383, 385, 474
Технопарки 234
Товарное хозяйство 126
Тоталитаризм, тоталитарная власть 11, 12, 42, 498
Транспортный банк 240
«Три представительства» 385
Трудовые контракты 445
Туберкулез 420
Убыточность предприятий 314, 315
Углекислый газ 284
Уголь 263—265, 282—284
Удельное потребление энергии 151
Управление корпоративное 257
Урбанизация 134, 270, 278, 284, 306—309, 470
Урегулирование экономики 104, 105, 107
Услуги 31, 148, 152—154, 201, 202, 236, 308, 345, 383
Уставный капитал 354, 355, 385
Утечка госсобственности 315, 337, 363
Утечка капитала за рубеж 391
«Утечка мозгов» 233
Факторы производства 385
Федеральная резервная система США 432
Ферросплавы 451
Финансовая политика 186, 394
Финансовая система
 КНР 331—333, 44, 443
 мировая 432—438, 442, 477—478, 480, 482—485
 США 432
Фонды
 паевые инвестиционные 248, 258
 социального страхования 259
 хеджинговые 248, 258, 259
Фьючерсы 243
Химическое потребление кислорода 284
Хунвэйбины 454
Цветные металлы 265
«Цветные революции» 73
Цемент, цементная промышленность 264, 345
Ценные бумаги 243
Ценности традиционные 162, 165
Центральный банк (Народный банк Китая) 213, 214, 240, 250, 252, 254, 255, 333, 480

- Цивилизация 69, 435, 437, 439
Циклы экономического роста 266, 282, 330, 449, 450
Цинк 264, 267, 268
Частный капитал 13, 104, 106, 382—397, 418, 445, 501
Черная металлургия 268, 345, 451, 468
Шовинизм великодержавный 498
«Шоковая терапия» 49, 61,
Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) 46, 507, 508
Экология 35, 286, 287, 510, 511
Экологические нормы и правила 286, 287
Экологические службы 286, 287
Эксплуатация труда 363, 385, 502
«Экспорт демократии» 506
Экспортно-импортный банк Китая 209, 254
Эластичность потребления энергии 151
Электростанции 266, 284
Электроэнергетика 324
Элиты 13, 63, 138, 288, 500, 514, 515
Эмиссия денег 110, 213, 457
Энергетика 35, 191, 219
Энергетическая стратегия 283, 284
Энергия 266
Энергозатраты и энергосбережение 264, 313, 379
Энергоносители углеводородные 264, 267, 268
Эпидемия атипичной пневмонии 139, 140, 417
Эрозия почвы 281
Юань 458, 475—477, 480, 481
Bank of America 259
Bank of Scotland 259
Chimerica 476
China Mobile 241
Fannie Mae 456
Freddie Mac 456
G-2 476, 477
Goldman Sachs 259, 442
Pax Americana 518
Pax Sinica 518
PetroChina 241
SDR 480, 482, 486
Temasek 259

Chinese Economic Strategy

Summary

The principal objective of Chinese economic strategy is to establish a strong and wealthy nation. To achieve the goal China combines an active participation in globalization with deep reforming of its highly centralized economy and outdated social structure. The modernization is pushed forward mainly with close interacting of the authoritarian communist power on one hand and liberal market forces on another hand.

The set of Chinese strategic instruments does not remain unchangeable. It is being adjusted to different spheres and stages of development. A major change to be implemented in the nearest future is to transit from an extensive mode of economic growth used nowadays to an intensive one. The existing mode is grounded on unlimited utilization of cheap manpower and natural recourses. Its results are extending deterioration of environment and widening gaps between upper and lower strata of the society, between cities and countryside, between seaside and inner provinces. The future mode has to be much more based on innovation, technical progress, a rise of labor productivity, energy and resource saving.

To accomplish such a transition China needs to solve many complicated problems. The most essential one is to provide numerous economically active Chinese with effective jobs through further industrialization and urbanization. It might take several decades to have many hundred million peasants moved to cities and townships and to help them mastering new industrial professions and skills.

The transition presumes also reorientation of a substantial part of Chinese production from external markets to inner ones. That anticipates a large increase of purchasing power of the society. China needs to create a massive middle class which would include the majority of Chinese population. Promoting a mode of greater consuming to substitute the mode of

overwhelming saving is impossible without creating wider systems of social protection.

The task to transform a way of economic growth was set up in the nineties but its fulfillment did not start up to the beginning of this century when a new Chinese leadership of the fourth generation came to power. The significance of such a transformation has been especially stressed with growing economic and social imbalances and contradictions. The global financial crisis heavily undermining the potential of outer markets for Chinese production makes increasing inner consumption even more important.

Chinese economic achievements of later three decades have greatly changed the balance of power in the world. The global financial crisis might additionally enhance that trend in favor of China. It could strengthen Chinese position in the world financial architecture. Although the idea of G2 seems to be a fake China would take a growing participation in settling all major global issues as a responsible stakeholder.

Russia is a close strategic partner of China. The basic interests of both nations coincide or are very close to each other. That opens a great variety of options for cooperation in different fields of economic, political, social and cultural activities and on every level.

The Chinese approach to reforming its economic system contains a number of peculiarities which are caused with specific features of China cultural tradition, its huge dimension and a lower stage of development. At the same time there is very important and precious experience which should be carefully studied and might be borrowed by other nations including Russia.

- A steady, fast and relatively painless transition to market economy needs the guidance of a strong authority. The strength does not rely on a repressive mechanism but on legitimacy. It means that the majority of people should share and support the strategy pursued by the authorities.

- Definite policies to reform certain fields of economic entity are interconnected and integrated within a framework of general strategy. Understanding the holistic nature of such a strategy helps people to bear hardships connected with its implementation.

- Reforms are not subjected to any ideological incentives. They are pure pragmatic — at least theoretically. In fact as the Chinese market economy is defined as a socialist one it is impossible to eliminate completely ideological connotations but they are minimized.

- Economic transformations pave the way for political ones. It does not mean that all the political reforms are excluded till the end of performing economic reforms. But at large economy has a priority.

-
- Every reform is preceded and complemented with different measures to ensure its successful implementing. Sometimes that could extend the duration of reforming but definitely diminishes its negative results.
 - Reforming does not imply reaching at once the final stage and the best mode of transformation. Some intermeditory modes are usually used to go on later to better institutions and better ways of resource allocation.
 - Market reforms are pursued simultaneously with widening openness to the outer world.
 - The last but not the least lesson of Chinese reforms is that the reformers have to evaluate the outcomes of their efforts and correct them in due time.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПУТИ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ	18
1.1. Ближние и дальние ориентиры	18
1.2. Китайская модель	40
1.3. Мирное возвышение Китая	67
Глава 2. ПРОЕЦИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ НА ПЕРСПЕКТИВУ	76
2.1. Российские и западные прогнозы	76
2.2. Китайские прогнозы	92
Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ	103
3.1. Из истории формирования стратегии	104
3.2. Современный этап и новая концепция развития	133
3.3. Смена парадигмы экономического роста	147
Глава 4. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ОГРАНИЧИТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	168
4.1. Накопление и потребление	171
4.2. Экспорт	198
4.3. Инновации	218
4.4. Фондовый рынок	239
4.5. Ресурсные, экологические и демографические ограничители роста	262
4.5.1. Дефицит природных ресурсов	262
4.5.2. Экология	281
4.5.3. Демография	290
4.6. Аграрный комплекс	300

Глава 5. СУБЪЕКТЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	310
5.1. Государство	310
5.2. Иностраный капитал	339
5.3. Негосударственный национальный капитал	381
Глава 6. ГОСУДАРСТВО И РЫНОК В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ	400
6.1. Образование	401
6.2. Здравоохранение	410
6.3. Жилье	423
Глава 7. СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА	430
7.1. Корни глобального кризиса	431
7.2. Последствия глобального финансово-экономического кризиса для мировой и китайской экономики	440
7.3. Антикризисные программы	454
7.4. Посткризисные шансы и перестройка международного финансового порядка	473
7.5. Кризис и общественные настроения в Китае	487
Глава 8. КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ И РОССИЯ	493
8.1. Уроки китайских реформ для России	493
8.2. Российско-китайское стратегическое партнерство	505
Послесловие	515
Приложение	528
Библиография	528
Перечень диаграмм	537
Список таблиц	540
Именной указатель	541
Предметный указатель	545
Chinese Economic Strategy. Summary	555

Бергер Яков Михайлович
Экономическая стратегия Китая

Научное издание

Редактор *В. И. Шабалин*
Корректор *Н. Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С. Ю. Тарасова*
Техническое редактирование *Е. В. Белилиной*
Художник *Т. В. Иваншина*

Подписано в печать 13.07.2009.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 35,7. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

ЛР № 071629 от 20.04.98
Издательский Дом «ФОРУМ»
101000, Москва — Центр, Колпачный пер., д. 9а
Тел./факс: (495) 625-39-27
E-mail: forum-books@mail.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
Тел.: (495) 363-42-60
Факс: (495) 363-92-12
E-mail: books@infra-m.ru

Центр комплектования библиотек
119019, Москва, ул. Моховая, д. 16
(Российская государственная библиотека, кор. К)
Тел.: (495) 695-93-15

Магазин «Библиосфера» (розничная продажа)
109147, Москва, ул. Марксистская, д. 9
Тел.: (495) 670-52-18, (495) 670-52-19